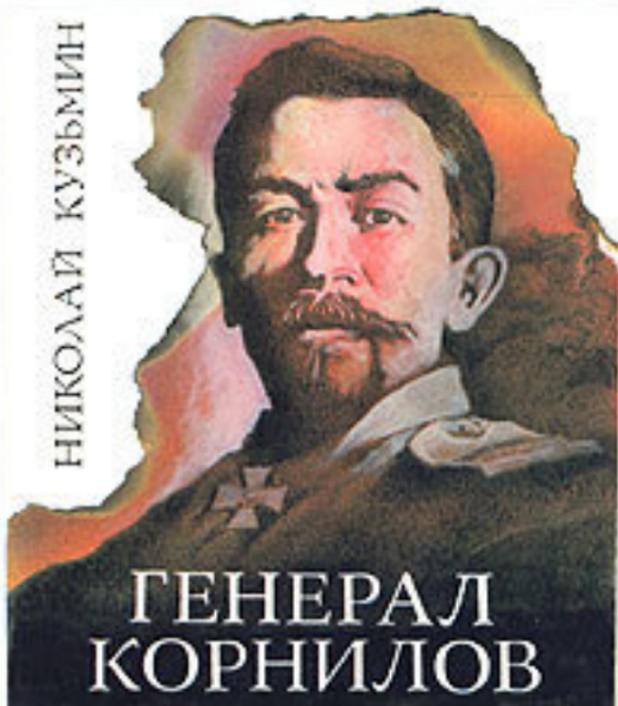

РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА

НИКОЛАЙ КУЗЬМИН

ГЕНЕРАЛ
КОРНИЛОВ

Николай Павлович Кузьмин

Генерал Корнилов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156656

Генерал Корнилов: Воениздат; Москва; 2001

ISBN 5-203-01798-0

Аннотация

На имени генерала Лавра Георгиевича Корнилова, возглавившего так называемый корниловский мятеж осенью 1917 года, десятилетиями лежала печать реакционера и мракобеса. В предлагаемой книге автор анализирует происшедшее и убедительно показывает, что затея с мятежом явилась чудовищной провокацией международных сил, ненавидевших Россию, ее мощь и православное вероисповедание.

Царский генерал Корнилов, истинный сын своей Родины, скорее фигура трагическая, ибо вовремя не сумел распознать скрытую подоплеку намерений мировой закулисы.

Содержание

От автора	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	103
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	150
ГЛАВА ПЯТАЯ	201
ГЛАВА ШЕСТАЯ	231
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	273
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	296
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	331
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	394
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	448
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	496
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	551
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	588
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	638
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	667
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	724
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	763
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	798
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	820
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	861
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	871

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
ВМЕСТО ЭПИЛОГА

899

932

Николай Павлович Кузьмин Генерал Корнилов

От автора

На имени генерала Лавра Георгиевича Корнилова, возглавившего так называемый корниловский мятеж осенью 1917 года, десятилетиями лежала печать реакционера и мракобеса. В предлагаемой книге автор анализирует происшедшее и убедительно показывает, что затея с мятежом явилась чудовищной провокацией международных сил, ненавидевших Россию, ее мощь и православное вероисповедание.

Царский генерал Корнилов, истинный сын своей Родины, скорее фигура трагическая, ибо вовремя не сумел распознать скрытую подоплеку намерений мировой закулисы.

Герой моего повествования генерал Лавр Георгиевич Корнилов, пожалуй, одна из самых одиозных фигур нашей новейшей истории. Сразу припоминается корниловский мятеж – отчаянная попытка «генерала-мракобеса» остановить колесо Истории, по-своему вмешаться в развитие российской смуты... Так нас учили сызмальства, так мы относились к Корнилову... Но потом я изменил свою точку зрения. Что

побудило меня к этому? И вообще, что стоит за внезапным интересом к личности этого генерала, к событиям, с ним связанным?

Прежде всего, как ни странно, мгновенный распад Советского Союза, как если бы рванули, образно говоря, подложенные под него бомбы с дистанционным управлением. Изготовлены и заряжены эти бомбы были еще в 1922 году, когда конституционно оформлялся Союз Советских Социалистических Республик, когда территориальный принцип царской России сменился этническим, то есть вместо бывших губерний на карте появились национальные республики и края. Осуществился генеральный план В.И. Ленина, заявившего с первых дней Октябрьского переворота всем «угнетенным националам»: берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить! И.В. Сталин, как известно, пробовал бороться с таким рискованнейшим построением великой державы, но Ленин обратился за помощью к Троцкому, а тот мгновенно мобилизовал всю свою бесчисленную партийную рать. Сталин принужден был отступить и уступить.

В Советской Конституции так и осталось право всех народов СССР на самоопределение (вплоть до отделения).

Дистанционный взрыватель ленинско-троцкистской бомбы тикал примерно 70 лет и оглушительно сработал в самом начале так называемой перестройки. И мы все этому живые свидетели.

В Алма-Ате, бывшем казачьем городке Верном, совре-

менные басмачи с университетскими значками кинулись избивать русскоязычных, а в Тбилиси началась наглая, грубая атака на главный столп любой державы – на армию.

Оба события, алма-атинское и тбилисское, воспринимаются теперь словно разрывы оглушительного артобстрела, начатого нашими вековыми ненавистниками. Замысел их отличался удивительной однолинейностью: алма-атинский погром списали целиком на русских «колонизаторов и оккупантов», тбилисский – на солдат и генералов, «злых, кровожадных», будто бы привыкших воевать не с врагом, а с беременными женщинами и старухами.

Не уходит из памяти невиданное остервенение, с каким набросились на командующего Закавказским военным округом генерала Родионова. Чего только не наговорили! Но вот он вышел на трибуну сессии народных депутатов, и мир увидел культурнейшего человека, патриота, пронизанного болью за судьбу страны и армии, развал которых начинался. Одинокое голоса патриотических изданий пытались перешибить хорошо организованный ор «демократических» кликуш. Стало известно, что командующий округом был избран в Верховный Совет страны в состязании с несколькими кандидатами-грузинами. Избиратели-грузины отдали предпочтение русскому генералу! Для них он был воистину свой человек, настолько свой, что в его честь служил молебен сам католикос Грузии Илия П.

Вся истерия с бессовестным поношением генерала-патри-

ота исходила от банды, что пробралась к кормилу величайшей державы планеты – Советского Союза. Имена этих прохвостов сейчас известны всем (прочтите список тогдашнего Политбюро). Позднее на Родионова науськали бывшего кокандского юриста, бывшего мэра града Петра Великого...

А дальше уже пошло, как говорится, по накатанному... Заверещала «демократическая» нечисть, над планетой понесся кликушеский вопёж: путч, вылазка, мятеж, переворот! Население могущественной державы погрузилось в трехдневную пучину кровопролития и экономического хаоса.

Как все похоже на то, что произошло 74 года назад, в такие же три дня тогдашнего августа!

О эти роковые месяцы конца нашего северного лета и начала осени! Вспомним: в августе 1914 года Россию втянули в ненужную и губительную войну с Германией; в августе 1917 года генерал-патриот Корнилов предпринял попытку остановить наглое разрушение державы, своей Родины; в августе 1991 года партийная мразь повергла наше с вами Отечество в неслыханные катастрофы.

Удивляться, впрочем, совершенно нечему, ибо и тогда и ныне против России выступала одна и та же сила – мощная, хищная, коварная, хорошо организованная.

Зеркальное отражение давних событий в нынешних скандывается во всем или почти во всем.

Тогда – «мятеж», теперь – «путч», «переворот»...

Тогда власть в самом центре быстро схватили ленинские

большевики – пожалуй, самая малочисленная из тогдашних партий. Теперь Кремль и Старая площадь мгновенно оказались в руках суетливых, жадных людишек, не имеющих никакого понятия о сложностях и тяготах управления громадным государством.

Тогда патриоты оказались под караулом в Быховской тюрьме, теперь же были злорадно брошены в зловонные камеры Матросской тишины.

Много, чрезвычайно много общего, поразительно похожего. Все совершалось словно по одному сценарию.

И даже последнее неслыханное злодеяние: октябрьский расстрел из танковых орудий парламента России словно копирует выстрел «Авроры» по Зимнему дворцу и варварский расстрел Московского Кремля из пушек.

Интерес мой к генералу Корнилову подогревался еще и сознанием того, что мы с ним земляки: оба увидели свет в далеком городишке Усть-Каменогорске, старинной казачьей крепостице на берегу Иртыша.

Повторяюсь: Корнилов традиционно подавался нашими официальными историками с чудовищною одиозностью. Что было делать, как разгрести завалы многолетней лжи (хорошо оплачиваемой теми, кто ее заказывал) и хотя бы приблизиться к истине?

Архивы... Приходилось клевать по зернышку из того, что попадало в руки.

Лавр Георгиевич Корнилов родился в семье служилого ка-

зака с Горькой линии (поселения сибирского казачества, построенные с петровских времен по всему течению Иртыша, начиная с места впадения реки в Обь и кончая озером Зайсан, возле самой китайской границы). Отец будущего полководца прослужил на коне четверть века и сумел получить первый офицерский чин – хорунжего. Выйдя в отставку, он уехал с семьей в небольшой степной городишко Каркаралинск и устроился там на гражданскую службу – писарем волостной управы. Мать Лавра Георгиевича была простая казашка из кочевого рода, обитавшего на левобережье Иртыша с тех времен, когда по необозримой степи промчались хищные тумены кровожадного потрясателя вселенной Чингисхана. Сильная кровь казахов предков сказывалась в облике Корнилова характерными скулами и узким разрезом глаз. О простонародном происхождении свидетельствовало и отчество – Егорович, как везде указывалось в «Послужных списках» (надо полагать, отца его по-станичному так и окликали: Егорка, Егор...). Благозвучная переиначка на «Георгиевич», видимо, появилась позднее, с повышением по службе Корнилова.

Незаурядная личность генерала убедительно иллюстрирует так называемую колониальную политику русского народа. В самом деле, подумать только: пришли и завоевали и Украину, и Казахстан (да и все без исключения республики, «нарезанные» волею большевиков из прежних, старорежимных российских губерний)! Уши глохнут от исступлен-

ного рева луженых глоток националистов. И редко кто припомнит, что те же Украина с Казахстаном буквально умоляли русского царя принять их под свою защиту и опеку, охранить от многочисленных врагов. При Богдане Хмельницком украинцы изнемогали от хищных крымцев и коварных поляков, а у степного хана Аблая недоставало сил защитить свой народ от джунгар, хивинцев и кокандцев.

Россия никогда и никого не завоевывала. К России, под руку русского царя («Всея и Великие, и Малые, и Белые...»), стремились сами – все слабые и угнетенные, изнемогающие от насилий. Так убегают под спасительный навес, когда над головой гроза. Казань? Крым? Астрахань? Коканд с Хивой? Но это же гнезда разбойников-налетчиков, оставшихся еще с Батыевых времен и существующих исключительно грабежом...

Весь облик Корнилова служит лучшим протестом на все наскоки малообразованных националистов.

На просторах Империи Российской («тюрьмы народов») смешивались и рождались самые разные народы. Корнилов продолжает славный список русских военачальников, в жилах которых текла смешанная с другой русской кровь: Багратион, Ермолов. Прибавим к ним Лорис-Меликова, князей Юсуповых и многих, многих других. У кого поднимется рука замахнуться на их исторические заслуги перед Россией?

Вот так и складывалось наше великое Отечество – в таком сплетении и в таком кровном родстве.

Россия со всем своим разнообразным населением неторопливо «сварилась» в многовековом котле, перемешавшем самые разнообразные нации и народности. На бескрайних просторах нашей Родины очень непохожие один на другого русские люди живут на Дону и Тереке, на берегах Амура и Байкала, в Вятке, Новгороде, Тюмени и на Алтае. Но всех их роднит и объединяет общая земля, один язык и неповторимая история.

Так было до недавних пор, пока верхушка КПСС («агенты влияния» западных спецслужб) не затеяла так называемую перестройку. Именно они, возглавив республики и регионы, принялись сеять национальную рознь, стравливать народы, ослепляя их взаимной ненавистью. Это они превратили нашу многонациональную державу в кровавый полигон смертельных войн.

Пора, мне кажется, положить предел позорным ярлыкам и клеймам, с которыми столько времени жили в нашей памяти многие из наших славных предков. Как упорно вдавливали нам, что царские генералы сражались против Революции исключительно потому, что защищали свои имения и капиталы, свои несметные богатства. Иными словами, были самыми примитивными шкурниками... Никто не спорит, имелись подонки и среди генералов. Крупные звезды на погонах отнюдь не свидетельствуют о высоких качествах характера...

Лавр Георгиевич Корнилов не имел в своем «походном ранце» ничего, кроме воинского долга. Это был типичный

представитель российского сословия, профессией которого была защита Родины, Отечества. Высокие его чины свидетельствовали всего лишь об уме, честности и отваге, доходившей до самопожертвования, этого человека.

Царская армия руководилась не одними «паркетными» генералами, ловкими придворными шаркунами, хватавшими чины и ордена в залах Зимнего дворца. Во главе русских стрелковых корпусов находилась целая плеяда «тягловых» военачальников, беззаветных служак, добывших свои немалые чины боевыми заслугами на поле брани. Таковы были Суворов, Кутузов, Ермолов, Скобелев, Деникин, Крымов и множество других. Лавр Георгиевич – из их числа.

Поступив в Омский кадетский корпус и окончив его, он продолжил свое образование в Михайловском артиллерийском училище, затем с отличием окончил Академию Генерального штаба. Настоящая военная косточка, он пошел по пути своего славного земляка Чокана Валиханова, человека знатного степного рода, чингизида, ставшего русским офицером. Корнилов стал крупным специалистом по Среднему Востоку, изучил несколько языков (писал стихи на фарси), четыре года провел в Пекине на посту русского военного агента. На войне с Японией награжден орденом св. Георгия, на полях первой мировой войны удостоился высшего чина: генерал от инфантерии.

Люди долга обычно не заживаются на свете. Завидное долголетие свойственно приспособленцам. Лавр Георгие-

вич, возглавив русскую Добровольческую армию, погиб в бою под Екатеринода-ром (Краснодаром) в возрасте 48 лет.

Над телом убитого генерала-патриота несколько дней мстительно глумилась интернациональная сволочь.

Над его памятью десятки лет глумились кремлевские историки-лизоблюды.

Л.Г. Корнилов – наша слава и наша национальная боль.

К сожалению, он никогда не выйдет на трибуну и не ответит своим врагам, как генерал Родионов...

Генерал Корнилов – фигура трагическая. С ним поступили точно так же, как с членами августовского ГКЧП и с руководителями российского парламента, – его умело, коварно подставили.

Как поведать о нем, о его судьбе?

Стану рассказывать так, как открывал и постигал жизнь и эпоху этого великого человека для самого себя, избрав литературный жанр романа-хроники.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бедная жизнь на песках, иссушаемых солнцем, заставляла туркмен заниматься разбоем. Обильную поживу давали набеги на богатых персов. Вылазки делались и на север: к хивинцам и в Адаевские степи.

Отрядами налетчиков командовали суровые и опытные предводители – сардары. Замыслив очередной набег, сардар втыкал перед своей кибиткой копьё, украшенное конским хвостом. Каждый, кто хотел отправиться за добычей, приходил и втыкал рядом свое. Когда копий собиралось достаточно, сардар велел седлать коней.

Большой оазис под названием Ахал возник и разросся на самом краешке пустыни перед грядою невысоких желтых гор. Место удачное: тут сплетались две речки – Мургаб и Кушка. Вода и отвага здешних сардаров привлекали в Ахал множество людей со всех концов Туркестана. С годами здесь образовалось что-то вроде азиатской Запорожской сечи. Кровь жителей смешалась в поколениях: хивинцы, узбеки, персы, пуштуны. Воинственное племя стало называть себя «ахал-теке» («новые люди»).

Налетчики, ходившие на север, на полуостров Мангышлак, принесли вести, что адаевские казахи попросились под высокую руку ак-падишаха – белого царя. После этого на юг по берегам Сырдарьи стали продвигаться русские войска.

Поселение Геок-Тепе сардары приказали обнести сплошной глинобитной стеной. Несколько башен придавали городку вид неприступной крепости. Русскими солдатами командовал генерал Скобелев, прозванный туркменами ак-пашой (он неизменно появлялся на белоснежном жеребце и в белом кителе). Оборону крепости возглавил отважный сардар Дыкма. Ему помогали Курбан и Муса. Последний приходился отцом отчаянному смельчаку Гельды Гелю.

У русских были пушки. Снаряды разбивали стены крепости, словно пух. Глина не могла соперничать с металлом.

Однажды ночью сардар Курбан велел своим воинам раздеться донага. С кинжалами в зубах люди поползли на русские позиции. Темные тела воинов слились с песком. Бесшумная атака нанесла армии Скобелева громадный урон: текинцы вырезали больше батальона. Лишь на исходе ночи загремели выстрелы. Налетчики вернулись в крепость, захватив раненых и убитых. В той дерзкой ночной атаке погиб отчаянный Гельды Гель.

Наутро рассвирепевший Скобелев скомандовал общий штурм. Ахнули орудия. От стен взметнулась глиняная пыль. В провалы устремились русские солдаты.

Сардар Муса, не успевший похоронить своего сына, прямо на крепостной стене опустился на колени и стал молиться. Он заявил: «Не хочу жить в Ахале, если он достанется гяурам!» Набежавшие солдаты подняли его на штыки.

Крепость Геок-Тепе пала, взятая русскими с боем. Сардар

Дыкма попал в плен. Текинцы, проиграв сражение, ожидали яростной расправы. Так поступил бы каждый командующий, потеряв прошедшей ночью несколько сот солдат, зарезанных во сне. Однако ак-паша не допустил разбоя: велел накормить пленных и сделать перевязки раненым.

Великодушие русских ошеломило побежденных. Выходит, врали почтенные муллы, страшая правоверных неистовою злобой гяуров? Ни с раненых, ни с пленных не упало и волоса! Важные медлительные старики собрались на совет. Что делать дальше? Не сам ли Аллах, да будет вечно его имя, послал текинцам русского ак-пашу, отважного и грозного в бою, но милосердного после сражения?..

Решение аксакалов – белобородых старцев обрадовало генерала Скобелева. Текинцы сделали исторический выбор: они отдавали свой народ под высокую руку ак-падишаха. В знак доверия к самому ак-паше, храбрейшему и милостивому победителю, старейшины отрядили целый отряд из уцелевших воинов. Отныне они станут надежными нукерами русского сардара Скобелева.

Следующей целью генерала являлись укрепления Асхабада. Впереди своих войск ак-паша ехал в окружении текинских всадников. Природные конники, туркмены легко переносили длительные переходы. На полпути к Асхабаду им встретился большой отряд, торопившийся к защитникам Геок-Тепе. Текинцы из конвоя поскакали вперед, заговорили на своем языке.

Подъехавший Скобелев был встречен дружелюбно. Крепость Асхабад без боя принимала условия сдачи.

Обширный Закаспийский край стал новой провинцией (губернией) Российской Империи.

После знойного, испепеляющего лета русские войска появились на границах Бухарского эмирата. Освобождения из неволи ждали тысячи русских рабов в Коканде. Отряд полковника Столетова предпринял скрытный рейд на Сарыкамыш. Затем он пересек безводные пески, вышел к самому побережью Каспийского моря вблизи персидской границы и на песчаной пустоши, сжигаемой свирепым солнцем, заложил крепость Красноводск. Здесь обосновался постоянный русский гарнизон...

Блестяще завершилась русская экспедиция на Алай. Выносливые пензенские лошаденки втащили пушки на перевалы Сары-Могук и Арчат-Даван.

Генерал Скобелев, отправляясь в Петербург, забрал с собою сардара Дыкму и его пятилетнего сынишку Ураза. Пленный сардар полюбил своего победителя. Прежде чем отправиться далеко на север, в чужую столицу, Дыкма встретился со старейшинами племени. Он уезжал надолго и хотел поделиться с сородичами плодами своих ночных раздумий. Он напомнил старикам, что лазутчики из-за Пянджа подбивали текинцев всеми силами сопротивляться русским. Двое таких лазутчиков погибли при штурме Геок-Тепе. Их тела удалось похоронить тайно, незаметно для русских. Секрет лазутчи-

ков ушел в песок пустыни, как вода. Пусть навсегда туда же, в песок, уйдут их лживые заверения. Они страшали текинцев ужасами русских зверств. Где эти зверства? Кто их видел? Ак-паша не унизился до мести. Орел мух не ловит! Для людей пустыни наступает новая жизнь. Отставшего от каравана рвут трусливые шакалы, а презренные трусы ловят пулю затылком.

В заключение Дыкма важно произнес:

– Коран говорит – победителю повинуйся. Но русские завоевали нас не только силою оружия, а и своей добротой, и только они имеют право быть нашими господами!

Скобелев, узнав о речи Дыкмы, улыбнулся. Совершилось важнейшее для России дело. Недаром в туркестанские пески, в самые глухие гарнизоны, вызывались служить лучшие офицеры русской армии. На его глазах выросла целая плеяда генералов-освободителей (впоследствии все они покроют себя славой в Балканских войнах). Передовые, образованные люди, как правило владевшие местными языками, эти офицеры своими глазами видели жестокое владычество эмиров, беков и ханов. Сыновья крестьян, учившиеся на медные деньги, они тем не менее содрогались от безудержной свирепости местных правителей... Освободители с севера были одеты в военные мундиры, но под казенным сукном у них билась сердца, сострадающие чужой боли. И местным муллам приходилось поневоле укрощать свое религиозное неистовство...

В Петербурге генерал Скобелев представил Дыкму императору Александру III.

Раззолоченные придворные с любопытством разглядывали важного текинца в шелковом малиновом халате и огромной белой папахе. На поясе, затянутом на тонкой юношеской талии, висел кривой кинжал в серебряных ножнах. Дыкма держался с большим достоинством. Из-под густых кудрявых завитков папахи холодно взирали орлиные глаза. Рядом с ним стоял мальчик в таком же малиновом халате и лохматой папахе. Необыкновенных гостей сопровождал генерал Скобелев в парадном мундире, с завесой орденов по всей груди. Он же служил переводчиком.

В Зимнем дворце совершалось очередное великое событие: русская империя отодвигала свои южные границы к Пянджу, упираясь в отроги Гиндукуша. Оттуда, из-за горных круч, сюда, в пески Прикаспия, постоянно проникали самые искусные лазутчики Великобритании. Англичане заботливо воздвигали надежный щит перед жемчужиной своей империи – Индией. В последние годы английские секретные агенты были замечены в Адаевских степях, на Мангышлаке. Взятие русскими войсками крепости Геок-Тепе нанесло убийственный удар по колониальным планам вездесущих англичан.

В чертогах Зимнего дворца глаза придворных уже видели перед собой заискивающих князьков, эмиров, ханов, разряженных в национальные одежды. Вождь племени текинцев

не походил ни на одного из них. Его костистое лицо в рамке белой бороды казалось испеченным на горячих головешках. Немолодое тело было поджарым и мускулистым. Перед русской знатью стоял суровый воин, а не любитель пиршеств и гарема. Таким же воителем подрастал и его смуглый сынишка, старавшийся во всем подражать своему отцу.

Царица, невысокая красавица, ласково обратилась к надменному Дыкме и о чем-то заговорила. Тот невозмутимо выслушал перевод. Императрица высказалась в том смысле, что никогда не бывала в их краях и хотела бы иметь что-нибудь на память о родной земле сардара. Вождь решительно сорвал с головы свою лохматую папаху, затем, взяв сынишку за плечо, толкнул его вперед. Скобелев быстро перевел: «Гость предлагает русскому императору свою голову, а императрице поручает своего единственного сына Ураза».

Царица прослезилась и притянула к себе диковатого мальчишку.

Маленького Ураза поместили в Пажеский корпус. Он получил воспитание наравне с лучшими людьми русского общества, офицером пошел служить в гвардейскую кавалерию. Наезжая в родные места, скидывал мундир и облачался в пару толстых халатов, водружал на голову громадную отцовскую папаху-тельпек. Гости бесконечно чествовали, резали баранов. Угощение затягивалось допоздна. У раз соблюдал кочевой этикет. Он первым подходил к старикам и задавал обязательный вопрос: «Аманлык му?» («Здоров ли?») На

традиционное: «Кэмэ хабар?» («Какие новости?») – неторопливо выкладывал все интересное, что помнилось из столетнего житья-бытья. Таков был вековой обычай. Он замечал хмурые лица почтеннейших мулл и всеми силами избегал ввязываться с ними в спор. Он понял то, чего никак не соглашались понять они. Конечно, русские пришли сюда с оружием в руках, но разве народа коснулось хоть маленькое разорение? Чем, спрашивается, были кишлаки вокруг колодцев? Настоящими разбойничьими гнездами. Хорошо и прибыльно было сардарам, но не бедноте. Нет, новые хозяева оказались лучше старых.

Поздней ночью Ураз выходил из войлочного шатра и долго стоял под звездами. Пустыня источала дневное тепло и молчала. Каким далеким казался отсюда блестящий Петербург! Жаль, приезжать на родину с каждым годом удается все реже. Все время, все заботы Ураза забирали обязанности эскадронного командира.

* * *

Такой кавалерии, как в России, не имела ни одна из стран. Совершенно уникальным видом войск были казачьи полки, а также конники из областей Северного Кавказа, Туркестана и Закаспийского края.

Кавказ раньше других окраин признал власть белого ца-

ря. Горцы, рыцари долга и чести, обязались быть надежной опорой трона. Молодые люди из различных родов и племен образовали так называемую Дикую дивизию. В состав дивизии входили шесть полков: Ингушский, Черкесский, Татарский, Кабардинский, Дагестанский, Чеченский. Командовал дивизией младший брат царя – великий князь Михаил.

Туркмены из племени теке долгое время составляли личный конвой генерала Скобелева. Молодой, в расцвете сил генерал неожиданно скончался. Эта загадочная смерть чем-то напоминала внезапный уход из жизни Павла I и Петра III. Туркмены остались без своего кумира. Однако были живы чувства долга, доблести и чести. Природные воины, текинцы шли служить русскому царю на своих конях и со своим холодным оружием. От казны им выдавались лишь погony, винтовки и жалованье. Сначала они составляли Туркменский дивизион. Затем, уже накануне войны 1914 года, распоряжением императора Николая II дивизион переименовали в Текинский конный полк.

Геройски показал он себя в напряженных боях весной 1915 года, когда весь русский фронт был смят и деморализован стремительным наступлением генерала Макензена. 28 мая в сражении под Черными Протоками текинцы развернулись в лаву и, протяжно воя, ринулись на австрийские окопы. Плотный огонь пулеметов косил отважных всадников ряд за рядом. С громадными потерями полк выполнил задачу: сбил австрийцев. После этого текинцев вывели в резерв – на от-

дых и переформирование.

Молоденький хан Хаджиев нашел свой полк в захудалой польской деревушке. Он только что окончил Тверское кавалерийское училище и получил назначение младшим офицером в 4-й эскадрон Текинского полка. Каждый новичок в гвардейской кавалерии получал кличку «зверь». Эскадронным командиром «зверя» Хаджиева являлся штаб-ротмистр Ураз-сардар, сын легендарного Дыкмы.

Когда из Петрограда пришло известие о царском отречении, офицеры Текинского полка возмутились. Мнение было общим: если бы конвой императора составляли туркмены, не случилось бы никакого отречения. Царскую подпись под манифестом вырвали силой...

Генерал Алексеев, начальник штаба в Ставке, обманул императора, убедив его, что русская армия отвернулась от своего государя. Высший генералитет сговорился не выпускать царя из своих рук. Алексеев намеренно задержал царский поезд на станции Тосно и направил его в Псков, в штаб Северного фронта.

Генерал Рuzский – изменник, негодяй. В Пскове он, как рассказывают, позволил себе даже кричать на государя!

Прежний командир текинцев полковник Зыков был ранен в последнем бою под Черными Протоками. Полк принял барон Кюгельген. Отношение к нему было настороженным: в бою его еще не видели.

Первое революционное распоряжение по армии носило

название «Приказ № 1». Отныне среди военных отменялось старое титулование и отдавание чести/Вечером в офицерском собрании командир 2-го эскадрона штаб-ротмистр Натанзон выпил лишнего и высказался так:

– Да, господа, была у нас армия, великая армия. А что сейчас? Какой-то сброд, уличная сволочь. Нет, России нужна твердая власть с железной рукой. Петр Первый нужен! В первую очередь следует разогнать и перерезать этот совет собачьих депутатов. Оттуда вся зараза идет. А уж после этого разберемся... со всеми предателями, со всеми негодьями!

Командир 3-го эскадрона ротмистр Бек-Узаров недоумевал:

– Почему государь так легко сдался? Но мы не вложим своих ятаганов в ножны! Наш враг еще живой!

Принимать присягу Временному правительству офицеры отказались наотрез – они же присягали ак-падишаху...

Командир полка пришел в отчаяние. Открытое неповиновение? Бунт? Он пустился уговаривать. Разве сам государь не освободил их от присяги? Взял и отказался от престола – словно сбежал со своего поста, по сути дела, дезертировал! Не принял трона и царский брат. С кем же армия? Кому она служит? Народу? Ну так и надо присягнуть народу. В конце концов, всю процедуру с принятием присяги можно так организовать, что ни один из комитетчиков ни о чем не догадается!

Полковник сообщил, что ему дали знать, что завтра утром

в Текинский полк явится делегация (избранные на батальонных митингах). Новое начальство будет присутствовать на церемонии принятия присяги Временному правительству. Эту революционную процедуру рекомендовалось провести с возможной торжественностью.

Офицеры расходились хмурые. Приходилось подчиняться обстоятельствам.

Ураз-сардар, эскадронный командир Хаджиева, мрачно произнес:

– Россия была могучей, когда во главе ее стоял один акпадишах. Теперь она будет носиться по морю крови, как лодка со сломанным рулем...

Утром в штаб полка приехало несколько комитетчиков – пехотных солдат в разбитых сапогах, в истрепанных шинелях и с красными бантами на груди.

Эскадроны Текинского полка поразили пехотинцев необыкновенной пестротой одежд. Своей военной формой азиатские всадники выделялись из всей гвардейской кавалерии. Вместо мундиров – халаты: красные, синие, зеленые. На головах – громадные курчавые тельпеки, надвинутые низко на глаза. Смуглые лица всадников поражали выражением энергии, решимости. Комитетчикам стало неудобно. Им казалось, что из-под низкого края папах сквозь курчавые бараньи завитки на приехавших смотрят не глаза, а винтовочные дула.

В каждом эскадроне выделялся почтенный седобородый

всадник в папахе, обвязанной зеленой лентой. Это были священнослужители, эскадронные муллы.

Один из комитетчиков вполголоса спросил, почему ни у одного в строю нет красного банта. Барон Кюгельген с готовностью пояснил:

– Мы мусульмане, господа. Наш цвет – зеленый.

– А знамя? – И комитетчик показал на полковой штандарт: – Почему не сняли императорский вензель?

– Побойтесь Бога, господа, – притворно изумился Кюгельген. – Мы же за него кровь проливали!

Тем временем к полковому штандарту на прекрасном гнедом коне выехал величественный старец. Его тельпек был обвязан белой лентой. Это был полковой мулла. Белый цвет повязки на папахе свидетельствовал, что этот человек совершил священный хадж – путешествие на родину пророка, в Мекку.

– А теперь помолчим, господа, – проговорил Кюгельген. Старик с белой повязкой на тельпеке поднял руки кверху и запел высоким протяжным голосом. Эскадроны отозвались сдержанным угрюмым вздохом. Опустив руки, старик помедлил, затем обеими ладонями провел по своим щекам, соединив кончики пальцев внизу бороды. Громко, внятно он произнес: «Омин!» После этого полковой мулла отъехал и занял свое место в строю. Процедура принятия присяги завершилась.

Комитетчики с подозрением посматривали на рослого,

породистого Кюгельгена. Командира полка распирало чувство исполненного долга. Солдатишка, похожий на ежа, с запущенной щетиной на нездоровом лице, желчно заметил, что так не присягают. Кюгельген изобразил крайнее изумление и барским жестом развел руки.

– Господа, надо же учитывать национальные особенности!

– Что ты заладил: господа, господа! – закипятился солдатишка. – Нету теперь господ, скинули!

Товарищи дернули его за рукав и стали собираться. Они спешили убраться подобра-поздорову...

По соседству, на южном фланге, стояла дивизия графа Келлера, сподвижника славного Скобелева. Граф отказался приводить дивизию к присяге. Его немедленно отстранили от командования. В другой дивизии с начальником ее, старым генералом, случился разрыв сердца... Все чаще распространялись вести о жестокой расправе солдат над офицерами. Текинцы ворчали: «Взбесившаяся собака лает на хозяина!»

Ураз-сардар, командир 4-го эскадрона, получил отпуск и отправился на родину. Исполнять его обязанности Кюгельген назначил Хаджиева. Потянулись тревожные недели. В Петрограде, во Временном правительстве, военными делами стал заправлять Гучков. Однако наравне с правительством образовался Совет рабочих и солдатских депутатов и стал понемногу забирать власть в свои руки. После Приказа № 1, отменившего старорежимное титулование и отдавание че-

сти, Совет спустил в войска Приказ № 2, призывавший солдат не только не подчиняться золотопогонникам, но и истреблять неугодных офицеров. Барон Кюгельген ежедневно собирал командный состав полка. В эскадронах покуда удавалось соблюдать порядок, петроградская пропаганда в казармы не проникала. Комитетчики после первого раза объезжали нелюдимый Текинский полк стороной. Сколько могло продолжаться такое оазисное положение?..

Штаб-ротмистр Натанзон, презрительно цедя слова сквозь зубы, высказал пожелание скорей отправиться на передовую. Там не до митингов, не до пропаганды... О готовящемся наступлении поговаривали постоянно. С планами летнего наступления связывался и завтрашний вызов барона Кюгельгена в Каменец-Подольск, в штаб армии.

Из поездки командир полка вернулся необыкновенно быстро и привез ворох новостей. На русскую армию свалилась череда перемещений высших лиц. Пост Верховного главнокомандующего снова занял великий князь Николай Николаевич (он был снят в сентябре 1915 года и отправлен на Кавказ). Однако Временное правительство не утвердило великого князя и назначило генерала Алексеева. Текинцы презрительно кривили губы: как видно, за заслуги, за то, что в самую решительную минуту предал ак-пади-шаха... Новые назначения получили генерал Гутор и Брусилов... Самой же главной новостью было назначение генерала Корнилова командовать войсками 8-й армии. На днях он подал в отстав-

ку с поста командующего войсками Петроградского военного округа.

Последнее назначение вызвало живейший интерес текинцев. Имя генерала Корнилова знал каждый офицер. В молодые годы нынешний командующий армией служил в Туркестане и объездил все уголки этого пустынного, знойного края. Несколько раз он с риском для жизни отправлялся в загадочный Кашгар. Отправлялся, переодевшись дервишем: в лохмотьях, под чужим именем. Затем воевал в Маньчжурии, с японцами, пережив позор Мукдена и Ляояна. Перед войной он четыре года провел в Китае на посту русского военного агента.

В 1916 году все русские газеты наперебой кричали о Корнилове. Печальной весной 1915-го, во время панического отступления русской армии под натиском Макензена, генерал Корнилов со своей Стальной дивизией прикрывал отход как раз нынешней 8-й армии, был тяжело ранен разрывом снаряда и попал в плен. Газетный ажиотаж вызвал дерзкий побег Корнилова из плена. Уже немолодой и слабый от ран, он все же бежал из лагеря, добрался до Дуная и попал в Румынию, вступившую к тому времени в войну. В Петрограде Корнилова удостоил аудиенции Николай II, наградил Георгиевским крестом 3-й степени (Георгия 4-й степени Корнилов получил за русско-японскую войну).

Имя Корнилова вновь появилось на страницах газет в начале марта 1917-го, когда страну взбудоражило известие о

царском отречении. Генерал Корнилов назначается командовать войсками Петроградского военного округа. Фронтальной военачальник, скромный чернорабочий войны, он попадает на самый верх, в столицу, в старинное здание со знаменитой аркой на Дворцовой площади. Пробыл он там совсем недолго, полтора месяца. Рассказывая, барон Кюгельген обронил, что оставить свой высокий пост генерала «вынудили обстоятельства». Потолкавшись в штабе, в Каменец-Подольске, командир полка сумел разузнать, что внезапная отставка Корнилова связана с недавней нотой Временного правительства, заверявшего союзников в своей готовности продолжать войну до победного конца. Барон Кюгельген многозначительно обронил, что вслед за Корниловым со своих постов слетели сразу двое: военный министр Гучков и министр иностранных дел Милюков.

Не задерживаясь в Петрограде, Корнилов поспешил на фронт. О генерале давно шла слава как о человеке строгом, даже жестоком. Штабные офицеры немедленно убедились в этом. Корнилов принялся безжалостно подтягивать дисциплину, «потуже закручивать гайки». Кое-кому это пришлось не по нраву: «Царские порядочки!»

Прошло несколько дней, и барон Кюгельген объявил офицерам, что необходимо хорошенько подготовиться: новый командующий армией выразил желание ознакомиться с состоянием Текинского кавалерийского полка.

Смотр начался со скандального происшествия.

Махальщики подали знак, что показалась автомашина, как вдруг из конюшен 2-го эскадрона вырвался свирепый жеребец. (В последнем бою под Черными Протоками 2-й эскадрон понес особенно тяжелые потери. Убитых погребли, а их коней содержали на привязи.) Командир полка переменялся в лице. Такой позор перед лицом прославленного генерала! Штаб-ротмистр Натанзон выругался и отрядил десяток всадников: поймать или хотя бы отогнать сорвавшегося с привязи буяна подальше от торжественного плаца. Клуб пыли на дороге приближался. День занимался знойный, мглистый. Летняя ночь не принесла пролады. Натягивало сильную грозу.

Парадная сосредоточенность вычищенного к смотрю строя исчезла. Посматривая на приближавшийся автомобиль, всадники не переставали следить, что вытворяет вырвавшийся из заточения жеребец. Ни заарканить, ни просто отогнать его никак не удавалось. Он играл со своими преследователями, словно с жеребятами в степи.

Внезапно автомобиль остановился. Когда клуб пыли отнесло, кавалеристы все до единого увидели невысокого человека в генеральском мундире, шагавшего к строю. Изумление – вот общее, что испытал каждый. И это Корнилов?! О новом командующем ходило столько легенд, что он представлялся сказочным богатырем (кое-кто убеждал, что генерал одной рукой поднимает лошадь с всадником). Помимо этого удивляла столь далекая от замершего строя останов-

ка автомобиля. Не подъезжая, генерал выбрался из кабины и теперь направлялся к полку, шагая торопливо и широко, слишком широко для человека низенького роста.

Новый командующий, сам по крови степняк, с одного взгляда засек и парадный строй принарядившихся эскадронов и, главное, азартную ловлю скандально вырвавшегося так некстати жеребца. Фыркающий и воняющий бензином автомобиль мог дополнительно возбудить текинских диковатых лошадей. Корнилов предпочел своим широким некавалерийским шагом преодолеть обширный, сильно вытолоченный плац... Ротмистр Фаворский, с места взяв в карьер, вихрем подлетел к шагавшему генералу и, порхнув взметнувшейся буркой, соскочил с седла. Он предложил командующему сесть верхом, чтобы подъехать к строю замерших эскадронов как подобает. Кавалеристы увидели: генерал крепко взяв в руку поводья, взлетел в седло, едва коснувшись стремени. Острый взгляд текинцев засек уверенную повадку генерала в обращении с конем.

– Смир-рна-а! – раскатился зычный голос командира полка.

Барон Кюгельген выхватил шашку и молодецкато взял ее подвысь. Внезапно глаза его выкатились, он раскрыл рот для рапорта, но не произнес ни слова. Проклятый жеребец стремительно летел к командующему со спины. «Берегитесь, ваше превосходительство!» – собирался малодушно крикнуть Кюгельген.

Все дальнейшее произошло в одно мгновение. С какой-то мстительной яростью жеребец взвился на дыбы и со всего маха обрушил на верхового генерала страшный удар своих передних копыт. Что подсказало генералу об опасности? Он соскочил на землю в самую последнюю секунду. Его сдуло словно ветром. Удар копытами распорол седло. В сумятице пыли, конского ржания, гортанных криков налетели с поля всадники. На шею жеребца наконец-то удалось накинуть тонкий волосяной аркан.

Соскочив с седла, барон Кюгельген потерянно топтался перед генералом. Вместо положенного рапорта приходилось извиняться.

Тут, словно завершая полный крах неудавшегося смотра, грянул ливень.

Велев подать себе коня, новый командующий тронулся вдоль строя. Поливало как из ведра. Струи текли с козырька корнилов-ской фуражки. Узкими глазами генерал всматривался в смуглые лица джигитов под курчавыми папахами. Равняясь с муллами, он почтительно прикладывал руку ко лбу, губам и сердцу. Важные старцы отвечали сдержанным наклоном головы.

Возле Хаджиева он придержал коня.

– Сен ким сян? – спросил он по-туркменски. (Ты кто?) Пораженный звуками родной речи, Хаджиев ответил по ус-таву.

– Не из Ахала? – последовал вопрос.

– Никак нет, ваше превосходительство. Я из Хивы.

– Что, корнет, совсем плохая жизнь? – допытывался генерал. – Чай – нет. Чал – нет. (Чал – верблюжье молоко.)

Хаджиев улыбнулся и ответил, что надеется на улучшение.

– Иншалла! – с самым серьезным видом отозвался генерал и отъехал.

Новый командующий понравился текинцам с первого же дня. «Он мог бы быть хорошим мусульманином. Он, как видно, знает Коран!» Между собой они стали называть Корнилова «уллы-бояр» (великий господин). Барон Кюгельген узнал об этом с ревностью. У него никак не складывались отношения с этими азиатами. Строгие, неизбалованные текинцы сразу засекали стремление полкового командира к парадной показухе. Барон всячески старался показаться лучше, чем есть на самом деле. «Но будет ли тень прямой, если ствол кривой?» Кроме того, Кюгельген постоянно жаловался на фронтовые трудности. Но что он запоет, когда попадет на передовые позиции? Старший помощник Хаджиева по эскадрону Шах-Кулы однажды мрачно обронил: «Тощей лошади и хвост в тягость».

Верные текинцы постоянно вспоминали прежних командиров: полковника Зыкова и великого князя Михаила. Младший брат царя отличался необыкновенною отвагой. Попав на фронт, он более всего боялся, что его станут оберегать как царского родственника. Офицерам приходилось

удерживать великого князя от ненужного риска.

Мгновенное признание Корнилова объяснялось еще и тем, что на него падал блеск прежнего величия так подло свергнутого ак-падишаха. Их отцы помнили великого Скобелева, непобедимого ак-пашу. Он был свиреп в бою, но великодушен после. С ним расправились коварные суетливые людишки. Текинцы их ненавидели, словно шакалов...

Барон Кюгельген считал, что со смирением осрамился. Проклятый жеребец! Корнилов своего недовольства ничем не выказал, однако остаться отобедать отказался. Надежда поправить невыгодное впечатление за столом в офицерском собрании рухнула. Барон гадал, в какой форме выразится нерасположение сурового, невозмутимого генерала со скуластым, азиатским лицом? Он ожидал чего-то утонченного, коварного, как вдруг из штаба армии поступил приказ выделить в распоряжение командующего эскадрон текинцев. Сомнений быть не могло: лихие туркменские конники понадобились для личного конвоя. Корнилов, поклонник генерала Скобелева, отлично знал о боевых качествах текинцев, неприхотливых природных воинов. Кроме того, жители пустыни отличались фанатичной преданностью.

Барон Кюгельген воспрянул духом. Как-никак знак доверия! Он поразмыслил и решил остановить свой выбор на 4-м эскадроне. В строю после боев там оставалась едва ли половина всадников.

Теперь Кюгельген смог оправдать нелюдимый отказ Кор-

нилова остаться для обеда с офицерами полка. Представилась натянутая обстановка за столом, мучительные поиски тем для разговора. Пытка получилась бы, а не обед!..

Хан Хаджиев во главе своего эскадрона отправился к новому месту службы с удовольствием. Дождь лил всю ночь, не перестал и утром. Хозяйственный Шах-Кулы приказал подвязать лошадиные хвосты. Грязь на дороге стояла сплошным месивом. Бурки и тельпеки напитались дождевой водой. Повесив голову, Шах-Кулы ехал на полкорпуса позади.

Хан Хаджиев, монотонно покачиваясь в седле, размышлял о генерале, проводившем смотр. Как поразил он всех текинцев родной туркменской речью! Несомненно, уллы-баяр досыта вкусил жизни в раскаленных безводных песках. Текинцам понравилась простота и в то же время суровость генерала. В Азии уважают власть. Любой начальник обязан быть властным, даже беспощадным, но оставаться справедливым. Виноват – накажи, как хочешь... хоть голову сруби. Но только по справедливости, без произвола. Ничто так не унижает воина, как самодурство обладающего властью.

Беспокойство коня вывело Хаджиева из дремоты. Верный Шах-Кулы уже ехал рядом, стремя в стремя, и тревожно поглядывал вперед. Навстречу растянувшемуся строю по грязи катил знакомый автомобиль.

Текинцы встретились с уллы-баяром на дороге. Корнилов вышел из машины, Хаджиев соскочил с седла. Командующий направлялся на соседний фольварк, в панское име-

ние. Он приказал конвою двигаться следом за автомобилем. Ехать оставалось недалеко.

Показалась убогая деревня, затем обширный старый парк. За поникшими деревьями виднелась красная крыша большого барского дома. Конники ехали по аллее, с интересом посматривали по сторонам. Новая служба им нравилась. Между деревьями бежали люди босиком, в накинутых на головы мешках. Возле высокого крыльца стоял поливаемый дождем автомобиль. Сам улы-бойр находился в вестибюле в окружении множества столпившихся людей. Генерал без конца пожимал руки. Хозяин дома знакомил его с собравшимися гостями. Хаджиев подумал: «Мое место там!»

Шах-Кулы выслушал его распоряжения и кивнул: «Иди, не беспокойся». Соскакивая с коней, всадники весело переговаривались. Кто-то, кажется, неунывающий Берды, громко проговорил: – Что же, если барин важный, то и его собаке бросят кость! Корнилов приехал по приглашению окрестных помещиков. Приближалась пора уборки урожая, а Подолию захлестывала волна бандитизма. Крестьяне боялись показываться в поле. Помещики просили генерала унять бандитов. Не убери урожая вовремя – голода не миновать. Имения всех, кто сегодня собрался, находились как раз в тылах 8-й армии.

Во время переговоров Хаджиев безотлучно находился в зале. В красном с продольными полосами халате, тонко перехваченном ремнем, с шашкой и ятаганом, в громадной па-

пахе, он картинно застыл в дверях. Помещики то и дело поглядывали на стройного джигита. Лихой вид текинца вселял в них надежду во всесилье командующего армией. С такими молодцами да не найти управу на обнаглевших бандитов!

Корнилов, выслушав жалобы, пообещал:

– Охрану дадим. О чем думают эти безумцы? Чем хуже, тем лучше? Я этого не потерплю. Не такое время. Предупредите: я расстреляю каждого, кто будет мешать. Урожай, кстати, нужен не только вам. Солдат мы тоже обязаны кормить.

Властная повадка генерала пришлась по душе и помещикам, и конвойным текинцам. Вечером, хорошо накормленные, отдохнувшие, они рысили за нырившим в кочках автомобилем и одобряли суровость своего улы-бояра.

– Правильно. Что толку махать на шакала папахой? На него действует только хорошая дубина!

Когда приехали, Корнилов вылез из машины и сказал Хаджиеву:

– Хан, распорядитесь и пойдем со мной. Я хочу вас познакомиться с семьей.

В домашней обстановке генерал преобразился. К нему на колени немедленно влез четырехлетний карапуз, сынишка Юрик.

Хаджиев терялся, он не знал, как сесть, что сказать. Краем глаза наблюдал, как хозяйка, Таисия Владимировна, проворно накрывала стол. Время от времени она издали улыбалась молодому офицеру, ободряя его в незнакомой обстановке.

Генерал тем временем расспрашивал Хаджиева о его родных местах – старинных кишлаках Дурун и Анау, о двух мечетях. Им насчитывалось более 600 лет. Их построили во времена арабского халифата. Поговаривали, в тех местах в свое время побывал Александр Македонский. Старожилы уверяли, что один из легионов великого завоевателя так и остался на Памире. Недаром среди памирских таджиков часто встречаются мужчины с голубыми глазами...

Сам Корнилов в молодые годы исходил эти места пешком. Он посетил Итбай, Ходжей ли, Мангит и Джананык – проделал путь, каким отряды генерала Скобелева направлялись к Ортакую. Заносило его и в хищный, коварный Коканд. Он побывал в Андижане, Тюра-Кургане, Намангане, Гур-Тюбе и Янге-Арыке... Названия родных мест помогли Хаджиеву освоиться. Незаметно он увлекся разговором. Корнилов расспрашивал о почтенных аксакалах из Ахала. С одним из них, Эсенем, из племени иомудов, он совершил экспедицию в Кашгар. В те далекие годы Эсен был отчаянным джигитом. Он сильно помог Корнилову в его опасном путешествии.

Слушая, Хаджиев втихомолку изумлялся. Кашгар! Уйти за Пяндж, ступить на глинистый афганский берег даже в наши дни грозило смертью. А в те годы, о которых вдруг генералу вспомнилось, китайские власти ревниво высматривали любого иностранца. В каждом из них они подозревали вражеского лазутчика. Как правило, всех пойманных объявляли шпионами и сваривали в котле с кипящим бараньим салом

на базарной площади.

В тот вечер Хаджиев засиделся в гостях у генерала допоздна. После ужина долго пили чай. Юрик настолько осмелел, что взобрался к гостю на колени и стал забавляться ручкояткой ятагана, сделанного из копытца горного козла. Затем он слез с колен, сбегал в прихожую и вернулся в громадной косматой папахе Хаджиева, держа ее на голове обеими ручонками. Таисия Владимировна всплеснула руками и бросилась к ребенку. Папаха была отобрана и отнесена обратно.

– Какая она у вас тяжелая, – заметила Таисия Владимировна. – Как из железа.

Хаджиев объяснил, что в туркменскую папаху-тельпек внутрь зашивается толстый войлок. Нет, не для тепла, а для сохранения головы в случае удара шашкой.

– Да и спать удобно, – вставил генерал. – Вместо подушки. Таисия Владимировна уже расспросила молодого гостя о его родителях, узнала, что он не женат – некогда было: сразу после училища отправился в полк, на фронт. Да и родители не одобрили бы его женитьбы на русской. У них в роду положено выбирать жен из туркменок. Таков обычай. Корнилов улыбнулся:

– Расскажите ей, хан, как у вас выбирают невесту. Молодой человек зарделся и смущенно глянул на хозяйку. Он никак не мог освоить русскую манеру допускать женщин к обсуждению подробностей интимного порядка. Тогда генерал, не переставая посмеиваться, стал рассказывать сам. Турк-

менские девушки выходят замуж чрезвычайно рано. Сговариваются, конечно же, родители, решают все они. Однако между собой джигиты шутят так: если девчонка не падает от удара кинутой папахи – можно сватать, если же свалилась с ног – пусть подрастет. Внезапно расхохотался Юрик. Родители изумились: с чего бы? А ребенок весело кричал:

– И я, и я... не упаду!

Корнилов подхватил сынишку на руки. От щекотки бородой Юрик заболтал ножонками и принялся вопить.

Хаджиев встал из-за стола и стал прощаться. Направились в прихожую. Надевая свою страшную папаху, молодой офицер не удержался и подмигнул смотревшему на него во все глаза ребенку. Юрик смутился и спрятал лицо на отцовской груди.

– Хан, – серьезным тоном произнес Корнилов, – вы не забыли насчет послушного туркмена в руках хорошего отца? Так говорили ваши старики... Мы знаем: пустой мешок стоять не будет. Русской армии сильно не хватает таких, как вы. Я имею в виду всех ваших джигитов. – Он помедлил и внезапно заключил: – Мало, очень мало осталось надежных людей. Но с такими, как вы, мне ничего не страшно!

Генерал, маленький, расстегнутый, похожий на старого взьерошенного кобчика, затянул рукопожатие и устремил на молодого офицера долгий, пристальный взгляд. Хаджиев ответил прямо, честно и открыто: «Буюр-ага, прикажи!» На лукавство он был неспособен. Корнилов это понял и на про-

щение сильно, с благодарностью встряхнул его руку.

Неясная тревога генерала передалась Хаджиеву. Уллы-бояр чего-то несомненно опасался. Собственно, после недавнего ареста самого ак-падишаха беспокойство овладело всеми офицерами русской армии. Погоны на плечах грозили если не безжалостной расправой, то несмываемым бесчестьем. Не на это ли намекал несловоохотливый уллы-бояр? От кого именно заходила беда над генеральской головой? От обнаглевших комитетчиков? Ну, в Текинский полк они больше не сунутся. Одного раза им вполне хватило: в армейском комитете удовлетворились тем, что полк все же приведен к присяге (постарался Кюгельген). Но если только вздумают еще раз... пусть только попробуют! Текинцы своего уллы-бояра в обиду не дадут...

Верный Шах-Кулы заметил беспокойное состояние своего начальника. «Огня в кармане не спрячешь!» Выслушав Хаджиева, он глубокомысленно изрек: «Ничего, хорошему стаду и волк не страшен!» Он советовал не доверять полковнику Кюгельгену: «На свинью хоть седло набрось – все конем не станет».

Через неделю из отпуска вернулся командир 4-го эскадрона Ураз-сардар. Он привез текинцам подарки и приветствия родственников из Ахала. С ним, как и со своим помощником, Хаджиев долго обсуждал загадочные слова уллы-бояра...

ГЛАВА ВТОРАЯ

В Петроград на пост командующего войсками столичного военного округа генерал Лавр Георгиевич Корнилов был вызван с фронта на следующий день после царского отречения.

Корнилова обескуражил этот вызов. Командуя всего лишь корпусом, он никак не мог понять, почему именно на него свалилось столь ответственное назначение. В русской армии имелось множество более заслуженных генералов. Они командовали армиями и фронтами.

И все-таки выбор пал именно на него!

Сознавал ли Корнилов, что царский манифест об отречении в одно мгновение переменял в России старинный, веками устоявшийся общественный политический строй? Нет, не признавал. Подобно многим военным, он считал, что происходит всего лишь смена на посту № 1 – на царском троне. Такое уже бывало. Вместо одного Романова заступит другой – и ничего в стране не переменится.

На самом же деле в эти дни рушились тяжеленные, в несколько накатов, своды гигантского сооружения российской державы.

Сердцевиной судьбоносных перемен был Петроград, столица непримиримого российского двоевластия. Свалив наконец династию, Государственная дума вышла победителем. Теперь задача заключалась в удержании победы. Решающее

значение в начавшемся развале отводилось грубой силой, а следовательно, армии, ибо Министерство внутренних дел с его ненавистной полицией подверглось разгрому в самые первые часы. Единственным мускулом в державе оставалась армия.

Поскольку главные события происходили вокруг Зимнего дворца, то особенное значение приобретал столичный военный округ.

Одним из последних царских приказов было назначение командовать войсками Петроградского округа генерала Н.И. Иванова. Новому военному губернатору столицы предоставлялись чрезвычайные полномочия. Обстановка требовала энергичных действий. Генерал Иванов, спешно сдав дела на Юго-Западном фронте, незамедлительно выехал в Петроград. Однако доехать до столицы ему не дали, не позволили. Совершенно внезапно с узких телеграфных лент поползло имя генерала Л.Г. Корнилова.

Что произошло? Почему вдруг такая спешная замена?

В первую голову, конечно, сказала царская подпись под назначением Иванова. Николай II обращался к генералу как к специалисту по борьбе с беспорядками и смутой. Имея опыт подавления кронштадтского восстания, этот матерый староре-жимник не станет миндальничать и в Петрограде. У него была железная рука. И демократы из голосистой Думы испугались. Такой решительный губернатор был крайне нежелателен в столице. Требовался генерал достаточно из-

вестный, однако без отягчающей репутации ревнивого при-служника режима. Корнилов представлялся именно такой фигурой. Этот фронтовой генерал, еще совсем не появившийся в верхах, несомненно, должен оценить столь быстрое выдвижение и станет исполнителем куда более податливым, нежели бурбонистый Иванов. По крайней мере, так казалось всем, от кого зависело окончательное назначение.

В Генеральном штабе на Дворцовой площади в эти дни сидел генерал Аверьянов, давнишний знакомый Корнилова. Власть его в армии была велика. Он подчинялся только двум лицам – императору Николаю II и начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего генералу Алексееву.

Долгая служба в столичных кабинетах выработала из Аверьянова генерала-политика. Повседневно наблюдая сложный ход государственных дел, во многом сам принимая непосредственное участие, он научился основному на таком посту, главному, что требовалось от важного военного чиновника: понимать. И это понимание развилось в нем до чрезвычайной степени. В частности, он заранее знал (понял!), что Николаю II, поспешно выехавшему из Ставки, добраться до столицы не позволят. Шли последние часы самодержавного режима. Жизнь страны решительно переменалась. Каждый час рождалось что-то новое, невиданное, небывалое в России никогда.

Генерала Аверьянова, сугубо военного человека, буквально потряс Приказ № 1 новой власти, целиком и полностью

обращенный к русской армии. Вот этого он понять был не в состоянии. В русской армии отменялось не только староружимное титулование командиров, по сути дела, отменялась всякая дисциплина!

Однако какая же Россия без ее армии?!

При любых режимах (пусть даже и не при царе!) Россия оставалась Отечеством для русских, и это Отечество требовалось защищать. А между тем для защиты не оставалось ни штыка. С директивной отменой воинской дисциплины русская армия переставала существовать. С этим генерал Аверьянов примириться никак не мог. Действуя не в лоб, а скрытно, политично, он способствовал тому, что в красивейшем старинном здании Генштаба на Дворцовой площади вдруг вслух произнесли имя генерала Лавра Георгиевича Корнилова.

Начался бешеный обмен телеграммами между Ставкой в Могилеве и государственными учреждениями в столице.

Своеобразие момента заключалось в том, что самодержавие в России еще существовало. Николай II уже отрекся от престола, однако Михаил II на трон еще не заступил и своего отречения не объявил. В течение целых суток древний трон державы оставался как бы покинутым и никем не занятым. Прежний венценосец сошел с его ступеней, а новый не взошел. Но жизнь продолжалась, государство не переставало действовать. В эти роковые сутки каждый час, каждая минута имели для России непреходящее значение.

Генерала Корнилова, честного и беспорочного служаку, угораздило попасть как раз в это недолгое безвременье верховной власти. Судьбе было угодно выдернуть его из однообразной череды фронтовых будней и перекинуть из привычной обстановки в столичное кипение страстей. А Петроград в начале марта *являл* собой, без всякого преувеличения, бешено кипящий котел самых безудержных, самых оголтелых устремлений.

Российскими военными делами стал всецело заправлять Гучков.

Генерал Аверьянов знал этого *деятеля* довольно близко – сумел досконально изучить за годы войны. Начав преуспевающим промышленником, Гучков стремительно выдвинулся в думские лидеры. Ловкий, энергичный, не брезгующий никакими средствами (главное же – заручившись мощною поддержкой тайных сил), он явно метил на пост военного министра в будущем правительстве... Сознавая исключительное значение столичного гарнизона, Гучков был озабочен тем, чтобы во главе его находился человек, способный на решительные, скорые поступки. Нужен другой... А имя Корнилова было на слуху Гучкова: «Как же, как же! Прошлым летом в связи с дерзким побегом генерала из германского плена российская печать хвалебно трубила о нем. Уже немолодой, под пятьдесят, Корнилов, словно молоденький подпоручик, бежал из лагеря военнопленных, с громадными лишениями пробрался к Дунаю, переплыл и оказался в Румынии. Пом-

нится, он был удостоен царской аудиенции и награды».

Не отдохнув как следует после плена, генерал-лейтенант Корнилов снова отправился на фронт, приняв командование стрелковым корпусом... На взгляд Гучкова, к числу корниловских недостатков прежде всего относилась его незаурядная образованность, культурность. Он с отличным аттестатом окончил Академию Генерального штаба, свободно владел несколькими языками, писал стихи.

За плечами Корнилова была четырехлетняя служба в Китае на посту русского военного агента. Без всякого сомнения, угадывался разведывательный отдел Генерального штаба. А там, как это было издавна заведено, работали отборнейшие офицеры русской армии.

Что же, генерал-стихотворец на посту военного диктатора Петрограда?!

Ну, допустим, диктаторствовать ему никто не позволит. А все же именно образованность Корнилова не переставала занимать Гучкова. С какой, спрашивается, стати столь редко подготовленный специалист-разведчик обречен тянуть пропотевшую лямку обыкновенного фронтового генерала? Тут угадывалась жгучая обида на начальство, на неласковый режим, угадывалось застарелое уязвленное самолюбие. Лишний шанс привлечь такого человека в число своих сторонников! Что его может связывать с престолом? Только присяга царю. Но он же отрекся... А Михаилу еще не присягали. Да и придется ли?

Гучков брал в расчет еще и такое чисто российское качество «первого революционного командующего», как интеллигентность. Русский интеллигент – природный ненавистник самодержавия. Начав с возмущенной воркотни на кухнях, разночинцы вылезли на авансцену исторических событий. Осуществлялось то, о чем им грезилось. Плебейский страх исчез, ибо не стало ни бдительных дворников, ни туповатых городских, ни хамоватых, но въедливых жандармов. Образно говоря, над русским обществом, возбужденным отречением, разразилась гроза свободы!..

В пользу Корнилова как военачальника, солдатского командира свидетельствовала еще прямо-таки фанатичная преданность ему нижних чинов (не совсем понятная Гучкову). Высокое начальство постоянно упрекало Корнилова за потери в боях, однако солдаты (да и офицеры тоже) готовы за своего генерала в огонь и в воду... Фронтовая жизнь уберегла Корнилова от распутищины. Генерал избежал приемной этого грязного и наглого временщика. 2 марта в 6 часов вечера за подписью Родзянко в Ставку на имя генерала Алексева ушла телеграмма с указанием «командировать генерала Корнилова в Петроград на должность командующего войсками округа».

Алексеев, подхватив жестокую инфлюэнцу, мучился от высокой температуры. Термометр показывал выше 39. Глаза слезились, голова была тяжелой. Хотелось лечь, забыть-ся, прекратить всякое движение... Ах, как не вовремя он

заболел! Сейчас решалось главное. Завершалась длительная скрытая интрига со сменой государя на троне. Военные дали втянуть себя, понадеявшись на свою силу, на свое влияние, однако эти сила и влияние дают осечку в Петрограде. Армию словно отодвинули в сторонку. Становилось несомненным, что политики переигрывают генералов. У думских болтунов по-прежнему оставалось право отдавать приказы.

Царь, жалкий, постаревший, в эти часы болтался в своем поезде, подобно горошине в перезревшем стручке. А царский поезд сновал между Могилевом и столицей. Последней ночью генерал Рузский почему-то вдруг спровадил его обратно в Ставку. Интересно, почему он так решился поступить? Кто приказал? На свою ответственность Рузский подобного поступка совершить не мог.

Да, слишком не вовремя он подцепил эту изнурительную болезнь. Именно сейчас требовалась холодная, ясная голова. Царское отречение произошло по плану. Но почему заминка с Михаилом? Войска ждут приказания присягать новому государю...

Распорядительная телеграмма Родзянко составлялась под диктовку Гучкова. Поучая председателя Думы, Гучков чувствовал себя в стихии изощреннейших интриг. В такие исторические дни каждое слово, любой жест обретают особенное значение. Он настоял, чтобы в телеграмме так и указать: «командировать». В этом слове угадывается оттенок чего-то уже окончательно решенного и не допускающего никаких кри-

вотолков. Подумав, он посоветовал сделать приписку: «... для установления полного порядка и для спасения столицы от анархии». Генерал Алексеев, педант и формалист, обязан уразуметь, что в назначении Корнилова заинтересованы высшие силы. Какие? А вот уж это не его ума дело! Наступит время – все узнает и поймет.

Гучков прекрасно знал, что оба генерала, Алексеев и Корнилов, давно не ладят между собой. Однако ничего, поладят. Так требуется.

Через десять минут на узел связи принесли телеграмму генерала Аверьянова. Ее отправили вдогонку телеграмме Родзянко. От своего имени Аверьянов просил генерала Алексеева «осуществить предложенную меру, дабы помочь Временному комитету Государственной думы, спасающему монархический строй». Аверьянов хорошо знал начальника штаба Ставки. Несомненно, Алексеев обескуражен всем развитием событий. Пусть возьмет себя в руки: надежды на сохранение династии у власти остаются. Выбор Корнилова ради этого и сделан. Высказаться определеннее он не имел возможности. Генерал Алексеев, томившийся далеко от бурлящей столицы, должен понять, что внезапное назначение Корнилова согласовано. Иными словами, он получал на руки приказ. О личных распрях следовало забыть.

Генерал Алексеев немедленно исполнил приказание, однако распоряжение его выглядело увил истым: «... допустить к временному командованию Петроградским военным окру-

гом генерал-лейтенанта Корнилова». Гучкову на эту трусливую оговорку было наплевать. Аверьянов же мысленно выругался. Алексеев страхо-вался. Любопытно, каких неприятностей он ожидал от назначения Корнилова? Нет, скорее всего он так и не понял окончательно, что происходит здесь, в столице!

Генерала Алексеева выбрал сам Николай II. Вместе, бок о бок, они работали в течение последних полутора лет. В сложные придворные интриги Алексеев втянулся помимо своей воли. Давнишнее генеральское фанфаронство питалось надеждой на воцарение Михаила II. Но если прежде смена государя совершалась в царской спальне («апоплексический удар»), то теперь о своей силе открыто заявляла армия. И пусть только попробуют возразить! Сначала вроде бы все совершалось по-задуманному: назначение на столичный округ генерала Иванова, грозное выдвижение к столичным пригородам конного корпуса Краснова. Армия действовала безмолвно, но неотвратимо. Генералы не мастера болтать с трибуны. Да и зачем? Солдатский штык, казачья шашка выскажутся красноречивей всяких громких слов!

Как все недалекие самонадеянные люди, генерал Алексеев рассчитывал завершить интригу с воцарением царского брата силой армии. А кто еще в состоянии ей возразить? Но вот отречение одного состоялось. Что же со вступлением другого? Почему задержка? Так не полагалось... А тут еще эта проклятая болезнь!

Телеграмма генерала Аверьянова помогла преодолеть сомнения. В Питере тоже ведь думают... Правда, вместо Корнилова на столичном округе он предпочел бы видеть совсем другого генерала. Однако в этом с ним не посоветовались – не сочли нужным. Пусть! В складывающейся обстановке в общем-то годился и Корнилов. Борозды, как говорится, не испортит... не должен бы испортить!

Жаль, Корнилов был из числа непосвященных. На него ведь не рассчитывали совершенно. Но... пускай, им там виднее.

Как службист, Алексеев знал, что для вступления Корнилова в должность потребуется одобрение двух военных инстанций, двух реальных лиц, прежде всего, конечно, генерала Брусилова, командующего войсками Юго-Западного фронта. А Брусиллов, как и сам Алексеев, сильно недолюбливал Корнилова. Узелок их стойкой неприязни завязался два года назад в Карпатах.

Прикрывая отступление, Корнилов вынужден был «положить» свою прославленную Стальную дивизию, а совершив побег из лагеря военнопленных и пробравшись к своим, угодил под следствие и военный суд. На этом настоял Брусиллов, обвиняя Корнилова в гибели Стальной дивизии. От суда и приговора Лавра Георгиевича спасли великий князь Николай Николаевич и бывший командующий Юго-Западным фронтом генерал Н.И. Иванов.

Отношение самого Алексеева к преуспевавшему, быст-

ро хватав шему чины и ордена Брусилову было такое: чистюля. Воспитанник аристократического Пажеского корпуса, Брусилов привык свысока поглядывать на генералов из простонародья, а таких в русской армии на этой войне было абсолютное большинство... На брусиловскую неприязнь к Корнилову наслаивалось еще и сознание того, кому он все-таки был обязан счастливым избавлением от клещей Макензена.

Как отнесется Брусилов к столь высокому и совершенно неожиданному назначению Корнилова? Крайне самолюбивый, он до сих пор переживает, что его бывший подчиненный избежал военного суда. Такие поражения он переживает тяжелее, нежели разгром на поле боя...

Кроме Брусилова, командующего Юго-Западным фронтом, новое назначение Корнилова должен одобрить сам Верховный главнокомандующий русской армией. А таковым до сих пор является не кто иной, как император Николай II. Формализм? Разумеется. Однако это ничего не меняет: закон требует неукоснительного соблюдения. Пусть государь уже отрекся и в настоящую минуту прозябает в своем салон-вагоне где-то на дороге из Пскова в Могилев, назначение нового командующего столичным военным округом обретет силу только после его подписи!

Сколько же продлится досадное и тревожное междуцарствие? Алексеев догадывался, что в хорошо продуманных планах произошел какой-то сбой. Ну, хорошо... пускай еще

день, даже два. Но ведь законов-то Государства Российского и на эти дни никто не отменял!

Генерал Брусилов сам вызвал Алексеева к прямому про-воду. Возражал он сбивчиво, раздраженно, упирая большей частью на то, что кандидатура Корнилова представляется ему «малоподходящей из-за чрезмерной прямолинейности». Разбирая ленту, Алексеев сжимал рукою пылающий лоб. Голова раскальвалась. Смятым, несвежим платком он утирал глаза. Отвечал он нервно, не пожелав входить в детальные объяснения. У него на руках имелся приказ из Петрограда. Армия, а тем более высшие штабы – неподходящее место для митингования... Брусилов поворчал и уступил. А что ему еще оставалось делать?

Вернувшись из аппаратной, Алексеев нашел телеграмму из царского поезда. Николай II подписал назначение Корнилова.

Поздно ночью Алексеев уведомил Родзянко и Аверьянова, что приказание исполнено.

Лавр Георгиевич Корнилов отправился к новому месту службы 4 марта.

Страна мгновенно перекрасилась в кумачовый цвет. Россия в эти дни походила на свихнувшегося от радости приват-доцента в шубе нараспашку, в съехавшей на ухо шапке и с перекошенным пенсне на потном носу. Свершилось наконец... дождалось! Однако Корнилов все более мрачнел. Эти ошалевшие господа почему-то совершенно позабыли о том,

что идет война, небывало тяжелая, обременительная, заставлявшая народ напрягать буквально последние силы. Да понимают ли они? Да сознают ли?!

Поезд выбился из графика. Лавр Георгиевич подолгу не отходил от вагонного окна. Все-таки тыловая обстановка сильно разнилась от фронтовой. В окопах армия жила сознанием своего долга. Она терпеливо исполняла свои нелегкие обязанности. В тылу о фронте напоминало лишь чудовищное изобилие расхлы-станных солдат. Грязные, слякотные вокзалы кишели солдатней. Неопрятные, расхлябанные, они совершенно потеряли представление о дисциплине. Приказ № 1 новой власти, обращенный к армии, мгновенно превратил компактную солдатскую массу в толпу мужичья с винтовками в руках. Дни напролет они шатались по бесконечным митингам, постепенно озлобляясь и выкрикивая все, о чем молчалось долгие годы.

Корнилов сдал свой корпус, еще не вникнув толком в этот самый Приказ № 1. Однако он недоумевал: кому вдруг взбрело в голову так метко рубануть по основам воинской дисциплины? Солдаты это почувствовали мгновенно. Их стало не узнать... Интересно, думают ли о войне сочинители таких приказов?

В душе Корнилова росла тревога. Он уже догадывался, что попадает в самый центр изощреннейших интриг. Очередным ошеломлением было отречение от трона и царского брата – великого князя Михаила. Романовы, процарствовав

более трех веков, вдруг без борьбы уступали свое место какому-то Временному правительству.

Насколько оно временно, это правительство? Кто его сменит? И когда?..

Лавр Георгиевич с тревогой размышлял о том, что его ожидает во взбаламученной столице.

Полгода назад он уехал из Петрограда в действующую армию. Громадный город был спокоен. Однако на фронт, в окопы и в блиндажи, все чаще доходили самые нелепые слухи о происходящем возле трона, в Думе и в министерствах. Два с половиной месяца назад заговорщики расправились с Распутиным, избавив, как они считали, царскую семью от сатанинского влияния этого грязного мужика. А всего чуть больше недели закончилась петроградская конференция союзников, очень представительная: Англия, Франция, Россия. На этой конференции уверенно обсуждались планы наказания разгромленной Германии, намечался путь послевоенного устройства уставшей от войны Европы. Ничто не говорило о близком потрясении. Как вдруг... сначала отречение царя, затем его брата... упование на Учредительное собрание. Все перемешалось в один какой-то день! И все-таки самым страшным, самым непостижимым был этот Приказ № 1. Чья разудалая рука его строчила? Целых три года войны, полных как успехов, так и неудач, не сделали с армией того, что совершил этот крикливый, напыщенный документ.

Поезд уносил Корнилова все дальше от фронта. Москва

осталась в стороне. Ночью проехали Бологое. В результате напряженных дорожных размышлений последние события в столице обрели хоть какую-то логическую завершенность. Все-таки Дума своего добилась: свалила царскую династию. Однако единовластия так и не достигла. Немедленно на Финляндском вокзале наспех собрался какой-то Совет рабочих и солдатских депутатов – что-то похожее на пролетарское правительство, созданное в памятном 1905 году. В вагоне поговаривали, будто этот Совет уже перебрался в какой-то из дворцов и заседает там почти без перерыва. Получалось снова двоевластие: Временное правительство и рядом с ним Совет.

Размышлениям Корнилова помогал опыт многолетней службы в самом сокровеннейшем отделе русского Генерального штаба. Офицер разведки, он нисколько не сомневался, что последним российским событиям, потрясшим весь мир, предшествовала утонченная подготовка, совершенно скрытая от любопытных глаз. Напряженные интриги вековых ненавистников России начинались не вчерашним днем и даже не позавчерашним – усилия всевозможных негодяев продолжались долгие века. Об этом Лавр Георгиевич знал по роду своей прежней деятельности, и знал гораздо больше остальных.

За окном вагона потянулись унылые пустоши, присыпанные свежим снегом. Вдалеке на ненастном сизом небе обозначился дымный купол – приближались заводские окраины

Петрограда.

Хлобыстнула вагонная дверь, ворвался возбужденный господин в каракулевом воротнике. В руке он нес газетный свежий лист. Лавр Георгиевич услышал, как он захлеб затараторил в своем купе:

– Ну, батенька, только не свалитесь с полки. Вот, извольте: сам Протопопов заявился в Думу и дал себя арестовать. Капитулировал! Отволокли голубчика в Петропавловку, сунули в Алексе-евский рavelин...

Протопопов был самым ненавистным из всех министров царского правительства. Он считался душой «немецкой партии» и ближайшим советником как царицы, так и грязного Распутина, носившего в придворном мире титул Друга. Так называла этого мужика сама императрица... В адрес Протопопова направлялись самые ядовитые стрелы газетной критики. Незадачливого министра внутренних дел называли главным виновником фронтовых поражений русских войск.

По вагону вперевалку прошли два солдата: шинели внакидку, шапки на затылке. Идут, лениво поплевывают подсолнечной шелухой. Генеральские погоны вызвали у них ухмылку. Прошли мимо и от двери враз оглянулись, не переставая скалиться. Лавр Георгиевич стиснул зубы и прикрыл глаза, как от невыносимой боли. Что сделалось с армией?! Позор!

Впрочем, Приказ № 1 и был рассчитан на свободу для солдат. Однако какая армия без офицерства, без подчинения

командам? При этом новые правители России громогласно объявили о своем стремлении воевать до окончательной победы. С такими вот солдатами? Любопытно, как они рассчитывают удержать их в залитых грязью окопах и заставить послушно вылезать на бруствер, чтобы, уставя штык перед собой, бежать на вражеские укрепления?

Поневоле выходило, что власть новая, свергнув старую, собиралась продолжать постылую войну. Тогда за что же покрывались плесенью в сырых петропавловских казематах ветхие царские министры?

Что и говорить, в нелегкий час свалилось на него это неожиданное назначение в столицу...

Лавр Георгиевич уезжал с фронта, когда войска приводились к присяге новой власти. Боевые офицеры, нисколько не таясь, озлобленно сквернословили. Прежде присягали трону, государю. А теперь? «Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавившему Российское государство, впредь до установления воли народа при посредстве Учредительного собрания». Как можно присягать подобной белиберде?

Еще на вокзале Лавр Георгиевич узнал, что на Румынском фронте какой-то старик генерал попросту не вынес небывалого унижения и умер от разрыва сердца.

В невеселом настроении оставлял Корнилов фронт. Он уловил общее солдатское движение: домой, отвоевались! Кровь, грязь, увечья обрыдли всем. Однако в Петрограде ни

о каком мире не хотели слышать. Наоборот, воюем до победного конца. И тут же, словно обухом по голове, этот безобразный, деморализующий военных Приказ № 1. Вышло, что фронт и тыл пошли между собой враздрай. Это было опасно, даже губительно.

Офицеров удручало, что с первого же часа после злополучного приказа фронт вылез из окопов и увлеченно заминтиговал. Сбиваясь в безобразные толпы, солдаты задирали бороды и жадно слушали, что выкрикивают им очкастенькие прапорщики из вольноопределяющихся. Свобода, равенство, братство... Скидывали ненавистных командиров. Повсеместно проводились выборы каких-то комитетов. Вместо погон на плечах повязывали на рукав красный лоскут. Шапки заламывались на затылок, глаза глядели дерзко. Напуганные офицеры прикусили языки. Многие под разными предлогами подавались в тыл. Армия разваливалась на глазах.

Недавняя парочка наглецов солдат, прошедших через вагон... А вагон был офицерский. «Да-а... с такими навоюешь!»

Год назад, в германском плену, в бараке, кутаясь в серое солдатское одеяльце, Корнилов желчно обсуждал со своим товарищем по несчастью генералом Мартыновым позорнейшие слухи о том, что творилось на Родине вокруг Зимнего дворца и в кулуарах Государственной думы. Впечатление было такое, будто Россия сошла с ума. Думские лидеры в об-

личениях царской семьи потеряли всяческую совесть. Грязь лилась потоком. Особенно доставалось царице Александре Федоровне... Теряя самообладание, Корнилов злобно признался: «Моя бы воля, я бы всех этих гучковых-милюковых с удовольствием повесил на одной осине!»

И вот совершенно неожиданно и с Гучковым и с Милюковым пришлось оказаться в одной упряжке!

«Кысмет!» – как восклицают в таких случаях на Востоке. (Судьба!)

В тот день, когда Лавр Георгиевич появился в громадном кабинете с окнами на Дворцовую площадь, новые власти обнародовали еще одно свое постановление: Приказ № 2. Оно также относилось к армии. Если первым приказом отменялось титулование и отдавание чести, то вторым солдаты прямо-таки натравливались на офицеров: им разрешалось не только отстранять от командования неугодных офицеров, но даже их безжалостно истреблять. Такие разрушительные распоряжения мог изобретать только самый лютый враг!

Революционный Петроград показал пример бесчеловечной расправы с офицерством. Особенно отличились военные моряки. В Кронштадте, под самым боком у правительства, матросы убили двух адмиралов, а более двух сотен офицеров сбросили в море с привязанными к шее колосниками.

Русской армии грозило полное уничтожение.

Человек военный, Лавр Георгиевич понимал, что любая армия держится на дисциплине, она живет и действует на беспрекословном исполнении приказов. А своего всевластия как командующего Корнилов как раз и не ощутил. Войска округа крайне вяло отзывались на решения своего штаба. В столичном гарнизоне все уверенней хозяйничал Совет рабочих и солдатских депутатов. В его состав на митингах было избрано 2 тысячи тыловых безграмотных солдат и 800 рабочих самой низкой квалификации. Заседания Совета напоминали бесконечный громогласный митинг. Депутаты от воинских частей являлись на заседания с заряженными винтовками.

В эти первые дни революционной власти генерал Корнилов оказался на самом стыке упорного противоборства Временного правительства и Совета.

Сидеть без дела Корнилов не любил и не привык. В голове его родился план: преобразовать столичный округ в Петроградский фронт. Таким образом он получит права командующего войсками фронта. Своей властью он все запасные батальоны, находившиеся в столице, развернет в полки и бригады. Свежие подразделения немедленно отправятся на передовую. На их место для отдыха и переформирования придут фронтовые части. Петроград быстро очистится от разнузданных тыловигов.

Однако в исполкоме Совета мгновенно раскусили генеральский замысел. Солдаты не захотели вновь почувствовать

власть строя и команды.

Корнилову пришлось невольно обратиться к тому, кто уселся на самом верху военной власти – к военному министру Временного правительства.

В молодые свои годы будущий военный министр прославился как отчаянный сорвиголова. Не пожелав учиться, он убежал из дома и отправился на юг Африки, в Трансвааль, на бурскую войну. Побывал он и в Маньчжурии и даже угодил в японский плен... Одно время Гучков слыл сторонником Столыпина, затем вдруг от него шарахнулся. Богатое наследство отчима, ветхозаветного купца, позволило ему заняться удачливым предпринимательством. Во время войны он стал одним из воротил Промышленного комитета. Российские денежные люди откровенно рвались к власти, и Гучков однажды на приеме у царя так прямо и заявил: хочу быть министром. Николай II презрительно хмыкнул: «Ну вот, еще и этот купчишка лезет!» Императрица Александра Федоровна ненавидела Гучкова больше всех остальных думских смутьянов. Догадывалась ли она о его масонстве? Едва ли. Однако она не раз во всеуслышание заявляла, что таким, как Гучков, самое место на кладбище.

О Гучкове как человеке ловком и небрезгливом Корнилову в плену много также рассказывал старый генерал Мартынов. Озлобленный старик, Мартынов с первых же слов показал себя яростным юдофобом. Он уверял, что все невзгоды России случались и случаются исключительно от проис-

ков евреев. После русско-японской войны, принесшей позор Цусимы, Мукдена и Ляояна, а также унижительный Портсмутский мир, генерал Мартынов написал и выпустил книгу о причинах столь небывалого и неожиданного поражения. Еврейским козням он посвятил в книге специальную главу. Генерал Мартынов не мог слышать имен Гучкова и Милюкова. Память старого генерала была набита событиями, именами, датами. Тучковский кагал, понемногу прибиравший к рукам промышленность России, он называл «ночным заговорщиком еврейского Петрограда». По его словам, солидное столичное купечество (первая гильдия) состояло в основном из преуспевающих евреев. Они незаметно овладели всей торговлей, производством, а главное – банками. Евреи, уверял старик, стали самой влиятельной силой среди ненавистников русского самодержавия... О самом Гучкове он говорил так: старозаветный купчина, оставивший ему свои капиталы, приходился не родным отцом, а только отчимом. Усыновление... Гучковцы в свое время сильно приложили руку к свержению военного министра Сухомлинова и к казни полковника Мясоедова.

За несколько дней в столице Лавр Георгиевич убедился, что вокруг Гучкова и в самом деле вьется рой каких-то темных людишек. А помня о старческом брюзжании генерала Мартынова, он уже не удивился, узнав, что сочинителями страшных для русской армии приказов № 1 и № 2 являются некие Нахамкес и Гиммер. Это они добились, что русский

солдат вдруг возненавидел не врага на фронте, а своего командира – всех тех со звездочками на погонах, с кем три года сидел в окопах.

Направляясь к министру, Корнилов заранее настроился решительно. Нахамкесу с Гиммером следовало треснуть по рукам. Армия – неподходящий объект для распорядительных экспериментов.

В лице военного министра Корнилова с первой же минуты поразила неприятная особенность: его глаза, маслянисто поблескивая, как бы присасывались к собеседнику. Глаза с присоском... («Черт его знает, может быть, Мартынов прав!») Однако сама манера поведения и разговора мгновенно обезоружила Корнилова. Гучков нисколько не пыжился, не надувался важностью. Наоборот, он с первой же минуты взял тон товарищеский, доверительный, отвергающий любую подчиненность. И Корнилов попался. Человек армейский, он обыкновенную вежливость принял за сердечность. От его колючего настроения не осталось и следа. Ему показалось, что перед ним человек, который поймет все его тревоги, разделит все опасения. Маслянистые глаза министра изливали добролюбие и задушевность.

– Господин генерал, правительство надеется, что, буде у него возникнет необходимость, оно сможет найти несколько верных частей, не позабывших своего долга.

Долг... Корнилова словно подстегнули. Как раз об этом и собирался говорить. Он взволнованно двинул стул побли-

же, его простецкое солдатское лицо с косыми прорезями глаз преобразилось. Речь полилась. Состояние столичного гарнизона он назвал ужасным. Петроград сверх всякой меры переполнен запасными полками и учебными батальонами, однако солдаты не проходят никакого обучения. Больше того, они на фронт и не собираются. Им полюбили столичное житье-бытье. – Гарнизон неуправляем, господин министр. Признавать это прискорбно, но я заявляю об этом прямо. Управлять – значит предвидеть, но чтобы предвидеть – необходимо знать. Мне непонятно потакание этому самому Совету со стороны правительства. Я человек военный и принимал присягу. Но я не присягал На хамкесу и Гиммеру. И присягать им не собираюсь! Больше того, я просто обязан своим долгом им противостоять. Эти господа на травливают солдат на офицеров. Но что это за армия, если в ней кипит междоусобица, если в ней отсутствуют приказ и исполнение? Такая армия никого не защитит. Такая армия пожрет саму себя!

Слушая, Гучков с удрученным видом покачивал головой. Что тут станешь возражать? Картины всеобщего хаоса у всех перед глазами. Разумеется, мириться дальше с этим невозможно. Положение невыносимое...

– Наслаждение свалившейся свободой! – проговорил он и, повозившись, принялся аккуратно соединять подушечки пальцев: один палец с другим. – С другой же стороны... Рабочие окраины и без того возбуждены. А если мы еще и...

Нет, нет, надо хорошо подумать, посоветоваться.

– Совещаться можно многим, – отрубил Корнилов. – Действовать надо одному.

Генеральская напористость коробила министра.

– Легко представить, что начнется, если мы отправим из Петрограда хотя бы один батальон! Волнения неизбежны. Да и Совет... Солдаты там – настоящие хозяева.

Снова Совет! Опять это позорное лебезение перед солдатами... Как же они собираются заставить их стать в строй и слушаться команд?

Как видно, этот вопрос министром был обдуман, и он легко заговорил о решительной перестройке всей системы командования. Корнилов не удержался от изумления.

– Простите... это комитеты, что ли? Уверяю вас, господин министр, ни один выборный комиссар не заменит кадрового офицера. Тем более во время военных действий. Здесь, как и во всяком деле, необходимы профессионалы. Речь идет о гибели тысяч... даже больше.

Он волновался. Гучков вдруг скроил лукавую физиономию.

– А Франция? – спросил он вкрадчиво. – Забыли?

Он намекал на революцию, на уполномоченных Конвента. Корнилов вспыхнул:

– Господин министр, но это кончилось-то... чем?

– Наполеоном, Наполеоном, ваше превосходительство! – вне запяну развеселился Гучков. – Вот чем это кончилось!

Свое нововведение – выборные комитеты – он решительно взял под защиту. Столичному округу, считал он, не худо бы подать пример того, как боевые генералы опираются на них в своей революционной деятельности. Имеются несовершенства? Да кто же спорит! И все-таки новому надо не противиться, а всячески поддерживать. Он понимает: трудно ломать старое, рутинное, особенно в такой махине, какой была русская армия. Однако революции для этого и совершаются!

Гучков поднялся. Своей холеной тушей в изысканном костюме он навис над худощавой, какой-то походной фигуркой генерала. Этот колючий азиат открылся министру как на ладони. Взбрело же в чью-то голову притащить в столицу окопного бурбона! Изволь теперь вот с ним... Гучков разделил возмущение Корнилова злодейскими приказами по армии. Однако почему бы не отнестись к ним как к необходимой дани дню и часу, как к вполне объяснимому результату, так сказать, революционного порыва масс? В настоящее же время, и в этом господин генерал абсолютно прав, пасхальный перезвон явно затянулся. Праздники следовало заканчивать и приниматься за работу. Дел предстояло невпроворот.

Внезапно присасывающийся глаз министра снова замаслился.

– Генерал, прошу вас, не воюйте с комитетами. Зачем, скажите мне на милость? Да загрузите вы их сверх всякой головы, чтобы им ни охнуть ни вздохнуть. Ну как это чем,

как это... Вас ли мне учить! Солдатикам вашим есть-пить требуется? Еще как! Обмундировываться надо? Да и вообще... Бытом, бытом их обеспокойте. Самое разлюбозное дело. При наших-то порядках... даже и в хорошие-то годы... А уж теперь! Да им до скончания века не разогнуться будет, не продохнуть... – Корнилову почудилось, что глаз министра лукаво подмигнул. – Что же насчет этих приказов... Поверьте, я с вами согласен совершенно. Но... воленс-ноленс! Вы ж знаете, что в исполкоме Совета почти одни солдаты. С этим приходится считаться. Давайте сделаем так. Я думаю, вам на днях следует встретиться с товарищами из Совета. Конкретно? Ну хотя бы с Гиммером, с Нахамкесом. А что? Это ж они – творцы. Им и карты в руки. Сойдитесь, поговорите... вреда не будет. Только прошу еще раз: не теряйте со мной связи. Мы с вами призваны к одному большому делу! Трудно будет, очень трудно, – с легким сердцем признавал Гучков. – Но разве нам хоть что-нибудь легко давалось? Так уж устроена наша с вами Россия, генерал!

Упрямо наклоненная голова Корнилова, остриженная коротко, по-солдатски, была усыпана ранней сединой. Смуглое лицо казалось испеченным жгучим солнцем. Коричневые руки генерала держали на коленях папку. Приготовленные документы министру так и не понадобились. Вся беседа свелась к вежливому препирательству. Собравшись с духом, Лавр Георгиевич строптиво заявил, что выборные комиссары, все эти штафирки в драных пиджачках, совершен-

но неспособны подать команду и выскочить впереди солдат на бруствер. Впрочем, они скорей всего для этого и не предназначены. В их обязанности входит пристальный пригляд за фронтовыми генералами, так сказать, надзор. Но тогда выходит, что Временное правительство не доверяет своей армии!

Разговор стал утомлять министра. От настроения Гучкова не осталось и следа. Он привык к придворным генералам. Этот же... А говорили, что интеллигент... Как он непримиримо вскидывал свое скуластое лицо, как вспыхивали его узкие, косо поставленные глаза! Азиат... Интересно, неужели не нашлось никого другого? Гучков с затаенной неприязнью поглядывал на щуплую фигурку в добротных, но не форсистых военных сапогах, на какой-то грубый и аляповатый перстень, надетый на мизинец генерала. Никак, какой-то талисман?

И все-таки неприятный разговор следовало закончить на доверительной, дружеской ноте.

– Генерал, меня предупреждали насчет вас... Очень приятно встретить в вашем лице убежденного патриота. В них так нужна ется Россия! Прошу только об одном: не торопитесь, не спешите. Помните: семь раз отмерь, а уж потом... И еще одно: «не теряйте со мной связи. Я, правда, занят, но... все-таки...

Волнуясь, Лавр Георгиевич встал.

– Господин министр, я солдат, офицер. Я принимал присягу! Корнилов стоял перед министром, невысокий и

нескладный.

Руки он держал опущенными.

– Разрешите идти?

– Одну минуточку... – Гучков, вернувшись к столу, порылся в ворохе бумаг, но так и не нашел. – Тут еще вот что... М-да... Как вам известно, Николай Второй, отныне просто гражданин Романов, завтрашним днем будет взят под караул. Его доставят в Царское Село. Вам, господин генерал, поручение правительства: к этому времени, то есть когда его доставят, приготовить всю его семью. Они останутся жить там, где и сейчас. Так решено.

Глаза Корнилова вспыхнули, высокие скулы порозовели. Ему показалось, что он ослышался.

– Арестовать?

Гучков испуганно замахал обеими руками.

– Ну что вы, что вы, генерал? О каком аресте речь? Приго-то-вить! Согласитесь: отныне семья Романовых будет вести совсем иной режим. Что же, по-вашему... поручить такое дело каким-ни будь кронштадтским матросам? Представляете, что может пол учиться? – Улыбаясь, он подождал ответа, не дождался и дело вито заключил: – Никакого самосуда над царем и всей его семьей мы не имеем права допустить. Представляете, какое это впечатление произведет на Западе? От нас же все отвернутся!

Корнилов по-прежнему стоял туча тучей. Хорошо, он поедет. Хорошо, он приготовит. В конце концов, как военный

генерал-губернатор столицы, он это обязан сделать. При всей неприязни к безвольному государю Лавр Георгиевич испытывал теплое, живое чувство к несчастной государыне, матери смертельно больного мальчика-наследника.

Гучков встрепенулся:

– Революции положено служить, генерал. Выбор сделан са мим народом. Полагаю, вам известно, что даже сам великий князь Кирилл в числе первых поспешил исполнить свой граждан ский долг. Это произвело замечательное впечатление!

О поступке великого князя Кирилла Владимировича рас- трезвонили все газеты. Еще 1 марта, то есть до официаль- ного отречения царя, великий князь нацепил на грудь гро- мадный красный бант и, построив свой гвардейский экипаж, привел его к Государственной думе. На подъезд к гвардей- ским матросам вышел тучный Родзянко. Великий князь, пе- чатая шаг, словно молоденький прапорщик, подошел к нему с рапортом. Он предлагал совершившейся революции свои силы и преданность вверенного ему гвардейского подразде- ления. Холодный ветер с Невы трепал крылья банта на гру- ди тянувшегося в струнку адмирала. Родзянко выслушал ра- порт великого князя и небрежно ответил:

– Благодарю вас, гражданин Романов. Русская революция в ваших услугах совершенно не нуждается.

Оторопевший князь застыл с разинутым ртом.

Впрочем, он не оставил своих стремлений угодить новой

российской власти. На следующий день он поднял над своим дворцом на набережной гигантский красный флаг.

Гучков напрасно помянул старательность великого князя. В русской армии к этому из Романовых было давнишнее безразличное отношение. Во время осады Порт-Артура, в роковую ночь гибели «Петропавловска», Кирилл Владимирович находился рядом с Макаровым, но славный адмирал погиб, а великий князь выплыл. Такое «добро» нигде и никогда не тонет!

Последним скандалом великого князя Кирилла была жеманность: он увел свою двоюродную сестру от ее мужа, брата императрицы Александры Федоровны.

Внезапно просияв, Гучков стал делиться с Корниловым приятными новостями. Во-первых, сегодня Соединенные Штаты Америки объявили наконец войну Германии, во-вторых, пришла победная реплика с Кавказского фронта: на границе с Курдистаном небольшая армия генерала Баратова овладела городами Керман-шах и Кизилраб, после чего вырвалась на просторы Месопотамии и получила возможность восточнее Багдада соединиться с англичанами.

– Боюсь, германцам не до наступления, – самодовольно заключил министр. Этим он как бы отмел тревоги Корнилова о германских угрозах русскому фронту.

Соединенные Штаты... Вчерашним днем в штабе тревожно обсуждали безобразное положение с оружием. Для маршевых батальонов не стало хватать обыкновенных винтовок.

С чем посылать солдат на фронт? С пустыми руками? На фронте их не вооружат. Там солдату придется идти в бой с одной надеждой: когда убьют соседа, он подберет его винтовку. А подряд на поставку русской армии винтовок взяла как раз Америка.

Три фирмы: «Винчестер», «Ремингтон» и «Вестингауз» – получили около двух миллиардов золотом задатка. К сегодняшнему дню американцы поставили всего десятую часть обещанного вооружения. Лавр Георгиевич выяснил, что Вашингтон запрашивали еще в прошлом году, когда дела на русском фронте снова пошли плохо. Не можете прислать винтовок – верните деньги! Американцы ответили уверливо. Но винтовок-то нет!

– Надо войти в сношения, – озаботился Гучков. – Хотя имеем ли мы право вторгаться в прерогативы Министерства иностранных дел? Кстати, вы еще не встречались с Павлом Николаевичем? Надо встретиться и образовать комиссию. Дело важное.

«Плакали наши денежки», – подумал Корнилов. Напоследок Гучков осведомился:

– К вам еще не обращался такой: господин Сико? Француз, автомобилист, представитель фирмы «Рено». Репутация неважная – я спрашивал самого Палеолога. Но господинчик шустрый. Он вас в покое не оставит. Так что имейте в виду...

Провожая Корнилова к двери, министр снова напомнил о встрече с Милюковым.

– Павел Николаевич расспрашивал о вас. Он читал ваши работы по Центральной Азии, по Кашгару. Очень хвалил! Вам с ним предстоит серьезнейшее дело: встретиться с этими господами из Совета... Я имею в виду Гиммера с Нахамкесом. И попытаться их уговорить, сломить. Двух приказов по армии, я считаю, впол не достаточно. А черт их знает, что они вдруг сочинят под номе ром три!

– Эти... Нахамкес с Гиммером приедут сюда, в министерство?

– Н-не думаю... Не знаю. Едва ли... Впрочем, этим делом занимается сам Павел Николаевич. Ему же нет спасения от по слов! Наши союзники постоянно говорят о наступлении... Я ду маю, Павел Николаевич вас сам найдет.

И Милюков его нашел: министр иностранных дел сам за явился в здание Главного штаба на Дворцовой площади. Сегодня с утра в приемной командующего округом дежурил молоденький поручик Долинский. Он положил на угол стола свежие газеты. Заведено было: газетный лист складывался так, чтобы самое интересное бросалось в глаза. На отдельном листке коротко были перечислены события прошедшей ночи.

Пьяные солдатские скандалы уже не удивляли. Сегодня в сводку попало задержание группы солдат с пулеметом на веревке. Нагруженные мешками и узлами, окопные бородачи тащили пулемет, словно бычка на веревочке. Они явились в столицу с Рижского фронта. Причину дезертирства объясни-

ли простодушно: захотелось глянуть своими глазами, что тут происходит... Рижский фронт был самым близким к Петрограду. По списочному составу он насчитывал 600 тысяч штыков. Сила огромная. Однако в окопах, на передовой, не осталось и половины: солдаты разбрелись по городам и, подпираясь винтовками, словно палками, лузгали семечки и митинговали.

Семечки... Господи, что за напасть эти чертовы семечки! Мастеровой в картузе, бабенка в платке, солдат с винтовкой, матрос в аршинных клешах и с коробкой маузера на боку изводили мешки этого сухого, трескучего продукта, продаваемого на всех углах столицы разбитными тетками из пригородных деревень. Подсолнечной шелухой были завалены проспекты, набережные, дворцовые подъезды. На местах митингов в завалах шелухи тонула нога. Лузганье семечек не прекращали даже ораторы. Взобрался на ограду или стоит себе на бочке и орет и лузгает, орет и лузгает...

Поручик Долинский, возникший в растворе высокой массивной двери, доложил:

– Ваше превосходительство, господин министр иностранных дел.

Лавр Георгиевич порывисто поднялся. Разом вспомнился наказ Гучкова встретиться и переговорить с Павлом Николаевичем. И вот пожаловал сам, не стал чиниться, важничать.

Долгие годы Милюков считался кумиром «мыслящей России». Его признавала и Европа. Он слыл выдающимся спе-

циалистом по Востоку, по Византии: Царьград, Константинополь, проливы. Постоянно разъезжал по странам, читал лекции, консультировал, составлял меморандумы. В Государственной думе каждое выступление Милюкова вызывало бурю. Особенно прогремела его знаменитая речь 1 ноября 1916 года, когда он принялся напрямую обличать правительство в бесконечных неудачах, завершая каждое свое обвинение убийственным рефреном: «Что это: глупость или измена?» Речь лидера кадетской партии разошлась по России в тысячах списков, ее продавали из-под полы, как возмутительную прокламацию.

– Генерал, я счел благоразумным не отвлекать вас от важных дел и свести потери времени к минимуму. Но откладывать далее наш вопрос считаю недопустимым. Этим и объясняется мое втор жение... Простите великодушно!

Так говорил вальяжный и представительный господин с совершенно белой головой, направляясь от двери к стоявшему за столом Корнилову. Гость непринужденно обменялся с генералом рукопожатием и расположился в кресле с каким-то неуловимым изяществом европейца.

Укоренившаяся светскость сквозила и в летучих взглядываниях, похожих на мгновенные уколы. Милюков, близко сойдясь лицом к лицу, спешил составить и свое мнение о загадочном «азиате». Гучков, с которым фигура Корнилова обсуждалась уже не один раз, мог в чем-то и ошибиться.

Протекла минута напряженной неловкости.

Лавр Георгиевич, совершенно не подготовленный к встрече, держался скованно. Ему никак не давался нужный тон. Министр иностранных дел заехал, чтобы предварительно договориться о завтрашней встрече в исполкоме Совета. Да, да, эти самые... Гиммер и Нахамкес. Эти господа, а верней всего, товарищи, ждут их завтра, и непременно вдвоем. Он об этом только что договорился.

– Милостивый государь, нам предстоит труднейшее дело. Александр Иванович вас предупредил? Русская армия необходима не одной России. В ней нуждаются наши союзники. Вы знаете, о чем меня постоянно спрашивает французский посол Палеолог? «Не забывают, немцы в сорока лье от Парижа!» Но немцы близко и от Риги. Они готовятся к большому наступлению, это несомненно. Неужели мы пустим их в Петроград? А там и в Москву? Я считаю, нам достаточно Наполеона!

Правительство, продолжал Милюков, точно так же, как и Корнилов, озабочено разладом дисциплины и обилием на столичных улицах расхлыстанной солдатни. Назрела жгучая необходимость в крепкой руке, в руке властной, поистине железной. Кстати, как смотрит господин генерал на состояние гарнизона в Кронштадте? Морская крепость, созданная гением Петра Великого для защиты своей столицы, в наши дни превратилась для этой самой столицы в смертельную угрозу. Стихия разлившегося анархизма не поддается никакому управлению. Именно в Кронштадте, озверев от без-

наказанности, матросы подняли на штыки своих начальников, они привязывали им на шею камни и топили в море. А у стенки и на бочках стоят могучие линкоры и крейсера с орудиями главного калибра, с погребами, полными боезапасом, так и не использованным против врага. Один залп корабельных башен способен превратить Петроград в дымящиеся развалины. Лавр Георгиевич оживился. Близкий Кронштадт тревожил его постоянно. Всю долгую войну матросы отсиделись на кораблях. Теперь они, откормленные, здоровенные, наглые, мотают аршинными клешами и горланят: «Наша власть!» Им сильно по душе пришелся уголовный лозунг: «Грабь награбленное!» На петроградские дворцы они давно поглядывают, как на лакомую добычу. В качестве серьезной воинской силы Корнилов не ставил их ни в грош. Какой может быть воин из грабителя, из уголовника!

Милюков, воодушевившись, заговорил о том, что необходимо предупредить намерения германского командования. В этом, кстати, состоит и союзнический долг русских.

– Наступление необходимо. Помимо стратегических соображений мы должны помнить, что наш народ устал от бесконечных поражений. Посудите сами: даже Брусиловский прорыв закончился скандалом. Победа вооружит народ надеждой, она продует страну подобно сквозняку.

«Но что будет в окопах? – задумался Корнилов. – Солдат надеется на замирение. Он уже домой собрался...» Милюков порывисто поднялся:

– Генерал, давайте же спасти Россию! Затем он буднично осведомился:

– У вас автомобиль? Прекрасно. Поедем в вашем. Заезжайте за мной. А по дороге кое-что еще и уточним.

Внезапно он затянул рукопожатие и с улыбкой глянул Корнилову в самые глаза.

– Лавр Георгиевич, я знаю ваше отношение к завтрашним господам. Но потерпите уж... так вышло. Что поделаешь? Исп–рохвостилась наша с вами Русь горемычная!

И снова Лавр Георгиевич подпал под обаяние умелой и тщательно дозированной доверительности. Что и говорить, новые министры ничем не походили на прежних, царских, старорежимных. У тех от напыщенности даже брюки в коленях не сгибались, так и подпирали, словно два столба. Эти же... ну разве можно сравнивать? Этим и брали...

В автомобиле по дороге в Таврический дворец Милюков неожиданно спросил Лавра Георгиевича о генерале Крымове.

– В прошлом году я был на фронте, в Румынии, и попал на его участок. После ужина разговорились и проговорили, представьте, до утра. Он мне доказывал, что от таких, с позволения сказать, союзников, как Румыния, нам одни заботы. Что стоит одно только растяжение фронта на сотни верст!.. Мне понравилось, как он рассуждает, мыслит... Вы, кстати, знаете, что он сейчас в Петрограде?

Корнилов изумился. Генерал Крымов со своей дивизи-

ей находился на самом южном фланге русско-германского фронта. Какон оказался вдруг в столице? Вызов? Но чей? И почему не зашел, не показался? Что за конспирация? Лавр Георгиевич был уязвлен. С генералом Крымовым его связывали самые дружеские отношения.

Автомобиль ехал вдоль решетки причудливой ограды Та-врического дворца. Над голыми деревьями парка взлетали стаи ворон. Грязный подъезд был запружен серыми солдатскими шинелями... Приехали.

Выбираясь из машины, Милуков скороговоркой предупредил:

– Генерал, прошу вас об одном: выдержка, выдержка и еще раз выдержка. – И прибавил, когда они стали подниматься по ступеням: – Попали, батенька мой, в стаю – лай не лай, а хвостом виляй!

Комиссар Нахамкес оказался мужчиной громадного роста, с запущенной окладистой бородой. По обличию – настоящий губернский завсегдатай салонов и общественных собраний. Он и одет был как интеллигент средней руки – в измятую поношенную тройку. От комиссара Гиммера, наоборот, так и шибало застарелой местечковостью. Маленький, с бритым сморщенным лицом актера-неудачника, он брызгал неутоленной злобностью. Особенно неукротимо поглядывал на мундир Корнилова. Таких, как Гиммер, частенько отлавливали в тылах Юго-Западного фронта и вешали за шпионаж.

Нет, политик из Корнилова совершенно никудышный! Если бы не выдержка Милюкова, вся затея с исправлением приказов по армии закончилась бы сокрушительным провалом.

Лавр Георгиевич сдержанно обрисовал создавшееся положение с командными кадрами. Офицерство, даже раздавленное страхом необузданной расправы, продолжало оставаться на своем посту. Но надо же понять: одно дело – погибнуть от руки врага в бою, совсем другое – получить штык в живот от своего солдата. А солдат продолжают науськивать, поощрять к расправам с «золотопогонниками». Им внушают, что сознательный солдат обязан подчиняться не офицеру, а Совету. Однако Совет находится в Петрограде, а на передовой судьба и сама жизнь солдата целиком и полностью зависят от распорядительности офицера. Без кадрового офицерства армия – как лодка без руля, как корабль без капитана.

Высказываясь, Корнилов ловил себя на том, что в глубине сознания не исчезает главный раздражитель: у кого приходится выпрашивать ярлык на спасение русской армии? У каких-то двух пархатых комиссарчиков!..

Нахамкес слушал невозмутимо, лишь терзал всей горстью свою дремучую бородищу. Его могучий голый лоб блестел. Зато Гиммер был как на пружинах. Он едва дослушал. Бескровные бритые губы Гиммера сложились в ядовитейшую гримасу.

– Э-э... как вас там... ваше превосходительство, кажет-

ся?.. Вы очень, оч-чень поэтично и возвышенно изложили нам необхо димость существования всех этих «благородий» и «превосходи тельств». Ну и «светлостей», надо полагать, тоже! Но вы совер шенно упускаете из виду, ваше превосхо дительство, что старой России больше нет. Нету ее, нету... кончилась! И армии вашей тоже нет. Как ни мила она вам, ваше превосходительство, как ни дорога. Уж извините нас великодушно! Новая Россия не нуждается в этом гнилом наследстве проклятого режима. Новая Россия создаст совершенно новую армию: подлинно народную, демократиче скую. Солдат уже глотнул свободы, он уже расправил свои плечи. И вам, ваше высокопревосходительство, уже не за гнать его под генеральское ярмо!

Как же они насобачились болтать, прохвосты! И как сте гала по ушам эта возмутительная картавость!

– Какое ярмо? На дисциплине стоит любая армия! Это же... вредительство. Самое настоящее вредительство!

На этом и конец бы всем переговорам. Но тут, словно дредноут в стаю мечущихся лодок, величаво всплыл монументальный Милюков. Он подавлял и видом, и манерой. Ма стер, настоящий мастер, что и говорить! Недаром же считал ся одним из самых видных думских златоустов.

Начавшейся перепалки он словно не заметил. Сбивая на пряжение, он пустился в рассуждения насчет того, что вели кой державой следует считать государство, способное в оди ночку выдержать войну против любой другой великой дер

жавы. Способна ли Россия – да, новая, свободная, сбросившая гнет царизма, демократическая безусловно, – так вот способна ли она в полнейшей изоляции, без помощи союзников, обуздать германские притязания на свою свободу, на свою с таким трудом достигнутую независимость? Сомнительно, господа. Об этом как раз и говорил сейчас присутствующий здесь новый, революционный командующий войсками округа. Во всяком случае, он лично понял его именно так, и не иначе... С другой же стороны, преступно спорить с тем, о чем так горячо высказался вот... господин комиссар... господин Гиммер. Ну, то есть о необходимости обновления русской армии, бывшей, как известно, долгие века послушным инструментом в руках проклятого самодержавия. Обновление нужно как воздух, как настоящая питательная среда. Но разве первые шаги уже не осуществлены? Разве дух свободы уже не проник в казармы старой армии? Он имеет в виду избираемые комитеты, призванные отнюдь не заменить, но лишь усилить существующие командные структуры, иными словами – штабы... Бальзам умелой и спокойной речи проливался, успокаивал и завораживал. Внезапно Нахамкес ухмыльнулся и ребром ладони взбил свою бороду снизу вверх.

– Вы забываете, что новая Россия воевать ни с кем не собирается. В том числе и с Германией. Мир между народами – вот наше требование. И мы об этом уже заявили.

Лукавым движением бровей Милоков выразил свое со-

мнение насчет столь призрачных надежд.

– Боюсь, Германия имеет свои планы, господа. Ее командование, и генерал Корнилов нам об этом только что сообщил, настроено по-прежнему весьма решительно.

– У вас что... такие доверительные связи с германским генеральным штабом? – съязвил Гиммер, ощерив мелкие частые зубы.

С профессорской снисходительностью Милюков отнесся к новой выходке невоспитанного собеседника.

– Разумеется, Германия хочет мира. Она его жаждет. Но где гарантии, что она сядет за стол переговоров, не обеспечив себя предварительно хотя бы, скажем, половиной нашей Украины?

Нахамкес удивился:

– Вы настаиваете на том, что Германия хочет воевать? Спокойно, волооко глянув на него, Милюков посоветовал:

– Господин комиссар, раздобудьте немецко-русский словарь и прочтите хотя бы одну из немецких газет. Наши противники своих намерений не скрывают.

Взъерошенный Гиммер напыщенно провозгласил:

– Мир-ровая р-революция р-разр-растается и кр-репнет! Кр-ровавого Вильгельма ждет судьба кр-ровавого Николашки!

Комиссарские наскоки Милюков воспринимал как несокрушимая скала. Чем больше кипятились Гиммер и Нахамкес, тем замороженнее становился министр иностранных

дел. В нем оказался неистребимый запас невозмутимости. Белоголовый, с крупным породистым лицом, он лишь багровел. Казалось, метать горох в глухую стенку – для него обычнейшее дело. За весь долгий день он ни разу не повысил голоса.

– Вы что же... требуете капитуляции Совета? Так вас прикажете понимать?

Мы!.. – усмехнулся Милюков. – Требуем не мы. Требуется Россия. Требуется наша молодая демократия. Да будет вам известно, господа, что мы начали войну, недосчитываясь в рядах армии более трех тысяч офицеров. Не сомневаюсь, что вам известны наши фронтовые потери. Убыль офицеров пополнялась, как известно, в основном за счет вольноопределяющихся. Погоны надела наша лучшая молодежь. Почему вы ей отказываете в демократизме, господа? С какой целью вы всю ее огулом записываете в какие-то черносотенцы? Корнилов снова чуть не испортил дела. Он не вытерпел:

– Вы же все время требовали ответственного министерства. «Правительство народного доверия»... Но разве офицер – не представитель государства? Почему вы вдруг отказываете ему в доверии солдат?

Как снова встrepенулись оба комиссара!

Какой: выразительный взгляд метнул в его сторону терявший терпение Милюков!

Тщедушный Гиммер чуть не завизжал:

– Старому офицерству? Вы спрашиваете: вашему старому

офицерству? Мы ему отказываем... да! Никакого доверия этим палачам! Офицер нашей армии должен пользоваться доверием своих солдат. И наша армия изберет себе таких командиров...

Волны ожесточенного спора заплясали было снова, как вдруг дверь распахнулась и в помещении возникла нелепая фигура министра юстиции Керенского. Все вздрогнули, замолкли и оборотились. Керенский влетел словно с разбега: стремительный, с рысучим взглядом, с вихревыми жестами. Почему-то выделил из всех Корнилова.

– Мое почтение, генерал! – И словно кинул ему свою руку.

В сверкающих крагах, с пузырями на коленях, с жестким ежиком волос, он казался иностранцем. Его сжигало нетерпение, он вел себя так, будто урвал случайную минутку. С невозмутимым Милюковым на ходу перешепнулся и, нажимая ему на плечо, сделал знак Гиммеру с Нахамкесом пойти с ним в соседний кабинет.

Оставшись вдвоем, Корнилов с Милюковым в молчании переглянулись. Министр выразительно поднял брови и тяжело вздохнул. Он так же, как и Корнилов, испытывал крайнюю усталость.

С треском распахнулась дверь, Керенский, по-прежнему весь устремленный, промчался через комнату и скрылся. У Гиммера с Нахамкесом был удрученный вид. Они сами предложили подвести итог. Казалось, им тоже опостылел долгий и бесцельный спор. Желчный Гиммер сник и не произносил

ни слова. Громадный Нахамкес, поглаживая бороду, зачитал коротенькое постановление исполкома Совета. Лавр Георгиевич уловил: «...о недопущении огульного подхода ко всему офицерскому корпусу демократической России».

Это была победа. День потерян не напрасно.

Но что за магическое слово сумел сказать этим двум остервенелым комиссарчикам ворвавшийся как метеор Керенский?

Так, мало-помалу Лавр Георгиевич все чаще и все ближе соприкасался с таким грязным и муторным занятием, как политика...

Радость от достигнутой победы оказалась преждевременной. Через несколько дней исполком Совета постановил: «Войска, принимавшие участие в революционном движении, разоружены не будут и останутся в Петрограде». Это было грозное предостережение не столько штабу округа, сколько самому Корнилову.

Лавр Георгиевич удивился, узнав, что Временное правительство с этим постановлением согласилось. Выходило, Гучков забыл свои недавние обещания и обманул. Вот она, политика, фальшивый глаз с присоском!

В прежние времена в таких случаях полагалось подавать в отставку. Корнилов, сдержав негодование, так и не подал. Самоустраняться – значило бы дезертировать, отказаться от борьбы, сыграть на руку противнику.

День ото дня столичная жизнь учила генерала, что в по-

литике, как и на фронте, нельзя идти в полный рост на бешено работающие пулеметы. Фронтовой генерал в роли жандарма! Остыв и поразмыслив, он пришел к выводу, что министр прав. Жутко представить в Александровском дворце орду братишек в аршинных захлюстанных клешах, грохочущих прикладами винтовок по паркету.

Возвращаясь от Гучкова, когда автомобиль поворотил с Адмиралтейской набережной на улицу Глинки, Лавр Георгиевич сказал шоферу остановиться. Машину дернуло, понесло юзом и ударило задними колесами о бордюр. Шофер вполголоса выругался. Корнилов вышел из машины и задрал вверх голову, словно мальчишка перед деревом. Шофер любопытствовал, что привлекло внимание командующего округом.

Над дворцом великого князя Кирилла Владимировича развевался красный флаг. Цвет флага бил Корнилова по глазам. Он видел эти флаги над митингующими толпами. В последние дни с ними бегали на митингах оружие солдаты. Однако сейчас перед ним был величественный дворец члена царской семьи!

Корнилов откинул голову и зажмурился, словно от нестерпимой боли.

В императрице Александре Федоровне сильно сказывалось происхождение из владетелей захолустных мелких княжеств, испытавших жгучее унижение от наглого самоуправства Наполеона. Достигнув власти, она, в отличие от му-

жа, никак не поддавалась расслабляющему волю фатализму. Она ожесточалась и, сознавая, какая беда заходит не только над державой, но и над ее большой семьей, жалела, что не родилась мужчиной.

На русском троне полагалось бы находиться ей, а не вялому, безвольному Николаю!

В письмах царицы сквозит ее властный и решительный характер. Она настойчиво побуждает мужа не раскисать, действовать энергично, проявить в конце концов характер самодержца. Она не могла слышать наглой думской болтовни нечистоплотных лидеров русской демократии. «Я бы спокойно, с чистой совестью перед всей Россией отправила бы Львова в Сибирь, Милюкова, Гучкова и Поливанова – также в Сибирь. Идет война, и в такое время внутренняя война есть государственная измена. Почему ты так на это смотришь, я право не могу понять. Я только женщина, но моя душа, мой ум говорят мне, что это было бы спасением... Мы Богом возведены на престол, и мы должны твердо охранять его и передать его неприкосновенным нашему сыну. Если ты будешь держать это в памяти, то не забудешь быть государем... Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом. Раздави их всех под собой!»

Как ей было горько наблюдать раскисшего супруга, когда он в тихом подпитии возвращался из офицерского собрания, виновато смотрел на нее своими прекрасными романовскими глазами и бормотал: «Твой бедный старый муженек со-

всем без воли...» Она с трудом удерживала слезы. Какой же из него защитник? Погубит и державу, и себя, и всю семью!

Екатерина II потому и стала Великой, что без колебания поправа закон о престолонаследии. Такая же мелкопоместная, она, однако, совершенно не любила мужа и еще задолго до своего решительного шага находила утешение в объятиях гвардейских офицеров. Они-то, офицеры, и освободили ей престол.

В Александре Федоровне беззаветная любовь к супругу и большой семье переборола долг перед Россией и детьми...

Александра Федоровна пыталась вмешиваться в мужские дела на правах императрицы. Английскому послу Бьюкенену, лстивому и подлому, она заявила твердо:

– Пусть царь слаб, но я сильна!

Искренне уверовав в чудодейственные способности Распутина, государыня всей душой стремилась обратить эту загадочную силу на благо России. Сколько раз «святой старец» спасал наследника от верной смерти! Он спасет и армию! Это же просто дьявольское наваждение – приписывать Григорию Ефимовичу низменные мысли и поступки. Этот необыкновенный человек послан несчастной России самим Всевышним. Разве не находится Россия под защитой покрова Богородицы? Так появление Распутина возле престола – знак этой Божественной благодати!

Александра Федоровна была покорена неожиданным поступком самого Столыпина. После взрыва дачи, когда страш-

ные ранения получила его дочь, он не нашел ничего лучшего, как пригласить к постели страдающей девочки не знаменитых докторов из-за границы, а Распутина. И Григорий Ефимович в который раз явил свое неизреченное искусство, и дочь Столыпина быстро пошла на поправку. Царица была готова выйти на самую большую площадь и закричать: «Поверьте, да поверьте же, что в лице Распутина на Россию снизошла небесная святость!»

В последнее время, когда Николай II взвалил на свои плечи обязанности Верховного главнокомандующего, царица вынашивала мысль устроить поездку Распутина на фронт. У нее изболелась душа за мужа, за армию, за Россию. Она искренне верила, что одно появление «святого старца» на передовых позициях самым чудесным образом скажется на развитии военных действий.

Прошлым летом, когда русская армия отступала, намерение царицы излить на фронтовые части распутинскую святость наткнулось на солдафонскую грубость тогдашнего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Извещенный о намерении «святого старца» приехать на фронт, князь ответил короткой телеграммой: «Приезжай. Повешу». Грубияна удалось прогнать, перевести на Кавказ. Став во главе сражающихся войск, Николай II сам выбрал для своего штаба генерала Алексеева. Службист, педант, с головой занятый своими картами, Алексей произвел на императрицу впечатление недалекого, но абсолютно пре-

данного человека. «Слава Богу, Ники научился разбираться в людях!» И у нее появилась надежда – наконец-то генерал Алексеев поможет ей в осуществлении давней задуманной поездки Распутина на фронт.

Вечером за ужином она обратилась к генералу с этим вопросом, добавив, что явления чудес небесных никогда не пресекались на земле. В них трудно поверить лишь сиюднeвно, сиюминутно. Так не верили в явление Богородицы участницы кровавой битвы с турками, а вот явилась же Небесная Заступница и спасла! Так спасет Россию, а с ней и династию «Божий человек», «святой старец», явившийся вдруг в тяжелую годину из самых глубин Сибири. Короче, она просила разрешения приехать Григорию Ефимовичу и благословить русское воинство на ратный подвиг.

Император вздрогнул. Опять милая Алике, как в тот раз, не посоветовалась! Он прекрасно знал об отношении фронтовиков к Распутину и их убежденности в том, что именно в «Божьем человеке» все главные причины военных неудач.

Александра Федоровна с милостивой улыбкой смотрела на начальника штаба.

Просьба царицы застала Алексеева врасплох. Глаза его раскосило еще больше.

В неловкой тишине застолья ответ генерала прозвучал отрывисто, крайне невежливо. Он, игнорируя царицу, обращался к самому царю: если только Распутину будет позволено приехать, он, Алексеев, немедленно подает в отставку!

Бледное лицо императрицы покрылось багровыми пятнами. Не совладав с собой, она шумно поднялась и вышла из столовой.

Генерал Алексеев собрал всю выдержку и завершил ужин. Он понимал: дни его на посту начальника штаба сочтены. «Немецкая партия» не простит ему подобного поведения. Заметно был оскорблен и сам император.

В те дни еще мало кто знал, что последние недели доживает и сама династия Романовых...

8 марта Лавр Георгиевич поехал в Царское Село. Там, в Александровском дворце, императорская семья: жена, четыре дочери и больной наследник – с тревогой ждала появления мужа и отца. Газеты радостно оповестили, что в Могилев, в Ставку, отправилась целая делегация во главе с комиссаром Бубликовым. Их задача – арестовать царя и доставить его в Царское Село. О дальнейшей судьбе царской семьи позаботится Временное правительство.

С недавним венценосцем перестали церемониться. Лавр Георгиевич представлял, как некий комиссарчик с мещанской фамилией Бубликов, длинноволосый, усыпанный перхотью, в пенсне, злорадно вяжет руки плотному крепышу в полковничьем мундире. Мысль сама собой перескакивала к жестокой судьбе королей Англии и Франции, сложивших свои головы на революционном эшафоте...

По дороге в Царское Село автомобиль Корнилова обогнал диковинного пешехода. Согбенный старик в богатой мехо-

вой шубе, подпираясь великолепной музейной тростью с инкрустацией, еле волочил ноги и на промчавшийся автомобиль лишь покосился. Лицо его было красным, распаренным. Лавр Георгиевич невольно оглянулся. Вроде бы обыкновенный странник на дороге... однако одет-то как! И драгоценная трость... Загадочным пешеходом оказался престарелый граф Замоийский. Узнав о бедствиях царской семьи, он, не нанимая извозчика, отправился в Царское Село пешком.

Отречение от трона вызвало лавину предательств со стороны самых ближних, самых доверенных людей государя. Верными царской чете (отныне семья полковника Романова) остались единицы.

Впереди показались оснеженные кроны Александровского парка. Возле причудливо литой ограды, окружавшей дворец, толпились солдатские шинели, черные бушлаты, чуйки, бороды, картузы. Люди лезли на столбы и деревья, жадно глазели на притихший, приниженный дворец недавнего повелителя России.

– Надысь сама показывалась. Еле ходит, обезножела. Говорят, не ест, не пьет.

– Все по Гришке убивается!

А что? Муж – на фронт, она – к нему.

– Так Гришку-то за что прикончили? За это самое. Не невежничай! Нашел, дурак, к кому.

– Э, брат, сучка не схочет, кобель не вскочит!

– Не знаешь, не болтай! Его убили вовсе не за это. А за провод... Вот из этого самого дворца прямой провод был протянут до Берлина. Чуть что у нас... к примеру, наступление – Распутин сразу туда: так, мол, и так, встречайте. Нас и встречают. Из пушек, из пулеметов... Страсть!

– Да уж... положили нашего брата достаточно. Гнить надолго хватит. Бывало, полк поднимется... Ура!.. А вернемся – роты не останется.

– Ну, вот, а ты болтаешь. За царицу бы ему бока намяли хорошенько, да и ладно. А тут... Тут, брат, самое что ни на есть шпионство!

Своими зоркими глазами степняка Корнилов разглядел в глубине величественного дворцового подъезда серенькую фигурку с винтовкой. Поблескивало жало штыка... Адъютант быстро сбегал и переговорил с охраной. Тяжелые ворота растворились. Автомобиль въехал и сделал широкий разворот вокруг пустой клумбы с ровным покровом свежего снежка. За ним остались две четкие траурные колеи.

Скинув шинель и фуражку, Лавр Георгиевич остановился перед зеркалом. Все здесь было так же, как примерно год назад, когда он после германского плена был вдруг пожалован приглашением на высочайший прием. Зато какая разница в причине его сегодняшнего здесь появления! Тогда и теперь... Он оборвал свои переживания, одернул мундир и легким, быстрым шагом стал подниматься наверх. Ему показалось, что ковровая дорожка на ступенях если не замусоре-

на, то не чищена давно. Незримое запустение уже коснулось этого уголка России.

Приезда Корнилова ждали. Наверху его встретил сухопарый граф Фредерике, дворцовый обер-гофмаршал. Глубоко светский человек, он помог Корнилову освоиться в новой роли тем, что доверительно пожаловался на великую напасть: все дети во дворце больны тяжелой корью. Императрица не находит себе места. С одной стороны – состояние детей, с другой – вот уже третий день нет никаких известий из Могилева, из Ставки.

– Его величество завтра будет в Царском, – сообщил Корнилов. Язык не поворачивался называть государя полковником Романовым!

Из внутренних покоев появился великий князь Павел Александрович. Проявив мужество, он не оставил царскую семью в беде.

– Вы позволите мне, генерал, предупредить ее величество? Несколько томительных минут ожидания скрасил граф Фредерике. Он стал рассказывать, что старшей из царевен, Ольге Николаевне, как будто полегчало, болезнь отступила. Однако очень тяжела Анастасия, младшая... Отозваться Корнилов не успел – вернулся Павел Александрович и сдержанным полупоклоном пригласил во внутренние покои.

Императрица встретила Корнилова надменно, с видом вызывающим. На ее бледном лице горели пятна. Первой

мыслью Корнилова было: «Как постарела!» Он принялся выговаривать заранее приготовленную фразу:

– Ваше величество, на меня возложена тяжелая задача объявить вам постановление Совета министров о том, что с сегодняшнего дня вы... – Он смешался и все же бухнул: – Лишаетесь свободы!

Бледный рот царицы сжался в узкую полоску. Она делала усилия, чтобы сохранить самообладание. Пятна на ее лице пылали кумачом.

В комнате установилось погребальное молчание.

Лавр Георгиевич поспешил разрядить эту невыносимую тишину.

– Ваше величество, охранительные меры приняты исключительно для обеспечения вашей безопасности. Как только обстановка разрядится, все ограничения свободы будут сняты незамедлительно!

По легкому шевелению гофмаршала и великого князя Корнилов ощутил, что напряжение упало. Неужели они могли подумать, что он заявит сюда с конвойными солдатами? Неестественная прямизна императрицы как бы сломалась, она продохнула всей грудью. В ее глазах Корнилову почудился влажный блеск.

– Генерал, прошу вас... Не согласитесь ли вы поговорить с моими дочерьми и с сыном? – И Александра Федоровна сделала скупой приглашающий жест.

Она направилась впереди, за ней мерно вышагивал в сво-

их негнущихся столбчатых панталонах граф Фредерике.

Молча миновали несколько безлюдных затемненных комнат. Ковры приглушали стук шагов.

Внезапно по глазам ударил свет. Шторы на окнах были раздвинуты. Здесь, судя по большому столу посередине, помещалась столовая.

Из боковой двери вышел воспитатель наследника, француз Жильяр. Императрица, удивившись, подняла белесые брови. Жильяр склонился к ней и принялся шептать. По лицу Александры Федоровны пролетела тень растерянности, смущения. Она оборотилась к ожидавшему Корнилову.

Ее опередил Жильяр:

– Позвольте, генерал, мне самому переговорить с наследником. Так будет лучше. Он так нервен, так доверчив...

Императрица стала извиняться. Корнилов почувствовал, как с его души свалилась тяжесть. Он поручение министра выполнил.

Покидая дворец, Лавр Георгиевич распорядился увеличить внешнюю охрану. В окно автомобиля он с неприязнью поглядывал на жадное любопытство толпы, облепившей дворцовую ограду.

На следующее утро тихо, без обычного ритуала встречи, прибыл из Могилева царский поезд. Попрощавшись с матерью, уехавшей в Киев, Николай II отправился в заточение, решив разделить его со своей семьей.

Накануне, покидая Ставку, он подал прошение на имя

Временного правительства. Словно рядовой послушный обыватель, он просил, во-первых, позволить ему доехать до Царского Села, во-вторых, пожить в Александровском дворце до полного выздоровления детей, в-третьих же, как только дети встанут на ноги, разрешить проезд до Мурманска (он собирался искать пристанища на чужбине)... Отослав прошение, он снова заперся в кабинете и в последний раз уселся за свой рабочий стол. Появилось обращение к армии, не желавшей больше воевать. Недавний Верховный главнокомандующий уговаривал солдат не покидать окопов и добиться победы над врагом. «Кто думает о мире – тот изменник!» – провозгласил он.

Прежде чем попасть в газеты, обращение недавнего царя было прочитано Керенским. Скрипя начищенными крагами, он отправился к Гучкову, кинул ему на стол бумагу. Тот прочитал, зачем-то глянул на другую сторону листа. Они значительно переглянулись.

– К черту! – произнес Гучков. – Не хватало еще... Незачем!

– Популярности ищет! – ухмыльнулся всей массой рыхлого мясистого лица Керенский.

– Найдет, найдет... – зловеще пообещал Гучков. Обращение государя в газеты так и не попало...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В доме отставного хорунжего Егора Корнилова в изголовье ребячьей кровати всегда висела тусклая семейная иконка, рядом – громадная карта Российской Империи. Мальчишкой Лавр Георгиевич научился находить на карте голубенькую жилку родного Иртыша... В свои восемь лет подраставший Лаврик получил из рук отца «Полтаву» Пушкина, «Бородино» Лермонтова и «Ивана Сусанина» Рылеева. На отцовской заветной полочке оберегалось несколько почитаемых книг, – как семейные реликвии. Одна из них – старинная, изданная более двух веков назад – «Учение и хитрость строения пехотных людей». Помнилась еще: «Русский офицерский корпус». А собирая сына на учебу в Омский кадетский корпус, отставной хорунжий положил ему в сундучок «Собрание писем старого офицера своему сыну». На титульном листе книги отец четко надписал – почерк был прямой, старательный, так пишут люди, с трудом освоившие грамоту: «Кому деньги дороже чести – тот оставь службу. Петр Великий».

Так казачий ребенок учился постигать величие России и своего долга.

В конце прошлого столетия, когда начиналась военная служба Корнилова, знойный Туркестан представлял собою обширнейший край, в котором еще сохранились варварские

обычай рабовладельчества. Значительная часть населения вела кочевой образ жизни. Постоянная вражда деспотичных ханов, беков и эмиров несла степной бедноте разорение колодцев и арыков, кишлаков и аулов. Кровавая междоусобица безжалостно истребляла население, многих обращала в рабство.

Кочевые казахи первыми из степняков запросились под державную руку белого царя. Хан Абулхаир из Малого жуза еще в **1730** году отправил к Анне Иоанновне послов. Делегация съездила удачно и, вернувшись в ханскую ставку на реке Иргиз, привезла царскую охранную грамоту. В следующем году в далекий Петербург отправился владетель Среднего жуза хан Семеке... На решение оставшейся части степного края, Большого жуза, просить заступничества русских повлияло нашествие свирепых джунгар в **1739** году. После этого все три казахских жуза, обитавших от Урала до Иртыша, соединились вместе под защитой белого царя.

И все же хищные хивинцы и кокандцы не унимались. Степной край с административным центром в Оренбурге представлялся им заказником для охоты за людьми и скотом. Всякий раз они уводили громаднейший полон. С невольничьего рынка в Хиве пленники продавались в Персию и Турцию. На выкуп захваченных в неволю российское правительство ежегодно отпускало по три тысячи рублей.

Для обуздания этого традиционного разбоя решительные меры принимал еще Петр Великий. Русский царь уверенно

рубил окно не только в Европу, но и в Азию. Проникновение России осуществлялось по рекам: величавой, но чрезмерно глинистой Сырдарье и стремительному голубому Иртышу. Крепость Кушка и укрепления на озере Зайсан были конечными южными пунктами, где выцветал на солнцепеке трехцветный русский флаг.

Материнские родичи в казачьем доме появлялись редко. Они были из богатых и хмуро посматривали на простого служилого казака. Стали улыбаться, когда на его плечах появились офицерские погоны. Этого им Егор Корнилов не мог простить.

Мать каждое лето возила Лаврика в аул. Ребенок слушал жалобы бедняков. За трех баранов мужчины нанимались на всю зиму пасти огромную отару. Если нападали волки и задирали овцу, хозяин вычитал ее из платы пастуха. «Почему волк должен жрать моего барана, а не твоего?» Повседневной пищей бедноты служила горсточка поджаренного проса и пиала воды.

Белоснежную поместительную юрту бая окружали черные юрты безродных и вечно голодных джатаков. Невыносимый голод заставлял бедных отдавать своих детишек в рабство, – их увозили в Бухару, в Хиву. Внезапно в степь пришел указ белого царя: принимать казахских ребятишек в казачьи учебные батальоны. И степная беднота отхлынула от своих баев, стала прижиматься к русским поселениям. Нужда сроднила голубоглазых с черноглазыми, сломала вековые

национальные перегородки.

В Омском кадетском корпусе Корнилову необычайно легко давались восточные языки, и это определило его дальнейшую судьбу. Как и земляк Чокан Валиханов, тоже воспитанник Омского корпуса, Лавр Георгиевич посвятил себя службе на южных рубежах Отечества. Чокан был внуком все-сильного хана Аблая. Став офицером русского Генерального штаба, Чокан Валиханов прославился дерзкими экспедициями в загадочную Кашгарию. В крепости Верной снарядив небольшой караван и переодевшись купцом, он через перевал Туругарт проник в Кашгар, в китайскую провинцию Наньлу. Благополучно возвратившись, Чокан напечатал с помощью академика Семенова-Тян-Шанского интереснейшие «Очерки Джунгарии»... Чокан скончался молодым, в 31 год, и был похоронен в Семиречье, недалеко от Верного.

Другим кумиром омских кадетов был «белый генерал» М.Д. Скобелев. Вся боевая жизнь этого выдающегося военного деятеля также связана с Азией. Совершив лютой зимой переход через Балканы, Скобелев превзошел подвиг Суворова в зимних Альпах. Протащив на руках пушки, солдаты Скобелева вышли к самым стенам Константинополя, исторического Царьграда, к вратам которого в давние времена был приколочен щит легендарного русского князя Олега. Судьба Константинополя, а с ним и проливов Босфор и Дарданеллы казалась решенной, однако поспешили вмешаться Англия и Франция, и войскам Скобелева не позволили войти в откры-

тые ворота обреченного города... Впоследствии размышления об этом историческом казусе, непостижимом на первый взгляд, сильно сказались на политическом кругозоре Корнилова и многое определили в его судьбе.

После кадетского корпуса Лавр Георгиевич избрал для себя Михайловское артиллерийское училище. В августе 1892 года он окончил его и в чине подпоручика получил назначение в Туркестанскую артиллерийскую бригаду.

Это назначение в отдаленный край совпало в желанием молодого офицера. Средняя Азия, вообще Восток стали душевным пристрастием Корнилова еще в стенах кадетского корпуса. Его нисколько не страшили ни азиатская жара, ни безводные пески. Туркестан был его родиной. «Где родился, там и пригодился!»

Край этот издавна привлекал аппетит хищных англичан. Оберегая безопасность своих южных рубежей, Россия была принуждена принять решительные действия за Тянь-Шанем, в Ферганской долине.

Английские войска, вернувшись из-под разрушенного Севастополя, внезапно вторглись в Афганистан. Русский форт Кушка становился таким образом прифронтовым укреплением.

По обе стороны поднебесных, вечно белых хребтов Гиндукуша с новой силой закипела тайная, непримиримая война.

Крымская война, несмотря на унижительное поражение

России, все же показала, что сражаться с русскими в открытом поле англичанам не по силам. Англия избрала для войны иное поле – дипломатическое, закулисное, то есть область, где она была сильна, как никто другой. Здесь она добилась выдающихся успехов (устранение Павла I, направление Наполеона в погибельную для него Москву, восстание декабристов).

Давнее соперничество двух великих держав на какое-то время разрешилось заключением совместной разграничительной комиссии. На Памире был вкопан пограничный столб с двуглавым российским орлом. России отходил правый берег Пянджа и Амударьи. На левой стороне проворные англичане, применив скорострельные пушки против диких, примитивно вооруженных афганских племен, принялись нахально возводить крепость Дейдани. Поэтому левый берег обеих пограничных рек чрезвычайно интересовал русский Генеральный штаб.

Лавр Георгиевич впервые отважился пробраться южнее Кушки осенью 1899 года. Капитан Корнилов снял мундир и облачился в зловонное тряпье бродяги. Отпустив бороду, он стал неотличим от вечных странников унылых караванных дорог. Почерневший под свирепым солнцем, покрытый пылью, он как бы растворился в океане человеческих песчинок, гонимых постоянным ветром с гималайских круч.

К своему опаснейшему путешествию Лавр Георгиевич готовился тщательно. Штаб Туркестанского округа команди-

ровал его в город Керки (урочище Термез) для руководства кавалерийскими учениями с офицерами тамошнего гарнизона. Затем он по казенной надобности съездил в Асхабад и лишь / после этого таинственно исчез. Как цветисто выразился бы восточный поэт: «Препоручил отпущенную ему во временное владение душу принимающему души ангелу».

Ангел-хранитель сберег жизнь отчаянного русского офицера.

Со своим надежным спутником Эсеном молоденький капитан одолел труднейший перевал Сары-Могук и ступил на кашгарскую землю, загадочную и страшноватую.

Север необозримого Китая, район за Пянджем и Амударьей, был издавна тронут мусульманством. Из песков Аравии ислам сумел проникнуть и сюда. На этих землях обитали древние уйгуры, кровные ненавистники китайцев, а также молчаливые, обходительные дунгане, немногочисленная разновидность китайцев, принявших наступательный ислам.

Глазам разведчиков открылся благодатный край. По этим местам пролегал Великий шелковый путь. Здесь видели и русских воинов: они сопровождали князя Ярослава, отца Александра Невского, направлявшегося в ставку монгольского хана.

...Обыкновенно жестокие войны как бы встряхивают нацию, исчезает сонливая вялость, всплеск энергии укрепляет национальные мускулы и дух. На этот раз все было ина-

че. Неудачливая война с японцами на далеких рубежах лишь угнетала нацию. В довершение пришли известия о расстреле в Петербурге многотысячной рабочей манифестации. Затем, словно в отместку за это бессмысленное кровопролитие, террористы бросили бомбу в великого князя Сергея Александровича, дядю царя. Причем убийца великого князя Иван Каляев заявил при аресте: «Я счастлив, что исполнил долг, который лежал на всей России!»

Становилось ясно, что войну следовало заканчивать. И вот в Америку, в Портсмут, на переговоры с японцами отправился глава русского правительства Витте. Условия Портсмутского мира были унижительными для России. Великая держава, раскинувшаяся от Вислы до берегов Тихого океана, впервые стала сокращаться, терять свои территории: Витте добродушно подмахнул документ, по которому Россия теряла половину Сахалина и все острова Курильской гряды, обеспечивающие русскому флоту выход на просторы Мирового океана. Для Корнилова, как специалиста по Востоку, этот позорный договор явился лишним подтверждением, что настоящие национальные потрясения вызывают в России вторжения восточных хищников. Так было с хазарами, так было и с монголами... Древний Восток оставался громадным материком, малоисследованным и грозно-загадочным.

Оба разведчика, одетые в драные халаты, в дорожной пыли и обожженные солнцем, сумели пробраться в самые за-

претные районы, где еще не ступала нога немусульманина, неверного, гяура. Корнилову помогала внешность, а также знание языков и обычаев, умение приспособливаться к самым невероятным условиям. Через шесть недель они вернулись. Лавр Георгиевич выложил начальству искусно выполненные «кроки» всех кашгарских приграничных укреплений. Особое внимание он уделил планам крепости Дейдани. В объяснительной записке он указал, что англичане, без всякого сомнения, готовятся поразить Россию в областях, жизненно важных, однако пока еще недостаточно освоенных и укрепленных. В этом отношении исключительное значение приобретал Афганистан. По сути дела, территория этой дикой страны послужит плацдармом для нападения. Корнилов предупреждал, что первой целью захватчиков будет достижение линии: Дон— Царицын— Астрахань. Чрезвычайно важное значение при этом обретает такой стратегический пункт, как городишко Мерв с его железнодорожным мостом через Амударью... В случае же утраты инициативы противник скорей всего построит свою оборону севернее Кабула и станет перемалывать русские войска в той последовательности, с какой они будут вводиться в бой из-за гористой местности, поэтому он предостерегал от втягивания в глубокие и узкие ущелья Гиндукуша.

Через год Корнилов повторил свою опасную затею: он вновь отправился в Кашгар. Затем он таким же образом побывал в Персии и сделал попытку проникнуть в северные

районы Индии. С каждым разом он убеждался в том, что Великобритания не оставляет намерений повторить в Туркестане свой опыт войны в Крыму, под Севастополем.

Так вторично был погран великий завет императора Николая I: «Где однажды поднят русский флаг, там он уже никогда не опускается!»

Первое разбазаривание российской территории было допущено Александром II – за сущие гроши (7 миллионов долларов) он отдал американцам богатейшую Аляску.

Британское противодействие заставляло Корнилова снисходительно усмехаться. Всякий раз при этом он долго и задумчиво смотрел на старинный перстень, надетый на мизинец. Этот массивный и как будто бы золотой перстень настойчиво разыскивал в кашгарских грязных лавчонках корниловский спутник туркмен Эсен. Он уверял, что перстень принадлежал отважному Гельды Гелю и потерялся при штурме русскими крепости Геок-Тепе. Поговаривали, что перстень видели на руке генерала Скобелева. После таинственной смерти ак-паши в московской гостинице перстень снова пропал и, по слухам, вдруг появился в Туркестане. Его-то, этот талисман, и стремился отыскать настойчивый Эсен... Сам Лавр Георгиевич не очень-то верил слухам о таинственном талисмани. История загадочного перстня слишком отдавала пряной восточной экзотикой. Но в Забайкалье, уже собираясь уезжать по вызову в Петербург, он вдруг получил небольшую коробочку, завернутую в грязную бумагу.

Дежурный чин поведал, что этот сверточек принес какой-то человек из местных, просил передать и сразу же исчез. В коробочке находился массивный, слишком неизящный перстень, тусклый от старости и многих рук. Сознание Корнилова мгновенно прострелила едкая догадка, что коварные англичане как засекли его в Кашгаре, так до сих пор не спускают с него своих холодных, недремлющих глаз. Свидетельством тому была эта внезапная посылочка – как напоминание о том, что у секретных служб свои обычаи и нравы...

В дипломатии существует золотое правило: «Если не в состоянии чем-либо помочь, то хотя бы не навреди!» К сожалению, царские дипломаты сплошь и рядом действовали совершенно наоборот, и Лавр Георгиевич, впервые соприкоснувшись с этой сферой, не уставал поражаться, как привилегированная, замкнутая каста чиновников, куда не было доступа никому из посторонних, как они, находясь за рубежом, защищали интересы своей страны.

Перечень поразительных провалов царской дипломатии, случившихся на глазах Корнилова, был нескончаем: отказ от права построить железную дорогу в Персии, плохо объяснимое бездействие в годы затянувшейся бурской войны, странное попустительство иностранным рыбакам, буквально опустошавшим прибрежные российские воды... Задумываясь над причинами подобных поражений, Лавр Георгиевич задал себе традиционный вопрос любого расследователя: «А кому это выгодно?» – и получил исчерпывающий ответ: все

выгоды от поразительных провалов русской дипломатии собирала и складывала в свой бездонный карман Великобритании.

Она прибрала к рукам сооружение важнейшей межконтинентальной магистрали в Персии, она понемногу справилась с воинственными бурами, она доставила своим рыбакам возможность забрасывать свои сети возле Мурманска, что увеличило уловы ажв десять раз! И все это за счет России... После всего этого Лавр Георгиевич нисколько не удивился, узнав, что ловкие англичане вдруг получили в полное и безраздельное свое владение огромную золотоносную провинцию в глубине Сибири – на реках Лене и Витиме. Как будто у самой России исчезла всякая потребность в собственном золоте!

Россия – уникальная страна с двумя официальными фасадами. Одним она развернута к Европе, другим – к загадочным глубинам древней Азии. Именно по телу России, где-то в районе Уральских гор, проходит рубеж этих двух величайших частей света. Уникальное географическое положение диктует и политику.

С исторической точки зрения бурливая, неистовая Европа – всего лишь небольшой полуостров великого Азиатского материка, состарившегося и оцепеневшего в своем усталом молчании. Восток умудренно, из-под приспущенных морщинистых век, снисходительно посматривал на кипение европейских страстей. Все это им было уже пережито, все оста-

лось позади...

Назначение военным агентом в Китай Лавр Георгиевич принял с воодушевлением. Там, куда он проникал с опасностью для жизни, проникал потаенно, переодетым, изменившим свою внешность до неузнаваемости, – теперь он там обоснуется совершенно открыто, с официальным статусом и дипломатическим иммунитетом.

Попав в Пекин, Лавр Георгиевич поразился тому, насколько необозримый Китай напоминал гигантскую Россию. Те же просторы, то же изобилие природных богатств, столь же работоспособное и непрехотливое население. И совершенно та же самая ожиревшая, одрябшая бюрократия, утратившая даже предчувствие надвигающейся катастрофы...

Хмурая отстраненность Корнилова, полное отсутствие в нем светскости поставили его среди посольских в положение белой вороны. Попытки русского военного агента добросовестно исполнять свои обязанности наталкивались на открытое удивление, а затем и на раздраженное негодование. «К чему так лезть из кожи? Посольство – не плац пехотного батальона». Старательный полковник, герой недавней войны, выглядел строевым бурбоном, бесхитростный ум которого занят одной службой.

Настойчивые попытки Корнилова получить разрешение на поездку в приграничные районы вызывали нежелательные толки в придворных кругах. В дипломатическом мире принялись насмешливо шептаться. Посол Гире попытался

мягко, как бы отечески, осадить старательного полковника. «Зачем будить кошку, когда она спит?» – привел он изящную французскую поговорку. Не отзываясь на душевный порыв посла, полковник слушал его букой. Отношения посла и военного агента портились день ото дня.

Прежде, увлекаясь Кашгаром, Лавр Георгиевич смотрел на Китай как на спокойный океан, дремлющий в своем историческом величии. Как и всякого разведчика, Корнилова захватывала злоба дня. Здесь, в Пекине, он взглянул на этот материк, отгородившийся от мира Великой Китайской стеной, совершенно новыми глазами. Мало-помалу древняя Срединная империя стала терять свои загадочные покровы, и в душу русского военного агента вселилась настоящая тревога. Следовало поскорей отринуть привычное благодушие, – соседний Китай был вовсе не так безопасен, каким он привык казаться уму ленивому и вялому. Сонливым и безмускульным Китай выглядел лишь с поверхности. Таким видится океан под ясным, теплым солнышком, в безветрии, однако грозные признаки грядущих бурь ощущаются вполне явно. Для этого следовало позорче всматриваться и без предвзятости анализировать.

Книжные магазины были давней страстью Корнилова. Постепенно у него подобралась библиотечка по истории Востока. Уже здесь, в Пекине, в первый же заход в полутемную лавчонку ему на глаза попался толстенный том под названием «Китайские евреи». Изумление Корнилова было непод-

дельным – прежде он был убежден, что на Востоке никакого «еврейского вопроса» попросту не существует. Но – вот же!

Книга издана совсем недавно, в 1900 году. Написал ее некий У. Уайт, ровесник Корнилова, однако проживший в Китае больше половины своей жизни. Жил он все эти годы в городе Кай-фын, своеобразной столице китайского иудаизма... Изучение труда У. Уайта позволило Корнилову найти ответ на многие недоуменные вопросы. В частности, он долго не мог понять, с какой стати китайцы вдруг принялись бурно радоваться неудачам русской армии в войне с японцами. Потом, роясь в книжных развалах, он сумел разыскать еще несколько книг на эту же тему: Дж. Финна, А. Каца и даже русского А. Виноградова, иеромонаха Киево-Печорской лавры, работавшего в Пекине в составе русской духовной миссии.

Китай, как выяснил Корнилов, не избежал «еврейского вопроса». Оказывается, еще библейский царь Соломон посылал торговые суда и караваны в богатую Индию. На их путях селились ловкие евреи из Йемена. Так они проникли и в Китай. Из истории Срединной империи известно, что первая резня евреев случилась в городе Кантоне в 878 году. Крестьянский предводитель Бай Ху устроил ужасающее побоище (позже точно такой же погром устроили и жители древнего Киева, заставив князя Владимира изгнать евреев из города). Осваивая Китай, евреи благоразумно маскировали свою веру. Одно время их называли мусульманами в голубых ша-

почках. Постепенно они сосредоточились в городе Кайфын, там в 1163 году была построена первая синагога.

Принужденные жениться на китайках, евреи с годами обрели облик коренных жителей. Некоторые даже носили косы.

Еврейское засилье вызывало частые восстания. В 1642 году город Кайфын подвергся длительной осаде. Во главе защитников находился еврей Ли Гуаньтянь. Когда штурмующие полезли на стены города, он приказал разрушить дамбы на реке. В потоке погибло более миллиона человек, повстанцев и защитников. Город был все же захвачен, синагога разрушена, евреи изгнаны. Впрочем, ненадолго. Через несколько лет офицер императорской гвардии еврей Чжао Ченьжи добился рескрипта богдыхана на возвращение евреев, восстановил синагогу и в память об этом событии воздвиг мраморную стелу.

В настоящее время, как узнал Корнилов, в Китае насчитывается более 40 миллионов иудеев. Они отличаются от коренных китайцев тем, что совершают обрезание, не едят свинины и соблюдают субботу.

Верные своему отвращению к труду земледельца, евреи в Китае прибрали к рукам всю торговлю. Многие из них проникли в государственный аппарат и служили в армии.

Прежде, сталкиваясь с постоянным противодействием британской разведки, Лавр Георгиевич считал именно Англию главной виновницей грязных «опиумных» войн в Ки-

тае (в 1840 и 1860 гг.). Верно, воевали и гибли английские солдаты, но торговлю опиумом держали в своих руках исключительно евреи. Богатейший торговец Сассун построил в Шанхае роскошную синагогу, а в 1904 году стал издавать «Еврейскую газету» на английском языке.

Отсюда, из Пекина, куда отчетливей, чем из России, просматривался «еврейский след» во всех начинаниях СЮ. Витте, председателя Совета министров России. В частности, сооружение КВЖД велось с помощью таких финансовых воротил, как Ротшильд и Мендельсон. Крупные банкиры уже давно облюбовали Россию как промежуточный пункт для распространения своего влияния на Восток. С этой целью были созданы сначала Русско-Китайский банк, а затем и Русско-Азиатский.

Совсем не случайно многочисленную еврейскую общину в Китае стал возглавлять выходец из России А. Кауфман.

Как известно, Россия давала приют половине всех живущих на земле евреев. Определив так называемую черту оседлости, русские власти намеревались уберечь от проникновения этого племени в такие важные районы, как Урал, Сибирь и Дальний Восток. Этого, однако, им не удалось. Евреи исподволь, неторопливо прибрали к рукам не только внутреннюю торговлю, они завладели лесопромышленностью, золотыми приисками, пушным делом. А поскольку граница в Забайкалье была не строгой, то в своих изобретательных гешефтах евреи легко проникали и на территорию Китая.

С особенной силой освоение Китая началось после Портсмутского мира. Поражение России заметно увеличило мощь еврейского капитала. Всего 15 лет назад русский консул в Шанхае нашел там только одного иудея – Хаймовича. Сейчас еврейская колония Шанхая насчитывала более трех тысяч человек. Само собой, в первую голову они завладели всей торговлей этого богатого международного порта. Из Уссурийского края сюда поступали не только лес и соевое масло, но также контрабандное золото и опиум (в приморской тайге, вдали от глаз, у торговцев имелись целые плантации мака).

Английской разведке, как определил Корнилов, такое за-силье евреев сильно облегчало вербовку агентуры. Каждый иудей был обязан помогать своим единоверцам. Именно евреи, утвердившись в государственном аппарате и в армии, повседневно оказывали властное давление на китайское правительство. Как их было называть? Шпионами? Нет, вернее всего – агентами влияния. И Лавр Георгиевич снова обращался к капитальному труду философа Сун Цзы, рассуждавшего об искусстве одерживать победы над врагом без обнажения меча: «Внутренние шпионы – это те чиновники врага, которых мы используем. Среди вражеских чиновников есть такие, которые стремятся воспользоваться поражением и гибелью своего государства, чтобы проявить собственные способности».

На мобилизацию этих способностей, как заметил Корни-

лов, нацеливались всевозможные общественные организации. Одна из них – «Общество по спасению китайских евреев». Интересно, от кого оно намеревалось спасти евреев? От китайцев?..

Так русский военный агент постигал основной принцип еврейской ползучей экспансии: орать во все горло о своих несчастьях, а тем временем тихой сапой проникать во все щелочки государственного аппарата.

С годами еврейский метод обретал все более решительный характер. В «Протоколах сионских мудрецов», в том разделе, где речь идет «о системе обуздания гоевских правительств в Европе», авторы высказываются с предельной откровенностью:

«Одному из них мы покажем свою силу покушениями, т. е. террором, а всем, если допустить их восстание против нас, мы ответим американскими, или китайскими, или японскими пушками».

Совсем недавно русская армия уже испытала силу японских «шимоз». Пришлось узнать России и мощь американского золота – новейший флот Японии был выстроен на деньги банкиров США. Теперь, как видно, ей предстоит испытать и смертоносный³ Заказ 306 навал многомиллионного, до поры до времени дремлющего Китая. Во всяком случае, предупреждение об этом состоялось.

Толща океана раскачивается долго. Для этого потребны мощные подземные толчки или же свирепый шквальный ве-

тер. Грозными толчками были «опиумные» войны и недавнее «боксерское» восстание. Сейчас как отголоски этих прошумевших бурь над просторами Китая носится ветер народного недовольства засильем иностранцев. Упор при этом делается на умы и чувства молодых китайцев – стариков уже не раскачать. Внимание русского военного агента привлекали две организации: Китайская революционная лига и гоминьдан. Как одна, так и другая главный упор делали на разжигание национализма. Доктор Сунь Ятсен, руководитель гоминьдана, обращаясь к молодым китайцам, закладывал в их души чувства превосходства желтой расы: «Если говорить об уме и талантливости народа, то китайцы с древних времен не имеют себе равных. Китайский народ унаследовал никем не превзойденную пятитысячелетнюю культуру. Соседние страны либо приносили дань Китаю и объявляли себя его вассалами, либо домогались его дружбы».

Примечательно, что китайские националисты признавали равенство только одной культуры, столь же древней, – еврейской...

Целые века дремлющий Китай соблюдал принцип: «сидеть на горе и наблюдать за схваткой тигров». В последние годы древняя сонливость все чаще сменялась приступами неистовой агрессивности. Тот же доктор Сунь Ятсен однажды указал на просторы плохо освоенной России и обронил, что примерно полтора миллиона гектаров русской Сибири и Приморья некогда находились под властью китайско-

го богдыхана.

Неужели России доведется испытать еще и мощь китайского нашествия?!

Население Китая увеличивается с каждым годом. Скоро им станет тесно на своей земле. Избыток людской массы неминуемо спровоцирует выброс в ту сторону, где достаточно места для поселения и труда. Сомнений нет, такой стороной, и единственной, является Север. Там, за Великой Китайской стеной, лежат без всякого призора необозримые пространства.

Мысли русского военного агента стали тревожны. Любой дипломат знает, что нет и не может быть постоянных союзников-друзей, существуют лишь постоянные интересы государства. Но каким образом эти интересы согласовать с постоянным соседством, особенно с таким, как распухающий Китай? Сейчас китайцы разговаривают на восьми разных диалектах, своего рода языках. Житель юга страны совершенно не понимает северного жителя, а западное население не имеет языка с восточным. Страшно будет, если этот «Вавилон» вдруг заговорит на одном общем языке! В интересах ли России способствовать могуществу такого грозного соседа? Ужас монгольского нашествия еще жив в генетической памяти русского народа...

Так или примерно так размышлял Корнилов в последний год своей китайской командировки.

Четыре года в Китае обогатили научный багаж Корнило-

ва.

В Китае из офицера русской стратегической разведки родился глубокий и основательный исследователь исторического прошлого народов, чьим уделом стало тесное сожительство на просторах европейских и азиатских.

Китай и Россия... Монголы и степь – бескрайние просторы, обрывающиеся в синий океан за Гибралтаром... Ставка Хубилая в древнем и изнеженном Пекине, ханский бунчук Чагатая над дворцами и минаретами Багдада, столица батыевой Золотой Орды на берегах Итиля (Волги)...

Из Пекина мысленному взору русского военного агента представился совершенно иной ход событий в мировой истории.

По всему гигантскому простору Поднебесной, словно грибы после дождя, возникали разнообразные организации типа: «Товарищество Гунги», «Ассоциация Неба и Земли», «Белый лотос», «Три соединенных общества». В самом центре империи, в Пекине, обосновался орден Сан Хо Гоэн. Деятельность этих организаций, маскирующихся под замысловатыми названиями, протекала весьма скрытно. Уже в последний год своей китайской командировки Лавр Георгиевич выяснил, что верховный гроссмейстер ордена Шюа Ким Фан поддерживает постоянную связь с американским городишком Чарлстоном, а там – и об этом знали все разведки мира – обосновалась главная база мирового масонства.

Америка... Чарлстон, Портсмут... В Портсмуте царского

премьер-министра Витте заставили отдать японцам половину Сахалина и Курильскую гряду.

Молоденькая, но чрезвычайно шустрая держава из-за океана все решительней отказывалась от политики изоляционизма и все активней заявляла о себе и о своих правах. Именно в Китае Лавр Георгиевич впервые услышал имена трех американских финансистов: Шифф, Зеликман и Варбург. Эта троица учредила специфическую организацию сугубо закрытого типа и назвала ее ложей «Бнай-Брит» («Сыны завета»). Доступ в ее ряды был далеко не каждому. Агенты этой ложи очень активно проявили себя в борьбе за право постройки железной дороги через Персию, затем прочно обосновались в султанской Турции, а уж оттуда стали простираť свои щупальца на Россию и Китай.

Имя Якоба Шиффа все ощутимей нависало над Россией. Это он ссудил Японию деньгами и науськал январской темной ночью напасть на русскую эскадру в Порт-Артуре. Бандитский ночной налет сильно подорвал морскую мощь России на Дальнем Востоке.

Незнание Востока, а главное – нежелание его узнать китайцы считали общим грехом европейцев. В среде просвещенной китайской знати давно укоренился твердый взгляд на всех живущих в Европе как на цивилизованных дикарей. Сравнить хотя бы основы грамоты – алфавит. Старинная китайская письменность насчитывает около ста тысяч иероглифов. Так что какое может быть сравнение!

Новый русский военный агент жадно принялся пополнять свои знания о Востоке и этим вскоре обратил на себя внимание китайцев, особенно армейской офицерской молодежи. Кое с кем у Корнилова завязались дружеские отношения. Благодаря этому он сумел разузнать, что всем его попыткам получить разрешение на поездку в районы Равалпинди или Пешавара чинятся препятствия не где-нибудь, а в посольстве Великобритании. Англичане по-прежнему не спускали с него глаз.

Для Корнилова, не привыкшего к праздности, вынужденное безделье представлялось истинным мучением.

Русского полковника со скуластым коричневым лицом часто видели в тесных лавчонках возле величественной пагоды, на улочках ремесленников, заставленных игрушками и жестяной посудой, в магазинах книг и рукописей, чьи фасады украшали длинные полотнища с иероглифами.

И разумеется, он много читал – по своему обыкновению, с карандашом в руках.

Однажды на приеме в императорском дворце Лавр Георгиевич разговорился с молоденьким офицером Чан Кайши. Тот уезжал в Японию на учебу и был возбужден открывающимися перспективами своей карьеры.

Перед Корниловым находился любопытный представитель военного сословия древней страны, в котором самоуверенная хлыщеватость как бы подчеркивала признаки явного вырождения: удлиненное лицо с невыразительным подбо-

родком, скверные зубы и редкие волосы на голове, обещавшие раннее облысение. Разговор шел на китайском языке, и Чан Кайши с первых же слов похвалил отменный выговор своего собеседника. Беседу он начал издалека, заметив, что нигде, как только на Востоке, народам удалось сохранить изначальные духовные ценности, в наши дни начисто утраченные европейцами. Он не сомневался, что именно эти сохранные богатства духа и лягут в основу будущего миропорядка. В самом деле, разве обыкновенная грамотность и первоначальные гигиенические навыки имеют большее значение, нежели воинственность, религиозность, честность и простодушие?

Русский военный агент, блистая парадным мундиром, любезно улыбался и не находил слов для возражений.

Корнилову было известно, что молодые офицеры китайской армии входят в тайную организацию под названием «Китайская революционная лига». Несомненно, Чан Кайши состоял членом этой лиги и, разумеется, был там не на последних ролях. Будущие революционеры провозглашали два четких лозунга: «Каждому пахарю – свое поле!» – и самый главный: «Одна страна, одна партия, один вождь!»

Национализм, это приходилось признавать, становился сильно действующим инструментом в политической борьбе. Офицерская молодежь Китая склоняется даже к оголтелому национализму, к настоящему культу желтой расы...

Однако с какой стати Чан Кайши высмотрел в празд-

ничной толчее русского военного агента и завел с ним эту ученую беседу? Лавр Георгиевич подозревал, что в намерения молоденького офицера входил какой-то расчет, поэтому он натянул маску любезности и приготовился к состязанию улыбок и недомолвок.

Подтверждая подозрения Корнилова, его развязный собеседник отнесся к нему с восточной учтивостью, назвав его да г э (старший брат), при этом самого себя он именовал уничижительно с я о д и (младший брат).

Движением бровей Чан Кайши указал в сторону английского посланника, о чем-то оживленно беседующего с престарелым китайским аристократом, толстым, важным, в длинном шелковом халате. О высокой родовитости китайца свидетельствовали необыкновенно длинные ногти на пальцах – знак того, что его руки никогда не знали такого позорного занятия, как труд. Англичанин почему-то слишком горячился. Его не остужала даже величественная невозмутимость собеседника. С тонкой усмешкой Чан Кайши проговорил:

– Англичане, как обычно, с охотой подают различные советы. Однако вся их забота рассчитана исключительно на чужих. У себя дома ни один из них не рискнет осуществить даже часть своих замечательных проектов.

После этого беседа потекла свободнее.

Чан Кайши напомнил русскому полковнику, что китайцы долгое время были признательны своим русским братьям за

бескорыстную поддержку в их борьбе с иностранным засильем. Особенно это сказалось при заключении Симоносекского договора. Именно Россия тогда сохранила целостность Китая, не позволив иностранным хищникам приступить к территориальному разделу Китая. Любовь к русским, продолжал Чан Кайши, надежда на помощь русских были настолько велики, что одно время поговаривали, будто с Севера вот-вот явится некий «барон Иван» и восстановит великую империю Чингисхана. Что же нарушило столь сердечные отношения между старинными соседями? «Боксерское» восстание, вернее, участие России в его жестоком подавлении. Николай II позволил втянуть себя в эту позорную акцию и тем самым продемонстрировал, что Россия подло предала своего давнишнего друга и союзника. Такие поступки не забываются веками!

Продолжая беседу с приемами цветистой восточной учтивости, Чан Кайши дал понять своему собеседнику, что Россия, предав Китай, не выиграла ровным счетом ничего. Как выяснилось, он был прекрасно осведомлен о спекулятивных аферах придворной шайки Безобразова. Получение концессий и перепродажа их ловким иностранцам приносили спекулянтам гигантские барыши. А сколько перепало в карманы прохвостов при проведении железной дороги через Маньчжурию! Куда же смотрит русское правительство? Когда же наконец стукнет кулаком сам царь? Почему они не остановят это наглое воровство? Корнилову стало неловко,

когда он услышал, что супруга Безобразова, боясь ареста, заблаговременно убралась из Петербурга и принялась вить гнездышко в Швейцарии. Сам Безобразов смотрит на свои аферы в России как на доходное шабашничество. Нашарив золотую жилу, он торопится нажиться и сбежать под крылышко супруги... Что же, ради процветания таких прохвостов император Николай II и принял участие в кровавом походе на Китай?.. Трудный, невыносимо трудный разговор!

Видимо, в намерения молодого китайского офицера входило разузнать как следует об умонастроении русского военного агента. Он вдруг упомянул о том, как изумился покойный император Александр III, когда ему в руки попал документ под названием «О присоединении к России Монголии, Тибета и Китая». Речь шла о том, что прогнившей династии Цин суждено в скором времени пасть. Русскому правительству необходимо заблаговременно подумать об усилении своего влияния на Дальнем Востоке. (Генерал Куропаткин, например, с военной прямоотой предлагал «обратить Китай в Бухару» и указывал на опыт славного Скобелева.) Кульминацией этой экспансии явился бы приезд в Петербург делегации из Пекина с просьбой принять население Китая, Тибета и Маньчжурии в российское подданство. Проект был настолько смел, что осторожный и осмотрительный Александр III оставил на документе изумленную визу: «Все это так ново и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха...» Николаю II, занявшему отцовский трон, этот про-

ект свалился на голову по наследству. Растерявшись, он не нашел ничего лучше, как посоветоваться с Витте. Затем каким-то образом к делу подключился тибетский врач Бадмаев... Все завершилось тем, что в 1904 году в Лхасу вступили англичане и стали вновь приглядываться к Афганистану.

Под ясным и прямым взглядом своего собеседника Лавр Георгиевич смущенно потупился. Что и говорить, Николай II не рожден настоящим самодержцем. Чиновничек, «человек 20-го числа»... Внезапный разговор двух офицеров, китайского и русского, протекал вопреки восточным канонам. Обыкновенно беседующие не торопятся – это попросту неприлично. Сидят, потягивают кальян, роняют замечания и ухитряются высказать вроде бы все, но, по сути дела, ничего нового не выдать. На этот раз корниловский собеседник поразил его своей необыкновенной откровенностью. Чан Кайши с горечью поведал, что в Китае патриотические чувства объявлены атавизмом, вредным пережитком и ленивые, заплывшие жиром сановники гордятся полнейшим отсутствием национального самосознания.

В голосе китайца зазвучали живые человеческие нотки. Лавр Георгиевич бросил на него летучий, но острый взгляд. Нет, боль национального унижения звучала натурально. Корнилов удивился. Обыкновенно китайцы умело маскируют душевные порывы. Даже при разговоре о смерти близких они обязаны улыбаться, ибо никто из посторонних не должен огорчаться чужой бедой.

Помогая молодому человеку справиться со смущением, Корнилов заговорил о своей недавней находке в книжной лавке: он купил китайский перевод «Капитанской дочери» Пушкина и редкое издание Конфуция.

– Конфуция? – удивился Чан Кайши. – Но это же высохший тысячелетний труп!

Он вполне оправился от недавнего припадка откровенности, и дальнейшая беседа стала вновь напоминать искусное фехтование на словах.

В завершение разговора Чан Кайши словно невзначай проговорился, что, по сведениям, англичане носятся с планом раздела Афганистана и предлагают императрице Цыси захватить Бадах-шан (Памир). Но разве эта провинция не принадлежит России как наследство от недавнего Кокандского ханства?

В словах китайского офицера Корнилову послышался упрек в пассивности. Но разве он бездельничает, развлекается вместе с посольскими? Он рвется на север... так не пускают же! Смешно сказать: о том, что ныне происходит в приграничных провинциях Индии и Афганистана, он знал гораздо больше, когда тянул лямку в Туркестане. Здесь же, в Пекине, – как в клетке! А тем временем срок его пребывания в Китае истекает – скоро уже четыре года. По обычаю русской армии ему предстоит, как военному, отбыть командный ценз в войсках, в строю... Чан Кайши тонко улыбнулся и многообещающе обронил китайскую поговорку, схожую с

русской: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей».

Они сердечно распрощались, а вскоре Лавр Георгиевич получил долгожданное разрешение поехать на север, в район Пешавара.

Разговор с молодым китайским офицером, уехавшим в Японию учиться, долго не выходил у Корнилова из головы. Чего добился Чан Кайши, втянув его в беседу, вернее, в чем ему удалось заставить проговориться русского военного агента? Как будто бы ни в чем... Тогда хочешь не хочешь, а выходило, что этот разговор помог получить разрешение на поездку в Пешавар. Однако какой же в этом расчет для самого Чан Кайши?..

Ничего не решив, Лавр Георгиевич стал собираться в дорогу.

Англичане тщательно обставили поездку русского военного агента. Лавр Георгиевич чувствовал себя как взнузданный конь: ни шага в сторону. Даже своими острыми глазами степняка он сумел разглядеть очень немного – ровно столько, сколько ему позволили, казалось бы, сердечные, улыбочивые на все зубы хозяева. Корнилов убедился, что англичане умеют льстить не хуже самого ничтожного китайского чиновника.

Впрочем, сквозь бархатную перчатку вынужденного гостеприимства то и дело давала себя знать железная рука давнишнего непримиримого соперника. Так, генерал Барроу, начальник английского гарнизона, сумел в первый же час за

традиционным чаепитием вклеить презрительное напоминание о том, что Россия всего каких-то двести лет назад, только при Петре Великом, избавилась наконец от унижительной дани крымскому хану.

Старый колониальный служака, генерал Барроу демонстрировал истинно азиатскую выучку. В Азии обыкновенно позволяют себе резкость и грубость только в том случае, если чувствуют за собой перевес в силе. Корнилову ничего не оставалось, как мобилизовать свою выдержку и до последней пуговицы застегнуться в мундир дипломатической вежливости. Ему во что бы то ни стало требовалось получить возможность хоть краем глаза взглянуть на оборонительные линии по Инду.

Генерал представил русскому гостю двух своих помощников. Оба ослаблились, однако имена свои произнесли невнятно. Один из них был в чине капитана. От Корнилова не укрылось, как этот капитан взглянул на старинный перстень на его мизинце – словно на давнишнего знакомого. Лавр Георгиевич понял, что этот словоохотливый и улыбчивый без всякой меры офицер представляет здесь английскую секретную службу. Скорее всего он и будет его спутником в поездке.

«Сэр Эбан...» – так несколько раз за время разговора обращался генерал Барроу к капитану. Корнилов насторожил слух. Сомнений не оставалось: офицер-секретчик был не англичанином, а иудеем. Впрочем, об этом свидетельствовала

ла и физиономия чернявого улыбчивого капитана, особенно выражение восточных маслянистых глаз.

Генерал Барроу дал разрешение лишь на осмотр Пишинского укрепленного лагеря. Правда, добавил, что гость сможет присутствовать на военных маневрах. Настаивать, спорить было бесполезно. Генерал демонстрировал высокую колониальную дрессировку: сквозь его изысканную вежливость так и лучилось британское высокомерие.

Это был старый агент британской секретной службы на Востоке Абба Эбан, впоследствии министр иностранных дел Израиля.

Ранним утром капитан, спутник Корнилова, заехал за гостем в гостиницу. Он был одет по-дорожному, с фляжкой на ремне. Лавр Георгиевич, собираясь, оставил чемодан в номере. Он не сомневался, что в его вещах основательно порожьются. Кое-какие бумаги он оставил на самом дне чемодана.

У капитана хватило ума не корчить из себя армейского бурбона. Этим он отдавал дань проницательности своего спутника. Поэтому вся долгая дорога прошла в занимательном разговоре. Оба вспомнили о миссии Юнгесбенда, английского капитана, проникшего 15 лет назад в Кашгар и там подбившего китайские власти выставить вооруженные посты на берегу озера Яшиль-куль. На эти посты наткнулся отряд семиреченских казаков под командой полковника

Ионова. Отряд поднимался в горы из Ферганской долины. Военные посты состояли из местных киргизов. Они испугались казачьего отряда. Полковник Ионов выпучил глаза на этих жалких вояк и свирепо рявкнул: «А ну прочь с русской земли!» Этим весь опасный инцидент был исчерпан. Сейчас перевал Байкара назван именем полковника Ионова...

Маневры, которыми «угостили» русского военного агента, представляли внушительное зрелище. Наряду с двумя чисто английскими батальонами участвовали два туземных пехотных полка и один кавалерийский полк, а также артиллерийская батарея, несколько полевых госпиталей и обозные части. Лавр Георгиевич мгновенно вспомнил недавнее предостережение Чан Кайши насчет английских козней подбить китайцев на захват высокогорного Бадахшана. Похоже, это нешуточное воинство готовится к наступательной экспедиции. Уж не на Бадахшан ли?

Своей поездкой Корнилов остался в общем-то доволен. Его удовлетворения не омрачила даже кража чемодана. Капитан, его спутник, притворно смущаясь, объявил, что в гостиничный номер Корнилова проникли воры. Однако он заверил гостя, что местные власти непременно отыщут наглых грабителей. Так оно и оказалось: чемодан вскоре нашелся, все вещи были целы, пропали лишь бумаги...

Выслушивая извинения хозяев, Лавр Георгиевич подумал о том, что в его досье, которое давно уже ведется в Лондоне, лягут новые страницы. Ему теперь уже никак не скрыться от

внимательных английских глаз. И кто предскажет, какой конец может иметь это постоянное и пристальное внимание? «Сумел» же умереть скоропостижно славный генерал Скобелев. И где умереть-то: в самом центре Москвы, в гостинице на Тверской. И от чего: от одного глотка шампанского! Как это ни странно, удачная поездка русского военного агента в Пешавар вызвала толки в придворном и дипломатическом мирке Пекина. Посол Гире дал понять Корнилову, что всякому терпению имеется предел.

Возвращение Корнилова в Россию, как и следовало ожидать, объяснялось необходимостью отбыть командный ценз в строю.

Лавр Георгиевич уезжал на Родину со стесненным сердцем. Моментально вспомнилось: за свою первую вылазку в Кашгар ему... объявили выговор в приказе. В сущности, ту же самую «награду» он получил и теперь. Воистину, надо уметь служить в России! Однако совсем не это занимало корниловские мысли. Его не оставляло подозрение, что вся поездка в Пешавар была подстроена и лукавый Чан Кайши сыграл при этом главную роль. Во-первых, на параде русскому военному агенту наглядно продемонстрировали силу колониальных войск (острастка на случай заварухи в Бадахшане); во-вторых, толки в окружении императрицы Цыси побудили посла Гирса расстаться наконец с назойливым полковником.

Подозрения насчет Чан Кайши перешли в уверенность, когда Лавр Георгиевич узнал, что молоденький офицер пе-

ред отъездом в Японию женился на дочери богатейшего иудея из клана Сун. Своёком Чан Кайши являлся глава го-миньдана доктор Сунь Ят-сен. Китайские иудеи применяли испытанный библейский метод: действовать и добиваться через красивых женщин... Поговаривали, что мужчины из клана Сун с особым нетерпением ожидают дня кончины молодящейся императрицы.

Что ж, Лавр Георгиевич лишний раз убедился в том, что в большой политике белые перчатки совершенно не годятся.

С невеселыми мыслями уезжал Лавр Георгиевич из Китая. Эта гигантская страна, вечный сосед России на планете, представлялась ему просыпающимся драконом. Те же самые силы, что и на Западе, уже нисколько не скрываясь, направляют страшную пасть дракона на Север, за Великую Китайскую стену. Таким образом, несчастная Россия своим средним положением между Западом и Востоком может оказаться словно между молотом и наковальней.

Ощущение большой беды, предчувствие великой крови уже не оставляло русского полковника...

Весь долгий путь по железной дороге Корнилов сгорал от нетерпения. Какой он найдет Россию, Петербург? Какие изменения произошли под аркой Главного штаба? Что ни говори, а четыре года – срок немалый. Много утекло в Неве воды...

Дорожное безделье скрашивалось жадным чтением газет. В последнее время внезапно вновь возник проект постро-

ить железную дорогу через всю Сибирь на Аляску. Впервые об этом строительстве подал мысль предприимчивый француз Лойк деЛобель в 1900 году. В его голове родился дерзкий план опоясать земной шар железнодорожной колеей. Начавшись в Нью-Йорке, она должна пройти через Париж, пересечь Сибирь (Красноярск, Иркутск, Анадырь) и нырнуть в тоннель под Беринговым проливом. Тогда проект решительно забраковали. Через год об этом строительстве вновь заговорили в Портсмуте, после поражения России в войне. Как видно, в сооружении магистрали были заинтересованы влиятельные силы, – на русскую делегацию в Портсмуте нажимали очень сильно... И вот теперь этот грандиозный проект возник вновь. По замыслу строителей предполагалось отвести по 24 версты по обе стороны железнодорожного полотна. Общая площадь интернированной русской территории, таким образом, исчислялась в 120 тысяч квадратных верст – вдвое больше общей площади Голландии и Бельгии.

Лавр Георгиевич не ломал головы над секретом поразительной настойчивости авторов проекта: продолжалась тактика Берлинского конгресса – российские богатства должны поступить в общее владение. Не удалось концессии, попробуем просечь Россию гигантской просекой железнодорожного полотна. Не мытьем, так катаньем!

Эту нахальную железнодорожную агрессию всецело направляли крупнейшие мировые банки. Владея кредитом, ростовщики властно вмешивались в международную политику

и диктовали свою волю.

Неспокойно становилось на границах в Закавказье. Турция все заметней отвечала на заигрывания Германии. Немецкий генерал Сандерс, возглавлявший делегацию, домой уже не вернулся, а остался в Стамбуле, приняв командование турецким пехотным корпусом. Германская военщина, таким образом, получала хозяйские права над проливами – давнишней и самой сокровенной цели русской дипломатии.

Иран пока как будто не отваживался на военные демарши. Однако на пост главного финансового советника иранское правительство внезапно пригласило некоего Шустера, из Америки. Какие советы Шустер подавал своим нанимателям – неизвестно, однако при нем заметно участились провокации на границе. Русское правительство, потеряв терпение, направило в Тегеран угрожающую ноту. Мера подействовала: Шустер получил отставку и отправился домой.

Снова золото, финансы, снова банки! Снова «золотая» паутина...

Четырехлетняя командировка в Китай чрезвычайно обострила политическое зрение Корнилова, намного расширила его кругозор. Так артиллерийский наблюдатель, поднявшись на высоту, видит поле гораздо дальше, шире. Слишком много существовало доказательств, что даже седая древность не уберегла Восток от злокачественного еврейского влияния. Скажем, те же банки. Разве не вознесли они свои стеклянные этажи среди темных древних пагод, словно ба-

стионы новой власти? Разве не кредит, не банковское золото властно влияет на решения самого божественного богдыхана? Нет, подвергся этой заразе и ленивый медлительный Восток, нашла, настигла его «золотая пуля» из сундука презренного ростовщика!

Если прежде ростовщицеством занимались скарედные одиночки и к ним обращались украдкой, тайно, словно к врачевателям от дурных болезней, то теперь отдавание денег в долг под разнообразные проценты стало занятием уважаемым, почтенным. Если в старые времена ростовщик в засаленном лапсердаке со страхом восседал на своем сундуке в потаенных задних комнатах или в подвале, то ныне он воздвиг для своей конторы-офиса великолепное здание в самом центре города и, засеив там, умело и без всякой боязни искусно ткет и вяжет свою «золотую» паутину. Деньги, золото, кредит стали такой насущной необходимостью, что в еврейские тенета попадают даже короли.

Так паутина банков превратилась в кровеносную систему самых различных держав, систему не природную, от Бога, а искусственную, навязанную определенными людьми, и человечество не только не отвергло ее, а наоборот, приняло и постепенно приучилось с ней не просто жить, влачить существование, но даже развиваться. Так еврей сделался своеобразным пауком, а его конторы, банки и биржи превратились в несокрушимые бастионы новейшего самодержавия.

Хозяином мира стал изобретательный и хищный ростов-

щик.

Сбывались пророчества о всевластии «богоизбранного» народа.

Поезд пересек наконец государственную границу, и на Корнилова, получившего возможность покупать не только столичные, но и местные газеты, дохнуло плотной атмосферой накала общественных страстей. На газетных страницах бушевала настоящая гражданская война.

Еще четыре года назад, отправляясь в Китай, Лавр Георгиевич захватил с собой в дорогу две небольшие книжечки-новинки. Одну из них написал старый генерал Евгений Мартынов, другую – некий Сергей Нилус, как видно, человек ученый и очень обстоятельный. В обеих книжечках, по сути дела, речь шла об одном и том же. Генерал анализировал причины поражения России в недавней войне с японцами. Ученый дополнял генерала соображениями более основательными, ибо он впервые осмелился предать гласности итоги первого всемирного съезда еврейских заправил в Швейцарии. Так Лавр Георгиевич впервые ознакомился с «Протоколами сионских мудрецов».

Тогда, несколько лет назад, Корнилов полностью соглашался с выводами генерала Мартынова и снисходительно похмыкивал, читая Нилуса. Если генерал писал о том, что и видел, и пережил сам Корнилов, то разящая сила «Протоколов» притуплялась тем, что Корнилов, как уже было сказано, был прикрыт броней увлечения Востоком.

Сейчас, возвращаясь в Россию, полковник Корнилов был уже совсем не тот, что уезжал.

Война с японцами – и генерал Мартынов это обстоятельно доказывал – была проиграна еще задолго до начала боевых действий. Надеясь на легкую победу над незначительным противником, русское правительство проявляло поразительную слепоту, не замечая того, что наглый враг уже всю орудовал в тылу дивизий и корпусов, потянувшихся эшелонами на поля Маньчжурии. Этим врагом была оголтелая антигосударственная пропаганда.

Взрывались не мосты и склады, помрачалось национальное самосознание народа.

Враг, если уж быть откровенным до конца, работал с поразительным нахальством. Что стоит появление первого номера журнальчика, затеянного неким Зиновием Гржебиным, богатым иудеем. Во всю обложку журнала Гржебин изобразил голый человеческий зад и увенчал его императорской короной! Однако самое поразительное последовало дальше. Что же, кто-нибудь возмущился таким кощунством? Как бы не так! Журнальчик с похабной святотатственной обложкой стал своеобразным героем дня и в тысячах экземпляров разлетелся по городам России.

Затем, какое-то время спустя, на улицах стали распространяться открытки: изображен был ветхозаветный раввин с петухом в руках. Это был традиционный жертвенный петух-капорес. Только вместо петушиной головы на открытке

была изображена голова императора Николая II.

В памяти Корнилова сохранялись картины поразительной эйфории тогдашнего русского общества. Людьми, и людьми думающими, образованными, владело какое-то радостное ожидание надвигающейся революции. Ее ждали как спасения. Так истомившаяся в засуху земля жаждет спасительного ливня. Поэтому неудивительно, что в октябре, незадолго до декабрьских боев на баррикадах, восторженно затрещали городские телефоны и обыватели, захлебываясь от радости, возбужденно спешили выложить самые свежие новости: объявлена всеобщая забастовка, остановились железные дороги, не действуют телеграф и почта, государь сбежал в Германию (будто бы Вильгельм II прислал за ним броненосец).

Непостижимое умопомрачение охватило русский народ: он ликовал, он радовался надвигающимся бедствиям, каких еще не знала русская земля.

Объяснение подобной тяги к самоистреблению было одно: русское общество искусно заражалось самым отвратительным ниги-лизмом и в новый век вступило под губительным лозунгом: «Чем хуже, тем лучше!»

Больна была Россия, больна тяжело, опасно...

Перед назначением в Китай Лавр Георгиевич еще успел увидеть начало столыпинского правления. Отбив первый приступ революции, власти перешли наконец от вялой обороны к деятельному наступлению. Враг, однако, вовсе не добитый в декабрьских боях на баррикадах, смело принял вы-

зов. Загремели выстрелы и взрывы террористов. Россия превратилась в своеобразный заказник для охоты на министров и губернаторов. Пули и бомбы террористов поражали, как правило, только самых умных, самых энергичных деятелей государства, оставляя возле трона самых никчемных, самых никудышных. За один лишь год после разгрома революции террористы убили 768 человек, искалечили 820.

Столыпин, возглавивший после Витте русское правительство, чем-то напоминал Кутузова, принявшего командование армией России в борьбе с Наполеоном. Именно Столыпин отважился прекратить позорное отступление властей перед нахальным неприятелем. Приняв вызов, он перешел в решительное наступление. Само собой, враг не замедлил сосредоточить на нем всю свою злобу. Страшный взрыв на столыпинской даче грозным эхом раскатился по всей России. Взрывом убило 37 человек. Покалеченными оказались сын и дочь Столыпина. Сам Петр Аркадьевич, поднявшись из обломков, мужественным голосом произнес свое знаменитое: «Не запугаете!» Он знал, что его обязательно услышат те, кто подготовил этот чудовищный взрыв. Приняв их вызов, Столыпин ответил тем, что ровно через две недели провел закон о военно-полевых судах. Вместо позорного виляния, задабривания, заигрывания с убийцами он смело употребил власть государства. «Если враг не сдается, его уничтожают!»

Война пошла в открытую.

Простой народ России поддержал своего премьер-мини-

стра. В каждой губернии, в каждом мало-мальски значительном городишке возникали отделения «Союза русского народа», «Союза Михаила-архангела». С такой поддержкой Столыпин стал настоящим вождем огромнейшей страны.

Если бы на русском троне находился такой же человек!

К сожалению, император Николай II смотрел на главу своего правительства с откровенною опаской. Русский самодержец искренне считал, что судьбы народов вершатся на небесах, и веровал: «Все в руке Божией!» И такая инертность, такое безволие принесли России горе. Враг наглядно доказал, что дела земные целиком и полностью находятся «в руке человеческой».

Американский банкир Якоб Шифф, организатор и вдохновитель японской агрессии против России, отсчитал на убийство Столыпина полтора миллиона долларов. (Вскоре он «отстегнет» еще 12 миллионов уже на свержение самого правительства России.)

В период охоты террористов на Столыпина бойкие перья журналистов без всякого зазренья совести раздували миф о России как о вместилище всего нечистого и злого, всего, что изобретено сатаной. Страна, защитившая и пригревшая на своей груди десятки угнетаемых народов, была объявлена зловонным застенком, тюрьмой народов, а ее император – тупым и злобным палачом. Так создавалось широкое общественное мнение.

Россия и ее выдающиеся деятели, по сути дела, были объ-

явлены вне закона. Потому любой удачливый выстрел террориста приветствовался всей «прогрессивной общественностью» как еще один шаг к свободе и демократии.

Столыпин мог быть застрелен на киевском вокзале. Царь со свитой, покинув поезд, уехал в резиденцию и оставил своего премьер-министра на вокзале одного. Петр Аркадьевич вышел на подъезд, огляделся и пошел нанимать извозчика. Злоумышленники могли без всяких помех подойти к нему, выстрелить и скрыться. Еще два года назад они так и поступили бы – желанная дичь сама давалась в руки. Однако на этот раз их планы были иными. Террористам было уже недостаточно простого убийства, они решили устроить своему злейшему врагу публичную казнь напоказ как библейскому Аману.

На следующий вечер царская семья и весь двор находились в киевском театре. Давалась опера «Сказка о царе Салтане». Переполненный зал сиял: придворные мундиры, фракки, оголенные плечи красавиц, ордена, бриллианты. В полном составе присутствовал дипломатический корпус... Во втором антракте из восемнадцатого ряда поднялся молодой человек во фраке и направился не в фойе, а стал пробираться вперед, к сцене, где лицом к залу стоял Столыпин и беседовал с министром двора Фредериксом и военным министром Сухомлиновым. Агенты' охраны, которыми был переполнен театр, не остановили молодого человека. Приблизившись к беседующим государственным деятелям, террорист

Мордыхай Богров вынул браунинг и спокойно всадил в грудь Столыпина две пули. Убив ненавистного Столыпина, казнив его на глазах громадного стечения самой изысканной публики, вдохновители террора как бы выкрикнули грозное предупреждение: «Мы сильны... Трепещите!»

Короче, снова нагнеталась атмосфера совсем недавнего 1905 года. Снова каждый так и эдак перетолковывал набивший всем оскомину «еврейский вопрос».

Лавр Георгиевич у кого-то из мудрецов раскопал поразительное определение такого страшного катаклизма, как революция. Автор находил, что «революция – это когда люди становятся на голову и принимают думать ногами». Что-то похожее творилось и в России. Какое-то дьявольское наваждение вдруг поразило ее ум, рассудок, чувства, парализовало ее испытанные много раз защитительные силы. Иначе чем объяснить то поразительное наплевательство к судьбе несчастного киевского мальчишечки Андрюши Ющинского, чье тело, обескровленное ритуальным способом, было подобрано возле заброшенного склада? На глазах всей страны от расследования кошмарного убийства была отстранена полиция, этим занялись главным образом газетчики. И залиvistый, прекрасно срететированный газетный ор оглушил Россию. Слезы умученного ребенка напрасно вопияли к обществу и к небу, на страницах самых массовых изданий неистовствовали «властители умов» и «специалисты по прогрессу». Маленький мученик был выдан с головой его безжа-

лостным мучителям, а хищная орда, словно зверь, лизнувший первой крови, продолжала приступ и вопила с возмущенной яростью: «Зачем черная сотня не позволяет делать то, что нам позволено самим Вседержителем? Мы не преступники, нет, мы всего лишь исполнители заветов нашего Бога!»

Вязкая, смрадная атмосфера, насыщенная запахом свежей крови, ожидала Корнилова на Родине. Древний народ Библии, вооружившись за годы выживания самыми изощренными приемами борьбы, обрушил на Россию отстоявшуюся ярость своих тысячелетий. Наступал час возмездия, о котором предупреждали в своих неистовых глаголах библейские пророки.

В самом деле, за четыре года в могучих реках России утекло слишком много воды...

Вдобавок ко всему с Запада, с просторов просвещеннейшей Европы, все ощутимей наносило порохом настоящей большой войны: полковник Корнилов, едва лишь появившись в Главном штабе на Дворцовой, узнал, что Германия, мечтающая о колониях, тайно изыскивает возможности громадного займа в 50 миллионов фунтов стерлингов.

Беда, великая беда шла на Россию, беда еще невиданная, гибельная, страшная – вроде моровой язвы, чумы...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Царствование последнего государя России пришлось на роковую пору – на перелом двух веков. Уходил век XIX – чрезвычайно славный для России. Наступал XX век – кровавый, грозовой.

Начало неудачливому царствованию положила внезапная кончина императора Александра III. Завидный здоровяк, настоящий русский богатырь, государь был сражен какой-то странной быстротечной немочью. Тускнеющими глазами он всматривался в бледное лицо склонившегося наследника. Как еще молод был его несчастный сын, как неподготовлен к своему великому и страшному ремеслу! Как много хотелось ему передать, наставить, научить! К сожалению, сил достало лишь на три коротенькие фразы. Умиравший император произнес их с трудом, с перерывами для слабеющего дыхания: «России боятся из-за ее огромности... У нас нет союзников... Избегай войны...» Какая бездна государственного опыта была сосредоточена в этих словах, окрашенных неизбывной болью за сына и державу!

Усвоил ли наказ отца молоденький государь России? Вырубил ли он эти три завета в своем сознании и в сердце? Увы, увы...

И лишь впоследствии, в Тобольске, а особенно в Екатеринбурге, перед ипатьевским подвалом, Николай II все чаще

вспоминал последние отцовские наставления...

На переломе двух веков государственные деятели Старого Света усердно возводили так называемый общеевропейский дом – громадное, с элементами монументальности, здание для счастливого мирного житья (это подчеркивалось особенно: для мирного). Что-то удалось, что-то возвелось, однако при этом нагородили столько переходов, лестниц, лабиринтов, что в конце концов запутались. Задуманное общежитие еще стояло в строительных лесах, как наступил август **1914** года и вся громоздкая постройка в одночасье рухнула.

О причинах Великой войны спорят до сих пор. Единого ответа так и не найдено. В том, что Европа вдруг запылала в пламени фронтов, как видно, сказались и коварные интриги неких поджигателей, и грубые просчеты незадачливых архитекторов и строителей. Новый век, двадцатый от Рождества Христова, войдет в историю как век российский, русский. Россия, самый лакомый кусок планеты, станет вожделенной целью всей так называемой большой политики. На притязаниях свалить, обескровить, расчленить этого колосса столкнутся и узлом завяжутся стремления всех переустройщиков старых мировых порядков.

Л.Г. Корнилов, как умелый разведчик-аналитик, знал, что скрытые, потаенные пружины любых событий в мире, а уж тем более великих потрясений работают незримо и беззвучно. Их никогда не слышно и не видно. Неискушенный обыватель лишь изумленно разевает рот, становясь свидетелем

политических зигзагов, непостижимых для его ума.

Царствование Николая II было несчастливим с самого первого дня. Началось с необходимости венчаться почти у гроба внезапно скончавшегося родителя, затем известная Ходынка, повальный голод в нескольких губерниях и холера, наконец, унижительное поражение от японцев. Позорный мир в американском городишке Портсмуте, подписанный Витте, лишь подчеркнул небывалое в мировой истории событие: впервые за многие века громадная материковая империя потерпела сокрушительное поражение от крохотной азиатской страны, расположенной на нескольких островах.

Многие ли знают, что царского премьер-министра Витте обхаживали в Портсмуте несколько влиятельных банкиров во главе с Якобом Шиффом? Именно Шифф, нисколько не считаясь с высоким положением русского государственного деятеля, заявил ему нагло, грубо, хамски: зарубите себе на носу, что если только русский царь не предоставит евреям исключительных прав (таких, как в Америке), то Россия в самое ближайшее время получит сокрушительную революцию!

Своих слов банкир на ветер не бросал. Морозным январским утром поп Гапон повел рабочую манифестацию к Зимнему дворцу... Всеобщая забастовка парализовала всю хозяйственную жизнь России... – Кровавые бои на баррикадах... И царь дрогнул – издал манифест 17 октября и позволил провести выборы в Государственную думу.

Выборный орган народного представительства, Государственная дума стала тем рычагом, который наши ненавистники подвели под основание российского самодержавия и, напрягаясь, наваливаясь всеми силами, в конце концов опрокинули его, разбили на куски.

Получив для заседаний Таврический дворец, Дума ликовала. С трибуны, позади которой красовался громадный портрет государя, написанный во весь рост, произносились пламенные речи. Мгновенно выделились самые речистые, самые напористые заводилы. Их речи газеты тиражировали в миллионах экземпляров. И все старинное величие Зимнего дворца разом потускнело. Самодержавие еще существовало, но как-то принужденно и застенчиво. В Зимнем дворце с недоумением, со страхом прислушивались к тому, что происходило буквально рядом, в Таврическом.

Николай II, издав свой знаменитый манифест о гражданских свободах, растерялся и не знал, как вести себя дальше. А Дума, подобно злокачественной опухоли, неудержимо обростала всевозможными комитетами, комиссиями, представительствами. Причем ни одно из этих учреждений не обременяло себя никакой ответственностью. На Россию свалилось всеобщее помрачение: на казенный кошт существовала целая система, сокрушавшая законное правительство империи.

Совершалось настоящее глумление над здравым смыслом.

В конце концов Россия убедилась, что хваленая демократия непременно выливается во всевластие самой обыкновенной сволочи. Боевым лозунгом этого отребья является: «Чем хуже, тем лучше!» И власть, настоящая власть, на плечах которой лежат заботы о державе, не смеет тронуть их не только пальцем, но и словом, ибо немедленно раздается истошное возмущение «передовых» умов и языков: «Опричники!» А имена этих «передовиков» уже известны всей Европе, поэтому правительство послушно поджигает хвост: предстоит в очередной раз просить кредитов, но милость банкиров всецело зависит от демократической репутации просителей.

По мере того как трещал вековечный домище Российской Империи, закоренелые ненавистники православной державы переставали таиться и маскироваться и все смелее, все нахальнее вылезали на арену.

И снова рядовому обывателю представало лишь то, что было перед самыми глазами. Он, обыватель, негодовал и возмущался по поводу Цусимы, Мукдена и Ляояна, но не хотел и слышать о том, сколько золота вложено в эти российские несчастья банкиром Якобом Шиффом. В конце концов, не на медные же денежки была организована Гапоном грандиозная рабочая манифестация в кровавое воскресенье 9 января! Громадных расходов потребовали зверские убийства императора Александра II (Освободителя), великого князя Сергея Александровича... вообще вся кровавая деятельность «боевой организации» эсеров, с удивительной выбо-

роч-ностью истреблявшей всех сколько-нибудь выдающихся государственных деятелей России.

Якоб Шифф, страдая Витте в Портсмуте, угрозу свою выполнил. Золото банкиров мощно подпитывало все без исключения антигосударственные, антирусские злодеяния на политической российской сцене. Для понимания причин кровавой бойни, втянувшей в свою воронку почти все народы мира, необходимо постоянно помнить о несовместимости монархического самодержавия и так называемого демократического образа правления.

Застрельщиками демократии в Европе выступали Англия и Франция, раньше остальных отправив своих королей на эшафот. Подобную же участь они готовили и тем, кто еще удерживался на старинных тронах: венценосцам Германии, Австро-Венгрии и России.

Вся соль замысла заключалась в том, чтобы сравнить этих монархов между собой. Пускай они как можно больше пустят крови друг из дружки! Для протяженности этого взаимоистребления требовалось хотя бы примерно уравнивать силы дерущихся. Так по одну сторону баррикады оказались Австро-Венгрия с Германией, а по другую – гигантская Россия.

Дальнейшая сложность плана состояла в том, чтобы заставить взяться за оружие Россию. После недавнего позора от японцев русское правительство не хотело и слышать о войне.

Балканы издавна считались пороховой бочкой Европы.

Достаточно бывало искры – и мощный взрыв сотрясал весь материк.

Расчеты поджигателей строились на историческом патронаже России по отношению к славянам. Русские – старшие их братья, а следовательно, и бескорыстные защитники. Так было с освобождением славян от османского ига, так должно стать и с защитой младших братьев от тевтонов. (Другое дело, дождалась и дождется ли Россия благодарности за свое чистосердечное заступничество? Но здесь не обойтись без рассуждений о сочетании большой политики и обыкновенной человеческой морали.)

Пока Россия зализывала раны от японцев, Европа не теряла времени. Русский колосс обессилел и способен лишь ворчать.

Витте еще только собирался в Портсмут, а Вильгельм II на борту немецкой канонерки появился вдруг в Танжере, на севере Африки, в зоне давних интересов Франции. Он рассчитывал воспользоваться ослаблением России. Недружелюбная к немцам Франция с хищными Ротшильдами во главе сейчас не может рассчитывать на поддержку с Востока, русские генералы не накинутся на Германию с тыла. Самое время оттягать у Франции ее колонии!

Японская победа над Россией перекосила всю европейскую политику.

Однако Вильгельм, сбрасывая со счетов ослабшую Россию, судил слишком поверхностно. Самонадеянный груби-

ян, он не сознавал всей силы Ротшильдов. Скоро ему дали это понять.

В свое время мамаша пятерых братьев Ротшильдов хвастливо заявляла: «Если мои сыновья не захотят, то никакой войны не будет!» Она нисколько не преувеличивала. Ротшильды, не высоко-вываясь, уверенно хозяйничали на всей материке. В клане Ротшильдов существовал закон: как мужчины, так и женщины обязаны сочетаться браком только с лицами королевской крови. Но, несмотря на столь замшелый консерватизм, они слыли самыми непримиримыми сокрушителями тронов. А к началу века ложа «Бнай-Брит» из Америки протянула свои щупальца в Париж. Лозунгом ее было: «Объединение еврейских мужчин для достижения высоких целей человечества». Ради этих высоких целей искусно дергались незримые веревочки потайной политики. В свое время силу этих веревочек ощутил надменный Николай I. Узнав о кознях некоего Александра Герцена, помещичьего сына, поселившегося за границей и оттуда наводнявшего Россию возмутительными прокламациями, русский император приказал лишить его доходов с отцовского наследства. Недолго думая, Герцен обратился с жалобой к некоронованному королю Европы банкиру Ротшильду. Тот выслушал и небрежно кивнул. Ротшильд был рад случаю лишний раз уязвить ненавистного царя. И уязвил незамедлительно, одним движением мизинца. Сработала та самая веревочка из золота – зависимость самодержавия от банковских кредитов.

Русский император смирил свою гордыню и приструнился. Герцен же снова стал бесперебойно и в изобилии снабжаться русскими рублями, ради которых бургомистры секли на конюшнях русских крепостных крестьян.

Примерно то же самое произошло и с зарвавшимся Вильгельмом. Словно вожжами, ему заворотили задранную морду: «Не туда поскакал!» Из французского Танжера его заставили смотреть на Восток: за Вислу, за Урал, вплоть до Тихого океана. Вместо Африки ему предлагалась Россия. Вместо голых чернокожих дикарей его соблазняли дикарями в тулупах, имевшими обыкновение, запершись в адски натопленных избушках, сладостно истязать себя прутьями по голому телу.

Матерью Вильгельма II была дочь английской королевы Виктории (сильно недолюбливавшая своего фанфаронистого сына). Русский государь Николай II приходился германскому императору кузеном.

Молодость русского царя не помешала ему увидеть и понять, что православная Россия превратилась в гигантскую мишень для всякого рода ненавистников. Стрелы ковались и оттачивались самые разнообразные. На скатерти большой политики раскладывался чрезвычайно сложный и запутанный пасьянс.

Мощь Ротшильдов к тому времени возросла настолько, что они считали более полезным пребывать в тени. Однако игроки за столом постоянно ощущали их руководящее вли-

яние.

Еще со времени Берлинского конгресса, где стоял вопрос об экономической оккупации России, отношения германского и русского монархов стали портиться. Для того чтобы окончательно их ния! Народы больше не управляются монархами. Ими правят бесчисленные банки и биржи. Разве не так?

Русский император вспомнил своего деда, Александра II, Освободителя. Жизнь его сложилась неудачно. Имея вторую, побочную семью, Александр II прижил с любимой женщиной троих детей. Расходы требовались громадные. На помощь немедленно поспешил банкир Гинцбург и с тех пор сделался интимным советчиком в самых секретных делах... Такова власть золота, такими способами действуют евреи.

Отдаленной мыслью пронеслось запоздалое сожаление о том, что милая Алике, императрица Александра Федоровна, самым незаметным образом также оказалась прямо-таки облепленной ловкими иудеями, охотно раскрывавшими свои тугие кошельки для показной благотворительной деятельности. Манус, Гинцбург, Поляков, Бродский, Рубинштейн...

Свидание в Бьерке не принесло плодов. Николай II все же предпочел союз с Францией и Великобританией. Вильгельм II негодовал. Что скрывалось за поступком племянника? Вялая кровь? Испуг? Влияние жены?

Германский император все свое внимание обратил на усиление вооруженных сил.

– Меч – это ось мира, и величие страны неотделимо от величия ее армии. Мы завоюем наше положение благодаря остроте наших мечей, а не языков!

Помнил ли Вильгельм завет великого Бисмарка: «Дружить с Россией»? Несомненно помнил. Однако что делать, если племянник так близорук, так безволен, так незадачлив?

Англия, к великому сожалению кайзера, надежно укрывалась за нешироким, но глубоким Ла-Маншем. Но вот Франция... «Шлюха, солдатская девка. Я все равно докажу, что эти лягушатники ничего не стоят как солдаты!»

План быстрого разгрома Франции основывался на замысле великого Шлиффена. На карте, графически, этот план напоминал движение двери, когда ее открывают. В данном случае дверь толкали из Германии... Шлиффен считал, что прямое фронтальное наступление приведет к большим потерям в живой силе. Он детально разработал план флангового захода через Бельгию. Правое крыло немецких войск должно двинуться во Францию, имея неподвижное основание на южном фланге. «Открывающаяся дверь» в конечном счете хлопнет по Парижу с севера. Там, в покоренной столице изнеженной и порочной Франции, кайзер продикует презренным лягушатникам условия капитуляции. Условия будут таковы, что западная граница Германии обретет наконец желанное спокойствие.

Страстно обличая козни еврейских плутократов, Вильгельм II не сознавал, что сам стал едва ли не главной фигурой

на ихшахматной доске. Самоуверенный, решительный сверх всякой меры, он хозяйничал в Европе. Однако последнего этапа этой грандиозной партии – крушения Германии – он не предвидел. Вагон в Компьенском лесу под Парижем, где немцев поставят на колени и зачитают им приговор, – эту заключительную матовую ситуацию просчитывали за много ходов до финала лишь гроссмейстеры.

Пока же разыгрывался довольно простенький дебют. Надо было во что бы то ни стало заставить взяться за оружие Россию.

Очередным испытанием для национального достоинства России явились угрозы православной Сербии. Расчет был прост: бесславно проглотив недавнюю боснийскую пилюлю, Россия не посмеет столь же безропотно проглотить пилюлю сербскую. Гордость не позволит!

Вокруг Сербии начала сплетаться сложная сеть интриг.

Тайные общества – испытанное средство провоцировать желанные события. Организацию под устрашающим названием «Черная рука» возглавил некий полковник Дмитриевич. После загадочного убийства короля Александра и королевы Драги полковник вдруг оказывается на посту начальника разведки сербского генерального штаба. В оккупированную недавно Боснию полковник посылает своего надежного агента Гачиновича. Агенту предписывается всячески будоражить православных против австрийцев. Гачинович снабжен средствами, адресами и паролями. В Боснии, оскорблен-

ной австрийской оккупацией, он без труда проникает в студенческое общество «Свобода» (также тайное). Студенты, давая выход силам молодости, ведут себя бурно, шумно, зачастую вызываясь. За ними установлен тайный надзор, ибо в руководстве обществом замечены масоны. В последней листовке, выпущенной студентами, во всеуслышание объявлялось, что наследнику австрийского престола эрцгерцогу Францу Фердинанду вынесен смертный приговор. Он должен умереть, ибо приговор масонов ни отмене, ни обжалованию не подлежит.

Что же обрекло наследника австрийского престола на неминуемую смерть? Оказывается, он всячески противился войне. Эрцгерцог, человек уже в годах, прекрасно сознавал, что жестокая бойня, в которую так настойчиво втягивают Австро-Венгрию и Россию, завершится гибелью обеих династий. Поэтому вместо разжигания ненависти к России Франц Фердинанд стремился к тесной дружбе с Николаем II.

В лице наследника австрийского престола масоны получили серьезного противника мировой войны. Эрцгерцога следовало немедленно убрать.

28 июня 1914 года в Сараево Франц Фердинанд был застрелен.

На Балканах снова задымился фитиль. Глеющая искра устремилась к пороху. Глубинное течение политики, добившись своего, перестало прятаться и выплеснулось на поверхность. Убийцу Франца Фердинанда удалось схватить на ме-

сте преступления. Он оказался сербом. И... что тут началось! Ну конечно, на такое злодеяние способны только сербы. Сербы – они вообще исчадия ада. Позор им, смерть им! На маленькую православную страну обрушился дружный гнев Европы. Без конца упоминались террористическая организация «Черная рука», подпольное студенческое общество «Свобода», имена Гачиновича и даже полковника Дмитриевича. Неистовая брань при этом постоянно рикошетила в Россию, старшего брата и защитника всех балканских славян. Хулители изощрались, более всего опасаясь, как бы Россия снова не утерлась, не смолчала, как недавно с Боснией. Неужели стерпит?

Громадная Австро-Венгрия, грубо разыгрывая национальное возмущение, всеми своими тяжкими мясами навалилась на крохотную Сербию, продолжала осыпать ее неслыханными оскорблениями.

Через несколько дней после сараевского убийства в Петербург с официальным визитом пожаловал Пуанкаре, президент Французской республики. Этот узколобый националист считал себя выдающимся политиком. Связав Россию союзом с Францией, он намеревался сравнить ее с Германией. За сербов русские обязаны вступить, следовательно, австрийский штык упрется в грудь российского солдата. Прекрасно! В союзе с Австрией тут же выступит Германия. Чем ответит русский Генеральный штаб? Коротким и прямым ударом армиями северного фланга от Варшавы на Бер-

лин. Что и требуется! У Франции окажутся развязанными руки, ей откроется дорога на Эльзас и Лотарингию.

10 июля броненосец «Франция» покинул рейд Кронштадта, Пуанкаре поплыл домой. Этот момент австрийцы использовали для того, чтобы предъявить сербам чудовищный по наглости ультиматум. Принять его не в состоянии любое государство. На этом и строился расчет. Сербы в отчаянии обратились к русскому царю. Официальный Петербург вмешался деликатно. Прежде всего австрийцев попросили продлить срок своего ультиматума хотя бы до 48 часов, чтобы дать время Пуанкаре добраться до Парижа. Находясь в пути, президент Франции не имел связи со своими союзниками – Англией и Россией. Кроме того, Николай II предложил вынести австро-сербские противоречия на суд международного трибунала в Гааге.

Вильгельм II втихомолку науськивал престарелого Франца Иосифа (ему исполнилось 84 года). Сербию следовало дожимать, нисколько не считаясь с Россией. Австрийский генеральный штаб объявил мобилизацию.

Последнюю попытку спасти Европу от войны предпринял посол Сербии в России. На торжествах в Зимнем дворце он остано-вил посла Великобритании Бьюкеннена. Он просил коллегу подействовать на Австрию через свое правительство. Разве мыслимо предъявлять такие ультиматумы? Это же неминуемая катастрофа!

Бьюкеннен, прожженный интриган, поднял встревожен-

ного коллегу на смех. Помилуйте, о какой войне речь?

– Вы знаете силу нынешнего артиллерийского залпа? – В глазах британца светился снисходительный смешок. – Война испепелит планету, мой дорогой. Человечество еще не окончательно сошло с ума. Разразись война, чего вы так боитесь, победителей не будет. Не те времена, не тот уровень!

Он напомнил, что совсем недавно на глазах всего мира были самым благополучным образом разрешены два марокканских кризиса. А уж казалось бы... О чем это свидетельствует? Цивилизация начисто перечеркнула дикие методы разрешения конфликтов. Война становится невыносимой. Современное вооружение стало слишком мощным, слишком разрушительным, и подвергать планету угрозе разрушения могут только безумцы.

28 июля, ровно через месяц после выстрела в Сараево, австрийская канонерка обстреляла сербские суда на Дунае. Пленительные звуки вальса сменились отвратительным грохотом орудий. В ответ Россия провела спешную мобилизацию войск приграничных округов. Вильгельм II прислал Николаю II телеграмму с требованием прекратить мобилизацию. Русский царь заметил кузену, что Россия не вправе оказаться безоружной перед своим воинственным соседом. 30 июля австрийская артиллерия обстреляла улицы Белграда. На следующий день германский посол в России граф Пурталес посетил министра иностранных дел Сазонова и в ультимативной форме потребовал прекратить подвоз дивизий

к границе. На выполнение этого требования Пурталес от-
вел всего 12 часов. Это был последний штрих, завершивший
долгие усилия по втягиванию России в Великую войну.

2 августа рано утром сотрудники германского посольства
в Петербурге отправились на вокзал. В мрачном здании мис-
сии не осталось даже сторожей. В 3 часа дня в Георгиевском
зале Зимнего дворца собралось более 6 тысяч человек. Во-
енные были в походной форме. Николай II, бледный, чаще
обычного дергая плечом, зачитал манифест.

Роковой шаг был совершен. Не оправившись как следует
от японского поражения, самодержавие позволило втянуть
страну в новую авантюру.

На Россию надвигалась беда куда страшней Мамаевой!

Германский генеральный штаб нетерпеливо торопил вой-
ну. Немецких военачальников нисколько не страшила война
даже на два фронта: на Западе и на Востоке одновременно.
В основу их расчетов входила традиционная медлительность
мобилизации русской армии. Покамест Россия соберет на
своих просторах бес-численное мужичье, оденет в серые ши-
нели и подвезет по бездорожью к местам сражений, с Фран-
цией на Западе будет покончено. Способность французов к
длительному и организованному сопротивлению немецкие
стратеги считали равной нулю. Эта страна, взявшая в каче-
стве гимна мятежную «Марсельезу», давно утратила репута-
цию великой державы.

Благодаря прекрасно поставленной разведке, германское

командование знало, что армия французов совершенно не подготовлена к войне на современном уровне. Немцы иронизировали: «Страна, в которой за 43 года сменилось 42 военных министра, воевать не способна!» В приготовлениях французских генералов преобладало что-то петушиное, фанфаронистое, то есть крайне безответственное, легкомысленное. Они, например, полностью игнорировали технику обороны и оставались приверженцами теории наступления любой ценой. Французская армия была лишена тяжелой артиллерии и пулеметов. Мало того, отсутствие этих важнейших видов современного вооружения считалось там... за благо! Некоторые из французских стратегов договорились до того, что «идеал нации состоит в том, чтобы начать войну без резервистов».

Чего здесь было больше: природного легкомыслия или же сказывалось чье-то преступное внушение?

Чопорные немецкие генштабисты лишь посмеивались в усы, прознав, что французы намереваются, едва по плану Шлиффена гигантская «дверь» немецкого наступления начнет свое движение, нанести удар в самое основание этой «двери», на южном фланге. Замысел был в общем-то хорош – отрезать немецкие корпуса от баз снабжения и заставить их сражаться с перевернутым фронтом, – однако с помощью каких средств французы намеревались его осуществить? Без артиллерии и пулеметов? Одними безрассудными атаками своей нарядной кавалерии? Что и толковать, странное отно-

шение к такому серьезнейшему делу, как война!

Немцы считали себя профессиональными солдатами. Они организовали свою армию как мощный, предельно усовершенствованный механизм. На французских генералов, разодетых пестро, словно фазаны, немцы посматривали иронически. Что они умеют: брякать шпорами и надуваться спесью? Однажды кто-то изрек, а газеты подхватили: «Подобные генералы не только не способны вести войска за собой, они не способны даже следовать за ними!»

Нечего сказать, с надежным же союзником связала Россия свою военную судьбу!

Великую войну, впоследствии названную первой мировой, войну, в чудовищную мясорубку которой оказались втянутыми 57 стран планеты, генерал-майор Корнилов начал в должности начальника стрелковой дивизии. Кадровый военный, генерал с академическим образованием, участник недавней войны с Японией, Лавр Георгиевич знал, что мобилизационная готовность русской армии исчисляется шестью неделями. Быстрее подготовиться и выступить на фронт мешали гигантские российские просторы и недостаточно развитая сеть железных дорог.

Мобилизация запасных прошла весьма спокойно и на удивление быстро, с опережением намеченного плана срока. Полки удалось пополнить по штатам военного времени.

Одна особенность невольно удивляла всякого, кто знакомился в те дни с непрерывно прибывающими маршевыми

колоннами: обилие запасных унтер-офицеров, многие были с Георгиевскими крестами – за недавнюю русско-японскую войну. Унтер-офицеры – золотой фонд любой армии. Зачем же эта поголовная мобилизация? Расчет на быструю победу? Легкомысленно... А золотые кадры все прибывали и прибывали. В ротах не хватало вакансий для старших унтер-офицеров, многих приходилось назначать командовать отделениями, младших же унтер-офицеров вообще ставить рядовыми. Опытные генералы покачивали головами – это же все равно что хрустальной вазой заколачивать ржавые гвозди!

С утра Лавр Георгиевич отправился в полк, размещенный, не в пример другим, основательно – в старинных войсковых казармах. Он оставил его напоследок, ибо другие полки дивизии размещались временно и наспех – в разбросанных по округе деревням.

На избитом плацу полк выстроили поротно. Отдельно на левом фланге стояли пулеметная команда и рота службы связи.

На плац вынесли аналой и образ Дмитрия Солунского. Поплыл дым ладана.

Командир полка, немолодой полковник с седою головой, аккуратно перепоясанный ремнями, тревожно посматривал на нового дивизионного. Худое азиатское лицо Корнилова с косою бородкой клинышком хранило бесстрастное выражение. Полковник обратил внимание, что у дивизионного, как у всех людей маленького роста, была привычка делать быст-

рые широкие шаги. Именно эта широкость шага стала его первым впечатлением от знакомства с генералом.

Над плацем раскатился зычный командирский голосище:

– По-олк... смир-р-на-а! Под знамя... слуша-ай: на-а кра-ул!

Лязгнули выхваченные офицерские шашки, колыхнулся и замер частокол штыков. С правого фланга показалась знаменная рота с полковым штандартом. Оркестр ударил марш.

– На молитву-у... шапки долой! Певчие... пред полк! Старенький священник, седой, подслеповатый, произнес слово о мужестве воина и христианской небоязни смерти за Веру, Царя и Отечество. Стояла напряженная глухая тишина. Замерли даже чумазы еврейские мальчишки, облепившие забор вокруг казарм. Затем речь держал командир полка. Он говорил, держа фуражку в опущенной руке. Под конец на его глазах выступили слезы. Он смешался и махнул своему заместителю. Тот лихо крутнулся на каблуках. Оркестр грянул хватаящий за сердце марш «Прощание славянки».

На улицах по обе стороны стояли взволнованные толпы. На солдат летели цветы. Рядом с колоннами бежали плачущие женщины. Вот одна из них подбежала к строю и, путаясь руками от волнения, стала надевать солдату с краю маленькую ладанку на шею. Солдат покорно подставил голову и, мелко шагая, с винтовкой на плече, старался не сбиться со строевого ритма. И все гремел, не переставая, этот томительный, терзающий душу мотив «Прощания славянки». Ни

одна армия в мире не имела такой волнующей военной музыки, как русская.

Что и говорить, подъем в связи с германским объявлением испытывался небывалый. Два дня назад в штабе корпуса Лавр Георгиевич слышал рассказ о потрясающей церемонии в Зимнем дворце. Военная угроза мигом погасила все распри политических противников, примирение было всеобщим. А когда государь, намереваясь показаться народу, вышел на балкон, необозримая толпа, запрудившая Дворцовую площадь, опустилась на колени и запела «Боже, царя храни».

Настроение первых дней августа повсюду было такое: «Бедные немцы! Они что, забыли судьбу Наполеона?» Среди офицеров в штабе корпуса царило праздничное убеждение: «К Рождеству будем в Берлине!» Какой-то капитан – судя по нарядному аксельбанту, полковой адъютант – озабоченно выспрашивал у рослого ротмистра, брать ли на фронт парадный мундир.

На вокзале, провожая первый эшелон дивизии, Лавр Георгиевич не мог сдержать гримасы: на красном вагоне наискось белела свежая надпись мелом: «40 человек или 8 лошадей». Эта торопливая деловитая надпись сильно разнилась с тем праздничным настроением, какое только что испытывалось всеми на взбудораженных улицах городка.

Дивизии выпал тихий участок фронта. Война, судя по газетным сообщениям, гремела далеко отсюда, во Франции.

Солдаты вкапывались в землю, устраивали землянки и блиндажи. Южная Польша многим напоминала родимые места: ленивые речушки, перелески, желтые созревшие поля. Поражало обилие садов. От яблок и груш ломились ветки.

Бытовая грязь гигантского людского скопища еще не успела обезобразить линию окопов, протянувшихся от Балтики до Буга.

Вот так же тихо, безмятежно начиналось и десять лет назад в Маньчжурии...

Пока солдаты выглядели бодро и уверенно. Бои не начались, и порыв еще не выветрился окончательно, однако угар стремительной победы уже прошел. Да и испытывался ли он рядовыми, сменившими зипуны и кацавейки на серые шинели?

Генеральский чин Корнилова все больше отдалял его от солдатской серой массы. Началось это с учебы в Академии. Но уже в Маньчжурии, будучи начальником штаба стрелковой бригады, он научился узнавать о настроении в окопах из случайно подслушанных разговоров, из крепких солдатских словечек, достигавших его командирских ушей. Выручала и малейшая возможность побывать на передовой и собственными глазами взглянуть на обстановку. Тут сказывался опыт. Солдаты, пусть и безмолвные, евшие начальство вытращенными глазами и браво рявкающие на расспросы «Так точно!» и «Никак нет!» (строго по Уставу), – даже самый их вид мог многое сказать опытному офицеру. Была бы лишь

охота это узнавать, этим интересоваться.

В один из дней, когда страна и фронт жили сладкими известиями о стремительной удаче армии Самсонова, Лавр Георгиевич приехал на командный пункт полка. Его встретил седой полковник, тот самый, чей полк Корнилов провожал на станции при посадке в эшелоны. Зарылся полк умело, основательно, офицеры выглядели со всей возможною опрятностью. Когда совсем стемнело, Корнилов выразил желание пройти в передовое охранение. Небольшой группой спустились в прекрасно оборудованный ход сообщения.

Перед землянкой, хорошо укрытой от вражеского наблюдения, теплился костерок, голоса лежащих звучали мягко, рассудительно.

– Уграздило же их! – доносилось от огня. – Тут самая рожь поспела, самая что ни на есть работа, а они – воевать. Подожда ли бы хоть малость. Зима придет – что жрать будем? Голова у них имеется или нет?

– Зима! Ты что, тут до зимы собрался прохлаждаться? Про Самсонова слыхал?

– Значит, самсоновские и заслужат первые домой. А мы? Чей-то густой голос, видимо кадрового унтер-офицера, мрачно подытожил:

– Торговали – веселились... Одно и то же, как поглядишь. Горячий навоз быстро остывает!..

Целая гурьба начальства вывалилась из темноты к огню. Солдаты испуганно повскакали. Лавр Георгиевич маз-

нул взглядом по ошалелым лицам. Унтер-офицер присутствовал. Опытный старослужащий, он держался без солдатской очумелости. Без всякого сомнения, это ему принадлежала заключительная фраза, полная предельного цинизма... Огонь костра в небольшом углублении умирал. При слабом свете Корнилов бросил взгляд в глубину землянки и в ее убогом убранстве разглядел приколоченный к бревенчатой стене темный образ и простенький киот. Крупнойзамысловатой вязью было выведено евангельское наставление Спасителя: «Нет больше сея любви, как душу свою положить за други своя».

Спустя час, в штабе, за стаканом чая, седой полковник уверенно говорил о мужественном настроении солдат. Лавр Георгиевич угрюмо слушал. Он подносил стакан к губам и горячий его краешек запускал под отросшие усы. Знаток и болезненный любитель чая, он оценил заварку. В полку несомненно знали о маленьких пристрастиях дивизионного начальника и постарались доставить ему приятное. Лавр Георгиевич слушал бодрые разглагольствования штабных офицеров и думал о том, что, совершись чудо – войди бы русская армия в Берлин всего месяц спустя после наступления Самсонова, – подтвердились бы все планы и надежды на затеянную войну.

Однако такие войны, какая заварилась и набирала мах, в один месяц не выигрываются.

Генерал Н.П. Михневич, чьи лекции Лавр Георгиевич

слушал и конспектировал в Академии, являлся автором капитального учебника над названием «Стратегия». Эту книгу знал каждый русский генерал. В «Стратегии» четко формулировался основной закон современных войн: решающее значение для достижения победы имеет отнюдь не интенсивность напряжения сил страны, а продолжительность этого напряжения. Как степняк по крови, Лавр Георгиевич толковал этот закон по-своему: длительную скачку выигрывает лишь тот скакун, у которого глубже дыхание и капитальнее запас природных сил. Первоначальная резвость никогда не принесет победы.

Начавшаяся война с целой коалицией сильных держав вызвала у Корнилова тяжелые предчувствия.

Союзники... Англию удалось с трудом заставить объявить войну Германии. Однако из-за своего Ла-Манша она на материк не сунется, отсидится за спиной воюющих. Франция? Вот уж на кого никакой надежды! Лавр Георгиевич был поражен, узнав, что уже в первые месяцы каждый двадцатый из мобилизованных французов уклонился от призыва. Необычайно высоким оказался и процент обыкновенных дезертиров. А война только начиналась!

На Россию все надежды у союзничков, на русского солдата...

Но подготовилась ли как следует сама Россия к такому длительному испытанию, как война?

Внешне Россия по-прежнему выглядела завидно крепкой.

Удалось даже в короткий срок поправить военное хозяйство после Цусимы и Мукдена. Однако как обстояло дело с продолжительностью напряжения?

Русская монархия еще удерживала трон, но потеряла всю недавнюю самодержавность. Совершенно одряхлело и старинное дворянство, съездилось. Сначала лакейское англо-манство, затем коварнейшее франкмасонство превратили его, опору трона, в наиболее оголтелую антипатриотическую силу. Раболепствуя, дворянство сдало без единого слова протеста власть денежным мешкам – народившимся финансистам.

Что такое банки, банковский капитал? Обыкновенные ростовщики, наживание на даче денег в долг. Но если в прежние времена это занятие считалось позорным и совершалось тайно, то ныне ловкие манипуляции с деньгами (биржи) совершаются открыто, нагло, торжествующе. некогда презренное занятие евреев-ростовщиков стало необходимым условием нормального функционирования государственного механизма. Деньги стали кровью, а биржи – сердцем государств. Люди, распухшие от золота, стали третьим сословием России – буржуазией. Копируя европейские порядки, завели многопартийность. Прием испробованный, иезуитский, ибо в мозаике крикливых групп и блоков весьма удобно маскироваться тем, кто из-за кулис этого кукольного балагана уверенно дергает за ниточки. Одержимая одним на свете – безудержной наживой, буржуазия установила

невиданную эксплуатацию работающего люда. В ответ стало все больше закипать естественное возмущение. По стране загуляла с каждым днем растущая энергия четвертого сословия – пролетариата. Это была сила молодая, мускулистая, а главное – сплоченная. Рабочий из многолюдного грохочущего цеха никак не походил на забитого, затурканного мужика, ковыряющегося в одиночку на своей тощей десятине... Невысокого мнения был Лавр Георгиевич и о русском духовенстве. Священнослужители в тяжелую минуту бросали свою паству и спасались сами. Недаром же свирепые монголо-татары совершенно не трогали монастырей, храмов и попов!

Можно ли было в таком состоянии кричать о Берлине и заноситься извечной мечтой о близкой возможности снова «приколотить щит Олега над воротами Царьграда»?

Правда, покамест у России имелась одна испытанная сила – ее армия...

Загадкой для Корнилова и многих русских генералов было решение военного и политического руководства Германии наплевать на стратегическое предостережение Бисмарка и заставить свой народ сражаться на двух фронтах одновременно: на Западе и на Востоке. Еще одно свидетельство того, что державами, даже великими, управляют отнюдь не лучшие умы нации.

В основе этой губительной ошибки лежала, как это ни странно, предельная осведомленность германского руковод-

ства. Добыв русский мобилизационный план (наисекретнейший документ!), немецкий генеральный штаб рассчитывал, что раньше чем через полтора месяца на фронте русской армии не громыхнет ни одно орудие, не двинется из окопов ни одна дивизия. Таким образом, с самого начала немецкие генералы получали продолжительную фору в целых шесть недель. За это время следовало разгромить легкомысленную Францию, желательно повторить триумф Седана, когда в плен угодил сам французский император. Быстрая победа на Западе должна была завершиться стремительным занятием Парижа. И немецкие корпуса, не теряя ни часа, мощно двинулись прямо на Париж.

Расчеты немцев на быстрый разгром французской армии, на блицкриг, как будто сбывались. План Шлиффена осуществлялся по тщательно разработанному расписанию. Армия генерала Клюка, захватывая уютные провинциальные городки и старинные замки, надвигалась на Париж. Из французской столицы началось повальное бегство. Дороги на юг не справлялись с потоками потерявших голову парижан.

Французское правительство отчаянно взывало и к Лондону, и к Петербургу. Англичане, поколебавшись, все же объявили себя в состоянии войны с Германией, однако на поле боя не спешили, известив Париж, что им необходимо мобилизовать и сосредоточить достаточное количество хорошо обученных дивизий.

Глаза французов с надеждой устремились на Россию. По-

сол Морис Палеолог донимал Николая II мольбами о немедленной помощи. Судьба прекрасной Франции повисла на волоске.

Русский план войны предусматривал первоначальное выступление против Австро-Венгрии. Глубокий обход левого фланга австрийских войск создавал угрозу всему Силезскому промышленному району. Лишь после захвата этого жизненно важного для Германии центра наступала очередь самой немецкой армии. Отчаянное положение Парижа вынудило русское командование срочно поменять все планы.

Верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич, дядя царя, обрадовал Палеолога, сообщив наконец, что завтра, 14 августа, он выезжает в свою Ставку, в Барановичи, и сразу же отдает приказ о наступлении. Французский посол кинулся к шифровальщикам. В Париж, потерявший голову от паники, полетела коротенькая телеграмма: «Держитесь, спасение близко!»

Прибыв в Ставку, великий князь, худой и долговязый, неловко, по-журавлиному, склонился над огромной картой. Русский фронт тянулся с севера от Балтики до Румынии на юге. На границе с Восточной Пруссией разворачивались две армии: Самсонова и Ренненкампа. Южнее, против Галиции, изготавливался Юго-Восточный фронт, самый обеспеченный, самый боевой. Обстановка диктовала предпочесть удар на юге. Однако как отреагируют на это немцы? Скорей всего они предпочтут пойти здесь на временную неудачу, но

постараются завершить разгром францу-зов. Немецкие офицеры, как передавали, уже разглядывали в свои сильные бинокли парижские предместья. Великий князь избрал удар на севере. И армия Самсонова, не завершив формирования, устремилась на зеленые поля Восточной Пруссии.

Немцы изумились: русская армия оказалась способна начать столь мощное наступление чуть не на месяц раньше мобилизационного срока. Направление удара было угрожающим: никуда не сворачивая, прямо на Берлин. Словно укол шпагой в самое сердце! Бешено заработал узел связи германского генштаба. Из-под самого Парижа в Пруссию понеслись воинские эшелоны. В вагонах сидели солдаты двух стрелковых корпусов, выведенных прямо с поля боя.

Еще в эшелоне, по дороге на фронт, ушей Корнилова достигли слабые отзвуки напряженных придворных интриг. Государь, оказывается, не счел нужным проводить главнокомандующего своей армией (и своего дядю). По слухам, на вокзал его не пустила немка, раздосадованная августейшая супруга Александра Федоровна. Великий князь вроде бы несколько не огорчился столь явным проявлением высочайшей немилости. Всеми мыслями он был уже на фронте. Профессиональный военный, он прекрасно знал, что русский генералитет сверх всякой меры засорен никчемными людьми, великосветскими шаркунами в эполетах, но в то же время в строю не доставало более трех тысяч офицеров. Где их взять? Когда готовить?

Великий князь присутствовал на общем заседании Государственной думы и Государственного совета, когда весь зал дружно поднялся на ноги и в один голос обратился к взволнованному Николаю II: «Веди нас, государь!» Этот порыв не обманул главнокомандующего. Знают ли они, что армия обеспечена лишь на первые месяцы войны? Ответственные генералы, поглаживая отросшие животы, радовались, что им удалось создать достаточный запас снарядов – по тысяче на каждое орудие. Однако у немцев этот запас был в полтора раза больше!.. Великий князь, как редко кто из Романовых, сознавал, что начавшаяся бойня будет вестись до полного изнеможения, на измор. Поэтому, отправляясь в свой полевой штаб, в Барановичи, он выкроил время и собрал поставщиков на армию. Зная неистребимую натуру этих прохвостов, он был предельно краток: «Господа, только без воровства!» Верил ли он в силу своего наказа? Едва ли. Если уж Петру Великому с его дубинкой... Однако великий князь был полон решимости употребить всю отпущенную ему власть.

Пока великокняжеский поезд, очень коротенький, составленный всего из нескольких вагонов, уносился к югу от столицы, штабные офицеры, задержавшись после ужина в салоне, обсуждали поразивший всех патриотический порыв населения. Так было не только в обеих столицах, такое происходило по всей стране.

Обратили внимание и на вроде бы совершенно незначительную деталь во всенародном торжестве: государь, появив-

шись на балконе Зимнего дворца, не вывел с собой царевича Алексея, не показал народу наследника престола. Это был нежелательный, дурной знак.

Таким образом, перечень знамений, порождавших тревожные, самые нехорошие предчувствия, продолжал сопровождать это явно неудачное, несчастливое царствование...

Тем не менее, осуществляя план Шлиффена, германская армия легко сминала заслоны французских войск. Задержек с продвижением, как правило, не возникало.

Изумленный стремительностью немецкого наступления, мир ждал падения Парижа. Спасения французам быть не могло. Сдав врагу столицу, Франция как бы останавливала свое сердце.

Совершенно неожиданно, вопреки всякой военной логике, последовало знаменитое «чудо на Марне». Армия надменного, самоуверенного Клюка почему-то принялась топтаться на месте и, преступно медля, роковым образом теряя время, подставила гарнизону обреченного Парижа свой растянутый правый фланг. Неслыханная удача! Французы, сами еще плохо веря в свалившееся счастье, немедленно использовали этот единственный шанс на спасение. Генерал Клюк получил сокрушительный удар, и картина сражения за Париж переменялась моментально и самым решительным образом. Разгром немецкого правого фланга, помимо своего военного значения, вдохновил французов на достижение окончательной победы.

После войны специалисты доказали, что на полях сражений, особенно столь грандиозных, судьбоносных, никогда и никаких чудес не происходит. Все выдающиеся победы имеют свои причины, свое логическое объяснение. Так произошло и с разгромом немецких войск у самых стен Парижа.

«Чудо на Марне» французам обеспечили русские войска в Восточной Пруссии!

Армия Самсонова, выиграв приграничное сражение, устремилась прямо на Берлин. Перед немецким руководством возникла мучительная дилемма: что важнее – Париж или Берлин? Это было первым неудобством войны на два фронта. Жесткий выбор заставлял действовать по методу тришкиного кафтана. Сознавая всю стратегическую важность штурма Парижа, немцы тем не менее вынуждены были спешно снять с Западного фронта два лучших корпуса, погрузить их в эшелоны и по зеленой улице перебросить на Восток.

Вот почему генерал Клюк затоптался у самых стен Парижа, упуская из рук близкую победу: ему не хватило как раз этих двух корпусов для окончательного натиска! Военная стратегия не терпит спешки. Искусство войны – одно из самых сложных. Можно случайно выиграть одно сражение, однако успех во всей кампании случайным быть никогда не может. Лавр Георгиевич в этом случае любил приводить пример со знаменитым Ганнибалом. Великий полководец навек прославил себя Каннами, однако войну тогда все-таки выиг-

рал не Карфаген, а Рим.

Лавр Георгиевич хорошо знал генерала Самсонова. В русско-японской войне Самсонов командовал кавалерийской дивизией. Там же, на полях Маньчжурии, в крепкий узелок завязалась его лютая вражда с генералом Ренненкампом. Последний, тоже командуя дивизией, чрезвычайно ревниво относился к постоянным успехам своего соседа по фронту. Однажды в завязавшемся сражении потребовалась его помощь. Однако Самсонов этой помощи не получил и вынужден был отступить, оставив Ентайские угольные шахты. Генерал был в ярости. Конфликт двух начальников дивизий с трудом уладил командир корпуса. И все же самолюбивый Самсонов, встретив Ренненкампа на вокзале в Мукдене, не сдержался и влепил ему пощечину... В Восточной Пруссии оба генерала вновь оказались соседями по фронту, только теперь они командовали армиями.

Самсоновское наступление, первые его победы испугали немцев. Их глазам представилась ужасная картина: русские казаки на Унтер-ден-Линден. Но тут судьбе было угодно оборотить к ним свой милостивый лик. Прежде всего громадной ценности подарком для немецкого командования явилась небрежность самсоновского штаба: все приказы по наступлению передавались по радио почему-то без всякой шифровки, открытым текстом. И совсем уж непостижимым представлялось бездействие генерала Ренненкампа. Даже в самые критические дни, когда над наступающими навис-

ла угроза полного разгрома, соседняя армия не двинулась с места и продолжала безучастно наблюдать, как Самсонов мало-помалу подставляет свой левый фланг. Немцы были бы круглыми дураками, упусти он столь счастливую возможность. Дураками они себя не показали, последовал столь мощный удар во фланг, что все успехи самсоновского наступления были смазаны в одночасье. Спасаясь от позора плена, генерал Самсонов застрелился.

Тогда же по горячим следам свершившегося разгрома Лавр Георгиевич много рассуждал о том, с какой стати затевалось наступление именно в Восточной Пруссии. В начавшейся войне Россия имела не одного, а, по крайней мере, двух противников: помимо Германии еще и Австро-Венгрию. Из этого и следовало исходить. Одного взгляда на стратегическую картину достаточно, чтобы заставить русское главнокомандование искать решающего успеха для себя в первую очередь на юге. Так нет же, стали наступать на севере! Зачем? С какой целью? Почему? Ответ один: так было необходимо для союзников. Иными словами, с первых дней войны русская армия смирилась с подчиненным положением. Командовали ею не из Ставки и даже не из Петербурга, а из Лондона и Парижа.

Первой жертвой русского союзнического долга была армия Самсонова, кинувшаяся в бой всего лишь на 16-й день после начала мобилизации.

Когда-то, пять веков назад, польский король Владислав в

этих же местах, под Танненбергом, наголову разгромил полчища закованных в броню тевтонов. Название городка – Танненберг – стало символом воинской доблести славян... Теперь, разгромив армию Самсонова, немцы взяли мстительный реванш.

Над оцепенелой Россией, уже предвкушавшей сладость быстрого и близкого триумфа, раздался первый погребальный звон.

Зимний дворец отреагировал на успех немецкого оружия довольно своеобразно: отныне столицу России повелевалось именовать не Петербургом, а Петроградом...

Как видим, планы военных сломались с первых же дней. Война пошла совсем не так, как ее готовили опытные генералы. Однако это вовсе не значит, что великое мировое взаимоистребление продолжалось хаотически, подобно пьяной драке на базаре. Во всей кажущейся неразберихе просматривалась строгая система, железная организованность. Если в августе 1914 года великие державы, боясь быть обвиненными в агрессии, выдерживали, словно велосипедисты нервный сюрпляс, то теперь, когда война запылала, в расчет пошло совсем другое: окончательную выгоду получит тот, кто сумеет влезть в войну самым последним. Не ввязываясь в бойню, можно было помогать воюющим, поставляя им все потребное для уничтожения. Война всегда была самым прибыльным предприятием. Поэтому одни гибли и калечились, в то время как другие всячески ловчили и наживались. Воюющие

– слабли, торгующие – крепи.

В конечном счете как раз это и входило в самые темные, самые вождеденные расчеты тех, кто незримо находился за кулисами гигантских мировых событий... Лавр Георгиевич Корнилов относился к числу немногих генералов русской армии, которых не обманул невиданный патриотический подъем в начале августа, когда гигантская толпа на Дворцовой площади благоговейно опустила на колени и запела гимн, едва фигурка царя показалась на балконе. Это был всего лишь порыв, движение экзальтированной души. Четыре дня спустя этот же порыв кинул тех же самых людей на разгром тяжеловесного, мрачного здания германского посольства – на брусчатку мостовой полетели хищные бронзовые орлы, сорванные с фронтона. Разгрому подверглись и столичные магазины, чьи владельцы носили немецкие фамилии. Первая ярость была утолена... Однако сколько раз Корнилову вспоминалась случайно подслушанная циничная фраза унтер-офицера: «Горячий навоз быстро остывает!»

Мощное наступление, какое начал русский фронт, потребовало предельного напряжения всех сил державы, и сразу же обнаружилось громадные прорехи как в организации всего государственного механизма, так и в подготовке к войне. Русская лошадь отправилась в скачку с предельно коротеньким дыханием. На какое напряжение, тем более длительное, рассчитывали власть имущие, если все или почти все заводы, фабрики, рудники и шахты принадлежали иностранцам? Не

от хорошей жизни русское правительство в первые же месяцы войны принялось лихорадочно размещать заказы на вооружение за границей... Не в лучшем состоянии находилось и сельское хозяйство. Основное население России обитало в деревнях. Урожайность оставалась традиционно низкой: всего чуть более 40 пудов с десятины. Сводить концы удавалось за счет количества вздыраемой сохой земли, но отнюдь не качества. И вдруг военная мобилизация разом обезмужила русские деревни. Тяготы кормить страну и фронт легли на плечи многожилых русских баб... А транспорт? Любой прапорщик, окончивший училище, знает, что перевозка всего одного стрелкового корпуса требует 140 железнодорожных составов. Столько же необходимо и для его снабжения. При этом как не взять в расчет состояние российской железнодорожной сети по сравнению с европейскими странами? Этот предмет – транспортные артерии страны – специально изучался в Академии. Хорошо подготовленная армия воюет не столько пушками, сколько железными дорогами. Война была противопоказана России. К длительному военному противостоянию она была попросту не готова. И все же ввязалась! Снова, как и в недавнем случае с Японией. Генералы относятся к той части общества, которые избрали для себя профессию защитников Отечества. Государство вынуждено содержать их – и неплохо содержать! – помня извечное правило: «Кто не хочет кормить собственную армию, тот будет кормить чужую». Генералами, как известно, не рожда-

ются, генералами становятся. И здесь, как и везде, простор для ловкачей. Корнилов принадлежал к тем исправным служакам, кто тянул военную лямку, избегая брякать шпорами на столичных паркетах. Впрочем, таким, как Корнилов, солдатским сыновьям на паркету не было и ходу. С годами в России установилась постыдная и гибельная для армии традиция: отбор в высшие эшелоны генералитета производился не на полях сражений, а в приемных, по принципу угодливости – словно в толкающейся локтями дворне дикого, самодержавного барина. Генералы в пышных эполетах, с «иконостасом» всевозможных орденов наду-вались спесью перед серым солдатским строем, а на дворцовом паркете вели себя как настоящие природные холопы. Стоило ли после этого удивляться расчетам подобных стратегов на ведение войны? Снова укоренившаяся русская привычка на авось. Снова природная завороченность необозримыми пространствами России. Разве такую страницу, такую махину возможно сокрушить? Да не найдется такой силы! Ну, что-то, может быть, и стронется, что-то подвинется (как в случае с Японией), но ведь не крах же, не конец!

Первые же дни на фронте, первые сражения со всею очевидностью продемонстрировали, что русская армия предпочитает старинную систему: воевать навалом живой силы. Уж у кого, у кого, а у России солдат много. Ну положат чуточку побольше, чем у немцев и австрийцев, – подумаешь! Беда невелика. У кого солдат побольше, тот и победит в конце

концов. Нас-то, русских, всех до единого все равно никому и никогда не перебить!

Словом, по давней традиции, русская армия имела отличные полки, посредственные дивизии и чрезвычайно слабые армии. Никудышное командование, все по той же традиции, полагалось на сказочные свойства русского солдата: мужику, переодетому из зипуна в шинель, не привыкать своим героизмом и самопожертвованием исправлять любые промахи и просчеты самого высокого начальства.

Первые успехи Юго-Западного фронта могли ошеломить кого угодно. Русские войска, пережив разгром Самсонова, стремительно взломали оборону австрийцев и, захватив Перемышль, приблизились на пушечный выстрел к Кракову.

В Карпатах передовые полки уверенно сбивали австрийцев с перевалов. Перед наступающими открывались необозримые пространства Венгерской равнины.

Осень в Карпатских горах радовала глаз золотом и багрянцем. Легкость выигранных сражений питала победный оптимизм в русской армии. Солдаты шагали бодро, глядели весело. Грамотные с интересом листали немецкие книжки. Почта уносила на родину тысячи открыток с изображениями Вильгельма и Франца Иосифа.

Пленные австрийцы, потрясенные случившимся, тянулись в струнку и козыряли не только офицерам, но и рядовым солдатам.

Лавр Георгиевич размышлял о том, что не давало ему по-

коя: слишком легко дались первоначальные успехи. Поражало слабое сопротивление австрийцев, недостаточная насыщенность войсками в местах прорыва фронта.

Невольно создавалось впечатление, что против всей изготовившейся мощи Юго-Западного фронта австрийское командование выставило лишь заслон. Офицеров Генерального штаба отличала та особенность, что они были приучены смотреть на военные события не с фасада. Войне необходимы и массовый героизм, и бесстрашное презрение к врагу. Однако прежде всего войне необходима подготовка, тщательная, всесторонняя. Иначе плохо... В Корнилове помимо его воли срабатывало профессиональное предчувствие разведчика. Легкость выигранного приграничного сражения связывалась с каким-то недосмотром в подготовке к такому испытанию, /как война.

Незадолго до нее вернувшись из Китая, Лавр Георгиевич обязан был пройти командный ценз. Сначала он получил Эстонский пехотный полк, затем – 9-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Война застала его в строю. Сейчас он командовал 48-й Стальной дивизией... Дела разведки отодвинулись, однако не забылись насовсем. Он знал, что в самый канун войны русскую военную разведку постигла роковая неудача: в Вене был разоблачен полковник Редль, один из руководителей австрийской секретной службы, много лет работавший на Россию. Благодаря Редлю, русское командование узнало святая святых австрийского генштаба: мобилизаци-

онный план. Как же поступили австрийцы? Они нашли время лишь отвести свои войска на двести километров в глубь страны. Так что легкость победы на границе недаром точила Корнилова: русские войска, фурией кинувшись на неприятеля, ударили по пустому месту.

Разведка – чрезвычайно тонкий, хрупкий инструмент. Кто об этом забывает – получает кровавые уроки.

Так вышло и с русскими войсками, завязшими на всю зиму в Карпатских горах.

Ранним теплым утром 19 апреля на позиции Стальной дивизии обрушился ураганный артиллерийский огонь. Сразу ожили штабные телефоны. На участках соседних дивизий, справа и слева, немцы также начали мощную огневую подготовку.

Русская сторона отвечала редко, экономно.

Сам артиллерист, Корнилов испытывал настоящее потрясение от методической работы немецких пушек. Особенный страх в русских окопах наводил обстрел снарядами гигантских калибров, которые солдаты прозвали «чемоданами». Сначала слух улавливает тупой и ровный звук далекого выстрела. Приближение снаряда, режущего воздух, угадывается по характерному хрипящему звуку. Все ближе... ближе... Солдаты пригибаются, стараясь вжаться в землю. Наконец раздается оглушительное «тр-ра-ах!» Дух захватывает от мощного сотрясения земли и воздуха. Вздывается громадный столб земли, огня и дыма. Взлетают остатки блин-

дажей, летят и медленно оседают обрывки солдатских шинелей. Место попадания в окоп ужасно: безобразная глубокая воронка, вокруг крики, стоны искалеченных...

Тем апрельским днем немецкий генерал Макензен начал свое хорошо подготовленное наступление. Русская оборона была перепахана. В нескольких местах противник преодолел упорное сопротивление и стал быстро продвигаться вглубь. К исходу дня Стальная дивизия получила приказ прикрыть начавшееся отступление.

Горный рельеф сильно помогал оборонявшимся. На редких горных дорогах достаточно было выставить сильный заслон, и немецкое продвижение останавливалось. Требовалось время, чтобы скопившимися силами смять эту преграду и устремляться дальше.

Так, прикрываясь Стальной дивизией, словно щитом, 8-я армия поспешно скатывалась с карпатских склонов. Позади, в ущельях гор, то взрывалась беспорядочная пальба, то затихала. Там, в упорных арьергардных боях, таяли силы обреченной дивизии. Ради своего спасения 8-я армия пожертвовала Стальной.

Немецкое наступление сокрушило весь Юго-Западный фронт. Не прошло и года после начала боевых действий, как обнаружилось поразительное легкомыслие высшего командования России.

Запас снарядов был расстрелян в первых же боях. Пехота стала подниматься из окопов, не получая никакой артилле-

рийской подготовки. Потери в живой силе достигли устрашающих размеров. В некоторых корпусах в строю осталось по 5—7 тысяч штыков. В окопы посылались спешенные кавалеристы.

Прекратился не только подвоз снарядов, не хватало самого необходимого – винтовок. Маршевые пополнения прибывали невооруженными. Солдат заставляли подниматься из окопов с голыми руками, им приказывалось следить не столько за неприятелем, сколько за своим ближайшим соседом: убьют – подберешь его винтовку!

Так воевать было нельзя. В неподготовленных атаках гибли целые дивизии. По окопам поползло: измена... предали... А вскоре бдительные глазастые фельдфебели стали отбирать украдкой ходившие по солдатским рукам «возмутительные» листовки...

Крамольная зараза проникала на передовую из глубокого тыла, причем прилипчивой этой заразе был подвержен не только рядовой состав, но и офицерский.

Напрасно русское командование взывало к своим союзникам о помощи. В прошлом году Россия пожертвовала двумя армиями, чтобы спасти Париж. Ныне ни французы, ни англичане не пошевелили и пальцем, чтобы спасти русский фронт на Карпатах. Именно в те дни родилось и стало порхать по страницам газет ядовитое изречение: «Союзники намерены воевать до последней капли крови... русского солдата!»

Весна 1915 года навсегда похоронила надежды на близкое окончание войны. Немецкий генерал Макензен несколькими уда-рами рассек фронт русских войск. Началось паническое отступление. Недавние победители, горделиво входившие в города, местечки и фольварки, бежали сломя голову, попадали в окружение, сдавались в плен. В июле русская армия оставила Перемышль и Львов, в августе – Варшаву, Ковно, Гродно, Брест-Литовск. В российском обществе наступило похмельное отрезвление. Человеческая бойня только началась, и этому взаимному истреблению покамест не виделось конца и края.

В Петрограде фронтовые неудачи вызвали болезненную панику. Стали исподволь готовить для перевозки в Вологду ценные документы Государственного архива, золотой запас и сокровища Эрмитажа. Из Риги, становившейся прифронтовым городом, потянулись на Восток эшелоны с оборудованием крупных заводов, выполнявших оборонные заказы.

Но в эти дни и месяцы самым непонятным образом вели себя столичные газеты. Все они (с редчайшим исключением) вдруг принялись на все лады расхваливать Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Чем хуже шли дела на фронте, тем громче раздавались славословия. Царское окружение негодовало – великий князь был нелюбим в этой среде. Царю нашептывали, что затаившиеся недруги спят и во сне видят, как бы заменить его на троне этим дылдой (Николай Николаевич в отличие от сво-

его племянника поражал огромным ростом – под два метра). Особенно негодовала царица. Она уверяла мужа, что великий князь, будучи Верховным главнокомандующим, намерен сам пожать лавры победителя ненавистного Вильгельма. Она распалила воображение царя, рисуя картину торжественного вступления победоносных русских войск в поверженный Берлин (мысли о поражении ей и в голову не приходили!) Кто будет красоваться подбоченясь на белом коне?!

Царицу возмущало странное равнодушие супруга ко всему происходящему. Как бы отрешившись от земного, он все свои надежды возложил на волю Всевышнего. Александра Федоровна беспрерывно совещалась с близкими людьми. Как, ну как вдохнуть в него энергию, решимость, волю? Советов подавалось множество. Царя окружали совершенно негодные люди. Царица отправлялась к мужу и принималась убеждать его вспомнить о своих великих предках, взять их в образец. Ей-Богу, для этого сейчас наступило самое подходящее время!

В окружении императора медленно, однако неуклонно тасовалась колода тщательно подбираемых помощников-чиновников. Покачнулся было на своем посту, однако быстро восстановился Горемыкин... Удалось убрать с поста министра иностранных дел Сазонова и провести вместо него услужливого Штюмера... Удалялись Маклаков, Сухомлинов, Щегловитов, Саблер... Успех немецкого наступления в Карпатах подвигнул Николая II на еще один решительный

поступок. В конце лета он обратился с доверительным письмом к престарелому графу Воронцову-Дашкову, наместнику на Кавказе. Он просил его освободить должность для великого князя Николая Николаевича. Граф ответил желчно. На его взгляд, помазаннику Божьему сейчас самое время думать о спасении России, а не о каких-то должностях для своих родственников. Смысл письма прогоняемого наместника Кавказа был примерно таков: «Куда же ты смотришь? Чем занимаешься?»

В конце августа Горемыкин съездил в Ставку, поговорил там с царским дядей, с генералами, а вернувшись в Петроград, объявил о роспуске Государственной думы. Через несколько дней, 5 сентября, последовал царский рескрипт: великий князь Николай Николаевич назначался на Кавказ, обязанности Верховного главнокомандующего Николай II возлагал на самого себя. Он объяснял это своим священным долгом – в такую тяжелую минуту находиться во главе народа, нации и державы.

Император уехал в Ставку и с головой ушел в военные дела. Начальником своего штаба он избрал профессора Академии Генерального штаба Алексеева. Сам Николай II всю жизнь оставался в звании полковника. Начальнику штаба Ставки он присвоил высшее звание в русской армии – генерал от инфантерии.

В столице осталась императрица, сгоравшая от стремления помочь чем только можно своему нерешительному, вя-

лomu супругу. Исполнилось наконец ее желание, ее мечта – любимый Ники возглавил русские войска. Теперь – вперед, на Берлин! Ради победы она была готова пожертвовать свою жизнью.

Отсутствие царя в столице сделало Александру Федоровну невольной посредницей в сношениях правительственных учреждений с постоянно пребывавшим в Ставке императором. Царицу осаждали просьбами, заявлениями. Она выслушивала, принимала письма, однако ничего не обещала, не посоветовавшись с Аннушкой и Другом. Из всего окружения она беззаветно верила только этим двум людям, проверенным много раз и верным... Фельдъегере-ри сновали беспрерывно. Царица заваливала мужа письмами. У них с Ники существовало давнее правило: ни дня в разлуке без письма.

«Теперь все дело в армии, – наставляла Александра Федоровна мужа. – Ты – Самодержец, ты это доказал!» И – далее: «Бог с тобой, Друг за тебя!»

И редко кто в России сознавал, что, взвалив на свои плечи обязанности Верховного, царь тем самым превратил себя в крупную и соблазнительную мишень для самой разнузданной критики за малейшие фронтовые неудачи. Если прежде от этих злобных наскоков (особенно печати) его защищало пребывание на троне, то теперь, спустившись в кресло Главковерха, он становился уязвимым наравне с любым офицером, с любым генералом, потерпевшим поражение.

Такая критика не замедлила и обрушилась лавиной. В

вину отныне Верховному ставилась любая неудача. Газеты словно взбесились. Взрыв печатной ненависти поражал неискушенного читателя: создавалось впечатление, будто газеты в России издаются исключительно для того, чтобы поносить без всякой меры любые действия правительственных сфер. А чьи же они в самом деле: русские или... какие? Но не немецкие же газеты, надо полагать!..

Весеннее тепло окончательно расквасило карпатские дорожки. На Дуклинском перевале еще лежал белейший снег. Дивизия Корнилова закапывалась в слежавшиеся сугробы. Солдатские лопаты добирались до стылой земли, долбить ее можно было только ломом.

Дивизионная разведка выяснила, что по следам отчаянно огрызавшейся Стальной идут два полнокровных австрийских корпуса. Перевес вражеских сил был обрекающим. Помогала защищаться узость плацдарма – на стороне русских пока находились горы. Корнилов намеревался сдерживать навал врага, сокрушая его авангарды. А тем временем там, внизу, где уже буйствовала весна, войска фронта выходили из карпатских теснин и растекались по равнине, готовили и занимали новую линию обороны.

Утром 29 апреля Корнилову доложили, что позади, за спиной дивизии, обнаружены вражеские егеря. Таким образом, Стальная попадала в окружение. Кидаться на прорыв и догонять своих значило привести австрийцев буквально на хвосте. Стальная, разумеется, выйдет из окружения, однако

главное ее назначение не будет выполнено.

Тем утром генерал-лейтенант Корнилов отдал последний приказ: окопаться и стоять до последнего. И 48-я превратилась в затыкающий камень на узкой горловине прорыва. Австрийцам пришлось громить упрямую дивизию, не пожелавшую спастись.

Вечером снаряд ударил близ сосны, под которой в прорванной палатке работал дивизионный штаб. Отброшенный взрывом, командир дивизии потерял сознание. Очнулся он уже поздно ночью. Вокруг слышалась немецкая речь. Разгром, плен... Но не бесчестие, нет, нет!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ребенком Николай II любил слушать сказки о разбойниках, заманивших жертву в лес и точивших свои страшные ножики.

Как походила Россия на эту несчастную жертву!

Всего десять лет назад в Берлине собрался конгресс самых отпетых разбойников Европы. Правда, были они не в армяках и не с дремучими лесными бородами, а во фраках, вылощенные, благоухающие. Однако ножики точили алчно и не скрывали этого нисколько! Речь шла по сути дела о самой настоящей оккупации России. Эти фрачники-разбойнички провозгласили: если страна не в состоянии самостоятельно разрабатывать залежи сырья, она обязана допустить к себе для этого соседственные страны и международные картели. Берлинский конгресс обрек Россию на участь Африки. Великая держава, совсем недавно сокрушившая Наполеона, становилась обыкновеннейшей колонией.

Как было отвечать на это, что делать, как поступать? Покоряться? Или воевать?

Воевать Россия не хотела никогда. Сколько можно? Целое тысячелетие – сплошные войны, войны... За искусное лавирование с разбойниками Александра III называли Миротворцем. Редчайший случай – целых 13 лет Россия не слышала грохота пушек. Император ловко уклонялся от угроз и

натиска, обыкновенно приговаривая: «Кто видел войну, тот не может ее любить». Положения порою складывались прямо-таки унижительные, однако мирно живущая Россия год от года крепла, набиралась мощи. Ах, если бы удалось прожить без смут и войн еще хотя бы лет пятнадцать—двадцать!

Нет, не позволят, не дадут. Слишком великие интриги затеваются вокруг России, причем натиск снаружи подкрепляется все нарастающей смутой изнутри. Гниль, губительная плесень завелась внутри державы – вот настоящая беда...

В сознании молодого государя мало-помалу окрепло убеждение, что с неких пор над православной Россией, наследницей неподражаемо пышной Византии, стал властвовать некий Рок. Тяжелое душевное состояние Николая II усугубило рождение долгожданного, вымоленного наследника. Царевич оказался болен неизлечимым недугом, обещавшим несчастному ребенку весьма недолгую жизнь.

Брак молодого венценосца вообще-то оказался редкостно счастливым. Царственная чета пронесла обоюдную юношескую влюбленность через многие годы семейной жизни. Но не сказала ли кощунственная торопливость, сократившая траур по скончавшемуся родителю? Оба, царь и царица, таили эту мысль каждый про себя. Их супружеское счастье омрачалось лишь одним: рождались только дочери. В какой-то миг сам император увидел в этом Божий промысел: российский трон должен передаться в другую ветвь романовского дерева, ибо наследование по женской линии зако-

ном запрещалось. Однако никак не примирялась с этим сама царица. Обретя новую веру на новой своей родине, она прибегла к поклонению святым местам и своего добилась: заждавшейся России подарила мальчика, наследника престола. В отличие от своего мужа она всеми силами пыталась разжать когти злого Рока и любой ценой спасти жизнь своего несчастного ребенка.

Мистическая покорность судьбе стала довлеющей во всех поступках российского государя. Он уподобил себя библейскому Иову, безропотно склонявшемуся под градом выпадавших испытаний.

«Быть может, – записывал он в своем интимном дневнике, – необходима искупительная жертва для спасения России? Я буду этой жертвой. Да свершится воля Божья!»

Как непохож он оказался на своих предшественников на троне! Невозможно представить подобную обреченность в действиях Ивана III, Ивана Грозного, Петра Великого, Николая I.

Русская история насыщена крутой энергией монархов. Петр Великий собственноручно рубил головы стрельцам, зато Россия при нем явилась миру подобно многопарусному кораблю под победный грохот пушек. Иван Грозный великими жестокостями сокрушил строптивое могущество бояр, чем неузнаваемо укрепил державу, сделав ее централизованной, самодержавной, с единой сильной волей. Екатерина Великая беспощадно растерзала бунтовщиков Пугачева,

невзирая на то, что на нее поднялся смерд, простой народ. Страшно представить, что было бы с Россией, уступи она тогда безумным притязаниям смутьянов!

На великую беду России, Николай II не был прирожденным самодержцем. Любящий муж, прекрасный семьянин, он заметно тяготился своими обязанностями государя и, исполняя свой долг на троне, постоянно обращался мыслями к Всевышнему. Найдя в религии прибежище и защиту, он стал настоящим ангелом во плоти. Однако ангелы не управляют государствами. Он начистозапамятовал одну из самых важных обязанностей христианского государя – борьбу со злом.

А между тем суровая российская действительность, образно говоря, все размашистей колотила в древний колокол тревоги.

Удивительно, что Николай II прекрасно сознавал великую опасность. Он ее видел воочию, он с ней сталкивался повседневно. Все чаще рвались бомбы, и все нахальнее стучали выстрелы из револьверов, обрывая жизнь самых выдающихся деятелей державы. Россия превращалась в настоящий заповедник для охоты злоумышленников на великих князей, губернаторов и министров.

Украдкой от жены Николай II прочитал нашумевшую на всю Европу книжонку некоего Степняка-Кравчинского «Россия под властью царей». Отложил, дернул плечом, задумался... Что и говорить, книжонка омерзительная. Нахальный автор объявлял, что жить в соседстве с Россией попро-

сту опасно, граничить с ней – все равно что находиться за одним столом с сумасшедшим...

А давно ли лезли к ней за стол да еще считали честью для себя попасть в число приглашенных? Александр I, победитель Наполеона, этого кровавого завоевателя, этого нового Чингисхана, слыл самым выдающимся государем Европы. Ценой собственной Москвы русские спасли все европейские столицы. И вот благодарность! Впрочем, уже премнику Александра I пришлось познать горечь этой чудовищной неблагодарности. Недавние союзники приплыли к крымским берегам и принялись палить из пушек по солдатам, которых еще так недавно чествовали на Елисейских полях. Спрашивается, что понадобилось англичанам и французам в столь далеком от них Крыму? Нет, приплыли и принялись по-наполеоновски сеять смерть и разрушения. Как ни рассуждай, а тут не что иное, как грубая месть за... поражение Наполеона. Да, да, именно месть! Ибо Наполеон, при всей его гордыне и спесивости, был натасканным послушным псом при сапоге упорного охотника за крупной дичью. И этой дичью, этой целью была огромная и не похожая ни на одну из стран Россия.

Николай II был человеком чрезвычайно скрытным. Даже в дневнике он не давал выхода своим эмоциям. Все мысли, чувства, переживания перекипали в нем, как в самоваре, наглухо закрытом. Наружу никогда ничто не вырывалось. Эта паразитерная выдержка, эта внутренняя замкнутость созда-

ли ему репутацию характера холодного и даже равнодушно-го.

Большое впечатление на императора произвело чтение евангелий. Разве не знал Спаситель о предстоящих крестных муках? Он знал о них со дня рождения. Вся жизнь Его, короткая, но яркая, была примером безропотного, безоглядного исполнения своего Долга. Порою Он отчаивался и начинал скорбеть, однако что помогало Ему одолевать эти минуты слабости? Сознание того, что Его земные испытания определены заранее, а следовательно, предназначены.

Царский трон – место тоже горнее, жертвенное и всегда опасное. Скольких обладателей уже настигла смерть, насильственная и жестокая? А сколько раз смерть заносила свою руку и над ним? Он мог погибнуть от сабли фанатика самурая, его лишь чудом не раздавило вагонной крышей при взрыве поезда. Его могли похитить и в случае чего убить, как того требовал, например, как подбивал к тому взбесившийся попович Чернышевский. (О, эти поповичи, бродильная закваска доверчивой российской молодежи!) Николай II уверовал, что безнадежно и наивно ждать спасения людского. В том, что ожидало его родину, прозревался Божий промысел, а следовательно, все, что предназначалось и ему, было уже взвешено, отмерено, определено...

Постепенно он свыкся с положением зафлаженного волка, и это пренебрежение к опасностям сиюминутным, повседневным давало ему силы сохранять спокойствие при ситуа-

циях воистину отчаянных. Как бы прозревая события дальнейшие, он не паниковал, не суетился, когда сталкивался с тем, что происходило сплошь и рядом.

Два сочинения, две небольшие брошюры попали ему в это время в руки и только укрепили его в правильности избранного поведения. Книги эти были: исследование великого Менделеева о России и недавно отпечатанные и сброшюрованные «Протоколы сионских мудрецов».

Менделеевское сочинение было настоящим гимном крепнущей России. Население ее прибавлялось по три миллиона в год, в несколько раз увеличилась добыча каменного угля и металла, удвоились урожаи пшеницы и ячменя, в семь раз возросли вклады населения в сберегательные кассы. А чего стоит столь быстрая и капитальная постройка великого транссибирского железнодорожного пути! Великий русский химик, как человек практического опыта, доказывал цифирью, сколь разорительны для нашего народа войны и как быстро прирастала наша мощь в мирном созидательном труде. Менделеев предсказывал, что через 20 лет мирной жизни России не будет страшен никакой враг.

Но не об этом ли трезвонил и англичанин Торн? Человек с мозгами, он буквально вопиял: «Если западные страны не сумеют удержать Россию, то к 1930 году ей не будет соперников!» Он рисовал невообразимую картину: Европа и США стоят на коленях перед этим сказочно развившимся гигантом.

Николай II откладывал прочитанное и принимался тереть бородку. Его прекрасные глаза подергивались дымкой. Англия – англичанка льстивая, коварная, всегда умевшая заглядывать за близкий горизонт. Сколько палок насовала она в русские колеса, особенно в Средней Азии! Бойтся, опасается за свой самый ценный бриллиант, за Индию... Однажды, еще при отце, наследником, Николай вдруг задорно заявил, что наступит славный день, когда Индия станет не английской, а нашей. Александр III поперхнулся. Он, посмеиваясь, притянул к себе сына и медленно, назидательно поводит перед его глазами толстым пальцем: «Мальчик мой, думать об этом следует всегда, однако Боже упаси говорить об этом вслух!» Так будущему государю был преподан первый урок необходимой дипломатии.

Государственный опыт приобретался молодым царем принужденно, на ходу. Россия им считалась гигантским кораблем с многовековым разгоном. Проламывая льды вечного недоброжелательства, православная держава не всегда благополучно избегала приготовленных природой и людьми опасностей. Образцом в этом лавировании для Николая был всегда отец. Во все дни его правления России удалось не воевать, а жить и развиваться мирно. Как продолжить это благодетельное царствование – вот задача!

Властного, уверенного Витте он принял как отцовское наследство. Душевной близости между ними так и не возникло. Государю покойно и привычно было с людьми своего кру-

га: князь Голицын, Валя Долгоруков. Счастливая женитьба еще больше сократила этот круг. Государь замкнулся в собственной семье. Милая Алике заменила ему как друзей, так и советников. Англичанка по воспитанию, она быстро переняла взгляды мужа и возненавидела Британию за ее коварную манеру совать повсюду нос и стравливать соседей по планете. По этой же причине она настороженно относилась к Витте. Бывший министр финансов, а ныне председатель кабинета вознамерился содрать с России ее привычный обоношенный халат и облечь ее немолодое тело в европейскую пиджачную тройку.

Время, разумеется, требовало перемен, однако кто бы знал, как неприятны были все эти новые людишки! Они даже ходить как следует не научились: бегают, суетятся, вертят пятками... Не лежала к ним душа и самого государя. Он как-то подумал, что – спору нет – Витте проявляет рьяную заботу о благоденствии России, однако... какая-то нерусская эта забота! Что, из ситцевой Россию сделать заводской, фабричной?! Вместо аристократа и купца поставить ловкого банкира?! По стране и без того все громче слышится разбойный посвист капитала, и все, как правило, нерусского, чужого, иноземного...

Алике, став чрезвычайно богомольной, все чаще выговаривала мужу, жалуясь на падение авторитета церкви. Не оттого ли, что дешевы становятся работающие руки, принося банкирам и заводчикам баснословные барыши? Деньги уби-

вают веру и заменяют ее чистой выгодой. Место души занимает подлая прибыль.

Алике же обратила внимание мужа на деятелей охранного отделения. Она первой заметила необыкновенное выражение их глаз, состоящих как бы из двух экранов, один за другим. Если на первом без труда читалось тупое служебное усердие, то для постижения второго, скрытного, требовалось усилие. Как насторожила ее эта странная двухэкранность, эта скрытность чиновников, призванных, казалось бы, являть собой пример самой бескорыстной и простодушной преданности престолу!

Вернувшись поздно вечером из офицерского собрания, где под чарочку наслаждался полковыми песенниками, Николай II принялся за чтение «Протоколов сионских мудрецов». Потом встал с тахты и, коротконогий, с полной шеей, с характерным романовским запрокидом головы, несколько раз прошелся из угла в угол. Брошюру он держал в опущенной руке. Стояла мертвая тишина. «Показать Алике. Непременно», – подумал он. Затем подошел к столу и, не присаживаясь, сделал прямо на обложке надпись: «Какая глубина!»

В 1901 году царская чета посетила Францию. Романовых принимали пышно. Закладывались основы близкого военного союза (к досаде сухорукого кузена Вильгельма II). Однажды, улучив минуту, когда Александра Федоровна отошла от мужа, хозяева представили ей человека, испугавшего русскую царицу безжизненностью своего худого, костистого ли-

ца. Это был мсье Филипп, известный не только во Франции, но и в Европе прорицатель, живший постоянно в Лионе.

Знакомство вышло мимолетным, коротким. Александра Федоровна, подавленная неведомой силой, исходившей от страшноватого прорицателя, несколько раз ответила невпопад. Лишь на следующий день она задумалась над тем, как ловко мсье Филипп завел речь о наследнике русского престола. При этом он, склоняясь к ее руке, не отрывал своего пугающего взгляда от ее растерянных глаз. Он словно гипнотизировал высокую гостью французского правительства, проникая вместе с тем в самые сокровенные глубины ее мятущейся души.

Вернувшись домой, царица советовалась с Аннушкой и с сестрой Елизаветой Федоровной. Та и другая предпочитали кудесников отечественных, русских. Елизавета Федоровна даже сделала сестре упрек, обвинив ее в слепом доверии духовнику государя, протопресвитеру Янышеву. Это он подстроил знакомство царицы с французским колдуном! Подобного духовного наставника следовало менять не мешкая. У сестры царицы имелся на примете замечательный человек – Сергей Александрович Нилус. Вот кого следовало предпочесть для душеспасительного окормления государя!

– Милая Лиза, но ты же сама сказала, что он не священник... этот твой Нилус, – заметила царица.

Не понимаю, что стоит рукоположить его в священнический сан! Елизавета Федоровна добавила, что подумывает

женить Нилу-са на фрейлине Озеровой.

– Такие люди необходимы при дворе, – заключила она.

Свою заботу о появлении наследника проявили и черноморские принцессы, две сестры, бывшие замужем за великими князьями. Одна из них, Милица, привезла из Киева четырех слепых монахинь. В царской спальне они, каждая из своей бутылочки со святой водой, окропили пышное ложе. Напрасно, как оказалось, – через год родилась Анастасия.

Следующим летом, в июле, государь с семьей пожаловал в Дивеево на Всероссийское торжество прославления преподобного Серафима Саровского. Тысячные толпы верующих съехались со всех концов страны. Июльский зной поливал новые цветастые платки и мужичьи головы, напомаженные коровьим маслом. Александра Федоровна впервые так близко разглядела лица своих подданных, ей запали в душу их судорожно выставленные бороды, их преданно выкаченные глаза. От этой фанатичной преданности веяло древней, дремучей силой, культом фараонов.

Не об этом ли самом рассказывала ей Елизавета Федоровна? Сестра, став женой дяди царя, обратилась в настоящую фанатичку православия, отдавая много сил и времени делам благотворительности. Обеих сестер, государыню и супругу великого князя, объединяла неприязнь к придворной атмосфере, та и другая старались замкнуться в своем маленьком изолированном мире.

Серафим Саровский пребывал иеромонахом Саровской

пустыни. Он скончался в 1833 году в возрасте 73 лет. Всю свою жизнь старец проповедывал, что Россия является последним оплотом Веры, Истины и Любви. Перед своей кончиной он оставил чадам монастыря письмо и наказал передать его в руки русскому царю, когда тот посетит Дивеево со всей своей семьей. Так что приезд государя в осиротевшее Дивеево старец предвидел ровно за 70 лет.

Николай II с волнением принял это послание из глубины прошедшего века. Бумага сильно пожелтела и стала хрупкой. Александра Федоровна забыла обо всем. Состояние ее лица, выражение глаз свидетельствовали об исступлении возбужденного ума. Она соприкасалась с самым настоящим чудом. Как права сестра и милая Аннушка! Разве это не чудо: предсказать год в год, день в день посещение Дивеева, святого места, молодым государем!

Пастырское послание мрачно пророчествовало:

«Злодеи высоко поднимут свою голову. Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинанием на малое время. Произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция – ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных Отечествулюдей, разграбление церковного имущества и монастырей, осквернение церквей Господних, уничтожение и разграбление богатства добрых

людей. Реки крови русской прольются...»

Сблизив головы, государь и государыня молча разбирали замысловатую вязь стариковского почерка. Время от времени они переглядывались. Свита терпеливо переминалась. Процедура затягивалась.

Дочитывать послание решили дома.

На прощание случилась досадная заминка. Блаженненькая Паша, обезножившая старушонка, проворно ездившая на заду, беспрерывно всхлипывала и судорожно крестила государя. Она смотрела на царя восторженно, как отроковица. Николай II подошел к ней, склонился и поцеловал ей руку.

Блаженненькая потянулась вверх всем своим восторженным убогим личиком и шепнула царю:

– Будет маленький!

Однако на подходившую государыню с дочерьми она неистово замахала руками:

– Уйди, уйди... Сгинь!

Вмешалась свита, засуетились монастырские. Гости вереницей потянулись к экипажам.

Блаженненькая Паша выхватила красную тряпку, замахала вслед уходившим и завопила:

– Много будет, много!

Неприятный эпизод сильно подействовал на впечатлительную государыню. Ее поразил отказ блаженненькой подать ей свое благословение. Вообще досадное происшествие было полно зловещими намеками. Зачем эта тряпка отвра-

тительного красного цвета? Чего будет много, как кричала эта дуручка вслед? Крови?..

Тревожное состояние царственной четы усугубил конец пастырского послания. Серафим Саровский писал о страшной расплате за маловерие, за малодушие и позорное отступничество. Напоследок старец предостерегал, что самым роковым для царствующей династии будет 1918 год.

Оба, государь и государыня, машинально прикинули в уме: до предсказанной страшной даты оставалось еще целых 15 лет.

Пять лет спустя после коронации в Успенском соборе, сразу же после завершения Великой Сибирской магистрали, соединившей берега Тихого океана с берегами Финского залива, русский император поразил Европу, внезапно предложив созвать в Гааге всеобщую конференцию и принять решение о полном разоружении. Хватит греметь пушкам, достаточно уже пролито крови. Отныне все споры должны решать не генералы, а политики. Этого требовал наступающий XX век. Человечество обязано на пороге нового века отряхнуть с себя средневековый прах раздоров и вражды. Не тут-то было! Призыв российского монарха не нашел ни малейшего отклика. Больше того, это миролюбивое предложение вызвало взрыв ненависти тех, кто потихоньку правил миром и страшился набиравшей мощь страны с многомиллионным работающим населением. Не давать России мира, не позволять! И хорошенько разобраться в том, кто окружает моло-

дого государя и подает ему советы!

Предложив народам мир, Николай II сделал первый шаг к своей гибели.

Поздней темной ночью к кораблям русской эскадры, спящим на якорях в обширной бухте Порт-Артура, хищными щуками подкрались быстроходные японские миноносцы и выпустили полный залп торпедных аппаратов. Русская крепость со всем рейдом озарилась пламенем взрывов. Японцы стреляли с предельно близкого расстояния, прямой наводкой. Самые крупные броненосцы получили в борт ужасающие пробоины. Холодная вода окрасилась горячей кровью. Миноносцы – все так же воровски, без огней – улепетнули и скрылись во мгле океанского простора.

Так начинался для России новый век.

Так мир ответил на предложение русского императора о всеобщем разоружении.

Беда не ходит в одиночку...

К череде грозных, нехороших предзнаменований, преследующих начавшееся царствование Николая II, без конца прибавлялись новые и новые.

Из Богородицкого монастыря под Казанью вдруг была похищена чудотворная икона Казанской Божьей Матери. При первом же известии об этом святотатстве Россия оцепенела. Казанская почиталась как одна из выдающихся святынь православной державы – наравне с Иверской, Владимирской, Смоленской. Эта икона помогла русским изгнать поляков из

Москвы (22 октября 1612 г.). Образом Казанской Божьей Матери благословили на царство первого из династии Романовых – молоденького Михаила Федоровича. Спасительница Отечества, Чудотворная считалась и покровительницей царской семьи... Самые настойчивые поиски похищенной святыни не принесли успеха. Икона словно канула сквозь землю. Шепот, вздохи, слезы вызвала эта внезапная пропажа. Никогда прежде подобного окаянства в России не совершалось. Даже самый отпетый злодей не отваживался на святотатство. И вот... Неизвестные злоумышленники, совершив эту кощунственную кражу, как бы обрекли царскую семью, начисто лишив ее небесной защиты перед звериным ликом мирового зла. Царевич Алексей появился на свет спустя всего месяц после похищения Казанской. Россия ликовала, родители же скоро впали в скорбь. Новорожденный младенец унаследовал от материнской родни страшную, неизлечимую болезнь. Наследник, страстно ожидаемый, родился пораженным мучительным недугом, он был жильцом недолговечным, обреченным на неминуемую скорую кончину.

Небесное произволение, гнев Божий, да и только! Иного объяснения не находилось...

Александра Федоровна, в отличие от мужа, смирявшегося под постоянными ударами судьбы, зарядилась неистовой энергией, направленной на спасение своего ребенка. Она мужественно приняла очередное испытание и повела упорную, вдохновенную борьбу. В спасении наследника престола, в

продлении его обреченного существования она видела отныне свой основной и высший долг. Это исступление питалось сознанием своей исключительной вины: это она передала несчастному ребенку страшный недуг своей немецкой родни.

Придворные злословили, изоцряясь в гнусных выдумках. Царские дочери, а их родилось четыре, были здоровы, красивы. Отчего же наследник оказался пораженным? Уж точно ли, что государь является его отцом? Эти пересуды, это подлое змеиное шипение достигали ушей Александры Федоровны и заставляли ее страдать. Нет, не за себя – за мужа. Маралась, гваздалась честь не столько ее, женщины и государыни, сколько его, мужчины и государя всея России. Двор, привыкший жить распущенно и грязно, сладостно мстил им, двум влюбленным, не расстававшимся ни на день даже после рождения пяти детей.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна морозила свою невестку ледяным величием. Она видела, что супруга сына догадывается о назначении, князя Шервашидзе. Старая царица вместе с князем перебралась в Киев и обосновалась там на постоянное житье.

Все это были знаки нерасположения и осуждения.

Душа царицы отдыхала в одном месте – в маленьком домике Анны Вырубовой, построенном в царскосельском парке неподалеку от Александровского дворца. Там, на груди подруги, Александра Федоровна давала волю своим сле-

зам. Выплакавшись по-бабьи, выговорившись, царица как бы сбрасывала свою ношу и обретала новые силы. На глазах придворных она появлялась с надменным лицом, застывшим словно маска. Сам Николай II иногда позволял себе обратиться к окружающим с вопросами, императрица всегда оставалась безмолвной, словно статуя, с бледными, навсегда сжатыми губами.

Постоянно думая о болезни своего мальчика, Александра Федоровна сравнивала его с кузенком мужа, императором Германии Вильгельмом II (мать его была дочерью английской королевы Виктории). Тот тоже родился с неизлечимым изъяном – с парализованной, безжизненной рукой. Однако упорные упражнения выработали из него отличного кавалериста и охотника. Вильгельм II словно забыл о своей высохшей руке.

Великая княгиня Елизавета Федоровна снова завела с сестрою речь о Нилусе. Однако Аннушка уже прознала о чудесном исцелителе, темном и загадочном сибирском мужике. Об этом таежном кудеснике Вырубовой поведала принцесса Черногорская, жена великого князя Николая Николаевича. Будто бы в великокняжеском имении Першино вдруг заболела любимая легавая собака. Перебрали нескольких ветеринаров – бесполезно. Наконец старый доезжачий осмелился на совет: «Ваша светлость, тут один заговорщик имеется. Истинно чудеса творит!» – «Где он? Кто таков?» – «Далеконько, ваша светлость. В Сибири, под Тобольском».

Князь распорядился: «Послать. Позвать. Доставить!» Сибирский заговорщик, по рассказам, лишь пристально посмотрел на издыхавшую собаку, и она вдруг завилыла хвостом, поднялась и сильно потянулась. Николай Николаевич, ошеломленный и растроганный, обнял мужика-кудесника и щедро наградил... Мужик так и остался в Петербурге. Недавно о нем снова вспомнили: сильно занедужила герцогиня Лихтенбергская. От докторов не выходило никакого проку. Принцесса Черногорская посоветовала таинственного заговорщика. Мужик приехал, смело вошел в спальню и устремил на умиравшую свой пронзительный взгляд. Губы его в бороде что-то вполголоса шептали... И снова чудо: герцогиня с того часа пошла на решительную поправку!

С колотившимся сердцем слушала царица о чудесном заговорщике.

– Аня, этого человека надо найти. Я чувствую, это он!

– Я уже сказала. Завтра его привезут.

Так появился в царской семье таинственный кудесник, «святой черт», по фамилии Распутин.

Ослепление царицы понять совсем нетрудно. Ради спасения ребенка она была готова поклониться дьяволу. А Распутин одним прикосновением руки заставлял ребенка погружаться в сон, больше того, таким же прикосновением и несколькими словами он прекращал самое сильное кровотечение. Врожденное заболевание наследника называлось гемофилией. Кровь мальчика не обладала свойством сверты-

ваться, и любая ранка грозила безостановочным кровотечением...

Магические действия Распутина сделали царицу его поклонницей, слепой и фанатичной. Этот мужик, явившийся из глубины Сибири, стал как бы залогом и гарантом существования наследника. Пока Распутин рядом – царевич будет жить! Не забудем же, однако, что на Россию в эти годы навалился враг, еще невиданный ее народом, враг исключительно коварный, злобный и жестокий. Обдумывая свои козни, враг с радостной ухмылкой встретил появление на свет обреченного царевича. Узрев же фигуру хитрющего сибирского мужика, недавнего хлыста и конокрада, прямо-таки возликовал. Сам сатана подсовывал счастливый шанс! За этот шанс враг ухватился обеими руками. Не успел еще Распутин как следует освоиться в ближайшем царском окружении, а уж ему, грубому, невежественному, сморкающемуся при помощи пальцев, некто поспешил назначить в повседневные помощники (заодно и в руководители) ловкого и деятельного секретаря. словно министру или важному сенатору!

Распутинским секретарем стал быстроглазый невысокий живчик по имени Арон Симанович.

Японское нападение на русскую эскадру в Порт-Артуре сначала многих позабавило. Слон и моська! Дерзких азиатов искренне жалели. Бедные, несчастные японцы! Вот уж истинно: если Бог кого намерен наказать, он лишает его эле-

ментарного рассудка. На что они надеются, глупцы?

Александра Федоровна, тревожно ожидавшая в те дни родов, высказала Аннушке и мужу свои соображения насчет войны. Смешно же сравнивать: Россия и какие-то желтолицые макаки, плодящиеся, словно тараканы, на своих заброшенных в океане островах! Хотя победа, пусть и небольшая, над Японией не помешает именно сейчас. Сокрушение наглых макак ударит и по внутреннему неприятелю – по назревающей все ощутимей революции. Война и быстрая победа, несомненно, вызовут прилив глубинных русских сил и оздоровят застоявшуюся, затхлую, словно в непроветриваемом помещении атмосферу. Победа крепким свежим ветром продует всю страну насквозь. Смутьянам сразу станет неудобно, им придется поневоле сократить свою преступную активность, отступить в тень, прижухнуть.

Победы, к сожалению, не вышло. Получился небывалый мировой скандал: Цусима, Мукден, Порт-Артур... Война, разорительная, губительная, совсем ненужная, велась с преступной бестолковостью. Неслыханная косность, тупость армейского командования, немислимые размеры воровства, а наряду с этим и настоящее предательство. К войне даже с таким противником Россия оказалась не готовой. Следовало спешно замиряться, зализывать раны и позор.

После Портсмутского мира, унижительного чрезвычайно, Россия спокойствия не обрела. Наоборот, испытания продолжали сыпаться без конца и края.

Поздней осенью, в предзимье, вдруг в один день и час остановились все железные дороги. Громадную державу поразила внезапный паралич. Разразилась всеобщая политическая стачка.

Древняя столица империи – Москва покрылась баррикадами, загремели артиллерийские орудия. Правительство вступило в открытый бой с вооруженными рабочими.

Покуда московские мятежники воевали с царской гвардией на баррикадах, Россию поразила новая напасть: в Петербурге образовался совершенно новый орган власти – Совет рабочих депутатов. Он принялся орудовать под самым боком у царя с его кабинетом министров и Государственным советом. Два Совета, два кабинета... двоевластие! Если вокруг трона продолжали старчески топтаться в своих раззолоченных мундирах представители родовитой русской знати, то состав «рабочего правительства» прямо-таки ошеломлял совершенно новой породой вдруг выскочивших на русскую арену «министров»: Бронштейн, Гельфанд, Бревер, Эдилькен, Гольдберг, Фейт, Брулер. Заправляли всем в этом «правительстве» двое: слоноподобный, жирный Парвус и тоненький живчик с дьявольской бороденкой торчком Троцкий. Откуда-то их прислали спешно, словно на пожар.

А в Москве белокаменной и златоглавой? Не случайно же всем восстанием на баррикадах руководил некий Мойша Струнский.

А в древнем православном Киеве, матери городов рус-

ских? Там бесчинствами на улицах заправляли двое: Шлихтер и Ратнер.

Ратнер прямо так и заявил на многолюдном митинге:

– Скоро ваш Софийский собор станет нашей синагогой! Скоро евреи станут министрами, а ваши министры будут наливать чай нашим тряпичникам!

– Мы дали вам Бога, мы дадим вам и царя! – пообещал Шлихтер.

Чем дальше от столиц, тем решительнее и наглее действовали революционеры.

В Екатеринославе седые благообразные евреи обходили дом за домом и собирали пожертвования, как говорилось, на гроб Николаю II. По улицам города бегали стаи собачонок с подвязанными православными крестиками.

Далеко, на самом юге, в Одессе, готовились объявить самостоятельную Дунайско-Черноморскую республику. Президент уже был избран: адвокат Пергамент. В состав республики предполагалось включить Кубань и Дон. Но там же казаки! Как с ними поступить? Изгнать, конечно, а еще лучше – поголовно истребить. Богатейшие же их земли забрать, конфисковать. Несколько одесских общественных организаций, в том числе вездесущий Бунд и Союз студентов, образовали специальный комитет, который приступил к созданию вооруженных сил республики. Занесколько дней удалось мобилизовать и вооружить более пяти тысяч боевиков.

Громадный дом России тлел, дымил со всех концов и гро-

зил заняться мощным пламенем.

К счастью, пока власти из Петербурга оцепенело взирали на безобразные шабаши, подал голос сам народ. «Ах вы, жида проклятые!..» В маленьком городишке Нежине поднялись возмущенные крестьяне, вывели местных евреев на площадь и, поставив их на колени перед царским портретом, заставили трижды пропеть русский Государственный гимн.

Стихийные возмущения состоялись в Киеве и других городах.

Успешно одолели смуту и в российских столицах.

Таким образом, первый натиск революции был отбит самим народом. Бастилии не повторилось. И трон, и династия уцелели.

Однако ненавистники России своих планов и надежд не изменили. Враг, умный, опытный, безжалостный, продолжал свою тайную и явную войну с самодержавием.

В состав первой Государственной думы от населения Москвы, старинной русской столицы, самым первым, самым почетным депутатом прошел пронырливый приказчик миллионера Полякова Мойша Герценштейн. Такие же народные избранники прошли в Думу от Петербурга, Киева, Костромы. Они радостно и шумно заполнили великолепный зал Таврического дворца. Сбылось – они в самом главном органе империи и облечены доверием народа управлять Россией по своему разуму и усмотрению.

Русский народ непобедим в открытом поле, в честном

бою, в тайных же коварствах, подлостях он неискушен и беззащитен. У евреев в этом отношении имеется громадный опыт протяженностью в целых пять тысяч лет. Больше никто на белом свете такого опыта не имеет. В этом им равных нет.

Механизм разрушения империи работал с невероятной силой. На развал державы работали многочисленные политические партии, предсмертным судорогам Отечества аплодировала развращеннейшая русская интеллигенция.

Какое же могло быть спасение?

За долгие века человечество привыкло к тому, что евреи пробираются к незримому господству через исключительное, прямо-таки тошнотворное раболепие и пресмыкательство. События в России наглядно показали, каким языком способно говорить еврейство, если входит в силу и чувствует податливость своих противников.

Власть над умами все больше забирало так называемое общественное мнение. Россию объявили страной-страшилищем, империей захватчиков и насильников. В газетах на все лады обыгрывались детали Кишиневского погрома и расстрела гапоновской манифестации. Выходило, что в России людская кровь льется как вода. Русский лапоть ступает по крови, словно по дождевым лужам.

Через два месяца после разрыва торгового договора в Филадельфию приехал сам Якоб Шифф. На многолюдном митинге он заявил:

– Конечно, не худо отменить договор. Однако лучше на-

всегда освободиться от царского деспотизма. Нужно собрать фонд, чтобы послать в Россию оружие и руководителей, которые научили бы нашу молодежь истреблять угнетателей, как собак. Подлую Россию, которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим стать на колени перед избранным народом. Собирайте деньги! Деньги смогут это сделать!

На следующий день (19 февраля 1912 г.) местная газета «Филадельфия рекорд» напечатала эту пламенную речь, особенно выделив призыв собирать деньги.

В Нью-Йорке к митингующим обратился престарелый Герман Леб. Преодолев свою нелюбовь к появлению на публике, он вылез на трибуну и от имени американского еврейства обратился к своему правительству с требованием денег. Для какой цели? А для той же самой: закупать оружие и нанимать инструкторов.

– Трусливая Россия вынуждена была уступить какой-то маленькой Японии. Я вам говорю: она уступит, она не может не уступить избранному Богом народу. Деньги нам помогут добиться этого!

Спустя полтора месяца, 31 марта, ведущие газеты Соединенных Штатов: «Нью-Йорк тайме», «Нью-Йорк сан» и «Трибюн» опубликовали следующее обращение:

«Евреи всего мира объявили войну России!

Подобно римско-католической церкви, еврейство есть религиозно-племенное братство, которое, не обладая политическими органами, в состоянии выполнять политические

функции. И это государство предало теперь отлучению Русское Царство. Для обширного северного славянского племени нет больше ни денег от евреев, ни симпатии с их стороны ни в парламентской, ни в журналистской области, но вместо этого неуклонное враждование. И Россия понемногу начнет понимать, что означает подобная война!»

Волна оголтелой русофобии из-за океана обрушилась на европейский берег, прокатилась по всему континенту и достигла берегов Невы.

Шведско-немецкий банкир Феликс Варбург, родственник Якоба Шиффа, заботясь о русских революционерах, подписал чек на сумму 12 миллионов долларов.

Немецкий банкир Фридлиндер, обсуждая в Берлине ближайшие меры против русского трона, поделился такими соображениями:— Династия Романовых должна быть уничтожена. Дебет ее счета более чем переполнен... Смягчить приговор? Нет, нет, гос пода, более мягкий приговор просто невозможен!

Голландское еврейство создало «Комитет помощи политическим заключенным в России». У комитета прорезался весьма визгливый голосишко. Он неистово вопил о «свободе, равенстве и братстве».

Русская столица, Санкт-Петербург, стала напоминать оккупированный город. Что ни день, то возникали всевозможные организации. Как правило, в средствах они не нуждались и снимали в самом центре роскошные помещения.

«Союз для достижения равноправия еврейского народа в России».

«Еврейская народная группа».

«Общество распространения просвещения между евреями в России».

Оглушительно заверещала шустрая еврейская газетка «Новый взгляд». Ей басовито и с достоинством вторил толстый журнал «Еврейская старина».

При этом не следует забывать, что уже в то время вся российская печать, за исключением одного суворинского «Нового времени», полностью находилась в еврейских руках.

Двоевластие в России – русская (правительство) и еврейская (Госдума) – отбросило народ и страну в самые страшные времена знаменитой «семибоярщины».

Ненавистники России уже несколько не маскировались, они забрали силу и никого не боялись.

Депутат Герценштейн с думской трибуны со смехом рассуждал «об иллюминациях дворянских усадеб». Он призывал:

– Разоряйте эти гнезда, а воронье разлетится само! Недавний помощник присяжного поверенного, а ныне депутат

Мойша Винавер, один из лидеров кадетской партии, с высоты думской трибуны громогласно объявил:

– Покуда бедные евреи не обретут необходимых прав, мира в России не будет. Зарубите это себе на носу, господа!

И он повторил жест Якоба Шиффа: назидательно погро-

зил залу сверху пальцем.

Рядом с Зимним дворцом, где смиренно надеялся на Божью волю самодержец, клокотал звериной ненавистью Таврический дворец. Народ жестокий и высоковоыйный наслаждался властью. Полное владычество над миром переставало быть мечтой. Разгром первой революции обогатил бесценным опытом. Из ошибок прошлого извлечены необходимые уроки.

Из каких подвалов поднялось это упорство, эта ненависть, это стремление к убийствам, к разрушению? Когда они действительно задались мыслью о своем владычестве над целым миром?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Множество веков копилась в этом племени неудовлетворенная жажда разрушения, постепенно эта жажда просочилась в самую их кровь и теперь кипела там ядом и гноем и вырывалась, словно буря!

Соседство Зимнего дворца с Таврическим выглядело нелепым сосуществованием палача и жертвы.

Но неужели трон державы совершенно опустел и в громаднейшей империи уже установилась власть нерусская, откровенно чужеземная?

Сиротливое, но отважное «Новое время» в конце концов задало вопрос всему народу, всей стране: «Кто же на самом деле правит Россией: государь император Николай II или же его величество Винавер I?»

Ответом было яростное усиление натиска ненавистников.

Поскольку революции сами собой сменяют неудачные войны, ближайшей целью ненавистников стало втянуть Россию в гигантскую войну. А уж поражение ей будет обеспечено...

Что ж, Якоб Шифф своих угроз на ветер не бросал.

За Россию принялись!

Помещенный в лагерь русских военнопленных в австрийском поселке Лекка, Корнилов впал в угрюмое ожесточение, стал нелюдим и по неделям не показывался из своей убогой

комнатки в деревянном бараке. Еду ему подавал солдат-денщик, тоже не отличавшийся разговорчивостью. Кроме этого солдата доступ в корниловский затвор имели лагерный врач из военнопленных же и давнишний сослуживец Корнилова генерал Мартынов, попавший в плен еще в первую осень Великой войны. Лагерный старожил, он просвещал Корнилова насчет строгих немецких правил, приносил урывками доставляемую в лагерь почту и скрашивал унылые часы томившегося в неволе генерал-лейтенанта беседами о развале русского фронта, о министерской чехарде в далеком Петрограде, о подлой измене, свившей себе гнездо в самом Зимнем дворце.

Лавр Георгиевич знал Мартынова по его острой обвинительной книге, написанной сразу после русско-японской войны. Старый генерал вскрыл главные причины позорного поражения. При этом он затрагивал вопросы, о которых обыкновенно предпочитали помалкивать. Значительное место в книге отводилось наплевательскому отношению властей к такой важнейшей области военного дела, как боевой «дух армии». Автор едко рассуждал о полнейшем моральном разложении российской интеллигенции и о зловредном влиянии мирового еврейства. Кознями евреев старый генерал был склонен объяснять все без исключения события в воюющей Европе.

Видимо, уже здесь, в плену, у Мартынова, рыхлого немолодого человека, выработалась какая-то хамская манера раз-

говаривать: с постоянными подмигиваниями, с похихатыванием, с потиранием рук. Он многого недоговаривал, как бы надеясь, что по этим его манипуляциям собеседник обо всем догадается сам. Корнилов сдерживал раздражение – Мартынов был старше его возрастом.

Неужели столь губительно сказался на генерале проклятый плен? А может быть, Мартынов переродился в злоязычного русского интеллигента? Этого слова – интеллигент – Корнилов не мог слышать. Этим термином он обозначал развинченного хама с поверхностным образованием. Сколько их расплодилось в России, какую манеру голосить усвоили они после Цусимы и Мукдена! И каждый норовил кольнуть побольнее, плюнуть посмачнее. Самые заметные всячески изощрались в выдумках насчет Зимнего дворца. Лавр Георгиевич с давних пор был невысокого мнения о царствующей чете, однако сплетни о государыне и каком-то грязном мужике Распутине приводили его в бешенство. С Мартыновым они ссорились, однако дородный старик был незлопамятен и на следующий день с улыбочкой, с присловьями подъезжал снова. Он не обижался на резкости Корнилова, узнавая в нем себя, еще совсем недавнего, точно так же обремененного понятиями об офицерской чести. Ничего, жизнь образует...

Оба они окончили Академию Генерального штаба. Мартынов ценил в этом щупленьком генерале с раскосыми азиатскими глазами глубокий ум исследователя, смолоду отдавшего много сил изучению Туркестана и загадочной Кашга-

рии. Гадать не приходилось: Корнилов находился в штатах секретного разведывательного отдела.

На взгляд Мартынова, немцы догадывались о секретных ранее занятиях пленного начальника Стальной дивизии. Разведка у них перед войной работала неплохо. Иначе что им стоило истратить один патрон по беглецу из плена? «Убит при попытке к бегству...» Таинственность, загадочность корниловской карьеры связывалась и с Китаем. После Портсмутского мира он провел в Пекине четыре года на посту русского военного агента.

С началом Великой войны дивизия Корнилова находилась на острие наступательного клина войск Юго-Западного фронта. Зарывистость генерала постоянно навлекала гнев высокого начальства. Корнилов воевал не по шаблону. В лагере среди офицеров кое-кто злословил, что он «положил» свою дивизию в Карпатах, после чего и сам угодил в плен. Поговаривали также, что Стальная несла в боях чрезвычайные потери. Однако Мартынов знал, что солдаты обожали своего начальника дивизии. Следовательно, не в потерях было дело. На войне без убитых не обходится. Иное дело, за что гибнуть солдату...

Два корниловских побега из лагеря военнопленных ужесточили надзор за упрямым генералом. Корнилов, словно помогая своим сторожам, совершенно перестал показываться из своей комнатухи. Днями напролет он лежал на железной койке с зажмуренными глазами, с руками, заведенными

под голову. Приход Мартынова всякий раз вырывал его из глубокого раздумья. Где находились его мысли? Иной раз он не слышал даже стука в дверь, и склонившийся над лежавшим гость с состраданием наблюдал мучительную гримасу застывшего скуластого лица. Открыв глаза, Лавр Георгиевич всякий раз как бы возвращался из обморочного состояния и с усилием соображал, кто перед ним. После этого, завозившись, он подбивал под спину жиденькую грязную подушку.

Неудавшиеся побег не смирили строптивного генерала: он подумывал бежать снова. Он походил на беркута, взъерошенно закоченевшего в железной клетке. Однако неистовая тяга к воле не умирала в этом исхудавшем теле – об этом свидетельствовало затаенное горение узких, с косым разрезом глаз генерала-степняка.

– Не спите, коллега? – раздался голос.

Лавр Георгиевич с раздражением открыл глаза. Генерал Мартынов мешковато усаживался на табурет, подвинув его так, чтобы смотреть лежавшему Корнилову в лицо. Рассевшись, он утомленно опустил голову, уронил руки между колен.

– Не спал я сегодня, драгоценнейший Лавр Георгиевич, не сомкнул глаз. Не спится... Позвольте-ка задать вам один казу истический вопросишко, а? Не выходит он у меня сегодня из головы... Попробуйте-ка представить себе, что славный наш гене рал Самсонов не споткнулся бы, а продолжал громить и сокру шать и без всяких помех допер бы до Берлина.

Представили? Прекрасно. А теперь ответьте мне на такой вопрос: а каким бы образом отреагировали наши союзнички на подобный наш, прямо скажем, потрясающий успех? Ну-ка, ну-ка... О, задумались! И правильно делаете, мой дорогой. Смею вас уверить, что они бы нас не поздравили. Нет, нет и нет! Ни в коем случае... Не исключая даже случая, что они спешно переметнулись бы к Вильгельму. Да, да! Так сказать, принялись бы самым срочным образом спасать Германию. Ибо у наших чертовых союзничков одна-единственная забота, одна горячая кручина: как бы заставить нас с Германией подольше колошматить друг дружку, подольше воевать. А в идеале – чтоб истребили бы мы сами себя до самого до основания, до самого последнего солдата!

– Сами виноваты, – сварливо проговорил Корнилов. – Кто же нас тянул?

Старик вдруг возвел глаза к потолку.

– Помните Киевскую игру перед войной? Помните? Позорище! Речь шла о военной игре, проводимой Генеральным штабом в апреле 1914 года. Игра состоялась в Киеве. «Красные» (Россия) оборонялись против «синих» (Германия). Наехало самое высокое начальство: военный министр Сухомлинов, начальник Генштаба Янушкевич, начальник оперативного отдела Данилов. Замысел русского командования был таков: приняв удар, перенести войну в Восточную Пруссию, в самое логово германского милитаризма. Замысел был неплох, однако с самого начала русское командование не за-

метило, что контрудар по неприятелю наносится по двум расходящимся направлениям. Помимо этого обнаружилось чрезвычайно слабое тыловое обеспечение. Начальство, несколько не расстроившись, решило не утруждать себя такими мелочами. Было указано: «Военные перевозки и вообще весь тыл работают без задержек и без перебоев». Как дети... освободили себе головы! Мало того, в самый разгар сражения 2-я армия опоздала со своими главными силами на целых двое суток. После этого конфуза войска вообще перемешались, и штабы с обеих сторон совершенно потеряли управление.

И все-таки Сухомлинов, докладывая царю итоги этой важной военной игры, сиял. Он считал, что настоящая угроза для России исходит не от Германии, а от Японии. Все внимание требовалось обратить на Дальний Восток. Западную же границу он предлагал сделать «совершенно мирной». С чего начать? Скорей всего с упразднения крепостей Ивангорода и Новогеоргиевска.

А до начала войны оставалось менее трех месяцев...

– Ну хорошо, – сказал Корнилов, – а что показала Крымская война?

Тогда, осенью 1854 года, русское командование продемонстрировало всему миру свою полнейшую беспомощность. Военный министр князь Долгоруков и министр государственных имуществ Киселев оставили армию без пороха, без сапог и провианта. Главнокомандующий армией в Кры-

му князь Меншиков не позволил русскому флоту выйти в море и затопил все боевые корабли на рейде Севастополя. А ведь и года не прошло, как эти же самые корабли наголову разгромили турецкий флот в Синопе!

– Предатели, – брюзжал Мартынов.

Он считал, что в русской армии война стала занятием глубоко равнодушных людей. Не воюют, а служат, тянут лямку. «Все прогнило к черту!»

Больше всего старик бранил никудышного царя Николая II. Как трагически не везет России! В такие годы и во главе такой державы должен находиться исполин, равный Петру Великому или на худой конец Наполеону. Молодой же государь, к великому сожалению, не унаследовал даже качеств своего так рано умершего родителя. Николай II, человек прекрасный по своим душевным качествам, самой природой не был создан для управления такой машиной, как Россия. Трон для него – обуза, бремя наследственной власти. Он с удовольствием пилил дрова, чистил снег, с удовольствием выпивал рюмочку с устатка... Обыкновенный российский обыватель. А между тем на его плечи была взвалена великая страна, да еще в такие грозные годы!

Отступление русских войск порождало у обоих генералов мрачные предчувствия. Неподготовленность к большой войне России продолжала сказываться все ощутимей. Быстрой победы не получилось. С некоторых пор в лагерях военнопленных, где содержались русские офицеры, стали рас-

пространяться рукописные журнальчики: несколько листочков, скрепленных в уголке. От журнальчиков сильно шибало пораженчеством. Неведомые авторы упорно вдалбливали в головы пленных сознание бесполезности сопротивления. Больше того, исподволь проводилась подлейшая мысль, что для военного человека нет большей доблести, как именно в настоящее время выступить против своего государя, против своей армии, своего народа. На родине все более ожесточалась борьба Государственной думы с правительством. Журнальчики без всяких оговорок стояли на стороне крикливых думцев. Без конца мелькали имена Гучкова, Милюкова, Терещенко, Некрасова – за короткое время в России успела взреть целая популяция политических говорунов, без всякого зазрения совести рвущихся к кормилу великой державы.

Истекала вторая военная зима. Приближалась годовщина плена. Корнилов пожелтел, стал нервным, грубым. Без настоятельной необходимости в комнату к нему соваться не решались. Он днями напролет валялся в постели, не показываясь за порог. В эти дни и недели угнетенного состояния в его горячей и порывистой душе природного степняка совершалась медленная и мучительная работа. Он казался себе волком, попавшим в губительную западню...

Внезапно блеснул луч надежды – луч, заряжающий деятельной бодростью. Все тот же генерал Мартынов, но уже без хамского подмигивания как-то поздним вечером коротко и деловито сообщил, что некая инициативная группа распола-

гает надежными документами и хочет предоставить их именно Корнилову. Где они, эти люди, где документы? Генерал Мартынов остудил товарища. Люди содержались не в здешнем лагере, а в поселке Кас-сек. Туда и следовало попасть. Ну, естественно, не переводиться по команде, а... попасть, именно попасть. Каким образом? Ну, скажем, заболеть, причем заболеть так, что здешние врачи только разведут руками и признаются в своей беспомощности. Тогда лагерному начальству ничего не останется, как перевести заболевшего генерала в лагерь Кассека, где, как известно, имеется большой и прекрасно оборудованный госпиталь.

Итак, дело за малым, «поубедительнее» заболеть.

Лавр Георгиевич принялся за дело с одержимостью. Он совершенно перестал есть, отчего исхудал так, что тужурка на нем болталась. В довершение он сам, своими руками стал заваривать такой крепкий чай, что сердце в груди стало вытворять черт-те что. Худой, словно скелет, желтый, почти коричневый, с седыми космами на ушах, он *являл* зрелище живого покойника. В нем жили одни глаза, и он, приглушая их нестерпимый блеск, при разговоре с доктором держал опущенными сморщенные веки.

Высокий чин пленника, заболевшего чем-то непонятным, всполошил доктора. В начале лета Корнилова на носилках вынесли из барака, поместили на солдатскую фуру и повезли за ворота.

Первый этап задуманного плана осуществился вполне

удачно.

В лагере Кассек с Корниловым немедленно связалась та самая инициативная группа, о которой говорил генерал Мартынов. Нетерпеливому беглецу требовался надежный помощник – все-таки Корнилов был немолод, к тому же истощен и явно болен.

В попутчики Корнилову нашли фельдшера Франтишека Мрня-ка, тоже пленного. Дома у него осталась жена, он с нетерпением рвался на родину. Генерал казался ему глубоким стариком, он как-то обмолвился, что с ним будет много хлопот. Организаторы побега обещали ему 20 тысяч крон, деньги немалые.

Загоревшись, Франтишек развил бурную деятельность. Где меняя, где попросту воруя, он в скором времени обзавелся формой австрийского солдата, добыл компас, затем пистолет. Лавр Георгиевич обрадовался компасу, инструменту в побеге незаменимому, особенно при ходьбе ночью. Узнав об оружии, он пренебрежительно фыркнул. Зачем оно? Отстреливаться? Глупее глупого!.. Впрочем, Франтишек был завидно молод, годился ему в сыновья. Пускай тешится...

Надо было решаться. Все в общем-то готово.

Удачному побегу во многом помогло удрученное состояние пленных. В офицерской палате умирал подполковник Зданевич, чрезвычайно плохим считался и генерал Корнилов. Вторую неделю генерал не показывался из своей комнаты. Расчет был как раз на то, что отсутствие Корнилова ни

у кого не вызовет никакого подозрения. Человек тяжело болен, человек медленно угасает...

Ночью, переодевшись в затасканную форму австрийского пехотинца, Лавр Георгиевич выбрался из палаты. Фельдшер ждал его за углом. Подняв воротники шинелей, руки – глубоко в карманах, они направились к воротам и благополучно вышли. Франтишек короткими переулками повел своего спутника на городской вокзал. Расчет был на то, что беглецов хватятся дня через три-четыре. За это время поезд унесет их едва ли не к самой границе. А там останутся пустышки.

В Будапеште они благополучно пересели в местный поезд и скоро вылезли в маленьком городке Карансебеш. Румынская граница находилась совсем рядом. Франтишек сгорал от нетерпения. Первоначальная удача вскружила ему голову. Он совсем забыл об осторожности.

На маленьком вокзале, где пахло мокрым деревом платформы, Лавр Георгиевич сразу уловил витающую тревогу. Франтишек запросто тащил его в темноватую аустерию, где два угрюмых инвалида лениво жевали сосиски и потягивали пиво. Он не обратил внимания, что из аустерии проходом в городок только что вышли два солдата.

Появление патруля было явно неспроста! И генерал, схватив своего спутника за руку, с силой увлек его подальше от соблазнительной аустерии.

Как оказалось, осторожность их спасла. Побег открылся на другой же день. Никто не выдавал, никто не проговорил-

ся. Подвела беглецов смерть подполковника Зданевича. Среди тех, кто пришел проститься с умершим товарищем, не увидели генерала Корнилова. Отправились к нему в комнату – пусто. И встревоженное начальство ударило тревогу.

Лавр Георгиевич чуть не силой сволок своего молодого спутника с платформы. Франтишек притих, когда увидел, что патруль вновь проследовал через аустерию. Лица солдат были напряжены. Без всякого сомнения, они так и набросились бы на подозрительных пассажиров, зачем-то вылезших на захолустной станции.

Днем беглецы отсиживались в лесу, двигались ночами. Чрезвычайно пригодился компас. Лавр Георгиевич вел уверенно. Впереди была румынская граница, река Дунай. С первого же часа нового побега он испытывал необычайный подъем. Ощущение было такое, словно он больше года находился в какой-то спячке и вот теперь, сбросив странное оцепенение, обрел вкус к борьбе, преодолению препятствий. А что? Человек и обязан бороться до последних сил.

Франтишек не переставал брюзжать. Его, молодого человека, все сильнее донимал нестерпимый голод. Ну почему не заглянуть вот в эту деревушку? Кто их там задержит? Да если кто и сунется... А пистолет на что?

В конце концов пришлось уступить. Лавр Георгиевич остался в перелеске, Франтишек отправился в деревню. Конечно, голод донимал, однако рисковать не стоило. По расчетам, на вторую ночь они должны были выбраться на берег

Дуная.

Внезапно патриархальную деревенскую тишину разорвал гулкой выстрел. Лавр Георгиевич вскочил на ноги. Выстрелы забухали один за другим, затем внезапно стихли. Ну так и есть – Франтишек. Дернуло же его! Не вытерпел... И Лавр Георгиевич поспешно удалился в глубину леса.

К Дунаю он добрался из последних сил. Река была широка, могучее течение завивало устрашающие водовороты. Лодку бы, естественно. На худой конец плот. Но берег был пустынен... что в общем-то хорошо, спасительно. В наступивших сумерках он стал пробираться вверх по течению, постоянно опасаясь напороться на пограничников.

В полночь, в самую глухую пору, он связал одежду и сволок в воду сухое бревно. Вода обожгла его. Он брел, пока дно не оборвалось под ногами. Тогда он поплыл, толкая перед собой бревно... Удача еще раз обернула к беглецу свой милостивый лик. В те дни Румыния наконец преодолела свои мучительные сомнения и объявила Германии войну. Корнилов, из последних сил выбираясь на скользкий глинистый берег, попал на землю союзника по борьбе. В городишке Турну-Северин он увидел избитый казарменный плац и на нем изломанный строй оборванных солдат. Перед строем суетился офицер со знакомыми погонами, генерал слышал раскатистую русскую брань. Как оказалось, в городишке отлавливали дезертиров и формировали команды из пленных. Занимались этим командированные из России офицеры...

Это были свои. Лавр Георгиевич попал домой!

Весть о побеге Корнилова из плена полетела впереди генерала, и к тому дню, когда он из Румынии добрался до столицы, здесь уже шумели газеты. В самом деле, бегают солдаты и офицеры – молодость, отвага, наплевательство к дорожным трудностям, – но тут бежал и все преодолел человек немалого чина и почтенного возраста!

Из 60 попавших в плен генералов русской армии пытался бежать и убежал только один – Корнилов.

В Генеральном штабе, родном доме, Лавр Георгиевич встретил давнишнего знакомца, генерала Аверьянова, ведавшего в те годы резервами. Утолив первую радость, принялись выкладывать новости. Говорил больше Аверьянов. Он сразу же предупредил Корнилова, что среди высшего армейского начальства с давних пор – еще с того дня, когда его оглушило разрывом в Карпатах, – существует стремление отдать его под суд. На него вешали разгром 48-й Стальной дивизии.

Особенную настойчивость проявлял его бывший начальник командующий 8-й армией генерал Брусилов.

Ожидание того, как решится судьба, отравляло радость от обретенной свободы, семьи и детей.

Генерал Брусилов был старше его на целых 17 лет. Человек совсем иного поколения. Выходец из почтенной военной семьи (*отец генерал-лейтенант*), он воспитывался в Пажемском корпусе, служил в лейб-гвардии, однако академическо-

го образования не получил. То ли убоился, как говорилось, бездны премудрости, то ли по своеобразной направленности ума, – поговаривали, что в его доме, в семье, благодаря настроениям жены, укоренилась новейшая мода к мистике, к оккультизму.

Генерал Брусилов был из числа умельцев, то есть знал, как следует служить. Такие обыкновенно незаметны на поле боя, зато весьма искусны на паркете. Судьба его сложилась счастливо. Особенно успешными оказались годы, когда он начальствовал в кавалерийской школе: среди воспитанников был будущий император Николай II. Генерал Брусилов учил его подавать строевые команды – ставил наследнику престола командирский голос. Генерал Аверьянов, прекрасно осведомленный обо всем, что происходило в окружении царя и в Государственной думе, развлекал Корнилова забавными историями. Ветхий старец Горемыкин упорно цеплялся за кресло главы правительства. Недавно на пост военного министра удалось пролезть генералу Поливанову. Он явился для представления к Горемыкину. Бедный старик спутал бравого генерала с дамой и вместо рукопожатия галантно склонился и поцеловал Поливанову руку. Ну разве не смешно?

Однако глаза генерала не смеялись. Он не скрывал, что отказывается понимать, чем может закончиться этот страшный 1916 год. Развал армии продолжался, но наверху не перестают талдычить об окончательной победе. В голосе Аве-

рьянова звучала застарелая горечь. Прежде солдат исповедовал традиционное: верность Вере, Царю и Отечеству. Теперь у него на уме водка, колбаса и бабы.

Корнилов поражался духу стяжательства, царившему в Петрограде. Огромный город наводнен скользким, пройдошливым народом. Чудовищные состояния возникали, казалось бы, из одного столичного воздуха. Фронт, грохот снарядов, кровь солдат существовали совершенно отдельно от этой вакханалии безудержной наживы. Повсюду орудовали шайки ловких дельцов, из всего ковались прежде всего деньги, деньги, деньги... Газеты сообщили о гигантской афере с продажей русского сахара Германии, об арестах в Киеве и Петрограде. В тюрьму угодил такой делец, как знаменитый Митька Рубинштейн. К случаю вновь всплыли имена томившегося в каземате крепости Сухомлинова и повешенного полковника Мясоедова.

Об этом нашумевшем деле Аверьянов знал очень много из того, о чем в печати не сообщалось. Старика Сухомлинова подвела молодая жена, прелестная Екатерина Викторовна. Казненный Мясоедов, шпион на самом деле, был ее любовником. А свел их и уложил в постель пройдоха Альтшиллер, многолетний наперсник Сухомлинова, его, так сказать, «еврей при губернаторе».

– Я, Лавр Георгиевич, сам знаешь, к евреям ничего такого не испытывал. Ну, евреи и евреи... Но все-таки, согласишься же, так нельзя! Куда ни сунься – везде. Надо же, понимаешь,

и совесть поиметь. У нас все-таки Питер, а не Иерусалим. Совершенно совесть потеряли!

– А мне советуют, – заметил Лавр Георгиевич, – обратиться к ним. Говорят, помогут.

Аверьянов страдальчески сморщился.

– Подожди. Не надо. Обойдемся и без них. Что уж мы... совсем уж? Погоди.

До родного Каркаралинска, как видно, дошли столичные газеты. Узнав о побеге из плена своего земляка, казачье общество прислало Корнилову золотой нательный крестик и сто рублей. Лавр Георгиевич был растроган. Съездить бы домой! Однако прежде следовало избавиться от позорного судебного разбирательства.

Военный суд означал конец карьеры, слом судьбы. Знакомые Корнилова подавали разнообразные советы. Прежде всего следовало выстроить целую цепочку знакомств, частью уже имеющихся, однако большей частью тех, которые необходимо завести. В конечном результате появится рука, она-то и нажмет необходимый клавиш и переменит ситуацию. Цепочка выстроилась длинная – здесь были имена вовсе незначительные, незнакомые, однако же, как уверяли, пользующиеся влиянием. Перебираясь по цепочке, проситель достигал персон, входящих в сферы высшие. Лавр Георгиевич услышал имена банкиров Мануса и Полякова, затем какого-то загадочного Симановича и, наконец, самого Распутина. А все знали, что «святой старец» был своим человеком

в Зимнем, близким другом царствующей четы, называл императора и царицу по-домашнему «папой» и «мамой» и порою, как рассказывали, даже отваживался стучать на царя кулаком.

Ожидание тянулось невыносимо. Дома, в семье, установилась похоронная обстановка. Жена потихоньку шепталась с дочерью. Лавр Георгиевич сидел нахохленный, словно старый воробей. Его не веселил даже ребенок, четырехлетний сынишка Юрик.

Видимо, умелые старания генерала Аверьянова все же достигли цели. Положение вдруг переменялось. Сначала опального генерала пригласили на чествование в родное Михайловское училище, затем его удостоил аудиенции сам государь. Лавр Георгиевич, воспрянув духом, отправился в Царское Село.

Жена и дочь перекрестили сухонькую фигурку генерала, отправившегося за справедливостью.

Лавр Георгиевич вернулся со щитом. Он узнал о решительном заступничестве главнокомандующего войсками Юго-Западного фронта генерала Иванова и командира корпуса генерала Цурикова, свое слово за опального Корнилова молвил и великий князь Николай Николаевич. Император принял исхудавшего посетителя милостиво. Генерал Корнилов был награжден орденом святого Георгия 3-й степени (носился на шее). Он направлялся в действующую армию, на фронт, где принял 25-й пехотный корпус.

В Мариинском театре, в антракте после первого акта, посол Франции Морис Палеолог прогулочным шагом, не спеша, отправился к ложе министра двора – выкурить папироску, встретиться, поболтать. Достав массивный портсигар, он невнимательно выбрал пахучую папиросу, глаза его были заняты лицами встречаемых. В гуляющей публике чувствовалось общее возбуждение: спектакль, красочный, с фантастическими декорациями, носил возбуждающий аромат сладострастия. В тот вечер давали балетный дивертисмент: «Египетские ночи» и «Эрос». С послом раскланялся свитский генерал, приземистый, со скуластым простонародным лицом, с боевыми орденами на мундире. Познакомились они недавно, однако Палеолог уже успел оказать генералу услугу, и тот эту услугу ценил и не забывал.

Встреча оказалась как нельзя кстати. Генерал ведал резервами. Посол достал портсигар, раскрыл. Они закурили.

Время антракта было недолгим, поэтому посол приступил прямо к делу. Ему стало известно, что правительство намеревается освежить петроградский гарнизон: части ненадежные, распропагандированные, зараженные социал-демократизмом, вывести и отправить на фронт, а на их место доставить в срочном порядке несколько частей с фронта.

В тоне светской непринужденной беседы посол умело разыграл недоумение человека, далекого от военных дел, однако озабоченного обстановкой, о которой он обязан доложить по роду своих обязанностей.

– Неужто революционная пропаганда в гарнизоне настолько велика? Это же возмутительно!

На лице генерала отразилось колебание. Он не имел права вести подобные беседы, тем более с иностранцем. Однако признательность за недавнюю услугу победила долг.

– Вы разве ничего не слышали о беспорядках на Выборгской стороне? Тогда судите сами, что за дух в нашем гарнизоне... Что касается меня, то я считал и настаиваю до сих пор: чистка в гарнизоне необходима. Помилуйте, зачем нам в Петрограде столь ко войск? Тем более что они совершенно ничем не заняты, они бездельничают, скучают и развращаются. Ими отвратительно ко мандуют!

– Но рабочие беспорядки? – заметил посол, разглядывая кончик тлеющей папиросы.

– В Петрограде необходимо оставить тысяч сорок, не больше. Эт-того достаточно! Ну, на всякий случай я бы еще добавил тысяч двадцать казаков. Эти силы легко справятся с любыми беспорядками.

На вопрос, ожидается ли развитие беспорядков, генерал ответил не сразу. Он смотрел себе под ноги, папироса в его руке потухла.

– Прошу вас оставить все свои сомнения, генерал, – поощрил его посол. – Я ваш друг, вы же знаете. Тем более мы союзники и у нас общие цели.

Губы генерала задрожали, он стиснул зубы и быстро взял себя в руки:

– Я вот что вам скажу... Все, как говорится, в руке Божией. Но я опасюсь не народа, не рабочих... нет, нет! Армии!.. Да, армии! Вы знаете, сколько солдат расквартировано в самом Петрограде, в Гатчине, Павловске, Красном Селе? Петергоф добавь-те, Царское Село... Двести пятьдесят тысяч! Такое количество имеет боевая армия и держит фронт, а то и наступают. Вы представляете теперь? Поэтому-то я и боюсь, – заключил негромко генерал, качая головой. – Если Бог покарает нас революцией, то ее произведут не рабочие, а армия, солдаты!

Откровенность генерала, его безыскусное волнение омрачили настроение посла. Блистательный спектакль утратил свою прелесть. Он не стал дожидаться окончания и уехал из театра. По дороге домой он неожиданно приказал шоферу везти его в посольство. Новость о близкой замене столичного гарнизона свидетельствовала о появлении силы, способной вмешаться в развитие событий самым решительным образом.

В пустом таинственном дворце посольства стояла поздняя ночная тишина. Беззвучной тенью посол миновал неосвященный вестибюль и поднялся в кабинет. Ярко вспыхнул свет под потолком. На рабочем столе были аккуратно приготовлены текущие бумаги, отдельно, сбоку, лежало два пакета. Не снимая пальто, посол присел к столу и первым делом взялся за конверты.

Пакет из Парижа содержал перехваченный циркуляр гер-

манского министерства иностранных дел. Этот секретный документ рассылался работникам посольств, аккредитованным в нейтральных странах.

«Доводится до вашего сведения, что на территории страны, в которой вы аккредитованы, основаны специальные конторы для организации пропаганды в государствах, воюющих с германской коалицией. Пропаганда коснется возбуждения социалистического движения и связанных с последним забастовок, революционных вспышек, сепаратизма составных частей государства и гражданской войны, а также агитации в пользу разоружения и прекращения кровавой бойни. Вам предлагается оказывать всемерное покровительство и содействие руководителям означенных контор».

Вывод из прочитанного был один: война на два фронта истощила силы Германии. Вильгельм II изнемогает и лихорадочно ищет выхода из разорительной войны.

Второй пакет был местный, доставленный не по почте, а с посыльным. Узнав почерк, посол Палеолог почувствовал укол тревоги. Этот человек, его давнишний тайный информатор, обращался в посольство чрезвычайно редко, лишь в самых экстренных случаях.

Посол нетерпеливо разорвал конверт.

«Я не могу ждать до завтра. Сообщаю вашему превосходительству крупную новость: г. Штюрмер ушел в отставку и заменен на посту председателя Совета Министров г. Треповым».

Вот это новость! Все-таки император настоял на своем, поступил по-своему. Помогло, несомненно, его пребывание в Ставке, куда не доставали руки тех, кто крутился вокруг Распутина. Это было известно: едва император освобождается от влияния императрицы, он способен на превосходные решения!

Палеологу вспомнилось...

Когда Штюмер еще находился у власти, французский посол заявил ему протест против возрастающих препятствий русской администрации по отношению к французским промышленникам. В конечном счете от этого страдает лишь оборона. А что может быть сейчас важнее обороны, важнее разгрома врага и достижения победы?

– Я взываю к вашему авторитету, господин премьер-министр, – с чувством оскорбленного достоинства чеканил посол. – Я надеюсь, что вы прекратите эти скандальные злоупотребления!

Штюмер отреагировал мгновенно.

– Помилуйте! Скандальные – это слишком сильно сказано, господин посол. Я могу допустить лишь некоторую небрежность. Но все равно я вам благодарен за указание на эти... назовем их так: упущения, изъяны военного времени.

Как опытный придворный, он владел искусством больше сказать взглядом, нежели словами. Уж кому-кому, как не господину послу знать о хищной природе своих соотечественников, так называемых предпринимателей!

Палеолог разыграл возмущение, негодование, его мелкое, непородистое лицо приняло огорченный вид.

Убийство Столыпина обрекло русское правительство на старческую немощь – с сентября 1911 года кабинет министров, как правило, возглавляли престарелые, еле передвигавшиеся сановники.

О маразме Горемыкина рассказывали массу анекдотов. Но и сменивший его Штюмер не выглядел молодецкостей – такая же развалина. Невольно создавалось впечатление, что император Николай II, подыскивая кого бы назначить во главе правительства, перетряхивает сундуки родовой, но вконец одряхлевшей рухляди.

На взгляд посла Палеолога, как Горемыкин, так и Штюмер являлись классическими представителями замшелой старорежимной бюрократии, вся деятельность которой строилась на связях, на влиятельных знакомствах. Бурная действительность стремительно обогнала ветхих старцев, и оба изо всех сил старались соблюсти одно: выглядеть на своем посту достойно. Штюмеру это удавалось во многом благодаря давней дружбе с министром двора графом Фредериксом и доверительным отношениям с генералом Алексеевым. Как Фредерике, так и Алексеев имели исключительное влияние на царя... Иностранные посланники при русском дворе, все без исключения, прекрасно знали, что у самого подножия нового премьер-министра укрепляются и понемногу входят в силу такие многообещающие фигуры, как Протопо-

пов и Добровольский.

Знал ли Штюмер, что и ему готовится замена? Догадывался ли? Едва ли... Буквально на днях посол Палеолог вынужден был обратиться к нему по делу крайне неприятному, однако болезненно задевающему престиж Франции. С этим делом к содействию посла обратился шустрый и бесцеремонный Сико, представлявший в России интересы фирмы «Рено» (впрочем, только ли «Рено»?!). Природное нахальство этого марвихера раздражало посла, однако Палеолог, помня о покровителях Сико в Париже, вынужден был терпеливо слушать. Претензии Сико сводились в основном к тому, что доходы французских предпринимателей в России стали вдруг резко падать. Причины? Рогатки русской бюрократии. Посол кивнул. Наглые махинации Сико с его компанией были ему известны. Ловкачи привыкли получать с каждого вложенного рубля десять рублей прибыли. В настоящее время, при товарном голоде и возрастающей инфляции, власти делают попытки обуздать эти алчные аппетиты... Отпуская Сико, посол не сказал ни слова об аппетитах охотников за шальными прибылями, но лишь пообещал поднять этот вопрос где следует. Он уже знал, что завтра будет принят самим председателем Совета Министров.

– Нет, господин премьер-министр, я настаиваю на своих обвинениях. Я готов с цифрами на руках доказать, что Россия может сделать для нашей победы больше втрое, вчетверо. Я вынужден говорить об этом, потому что Франция уже

истекает кровью, в то время как...

– Господин посол, мы уже потеряли на полях сражений более миллиона человек!

– Миллион! В таком случае Франция потеряла в четыре раза больше! – запальчиво воскликнул Палеолог.

Штюрмер потерял дар слова. При всей своей изощренности в словесных распрях он не совладал с собственным изумлением.

– Каким образом, позвольте спросить? – наконец промолвил он.

– Очень просто. – И посол пустился в объяснения, в подсче ты. Он назвал цифру населения России: 180 миллионов человек. Французов на планете гораздо меньше: всего 40 миллионов.

– Я взываю к справедливости, господин премьер-министр. Россия, поскольку она так велика, обязана и нести потерь в четыре с лишним раза больше! Разве я не прав?

Штюрмер пробормотал:

– Я никогда не умел оперировать с цифрами. Но вы же знаете, что наши мужики безропотно жертвуют своими жизнями!

Мужики! – не унимался Палеолог. – Позвольте вам заметить, что центр тяжести в военных потерях вовсе не в числе убитых. Нет, нет, вы ошибаетесь! Центр тяжести совсем, совсем в другом! Господин премьер-министр, ну разве вы можете ставить на один уровень культурное развитие францу-

зов и ваших мужиков? В России поголовная неграмотность, ваша армия представляет собой невежественную, бессознательную массу. В то время как у нас в окопах, в первых рядах, бьются и гибнут молодые люди, проявившие себя в науке, в искусстве, все это люди талантливые, утонченные. Поймите же, это сливки, это цвет человечества! Так какое же может быть сравнение потерь наших с вашими потерями? Наши чувствительнее, наши непоправимее. Нельзя сравнивать жизнь невежественного дикаря с жизнью человека просвещенного...

Посла отрезвил пристальный, угрюмый взгляд премьер-министра. При всей своей светскости Штюмер с трудом сдерживал негодование. Союзный представитель, явно спутав Петроград с Алжиром или Дакаром, переступил последнюю грань дозволенного. Франция, быстро и бездарно погубив свои колониальные туземные дивизии, без всякого зазрения совести домогалась «русских сенегальцев». Неграмотные мужики, оставляя по деревням и селам вдов и сирот, обязывались жертвовать жизнями во имя дальнейшего процветания прекрасной Франции.

Стараясь, чтобы голос его звучал ровно и бесстрастно, Штюмер закончил этот оскорбительный разговор ничего не значащим обещанием:

– Господин посол, я сейчас же проверю все то, что вы были так добры мне сообщить...

Из дневника Мориса Палеолога.

«Суббота. 5 февраля, 1916 г. Три дня всюду собирал сведения о председателе Совета Министров. То, что я узнал, меня не радует.

Штюрмеру 67 лет. Человек он ниже среднего уровня. Ума небольшого, мелочен, души низкой, честности подозрительной, никакого государственного опыта и никакого делового размаха. В то же время с хитрецей и умеет льстить.

Происхождения он немецкого, как видно по фамилии. Он внучатый племянник того барона Штюрмера, который был комиссаром австрийского правительства по наблюдению за Наполеоном на острове Св. Елены.

Ни личные качества Штюрмера, ни его прошлая административная карьера, ни его социальное положение не предназначали его для высокой роли, ныне выпавшей ему. Все удивляются этому назначению. Но оно становится понятным, если допустить, что он должен быть лишь чужим орудием, тогда его ничтожество и раболепность окажутся очень кстати. Назначение Штюрмера – дело рук камарильи при императрице, за него перед императором хлопотал Распутин, с которым Штюрмер близко сошелся. Недурное будущее все это нам готовит!» «Понедельник, 7 февраля. Штюрмер назначил управляющим своей канцелярией Манасевича-Мануйлова. Назначение скандальное и знаменательное.

Я немного знаком с Мануйловым, что приводит в отчаяние честного Сазонова. Но могу ли я не знаться с главным информатором «Нового времени», этой самой влиятельной

газеты? Но я его знал и до моего назначения посланником. Я с ним виделся около 1900 года в Париже, где он работал как агент охранного отделения под руководством Рачковского, известного начальника русской полиции во Франции.

Мануйлов – субъект интересный. Он еврей по происхождению, ум у него быстрый и изворотливый. Он любитель широко пожить, жуир и ценитель художественных вещей. Совесть у него ни следа. Он в одно время и шпион, и сыщик, и пройдоха, и жулик, и шулер, и подделыватель, и развратник – странная смесь Панурга, Жиль Блаза, Казановы, Робера Макора и Видока. А вообще – милейший человек!

В последнее время он принимал участие в подвигах охранного отделения. У этого прирожденного пирата есть страсть к приключениям и нет недостатка в мужестве. В январе 1905 года он вместе с Гапоном был одним из главных инициаторов рабочей демонстрации, использованной властями для кровавой расправы на Дворцовой площади. Несколько месяцев спустя он оказался одним из подготовителей погромов, пронесшихся над еврейскими кварталами Киева, Александровска и Одессы. Он же, как говорят, брался в 1906 году за организацию убийства Гапона, болтовня которого становилась неудобной для охранного отделения. Сколько, действительно, у этого человека прав на доверие Штюмера!»

«31 мая 1916 года. С тех пор как Штюмер стоит у власти, влияние Распутина очень возросло. Этот мужик-чудотворец

все более становится политическим авантюристом и пройдохой. Кучка еврейских финансистов и грязных спекулянтов, Рубинштейн, Манус и др., заключила с ним союз и щедро его вознаграждает за содействие им. По их указаниям он посылает записки министрам, в банки и разным влиятельным лицам. Я видел такие записки – это грязные каракули, грубо повелительные по стилю. Никто ни в чем не смеет ему отказать. Назначения, повышения, отсрочки, милости, подачки, субсидии так и сыплются по его приказанию.

Если дело особенно важно, то он передает записку непосредственно царице и прибавляет: «Вот. Сделай это для меня».

И она сейчас же отдает распоряжение, не подозревая, что работает на Рубинштейна и Мануса, которые в свою очередь стараются для Германии». И вот Штюмерера больше нет. Русское правительство возглавил генерал Трепов. Что это... проявление воли и решительности? Не поздно ли?..

Палеолога посетила мысль: а не поделиться ли новостью с Бьюкенненом, коллегой, послом Великобритании? Поразмыслив хорошенько, он оставил это намерение. У Бьюкеннена имеются свои секретные информаторы. Кстати, поспешит ли Бьюкеннен поделиться этой новостью с ним, Палеологом?

Задумавшийся, расслабленный, Морис Палеолог раскрыл свой дневник и на чистой странице принялся записывать:

«Русских часто упрекают в отсутствии предусмотрительности. Действительно, им постоянно приходится бывать за-

хваченными врасплох последствиями их собственных поступков, запутываться в тупиках, больно ушибаться о жесткую логику событий. И в то же время нельзя сказать про русских, чтобы они были беззаботны относительно будущего. Думать о нем они много думают, но не умеют его предвидеть, потому что они его не видят. Воображение русских так устроено, что оно им никогда отчетливо не рисует самих очертаний. Русский видит впереди только далекие, убегающие горизонты, туманные, смутные дали. Понимание реальности в настоящем и грядущем доступно русским лишь при помощи грез. И в этом я вижу последствия климата и географических условий. Разве можно, едучи по степи в снежную погоду, не сбиваться беспрестанно с дороги, когда зги перед собой не видать?»

Будущее... Измученная Европа наивно связывала все свои надежды на прекращение кошмара с близким будущим. И мало кто догадывался, что как раз будущего следовало страшиться!

И снова запись из дневника французского посла Палеолога.

«По словам моего информатора, у которого есть связи с охранным отделением, вожди социалистических групп тайно собирались недели две тому назад в Петрограде (раньше они собирались в июле 1915 года). На этом совещании председательствовал трудовик Керенский. Главным вопросом являлось обсуждение программы революционных дей-

ствий, которую максималист Ленин, живущий в Швейцарии, недавно защищал на социалистическом интернациональном конгрессе в Циммервальде.

Прения, открытые Керенским, по-видимому, привели к единогласному принятию следующих положений:

1. Постоянные неудачи русской армии, беспорядок и неради вость в управлении, ужасающие легенды об императрице, нако нец, скандальное поведение Распутина окончательно уронили царскую власть в глазах народа.

2. Народ очень против войны, причины и цели которой он более не понимает. Запасные все неохотнее идут на фронт. Таким образом, боевое значение армии все слабеет. С другой стороны, экономические затруднения растут с каждым днем.

3. Поэтому очень вероятно, что в ближайшем будущем России придется выйти из союза и заключить сепаратный мир. Тем хуже для союзников.

4. Если этот мир будет заключать царское правительство, то он будет, конечно, миром реакционным и монархическим. А во что бы то ни стало нужно, чтобы мир был демократический, социалистический. Керенский резюмировал будто бы прения таким практическим выводом: «Когда наступит последний час войны, мы должны будем свергнуть царизм, взять власть в свои руки и установить социалистическую диктатуру».

Генерал Аверьянов был прав, назвав текущий год, 1916-й, страшным. В судьбе русской армии, продолжавшей изне-

могать в окопах, он оказался роковым.

В январе сокрушительная катастрофа обрушилась на героическую сербскую армию. Ярость турок, раздосадованных неудачами на Кавказском фронте, в Армении, излилась на сербов. Все население этой страны подалось в горы. Стояла холодная зима. В Албанских горах бушевали снежные метели. Пробиваясь к Адриатическому побережью, солдаты прокладывали дорогу тысячам беженцев. Умиряющего короля Петра везли на быках. Престарелый воевода Путник лежал на самодельных носилках. Измученные монахи, все в черном, несли в руках горящие свечи и не переставая пели суровые молитвы.

В тот год весь мир стал свидетелем медленной агонии Сербского государства.

В феврале на Западном фронте началась Верденская мясорубка. У стен хорошо укрепленной крепости сошлись 65 французских дивизий и 50 немецких. Как водится, французское главнокомандование запросило срочной русской помощи. И помощь была немедленно оказана. Русские солдаты полезли из окопов, ничего не видя впереди из-за разбушевавшейся метели. Снег валил стеной и забивал глаза. В белевой мгле не переставая бухали орудия. На убитом мгновенно вырастал сугроб. Раненых почти не подбирали... Наступательный порыв получился яростным, однако быстро захлебнулся. За несколько минут немецкие артиллеристы, заранее пристрелявшие все поле, шквальным огнем картечи скосили

целую дивизию – 12 тысяч. Русские солдаты сначала залегли, затем кинулись назад, в свои окопы.

Дружественный порыв помочь союзнику обошелся русской армии громадными потерями: 70 тысяч убитыми, более 5 тысяч попали в плен.

Все же напор немцев на Верден ослаб...

Тогда в Шантильи, главной квартире французской армии, родилась счастливая мысль: попросить русских солдат для Западного фронта. В штабе генерала Фоша считали Россию гигантским муравейником, кишачим бородатым мужичьем. Это мужичье плодилось и подрастало с необыкновенной быстротой. Так стоило ли его жалеть? Посол Морис Палеолог получал постоянные напоминания из Парижа. В своих хлопотах поскорей добыть «русских сенегальцев» он опирался на помощь Бьюкеннена. Русское командование упиралось. Фронт и без того редел. Тогда оба посла принялись действовать через царицу. И вот Ставка, сердито ворча, выделила несколько транспортов добротного «пушечного мяса» для войны во Франции. Четыре обстрелянные боевые дивизии, снятые с фронта, отправились в Добруджу. Семь стрелковых бригад погрузились на пароходы и поплыли в Салоники и Марсель.

Так союзники в конце концов заставили русскую армию воевать вместо себя еще и на Западе.

Надолго ли, однако, хватит этих бригад и дивизий под губительным огнем германских «чемоданов»? Требовались

регулярные резервы. Для подвоза войск союзники готовы предоставить любой необходимый тоннаж. Им ничего не жалко для победы! Но тут возмутился сам Верховный главнокомандующий русской армией. Нахальство союзников не знало границ. Николай II, принимая в очередной раз посла Палеолога, едва не вспылал. Да, резервы у России имеются. Даже после стольких месяцев войны, заявил царь, мы все еще в состоянии поставить под ружье не менее 800 тысяч призывников. Но только где оно, это самое ружье? Русская армия испытывает катастрофический дефицит вооружения. Известно ли господину послу, что уже раздаются предложения вооружать маршевые пополнения обыкновенными топорами на длинных рукоятках? А между тем иностранные корпорации давно получили русские авансы за вооружение! Где оно?

Посол Палеолог испытал неприятную минуту. Император находился в нервном возбуждении. Его лицо с мешочками под глазами, с пордевшей, какой-то слежавшейся шевелюрой покрылось нездоровыми пятнами. Палеолог помянул недобрым словом пройдоху Сико с его жульем и вспомнил тайную придворную сплетню: будто бы Распутин, магически врачуя недуги наследника, пытается излечить царя от тихого алкоголизма.

Внезапный гнев императора не обескуражил посла. Мысленно браня прохвоста Сико, он все же попытался закончить царскую аудиенцию в свою пользу. Палеолог подал мысль

поручить достройку Мурманской железной дороги компании французских предпринимателей. Ввод этой важной магистрали как раз и поможет поскорее доставлять оружие из Мурманского порта!

Вместо ответа Николай II взглянул послу в самую глубину глаз и затеребил бородку. Он уже полностью овладел собой.

Итогом этого неприятного разговора было охлаждение русского императора к послу союзной Франции. Николай II стал всячески избегать с ним встреч наедине.

Тем временем самый страшный год войны приносил новые испытания. Таким испытанием – и снова для русской многожильной армии! – было решение румынского правительства присоединиться к армиям Антанты. (Болгария к тому времени решительно перешла на сторону Германии.)

Вступление в войну Румынии лишь усугубило и без того невыносимое положение России – восточный (русский) фронт пришлось спешно растянуть на целых 800 километров. Новый компаньон, надеявшийся на близкий разгром Германии, сразу же потребовал самой разнообразной помощи и энергичной защиты. Само собой, все эти тяготы легли на плечи ближайшего соседа, России.

Побуждая Румынию объявить войну Германии, союзники, особенно Англия и Франция, соблазняли ее изрядными территориальными приобретениями – в случае победы последует решительный дележ всего колониального наследства потерпевших поражение, и румынскому королевскому до-

му был великодушно обещан лакомый кусок: плодородная и густонаселенная Транс-ильвания. Боясь опоздать к разделу добычи, Румыния соблазнилась, и ее посольский особняк в Берлине опустел. Немцы, однако, не замедлили тут же наказать румын за вероломство. Нарядная, пестрая, легкомысленная на парадах румынская армия выказала свою полнейшую несостоятельность на полях сражений. Впрочем, никаких надежд на ее боевые качества никто из Антанты и не питал. Настойчивость Англии и Франции объяснялась главным образом тем, чтобы как можно больше увеличить площадь гигантского «горчичника», приставленного к телу ослабевающей Германии на Востоке. Румынский участок фронта сразу же потребует нескольких германских корпусов. Что же касается спасения нового соратника от жестокого разгрома, то этим обязана была озаботиться Россия. Чего-чего, а людских резервов у нее хватит, должно хватить...

Союзники бесцеременно нажимали, уговаривая Россию «отрешиться от эгоистических мыслей и проникнуться более высоким пониманием союза борьбы с общим врагом». Последовал также намек, что Россия получит обещанные Константинополь и проливы только в том случае, если по-прежнему не будет жалеть своих солдат. Военные негодовали, политики гнули свое. К сожалению, последнее слово принадлежало политикам. Для спасения Румынии русскую армию обязали срочно выделить 200 тысяч штыков. Выходит, дополнительная мобилизация запасных? А как их одеть, во-

оружить? Как их доставить?

Лавр Георгиевич Корнилов, хватив горькой жизни во вражеском плену, изведав вынужденное безделье, невыносимое для настоящего военного с деятельным характером, поражался нарастающей неразберихе, захлестывавшей фронт. Зимний дворец и Ставку в Могилеве, казалось, поразило настоящее безумие. Юго-Западный фронт и без того испытывал невероятную растянутость. Теперь же еще новая забота – румыны. В эти дни, вернувшись на фронт, Лавр Георгиевич стал испытывать состояние, совершенно неведомое прежде: здесь, на передовых позициях небывало кровавой войны, чудовищное скопление русского народа, одетого в шинели и сведенного в дивизии и корпуса, целиком и полностью зависело от постоянных и разнообразных интриг в далеком Петрограде. Сюда, в грохот сражений, лишь долетали слабенькие отголоски происходившего за кулисами двух дворцов: Зимнего и Таврического.

Всю свою жизнь Корнилов, как военный, сторонился политики. Ныне сама политика занялась генералом!

Газеты, приходившие из Петрограда, в штабах зачитывались до лохмотьев. Заседания Государственной думы все больше напоминали бурный антиправительственный митинг. Русский либерализм уже полностью подпал под заграничное влияние.

Помня умозаключения умницы Аверьянова, Лавр Георгиевич выбирал из столичных новостей самые тревожные.

Старик Плеханов никак не унимался и действовал из Парижа. Из Швейцарии стал невероятно активничать Ленин, пожалуй, самый крайний, самый «красный» и опасный. В отличие от всей орды рвущихся к власти либералов Ленин гениально упростил свою позицию крайнего радикализма. Он наплевал на русское крестьянство – это слишком аморфная, слишком неорганизованная масса. Их большинство? Но это имеет значение лишь при голосовании. В России вопрос о власти будет решаться отнюдь не бюллетенями, не сованием бумажек в щели урн. Власть возьмет оружие! Поэтому Ленин делает упор на рабочих и солдат. Крестьянское болото подвергнется революционной обработке в последнюю очередь. Получится кроваво? Но кого и когда в России пугала даже самая большая кровь!

Год 1916-й понемногу убывал. Накатывал очередной, 1917-й...

Император Николай Ц, выступая на ежегодном празднике Георгиевских кавалеров, обратился к армии в окопах: «Будьте твердо уверены, что, как я уже сказал в начале войны, я не заключу мира, пока последний враг не будет изгнан из нашей земли. Я заключу мир лишь в согласии с союзниками, с которыми мы связаны не только договором, но и узами истинной дружбы и кровного родства. Да хранит вас Бог!»

Странное и страшное заявление... Царь словно не видел ни устрашающих потерь, ни смертельной усталости народа от войны. Кого он заверял в своей решимости продолжать

эту опустошительную и бессмысленную бойню? Своих или чужих? Что за нелепое заявление о «кровном родстве»? С кем?

А через две недели последовало новое заявление венценосца, не менее решительное и отважное: «Проникнитесь мыслью, что не может быть мира без победы. Каких бы усилий и жертв эта победа нам ни стоила!»

Поразительная слепота, граничащая с безмыслием... Этим самым царь сильно помогал интригам думских заправил.

«Прогрессивный блок» Госдумы был сформирован публично, гласно. За кулисами же, в «Зазеркалье», шло сколачивание «кабинета народного доверия», то есть правительства новой, демократической России. В него вошли Родзянко, Милюков, Некрасов, Шингарев и новый военный министр Поливанов. Императрица Александра Федоровна отозвалась об этих деятелях как о «тварях, которым по их способностям пристало заниматься лишь вопросами канализации». На этот раз государь разделил негодование своей супруги и в начале сентября приказал закрыть Государственную думу. Как бы в ответ на эту царскую меру в газете «Русские ведомости» появился фельетон Василия Маклакова (одного из самых влиятельных масонов) под названием «Трагическое положение». Автор нарисовал картину, когда у автомобиля на крутой извилистой дороге внезапно отказали тормоза. Сидящие в машине оцепенели от ужаса. Спасение им ви-

дится в одном: поскорее выхватить руль из рук растерявшегося шофера. Однако шофер, как на беду, вцепился в руль изо всех сил и не отпускает. Что делать, как поступить? Как, в конце концов, спастись от верной гибели?..

Прозрачная аллегория фельетона взбудоражила читающую публику. Энтузиазм газет вскипел с новой силой:

Несчастную Россию, таким образом, палили, словно свечку, с двух концов: и с фронта, и с тыла.

Последними событиями уходящего года были упорные слухи о подготовленном аресте царя (при его возвращении из Ставки), убийство Распутина и приготовления к большому совещанию Франции, Великобритании и России, собиравшемуся в Петрограде.

Совещание собиралось с целью выработать условия, которые в скором времени победители предъявят поверженной Германии.

Странным образом о секретной подготовке к этому совещанию стало известно Германии. В качестве одной из ответных мер Вильгельм II тайно обратился к Мексике, побуждая ее не терять времени и, вторгшись на территорию Соединенных Штатов, вернуть Техас, Аризону и Нью-Мехико. Это показывало, что германский император узнал и об американских приготовлениях к войне в Европе.

План Вильгельма не удался. Американцы сумели предостеречь Мексику от военной диверсии и стали исподволь готовиться к высадке на Европейском континенте.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Свое отречение от престола Николай II подписал в ночь на 2 марта. Но еще за неделю до этого исторического для России дня государь и не помышлял о своей отставке!

Почти весь февраль в Петрограде работала весьма представительная конференция союзников. Николай II специально приехал из Могилева, оставив все военные дела на своего начальника штаба генерала Алексеева.

Последний зимний месяц выдался в том году суровый. От небывалых морозов захватывало дыхание. Деревья оделись в пышный белый наряд. Иней обметал фасады дворцов. Промороженный снег визжал под торопливыми шагами обывателей.

Газеты сообщали, что лютая стужа вывела из строя более **1200** паровозов – полопались трубы. Жизнь на железных дорогах замирала. Для ремонта паровозов не хватало запасных частей.

Конференция союзников работала неторопливо, хотя дела на фронте складывались самым несчастливым образом. Участники со всем огромным штатом разделились на три комиссии: политическую, техническую и военную. Сходились и работали в основном эксперты и советники. Руководители делегаций ограничивались невнимательным присмотром.

Николай II нервничал. Он оставил Ставку в трудный час,

надеялся вскоре вернуться и, задерживаясь так долго, по два раза в день вызывал к прямому проводу генерала Алексева. Его раздражал лорд Мильнер, глава английской делегации. Создавалось впечатление, что лорда менее всего заботили военные дела. Он приехал в Петроград вовсе не за этим. Вместе с послом Бьюкенне-ном он исчезал и не появлялся.

Снова заактивничал Арон Симанович, многолетний секретарь недавно убитого Распутина. Государь хорошо запомнил этого юркого Симановича. Несколько лет назад, еще до войны, ловкий иудей добился приема в Царском Селе (через Распутина и митрополита Питирима). Он явился с роскошными подарками для увечных воинов, лечившихся в царскосельском лазарете, и стал просить императора даровать наконец евреям России широкие гражданские права. Царь отказал вежливо, но решительно. В глазах расстроенного Симановича промелькнуло что-то похожее на выражение, с каким отчитывал в Портсмуте Якоб Шифф русского премьер-министра Витте... Появляясь на заседаниях конференции, лукавый Бьюкеннен хранил нарочито непроницаемый вид. Его недавние сердечнейшие отношения с русским царем в эти дни испортились окончательно. Странное дело, это нисколько не огорчало опытного дипломата. Уж не подумывал ли он об отставке?

Через две недели прохладной работы союзники все же постановили, что Балканский фронт утратил свое значение и все внимание отныне следует отдавать русской армии. По-

вальная мобилизация в России поставила под ружье более 14 миллионов человек. Датой большого русского наступления было названо 1 апреля. К этому сроку правительство России получит от своих союзников внушительный заем под весьма щадящие проценты.

Таким образом, Франция и Великобритания собирались вкладывать в войну франки и фунты стерлингов, Россия – армию, своих одетых в серые шинели мужиков.

Конференция закончила свою работу 21 февраля.

Едва в балтийском сером небе растаяли дымки военных кораблей, увозивших по домам делегации англичан и французов, как русская столица забурлила – словно от уехавших гостей остались в Петрограде чрезвычайно действенные дрожжи.

Вечером солнце опустилось в тяжелую багровую тучу, заходившую со взморья. Ночью поднялся ветер. К утру Петроград засыпало обильным снегом. Дворники выбивались из сил, прокладывая лопатами проходы в заносах... Нагрянувший снегопад принес новую беду: железные дороги замело, а рабочих для расчистки путей не могли мобилизовать. Эшелоны с продовольствием, какие удалось составить, застряли в чистом поле. Не дошли до места около 6000 вагонов.

Потоки продовольствия остановились и стали скапливаться в окрестностях гигантского города.

Зима уходила. Истекала последняя неделя февраля. В истории России этой неделе суждено было стать самой злове-

щей, самой роковой.

23 февраля, на следующий день после отъезда делегаций союзников, возле лавок загорланили раскосмаченные работницы: «Хлеба!» Лавки не открывались. Полки были пусты. Лавочники испуганно попрятались. Работницы остервенело колотили в двери, разбили несколько стекол. На Невском какие-то личности в очках визгливо загорланили «Марсельезу». Пришлось вмешаться полиции. Работницы кинулись защищать поющих. Началась свалка. Полицейские орудовали ножами шашек и кулаками. Несколько очков было разбито, затоптано в снегу. В этот день вечером Николай II выехал из Царского Села в Ставку, в Могилев. Длительная работа конференции вынудила его задержаться в столице. Так долго отсутствовать Верховному главнокомандующему в районе боевых действий не годилось. Государь торопился. Его не задержала даже жалоба царицы на высокую температуру двух дочерей. «Бог милостив, дорогая», – проговорил он, уезжая.

Придворный мир оживленно обсуждал завтрашний праздник во дворце князя Радзивилла. Ожидалась необыкновенная музыкальная программа, затем пышный танцевальный вечер. Придворные не замечали ни войны, ни начинающихся беспорядков.

Хмурое утро принесло известие, что на Выборгской стороне и на Васильевском острове толпа разгромила несколько булочных. Власти вызвали казаков. В середине дня начали останавливаться фабрики и заводы. Рабочие с окраин пова-

лили в центр города.

Вечер, а затем теплая, но метельная ночь прошли беспокойно. По улицам проезжали казачьи разъезды.

Утром была объявлена всеобщая стачка, но уже не с требованием пропитания, а с коротким кинжальным лозунгом: «Долой царя!» В этот день улицы оделись в кумач многочисленных знамен. Раздались первые винтовочные выстрелы.

На предпоследний день зимнего месяца, на 27 февраля, выпадало воскресенье. Традиционный день отдыха превратился в день людского избиения. Улицы Петрограда обагрились кровью.

Тревожное положение в столице обсуждалось на экстренном заседании правительства. К изумлению всех собравшихся, не явился Протопопов, министр внутренних дел. Да где же он? Что за наплевательское отношение в такую грозную минуту? Чем он изволит заниматься?.. Напрасно нервничали члены кабинета: министр внутренних дел России занимался тем же самым, ради чего они и собрались так спешно. Уединившись, плотно занавесив окна, Протопопов долго и настойчиво пытался вызвать тень недавно убитого Распутина. Что-то постоянно мешало. Дух Распутина никак не отзывался. Министр зарядил обе ноздри кокаином. Просветлело на душе, заиграло воображение. Дух «святого старца» наконец-то отозвался, и обрadowанный министр целый час выкладывал ему свои тревоги, спрашивал совета...

Кабинет министров в эту ночь не расходился до утра. За-

седание протекало вяло. Старика Голицына сморило. Беспрерывно поступали сведения об уличных беспорядках. Настоящее побоище произошло на Невском: погибли три манифестанта и трое полицейских. Что же предпринять, как распорядиться? Наконец в пять утра явился Протопопов. К нему кинулись скопом. Тонкое лисье лицо министра загадочно усмехалось. Он успокоил всех, сказав, что у него имеется детальный план и он уже отдал необходимые распоряжения. У министров свалился груз с души. Лбыразгладились, глаза просветлели. Кто-то вспомнил, что не худо бы и позавтракать.

Еще не наступил рассвет, а на стенах домов появились белые листы бумаги – распоряжение военного губернатора Петрограда, генерала Хабалова: «Всякие скопища воспрещаются. Предупреждаю население, что возобновил войскам разрешение употребить для поддержания порядка оружие, ни перед чем не останавливаясь».

В зданиях министерств огни горели во всех окнах – чиновники не расходились. Ночь прошла тревожно. Французский посол Морис Палеолог вышел из Министерства иностранных дел и на подъезде столкнулся с человеком без шапки и в шубе нараспашку. Он выскочил из подлетевшего автомобиля. Посол узнал одного из корифеев кадетской партии – Василия Маклакова. Остановились, стали обмениваться впечатлениями. Посол не скрывал раздражения действиями Протопопова. Куда, в самом деле, смотрит государь? Ма-

клаков не произнес ни слова, но испустил тяжелый, весьма красноречивый вздох. Ему не стоялось на месте, он рвался бежать.

Посол отпустил его, заметив на прощание:

– Все же прошу вас не забывать, что мы ведем войну. Враг должен быть разбит. Никакие потрясения не могут снять с прави тельства России святых обязанностей общей борьбы!

Маклаков с чувством стиснул руку посла, задержал:

– Ваше превосходительство, вы можете на нас положиться!

Посол сказал шоферу ехать на Дворцовую набережную. Дворец князя Радзивилла сверкал огнями. Длинный ряд экипажей и автомобилей занимал половину проезжей части. В отдалении особняком засыпаемый мокрым снегом притих длинный приземистый автомобиль великого князя Кирилла Владимировича. Поколебавшись, посол решил не выходить и ехать домой. На повороте от Невы он оглянулся на яркие огни безмятежного праздника и невольно сравнил: так или примерно так же веселились в роковые дни 1789 года обреченные французские аристократы.

Воскресным утром вдруг вспучилась и забурилась гарнизонная солдатская масса. Среди серых шинелей мелькали личности в потрепанных пальтишках, они совали в заскорузлые руки листовки с манифестом ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России». Манифест обещал незамедлительное прекращение войны, конфискацию помещичьих земель

и восьмичасовой рабочий день. Загорались солдатские глаза. Они уже давно с вожделием поглядывали на роскошные дворцы столичной знати.

На Выборгской стороне к митингующим явился сам столичный полицмейстер полковник Шалфеев. Едва он начал свои отеческие увещевания, грянул винтовочный выстрел. Пуля попала полковнику под глаз... На Знаменской площади шествие рабочих и солдат остановила цепочка казаков. Вперед вышел пристав Крылов и начал говорить. Вдруг один из казаков поднял лошадь на дыбы и послал ее вперед. Выхватив шашку, он лихо снес приставу голову... На Конюшенной площади солдаты лейб-гвардии Павловского полка внезапно открыли огонь по столичной полиции.

Желая подавить беспорядки, военный министр Беляев обратился к наиболее преданной престолу воинской части – к лейб-гвардии Волынскому полку. Тщательно отобранных солдат возглавил начальник учебной команды штабс-капитан Лашкевич. Волынцы торопливо зашагали к зданию губернского жандармского управления. Там толпа готовила погром. Не успели солдаты завернуть за угол, грянул выстрел, и штабс-капитан Лашкевич свалился на грязную мостовую с простреленной головой. А полчаса спустя в рассветное небо поднялся густой столб дыма. Жандармское управление загорелось.

На углу Невского и Лиговки собралась особенно многочисленная толпа. Ораторы грозили кулаками в сторону Зим-

него дворца. Сюда направился из казарм батальон Преображенского полка. Его повел сам командир преображенцев полковник Кутепов. На подходах к Лиговке от батальона не осталось и следа: все солдаты покинули строй и смешались с возбужденной толпой. То же самое произошло и с самокатным батальоном на Сампсониевском проспекте.

В разгар дня Петроград кипел от ликующих толп. На улицах шел бесконечный митинг. Ораторы карабкались на памятники Павлу I, Екатерине II, Николаю I и Александру III. Держась рукой за равнодушные лошадиные морды монументов, они хрипло орали о вековой ненависти народа к проклятому самодержавию.

К концу дня были разбиты столичные тюрьмы и казематы. На волю вышли заслуженные борцы с царизмом: Брешко-Брешковская, Засулич, Морозов. Толпа подняла их на плечи и понесла по улицам столицы. Возле догоравшего здания жандармского управления состоялся многоречивый митинг. Пришлось остановиться и возле здания охранного отделения – от него тоже остались одни головешки.

Величественный Петроград походил на просыпавшуюся деревню: в тусклое балтийское небо во многих местах неторопливо поднимались медлительные дымы, создавая впечатление мирно топившихся печей. Это догорали здания Окружного суда, арсенала на Литейном, Министерства внутренних дел. Черное пепелище осталось от двадцати полицейских участков. Сгорели жилые дома министра двора и воен-

ного губернатора.

В Таврическом дворце беспокойно заседала Государственная дума. Возле трибуны кипел водоворот. Толстый багровый Родзянко неистово тряс колокольчик. Ораторы срывали глотки, пытаясь перекрыть разноголосый шум. Предлагались экстренные меры, выкрикивались последние новости со столичных улиц. Всех потрясло известие, что на Финляндском вокзале в первом классе заседает новое правительство революционной России – Совет рабочих и солдатских депутатов. Совет в первую голову настаивает на прекращении опостылевшей войны, на немедленном заключении с немцами сепаратного мира. Относительно Государственной думы Совет постановил так: распустить немедленно, а всех думских депутатов считать изменниками революции! Этот солдатский и пролетарский Совет на вокзале распростер свою власть и на армию. Несколько прапорщиков и старослужащих унтер-офицеров образовали Главную квартиру войск. Обосновались они в Петропавловской крепости. Это по распоряжению Главной квартиры войск солдаты гвардейского Волынского полка отказались стрелять по людским скоплениям на улицах.

Председателю Думы со своим заливистым колокольчиком удалось наконец водворить порядок в зале. Истерика унялась, выступления приобрели осмысленность. Первым делом образовали Временный комитет для выработки самых неотложных решений. Во главе комитета утвердили самого

Родзянко.

Всю ночь с субботы на воскресенье в Ставку, в Могилев, из Петрограда летели отчаянные телеграммы. Генерал Алексеев сумрачно пробегал их своими серенькими раскосыми глазами и невозмутимо складывал в папку для утреннего доклада. Панике Родзянко генерал не придавал серьезного значения. Он помнил иронический отзыв Витте о председателе Государственной думы: «Главные его качества не в уме, а в голосе. У него отличный бас!»

Кроме телеграмм Родзянко поступали письма императрицы. В них ни слова паники и страха. Кричат работницы у продуктовых лавок... ну и пускай себе кричат! Подвезут продукты – успокоятся...

А от Родзянко продолжали приходиться уже не просто телеграммы, а панические вопли. Разбирая бегущую с аппарата ленту, генерал Алексеев представлял, как беснуется в аппаратной потерявший голову толстяк.

«Войска окончательно деморализованы. Дело доходит до убийства офицеров. Ненависть к императрице дошла до крайних пределов. Династический вопрос поставлен ребром. И его величество, и вы не отдаете себе отчета, что происходит в столице. Настала одна из страшнейших революций. Наступила такая анархия... – Тут аппарат сделал сбой, помолчал и неожиданно закончил: – Возможность гибели государства!»

Алексеев задумался. «Династический вопрос...» Как раз

об этом думали и генералы. История России знает случаи замены повелителей на троне. Ни шума, ни стрельбы. Однажды утром держава просыпается и узнает, что ею правит совершенно новый самодержец. Только не нужно такого дела поручать штатским болтунам. Идет война – генералам и карты в руки. Отречение никчемного царя должно совершиться по-походному, на марше. Этого требовали в первую голову военные дела. Россия продолжала воевать, и армия ни в коем случае не должна заметить смены своего Верховного. Один откажется – другой принесет положенную присягу. Царский брат Михаил будет отличным регентом при малолетнем Алексее. Великого князя Михаила знала и любила армия. Любимый сын Александра III, он унаследовал от отца необыкновенную физическую силу. Со своей Дикой дивизией превосходно показал себя в боях... Словом, замена самая что ни на есть подходящая.

В середине истекшего года, летом, Алексеев подал царю докладную записку, настоятельно советуя назначить во главе правительства решительного человека с диктаторскими полномочиями. Этот человек должен обладать всей полнотой власти как над страной, так и над армией. Тыл и фронт необходимо объединить единой волей. Только в таком случае можно было рассчитывать на победу над Германией.

Два месяца спустя вместо царского ответа генерал Алексеев получил приватное письмо Гучкова. В письме говорилось о чудо вицном развале в хозяйственных делах державы,

о настоящем предательстве правительственных лиц. Назывались имена из самого ближайшего царского окружения. Доверительный характер послания обязывал генерала к сохранению тайны. К изумлению Алексеева, это тучковское письмо, сугубо конфиденциальное, секретное, вдруг стало распространяться в списках, словно прокламация. Его рвали из рук. За каждый экземпляр платилось по три рубля.

Письмо попало в руки царицы. Она прислала в Ставку бешеную телеграмму: «Этот паук Гучков оплетает паутиной Алексеева. Надо открыть ему глаза». Она еще верила начальнику штаба Ставки. Ведь его выбрал сам Николай II.

На утреннем докладе, когда Алексей собирал бумаги, готовясь уходить, государь внезапно заговорил:

– Михаил Васильевич, что за гнусное письмо пошло в хождение? Замешали ваше имя... Вы такое получали?

Генерал растерялся. Глаза его раскосило более обыкновенного.

– Никак нет, ваше величество... Не помню. Царь не спускал с него пристального взгляда.

– Может быть, вы позабыли? Поищите на столе, в бумагах. Это, знаете, бывает... Начиная подозревать, он давал генералу последнюю возможность не запятнать себя позорной ложью.

Вечером во время очередного доклада Алексей ответил твердым голосом:

– Ваше величество, я обыскал все ящики стола. Ничего

нет!

Государю понадобилась вся выдержка, чтобы сохранить невозмутимость. В мыслях же пролетело: «И этот!..» Честь офицера в русской армии потеряла всякую ценность.

Вскоре царь выехал в Петроград, на конференцию союзников, и пробыл там более двух месяцев. Во главе правительства, не послушав Алексеева, царь назначил престарелого князя Голицына. На роль диктатора этот старец никак не подходил! Секрет назначения на этот важнейший пост в русском государстве был прост: на кандидатуре ветхого князя («этой развалины») настояла сама царица. Вроде бы ей было видение духа недавно убитого Распутина. И она настояла на своем, не пожелав даже слушать о других фамилиях... В последние дни царица стала раздражительной сверх всякой меры, даже припадочной, и государь спасался от ее истерии, надолго уезжая в Ставку, в Могилев. В Петрограде он появлялся все реже и реже. Домашняя обстановка становилась невыносимой. Александра Федоровна проводила дни в иступленной скорби по Распутину и бомбардировала Ставку телеграммами, указывая, как поступить, кого назначить, кого снять.

Решившись на прямую ложь царю, генерал Алексеев находил себе оправдание в том, что на такой поступок его заставила пойти сама суровая необходимость. В самом деле, разве он этим что-либо выигрывал в личном плане? Им руководили совсем иные соображения. За полтора года работы

бок о бок с Верховным главнокомандующим генерал Алексеев пришел к выводу, что с таким царем русской армии победы не добиться. Если только поражение Германии спасет Россию от революции, следовало решаться на срочную замену как Верховного, так и самодержца на русском троне. Причем действовать надлежало без промедления. Решительный образ действий диктовала обстановка как на фронте, так и в тылу.

Да, он солгал и сделал это вполне сознательно. Осудят ли его товарищи по оружию? Еще бы! (Особенно такие, как Деникин, Корнилов, Крымов, Каледин.) Понятия офицерской чести, слава Богу, в русской армии еще живы. Однако наступит день и час – и товарищи поймут, какие соображения им руководили. Он запятнал себя гнусной ложью, надеясь спасти Россию!

В задачу Алексеева входило организовать единое мнение всех командующих фронтами. Царь не может не послушаться приговора верхушки военного командования. Армия требует его отречения без всяких промедлений. Свою задачу Алексеев выполнил: в ночь на первое марта генералитет высказался за отречение Николая II. Последний, с кем говорил начальник штаба Ставки, был генерал Рузский, командующий войсками Северного фронта, самого близкого к столице. Рузский должен встретить царский поезд и задержать его в Пскове, не пустить государя в столицу.

И вот теперь, ожидая стремительного развития событий,

генерал Алексеев стал испытывать недоумение. Почему-то безмолвствовал Рузский. А ему по плану отводилась едва ли не главная роль в воцарении Михаила. Со своим штабом он обязан был держать под контролем всю обстановку в беспокойной столице. Поколебавшись, Алексеев распорядился связаться с Псковом. Несмотря на поздний час, генерал Рузский находился в штабе. Он держался ровно и спокойно. По его мнению, никаких осложнений в продуманном плане не предвиделось. Аппарат трещал, бежала узенькая лента, и Алексеев читал: «Переворот может быть совершенно добровольным и вполне для всех безболезненным. Тогда все кончится в несколько дней...»

Ленту с последними воплями Родзянко начальник штаба уложил в папку для утреннего доклада государю. Николай II слушал Алексеева с болезненным выражением лица. Внезапно он объявил, что уезжает в Петроград. И сразу вышел из кабинета. С удрученным видом Алексеев собрал бумаги в папку.

Отчужденное отношение государя Алексеев испытал и на вокзале. Едва царский поезд вышел за стрелки, генерал вернулся в штаб и вызвал к прямому проводу Рузского: «По моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. Этого требуют интересы России и династии».

Остаток ночи и весь день прошли в напряженном ожидании. Наконец поступило сообщение, что поезд с императором задержан на станции Дно под Псковом. Теперь все зави-

село от Рузского.

Вскоре телеграф отстучал, что в Псков, в штаб Северного фронта, на встречу с задержанным государем спешно выехали Гучков и Шульгин.

Поздним мартовским вечером к пустынному дебаркадеру Псковского вокзала на всех парах подлетел могучий локомотив всего с одним вагоном. Со ступенек вагона соскочили два господина, одетых наспех. Они сгорали от нетерпения. Приехавших встречал генерал Рузский. Он позевывал. Ночь прошла без сна, день выдался нервный. Глубокая провинциальная тишина царила на вокзале. В стороне, на запасной ветке, темнели очертания царского поезда. Вагоны казались вымершими, без людей. Лишь в одном окошечке тихо теплился сквозь занавески свет.

Гости из Петрограда накинулись на генерала с расспросами. Несколько часов в пути они были оторваны от всяческих известий. Рузский, помахивая снятыми перчатками, вяло успокаивал депутатов. Из Могилева, от генерала Алексеева, им получен про-ект высочайшего манифеста об отречении. Император Николай II по доброй воле уступает престол своему сыну Алексею. Рузский добавил, что при своем разговоре с государем он убедил его в том, что русская армия стоит за немедленное отречение. Это было самое трудное из того, что предстояло сделать командующему Северным фронтом. Николай II понял, что на армию у него никакой надежды нет, и дал согласие подписать манифест.

Русский подумал, не рассказать ли депутатам о великой княгине Марии Павловне. Недавно она пожаловала в Псков и попыталась встретиться с арестованным царем. Зачем? Тут секрета не было. Она хотела вдохновить монарха, побудить его собраться с силами и не уступать своим врагам. У государя еще оставалась возможность спасти Россию и сохранить трон для своего сына. Русский свидания не разрешил и через адъютанта посоветовал царской родственнице уехать поскорее. Мария Павловна расплакалась и, бросив взгляд на притихший царский поезд, оставила негостеприимный, страшный Псков.

Об эпизоде с великой княгиней Русский рассказывать не стал. Незачем! Он держался уверенно и даже с какой-то покровительно-стью.

Оба столичных делегата нетерпеливо переминались.

– Прекрасно, генерал, прекрасно... – взволнованно приговора ривал Гучков. – Так идемте же, идемте. Где он... там? – и показал на мирно стоявший царский поезд.

Свет теплился в салон-вагоне. На ступеньках лежал свежий снег. Государь вышел в сером бешмете, с большим кинжалом на поясе. Лицо его осунулось, сильно выдавались похудевшие костистые виски. Он только что советовался с лейб-медиком Федоровым. Речь шла о болезни наследника. Никаких надежд на выздоровление царевича Алексея не имелось. Лекарства против такого заболевания мировая медицина не знала. Мальчик был обречен.

Небольшой четырехугольный стол был придвинут вплотную к стене. Государь показал рукой на кресла. Гучков и Шульгин уселись, но не плотно, а на краешки, как бы настороженно. У них был помятый вид, небритые щеки, воспаленные глаза. У Шульгина галстук съехал набок.

За спиной императора слабой тенью стоял ветхий старец – министр двора граф Фредерике.

Гучков начал говорить, стараясь удерживаться от размашистых привычных жестов. Император утомленно перебил его, слегка приподняв от стола ладонь.

– Это лишнее, господа. Я уже принял решение...

Депутаты жадно обшаривали царское лицо. Государь же отрешенно глядел поверх их непричесанных голов. Он объявил, что отрекается от престола не только за себя, но и от имени своего сына Алексея в пользу великого князя Михаила. Легкая судорога пробежала по его лицу, когда он помянул смертельно больного царевича.

– Я надеюсь, вы поймете мои чувства...

Не справившись с волнением, он резко встал и вышел.

С ошеломленным видом депутаты накиннулись на генерала Рузского. Что за неожиданный поворот? Михаил... Кто и когда посмел перерешить? Грубейшее нарушение закона о престолонаследии! При живом-то царевиче? Генерал отчаянно оправдывался. Он сам был изумлен не меньше депутатов. Великий князь как регент – да. Но не император, не венценосец!

Внезапно в горячий разговор вмешался граф Фредерике. О нем совсем забыли. Дождавшись паузы, он своим старческим бесцветным голосом спросил, не довелось ли приехавшим видеть его, графа, сгоревший в Петрограде дом. Он беспокоился о больной жене.

Оба, Гучков и Шульгин, устали на ветхого старца и делали усилия, чтобы вникнуть в смысл его вопроса. Их мысли были заняты совсем другим. Генерал Рузский глянул на графа с откровенным раздражением.

В эту минуту в салон вернулся Николай II. Все разом повернулись. Государь положил на столик несколько белых телеграфных бланков: манифест об отречении, каким он поступил и был принят из Ставки от генерала Алексеева. Внизу стояла всем хорошо знакомая царская подпись.

Гучков жадно пробежал глазами документ.

– Ваше величество, просил бы вас заменить вот здесь и здесь...

Не переспрашивая, не вникая, Николай II внес небольшие поправки. Всякий раз, указав мизинцем, Гучков прятал руку за спину.

– И еще, ваше величество...

Гучков подал текст двух царских указов Правительствующему сенату: один – о назначении Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, другой – о назначении председателем Совета Министров князя Г.Е. Львова. Оба указа будут считаться подписанными до отре-

чения. Так требуется для пользы дела.

Тень раздражения прошла по бледному лицу государя. Он быстро, нервно поставил обе подписи.

Оставшись в салоне одни, генерал и депутаты с облегчением расправили плечи. Кресла стояли в беспорядке. На красном ковре валялись бумажные обрывки. Изящные настенные часы показывали без четверти двенадцать.

– Пожалуйте, господа, ко мне, – пригласил приехавший Рузский.

У себя в штабе генерал потребовал от депутатов расписку о документах, которые они забирали с собой в столицу. Гучков ткнулся за стол и размашисто, ликующей рукой начертал: «Высочайший манифест от 2 марта 1917 г. получили».

– Подпишитесь и вы тоже, Василий Витальевич, – обратился он к Шульгину, поднявшись из-за стола. – Генерал, вам этого достаточно? Тогда честь имею! Мы торопимся.

В 3 часа ночи, уже 3 марта, локомотив помчал вагон с депутатами обратно в Петроград.

А час спустя тихо, без гудков, без света, отошли два царских поезда. Не пропущенный в свою столицу, отрекшийся император возвращался в Могилев.

На рассвете все телеграфные линии России залихорадило: император Николай II отрекся от престола! Крик восторга катился по стране и примерно с суточным опозданием достиг далекого берега Тихого океана. Здесь, во Владивостоке, был конец русской земле.

Обыватель, не вникая в газетные строки, срывал с головы шапку и принимался горланить. В отличие от него генерал Алексеев был читателем дотошным. Получив первые газеты, он внезапно ощутил что-то похожее на озноб. Манифест несколько не походил на тот документ, который он сам отдал на узел связи Ставки. Куда девался наследник Алексей? Почему вдруг Михаил? Кто исправил?.. Кто посмел вмешаться? Кому взбрела в голову подобная нелепица: при живом наследнике отказываться в пользу брата? Они там, в Петрограде, что, окончательно сошли с ума?

Словно нарочно, как раз в эти дни навалилась высочайшая температура – генерал на ногах переносил жестокую испанку.

Лукавил и отвечал увертливо генерал Рузский. Он словно забыл о чинопочитании. Никакого толку было не добиться и от Петрограда. В конце концов Алексееву дали понять, что он лезет совершенно не в свои дела. А миновали сутки с небольшим – и страну прострелило новое известие: великий князь Михаил, не принимая трона, отрекался и выражал желание, чтобы вопрос о дальнейшей форме российского государственного управления решался Учредительным собранием. «Дальнейшей форме...» Алексеев обомлел. С самодержавием, с династией было покончено. Выходит, с ним только заигрывали. Его до поры до времени водили за нос, словно несмышленного мальчишку.

Он наивно понадеялся, что Россия найдет свое спасение в

новом Романове, который разгонит всю нечисть вокруг Зимнего дворца и призовет на правительственную службу ответственных специалистов. Ради этого он употребил весь свой авторитет и, обеспечив согласие всех командующих фронтами, надежно изолировал царя от армии.

Вообще, военных с их колоссальной, но безрассудной силой ловко использовали – как обух. Теперь же в них отпала всякая необходимость.

Всяк сверчок знай свой шесток!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Солидный трехэтажный особняк на островах казался малообитаемым. Никогда, ни днем ни ночью, три ряда его окон не оживлялись светом ламп или свечей, всегда они чернели безжизненными провалами. И все-таки дом жил, функционировал, причем довольно оживленно. По ночам к его подъезду подкатывали автомобили, оттуда гурьбой вываливались подгулявшие мужчины. На короткий миг улочка оглашалась громкими хмельными голосами. Распахивались крепкие массивные двери, обнаруживая внутри нестерпимо яркое буйство электрического света, шумная компания поглощалась, и двери вновь надежно отсекали от любопытствующих взглядов загадочное назначение этого странного ночного заведения.

Поздние посетители попадали в атмосферу света, шума, музыки и разнообразных ароматов кухни. На пороге ресторанный залы гостей встречал величественный распорядитель в отлично сшитом фраке. С ним здоровались, нередко фамильярно. Подбор посетителей заведения был строго ограниченный, избранный, прямо с улицы сюда никто не попадал.

Заведение «Вилла Родэ» ценилось знатоками за секретность и интимность. Сюда приезжали расслабиться, забыть-ся, дать передышку издерганным нервам. К услугам гостей были молодые красивые женщины, умевшие поддержать ин-

тересный, умный разговор. Свежие, обольстительные, они как бы плавали в томительно-тягучей мелодии румынского оркестра. Скрипач, тучный, черномазый, с порочным морщинистым лицом, имел обыкновение приближаться к кутившим компаниям и, ослабившись, делая сладкие глаза, выводить своим смычком особенно задушевные ноты. Млели женские глаза поверх бокалов, мужчины бесшабашно совали скрипачу крупные купюры. Он моментально схватывал их рукою со смычком и столь же неуловимо ловко прятал.

Два верхних этажа занимали уютно отделанные комнаты с альковами. Загулы завершались там. Безмолвные вышколенные официанты подавали в номера все, чего гость ни пожелает.6 Заказ 306

И в вестибюле, и в ресторане, и в комнатах наверху все окна были плотно завешены толстыми двойными шторами. Наружу из особняка не пробивалось ни звука.

Ресторанная зала затихала на рассвете. Собрав инструменты, уходил оркестр. Лакеи приглушали свет и принимались озлобленно срывать скатерти со столов. Стулья водружались на столы кверху ножками.

Коридором первого этажа румын-скрипач устало брел до самого конца и там своим ключом отпирал узенькую дверь в стене. За дверью открывалась затхлая лестница наверх. Грузными шагами он поднимался по ступеням и на третьем этаже входил в большую угловую комнату. Там ровно и небойко горел камин да в углу под самым потолком светился огонек

лампады. Иконы не было. Скрипач с отвращением сдирал с себя концертный фрак и в изнеможений валился в низенькое кресло возле самого каминного огня. Вытянув ноги, он закрывал глаза и распускал живот. Тело начинало отдыхать после долгого утомительного дня.

Не открывая глаз, он нашаривал кнопку на подлокотнике кресла. Тихо открывалась дверь, и служащий, не говоря ни слова, вкладывал в протянутую руку небольшую коробочку, после чего так же безмолвно удалялся. По дороге он подбирал с ковра сброшенный фрак. Из карманов падало несколько смятых кредиток. Фрак был набит небрежно засунутыми деньгами. Услужающий, гибко нагибаясь, подбирал кредитки, комкал их в кулаке.

Пролетала еще минута или две, затем ноги в лакированных штиблетах подтягивались, живот подбирался. Двумя пальцами из коробочки бережно извлекалась обыкновенная комнатная муха. Отпущенная на волю, она пропадала в темноте под потолком, однако вскоре принималась выписывать безмолвные круги вокруг лампы. Ее приманивал неумирающий огонек. Скрипач, сузив глаза, пристально наблюдал за мухой и нервно пристукивал по ковру носком штиблета. Посторонний глаз лишь теперь различил бы перед лампадой тонкое кружево старой паутины. Метания мухи продолжались до тех пор, пока она не попадала в паутину. Слышалось отчаянное брнжание – муха пыталась вырваться. Мгновенно из темного угла выскакивал паук. Он провор-

но набрасывался на жертву, и трепыхание мухи замирало. Управившись, паук скрывался в свой угол и принимался снова ждать...

Эта сцена быстрой и безжалостной расправы со своей жертвой всякий раз удивительным образом взбадривала скрипача. Насладившись зрелищем, он энергично расстегивал ворот и, цепляя носками, скидывал на ковер штиблеты. Вызванному служающему приказывалось приготовить кофе, и покрепче. Это означало, что спать он не намерен.

Услужующий, двигаясь бесшумно, гасил лампаду под толчком и подкладывал поленьев за каминную решетку.

В глубокой тишине за шторами, под самой крышей загадочного особняка, освещенный лишь отблеском каминного огня, этот человек погружался в тяжелые раздумья. Морщины на его лице обретали резкость, веки приспускались, нижняя губа гневно выпячивалась. Время от времени он выпускал протяжный вздох и принимался бормотать. Так, в напряженной мозговой работе, проходил час, два, больше.

Мало кто в Петрограде был посвящен в тайну этого загадочного человека, столь приторного в своей угодливости в ресторанной зале и властного, даже безжалостного в своем кругу...

Для своих гостей – а они обычно заявлялись в предрасветный час, когда ресторанный зал «Виллы Родэ» пустел и затихал, – для этих поздних посетителей у нелюдимого, сидевшего взаперти скрипача имелся потайной отдельный вход

со двора, темного, грязного, зловонного. Постоянно приходил один и тот же человек (еще один сюда заглядывал всего раза два или три, не больше). Гостя провожали наверх, в комнату с камином, и он надолго запирался там наедине с угрюмо дожидавшимся хозяином. Эти поздние и редкие посещения обычно вызывали раздражение у скрипача – он всячески язвил и выговаривал, становился попросту невыносим. Поэтому сюда старались не являться без особенной нужды. Надо полагать, раздражительный хозяин также сознавал, что, если уж его отваживались потревожить, значит, дело не терпело отлагательства. Так было заведено им самим, так усвоено и никогда никем не нарушалось.

Выпадали, впрочем, случаи, когда язвительная раздражительность хозяина вдруг сменялась удивительной словоохотливостью, – свидетельство того, что он тоже испытывал потребность в отдушине среди своего томительного одиночества.

– Послушайте, мой драгоценный, вам не приходилось наблюдать, как паук улавливает муху? Оч-чень, очень интересно. И поучительно. Советую – понаблюдайте... Вы улыбаетесь? А я вам сейчас скажу. Муха – существо на зависть вольное, она летает где только захочет. Паук же, как все знают, привязан к своему углу, к своей паутине, которую он соткал с таким трудом, с такой надеждой... Прошу вас, следите за моей мыслью... Этот паук – не знаю даже, с кем его сравнить... Рыбак со своей сетью?.. Нет-нет, рыбак тут не годит-

ся... Словом, паук наш начисто лишен даже самого примитивного маневра. Он привязан к своему углу. Привязан! Он обречен сидеть там и не высовываться. Однако что же все-таки мы видим? Мы видим, мой драгоценный, что муха сама – слышите, сама! – летит к нему и попадает. Хлоп – и достается ему вся целиком, с ножками и крыльями, без остатка! Ну... как вам это нравится? Конечно, кое-кто может сказать, что муха дура, так ей и надо. А я скажу совсем другое: молодец паук!

Как он умно все устроил, как распорядился и набрался терпения. Зачем летать, зачем суетиться? Сама придет, сама, и никуда не денется. Ей просто больше некуда деваться. Она обречена найти его. Обречена попасться, потрепыхаться и – затихнуть. Всё, мой драгоценный, всё! Дело сделано, и никакие силы больше эту дуру муху не спасут, не оживят... Ну, вы что-нибудь имеете возразить? Нет, возражений гость не находил. Наоборот, он льстиво соглашался, что муха в самом деле дура, а паук...

– Так, – бесцеремонно перебивал его хозяин, – что там у вас сегодня?

Следовало, не теряя времени, пользоваться добрым, ровным настроением и выкладывать причины, побудившие нарушить угрюмое затворничество строгого скрипача.

– Сико... – отдельно произнес он и помолчал, словно дегу стирая на слух странное имя. – Сико... Если мне не изменяет память, этого человечка называют еще и более опреде-

ленно: «Подлец Сико». Он кто? Напомните мне, пожалуйста.

Речь шла о представителе фирмы Рено в России. Сико, торгуя автомобилями, показал себя ловким и удачливым дельцом. Во всей России лишь царская семья пользовалась авто марки «Дело-не-Бельвиль», все остальные, особенно в столицах, ездили на машинах фабрики Рено. При сделках Подлец Сико самым бессовестным образом не забывал и о собственном кармане.

Гость сообщил:

– Недавно Сико перехватил старинную коллекцию эмали у самого Горького!

– М-м... – значительно промычал хозяин, отдавая должное пронырливости агента фирмы Рено. – Но знаете, что я вам ска жу? Слушайте, слушайте. Я даю вашему Сико год-полтора такой роскошной жизни. Вы удивляетесь? Дело в том, что он замечен на ипподроме. Этот Подлец Сико ставит исключительно в двой ном ординаре! Таких расходов, мой драгоценный, не выдержит даже Ротшильд. Ваш Подлец Сико стрижет доверчивых русских баранов, он хорошо наживаетея на войне. Однако иссякает даже океан! Вы со мной согласны? Так что передайте вашему Горько му: пусть не расстраивается, эмаль к нему вернется. Сам же Подлец Сико и принесет... Но почему вы вдруг рассказываете мне об этом марвихере? У вас что, нет больше ничего? Вы только с этим и пришли?

Тон хозяина не предвещал ничего хорошего. Морщины

на его лице обозначились жестко, властно. Веки набрякли, и голова надменно задралась. Гость принялся объяснять, что заставило его назвать фамилию автомобильного маклера. До последних дней Подлец Сико не осмеливался пренебрегать советами умных людей и проворачивал свои аферы, не мешая общему ходу дел. С ним можно было иметь дело, и с ним дела имели. Внезапно Сикословно подменили. Да вот вам... Артиллерийское ведомство, как всем известно, рвет на себе волосы по поводу хронической нехватки железнодорожных вагонов – не на чем подвозить на фронт снаряды. Что же придумал этот Подлец Сико? Сунул где надо взятку и заполучил несколько вагонов. Но что же он повез на фронт? Нет, не снаряды и даже не патроны. Представьте себе, он загрузил свои вагоны апельсинами!

Рассказчик осторожно фыркнул и подождал реакции. Хозяин невозмутимо и с утомленным видом жевал губами.

Смешавшись, гость заметил, что в русско-японскую войну царь гнал на фронт вагоны иконок. Это известно всем. Так теперь Подлец Сико вместо снарядов гонит апельсины! Неожиданно хозяин фыркнул и скосил на гостя маслянистый глаз:

– А вы уж и расстроились? Пускай себе солдатик покушает апельсинчик. Снаряд же не укусишь!

В полнейшей растерянности гость замолк. Снова невпопад! Он никак не мог привыкнуть к внезапным зигзагам мысли хозяина.

Вид гостя, застывшего в напряжении, стал раздражать хозяина. Бестолковых людей он не жаловал.

– Арончик, хотите знать, для чего солдату голова? Нет-нет, насчет носить фуражку старовато. Лучше послушайте. Солдата спрашивают: «Зачем тебе, служивый, голова?» Он руки по швам и рявкает: «А я ей ем!»

Смеха не последовало. Гость продолжал сидеть как истукан. Хозяин процедил сквозь зубы:

– Голова, мой драгоценный, дается человеку, чтобы думать. Прошу вас, не забывают об этом.

Лицо Симановича вспыхнуло: оскорбительный намек дошел. Хозяину было привычно плевать на любые его чувства, он их никогда не замечал.

– Так... Что там у вас еще? – сварливо произнес он, обратив внимание, что гость ерзает, но уходить не собирается. – Давайте, давайте уж... Я же вижу, от вас никуда не денешься.

От его недавней словоохотливости не осталось и следа. Он снова становился желчным, грубым, нетерпеливым. Гость мысленно отсекал все незначительное (хотя уже и приготовленное для доклада) и оставлял самое важное, не терпящее отлагательства. Здесь могли быть публикации в газетах, депутатские выступления в Государственной думе и всякий раз свежие сообщения о Распутине, когда тот еще был жив. Как правило, распутинские новости гость оставлял напоследок. Он в общем-то и обязан был сюда являться, чтобы регулярно отчитываться о бесшабашной жизни этого сибирского хлы-

ста и конокрада. Распутин, столь ловко внедренный в царскую семью, интересовал грубияна скрипача самым чрезвычайным образом. Он требовал от гостя ничего не упускать, ни о чем не умалчивать – в отношении «святогостарца» ему представлялась важной любая мелочь, пусть даже самая скабрзная. В этом он напоминал дотошного врача, старающегося не ошибиться в трудном диагнозе.

Загулы Распутина становились все безобразней и требовали немалых средств. Хозяин язвил над скупостью гостя и приказывал денег не жалеть. Казалось, возрастающие суммы трат доставляли ему истинное наслаждение.

Нет, предугадать внезапные извивы его мыслей гость давно отчаялся!

Напоследок обыкновенно следовали строгие наказания. Гость выслушивал их стоя. Он, столь развязный, ловкий, остроумный в обыкновенной жизни, здесь цепенел и старался не пропустить, не позабыть ни одного наказания. Он знал, каким безжалостным бывает гнев хозяина. Многие уже успели поплатиться жизнью. Достаточно бывало оттопыренной губы, морщин, налившихся багровой кровью, приспущенных надменных век – и человек исчезал. Всей техники расправ с негодившими никто не знал. Пропавших вылавливали подо льдом Екатерингофского канала или Мойки, подбирали в изуродованном виде на пустынном Голодае. Всякий раз столичная полиция принималась деятельно суетиться, однако никогда и ничего не находила. Симанович, когда бывал

совсем один и его одолевали мысли, допускал крамольнейшую догадку: уж не самой ли полиции это рук дело? Иначе хоть одно загадочное исчезновение да следовало бы раскрыть! Нет, ни одного... Своими опасными мыслями Симанович не делился ни с одной живой душой. Потому и оставался жить и энергично, словно заведенный, бегать по столице. Сколько времени ему еще отпущено? Когда вот этот раздражительный, болезненно рыхлый старик с огромным животом вдруг посчитает, что Симанович успел обременить себя излишними секретами и стал опасен? Это еще счастье, если его попросту «сдадут» в тюрьму, под арест, как поступили с Митькой Рубинштейном и с Манасевичем-Мануйловым. А если вдруг... на Голодай?!

Знать много вредно, очень вредно. Впрочем, разве не сказано в Книге книг: «Знания умножают скорбь»? Симанович очень опасался своих знаний. Он их не добывал, не добивался, они обременяли его сами. Нельзя же жить с вечно закрытыми глазами. И не такой уж он тупой и непонятливый. Напрасно так оскорбительно язвит хозяин. Голова у него все не для еды, как у того солдата. Он, например, узнал такое, о чем боялся думать даже в полном одиночестве: тут уж безжалостной расправы не избежать. Он вызнал, вычислил, а затем и убедился, кто был тот человек, что несколько раз украдкой пробирался в этот вертеп с черного хода через зловонный темный двор.

Больше всего на свете Симанович страшился именно это-

го своего открытия. Угораздило же его! Порой он представлял, какэтот человек крался поздней ночью через захламленный двор «Виллы Родэ» и содрогался, будто, вдруг обернувшись, узнавал, что его страшное инкогнито раскрыто. Риск этих внезапных посещений бывал огромен. Однако приходилось рисковать – подпирало само развитие событий. Как правило, каждое такое посещение вызывало резкий поворот во всем происходившем. В первый раз слетел со своего поста Верховного главнокомандующего великий князь Николай Николаевич, затем вдруг исчез и был отыскан подо льдом Распутин, а совсем недавно, во время февральской конференции союзников, пришлось рискнуть из-за приезда лорда Мильнера. Итог? Немедленно произошли события 26 февраля, а всего через два дня Николай II, загнанный в Псков и там попавший в руки генерала Рузского, безропотно подписал отречение от трона.

Неожиданное убийство Распутина и столь же неожиданное отречение царя подали Симановичу надежду на избавление от своей опасной службы, а следовательно, и от постоянных страхов за собственную жизнь. Наоборот! Начиная с февраля... нет, даже раньше, с тех пор как стало известно о приезде лорда Мильнера, обязанностей у Симановича стало гораздо больше. Если прежде он главным образом обслуживал Распутина, то ныне от постоянно возрастающих забот в пору было потерять рассудок. И никакого роздыха в делах не виделось. Самое невыносимое заключалось

в том, что требовалась постоянная готовность действовать, а на любой шаг необходимо было разрешение, – отсюда вот эти участвовавшие посещения «Виллы Родэ», невыносимо унижительные, горькие. Все невпопад... Не знаешь, как и угождать. Кошмар какой-то... Скорей бы уж... Невмоготу!

В день царского отречения ресторан «Виллы Родэ» был переполнен с того часа, когда вышли утренние газеты. Огромный город словно сошел с ума от радости. Свершилось! Сдвигались столики. Люди совершенно незнакомые обнимались и по старинному, крест-накрест, целовались. Пальба пробок в потолок напоминала неукротимый праздничный салют.

Угарное веселье затянулось до рассвета. Скрипач поднялся к себе наверх, в угловую комнату, и без сил свалился в кресло. Великая, нечеловеческая усталость мешалась с неудержимым ликованием. Осуществилось самое желанное, самое заветное! Ах, как досадно, что в такой исторический час совершенно не с кем разделить свое торжество. Его распирало от долго сдерживаемых чувств.

Он насладился гибелью мухи, затем выпустил из коробочки еще одну. Не пронимало – приелось! Душа требовала совсем другого. Поэтому он обрадовался, когда бесшумно двигавшийся служающий вдруг доложил о посещении совсем не ожидавшегося-ся гостя. Ага, не усидел! Тоже осознал всю значимость свершившихся событий!

Нет, в такую великую минуту человеку невыносимо нахо-

диться в полнейшем одиночестве!

Он распорядился подать бутылку своего любимого вина и специальные бисквиты.

Громадное чрево хозяина покоилось на расставленных коленях, чрезмерно обременяя владельца. Ноги в лакированных штиблетах утопали в пушистом ковре. Низкий свет лампы освещал изысканно накрытый столик. Горлышко бутылки торчало из накрахмаленной салфетки.

Разлив вино, скрипач поднял бокал на уровень глаз и залюбовался игрой темно-бордового цвета.

– Вы оценили букет? – благодушно осведомился он. Гость настороженно сидел на самом краешке.

– Да, вино превосходное. Я недавно спрашивал у Донона. Нету, кончился.

Известие это доставило хозяину невыразимое удовлетворение.

– Еще бы! Марка редкая. А я привык к этому хересу. Всякий человек, мне кажется, имеет право на маленькие слабости... А вы обратили внимание на год изготовления?

Гость глянул на бутылку, отогнул угол салфетки.

– Да, старинный... очень выдержанный.

– Эх, вы! – неожиданно рассмеялся хозяин. – А еще... Это же год моего рождения!.. Ничего, ничего, не надо никаких извилин. В конечном счете вы же не обязаны... Но год, я вам скажу, был очень удачным для виноделов. Солнце, дождей в меру. Вы чувствуете: в вине совершенно не ощуща-

ется сырости. Солнце, много солнца. И земля, конечно... сухая, крепкая земля Испании.

Гость беспокойно сжимал ножку бокала в потном кулаке. Ему не сиделось. Иногда он ставил бокал на колено. Он явился с важной вестью, однако хозяин встретил его в сердечном настроении и он не собрался с духом с порога брякнуть свою новость.

Между тем хозяин пригубливал из бокала и продолжал благодушествовать:

– Арон, я вижу, вы не чувствуете никакого праздника. Что с вами? Не осознали? Вас никак не проняло? Или у вас кожа как у носорога? Ну, ну... не обижайтесь, не поджимайте губки. Какие же вы все, однако... Драгоценный мой, такие дни, какие мы теперь имеем, случаются... случаются... Да что там говорить, они случаются совсем не часто. Да-да, запомните это, Арон. Потом, когда вы состаритесь и станете счастливым дедушкой и вас обсядут ваши внуки... Но что это сегодня с вами? Почему вы сидите так беспокойно? Вы не больны? Тогда постойте, дайте мне говорить. Я вас совсем не задержу... Так вот, я хочу, чтобы вы все-таки осознали... Но вы не патриот, случайно? А? А то еще, глядишь, и этот... черносотенец! Вы разве не состояли в... этой – ну, как ее? – в «священной дружине»? Ну так вот. Я ж даром ничего не говорю... Но только не обижайтесь же, Арон. Зачем? Не надо никаких обид. Я ж хочу вам одного добра, и побольше. Вот в чем дело. Но... постойте, вы меня сбили со своим

патриотизмом. О чем мы говорили? На чем остановились?

– Вы сказали, что я носорог.

– Да не-ет же! Экий вы злопамятный.

– Насчет момента. Насчет дней.

– А-а! Вот-вот... момент. Скажите, вас не коробит, когда вся эта рвань вокруг орет... н-ну просто черт знает о чем? Вы только послушайте, вы вникните: народ! призвание! святыни! Или еще: заря свободы! Я просто весь трясусь от смеха. Это же надо! Придумали себе какую-то святую Русь и знай орут, орут, орут. С ума они все, что ли, посходили? Слушайте сюда, Арон. Нам с вами глупостями заниматься некогда. Они сейчас горланят о каких-то там путях, о возрождении. Аи, я вас умоляю! Хватит им уже этих путей, отбегались. Теперь их поведут, как бодливую коровенку на веревке. Неужели они думают, что столько сил затрачено, столько денег... И ради чего? Чтобы эта их Россия снова заскакала, словно пьяная баба? Нет уж, довольно. Господь наш Бог недаром дал нам голову, а им... всем этим – руки. Вот и пусть себе работают.

Что, мы с вами не найдем, что сунуть им в живот? Я вас умоляю! Кстати, вы никогда не видели, как жрет русский мужик? Фэ, зрелище довольно гнусное. Чего он только не пихает в свою утробу! Все, что попадет под руку... как свинья. Так вот пускай пихает, пускай жрет. Ему же надо жить. А уж работой мы его обеспечим. Пожевал – поработал. Поработал – снова пожевал. А что ему еще делать, чем заниматься? В

церковь? Это пожалуйста, это даже хорошо. Церковь – это гениально. Не будь у них этой самой церкви, нам следовало бы ее придумать. Для них! Пусть собираются, махают перед мордой, гудят свои молитвы.

А еще лучше – пусть покаются, мерзавцы. Как это – в чем? Да мало ли... Один только Кишинев что стоит! Или вы уже забыли? Но я-то не забыл. О нет, такое не забывается вовеки! Кровь Кишинева на них и на их детях. Запомните это, Арон. И никогда не забывайте... Что? Вы снова с чем-то не согласны?

– Нет-нет... помилуйте. Я слушаю вас внимательно. Брезгливо глянув на бокал в своей руке, хозяин поставил его с недовольным видом. Настроение его сломалось. Раскинув ноги по ковру, он запрокинул голову, закрыл глаза.

В обоюдном молчании пролетела долгая минута. – Арон, я знаю, вы устали. Знаю-знаю, мой драгоценный. Но разве не устал и я? Мы все устали, все: и вы, и я... все, все! Но мы не можем, мы не имеем права отдыхать. Вы понимаете меня? Ну вот и умница. Мы еще отдохнем, мой драгоценный. Потом... когда-нибудь. Но думаю, скоро. Напомните – вы не с Волыни? Ах, Вильно! Святой город... А меня, вы знаете, манит Испания. Мне почему-то постоянно кажется, что я уже там жил, существо вал. Иногда я даже вижу, как тащится на своей кляче Дон Кихот и этот его... толстый... на осле... О, я был тогда сильный, моло дой, красивый! Совсем не то что нынче. Мне кажется, что нынешнее тело досталось

мне по недоразумению, по ошибке. Зачем оно такое мне? Я его ненавижу... – Внезапно он раскрыл глаза и глянул твердо, ясно: – А где сейчас находится царь?

Симанович даже вздрогнул.

– В поезде. Едет в Ставку, в Могилев.

– А наследник? А царица? Вообще – семья?

– Здесь. В Царском Селе. Там все больны.

– Да? Гм... Интересно – чем?

– Корь. Детская корь.

– Ага... Но что делать этому царю в Ставке? Ему там совсем не место. Дети больны, а он... Хватит ему кататься, хватит. Накатался!

– Будет сделано.

Хозяин вдруг остро, пронизательно ткнул взглядом в напряженное лицо сидевшего напротив.

– Арон, вы не обидитесь, если я скажу, что вы слюнтяй? Да-да, слюнтяй. Я даже больше скажу: вы плохой еврей, очень плохой! И не поджимайте свои губки... Слышите? Вот вы сейчас заявитесь домой и сразу же – слышите, сразу же! – возьмете в руки Тору. Помните историю с мадианетянами? Ах, помните. А я вам говорю: не помните. Иначе бы... Скажите, что сделал Мои сей, когда увидел обоз с добычей и громадную колонну пленных? Он пришел в ярость – вот что он сделал. И он приказал перебить всех пленных. Всех! В живых он приказал оставить только девушек, еще не побывавших у мужчин на ложе. Ну? Это вам о чем-то го-

ворит? Это вас чему-то учит?.. Эх вы, слюнтяй. Я ж вижу, не слепой. Сознайтесь, мой дорогой, вы пожалели всех этих царских ребятишек? Корь, температура, бегают врачи... Ну и все такое. Вот потому-то я и сказал, что вы плохой еврей. Вы же совсем забыли, как приходили к этому царю. Это же вы пробились к нему на прием! И разве не вы его просили, умоляли? И что он вам ответил? Он вам ответил: нет! И он прогнал вас, он вас оскорбил... хотя вы заявили вовсе не с пустыми руками. Я ж помню, сколько это все нам стоило! Так почему же вы такой забывчивый? Так не положено. И так не будет. И пусть он не надеется, что у нас у всех отшибло память. О нет! Такое грешнозабывать. Мы его просили – он не захотел. Мы его предупреждали – не послушал. Что ж, пускай теперь не жалуется. Слез ему никто не станет утирать. Что заслужил, то и получит! Он снова царапнул по лицу гостя острым взглядом:

– Что вы все вертитесь, Арон? Вы что-то принесли и не хотите говорить? Что у вас такое? Давайте-давайте... не молчите!

Вчерашним вечером царский поезд, спешивший из Ставки в Петроград, был задержан и направлен в Псков, в штаб Северного фронта. Там генерал Рузский объявил царю, что все командующие фронтами (даже великий князь Николай Николаевич, царский дядя) высказались за немедленное отречение Николая II в пользу наследника Алексея. По сути дела, генерал Рузский взял царя под стражу и предъявил

ему ультиматум. Он даже прогнал от поезда великую княгиню Марию Павловну, стремившуюся увидеться с государем. Тем временем из Петрограда в Псков спешили два посланца Государственной думы – Гучков и Шульгин. Они примчались поздней ночью и немедленно увиделись с царем. Последовал тяжелый разговор. Скрепя сердце царь все же поставил свою подпись под манифестом об отречении. Схватив документ, посланцы Думы тут же помчались обратно в Петроград...

– Вернулись? – спросил скрипач.

– Еще нет. Мы ждем.

– Так, так... – Хозяин не спускал с гостя настороженного взгляда. – И что же дальше? Что вы принесли?

Собираясь с духом, Симанович сделал паузу.

В последнюю минуту – в буквальном смысле в самую последнюю! – царь посоветовался с докторами о состоянии здоровья сына и внес в документ поправку: он отрекся не только за себя, но и за наследника.

– Та-ак... И кто же интересно? Ну, в пользу кого?

– Брат. Великий князь Михаил.

Сказав, гость вздрогнул: хозяин вдруг с размаху треснул кулаком по столу и выскочил из кресла. Его словно подкинуло пружиной. Бокал с недопитым вином свалился на ковер.

– Ка-а-кой еще великий князь? Ка-кой там Михаил? Вы что, с ума все посходили? Да как у вас... – Он задохнулся

и в припадке ярости затопал по ковру – раздался хруст раздавленно го стекла. – Хватит! Хватит, черт вас побери! Никаких князей. Вы слышали? Я вас спрашиваю: вы слышите меня? Или вы оглохли?

Мясистые щеки прыгали. Симанович стоял навытяжку. У него дрожали губы. Он никогда не видел своего патрона в таком ужасном состоянии.

Обессилев в безобразном крике, хозяин вновь свалился в кресло. Он задыхался. – Кому это взбрело: великий князь? Тоже мне придумали! Хватит нам князей. Сколько можно?! – Он перевел дух: – В общем, так. Слушайте меня внимательно. Надо встретить этих – как их там? – ну, с манифестом, прямо на вокзале. Встретить и забрать. Отнять, если на то пойдет. А то они примутся... Вы слышите меня? Забрать! И быстренько приготовить новый. Без всяких там князей, без всяких Михайлов. Не хватало нам еще!

Опасаясь новой вспышки, гость все же напомнил, что манифест об отречении одобрен командующими фронтами. Генерал Алексеев, если даже согласится на новую редакцию документа, потребует не меньше суток для переговоров со штабами фронтов. Без поддержки генералитета отрешение царя от власти может кончиться провалом.

Хозяин снова вышел из себя:

– Алексеев... Да что вы возитесь с этим косоглазым дураком? Тоже мне нашли с кем! Ему что, царь так нужен? Пусть потер пит. Без царя ему же лучше будет!

Он замолк, забарабанил пальцами по широкому подлокотнику кресла. Глаза его были сощурены в угол под потолком. Внезапно он громко щелкнул пальцами:

– Арон, а где там эта ваша балалайка? Ну, Керенский, Керенский... Он что, всем доволен? Ни на что больше не рассчитывает?

Гость встрепнулся:

– Понял. Разрешите, я пойду?

– Разрешите... – Хозяин хмыкнул. – Как будто кто-то вас хватает за штаны!

Ободрившись, Симанович соображал, сумеют ли перехватить Гучкова с Шульгиным. Хорошо – удастся. Но ведь проклятый телеграф успел выболтать все секреты. Завтра с самого утра о царском отречении заверещат газеты не только в России, но и во всем мире. Правда, имеет ли смысл великому князю Михаилу цепляться за отцовский трон? Шапка Мономаха, свалившаяся ему на голову, тяжела невыносимо. Да и опасна...

Ему не терпелось убежать. Он рвался действовать. Терять не следовало ни одной минуты.

– Арон... – лениво позвал хозяин, и от этого нехорошо – готона Симанович невольно вздрогнул. – Драгоценный мой, а что там у вас творится с генералами?

От изумления плечи гостя сами собой полезли вверх.

– Почему о самом важном я должен узнавать от кого-то и совсем со стороны? Вы что, так уж устали в самом деле?

Или... как?

На мелком невыразительном лице Симановича застыло полное остолебенение. Корнилов... Эта фамилия зацепилась в памяти благодаря недавнему постановлению: фронтового генерала, командира стрелкового корпуса, совершенно неожиданно назначили командующим войсками Петроградского военного округа... Мозг Симановича заработал напряженно. Столичный военный округ... Пост, равный прежнему генерал-губернатору... Да, это важно... Структуры новой власти будут во многом зависеть от распорядителя военной силой... Столичный гарнизон...

На замешательство гостя хозяин отреагировал по-своему:

– О, поглядите на него! Он еще строит рожицы. Хорошенькое дело! Я вас спрашиваю... вас, вас, вас, черт подери!.. Почему вы мне молчите об этом самом Корнилове? Вы что, вздумали вилять? Не советую, мой драгоценный. Очень не советую!

– Кто же придавал значение? – забормотал Симанович. – Я соберу все сведения...

– Вот-вот, именно все! Абсолютно все. При этом зарубите себе, что генералы не бегают из плена. Им не положено бегать. По чину, по возрасту... много по чему. А этот взял и побежал! Генерал-то лейтенант, весь в орденах, начальник дивизии! Как вам это нравится? Причем не раз бежит, не два, а целых три. Драгоценный мой, об этом же трещали все газеты. Вы что, не читаете газет? Чем же вы там занимаетесь?

Женщины? Кутежи? Картишки? Отвечайте мне!

– Я вспомнил... Я читал... Он действительно...

Симанович, лихорадочно напрягая память, вспомнил: прошлым летом все столичные газеты захлебнулись от патриотического восторга. Генерал Корнилов, немолодой, заслуженный, попал в германский плен при весеннем наступлении Макензена. Сделав несколько попыток, он все же сумел бежать из лагеря военнопленных, добрался до Дуная и на бревне переправился в Румынию. Случай был уникальный. Генерал был удостоен царской аудиенции, его наградили Георгиевским орденом 3-й степени (орден 4-й степени он имел за русско-японскую войну)...

Мало-помалу личность героического генерала довольно отчетливо представилась испуганному Симановичу. Память не подвела.

Но вот поди же знай!..

Хозяин тяжело вылез из кресла и, грузный, вислобрюхий, с расстегнутой рубашкой, навис над присмиревшим гостем:

– Запомните, умница Талейран угадал Наполеона в молоденьком генерале Бонапарте. Загодя угадал. И ничего от этого, прошу заметить, не проиграл. Тут же... Драгоценный мой, неужели вы не видите, что время болтунов кончается? На сцену выдвигаются люди дела, генералы. Они болтать не любят. Да им и не положе но... Короче, меня интересуют именно генералы. Кто там у вас... в этом вашем списочке? Ну конечно, Алексеев. Еще Брусилов, Рузский... Обратите

внимание на Бонч-Бруевича... Деникин, по жалуй... Не забудьте и такого – Крымов... Ну и конечно этот вот... Корнилов. Как вам нравится, что он перед войной работал военным агентом в Китае? А?.. То-то же. На такой пост кого попало не посылают!

Стремясь поскорее скрыться с глаз, Симанович изображал готовность к исполнению. Деятельной походкой он направился к двери. Хозяин, нахохлившись, смотрел ему в спину мрачным взглядом.

– Арон, – вдруг вкрадчиво позвал он, – а почему вы ничего не сообщаете о делегации?

Симанович споткнулся.

– Но я же еще прошлый раз... Они еще не ходили, нового ничего.

Речь шла о делегации самых именитых прихожан столичной синагоги, собиравшейся обратиться к представителям новой демократической власти России с благодарностью за избавление евреев от гнета царского самодержавия. Сбылась вековая мечта Божьего народа! Осуществились самые сокровенные чаяния лучших умов России!

– Слушайте сюда, Арон. Никакой благодарности – запомни те. Еще чего! Какая благодарность? Кому? За что? Выбросьте это слово – благодарность. Зарубите себе: не благодарность, а поздравление. Вы понимаете меня? Поздравление! Нам не за что их благодарить. Но поздравить мы обязаны. Как равные равных. И как вежливые люди. А благодарят

их пусть другие... если, конеч но, захотят.

Вместо того чтобы уйти, гость затоптался.

– Ну... что там у вас еще?

– Я вспомнил... о Корнилове об этом. Он прошлым летом прибежал из плена, но его собрались судить. Спас его сам царь. И наградил...

Повесив голову, хозяин терпеливо выслушал.

– Спасибо, мой драгоценный. Но все это я уже знаю. Не от вас, прошу заметить. Но ничего, ничего, вы еще исправитесь. Не так ли? Ну и прекрасно... Но только вот что: вы его слишком-то тоже не берите в голову, этого Корнилова. Товар, я вам скажу, неважный. Почему? А очень просто: он слишком честен, чтобы быть умным. Такой, знаете ли, слуга царю, отец солдатам. В общем, взвейтесь соколы орлами! Ну вы меня понимаете... Но, может, именно это как раз и хорошо? Нам же от него совсем немного нужно: чтобы он взял да и навел порядок. Только и всего. И больше ничего. Остальное уж не его ума дело!

Симанович вдруг позволил себе усмехнуться:

– А зачем?

– Что – зачем?

– Ну, порядок этот? Хозяин от души расхохотался:– Ах вы, золотко мое! Подойдите-ка поближе, я пощупаю вашу умную головку. Что вы знаете о порядке? И как его себе представляете? Нам, Арончик, нужен не какой-нибудь порядок, а только наш. Нани – и никакой другой. И мы его на-

ведем. Установим в конце концов. И пусть только попробуют... Я им не завидую, Арон. Вот для этого-то и требуется Корнилов, Он как раз такой человек. Ну а если вдруг и он... Что ж, быстренько найдем другого. Я поэтому вам и сказал: держите на уме все это генеральское добро, перебирайте их, как камешки. Не один, так другой! Нам-то какая разница?..

На рамы высокого дворцового окна сырой ветер с Невы лепил пласты сизого водянистого снега. Утро наступало натужно, с неохотой. Пошел уже десятый час, а фонари на Миллионной не погасли. Керенский, в полувоенном френче, в бриджах и крагах, что-то нетерпеливо высматривал за окном. Всякий раз он приподнимался на носках и словно бодал оконное стекло. По Миллионной проносились редкие пролетки. Лица пассажиров были закутаны. Снег валил стеной.

За спиной Керенского, в креслах, сидели князь Львов, Родзян-ко, Милюков, Некрасов, Набоков, Шингарев. Царило гнетущее молчание. Переносить напряженное ожидание помогали сигары. Курящие пускали в потолок искусные кольца дыма и внимательно следили за причудливой игрой облачков душистого табака.

Нетерпеливо посматривая на часы, компания ожидала своих посланцев – Гучкова и Шульгина. Они умчались вчера в Псков экстренным поездом, там заполучили на руки манифест об отречении царя и теперь, по расчетам, уже должны прибыть обратно. Никаких задержек в пути не предвиделось... Минуты утекали невыносимо медленно. Керенский

нервничал больше остальных. Он несколько раз ударился лбом о стекло.

С Троицкого моста спустилась щегольская пролетка, свернула направо, на Миллионную. От копыт рысака и от колес летела грязь со снегом. Экипаж остановился возле пустынного подъезда путятинского дворца. Один за другим слезли двое и, поглядывая наверх, на окна, стали торопливо подниматься по ступеням.

– Приехали! – объявил Керенский, оборачивая к ожидающим вертикальное лицо с торчащими ушами и ежиком на голове. Английские бриджи, схваченные крагами, пузырились на коленях.

Среди ожидающих возникло нетерпеливое движение. Сидеть остался один князь Львов. Похоже, он расслабленно дремал и ничего не услышал.

В теплую душистую комнату вошли Гучков и Шульгин, вытирая платками мокрые лица. Помятый вид обоих свидетельствовал о ночи без сна. Они явились прямо с поезда. – Ну, наконец-то! – вырвалось у Керенского. Он вплотную подошел к приехавшим: – Рассказывайте, господа, рассказывайте!

Шульгин обошел его и вдруг остановился: из громадной двери, раскрывшейся бесшумно, появился великий князь Михаил, сопровождаемый своим секретарем. Он выжидающе уставился на подкрученные усы Шульгина. Гучков, смешавшись, принялся совать в карман несвежий носовой пла-

ток.

– Ваше высочество, – начал он, – мы уполномочены заявить...

Князь Львов походил на спящего. Обе его руки безвольно свисали с подлокотников кресла. Милюков, багроволицый, с белоснежной шевелюрой, уставился на заговорившего Гучкова поверх тлеющей сигары. Накопившийся пепел грозил свалиться ему на колени.

Керенский и Некрасов нервно переглядывались. Внезапное появление великого князя смешало все планы. Разговаривать с ним полагалось вовсе не Гучкову.

Сбивчивая речь Гучкова сводилась к тому, что на плечи великого князя свалилась громадная ответственность за судьбу России и за исход войны...

– Позвольте! – вдруг раздался резкий голос Керенского. Он выбросил руку вперед и сделал два широких журавлиных шага.

Гучков растерянно умолк. Быстрый и приметливый, он начинал догадываться, что, оторванный от столичных событий, чего-то не успел узнать. За целую ночь могло многое произойти.

Наклонив свой ежик, словно собираясь бодать великого князя, Керенский стал говорить о настроении частей столичного гарнизона. Революционные солдаты возмущены, что в манифесте, о котором сегодня сообщили все газеты, не сказано ни слова об Учредительном собрании. Принимать трон

в складывающейся обстановке значило дать толчок развязыванию великой и весьма кровавой междоусобицы.

– Ваше высочество, – патетически воззвал Керенский, простирая руку к утомленно слушавшему великому князю, – чувствуете ли вы в глубине души железную волю прирожденного вождя? Рассчитываете ли вы, ваше высочество, опереться на серьезные национальные силы, дабы предотвратить потоки крови, которые не замедлят устремиться к подножию трона? Не падет ли на голову вашего высочества великий грех жестокой национальной распри, гражданской войны, этого величайшего народного несчастья?

В припухших глазках Гучкова проблеснуло озарение. Кажется, он начинал соображать, догадываться... Шульгин быстрее всего разобрался в изменившейся за ночь обстановке. Твердым голосом он поддержал велеречивого Керенского. Обращаясь к великому князю, он сказал:

– Если только у вашего высочества нет надежных и преданных людей, кои могли бы создать опору вашего трона, то, прости те... как при таких условиях подавать вам совет принять оставленное наследство?

Высокая фигура великого князя нелепо возвышалась посреди комнаты. Он устало согнул колено. По его тонкому лицу легкой тучкой промелькнуло выражение брезгливой досады. Он старался ни на одном из присутствующих не задерживать своего взгляда.

Наконец все отговорили и выжидающе замолкли.

– Хорошо, господа. Я вас выслушал внимательно... Спасибо. Прошу дать мне несколько минут на размышления. Я должен подумать.

Сделав гвардейский поклон одной головой, великий князь повернулся.

– Прошу вас! – вскричал Керенский, бросаясь князю наперехват. Его нелепая фигура со вскинутой рукой загородила ухо дившему дорогу. – Обещайте нам, ваше высочество, не советовать с вашей супругой!

Опустив глаза, великий князь поизучал сверкающие краги и башмаки неистового адвоката, медленно поднял голову и гневно глянул на его мясистые, прыгающие щеки:

– Успокойтесь. Моей супруги здесь нет. Ее вообще нет в Петрограде. Она осталась в Гатчине.

Под выразительным великокняжеским взглядом Керенский смешался и освободил дорогу.

Великий князь брезгливо переступил то место, где стоял Керенский. Внезапно он обернулся и сделал знак князю Львову и Родзянко следовать за ним. Тучный Родзянко с усилием выдрался из кресла.

Керенский, сцепив руки за спиной, нервно бегал по ковру. На нем поскрипывали новенькие краги. Он остановился возле Гучкова, собираясь что-то сказать, передумал и снова лихорадочно забегал. Его сжигало нетерпение.

Собрание томилось, часто поглядывая на плотно притворенную дверь. Один Керенский, словно летучая мышь в су-

мерках, продолжал выписывать свои судорожные зигзаги.

Медленно растворилась высоченная дверь, показался великий князь. За ним протиснулся торжественный Родзянко. Князь Львов значительно моргал бесцветными ресницами... Сознывая величие минуты, все поднялись разом и молча.

– Господа... – Спокойствие давалось великому князю с боль шим трудом. – Господа, при созданных условиях я не могу принять престола. Голос его, бесплотный, вымученный, словно прострелил собравшихся. Отказ от трона ожидался, и все же новое, теперь уже окончательное, отречение прозвучало с необыкновенной силой. В оцепенении никто не шевелился.

– Ваше высочество, – вскричал внезапно Керенский, – вы благороднейший из людей!

Он кинулся к великому князю и стал ловить его бессильно висевшую руку. Отстранившись, Михаил обошел его, как столб, и на этот раз уже в полнейшем одиночестве удалился.

Не замечая общего удрученного безмолвия, Керенский энергично потер руки:

– Прекрасно! Господа, у нас слишком мало времени. Предлагаю пригласить наших товарищей Набокова и барона Нольде. Акт отречения, на мой взгляд, нуждается в тщательном редактировании. Лучше всего поручить это специалистам.

Вопреки ожиданию работа над текстом документа затянулась. Зажглась громадная люстра, шторы задвинули.

Набоков с английской невозмутимостью, совершенно не повышая голоса, втолковывал Шульгину, что великому князю не подобает императорское «мы» и «повелеваем». Такое позволительно лишь обладателю трона. Шульгин в конце концов согласился.

Керенский схватил бумажный лист, помахал им, чтобы просушить чернила, и принялся читать: «Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если таковая будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского...»

– Объясните мне, господа, – внятно проговорил молчавший все время Шингарев. – Государь, как мы знаем, отрекся в пользу брата Михаила. Но в чью пользу отрекается великий князь Михаил?

– В пользу народа! – напыщенно заявил Керенский. – Его величества народа!

Поправок больше не требовалось. Родзянко, грузно шаркая ногами, направился звать великого князя. Оставалось получить его подпись.

Не присаживаясь и не читая текста, Михаил тряхнул пером в сторону и быстрым росчерком подписал. Керенский вытягивал шею, заглядывая через его плечо. Ему не молча-

лось, не стоялось на месте.

– Ваше высочество, вы великодушно доверили нам священный сосуд вашей власти. Я клянусь вам, что мы передадим его Учредительному собранию, не пролив из него ни одной капли!

Великий князь удалился под торжественное безмолвие. Величие исторической минуты коснулось сознания каждого из присутствующих.

Едва за великим князем затворилась дверь, Керенский выпятил грудь и сунул руку за борт френча.

– Господа, Россия ждет наших решений. Сообщаю вам, что нам удалось отменить царский указ о назначении генерала Ива нова командовать войсками Петроградского округа. Р-революция в бурбонах не нуждается! Нам требуется новая армия, и мы ее создадим. Сейчас решается вопрос, кто заменит генерала Ивано ва. Мне называли имя Корнилова. Уверяют, что это вполне при личный человек.

Мешковато завозился Милюков.

– Александр Федорович, этот генерал пишет стихи. Керенский дернул головой, словно от удара в подбородок.

– Стихи? Гм... Нет, не читал.

– Он по-персидски пишет.

– Вот даже как! Но-о... почему же не по-русски?

– А вот он приедет, и вы его спросите сами! – усмехнулся

Милюков.

– Стихи... – бормотал Керенский. – А что? Прекрасно.

Но вая армия, новые генералы... Генерал не из казармы, а... так сказать, с Парнаса. Вот что значит, господа, очистительная революция!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Лавр Георгиевич свою жену без тени улыбки называл «начальником тыла». Таисия Владимировна, многолетняя спутница жизни, обладала редкостным умением в любых условиях устраивать вполне приличный быт. Сказывались навыки офицерских жен, мотающихся с мужьями по самым захолустным гарнизонам. Они исхитрялись кормить и мужа и детей на скудные 39 рублей казенного жалованья.

В Петрограде семья Корнилова много лет снимала небольшую, тесную квартирку у вдовы-чиновницы возле Певческого моста. Поселились они, когда Лавр Георгиевич учился в Академии Генерального штаба. Здесь жили в страшном **1905** году, отсюда уехали в Китай и сюда же вернулись четыре года спустя. В этих стенах прошлым летом Корнилов пережил немало горьких дней, когда, убежав из германского плена, ждал военного суда.

Должность командующего войсками округа (по прежним меркам – столичный генерал-губернатор) предусматривала казенную квартиру. Таисия Владимировна решила не ломать налаженного быта. Судьба военного человека, да еще в такое время, могла переломиться в одночасье.

Больше всех возвращению отца обрадовался четырехлетний Юрик. Мальчишка, крепенький, живой как ртуть, не слезал с отцовских колен. Он каждый вечер не ложился

спать, не дождавшись отца со службы... Дочь сильно подросла и выглядела настоящей невестой. Она увлекалась столичными театрами, много читала. Огонь в ее комнатке горел допоздна. Как-то мимоходом Лавр Георгиевич глянул на валявшуюся книжку. «Конь бледный» Бориса Ропшина (Савинкова), знаменитого террориста, настоящей грозы царской семьи и губернаторов. Вперемежку с бросанием бомб этот отчаянный боевик-убийца быстро и ловко сочинял романы с «идеологией», которыми зачитывалась учащаяся молодежь.

К утреннему чаю Таисия Владимировна положила на угол стола несколько свежих газет. В теперешней столичной жизни чтение газет, хотя бы наспех, стало необходимостью. Чаевничали на кухне, вдвоем, как некогда в туркестанских знойных гарнизонах, где молоденьким офицерам приходилось снимать чуть ли неглиняные сараи с прохудившимися крышами. Дети еще спали. Дочь, по обыкновению, зачитывалась до рассвета.

Чай подавался огненный, заваренный до черноты. Отрывисто прихлебывая из громадной кружки, Лавр Георгиевич торопливо просматривал газеты.

Градус газетной эйфории поднимался с каждым днем. Журналисты захлебывались. «Царство свободы...» «Эра всеобщего братства...» Вместо старорежимного «господин» теперь все чаще «гражданин», а иногда – «товарищ». Вместо привычного «Боже, царя храни» гремит повсюду «Марсельеза»... Копируют, как могут, французских якобинцев!

Ага, снова о нем: «революционный командующий...» Вот заладили!

За ним изо всех сил ухаживали – это становилось ясно. Ему не давали отойти в тень, заняться работой по наведению порядка в запущенном хозяйстве столичного гарнизона. А дел накопилось невпроворот. Однако взяться за расчистку никак не доходили руки – все некогда, все недосуг, бесконечные вызовы, совещания, торжественные собрания. Революция праздновала свою победу над самодержавием. При этом фигура столичного генерал-губернатора постоянно выставлялась напоказ. Не останавливались даже перед самой грубой лестью. Чье-то бойкое перо развязно утверждало, что в облике «первого революционного командующего» чрезвычайно много схожего с Суворовым: такой же щуплый телом, простецкое мужицкое лицо, удаленность от придворных дрызг, даже чуть ли не природное отвращение к любой политике, к любым интригам.

Интересно, какие события готовились и какая ему при этом отводилась роль?

Лавр Георгиевич обратил внимание на желчные насмешки английского посла Бьюкеннена. Давая интервью кому-то из пронирыливых газетчиков, посол иронизировал: «По представлению русских, свобода состоит в том, чтобы легко относиться к вещам, требовать двойной заработной платы, демонстрировать на улицах и проводить время в болтовне и голосовании на публичных митингах». Высокомерную язви-

тельность посла понять нетрудно. Русские, обрадовавшись свободе, отказывались и работать, и воевать. А ну им взбредет в голову бросить опостылевшие окопы и побежать домой, к бабам и детишкам? Что тогда останется союзникам? Воевать с Германией один на один? Поэтому послы Англии и Франции, Бьюкеннен и Палеолог, не жалели сил, чтобы удержать русскую армию в окопах. Они уже начинали понимать, что в лице князя Львова в качестве союзника имеют человека, совершенно не умеющего управлять. Отсутствие же центральной твердой власти грозило катастрофой, в первую очередь на фронтах. Таисия Владимировна дождалась своей минуты. С чувством оскорбленной женщины она произнесла:

– Это же низость! Как ему не стыдно? И это великий князь! Ей-богу, жаль, что я не мужчина, не офицер. Я бы вызвала его на дуэль!

Дело касалось бывшей императрицы Александры Федоровны. Великий князь Кирилл Владимирович (тот самый адмирал с красным бантом), беседуя с газетным человечком, самым бессовестным образом поливал помоями несчастную царицу. «Я не раз спрашивал себя – не сообщница ли она Вильгельма, эта бывшая императрица? Но всякий раз силился отогнать от себя эту страшную мысль».

подавив вздох, Лавр Георгиевич покачал головой. Хорош Рюрикович, да еще великий князь! Так выслуживаться перед новыми властями! Из кожи лезет... Сукин сын, холуй!

– Что ты от них хочешь? – проговорил он. – Романовы... Помойка!

Как всякого военного, Корнилова связывали с царской семьей узы долга и присяги. Лавр Георгиевич относился к той части русского офицерства, которая тянула свою лямку с убеждением: «За царем служба не пропадает!» В большинстве своем выходцы из солдатских семей, они пробились к широкому генеральским эполетам исключительно горбом и составляли движущую силу русской армии. В армии, считал Корнилов, выковывался знаменитый русский характер. Армия была школой долга, чести, стойкости и патриотизма. Само суровое воинское дело заставляет человека выпрямлять свою душу, свой характер.

Любой организм, в том числе и государственный, имеет обыкновение стариться, дряхлеть. Искусство управления державой в том и состоит, чтобы сохранять ее громадный организм в состоянии как бы вечно молодом, деятельном, мускулистом. Чьей виной считать дряхление России? Великая держава год от года превращалась в рыхлую дебелиую купчиху, которую сводят под руки с высокого крылечка и усаживают в шарабан, чтобы везти в баню парить и натирать бобковой мазью. Больна была Россия, и больна опасно. Военные люди убеждались в этом ошутимее других, ибо много лет не вылезали из окопов и поливали землю кровью.

И все-таки к больному зовут врача, но не палача!

В первую минуту, узнав о добровольном царском отрече-

нии, Лавр Георгиевич пришел в негодование. Царь сбежал со своего поста, словно дезертировал. За такие позорные проступки во время военных действий полагалось самое безжалостное наказание. Однако постепенно выяснялось, что отречение было не добровольным, а принудительным. Государь стал жертвой обмана, заговора, предательства. Корнилов узнал, что генерал Алексеев весь день 1 марта провел у прямого провода, переговариваясь с командующими фронтами. Мнение русского генералитета было категорическим: царь должен отречься и уступить трон наследнику. Государь покорился приговору и поставил свою подпись под манифестом (заготовленным заранее). Гучков с Шульгиным восторженно схватили этот документ и, не теряя ни минуты, помчались с ним обратно в Петроград. Так выглядело отречение в официальном изложении. На самом же деле Корнилов обнаружил грубую неувязку в хронике событий того рокового для России дня, 1 марта. Да, Алексеев провел переговоры с генералитетом. За отречение царя высказался даже великий князь Николай Николаевич. Однако суровый приговор командующих окончательно оформился лишь утром 2 марта, а в это время Гучков с Шульгиным уже подлетали из Пскова к столице, имея на руках манифест об отречении. Что же выходило? Царя, заманив в штаб Северного фронта, по сути дела, арестовали и принудили, заставили отречься! И совершили это государственное преступление двое: генералы Алексеев и Рузский.

В свете всего этого Лавр Георгиевич догадался, почему вдруг такое нежелание встретило его назначение командующим войсками столичного округа. На посту военного генерал-губернатора Петрограда заговорщики рассчитывали видеть сугубо своего. Он же в число доверенных, настолько посвященных не входил. Вся затея вокруг трона задумывалась и совершалась без него.

Генералы просчитались и остались в дураках. Политические ловкачи использовали их, словно носовой платок, а затем отшвырнули за ненадобностью. Грубая, наглая и недалевидная работа. Все-таки что ни говори, но армия оставалась силой, единственной силой во взбаламученной стране. Армию никак не сбросишь со счетов, тем более что продолжалась упорная война и Временное правительство не собиралось прекращать ее до полной победы над Германией.

Сожалел ли о рухнувшем троне генерал Корнилов? Нисколько. Династия, считал он, сгнила на корню.

Что стоил поступок великого князя Кирилла Владимировича!

Именно поступок этого самого бессовестного из Романовых заставил государя сделать в своем дневнике горькую запись о всеобщей измене и подлости.

Корнилов, занимая свой высокий пост, сознательно ограничивал себя чисто военными задачами. Сование генералов в политику ни к чему хорошему никогда не приводило (последний пример – генерал Скобелев). Не случайно же прави-

тельство России называлось Временным. В некий срок, оно уступит свои полномочия Учредительному собранию. Повторится, как считал Корнилов, ситуация 1613 года, когда Земский собор принял решение сохранить русский трон и отдал его малолетнему представителю бояр Романовых.

Так будет и теперь: пускай решает народ!

Добровольное отречение царя освободило офицеров русской армии от исполнения присяги. Над людьми с погонами остался доветь один лишь долг. Это древнее воинское чувство заставляло каждого действовать по собственному разумению.

В русских семьях было издавна заведено, что всю вину за беспорядок в доме нес сам глава, муж и отец. Его великие права хозяина обуславливали и главные обязанности. Он правил, он и отвечал.

Крушение династии не свалилось на Россию в одночасье. Этот катаклизм готовился и проводился планомерно и неторопливо. Корнилов по роду своих занятий был достаточно искушен в домогательствах главных ненавистников России. Незримой, но крепчайшей сетью, подобной паутине, настойчиво и неотвратимо опутывались все сферы государственного механизма, особенно усилившись на переломе двух веков. Паутина крепла год от года, умело хозяйничали искусники пауки, и огромная держава подтачивалась изнутри, все более уподобляясь гигантскому, однако крайне обессиленному дереву, которое держалось лишь на одной коре. Поэтому-

му понадобился лишь толчок, чтобы вся громада рухнула навзничь – так падает простреленный навывлет богатырь.

К началу нынешней весны план сокрушения России, если судить по-военному, превратился в план мобилизационный. Внутреннее неустройство поразило все органы управления. К концу 1916 года была достигнута полнейшая дискредитация центральной власти, наступил ее необратимый паралич. Пауки умело и искусно дергали за роковые ниточки, каждый за свою. У каждого имелся свой участок, свои подопечные, и каждый втолковывал тому и тем, с кем связывал его план всеобщего, тотального разрушения державы: «Вы исполняйте то-то и то-то, и больше ничего не нужно». Таким образом, каждый «обрабатывал» лишь свой участок: газетчики, думские лидеры, распутинский кружок и даже фронтовые генералы. И только где-то наверху составлялась общая картина российского развала.

Корнилова возмущали потоки грязи, выливаемые на царскую семью. С особенною изощренностью пакостники преследовали императрицу: «Царица Сашка и мужик Гришка», «Царь с Егорием, а царица с Григорием». Кухонная, обывательская мерзость, но оттого-то и прилипчивая... Лавр Георгиевич (особенно после рождения Юрика) сознавал тяжкий крест царицы, ее неизбежное бабье горе, вызванное смертельным недугом наконец-то вымоленного наследника. Несчастливая мать, она уверовала в поразительные способности загадочного сибирского мужика. Если бы не Распутин,

наследник был бы давно мертв. Поэтому любые наско-ки на «святого старца» она воспринимала как желание погубить своего мальчика, наследника престола. Ее слепая вера в божественную силу Друга простиралась до того, что она стала советоваться с ним и по государственным делам. Все, что узнавалось ею от мужа, становилось известным и Распутину. Тот же, бахвалясь и кичась, становился легкою добычей своего пестрого окружения. О, это распутинское окружение! Что стоит, например, одно учреждение при нем секретаря, словно Распутин был каким-то важным государственным деятелем. Этим секретарем при «святом старце», любителе легкомысленных женщин и кутежей, был поставлен юркий и пронырливый, чрезвычайно деятельный Арон Симанович.

Подножие царского трона всегда, во все времена облеплялось доставателями разных милостей. Теперь же через Арона Симановича (а следовательно, через самого Распутина) близорукую, доверчивую царицу облепили вовсе уж бесвестные ловкачи. Такой счастливою возможностью немедленно пользовался всяк, кто работал в пользу немцев. Отсюда и выросло чудовищное обвинение, будто возле царского трона свили свое гнездо германские шпионы.

Гнездо, несомненно, существовало, однако свито оно было вовсе не царицей!

Самое ошеломительное узнавание, столь привычное разведчику, Лавр Георгиевич испытал в последние дни своей

столичной службы. Речь шла о зловещей атмосфере, царившей в дни февральской конференции союзников в Петрограде. Главной фигурой на этом совещании был делегат Великобритании лорд Мильнер.

Внешне участники конференции усердно работали над тем, чтобы приблизить день полного и бесспорного поражения Германии. Однако мало кто знал, что в один из февральских вечеров лорд Мильнер вдруг потребовал встречи с князем Львовым и с ним о чем-то долго совещался. Наутро в одном из номеров гостиницы «Франция» состоялся тайный сход избранных «представителей общественности». Там, в узком, доверенном кругу, лорд Мильнер продиктовал первый состав русского революционного правительства, названного Временным.

После этого Лавр Георгиевич уже не удивлялся, узнав, что никаких перебоев с хлебом в Петрограде не было и быть не могло: запасов муки на Калашниковской бирже имелось свыше 450 тысяч пудов, да еще на подходе к Петрограду находилось 12 эшелонов из Таврической губернии. Хлебом город был обеспечен до мая месяца!

Народ на улицы вывели намеренно, специально... Картина царского отречения стала предельно ясной, когда Корнилов узнал, что лорд Мильнер занимает высочайший масонский пост – Великого магистра Большой шотландской ложи.

Ради того, что Россия получила в ночь на 2 марта, Великий магистр и приезжал в Петроград, где искусно сплел

в один клубок думских деятелей и генералов, банкиров и промышленников, полномочных дипломатических представителей и темных людишек типа Арона Симановича и французика Сико...

По Невскому проспекту валила хохочущая толпа. Впереди на великолепной лошади гарцевал матрос. Ездить в седле он не умел и судорожно цеплялся за гриву. Время от времени, ухмыляясь во всю ширь физиономии, он срывал с головы бескозырку и махал зевакам по обеим сторонам проспекта. Толпа пялилась не столько на матроса, сколько на диковинную лошадь. С лебединой шеей, с коротко подрубленным хвостом, она картинно выбрасывала ноги, словно исполняла балетный номер.

Шофер автомобиля, не оборачиваясь, буркнул:

– В цирке Чинизелли заарестовали, дураки!

Наблюдая, Лавр Георгиевич с убитым видом покачал головой. Всяк веселился, как умел. Балаган... Глаза бы не глядели!

Развязные уличные нравы проникли и в старинное здание на Дворцовой площади, знаменитого своей величественной аркой. Прежде у парадного подъезда штаба округа, словно живые атланты в гренадерской форме, каменели часовые. Кивера, усищи, сверкающие штыки... Как они оживали и принимались священнодействовать, беря на караул, едва показывался генерал! Теперь же у подъезда, заплеванного шелухой от семечек, Корнилова встречали два юнкера Павлов-

ского училища. Они лениво поднимались на ноги и вяло провожали взглядом его сухую энергичную фигурку, дожидаясь, пока он не взбежит по мраморным ступеням. Лавр Георгиевич старался не смотреть на юнкеров. Откуда набирают подобных недоносков? Длинноволосые, в неряшливых шинелях и мятых фуражках, винтовки держат, словно бабы рога-чи... Позор!

Утратил всякую торжественность и вестибюль. Он словно сделался пониже и поуже. Убавилось и света... От недавней роскоши оставался лишь швейцар, громадного роста, с бакенбардами, величественно медлительный и важный. Обычно он томился в уголке, наблюдая, как по лестнице шныряют без конца какие-то потрепанные людишки в грязных скверных сапожонках. Да прежде бы их... в шею без разговоров! Завидев Корнилова, швейцар устремлялся к нему со слезами на глазах. У него тряслись руки, когда он принимал генеральскую шинель. Он по привычке ворковал: «Погодку нынче Бог дает, ваше превосходительство!»

Крушение былых порядков старик воспринимал как личное несчастье. Каких людей доводилось раздевать и одевать!

Шелуха от семечек попадалась и в коридорах наверху. Ее затаскивали вертлявые, развязные людишки. Они бесцеремонно врываются в кабинеты, где на дверях были наклеены бумажки с нерусскими фамилиями каких-то комиссаров.

В своей приемной Лавр Георгиевич добился соблюдения порядка, чистоты и тишины. На стенах оставались висеть

портреты его предшественников, бывших начальников округа. Ковры на полу, по обыкновению, вычищены и не запылены. И никакой толкучки посетителей – он всегда умел ценить каждую минуту времени.

Суровость, даже патриархальность корниловской приемной сказались на поведении такой забубённой головушки, как генерал Крымов. Он появился в штабе округа и был приятно поражен тем, что увидел после вакханалии, творившейся на улицах столицы.

Корнилов с генералом Крымовым были одногодки. Молоденькими офицерами они служили в Туркестане. Впоследствии Корнилова увлек Восток, Крымова – армейский строй. Он стал бур-бонистым служакой, ел из одного котла с солдатами, мог спать на земле, завернувшись в бурку. На язык был крут, при «распёках» слов не выбирал. Эту грубость подчиненные прощали за умелую распорядительность и личную отвагу в боях. В самом начале войны служил в штабе генерала Самсонова и был последним, кто видел командующего разгромленной армией перед самоубийством. В последнее время Крымов находился на Румынском фронте, командовал Уссурийской дивизией.

Громадного роста, тучный, но поворотливый, громогласный и бесцеремонный, генерал Крымов оказался очень заметен в Петрограде. На столичных паркетах он вел себя точно так же, как и у себя в кишиневском штабе: походка враскачку на кривых кавалерийских ногах, поношенный френч

вечно расстегнут, мятая фуражка на затылке. Его распирала жажда деятельности.

– Вызван министром, – объяснил он Корнилову. – Дивизию сдал Врангелю. Антон Иванович тоже здесь. Виделись... Тоже вы зван.

Лавр Георгиевич задумался. Гучков вел какую-то загадочную линию. Что значил этот тайный вызов с фронта генералов Крымова и Деникина? Новые назначения? Не похоже что-то... Расспрашивать он не стал – сам расскажет. Он видел: новости так и кипели у Крымова на языке. Ему не сиделось. Честная солдатская душа, этот великан имел отчаянно горячую, сумасбродную голову. Но был из тех, для кого присяга и любовь к Отечеству стали настоящей религией.

– Лавр Егорыч, представляешь, иду сейчас к тебе, смотрю: какой-то дрянь солдатишка залез на крышу магазина и бьетприкладом вывеску. Даже не вывеску саму, а орлов с нее. Внизу всякая шваль собралась, дворники стоят, подлецы. Солдатишка отодрал крыло у орла, кинул вниз, орет: «Вот вам крылышко на обед!» И знаешь – хохочут. Ну я их, чертово семя, взял в оборот! У меня, знаешь, не шибко-то... И что ты думаешь? Руки по швам, глаза выпучили. «Слушаюсь!», «Никак нет!» – вот так бы и давно. А то пораспускали, срам глядеть. Глядя на него, Корнилов усмехался:

– Александр Михайлович, не солдаты виноваты. Что с них спрашивать, если наверху порядка нет?

– О! О! О! – вскричал Крымов. – В самую точку. Царишка

наш, штафирка. Сбежал, отрекся, предал. Войницу заварил, а мы теперь расхлебывай. У-у, ненавижу! Ты помнишь, что сказал император Павел, когда к нему явились в спальню? «Вы меня можете убить, мерзавцы, но я умру вашим императором!» Вот это государь! Вот это я понимаю! Но этот... – Он с омерзением махнул рукой. – Кстати, я здесь уже узнал. Союзнички наши... трах-тарарах... Маркиз Палеолог, посол, является к штафирке нашему и ну его мордовать, ну ему в уши дуть. – Генерал скроил рожу и засюсюкал, изображая ненавистного посла: – «Ваше величество, разве можно сравнивать вашего солдата и французского? Наши все, как на подбор, грамотные и талантливые по искусству, по науке, а что ваше мужичье? Дегенераты, даже расписаться не умеют». Словом, на пушечное мясо только и годятся... Прямо так, подлец, и брякнул. Готтентоты, дескать, папуасы. Это о наших-то солдатах, а? И ты думаешь, наш его смазал хорошенько? Да ничуть. Наоборот, залепетал, наобещал. Да я бы... Да он бы у меня с лестницы кверху тормашками закувыркался!

Лавр Георгиевич стал спрашивать о положении на фронте. Расставив толстые колени, Крымов уперся взглядом в пол:

– У нас там что! Кипим, бурлим, и больше ничего. Все главное – у вас. Тут все решается. Тут и решится все в конце концов! Нас даже и не спросят... – Помедлил, поиграл пальцами на колене. – Давно я не был в Петрограде. Приехал – не

узнал. Ну что это такое, в самом деле? Какие-то жидки кругом, какие-то кавказцы. Где они прятались, откуда вылезли? Это же прямо страх берет. Иду, смотрю... здравствуйте-пожалуйста, особняк Кшесинской захватили. И хоть бы тишком-молчком. Так нет же, нагло, напоказ. Дескать, вот мы какие! Куда правительство-то смотрит? Чего оно цацкается с ними?

Кажется, он подошел к тому, ради чего был вызван с фронта и с чем пришел сегодня к старому товарищу.

– Лавр Егорыч, это уже всем понятно, что с царским отрядами там наколбасили. Однако поправить дело можно. Они нас обманули, пусть. Но пусть потом не жалуются, подлецы.

С армией, знаешь, шутки плохи. И слезы им потом никто не будет утирать... В общем, мы тут повидались кое с кем, перекинулись словечком. Народ вроде подходящий. Что-то вроде «Союза офицеров». Как ты на это смотришь?

– Меня ж не пригласили, не спросили...

– Пригласят. И спросят. Больше того, попросят. Тут к тебе один человек должен припожаловать. Знай – наш.

– Антон Иваныч не зайдет? Вы виделись?

– Нету его уже. Уехал. Но он считает, как и я... как все. Нужна военная рука. Ну и, разумеется, идея. Не какая-то там... такая и сякая, а наша, русская, великая. Белая идея! А? Это нас сплотит, сожмет в кулак... А иначе – гроб.

Лавр Георгиевич осторожно запустил вопрос: что связы-

вает Крымова с Гучковым? Ему хотелось вовремя предостеречь товарища от фальшивого глаза с присоском.

– А! – яростно махнул рукой тот и выругался. – Не с ними нам кашу варить. Я ведь, знаешь, никакой не дипломат. И я им прямо так и предложил: дайте мне два дня, только под руку не лезьте. Порядок гарантирую. Ну, ясно дело, не без крови. Без этого теперь не обойтись. Так ты бы поглядел, как они на меня окрысились! – Опять перекосил физиономию и засюсюкал: – «Ах, что вы, генерал! Как можно? Что станут говорить про нас в Европе?» В общем, чистюли, гниды. Им бы набрюшники вязать!

Провожая его, Лавр Георгиевич поинтересовался человеком, который собирался припожаловать.

– А, забрало? Сам увидишь, подходящий человек. Я у него уже два раза был. Голова – ума палата! Станет говорить – рот разинешь...

В приемной находились двое: дежурный адъютант и незнакомый господин, невольно обращавший на себя внимание жгучим загаром на лице. Такой, загар человек мог приобрести только в одном месте – в Азии. Лавр Георгиевич сразу проникся интересом: земляк?

Адъютант, молоденький поручик Долинский, представил посетителя: инженер Завойко. Это был тот самый человек, о котором предупредил генерал Крымов. «Рот разинешь...»

– Прошу! – проговорил Корнилов и первым прошел в кабинет.

Он сократил время знакомства, осведомившись, не приходится ли посетителю родственником генерал Завойко, руководивший в середине прошлого века героической обороной Петропавловска-на-Камчатке от нахальных англичан.

Инженер с польщенным видом поклонился:

– Дедушка. Я назван в его честь: Владимир Семенович. У нас в роду это традиция.

Корнилов сразу сбросил всю свою начальственную суровость:

– Горяченькое было дело. Наши нынешние союзнички двину ли тогда на нас целую флотилию, шесть кораблей. А ваш дедушка... Он же у вас, если не ошибаюсь, артиллерист! Так он настоль ко умно перекрыл огнем всю бухту, что те посовались-посовались и убрались. А было у него – смешно сказать – всего 67 орудий. Так что вояки из наших союзничков никудышные. Доказали еще в те времена.

– Совершенно с вами согласен, генерал, – с удовольствием проговорил Завойко, усаживаясь поудобнее и настраиваясь на доверительный разговор. Начало знакомству было положено удачно.

Налет на Камчатку англичане и французы предприняли в те дни, когда Россия воевала в Крыму, под Севастополем. Все ее внимание было обращено на Черное море. Захватчики решили воспользоваться тяжелой ситуацией и покусать Россию на Дальнем Востоке – для начала отхватить у нее Камчатку. А закрепившись на самом краешке материка, дви-

нуться дальше. Генерал-майор Завойко сначала умело организованным огнем, а затем и штыковой атакой сбросил вражеский десант в ледяные воды Авачинской бухты. Захватчикам пришлось убираться несолоно хлебавши.

Лавр Георгиевич с удовольствием рассуждал об искусстве артиллерийского генерала, защитника далекой Камчатки. Артиллеристы испокон веков считались лучшей частью любой армии. Помимо рутинной муштры они по необходимости принуждены осваивать и точные науки. Сам великий Наполеон был артиллерийским офицером!

С людьми Корнилов, по обыкновению, сходилась трудно. Несловоохотливость – специфическая черта разведчиков. Давным-давно, в молодые годы, когда он подбирал в Ахале спутника для проникновения в Кашгар, один старик текинец глубокомысленно заметил: «У этого русского глаза умного верблюда. Он много знает, но ничего не говорит». Лавр Георгиевич с первых шагов на своем строгом и опасном поприще усвоил золотое правило: знать больше, нежели высказывать. Недаром же Всевышний наделил человека двумя ушами, двумя глазами, но одним языком... С внуком камчатского героя вышло исключение. С первых слов у генерала с инженером возникли отношения настолько доверительные, что они проговорили почти половину дня. Адъютанты их не беспокоили.

Они слегка заспорили об отношении к отрекшемуся Николаю П. Инженер считал, что царь попросту сбежал со сво-

его поста. Он не соглашался принимать в расчет даже принудительные обстоятельства – в частности, предательское поведение высших генералов во главе с Алексеевым.

– Лавр Георгиевич, да побойтесь Бога! Вы только представьте на его месте Петра Великого. Ну? Да у него от этих генералов полетели бы пух и перья!

Он оказался горячим поклонником великого реформатора России, царя-плотника, царя-инженера (пусть и без институтского диплома). Завойко оправдывал даже ужасные кровопролития Петра:

– Да, был жесток. Никто не спорит. Да, ломал через колено. Но кому это на пользу-то пошло? Разве не нам, его наследникам? Ну так что же тогда толковать? Не будь его, мы бы до сих пор с фузеями сидели, заряжали с дула. А так... Полтава, Гангут, Нарва, Рига...

– Прутский поход, – усмехнулся Корнилов.

– Но зато Урал! – вскричал Завойко. – Металлургия, ядра, пушки... Да за одного Акинфия Демидова я ему прощу весь этот Прутский ужас. Что мы были бы без Петра? Заплыли бы от сонной дури. Что говорить – он искупал Россию в крови. Но... такая уж у нас судьба. В крови крестимся, через кровь и воскре саем.

Он объявлял себя сторонником самодержавия и даже, как военные, готов был принести присягу, но только при одном условии: на троне должен находиться умный, деятельный человек.

– Вспомните-ка Анну Иоанновну. Толстенная и пустомясая бабища. Немедленно нашелся могучий конюх с жеребьячей си лой. И... что вышло? Позорище на всю Европу. Немцы изнасило вали всю Россию.

Он помолчал, быстро и остро глянул на Корнилова и произнес:

– Как, впрочем, и сейчас.

Похоже, он подбирался к какому-то щекотливому вопросу, но до поры до времени осторожничал.

В отличие от Корнилова, человека военного, Завойко о делах российских рассуждал, как инженер. Он называл «восьмым чудом света» сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали. Ведь чем построили? Тачкой и лопатой. А уложились в девять лет. Разве не чудо?!

Он славил природные таланты русского народа и уверял, что России сильно не везло с царями.

– Вы представляете, живи бы до сих пор Петр Великий... Хо-хо! Да весь мир копошился бы у нашего подножия. Надеюсь, вы читали Менделеева? К сожалению, Петры Великие рождаются даже не каждый век.

И клеил, что в жилах сбежавшего Николая II текла едва ли не сотая доля природной русской крови. «Националист?» – стал понемногу догадываться Корнилов, повнимательней приглядываясь к собеседнику.

Ему вспомнился генерал Мартынов, товарищ по горьким дням германского плена. Ожесточенно споря о коварстве ев-

рейского племени, они под конец рассорились. Лавр Георгиевич считал, что, восторгаясь искусной подлостью евреев, Мартынов тем самым смертельно оскорбляет русских. А такого примитива Корнилов решительно не принимал. Россия, считал он, слишком велика, она не по зубам этому злокозненному, но немногочисленному племени. На еврейскую убогость он насмотрелся по бесчисленным местечкам во время службы в Варшавском военном округе.

Завойко продолжал ругать сбежавшего царя. Безвольный, бесхарактерный, он сильно попустительствовал тому, что в изобильном российском огороде стали хозяйничать наглые и хищные козлы, совсем не русские, чужие. В отличие от Петра Великого этот последний царь с недоверием относился к своим предпринимателям, к своей промышленности. Ему казалось, что за границей все делается гораздо лучше. И вот итог – казенные заводы, поставленные Петром, мало-помалу умирают, а промышленность и небывало богатые недра уплывают в руки иноземцев.

Как инженер, Завойко знал состояние отечественной промышленности лучше военных. Он оглушил Корнилова потоком чужих имен, названиями иностранных фирм и компаний. Он умолк, но его глаза насмешливо светились, как бы вопрошая: «Ну, довольно?.. Или же еще?» Внезапно он спросил:

– А вообще, на кой черт мы ввязались в эту войну? Зачем? Какие национальные задачи мы решаем? Ради чего несем та-

кие жертвы? Неужели вы всерьез верите, что наши, как вы их назвали, союзнички возьмут да и отвалят нам Босфор и Дарданеллы? Смешно. Держите карман шире! Наоборот, они спят и во сне видят, как бы отобрать у нас последнее.

О причинах великой войны, о том, как умело втянули Россию в мировую бойню, у Корнилова нашлось достаточно времени подумать во время германского плена. Его постоянный собеседник генерал Мартынов в этом вопросе (как и во всех других) усматривал изощреннейшие козни самых ярких ненавистников России.

– Кстати, – спросил Завойко, – к вам еще не обращался месье Сико? Да, француз. Прохвост отменный. Советую гнать его в шею... А послы наших союзничков, господ Бьюкеннен и Палеолог? Могут, могут заявиться. Тоже, как и Сико, не брезгают ничем. Им сейчас дозарезу нужны наши солдатики. Да, пушечное мясо. Не могут же они посылать на смерть своих! Зачем это делать, если русские под боком?

Корнилов дал понять, что знает о возмутительном визите французского посла Палеолога к императору Николаю II. Аудиенция состоялась незадолго до февральской конференции союзников... Далее Корнилов заметил, что несколько русских бригад все же отправились во Францию. Настырнейший Палеолог дождал безвольного царя.

Не переставая возмущаться бесстыжестью союзников, Завойко схватил карандаш и стал испещрять лист бумаги цифрами. Россия обладает мощными оружейными заводами:

Сестрорецкий, Тульский, Ижевский. На них изготавливаются винтовки, прекрасные русские трехлинейки, не имеющие себе равных во всем мире. Кроме того, в России имеются артиллерийские заводы, патронные, снарядные. Одна беда: все эти заводы – казенные, то есть русские. Следовательно, все расходы на войну, на вооружение вернутся в государственную русскую казну. Этого союзники не могли допустить. Россия обязана была платить, нести расходы – союзники только получать и богатеть. Немедленно ввязались банки, биржи. Огромные средства ушли на взятки. Казенные заводы перестали получать заказы, зато иностранные – огребли чудовищные авансы.

– Вот вы артиллерист. Известна вам стоимость одной шрапнели? Тогда позвольте сообщить. На наших казенных заводах шрапнель обходится в 15 рублей, на частных – в 35. Снаряд к 76-миллиметровому орудью: на казенных – червонец, на частных – в полтора раза дороже. Фугасы: соответственно 42 и 70 рублей. Чувствуете разницу? Мы переплачиваем миллиарды. Это – не считая нашей крови. Вот что такое ангел на троне, Лавр Георгиевич!

– Но винтовок не хватало и не хватает! – возмутился Корнилов.

– Все правильно. А откуда же им взяться? Мы авансом отдали американцам два миллиарда золотом. А что они поставили? Да десятой части не поставили! А в это время у нас простаивает Тульский завод. Вам известна его мощ-

ность? 250 тысяч винтовок. А знаете, сколько он выпустил? Только не упадите со стула – всего 16 штук!

– Он полюбовался произведенным эффектом. Мне как-то с одним французом довелось разговориться. Веселый человек, смеется. «Да у вас, говорит, заводы одного Петрограда превосходят весь Парижский промышленный район!» И все-таки мы лезем к ним, а не они к нам. Кредиты, займы... Наш должок только французам, да будет вам известно, составляет 27 миллиардов франков. Отдавать-то кто будет? Ни вы, ни я уже не отдадим. Просто не успеем. Значит, отдавать придется нашим деткам. А к тому времени еще проценты набегут. Хорошенькое же наследство мы им оставляем! Представьте, как они нас с вами будут поминать? И поделом...

– Вы сказали о двух миллиардах золотом. Аванс американцам... Разве нельзя вернуть?

7 Заказ 306

– Вернуть? У них? – изумился инженер. – Да за кого же вы их держите? За круглых дураков? Так они вам и... Пытались! Даже меморандум сочинили. Знаете, что они ответили? «Мы договаривались вовсе не с вами, а с царем!» Дескать, и ступайте подальше.

– Но это же свинство! – возмутился Корнилов.

Вместо ответа инженер устремил на него долгий взгляд. Помолчав, он вдруг спросил:

– Вы ведь на фронте с первого дня?

– Конечно. А в чем дело?

– Еще один вопрос: а до фронта были в строю или... где?

– Да в чем дело? – Корнилов начал сердиться.

– Дело в том, что вы отстали, генерал. Чудовищно отстали! Фронт забирает человека целиком. Вы стали видеть только то, что сверху. Но вы же знаете... Не мне же вас учить! – Он произнес это раздраженно, с сердцем. В самом деле, зачем между умными людьми заниматься переливанием из пустого в порож нее?

Так разговор поворотил к тому, ради чего Завойко и напросился на знакомство.

– Лавр Георгиевич, неужели вы думаете, что нас бьют на фронте? Нас бьют здесь, в Петрограде. Да-да, здесь! – И он постучал пальцем о стол.

– Вы намекаете на Распутина? – осторожно осведомился Корнилов.

– Э, что Распутин! Ширмочка, и больше ничего. Вы, кстати, можете сказать, какой пост он занимал?

Корнилов изумился:

– Распутин? Да никакого, по-моему.

– В том-то и дело. А ему зачем-то учредили личного секретаря. Как министру или там сенатору... И этим самым секретарем поставили не кого-нибудь, а Симановича, Арона Симановича, ужасно ловкого еврея. А этот самый Симанович, как удалось установить... Генерал, вся распутинская заваyka в этом самом Симановиче!

Корнилову сразу вспомнился плен и генерал Мартынов.

– Простите, но-о... Вы что же, думаете, во всем евреи виноваты?

– А кто, по-вашему? Чухонцы?

– Да мы же сами и виноваты!

– Простите, генерал... не совсем понимаю. Вы пробовали по смотреть вокруг?

– Где? Где вокруг? На Невском? Не спорю. Но по России! Что же, одни евреи?

– Ах вы вот как ставите вопрос!

Но как же иначе-то? Иначе нельзя! Инженер пустился в рассуждения насчет черты оседлости. Ввели ее при Екатерине Великой и по предложению, между прочим, великого русского поэта Гавриила Державина. Установили своего рода засеку, чтобы не дать еврейству проникнуть в Восточную Россию, за Урал. Так ведь проникли же! В Сибири ими схвачена вся добыча золота, пушное дело, лесоторговля. Самые прибыльные отрасли – так уверял Завойко – в руках евреев. Вот вам и черта оседлости, вот вам и засека!

– Мы хвалимся, черт побери, что кормим хлебом всю Европу. И в самом деле кормим! Но был ли год, когда сама Россия не голодала? Не было. Ни одного! А перед войной – вы это должны помнить, – в 1911 году, неурожай поразил сразу 26 губерний. На лебедь сидело 30 миллионов человек. Но русский хлеб все равно шел за границу. Сами умирали, но у Европы не отняли ни кусочка.

– Недоедим, а вывезем! – произнес Корнилов.

С угрюмым видом инженер побарабанил пальцами:

– Недоедали-то мы, а вот вывозили... – и не договорил.

Хлебный поток, и это знал в России каждый гимназист, традиционно шел через южные ворота империи – через Одессу. Торговцы хлебом, коммерсанты не думали о том, сколько русских мужиков подойдет с голоду, их волновала только прибыль.

– Лавр Георгиевич, – внезапно спросил Завойко, – вам когда-нибудь приходилось сталкиваться с евреем-дураком?

– Мне? Н-ну как сказать... А почему это вас интересует?

– Не приходилось, вот в чем дело. Русских дураков – сколько угодно, но евреев – ни одного. Знаете, в чем дело? Никогда не догадаетесь! Все дело в том, что мы с вами живем в столицах. А чтобы бедному еврею попасть сюда, ему надо преодолеть процентную норму. Вот и получается, что мы этой чертой оседлости устроили настоящее сито. Мелкое, но все же сито. И просеивают ся через него, просачиваются, пролезают самые ловкие, самые умные, а порой и мудрые. Как раз на эти пять процентов наше сито и рассчитано! Дураки и недотепы остаются там, в местечках. Сюда, в столицы, проникают самые из самых. А уж тут они... Вспомните-ка о ложке дегтя в бочке меда!

– Владимир Семенович, я в плену вот так же, как и с вами... Товарищ оказался там... Ну, что значит товарищ? По несчастью, как вы сами понимаете...

– И вы с ним, – подхватил Завойко, – спорили, что называ

ется, до хрипоты. Он вам – свое, а вы ему – свое. Дескать, ну сколько их и сколько нас? Смешно же сравнивать! Я угадал?

– Да, в общем-то... Но разве я не прав? Завойко хмыкнул:

– По-вашему выходит, что ложка дегтя с бочкой меда ничего не делает? Так прикажете вас понимать? С минуту, не меньше, они смотрели один другому в глаза.

– Владимир Семенович, я человек практический. Мне кажется, теории уже достаточно.

– Что ж, приятно слышать, – отозвался инженер. – Спрашивайте. Я для этого и пришел.

– Вы можете мне указать на-а... эту ложку дегтя, скажем так? А если можно, ткните пальцем. Я скорей пойму.

Это было приглашение к откровенному разговору.

– Что ж, приятно слышать, – охотно отозвался инженер. – В самом деле, теории достаточно. Это, собственно, моя вина – увлекся и разболтался. Не осудите великодушно! Как-никак, а встретить единомышленника в таком лице и на таком посту... Скажите, вас мой визит не удивил нисколько?

– М-м... Как вам сказать? Дело в том, что меня предупредил мой товарищ, генерал Крымов.

– А-а, Александр Михайлович. Люблю этого славного бурбо на. И ничего не могу с собой поделать. Очень ценный, очень современный человек! Мы как-то с ним... вот как и с вами... Но он хоть вас предупредил? Я же к вам не абы как, а послан, так сказать, уполномочен.

В гнилостном ненастном Петрограде инженер Завойко

бросался в глаза своим необыкновенно загорелым лицом. Испеченность кожи до черноты поразительно контрастировала с ранней сединой. Зимой и летом инженер щеголевато ходил с непокрытой головой. На него невольно оглядывались прохожие.

Лавр Георгиевич догадался правильно: такой несмываемый загар человек мог обрести только в одном месте – в жгучих песках безводной Азии.

В Петрограде инженер Завойко появился совсем недавно. Отречение царя застало его у черта на куличках: в знойных казахских степях, на Эмбе, служащим на нефтепромыслах у Нобеля.

Владимир Семенович Завойко слыл в столичных деловых кругах человеком предприимчивым и загадочным. Он то появлялся на берегах Невы, то вдруг исчезал, и исчезал надолго. Двадцать лет назад, получив диплом инженера, пошел по дипломатической части и служил в Лондоне и в Париже. Внезапно бросив выгодную службу, сложил дворянское звание и приписался к крестьянскому сословию. Увивался одно время возле Распутина, удачно провел несколько финансовых махинаций. Вдруг снова исчез и оказался на нобелевских нефтепромыслах.

Далекая казахская степь, родина Корнилова, простиралась от каспийских берегов до Иртыша. В отличие от Усть-Каменогорска и Каркаралинска, мест зеленых, тенистых, напоенных речною свежестью, западный край степи испепе-

лялся свирепым зноем. Там находилась мрачная дыра Кара-Бугаза, пески старинного Мангышлака, адаевские степи и соляные пустоши примитивных нефтепромыслов Эмбы, Макаата и Доссора. В тех местах под отвесным солнцем Завойко и приобрел свой загар, так восхищавший столичных модниц.

Что погнало человека в безводную пустыню после Лондона и Парижа? Высокие оклады Нобеля? Инженер, как видно, соблазнился не напрасно. По всем повадкам в нем угадывался человек преуспевающий, богатый.

Вернувшись с Эмбы в Петроград, он успел основать журнал «Свобода в борьбе» и издательство «Народноправная Россия». Дружил с издателем Сувориным и пописывал в «Новое время» хлесткие статьи на патриотические темы, доказывая, что никчемное царское правление швырнуло Россию в руки ничтожных проходимцев. В его роскошной квартире на Невском происходили какие-то шумные собрания – на них стал обращать внимание контрразведывательный отдел столичного военного округа. Об этих собраниях, вернее, об интересе к ним начальника контрразведки Миронова докладывал Лавру Георгиевичу старший адъютант полковник Плетнев. В квартиру Завойко захаживал известнейший промышленник Алексей Путилов. В последнее время там стал появляться и распутинский убийца Пуришкевич.

Что же происходило на квартире инженера вечерами, за опущенными шторами?

Угарная эйфория от революционных перемен мало-пома-

ду проходила. Горячие головы остужались. Стали образовываться группы и товарищества с планами решительно пресечь неразбериху и хаос. Силы для этого имелись, и немалые. Возмущение становилось всеобщим. Средства? Найдутся также. Для святого дела ничего не жалко. Дело стало за руководителем, за человеком с ясной головой и железной волей, за диктатором.

В квартире инженера на Невском на днях оформилась организация, назвавшая себя так: «Круг спасения России». Два основательных кирпича уже легли в ее фундамент – «Общество экономического возрождения» и «Военная организация». Завойко был послан к генералу Корнилову с предложением стать во главе национального возмущения, нарастающего с каждым днем.

Для разгрома кабака по имени «демократия» требовалась властная, даже жестокая рука – рука хирурга с безжалостным и точным скальпелем.

Прежде чем остановить свой выбор на Корнилове, столичные оппозиционеры рассмотрели несколько фигур. В Петроград под разными предлогами вызывались адмирал Колчак, генералы Деникин, Врангель, Крымов. В конце концов склонились к Корнилову. Ко всем своим достоинствам он уже сидел в самой столице, занимая один из ключевых постов. Начинать – и это было общим мнением – следовало со спасения армии. Русской армии грозило полное уничтожение, превращение ее дивизий и полков в непрерывно митингующие ор-

ды. Рухнет армия – России станет не на чем держаться.

Ради армии генерал Корнилов был готов на все.

Дипломированный инженер по нефти, ставший в эти дни проницательным и умным журналистом, Завойко привлекал Корнилова своей невероятной осведомленностью о «Зазеркалье» происходившего в столице.

Постоянно коробило его в развязном журналисте единственное – свирепое антиеврейство. Во всех несчастьях России Завойко обязательно усматривал проказливую мордочку с горбатым носом и курчавенькими пейсами. О коварстве иудеев тот был способен спорить с кем угодно. Особенно уверенно рассуждал он о провокаторстве. Апофеозом этой подлой деятельности представлял в рассказах инженера знаменитый Азеф, злой гений не столько террористов, охотившихся за царем, сколько самой охраны, призванной беречь царя от покушений.

Едва речь заходила о провокаторстве, Лавр Георгиевич умолкал. Эта область оставалась для него неведомой, загадочной. А Завойко сыпал именами, датами, событиями. Он уверял Корнилова, что в самой основе сокрушения самодержавия лежит не что иное, как большое, великое провокаторство.

– Ваше превосходительство, неужели вы забыли Достоевского? «Погубят жида Россию...» Надеюсь, Достоевскому-то возражать не станете?

– Это почему же не стану? Еще как стану! Тоже мне... ка-

кая— то жалкая кучка, лапсердачники! Смешно же сравнивать! Кто мы и кто они?

— Хе-хе. А между тем эта жалкая кучка лапсердачников заставила все народы в мире плясать под свою дудку, жить по своим законам!

— Да не сочиняйте же, не сочиняйте, Владимир Семенович!

Я сочиняю? Позвольте, вы хоть имеете представление, что лежит в основе всей деятельности еврея? Одно-единственное — ростовщичество. Процент на капитал. Дал рубль — два отнял. И так во всем. Назовите мне город, где не было бы банка. Назовите отрасль, где не хозяйничала бы биржа. Нет таких! А что такое все эти банки, биржи? Заведения господ ростовщиков. У нас в России давать деньги в рост считалось смертным грехом. Но... появились господа евреи. Я человек промышленный и уверяю вас: попробуй те-ка сунуться в какое-нибудь дело без кредита. Немыслимо. Все так теперь поставлено, что дороги в банк не избежать. А это значит — прямо в лапы самого хищного еврея. А уж он своего не упустит и обдерет клиента как липку!

Корнилов возражал, уверяя, что вовсе незачем тащиться в этот самый банк. Алчность гонит, желание разбогатеть... Разве не так? Все равно что пьяницу в кабаке.

— Э, генерал, вы плохо знаете всю эту публику.

Лавр Георгиевич пожал плечами. На Востоке, совершенно несравнимом по древности с Европой, евреев давно ме-

тят, заставляя носить «нахи ланат» (пояс проклятия). Что-то похожее на колокольчик прокаженного или на каторжный бубновый туз.

– О, вот видите, видите! – обрадовался инженер. – Там разо брались, какое это мерзкое племя.

– Ну хорошо, тогда я вас так спрошу. Вот вы командир полка, стоите в обороне. И полк ваш, извините, донельзя завши вел. Спрашивается: кто виноват? По-вашему, вши виноваты. А по-моему, солдаты, офицеры, командир. Грязнули просто, вот и все!

– Так вы, – рассердился инженер, – похоже, и «Протоколов сионских мудрецов» не читали?

– Это почему же? Еще как читал!

– Ну и... Ну?

– Обыкновенный мобилизационный план. Проворонили! Мы точно такой же стащили у австрийцев перед войной через полков ника Редля.

– Но вы же видели, что там написано!

– А что бы вы от них хотели? Все, в конце концов, от нас зависит. Поэтому я и не понимаю... Когда я слышу: «Бей жидов», мне хочется заорать: «Бей дураков!»

– Но разве волки не опасны?

– Опасны. И еще как! И тигры опасны, и львы. И скорпионы, и фаланги. Змеи... Клопы опять же, блохи, вши. Но мыто, люди, не пропали. И не пропадем! Все от нас зависит.

– Стоп! Но если вы, как командир, вдруг нашли вошь у

солдата...

– Это безобразие. Немедленно баня, хар-рошая баня!

– Прекрасно! Давайте на этом и договоримся – баня. Вы ж видите, вокруг одни о н и!

– Не согласен. Засилье вижу, это да. Но обилия... нет, не вижу. Да и откуда ему взяться? Повторяю: сколько их и сколько нас!

С усталым видом Завойко замолчал, но продолжал смотреть на своего упрямого собеседника пристально, настойчиво. Под таким взглядом Корнилову стало неловко.

– Позвольте мне, Лавр Георгиевич, заехать вот с какой стороны. Вся поэзия, как мы знаем, посвящена воспеванию глаз. Но известна ли вам хоть одна поэтическая строка о почках или печени? Голову кладу, что нет. А между тем человек без глаз живет, но вот без печени, без почек... Да кто же с этим спорит!

– Вы, вы спорите, ваше превосходительство!.. Скажите, разве охранный отдел – это не печень и не почки государства? Их назначение – выводить из организма всяческие яды. А как наша охранка выводила эти яды? Позор! Ее эти яды переполнили... Один Азеф что стоил. Азеф – это самый настоящий цирроз печени. Наша охранка сгнила, продана. Сам Господь Бог отметил Азефа редкостным безобразием: Бог шельму метит... Так нет же!

– Но мы же о евреях...

– Так а я-то о чем? Я же о них и толкую. Наша охранка,

заявившись провокаторством, оказалась переполнена евреями. Один за одним... они забили там все. Они поразили этот важный орган. Генералы из охраны стали плясать под их дудку – вот в чем дело! Разве можно подпускать это племя к чему-нибудь жизненно важному? Боже упаси! В России и не подпускали... Были специальные законы. Охранка первой наплевала на запрет. И вот итог. Они поразили нас в самую печень!

– Тут с вами спорить трудно, – уступил Корнилов. Завойко обе руки приложил к груди:

– А зачем спорить? Зачем? Не надо спорить... хватит. А то... доспоримся.

В полном расстройстве он умолк, но все же не удержался и язвительно напомнил, как на днях командующий войсками столичного округа в компании с министром иностранных дел долго и униженно уговаривали каких-то двух пархатых пожалеть, пощадить, не губить русское офицерство!

Корнилов стал мрачнее тучи. Моментально вспомнилось, как пришлось унижаться и переругиваться, как ерничали развязные Нахамкес с Гиммером. Как бы то ни было, но от прямой расправы офицеров удалось спасти. Правда, комиссарчики все же отстояли армейские комитеты. С нынешнего дня командирская деятельность офицеров будет непременно контролироваться этими выборными органами. Тут даже каменный Милюков махнул рукой: черт с вами, пускай будет по-вашему!..

В Петрограде забастовали прачки. На Невский вышла демонстрация немолодых, увалисто шагавших баб с красными разваренными руками. Двое молодых бабенок в задорно повязанных платочках несли на палках плакат. Прачки требовали от правительства увеличения постирочной платы.

Впереди этого нестройного мужиковатого отряда семенила на подворачивающихся каблучках эксцентричная красавица в дорогих мехах. Она благоухала французскими духами. Это была большевичка Александра Коллонтай. Генеральская дочка, завсегда театральных премьер и вернисажей, она вдруг воспылала любовью к пролетариату и теперь пропадала в прокуренных ма-хоркой коридорах Таврического дворца. Зеваки с тротуаров – в котелках, мехах, офицерских фуражках – узнавали Коллонтай. Кое-кто притрагивался пальцами к полям котелков. Красавица выдергивала из муфты руку и принималась энергично махать над головой.

Прачки заворачивали лица в грубые деревенские платки и зверовато поглядывали по сторонам.

Через два дня после прачек забастовали петроградские приказчики. Гостиный двор закрылся. Кухарки с корзинами носились по городу, проклиная новую власть.

Временное правительство немедленно откликнулось на забастовки. Прачки переводились полностью на хозяйский кошт. Помимо этого им устанавливалось 35 рублей ежемесячного жалованья. Чем-то порадовали и приказчиков. Одновременно правительство приняло постановление о пенси-

ях бывшим царским министрам. Каждому положили не более 7 тысяч. В газетах насчет этого «не более» долго изощрялись острословы.

Сегодня Корнилова впервые пригласили на заседание Временного правительства. Он заранее подобрал и уложил в папку необходимые документы. Военные дела требовали срочного внимания властей. Нужно было наконец установить, кому на самом деле подчинялась русская армия: правительству (пусть и Временному) или же какому-то Исполкому Совета? Полагалось бы правительству, а в действительности во все военные дела самым бесцеремонным образом вмешивался Исполком. Можно сказать, Исполком Совета исподволь полностью прибрал к рукам столичный гарнизон. В тех, кто горлопанил в Таврическом дворце, солдаты видели своих единственных защитников. Однако – от кого? От офицеров? Что за абсурд!

Царское отречение сокрушительней всего ударило по русской армии. Это событие оказалось неожиданнее неприятельской разорвавшейся гранаты. Особенный урон понесли фронтовые части. Солдаты, голодные, немытые, обовшившие в грязных ямах, называемых окопами, сразу взяли под подозрение своих командиров. На офицеров, обязанных быть строгими начальниками, обрушился солдатский гнев. Это они поднимали их из окопов и гнали под пулеметный огонь, они же и теперь, когда царя не стало, не позволяли им воткнуть штык в землю и разбежаться по домам. Слава Бо-

гу, новая власть, не царская, не генеральская, сама приказывала: дави их, шкур золотопогонных! Никакого им доверия, все они паразиты на теле трудящегося народа! Теперь солдат сам будет назначать себе хорошего командира!..

На фронте, на передовой, солдат постоянно не хватало. Петроград же был переполнен запасными батальонами. Корнилов столкнулся с этим, едва появился в старинном здании штаба на Дворцовой площади. Освобожденные от дисциплины, без строя и подчинения, солдаты превратились в солдатню и стали настоящим бедствием столичных улиц. Везде, куда ни глянь, серые шинели нараспашку и аршинные матросские клещи, заляпанные грязью. И каждый смотрит задорно, нагло, у каждого через плечо небрежно накинута засаленный винтовочный ремень.

В солнечные дни, когда морозы отпускали, Петроград напоминал узловую станцию в прифронтной полосе.

Лавр Георгиевич знал, что он не создан царедворцем и своей армейской прямою способен лишь наживать себе врагов. Однако наблюдать за тем, что происходит, и молчать – невыносимо. Преступно молчать! Новое двоевластие в России опасно, губительно. Особенно для армии...

От бессовестной демагогии буквально глохли уши. Во всех без исключения газетах разнузданная солдатня льстиво именовалась «сторожевыми псами революции». Попробуй-ка после этого подать им команду командирским зычным голосом!

Тыловое разложение достигло крайнего предела, и Корнилов намеревался об этом говорить...

Автомобиль подъехал к Зимнему дворцу со стороны Кавалергардского крыльца. Адьютант, полковник Плетнев, выскочил первым и ждал на нижней ступеньке лестницы. Он стал подниматься за Корниловым на шаг позади.

Внизу к подъезду подкатил еще автомобиль. Полковник Плетнев стал изумленно пучить глаза. Лавр Георгиевич не удержался и оглянулся сверху. В подъехавшем автомобиле на коленях у рыжего солдата с винтовкой сидел жгучий кавказец с усами. Солдат баюкал кавказца, словно великовозрастного капризного ребенка. Кавказец слез с колен и стал выбираться из машины. Это был Чхеидзе, один из главарей Петроградского Совета депутатов. Он, как и все новые властители России, панически боялся покушений.

Малахитовый зал был переполнен и гудел. Многолюдье поразило Корнилова. Царила какая-то базарная, совсем не правительственная толчея. Неужели все это министры? Сколько же их? Потом он узнал, что приглашены и члены Исполкома Совета. Ах, новая власть? Очень любопытно! Перед ним мелькали тусклые, невыразительные лица – ни на одном не останавливался взгляд. Сплошь серое беспокойное пятно... Но нет, вот и знакомые фигуры: сблизив головы и разговаривая на ходу, проплыли белый как лунь Милюков и полнокровный, с короткой шеей Гучков, военный министр. Перед ними расступались – деятели, известные на всю Рос-

сию еще с думских времен.

Стремительно, как бы рассекая выставленным плечом податливую толпу, промчался крайне нервный господин, в котором все было торчком: короткие волосы, зрачки, вздернутые плечи. Одетон был в нерусский френч и кожаные краги. За ним гнался могучий матрос с бутылкой молока. Убегая от матроса, нелепый господин сердито оборачивал потное мясистое лицо и ругался... Лавр Георгиевич признал знаменитого адвоката Керенского. После удаления почки врачи прописали Керенскому свежее молоко. Матрос был приставлен напоминать ему о времени питья.

Заседание открыл невысокий рыжеватый человек с профессорской бородкой – князь Львов, известный земский деятель. Люди стали тыкаться на свободные места, гул в зале постепенно стих.

Новые власти объявили об очередном сокращении хлебного пайка. Предполагалось введение карточек – пока на мясо. Перебои с продовольствием продолжали волновать рабочие окраины столицы. Следовало принять меры, чтобы предотвратить взрыв народного гнева. Следующий оратор потребовал от правительства внимания к солдаткам и вдовам погибших на фронтах. Он предлагал незамедлительно вотировать увеличение денежного пайка до 20 рублей на каждую осиротевшую семью. Князь Львов хотел голосовать, как вдруг на трибуну выскочил раскосмаченный человек и пылко потребовал декрета: уравнять в правах гражданских

жен с законными... Лавр Георгиевич стал с беспокойством ерзать. Ну а война-то?.. Армия? Неужели позабыли? Пора бы дойти очереди и до военных дел.

Дверь в зал внезапно распахнулась – как видно, от удара ногой. Напряженно балансируя подносом, показался солдат, на коленях которого приехал Чхеидзе. Солдат оказался тоже кавказцем, только совсем белесым, почти рыжим. Не обращая внимания на сидевших в зале, он бережно нес поднос с тремя судками. Лавр Георгиевич остолбенел. Однако, кроме него, солдата никто не замечал, все продолжали слушать раскосмаченного человека. Солдат пробрался к Чхеидзе и стал снимать судки. Он открыл крышку и понюхал. «Ешь!» – приказал он своему начальнику. Приняв судок, Чхеидзе тоже вобрал носом ароматный пар, взял ложку и, хлебая, продолжал слушать, что там выкрикивает с трибуны раскосмаченный.

Лавр Георгиевич стал искать глазами военного министра и не нашел. Гучков сумел незаметно скрыться.

«Балаган... Кабак!» – возмутился Корнилов и стал выбираться из переполненного зала.

Инженер Завойко искренне жалел Корнилова. На плечи командующего столичным округом свалилась тяжесть неподъемная. Политик никак не мог убить в нем генерала.

В политике, особенно в большой политике, полагалось провозглашать одно, однако поступать совершенно по-другому. Политик профессиональный лжет и лицемерит легко,

небрежно, как и дышит, не сморгнув глазом. Как раз эти качества не давались генералу. Он испытывал отвращение ко всякому, кто легко перерождался, перестраивая свои убеждения в угоду обстоятельствам. Сколько же выявилось бессовестных приспособленцев, хулящих ныне то, чему еще так недавно они поклонялись!

В меру своих сил инженер помогал Корнилову и с удовольствием стал ощущать, что сделался ему необходимым.

2 апреля, в начале дня, инженер Завойко появился в генеральском кабинете и положил на стол свежую листовку. Он только что на Невском купил ее у мальчишки газетчика. Лицо инженера светилось невысказанным торжеством.

Лавр Георгиевич опустил лицо и стал читать: «ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БОЛЬШЕВИКАМ СОВЕТА ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ». Не удержавшись, онглянул на оборот листовки и увидел подпись Пуришкевича. Знаменитая фамилия! Отвечая на его безмолвный вопрос, Завойко утвердительно кивнул: да-да, тот самый...

Владимир Митрофанович Пуришкевич, убийца Распутина, слыл в России главным юдофобом и непримиримым обличителем еврейства. Выходец из Бессарабии, из самой сердцевины пресловутой «черты оседлости», он собственными глазами видел, как тонко и искусно вздымался «девятый вал местечкового возмущения». После первого антирусского восстания в 1905 году («первая русская революция») Пуришкевич создал и возглавил «Союз Михаила Архангела».

Он уверенно владел пером и в своих статьях возмущался наигранной истерикой всевозможных «прогрессистов», про-свещая ленивого российского обывателя насчет долголетней настойчивой работы террористов-революционеров.

Став депутатом Государственной думы, Владимир Митрофанович своими обличительными выступлениями с трибуны заслужил как восторженное почитание одних, так и лю-тую ненависть других.

Однажды, получив слово, он вышел перед залом и сде-лал знак думским приставам. Двое приставов поднялись к нему. Он вручил им длинную ленту черного цвета и попро-сил растянуть ее поперек зала. Лента протянулась от стены до стены. Депутаты увидели сплошную череду фотографий, наклеенных на ленту. С высоты трибуны Пуришкевич объ-явил, что народные избранники видят своими глазами порт-реты жертв так называемого «освободительного движения». За последние годы от бомб, пуль и кинжалов террористов погибло более 20 тысяч человек. При этом не следует забы-вать, что злоумышленниками убиваются, как правило, самые выдающиеся деятели России.

Не ограничившись демонстрацией в зале Думы, Влади-мир Митрофанович составил и издал несколько томов под общим названием «Книга Русской Скорби». Оформить это памятное издание взялся замечательный русский художник Виктор Васнецов.

Пуришкевич, пожалуй, первым из политических деятелей

новой России указал на опасность большевизма. Активную и бесцеремонную деятельность недавно возникшего Совета он связывал с замыслами большевиков на захват власти во взбаламученной России.

Листовка, которую Завойко положил перед Корниловым, являлась как бы звоном колокола, оповещавшим о надвигающейся беде.

Лавр Георгиевич читал: «Пользуясь свободой слова, равною для всех, я, по обыкновению своему, выступаю открыто и, посылая вам ряд нижеприведенных обвинений, требую на них категорического ответа. Я ОБВИНЯЮ ВАС...»

В обращении содержалось 10 пунктов обвинения. С особенною страстью Пуришкевич возмущался намеренным развалом русской армии.

«Я обвиняю вас, что вы преступно развращаете армию... Я обвиняю вас в бесконечных жертвах разгула вашего пера, проникшего в армию, поселившего недоверие между солдатом и офицером, которые в течение более двух с половиною лет, живя в дружбе и согласии братьями в окопах, отстаивали честь Родины на ее границах, страдая, терпя и умирая за родные святыни.

Я обвиняю вас в том, что вы понижаете боеспособность русской армии, давая право каждому члену ее быть компетентным судьей задачи исторической борьбы русского народа и усугубляя тем самым разномыслие в рядах армии...

Я обвиняю вас в беспримерном отсутствии патриотизма, в

пренебрежении к насущнейшим нуждам русского войска...

Я обвиняю вас в том, что среда ваша кишит бесконечным числом провокаторов, раньше работавших на средства департамента полиции, а сейчас несомненно нашедших поддержку своему существованию в щедрых карманах Гогенцоллернов...

Я обвиняю вас в том, что под видом защиты завоеваний народа в области свободы вы держите в столице громадное количество войск, необходимых на фронте...

Я считаю ваши действия величайшим преступлением против Родины в настоящее время, когда сильный враг у ворот наших и над государственным существованием нашим занесен отточенный немецкий нож...

Вы не народ... Вы совершаете величайшее преступление против России.

К ответу вас, ^к ответу, лицемеры с душою Каина, с руками Понтия Пилата!»

Как видим, самиздат имел хождение задолго до советской власти. Помимо «Обращения» Пуришкевича также в виде прокламаций распространялась речь Милюкова в Думе «Что это: глупость или измена?»

Примечательно, что после Октябрьского переворота Пуришкевич был арестован незамедлительно. Он стал арестантом № 1 молодой советской власти и самым первым узнал все «прелести» подвалов грозной и кровавой ВЧК. Кончив чтение, Лавр Георгиевич с удовлетворением откинулся на спин-

ку кресла. Молодчина! Его особенно тронула тревога Пуришкевича о судьбе российской армии. Завойко же, по обыкновению, «бурил глубже»: он продолжал доказывать упрямому генералу (испорченному дремотным Востоком), что Россия становится очередной жертвой кровавого нашествия новых хазар. Большевики пока что очень малочисленны – это на самом деле так. Но разве в Китае не говорят, что даже путь в тысячу верст начинается с первого шага? Разве самое свирепое пламя не разгорается от крохотной искры?.. Настойчивые усилия умницы инженера начинали приносить первые плоды. В тот день после листовки они впервые не заспорили и стали рассуждать об удивительной уживчивости русского народа, собравшего под свое крыло десятки самых разнообразных племен. И все живут в мире и согласии. Все... кроме евреев. Но в основе еврейского вопроса – многовековое коварство этих квартирантов на русской земле. Сама религия евреев побуждает их постоянно сеять злые семена национального раздора... Невольно вспомнилось Смутное время, подлость перебежчиков-бояр и тайный талмудизм Лжедмитрия II. Как тогда спаслась Россия? Ее спасли национальные вожди. Сейчас же во всей России не видно ни одного вождя – сплошь партийные главари. Но главарь – отнюдь не вождь, тем более национальный. На посту вождя должен находиться не карьерист, но человек долга.

Через день, 4 апреля, в Петрограде начала работать сессия Совета рабочих и солдатских депутатов. Особенно злоб-

но ораторствовали Гоц, Либер и Гендельман. Они настояли на резолюции: «Дать решительный отпор всяким попыткам правительства уйти от контроля демократии». На первый взгляд это были угрозы князю Львову и его министрам Гучкову с Милюковым. На самом же деле камни летели в огород командующего войсками округа. Новые хазары быстро вычислили человека, с именем которого связывались надежды на обуздание хаоса в государстве. Против Корнилова свидетельствовало его желание железною рукой навести необходимую дисциплину. По этой железной руке Исполком Совета уже однажды треснул – когда новый командующий вознамерился освежить столичный гарнизон боеспособными частями с фронта.

Контроль за деятельностью правительства на деле означал всевластие Совета.

Существовавшее двоевластие все больше тяготило деятелей Исполкома.

Корнилов своих планов не скрывал. Инженер Завойко называл эту открытость сущим безрассудством. Разве мыслимо идти на пулеметы во весь рост?!

Боевому генералу следовало стать еще и опытным политиком. Однако времени для этого уже не оставалось...

Накануне сессии Совета, 3 апреля, в Петрограде произошло событие, которое в конечном счете и привело к отставке Корнилова с важного поста командующего войсками округа. Вечером того дня на Финляндском вокзале огромные толпы

народа встречали главаря большевиков Бланка – Ульянова – Ленина, сумевшего наконец прорваться в бурливший Петроград из далекой и спокойной Швейцарии. Гремели оркестры, реяли знамена, грозно поводил хоботом зеленый броневик. Свет прожекторов сверкал на множестве штыков. Вскарabкавшись на броневик, приехавший сорвал с головы кепку и, отчаянно картавя, принялся кидать в жадно внимавшую толпу гневные призывы к народному возмездию.

О митинге на вокзале Корнилову поведал Савинков, явившийся вдруг на Дворцовую на следующий день после резолюции Совета о контроле над правительством.

Второе появление знаменитого террориста в корниловском кабинете показывало, что этот отчаянный человек сделал свой выбор. Деятельная натура Савинкова изнывала от безделья. Он всей душой рвался в активную политику.

На этот раз Савинков заявился обремененный множеством важных и секретных сведений. С ним был молчаливый человек в мундире без погон. Этот спутник не произнес ни слова, говорил один Савинков. Связав приезд Ленина с решительной резолюцией Совета, бывший террорист предрек, что со вчерашнего вечера обстановка в Петрограде сильно обострится. Ленин «застоялся» в эмиграции и рвется действовать. Савинков знал Ленина в Париже – раза два их пути случайно пересеклись. Этот господин, предупредил Савинков, большой любитель острых блюд. Недаром еще 6 марта, находясь в Швейцарии и стремясь оттуда вырваться лю-

бой ценой, Ленин отчаянно телеграфировал своим агентам в Осло и в Стокгольм, требуя от них самого главного: вооружения пролетариата, то есть создания рабочих батальонов и раздачи им на руки винтовок.

Корнилов желчно проговорил:

– Совет... Кто там? Одни сплошные эмигранты.

– Генерал, – самолюбиво дернулся Савинков, – я сам эмигрант!

– Но вы же, надеюсь, не изменник?

– А вы что, всех в Совете считаете изменниками?

– А вы? – стал сердиться генерал.

– Н-ну, знаете ли, тут, как говорят хохлы, треба разжуваты.

– Некогда, некогда жуваты. Идет война! От нас же ничего не останется. Как этого не понимать!

– Да я-то понимаю.

Не о вас речь, не о вас! Савинков, разговаривая с генералом, всячески старался подчеркнуть, что он не новичок в военном деле. В Петроград он вернулся из Франции, где сражался с немцами добровольцем в рядах французской армии. На Родину его позвала свершившаяся революция. Во Франции он своими глазами видел бунт русских бригад. Французское командование жестоко расправилось с бунтовщиками – как с дикарями. Теперь послы снова осаждают князя Львова и Милюкова с просьбами послать на Западный фронт новые русские бригады. Савинков сравнил послов союзников

с обыкновенными прасолами, озабоченными поисками свежего «пушечного мяса». Какой, однако, смысл русским умирать во Франции? У них достаточно горячих дел и на родной земле!

Предсказывая бурное развитие событий, Савинков несколько не ошибся. Свою лепту в первый правительственный кризис внесли как раз послы союзников («прасолы», по меткому определению Савинкова). Они на самом деле постоянно наседали на Временное правительство, требуя одного – солдат, солдат, солдат. Русские солдаты им требовались на Западе, под Верденом, русские же солдаты были обязаны ударить по Германии с Востока, срочно предприняв большое наступление.

Намерениям союзников воевать чужою кровью в те дни противостоял один Совет. Коса нашла на камень: правительство собиралось воевать, Совет стремился к миру. Армия, вся солдатская масса в окопах и в Петрограде, волновалась.

В конце апреля Временное правительство под неустанным нажимом послов обнародовало заявление Министерства иностранных дел. Милюков, глава внешнеполитического ведомства, заверил правительства Франции и Великобритании в решимости России вести войну до окончательной победы над врагом. Это был открытый вызов Совету. Временное правительство как бы демонстрировало, кто является настоящей властью.

Большевики немедленно подняли крик. Обращаясь к сол-

датам, они вопили: «Вас гонят умирать ради победы союзников!» (К сожалению, это было настоящей правдой.) Улицы Петрограда мгновенно забурлили. Солдатский штык за сверкал карающе грозно.

В штабе округа наступили горячие денечки. Наперебой заливались телефоны.

Наконец на Дворцовую примчался сам Гучков. Его восточные глаза косили от испуга. Забыв о самолюбии, он лепетал, что наступил момент употребить имевшуюся власть.

Еще в германском плену оба генерала, Корнилов и Мартынов, много рассуждали о многочисленных талантах Наполеона. Военный гений корсиканца был неоспорим. Но был один поступок, один шаг, который затушевывался, а между тем он не только открыл Наполеону путь к вершинам власти, но и преобразил всю историю Европы. Это было не взятие Тулона, вовсе нет, это было 13 вандомьера, когда молодой французский генерал несколькими залпами картечи усмирил толпы парижской черни. В тот день паперть церкви Св. Роха покрылась кровавым месивом, но порядок в столице был восстановлен... Точно так же поступил и Николай I 14 декабря 1825 года. Рассеяв пушками мятежников, а затем повесив всего пять их главарей, новый государь уберег страну и народ от океанов крови.

Гучков, в расстегнутом пальто и в шапке, выглядел жалко. Заглядывая Корнилову в глаза, он уверял:

– Совет играет на руку большевикам!

Лавр Георгиевич без всяких колебаний снесся с родным Михайловским училищем. Он приказал сформировать и выдвинуть на Дворцовую площадь, к Зимнему дворцу, две артиллерийские батареи. Сам вид орудий должен вразумить отчаянные головы. Скорей всего, открывать огня и не доведется. Достаточно хорошенько припугнуть.

Гучков уехал из штаба успокоенный. Его покорила уверенная властность командующего войсками округа. На этого человека можно положиться.

Проводив министра, Лавр Георгиевич подошел к окну. С Невского проспекта на площадь вливались все новые толпы. Народ совершенно обезумел. Как они поведут себя, увидев боевые батареи?

Свое распоряжение Корнилов считал единственно разумным. В такую критическую минуту он выступил, что называется, «конно, людно и оружно».

Но почему так долго нет орудий?

Нервничая, Лавр Георгиевич принялся подстегивать адъютантов.

Наконец старший адъютант полковник Плетнев решился сказать командующему, что за ворота артиллерийского парка не выехало ни одно орудие. Причина? Распоряжение Исполкома Петроградского Совета. «Лапсердачники» из Таврического дворца своей властью отменили приказание командующего войсками округа.

В штаб округа пришло уведомление, что впредь любой

приказ военной власти будет исполняться только с одобрения Совета.

На стол Корнилова легло обращение Совета к солдатам столичного гарнизона: «...С оружием на улицу не выходить. Не исполнять приказов вашего командования. Право распоряжаться вами принадлежит исключительно Исполнительному комитету... При любом приказе звоните и проверяйте по телефону 104-06...»

Минута была тяжелая. Для чего в таком случае существует штаб округа? Чем он командует, чем распоряжается? Веки Корнилова набрякли, острее обозначились скулы. Он приказал подать автомобиль и поехал к военному министру. Офицерская честь требовала, чтобы он подал в отставку. Он так и сделает. А уж Гучков пускай решает, принимать или не принимать. Но если только министр примется его уговаривать, он поставит жесткие условия... Он не лакей и приспособляться к этой власти не желает (и не умеет!).

В автомобиле по дороге Лавр Георгиевич размышлял о том, что война обрыдла, что мир необходим. Но зачем же забывать о чести? У немцев дела похуже наших. Ну так и пускай подсократят свои амбиции! А то... победители! Так не годится...

В приемной министра Лавр Георгиевич появился, когда из кабинета вышли двое посетителей. В одном из них Корнилов узнал начальника столичной контрразведки полковника Миронова. Его спутником был вертлявый французик Сико,

агент фирмы Рено. Прежде чем вступить в министерский кабинет, Лавр Георгиевич подумал: «Что связывает начальника контрразведки с этим марвихером?»

Министра было не узнать. Он ничем не напоминал того растерянного человека в расстегнутом пальто, каким вчера примчался в штаб округа. Слушая Корнилова с принужденным видом, Гучков избегал смотреть в глаза. Заявление об отставке он принял с заметным облегчением и тут же заверил Корнилова, что свяжется с генералом Алексеевым. Министр пообещал ему пост командующего войсками Северного фронта.

– Вы нам нужны поближе к Петрограду, генерал.

Выслушав, Корнилов стиснул зубы. Так, так... Сбывались самые роковые предсказания. Временное правительство меньше всего озабочено безопасностью своей страны, своего народа... Не говоря ни слова, Лавр Георгиевич поднялся и твердым шагом вышел из кабинета.

В штабе на Дворцовой Корнилова поджидал Завойко. Он с одного взгляда понял, что происходит с генералом. Они уединились. Инженер положил перед Корниловым вчерашний номер «Биржевых ведомостей» с напечатанным «Воззванием»: «ЕВРЕИ, ГРАЖДАНЕ ПЕТРОГРАДА! Подписывайтесь на заем Свободы. Сионистская организация принимает подписку от евреев в особой кассе Сибирского банка № 44. Каждый еврей должен иметь облигации займа Свободы!»

Завойко напомнил, что примерно то же самое прозвучало

пять лет назад, когда еврейским террористам удалось наконец казнить Столыпина...

Дальнейшее развитие событий Завойко указывал только «в еврейском направлении». Уж они такого случая не упустят!

На вопрос Корнилова, кто примет командование округом, Завойко пренебрежительно махнул рукой: свято место пусто не бывает... В последнее время вдруг начала подниматься звезда некоего Верховского. Не обладая военными талантами, он демонстрировал поразительное умение приспособиться к власти имущим. Верховский... Сослуживец по Туркестану. В молодые годы воспитывался в Пажеском корпусе. За чудовищный разврат был изгнан и послан служить солдатом в отдаленный туркестанский гарнизон. Там сумел выслужить первый офицерский чин. Генерал Самсонов аттестовал Верховского так: «Прилежен к женскому полу... В умственном отношении скромн...» Генерал Куропаткин судил гораздо строже: «В мирное время бесполезен, в военное время будет вреден». Попав в р-революционный Петроград, Верховский объявил себя сторонником демократии. В последнее время он почему-то вдруг стал сблизиться с министром юстиции Керенским.

Лавр Георгиевич вспомнил, как этот Керенский своим неожиданным появлением в Совете помог им с Милюковым сломить упорное сопротивление Нахамкеса и Гиммера. Выходит, за спиной министра юстиции имеется сильная рука?

В глазах инженера мелькнула ирония. Седой генерал по-прежнему верил, что этому ничтожному племени не по силам тягаться с гигантской Россией.

– Лавр Георгиевич, да никакой он не Керенский. Это фамилия его отчима, директора Симбирской гимназии. На самом деле он – Кирбис, Арон Кирбис.

По словам Завойко, мать Керенского считается известная террористка Гесья Гельфанд, участница зверского убийства Александра П. Схваченная на месте преступления, она была приговорена к повешению. Беременность террористки отсрочила день казни. При родах она умерла. Маленького Арончика, оставшегося сиротой, долго и заботливо опекал известный адвокат Слиозберг, влиятельный член тайной ложи «Бнай Брит». В революционных кругах России и зарубежья Керенского постоянно почитали как сына Геси Гельфанд.

– А разве, – вспомнил он, – когда вы встречаетесь с вашим Гучковым... вы ничего не замечаете?

– Н-ну... разве что глаза.

– Вот именно! Его фамилия по матушке Лурье. Иудей чисто породный!

– Так мы что... – вырвалось у генерала, – совсем уже завоеваны?

В ответ Завойко испустил тяжелый вздох:

– Петроград – это гноище, Лавр Георгиевич. Разве вы еще не убедились? Ваше место на фронте. Мы все надеемся, что

армия скажет свое слово. Так что подальше от этой помойной ямы, подальше!

Он объявил, что тоже намерен вырваться из Петрограда. Не исключено, что вскоре они могут и увидеться. Каким образом? Где? Завойко рассмеялся и сказал, что позаботится об этом сам.

И они расстались...

На посту командующего войсками Петроградского военного округа Корнилов продержался недолго – всего полтора месяца. Но и за эти шесть недель вблизи верхов новой российской власти он узнал такие зигзаги политического «Зазеркалья», каких ему не доводилось видеть даже за границами Отечества, куда он отправлялся то в мундире русского военного агента, то в немислимых лохмотьях, не только преобразив свою внешность, но и переменив самое имя.

Его столичный пост оказался чрезвычайно важным. Всеобщая разруха, насаждаемая намеренно, искусственно, вызвала возмущение здоровых сил русского общества. Инстинкт нации, попавшей в беду, толкнул ее к испытанному средству спастись и сохраниться – к армии.

Из всех государственных структур царской России никак не соглашалась погибать русская армия. Рухнула дисциплина, продолжались расправы с офицерами, полки митинговали, но оставался Генеральный штаб и сохранялись традиции, корнями уходившие во времена древнекняжеских дружин. Человек в военном мундире обязывался присягой на

всю жизнь быть защитником Отечества с оружием в руках.

За шесть недель в столице Лавр Георгиевич установил – вернее, с ним установили – связь с несколькими патристическими организациями. В первую голову следует назвать «Республиканский центр». Беда Отечества объединила в этой группе людей самых разнообразных политических пристрастий. Одно время они действовали потаенно, собираясь вечерами в помещении «Общества Бессарабской железной дороги» на Невском. Преобладали люди промышленности, с деньгами, но имелись и военные. Общее мнение выработалось такое: и правительство, и Совет лишь попросту теряют время на митинговую болтовню, главная беда грозит из особняка Кшесинской, от большевиков. Туда сходятся все недовольные и раздраженные, там спрессовывается вся ненависть уставших от войны, от неразберихи, от прямой измены. Каждый из тех, кто там днюет и ночует, не задумываясь воткнет свой штык в барский живот под жилеткой или под мундиром. Завойко со своей поразительной памятью-кладовой немедленно припомнил, что приехавший недавно Ленин с самого 1905 года прямо-таки грезил именно гражданской войной. И он своего добьется, такая война грянет, что несчастная Россия задохнется в пароксизме чудовищного взаимоистребления, если только... если только не принять срочных, ясных, решительных мер. Тут все надежды снова обращались к армии. Помимо силы с оружием в руках именно там имелись люди, способные на властные

команды. А в нынешней сумятице так требовался хозяйский зычный голос!

«Республиканский центр» располагал солидными средствами – на святое дело денег не жалелось. Корнилова привлекало, что промышленные люди действовали плечом к плечу с военными: в организации имелся так называемый «Военный отдел». Под крышей этого отдела собрались «Военная лига», «Совет союза казачьих войск», «Союз георгиевских кавалеров», «Союз инвалидов», «Комитет ударных батальонов», «Союз воинского долга», «Союз бежавших из плена». О существовании многих организаций Лавр Георгиевич даже не догадывался. Однако стремление к действию вдохновляло. Народ, вначале растерявшись, очнулся и протирал глаза.

Март пролетел необычайно быстро, наступил апрель. Этот весенний яркий месяц оказался последним в корниловской столичной жизни.

Заявление о своей отставке Корнилов сделал 23 апреля.

Гучков, исполняя обещание, вызвал к аппарату генерала Алексеева. Тот проявил строптивость и отказался заменять генерала Рузского. Он так и заявил о кандидатуре Корнилова: «неприемлем». Гучков попробовал нажать (все же министр!), Алексей пригрозил отставкой. Этого еще не хватало! Гучков испугался и уступил. Договорились предложить Корнилову пост командующего 8-й армией на Юго-Западном фронте.

Лавр Георгиевич согласился без лишних слов. На другой день он выехал в Каменец-Подольск, в штаб армии.

Тем временем события в Петрограде развивались своим порядком. Едва появившись в штабе армии, Лавр Георгиевич узнал, что «нота Милюкова» обошлась дорого и самому правительству. Свои высокие посты оставили сразу двое министров – Милюков и Гучков. К изумлению Корнилова, военное министерство возглавил адвокат Керенский.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Борис Викторович Савинков, выдающийся конспиратор и подпольщик, знаменитейший террорист, отправивший на тот свет не одного крупного сатрапа царского режима, переживал нечто похожее на истинное потрясение – так подействовала на него неожиданная встреча с давнишним знакомцем. Если быть точнее, то поразила его, человека закаленного внезапностями своей боевой профессии, не сама встреча, хотя столкнуться нос к носу с человеком, мысленно отпетым и похороненным, было подобно грому над головой или проблеску молнии перед глазами. Савинков был сражен непостижимым поведением знакомого, на которого он буквально наскочил у входа в ресторан «Альпийская роза», куда, как недавно выяснилось, полюбили заглядывать сотрудники английского посольства в Петрограде.

Знакомцем, внезапно встреченным на пороге ресторана, был Рутенберг, инженер и конспиратор-террорист, пропавший вдруг из Петрограда (тогда – еще Петербурга) после загадочного исчезновения попа Гапона, тоже человека знаменитого на всю Европу и сильно донимавшего прежнюю, старорежимную охранку со всеми ее филерами, провокаторами и генералами. Гапон исчез так таинственно, как будто провалился в землю, и вдруг спустя месяц был обнаружен на даче в Озерках болтающимся в петле, закрепленной на вешалке в

прихожей. Пустынная, заброшенная дача принадлежала инженеру Рутенбергу.

Рутенберг вышел из «Альпийской розы» не один, а со спутником, и Савинков, как ни был поражен явлением давно сгнувшего знакомца, одним летучим взглядом натренированного конспиратора признал в этом его спутнике успешного уже примелькаться развязного одесского еврея Розенблюма, таскавшего в кармане добротный документ на имя подданного Великобритании Сиднея Рейли. Искусно-пронырливый и обходительный, этот еврейчик был поразительно смазлив. Своей оживленной физиономией он сильно смахивал на итальянца. Савинков заметил, что английское посольство усиленно напичкивало Петроград именно молодыми, именно привлекательными сотрудниками, как будто намеревалось использовать их в качестве неотразимых соблазнительниц. На такие вещи глаз у Савинкова был наметан: природных бабников он засекал без промаха... Впрочем, в число официальных сотрудников посольства Рейли (он же – Розенблюм) как будто не входил.

Так, значит, Рутенберг живой и невредимый? Где же он столько пропал?

Ошеломленный внезапной встречей, Борис Викторович сделал произвольное движение, неподготовленное совершенно, а следовательно, искреннее и душевное: он приостановился и даже, кажется, раскинул руки, собираясь обниматься. Еще бы, столько лет и столько зим!

О дальнейшем Савинков постоянно вспоминал со стыдом. На его сердечное движение не последовало отзыва. Рутенберг повел себя так, словно они виделись вчерашним днем. Он лишь приостановился для небрежного рукопожатия и, торопясь к ожидавшемуся спутнику, нетерпеливо высвободил руку.

– Я вас найду, – пообещал он на ходу. Слово какому-то кабацкому пристава, пьяненькому прилипале!

«Те-те-те... Что бы это значило?» Савинков был обескуражен и оскорблен. Такой тычок, такое, с позволения сказать, великобар-ское отпихивание! Да уж не с ума ли он сошел? Как смел?

Невыразимая нелепость положения заключалась в том, что столь искренне обрадоваться встрече (и броситься, естественно, с объятиями) полагалось Рутенбергу, а вовсе не ему, Савинкову, всемогущему повелителю загадочных и безжалостных боевиков. Кто такой, в конце концов, этот ничтожный инженеришка по сравнению с ним, чье имя заставляло вздрагивать министров и губернаторов! Подчиненное, зависимое положение Рутенберга было таким, каким ему и полагалось в боевых террористических организациях, где высшие лишь повелевают, а низшие исполняют приказания беспрекословно. Рутенберг всю свою жизнь и являлся таким низшим бессловесным исполнителем. Как он сиял, как ликовал, когда Савинков находил необходимым милостиво обратиться к нему свой надменный лик! Этот редкий знак вни-

мания Рутенберг искренне воспринимал как отличие и поощрение. И вдруг... вот эта нелепая встреча!

Подумать только – сунул руку на ходу и убежал! Не оглянулся даже... Да что же, черт возьми, происходит нынче в Петрограде и в России? Отчего вдруг так переменялись люди? Или, может, так изменились времена?

Встреча с Рутенбергом повергла Савинкова в глубокие и мрачные раздумья. В эти дни, когда вокруг, куда ни глянь, правила свой пышный бал сплошная эйфория, Савинков, напротив, находился в постоянном раздражении, в затянувшемся приступе исступленного недовольства всем и всеми, грозившем, как он знал по опыту, перейти в самую настоящую злобу, в ненависть обманутого неудачника, опоздавшего на общий праздник. Во все дни своего нынешнего пребывания в бурлящем Петрограде Борис Викторович не переставал испытывать нарастающее ощущение своей ненужности, своей, что ли, отстраненности от главного, от основного, что происходило и вершилось. Говоря по совести, он страдал от своей не востребованности для событий, которые готовил всей боевой кровавой жизнью. Столько рисковать, столько сделать и вдруг оказаться на обочине, чуть ли не в канаве!

Интересно бы спросить всех этих скороспелых революционеров, доставало ли у них смелости угрожать жизни самого царя? Зато сейчас – только послушать!.. Савинков испытывал досаду, что он пересидел во Франции и с возвращением в Россию сильно запоздал. Но он же воевал, а не развратничал

в Париже! Он и во Франции, как мог, работал на свержение проклятого царизма! Эту его заслугу, этот фанатизм, это постоянство отметил, кстати, такой человек, как Уинстон Черчилль, потомок славных Мальборо. К слову, он его и обнадежил насчет будущего: Черчилль, уже прощаясь после встречи, обронил, что в российской буре Савинкову предстоят великие дела. А такие люди слов на ветер не бросают... Ободренный разговором с Черчиллем, воспаляемый надеждами, Савинков рванулся в Петроград. И что же он увидел, что застал? Оказывается, он здесь никому не нужен.

Гордость его воспламенялась, он зажмурился и скрипел зубами. А тут еще эта встреча с Рутенбергом...

Перед глазами Савинкова сами собой воскресли великие события двенадцатилетней давности. Как вроде бы все давно происходило, а в сущности совсем-совсем недавно. Тогда, после российского позора от японцев, после унижительного Портсмутского мира, с которым Витте вернулся из Америки, вкрадчивый и обходительный Рутенберг стал настоящей тенью глупого доверчивого Гапона. Так ему было приказано, и так он все исполнил, превратившись чуть ли не в родственника наивного попа, поверившего в свое великое предназначение. Рутенберг был с ним под огнем солдат на площади, он уползал с ним в подворотню по крови и валявшимся телам, он с ним прятался потом и умело конспирировал (даже сам остриг его тупыми ножницами), уехал с ним за границу и там провел по всем заранее намеченным адресам.

Примечательна пестрота людей, встречавшихся с Гапоном, принимавших в нем участие. Первый свой приют он нашел в Париже на квартире Азефа. Затем мятежного священника прини мали Ленин и Плеханов, французские социалисты, а в Англии даже особы королевской крови. Однако чем основательнее становились эти зарубежные знакомства, тем все более мрачнел Гапон. Наступало запоздалое прозрение, страшное, смертельное. Он помнил, что рабочие Питера, вся многотысячная доверчивая масса, двинулись к царю с одной целью: пожаловаться, как отцу. Но разве не шныряли люди, подбивая молодых рабочих разбить оружейные магазины на Большой Конюшенной и на Литейном? А Рутенберг вдруг зачем-то потребовал побросать все хоругви с иконами и, вооружившись, пробиваться к Зимнему с боем!.. Все это вспоминалось, и Гапон мрачнел. Азеф, Рутенберг... Плеханов с Лениным... Какой клубок интриг, какая круговерть! Куда его занесло? День ото дня Гапон становился все более желчным, раздражительным. В его сочном украинском языке все чаще прорывалось: «жиды», «жидовская шайка». Это был опасный признак. Еще немного, и прозревший поп примется каяться, замаливать свои невольные грехи.

Окончательно его судьбу решило перехваченное письмо. Гапон написал его и отправил на родину тайно от Рутенберга (все-таки не углядел, конспиратор вшивый!). Поповское письмо из-за границы попало в руки самому Азефу. Савинков тоже подержал его и прочитал внимательно. Ошеломле-

ние от письма было всеобщим: Гапон готовился им подложить громадную свиньищу. Уразумев всю провокационную подоплеку с рабочей манифестацией к царю, он осознал и свою роль в этой дьявольской затее. Такие вдруг прозревшие недоумки становятся опасны, порой даже страшны. Их теперь ничем не остановишь!.. Дочитывая поповское письмо, Савинков в этих неуклюжих строках на измятых листках ощущал запоздалую ярость человека, понявшего свою гигантскую ошибку. Гапон писал: «Нет у них никакой заботы о трудовом народе, а есть у них дележка революционного пирога. Из-за него они дерутся, и все жида. Во всех заграничных комитетах всем делом ворочают жида. Даже во главе Боевой организации эсеров стоит жид. И еще какой жирный!»

Помнится, Азеф клокотал, на его красных вывороченных губах пузырилась яростная пена.

– Этот поп пр-редал р-революцию!

На свою беду, Гапон распознал то, чего ни ему, ни другим распознавать не полагалось. Мир христианский, мир православный должен быть обрушен руками самих гоев. В ответ в нем возмутилась душа священника, служителя Бога.

С Гапоном было решено покончить. Исполнить приговор поручили Рутенбергу.

Дав Гапону дожить тревожную зиму в Париже, инженер, сердечный друг, увез его в Петербург, заманил на свою пустующую дачу в Озерках и там убрал бескровным и бесшум-

ным способом – повесил. Труп священника провисел на даче больше месяца, до наступления теплых дней...

Самого этого термина «интеллигент» Савинков не выносил и всякий раз, услышав, начинал терять свое знаменитое самообладание. Необыкновенное это слово появилось в русском языке совсем недавно, в 1876 году, изобрел его писатель Боборыкин. Самый образ так называемого интеллигента Борис Викторович постоянно держал перед своим мысленным взором: издерганный субъект в дрянных сапожонках, длинноволосый, с обильной перхотью по плечам, с криво надетыми очками. В русском обществе всегда имелся избранный слой необыкновенно образованных людей, и они считали новомодное словечко «интеллигент» самым что ни на есть ругательным. Интеллигент в смысле настоящей культуры напоминал самонадеянного студента-медика, возомнившего на третьем году обучения, что ему ведомы самые сокровенные секреты человеческого организма. Такой не задумываясь ставит с порога самые страшные диагнозы. К сожалению, вся жизнь и деятельность Савинкова проходила в самой гуще подобной интеллигенции, чрезвычайно самонадеянной и агрессивной. В конце концов эти малообразованные, совершенно некультурные люди стали действовать в его прославленных романах – типичные недоучки, с азартом ринувшиеся в политику. Недаром в этой среде были так почитаемы Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, вся деятельность которых проходила под пламенным призывом

к глубинным толщам русского народа: «Бери топор и отбрось всякие сомнения! Всё, что видишь, – всё твое!» Подобного рода «разумное, доброе, вечное» они и сеяли, и рассеивали. Вся их просветительская деятельность сводилась к остервенелому науськиванию народа на власть.

Ну а сам-то он – разве далеко ушел в своих романах, которые зачитывались до дыр? Словно не было ни Куликова поля, ни Полтавы, ни Бородина... Россия – тысячелетняя раба, бродят на пустырях тощие козы с выщипанными боками, шелудивые жители робко крадутся вдоль плетней... Запад – совсем иное дело, там что ни год, то рост свободы! В России же растет лишь рабство безмолвного, забитого народа.

Народ... Ради народа, как считалось, и велась ожесточенная кровавая борьба с самодержавием, с династией, с царем и их послушными опричниками. Ради народного счастья и занялся сам Савинков террором.

Судьба, жестокая к другим, к Савинкову оказалась благосклонной. За ним установилась репутация человека отчаянного, рокового. Постоянно заигрывая со смертью, он как бы бросал на кон самую жизнь. «Чет – нечет» – вот что, казалось, руководило всеми его рискованными поступками. И долгие, очень долгие годы его сопровождало удивительное счастье: постоянно выпадал «чет». Погибли сотни его товарищей-боевиков, сам же он оставался цел и совершенно невредим. За границей он оказался после первого ареста. Там, в Женеве, Савинков немедленно установил связь

с членом Центрального Комитета партии эсеров Абрамом Гоцем. Тот вскоре свел его с человеком омерзительного вида: рыжий, лупоглазый, с толстыми и вечно мокрыми губами неуголенного сладострастника. Савинкову сразу вспомнился оставленный им в ссылке Луначарский. Новый знакомец с отталкивающей внешностью оказался Евно Азефом, главным распорядителем в так называемой Боевой организации эсеров. Выпученные глаза Азефа пристально и без всякого стеснения обшаривали Савинкова с ног до головы. Казалось, главарь боевиков на глаз определяет качество свалившегося на руки «товара». Несомненно, он сразу уловил пряный запах английского «Шипра» и аромат недавно выкуренной сигары, заметил физическую развитость и, конечно же, продуманную изысканность костюма. Перед ним сидел лощеный джентльмен, лишь одна мелочь выдавала его: он часто, слишком часто посматривал на свои ногти, покрытые лаком. Настоящий джентльмен маникюра обычно не замечает.

Боевая организация эсеров к тому времени зарекомендовала себя как небольшой отряд отважных, отчаянно смелых людей. Это им удалось привести в исполнение приговор Александру II – он был среди дня на людной столичной улице разорван на куски. Боевики получали инструкции за границей и отправлялись в Россию, словно охотники в поле или лес для отстрела крупной дичи.

Азефу с его опытом не составило труда проникнуть в самую суть мятущейся души неопита. Его не обманула наро-

читая сдержанность Савинкова, его маска ледяной невозмутимости. Определив Савинкову место в своих тайных расчетах, Азеф послал его обратно в Россию. Бомбы должны были греметь не переставая. У Боевой организации эсеров имелся обширный список очередных жертв.

Перед Савинковым была поставлена задача казнить Плеве. Наружное наблюдение установило, что министр каждую неделю в один и тот же день ровно в 12 часов отправляется для высочайшего доклада в Зимний дворец. Маршрут министерской кареты был прослежен до каждого поворота. Наметив день покушения, боевики едва не стали жертвами собственной неосторожности: утром в гостинице, в номере Покотилова, взорвалась приготовленная бомба. Савинков, испугавшись, покушение отменил и скрылся из Петербурга.

Через месяц Азеф сам приехал в Россию, отыскал затаившегося Савинкова и грубо, унижительно наорал на него.

– Послушайте, вы... Вам же нельзя поручить никакого серьезного дела. Вам только котят топить в ведре! Тоже мне...

Потемнев, Савинков закрылся веками и словно окаменел. Он выслушал всю брань и среагировал лишь на упрек в трусости:

– Я вам докажу, Евно Фишелевич!

Широкая мясистая рожа Азефа разъехалась в ухмылке.

– Интересно будет посмотреть! Затем он приступил к инструкциям.

В середине следующего года, 15 июля, Плеве был убит бомбой террориста Сазонова.

Следующей жертвой намечался великий князь Сергей Александрович.

Савинкову, вполне естественно, было знакомо чувство страха. Однако он научился его преодолевать. Подчиненные ему боевики привыкли видеть его всегда безукоризненно одетым, благоухающим хорошим английским одеколоном, с лицом, напоминающим безжизненную маску. Казалось, в душе этого человека умерли все обыкновенные чувства, ему ведомы лишь долг и обязанности, связанные с тем историческим делом, которому он дал клятву служить до конца своих дней.

Сознавал ли он, что служит всего лишь марионеткой в опытных руках? Думается, для этого он был достаточно умен. Тем более что Боевая организация как таковая была чрезвычайно малочисленна и никаких секретов, никаких тайн среди боевиков не существовало. Савинков досконально знал, кто именно занимался подготовкой убийства Александра II: Натансон, Дейч, Вой-наральский, Айзик, Арончик, Аптекман, Девель, Хотинский, Бух, Колоткевич, Геся Гельфман, Фриденсон, Цукерман, Лубкин и Гартман. (А в газетах того времени писалось, что русского самодержца прикончили два жида, два поляка и один русский (Михайлов)).

Словом, Савинков вполне отдавал себе отчет в том, чью

волю он исполняет, чьим слугой он стал. Он принял эту службу и образцово исполнял свои обязанности, лелея одну мысль: со временем избавиться от постороннего гнета и стать хозяином самому. В своих мечтаниях, в своих надеждах он, как мы увидим вскоре, залетал необычайно высоко.

В начале 1903 года в захолустном Минске состоялся Всероссийский конгресс сионистов. Планы их простирались далеко. На очереди помимо громких убийств стояли: расстрел рабочей демонстрации 9 января, война России с Японией, восстание на «Потемкине», революция, создание Петербургского Совета депутатов.

Все намеченное, как мы знаем, свершилось. Любопытно лишь взглянуть на список главных действующих лиц. Широкой публике известно, что, покушаясь на жизнь великого князя Сергея Александровича, бомбу бросил Каляев. Однако он был всего лишь отчаянным метателем (указывалось прямо – непосредственным убийцей должен быть обязательно русский). Готовила же покушение опытная и жестокая Дора Бриллиант... Бунт на броненосце «Потемкин» был подготовлен неким Фельдманом... Ну и конечно же очень показателен список заправил Петербургского Совета депутатов: Бронштейн (Троцкий), Носарь (Хрусталеv), Гревер, Эдилькен, Гольдберг, Фейт, Брукер. О настоящей роли Азефа во всех событиях стало известно еще в те годы. Он был разоблачен с громадным шумом, со скандалом. И как же поступила грозная, безжалостная Боевая организация, как она от-

реагировала, как наказала провокатора? А никак! Мерзкого предателя никто не тронул даже мизинцем. Азеф уехал за границу и там в достатке и спокойствии дожил свои дни.

А в Боевой организации его место занял Савинков. Впоследствии стали все громче, все настойчивее раздаваться недоуменные голоса: как же мог Савинков, при его-то уме и опыте, не разглядеть в омерзительной личности Азефа презренного предателя? Ведь от него же, что называется, за версту шибало! Что, совсем уже ослеп? А вот не увидел, да и все тут!

Больше того, он прилюдно сердечно целовался с Азефом губы в губы, долго ощущая потом омерзительное влажное прикосновение, и делал усилие, чтобы не утираться сразу же после поцелуя. Своей небрежливостью он как бы подчеркивал: в нашем страшном деле внешность ничего не значит, ни о чем не говорит, можно быть уродом, но героем. Таким героем он искренне считал Азефа и дольше всех не соглашался поверить в его подлую провокаторскую роль.

Заменив разоблаченного с таким скандалом гнусного предателя, Савинков быстро набрал необычайный вес среди боевиков. Теперь уже его (как совсем недавно Азефа) окружал ореол героизма и самопожертвования.

Но что-то вдруг сломалось в самой сердцевине бесстрашного боевика, балующегося на досуге сочинением романов. Подействовало, несомненно, грязное разоблачение Азефа. Однако самое болезненное исходило от невзначай прочитан-

ного письма Гапона...

В самую свою счастливую и победительную пору Савинков удовлетворялся тем, что вся система беспощадного террора представлялась ему в виде айсберга, мощного и скрытого внизу и видимого лишь своей верхушкой. И он, он сам являл собой эту самую верхушку! Но вот это позорище с Азефом и письмо несчастного Гапона... Айсберг существовал на самом деле, но только айсберг перевернутый: тонкий слой исполнителей внизу и мощный небоскреб руководителей над ними. Самых верхних этажей, как ни старайся, все равно не разглядеть – они уходят за облака. Какой-то там Илья-пророк порой прокатится на своей грозной колеснице, а им внизу положено расслышать, перекреститься и исполнить... Догадывался ли Савинков о том, какие силы управляют сверху всей боевой работой? Прежде он об этом просто не задумывался. Он был увлечен и риском, и победами. Однако с некоторых пор... Ну да, большие деньги и, естественно, большие люди... Ротшильды, Якоб Шифф, Ашберг, Мендельсон и конечно Варбурги... Как высока, однако, эта пирамида настоящей власти! Настоящие пророки, невидимые, грозные, только не на колесницах, а в лимузинах... Элита, поднебесная банковская высь!

Неожиданная встреча с Рутенбергом все окончательно расставила по своим местам.

Свое обещание найти Савинкова инженер исполнил на следующий день.

Утром вдруг без стука отворилась дверь и в номер вошел незнакомый человек в длинном пальто и в надвинутой на глаза шляпе. Молча, не здороваясь, не произнося ни слова, он протянул обескураженному Савинкову заклеенный конверт и быстро вышел. Получилось: ворвался, вручил, убежал. Вся процедура заняла меньше минуты. Борис Викторович не успел привстать из кресла. Вопреки своему обыкновению он не успел даже запомнить лица внезапного посетителя. В памяти остались мотающиеся полы слишком длинного пальто и прямо-таки торчащие из глаз твердые поля надвинутой шляпы.

Разорвав конверт, Савинков нашел записку Рутенберга, назначавшего ему встречу в «Альпийской розе». Он рассмеялся. Надо же, как обставил! Кажется, он настолько увлекся конспирацией, что... Кстати, где он отыскал этого шута горохового в шляпе? А ведь подчинил со всеми потрохами. Надо полагать, проинструктировал, как появиться, как вести себя. Балаган!

Лишь потом мелькнуло: «Интересно, как он сумел так быстро отыскать мою гостиницу?»

Направляясь на встречу, Савинков решил взять реванш за вчерашнее унижение у входа в ресторан. Сегодня роли переменятся. Он продумал каждый жест, каждую приготовленную фразу. Этот зазнавшийся инженеришка увидит прежнего повелителя боевиков, загадочного, непредсказуемого и страшного. Да-да, именно страшного! Пусть вспомнит...

Намеренно опоздав, Борис Викторович нашел Рутенберга за отдаленным столиком. Вопреки ожиданию инженер не ерзал на стуле и не вертел головой от нетерпения. Он спокойно обедал. Савинков при этом обратил внимание, что стол накрыт для одного. Так он когда-то сам поступал, приглашая подчиненных для инструктажа: человек появится, опустится на краешек, выслушает и исчезнет. Кровь кинулась Савинкову в голову. «Хам! Он что же...» Закончить мысль не удалось. Рутенберг, прожевывая, вилкой показал напротив. Его как будто несколько не удивило, что Савинков не снял пальто, шляпы и даже перчаток.

Савинков клокотал. Он медленно опустился, поставил трость между колен, обе руки положил на нее. Его знаменитые припухшие веки прикрывали нестерпимый блеск глаз. В пальто, шляпе и перчатках, он сидел, как на бульваре, демонстрируя, что ему глубоко наплевать на увлеченное насыщение собеседника. Он пришел по делу и может в любой момент подняться и уйти. Тампонируя салфеткой губы, Рутенберг сказал:

– Борис Викторович, я помню вашу привычку совмещать обед и ужин. Но я надеюсь, вы выпьете кофе? Что подать – коньяк, ликеры?

Савинков положил подбородок на сложенные руки. Он с трудом разжал стиснутые зубы:

– Благодарю. Мне ничего не нужно. Я тороплюсь.

Отстраняясь, чтобы дать лакею собрать грязную посуду,

Рутенберг вдруг улыбнулся. Он выпятил животик и с наслаждением всадил в рот золотую зубочистку. Глаза его, смеясь, оглядывали всю надутую, спесивую фигуру знаменитого боевика. Эта маска с чугунными веками, процеживание слов сквозь зубы... Сколько, должно быть, репетировано перед зеркалом! Роковой мужчина, мировой злодей... Как это, должно быть, действует на барышень!

– Борис Викторович, я нахожусь в растерянности. У меня на руках поручение Дмитрию Рубинштейну... письмо, коротко говоря. Но что я узнаю? Он, оказывается, в крепости сидит! Я начинаю узнавать, я начинаю бегать и разнюхивать – и что же? Этот дурак не нашел ничего лучше, как заняться самым базарным мошенничеством. Как вам это нравится?

– От кого письмо? – все так же вбок спросил Савинков.

– А! Я вам разве не сказал? От Варбурга.

Глаза Савинкова медленно повело на собеседника. Рутенберг встретил его взгляд насмешливо, но твердо. Несколько мгновений они словно исследовали один другого. Без слов было сказано много, очень много. Имя Варбурга заставило Савинкова мысленно воскликнуть: «Ого!» Теперь понятно, откуда эти барские манеры. Прошедшего времени он, как видно, даром не терял. Подумать только, куда сумел пролезть! Варбург... В конечном счете это Ротшильды и Ашберг, а если глянуть дальше, то обозначится Америка со всей ее оравой банков, чудовищно разбогатевших на войне.

Лакей принес и стал разливать кофе. Савинкову пришлось

чутьочку посторониться. Горячий аромат ударил в ноздри. В узеньких рюмочках изысканно засветилась янтарная жидкость.

– Пожалуйста, Борис Викторович. Кюрасао, ваш любимый. Как видите, я ничего не забыл.

Неловким, принужденным движением Савинков снял шляпу, стащил перчатки. Поискал глазами и бросил на стул сбоку. Фу ты, черт... Как, однако, мешало пальто! Он растегнул верхнюю пуговицу.

Рутенберг продолжал радушно угощать, как будто... как будто это не он вешал у себя на даче наивного Гапона! (Об этом почему-то подумалось в настоящую минуту.)

Пригубив из рюмочки, Савинков покатал на языке маслянистую ароматную жидкость. Глоток горячего кофе создал во рту необыкновенный вкусовой букет. Веки Савинкова дрогнули и утратили свою надменность. Он завозился и придвинул стул.

– Пинхус Моисеевич, я узнавал о Рубинштейне. Он замазался довольно сильно. Ему пока не выйти.

Рутенберг добродушно рассмеялся:

– Вы известный паникер. Помните, я просил вас поговорить с... этим... с Манасевичем? Получилось довольно смешно. Страшнее кошки зверя нет!

Савинков покраснел. Рутенберг ударил метко, больно и снова унижительно. Прошлым летом небезызвестный Манасевич-Мануйлов стал публиковать в газетах серию статей

под общим названием «Маски». Несколько раз он уничтожительно отозвался о Рутен-берге. Статья была полна невысказанных намеков. Вскоре Савинков получил письмо из-за границы. Его просили подействовать на автора статей. Манасевичу не следовало вообще касаться личности Гапона и всего, что связано с его судьбой. Во имя, как писалось, собственных же интересов. Письмо... просьба... Савинков тогда лишь фыркнул. И вот теперь ему напомнили.

Кофе с ликером разом потеряли для него весь свой невыразимый аромат. Как он, однако, научился разговаривать!

Рутенберг между тем журливо, по-товарищески, без всяких признаков обиды продолжал пенять:

– Меня воспитывали на старом добром правиле: услуга за услугу. Надеюсь, вы не забыли, как я откликнулся на вашу просьбу... Ну, эта, эта... Ну, в сущности, та же самая, что и у меня... Да эта же – ну как ее? – ну, насчет вашего такого уж героического ЦК? Помните?

Еще бы не помнить!

История была давности семилетней, если не восьмилетней, и связана со знаменитым разоблачением проклятого Азефа. Какая тогда поднялась газетная свистопляска! Казалось, эсеровской партии уже не отмыться, не подняться из непролазной грязи. Попробовал тогда свое перо и Рутенберг, фигура в эсеровском «зазер-калье» совершенно загадочная. Савинков в те дни – и это Рутенберг напомнил совершенно верно – послал ему секретную записочку, прося не лить

лишней грязи на Центральный Комитет партии. Азефы, на- поминал он, были и будут, а ЦК еще пригодится для борьбы.

Кофе остывал и уже не источал соблазнительного аро- мата. Савинков посматривал на микроскопическую рюмоч- ку и на янтарные остатки в игрушечном графинчике. Жела- ние испытыва-лось грубое, мужицкое: нахлестать в стакан и оглушить себя глотками жадными и крупными, всем гор- лом. Однако надо было держать себя «в струне» и постарать- ся выведать, с какой вдруг стати появился в Петрограде Ру- тенберг, главное же – зачем, для какой надобности кинулся разыскивать его, Савинкова... В том, что у Рутенберга име- ются какие-то намерения насчет его персоны, Савинков не сомневался.

Дальнейший разговор напоминал искусное фехтование. Борис Викторович считал, что в подобных состязаниях со- перников у него не слишком много. Все-таки немалый и кро- вавый опыт руководителя боевиков что-нибудь да значил. Искусными, вроде бы второстепенными расспросами ему в конце концов удалось выведать такие подробности, что он мысленно выругал себя за недавнее барское отношение к Ру- тенбергу. Птичка, оказывается, взлетела куда как высоко! Ничтожный инженеришка зря времени не терял.

Первоначально выходило, что в Петроград Рутенберг при- ехал из Швейцарии. («Ну да, – обрадовался Савинков, – от- куда же еще? Все оттуда едут!») Однако вскоре стало выяс- няться, что принесло его не из Швейцарии, а прямо из Бер-

лина, из Германии. («Те-те-те! Это уже интересно!») Околачиваясь в Германии, Рутенберг вроде бы несколько раз побывал в теплой голубой Италии, заглядывал на Капри, гостил у Горького...

Едва прозвучало имя Горького, Савинков напрягся до предела. Сейчас важна была каждая деталь, любое слово. С Горьким он мгновенным образом связал его последнюю любовницу-жену баронессу Будберг-Бенкендорф, обольстительную Муру, а от этой женщины ниточка протянулась к шустрому, напористому Локкарту, доверенному человеку самого Бьюкеннена, английского посла. «Постойте, что же получается?» – испугался Савинков. Мысли его заметались. Вроде бы сами собой выстраивались две вполне самостоятельные линии. Одна: Рутенберг – Берлин – Швейцария – Капри... Однако тут же рядом: Мура – Локкарт – Бьюкеннен... Нет, тут в пору лопнуть бедной голове!

А Рутенберг в победном стиле довершал свое окончательное торжество.

– Борис Викторович, я гляжу на вашу рубашку... Позвольте вам сказать, что сейчас таких не носят. Я вас вообще не узнаю. Вы ж комильфо, мужчина европейский... Что, неужели так плохи дела? Ни за что не поверю. Человеку с головой и не найти себе занятия в Петрограде!

Внезапно он спросил, знаком ли Савинков с неким инженером Кишкиным. Сейчас, когда перенаселенный и бурлящий Петроград стоял на грани небывалого голода, этот Киш-

кин занимал пост продовольственного диктатора столицы. Спрошено было небрежно, и Савинков, страдая, с такою же небрежностью ответил, что знаком, что может «посодействовать», что это «пара пустяков». Но что за нужда в таком знакомстве, зачем?

– А! Я разве не сказал вам? – изумился Рутенберг.

И все с тою же великолепною небрежностью поведал, что где-то в конце мая в Петрограде состоится грандиозный съезд сионистов. Делегаты съедутся со всех концов России. Ожидаются и важные гости из-за рубежа. Впервые такое мероприятие проводится открыто, не подпольно, без всякой боязни. Так постановлено недавно, так решено, и он, Рутенберг, в настоящее время сверх головы загружен всевозможными заботами об этом сионистском съезде. Съедутся люди, которые привыкли кушать хорошо. Они не любят кушать плохо...

Покуда Рутенберг болтал, в голове Савинкова происходила бешеная работа. Так вот откуда оскорбительная уверенность инженера! Это был уже не просто исполнительный палач, беспрекословный вешатель. Годы подчинения и покорности остались за спиной. Теперь он чувствовал себя хозяином. Отсюда вся его повадка, все манеры. Ничего удивительного.

Ах, если бы переписать теперь своего «Коня бледного»! Не столько, впрочем, переписать, сколько дописать, дополнить – сказать о том, в чем он наконец прозрел, что понял,

в чем убедился окончательно...

Две потрясающие догадки вломились в его пылающую голову. Догадки сокрушительные по цинизму и слишком унижительные для самолюбия героя-террориста, конспиратора-бомбиста, многолетнего устрашителя ненавистного царского режима.

Как могло быть перехвачено то роковое письмо Гапона, посланное из Парижа? Каким образом оно попало Азефу в руки, решив судьбу несчастного попа?

Вторая догадка связывалась с арестом в Севастополе его самого, Савинкова. Схватили его, что называется, на ровном месте и быстро приготовились повесить. Как он тогда томился предсмертной мукой и вспоминал Каляева! Внезапно представилась невероятная возможность совершить побег. И он бежал, благополучно ускользнул от смерти, вывернулся из уже намыленной петли. Примечательно при этом, что на часах у камеры обреченного террориста в ту ночь почему-то оказался солдат со странной для русской армии фамилией – Зильберберг. Как будто никого другого не нашлось! С этим Зильбербергом он и ударился в бега, с непостижимою удачей воспользовавшись уютной лодочкой в бурном море...

Охранка – вот единственный ответ на все загадки! Охранное отделение, призванное карать бунтовщиков, врагов режима, услужливо передавало перехваченные письма своему агенту Азефу. Она же, охранка, заботливо пасла и самого руководителя Боевой организации, изредка пугая арестом и

взмахивая над его спесивой головой намыленной петлей.

Естественно, к ее услугам для исполнения самых низменных, самых печеночных функций с первых же дней приспособилось это небрезгливое древнее племя. Борис Викторович никогда не страдал антисемитизмом. Напротив, он постоянно разделял взгляды своего отца, сурового судьи, но славившегося в Варшаве необыкновенной справедливостью. Нет грязных наций – имеются лишь грязные людишки! С этим убеждением он вырос и вступил на путь отчаянной борьбы с режимом... Но все-таки сейчас, невольно всматриваясь в прошлое, он почему-то видел лишь одних евреев. Массою были они, русские вкрапливались единицами...

Азеф проклятый, что ли, виноват?

Борис Викторович представлял пухлую лапу Азефа и созерцал самого себя на этой лапе в качестве ничтожного насекомого, начиненного, однако, невыразимой спесью. Азефу стоило лишь дунуть на ладонь! Не дунул, не успел... Впрочем, сдавая Азефа Бурцеву, разве генерал Лопухин не отдавал его на казнь самих же террористов, на мстительную и жестокую расправу обиженных и возмущенных? А ведь не расправились, хотя и возмутились! Омерзительный Азеф, сменив лишь имя, стал спокойно доживать свой век в Германии на иудины сребреники...

Господи, чем дальше, тем все больше нераспутанных узлов и петель! И еще. Генерал Лопухин, начальник охранного отделения, много лет являлся главным преследователем

Боевой организации, а следовательно, и смертельным врагом самого Савинкова. Надежнее агента в борьбе с боевиками, чем Азеф, у генерала не было никогда. И вдруг он сдает его старику Бурцеву во время ночной беседы в купе спящего поезда! За эту царскую услугу террористам генерала судили, как за измену, за предательство, и вынесли суровый приговор.

И все-таки он выдал своего самого надежного агента, всаженого в сердцевину террористической организации!

Воля ваша, но за этим совершенно непостижимым поступком руководителя всесильной царской охраны тоже что-то скрывалось и требовало разгадки...

Чутье подсказывало Савинкову, что ответ на все тревожные вопросы совпадает с той. картиной петроградской жизни, которая предстала его глазам после торопливого возвращения из Франции. Рутенберг со своей начальственной повадкой нанес последний штрих. С этим связывалась неожиданная новость о предстоящем вскоре Всероссийском съезде сионистов. Открытое торжество, иначе не скажешь! Если прежде они вешали прозревших (как Гапона), то нынче им уже ничто не угрожало, и они открыто наслаждались долгожданною победой.

– Так что же с Рубинштейном-то? – напомнил Рутенберг, продолжая ковыряться в зубах и неприятно цыкая зубом. Он казался отяжелевшим как от еды, так и от долгого разговора.

Савинков задумался. Спасти Рубинштейна, этого марви-

хера, от суда уже пытались. Богатая еврейская община Петрограданашла было подходы к самой царице... Не успели! Сейчас положение арестованных (и Рубенштейна, и киевской компании) усложнялось тем, что их судьба зависела еще и от военных властей. Шла война, и действовали военные законы. Помнится, жена Рубинштейна съездила в Бердичев и сунулась было к генералу Брусилову, который тогда командовал войсками Юго-Западного фронта. Бесплезно... Сейчас какие-то возможности появились здесь, в Петрограде, в отделе контрразведки. Возглавлял отдел невзрачный полковничек по фамилии Миронов. После крушения самодержавия ловкие людишки кинулись в разнообразные гешефты. Этот приспособил контрразведку. Волею времени полковник оказался «властителем душ и тел» самых разнообразных узников. Сейчас у него в камерах содержались царский министр Сухомлинов, авантюрист Манасевич-Мануйлов, любимица императрицы Анна Вырубова, финансовый спекулянт Митька Рубинштейн. А тут еще начала работать комиссия по провокаторам – победившая революция принялась разоблачать своих врагов. В этом свете особенный интерес представляли такие деятели царской охраны, как генералы Белецкий и Джунковский. Надо ли говорить, с какою выгодой продувной контрразведчик использует таких «наваристых» арестантов? Человек вроде бы совершенно небрезгливый. Путь к нему? Поговаривают, что всего лучше через ловкого французика Сико, торговца автомобилями.

Они вышли из ресторана вместе, и, натягивая перчатку, Ру-тенберг внезапно поинтересовался, какие заботы заставили Бориса Викторовича обращаться в штаб столичного округа к самому командующему. Савинков не вздрогнул, но мгновенно подобрался. Скорей всего, ради этого ему и была назначена сегодняшняя встреча. Черт возьми, можно подумать, что царская охранка передоверила этой публике и все свои сыскные обязанности! Им известен буквально каждый его шаг! Что стоит за этим? Элементарный интерес к Корнилову как военному губернатору столицы? Но они должны знать, что оба визита к этому генералу ни к чему определенному не привели. Так, разговор, знакомство, взаимное прицеливание. Скорей всего, расчет на развитие знакомства.

Ах, как сумел бы он поставить этого бесцеремонного инженерушку на место, если бы за его спиной не маячила фигура всесильного Варбурга! Времена переменились...

Савинков с наигранной ленцой ответил, что его интерес к Корнилову продиктован чисто литературными соображениями. Этот генерал лучшие годы своей жизни убил на выполнение секретнейших заданий на южных рубежах империи. Бездна самых невероятных приключений! А в довершение целых четыре года находился на посту русского военного агента в Пекине. На такой важный пост кого попало не пошлют. Европа, прибавил Савинков, превращается в настоящую клоаку, мир поворачивается лицом к Востоку, древнему, загадочному, многообещающему. Не случаен же интерес

к Востоку таких политиков, как, скажем, Уинстон Черчилль.

Удовлетворился ли его ответом Рутенберг? Едва ли... Но слушал терпеливо.

– Можете считать, что первого читателя вы уже заимели, – объявил Рутенберг. – Я и прежде не пропускал ни одного из ваших произведений. Но – мой Бог! – зачем вам этот Восток? Вы же европеец... до кончика ногтей. Умоляю вас, держитесь европейских тем. Сюжеты здесь почище азиатских. Да вы это знаете получше всех нас, вместе взятых!

Что-то уж слишком переслащивает! К чему бы? Подыгрывая собеседнику, Савинков попросил подкинуть по старой дружбе парочку сюжетов.

– Парочку? Зачем вам столько много? Вам хватит одного. Что я имею в виду? Да хотя бы вашего крестника! А?

Удивление на лице Савинкова было настолько велико, что инженер охотно пояснил. Крестником он называл небезызвестного Лейбу Бронштейна, знакомого Савинкова по Парижу, по годам эмиграции. Жизнь эмигрантская известна – беспросветная нужда. Но ведь проходит молодость, молодые годы! И жизнь берет свое... Помнится, большая колония русских эмигрантов была шокирована скандальным ресторанным происшествием: знаменитый террорист и писатель Савинков прилюдно залепил пощечину Бронштейну. Причина рукоприкладства была чисто парижской: соперники не поделили женщину. В те годы звезда Савинкова стояла необычайно высоко. И дернула же нелегкая попасться на его

пути невзрачному Бронштейну! Сознание своего неоспоримого превосходства и продиктовало молодецкий размах плеча. Савинков до сих пор ощущал ладонью плотное прикосновение к волосатой щеке. Скрывать нечего: его вдохновляло и немое обожание в глазах прелестной женщины, и жадное глазение толпы, и суета испуганных лакеев, побежавших за полицией. Главным же, конечно, было невыразимое презрение к сопернику. Забыл он, что ли, с кем имеет дело?

Воспоминание было приятно победительному сердцу Савинкова. И все же, с какой стати Рутенберг вдруг завел об этом речь? Все-таки он стал весьма коварным змеем-искусителем!

Времена разительно переменились, и Савинков был в общем-то доволен внезапной встречей с Рутенбергом. Собственно, бывший инженер возник на его пути совершенно так же, как и солдатишка Зильберберг на карауле возле камеры в севастопольской тюрьме. Тогда он ему обрадовался, словно родному. В настоящей ситуации Савинкову никакая петля не угрожала. Но неподдельный интерес к его личности со стороны лукавца инженера, обремененного какими-то загадочными полномочиями Запада, возвращал возможность снова стать деятельным и полезным. Безделье и сознание своей ненужности угнетали Савинкова хуже тюрьмы.

Вспомнился знаменитый принцип Наполеона: сначала вяжемся в войну, а там будет видно.

Несомненно, Рутенберг заинтересован в налаживании от-

ношений с командующим столичным округом. Удивляться не приходилось. Диктовалось это присутствием войск в Петрограде, рядом с учреждениями, погрязшими в ожесточенной борьбе за власть.

Что ж, тут открывались широкие возможности...

Если бы вдруг не «нота Милюкова»!

Первый правительственный кризис смел со своих постов не только двух самых влиятельных министров, но – самое досадное! – убрал из Петрограда командующего войсками округа.

Савинков моментально ощутил, что интерес инженера к нему угас.

Даже человек поверхностный, не с подпольным опытом Савинкова, обратил бы внимание в те дни на необыкновенную активность британского посольства в Петрограде. Трехэтажный особняк на Дворцовой набережной стряхнул обычную надменность и сонливость. Ночи напролет ярко горели все его окна. Джордж Бьюкенен позабыл о возрасте и недомоганиях. Он не жалел себя, забыл о жалости и к подчиненным. Он знал, такая же деловая лихорадочность кипит и в Лондоне. Шифровальщики трудились, не зная передышки. Настал час, когда осуществлялись вековые замыслы. Упустить счастливую возможность значило бы совершить государственное преступление.

Петроградские события 1917 года явились лебединой песней в напряженной деятельности старого английского раз-

ведчика и дипломата, столько лет занимавшего пост полномочного посла Великобритании в России.

Своим наметанным глазом Савинков без всякого труда засек на петроградском небосклоне такие свежие фигуры, как Локкарт и Рейли. Они возникли совсем недавно и сильно укрепили положение официального английского агента – капитана Кроми. Но если бы только они! Еще с царских времен в русской столице прочно обосновался корреспондент лондонской «Тайме» Роберт Вильсон. Его корни в новой почве были настолько глубоки, что сын Вильсона, Джон, в 1914 году стал офицером Преображенского полка... Серьезным соперником Вильсону, как превосходно информированному газетчику, был Гарольд Вильяме, представлявший в Петрограде сразу целый букет крупных английских газет: «Манчестер гардиан», «Дейли кроникл» и «Дейли ньюс». Среди бесцеремонной и циничной журналистской братии Вильяме пользовался всеобщим уважением: он знал 40 языков (читал, писал, переводил). Природный англичанин, он был женат на Ариадне Тырковой, члене Центрального Комитета кадетской партии. Их огромная квартира на Старорусской улице являлась своеобразным клубом столичной интеллигенции¹. Прекрасную осведомленность Вильямса, его уни-

¹ Мобилизация ума и энергии творческих людей входила в традиции английских секретных служб. Достаточно вспомнить Дж. Свифта... В годы сокрушения российской государственности в Петербурге-Петрограде работали Голсуорси, Уэллс, Честертон, Моэм, Маккензи, Беннет, Уолпол и Грэм Грин. Побывал в России и знаменитый Лоуренс Аравийский... К слову, Соммерсет Моэм приехал

кальные мыслительные способности ценил сам Джордж Бьюкеннен. Посол не только появлялся в салоне мадам Тырковой, но без ежедневного разговора с Вильямсом не ложился спать.

В последние дни Савинков разузнал, что о предполагаемом убийстве Распутина английское посольство знало еще в начале декабря, то есть за две недели. (Вроде бы проговорился экспансивный Пуришкевич.) Савинков язвительно усмеялся. Не сами ли англичане устроили это убийство? Кому-кому, а англичанам сибирский мужик вкупе с «немецкой партией» доставили немало огорчений!

По сравнению с деятельными англичанами совершенно бледно выглядели их союзники-соперники французы и американцы. Генерал Лагиш, французский атташе, гонял по бесконечным митингам своего послушного Садуля, капитан же Робинсон вообще беспомощно помаргивал своими белесыми глазенками на кругленькой, как у опоссума, мордочке. В эти бурные дни американцы еще только приглядывались и робко предпринимали первые шаги на русской почве.

Белобрысого Локкарта и чернявого Рейли Борис Викторович мысленно окрестил «жеребчиками». Оба парня, молодые, крепкие, бесцеремонные, били, что называется, копытами и изнывали от избытка сил. Обоим, на взгляд Савинкова,

в Россию с громадными деньгами – для подкупа столичной печати. Известным писателем стал впоследствии и Локкарт. Его книгу «Британский агент» перевели на несколько языков, по ней был снят чрезвычайно кассовый фильм.

не исполнилось еще и тридцати лет. Что и толковать, многообещающие молодые люди! Локкарт гораздо чаще попадался Савинкову на глаза. Оттопыренные уши, быстрый острый взгляд, тяжелый, почти мясистый подбородок – он походил на профессионального боксера. Борис Викторович дал задание своему подручному Филоненко разузнать побольше о прошлой деятельности Локкарта. Тот выяснил, что свою карьеру англичанин начал на Малайских островах. Что-то там у него сразу же не заладилось – ему пришлось улепетывать вплавь по бурной реке, ухватившись за бревно. Удрал, уплыл – и вот теперь снова... Савинков, сам способный на отчаянные поступки, симпатизировал Локкарту. Прежде всего он выделял его мужское молодечество. Англичанин пользовался бешеным успехом. Однако это был не примитивный сластолюбивый эгоист (как, например, Азеф), нет, во всех эскападах Локкарта так и сквозила профессиональная необходимость. В этом отношении Савинков приглядывался к бурной связи молодого англичанина с баронессой Будберг, с некоторых пор поселившейся в доме Максима Горького в качестве секретаря, но занявшей там комнату рядом со спальней великого пролетарского писателя. Тонким нюхом Савинков чувствовал здесь колоссальные возможности для самых утонченных комбинаций.

Недавно Филоненко разузнал, что Локкарт дружески связан с неким Михаилом Ликиардопулосом (непонятно, грек ли, еврей или армянин), состоящим секретарем Московско-

го Художественного театра. Помимо искусства этот «туманный грек» занимался и еще кое-чем: полтора года назад он вдруг отправился в Германию по хорошо подделанному документу табачного фабриканта. В Германии Ликиардопулос пробыл довольно долго, виделся с небезызвестным Парвусом и благополучно вернулся в Москву, в театр. Упоминание о Парвусе заставило Бориса Викторовича привычно затянуть свое: «Те-те-те...» В самом деле, Художественный театр – Горький – Будберг – Локкарт... Голову можно сломать!

Поразительная активность Локкарта невольно затмевала деятельность Розенблюма-Рейли. Однако Борис Викторович не сомневался, что время этого смазливового еврейчика еще впереди. Недаром же Рейли незримо связан с нагрывшим в Россию Троцким, а теперь уже не было никакого секрета в том, что из-за спины наивного сербского студента Гаврилы Принципа выглядывала мефистофельская физиономия в пенсне. Троцкий – как некий современный Фигаро: «Фигаро здесь, Фигаро там!» Савинков успел восстановить оборванные связи с некоторыми эмигрантами, приехавшими с Лениным. Ему спокойно рассказали, что одно место в вагоне было предназначено бывшему сербскому полковнику Гачиновичу, руководителю недолговечной «Черной руки». С Гачиновичем был связан некий Натансон, он-то и предложил руководителю сербских боевиков место в «ленинском» вагоне. Гачинович ехать в Россию отказался.

Тоже ведь крайне любопытная выстраивается цепочка:

Натансон – Гачинович – Ленин... Господи, как тут не свихнуть мозги!

Дальнейшие открытия были еще страшней. Вспоминались До-ра Бриллиант, Геся Гельфман, Маня Школьник, Арон Шпайзман, Натан Лурье, Илюша Зильберберг. Сколько было пылких слов о жертвенности и героизме! Однако почему-то непосредственно исполнять теракты – стрелять и метать бомбы – отправлялись Ванюша Каляев и Егорушка Сазонов.

В памяти выстраивался целый ряд событий, так или иначе толкавших все к тому же запоздалому открытию. Париж, заграничный съезд эсеров. В президиуме съезда в качестве гостя на виду у всех сидит сам белоголовый Милуков и рядом с ним Азеф. Шепчутся, сближают головы, белую и рыжую, мокрые губы возле самого милуковского уха...

Поздней осенью 1905 года вдруг арестовывают Рутенберга. Сейчас уже плохо помнится: случилось это до Гапона или уже после? Кажется, после... Но не пропал, не сгинул Рутенберг – не то легко бежал, не то просто подержали да и выпустили...

Затем арест его самого, Савинкова, в Крыму. Суд, утрашение петлей, потом этот счастливый неожиданный побег, похожий на амнистию, на дарование возможности свободно жить, передвигаться и продолжать геройствовать, морочить наивную, восторженную молодежь...

Сколько все же грязи, как подумаешь да хорошенько раз-

берешься!

Командовали, направляли исполнителей всегда одни и те же, сугубо свои. Остальным же, не своим, отводилась грубая и грязная роль исполнителей-палачей.

Он, Савинков, сноб, эстет, джентльмен в безукоризненном костюме, был, в сущности, тем же палачом. Самовлюбленный, близорукий, если только не слепой, всю жизнь позволявший пользоваться собой, как... как... да нет, лучше не надо, тут вполне употребительны самые непристойные сравнения.

Савинков всегда гордился тем, что, занимаясь кровавым делом, постоянно «держал себя на высоте»: одет безукоризненно, даже изысканно, никакой вульгарности, по-джентльменски вежлив и предупредителен, а если иногда и допускал циничные суждения, то принимался говорить сквозь зубы 1, цедить, как нечто неприятное, но необходимое, презрительно приспуская при этом свои припухлые веки, известные во всех охранных сводках, как самая неистребимая его примета. Основное же, что составляло его особенную гордость, что, в сущности, толкнуло его к писательству, к сочинению романов, была потребность мыслить: философствовать, выстраивать сложные умственные конструкции, так полно проявившиеся в его прославленных романах.

В отличие от соратников по организации Савинков был прилично образован по истории, поэтому все, что сейчас видели его зоркие циничные глаза, все, с чем ему прихо-

дилось повседневно сталкиваться в Петрограде, вызывало в нем возрастающее раздражение и глухой протест.

Никогда – он это особенно фиксировал, – никогда в России русский человек не видел еврея у власти, у кормила пусть небольшого, но управления. Это было золотым российским правилом, з а к о н о м: не допускать еврея не только, скажем, до кресла губернатора, но даже самого ничтожного чиновника почтового ведомства. На всех, буквально на всех без исключения, этажах государственной власти Россия себя оберегала от еврея. Тем поразительней было наблюдать совершенно переменившуюся картину после царского отречения. Повсюду, куда ни глянь, мелькала смуглая ликующая рожица. Русский человек, свалив романовский трон, вдруг с изумлением узрел это ничтожное племя у себя в державе в роли, как желчно заключал Савинков своим писательским умом, и всемогущего судьи, и скорого безжалостного палача.

Само собой, он знал, читал и в свое время достаточно иронизировал по поводу появившихся в начале века «Протоколов сионских мудрецов». Теперь же волей-неволей приходилось запоздало хлопать себя по лбу: что за черт, с какой же, однако, вещей прозорливостью неведомый сочинитель изготовил эту, с позволения сказать, фальшивку? Ведь хочешь не хочешь, а что ни строчка «Протоколов», то исполненное пророчество!

И как горьки, как желчны были предельно откровенные рассуждения террориста и сочинителя! А чем ему остава-

лось заниматься, если установившийся режим столь пренебрежительно обрекал его на полную бездеятельность?²

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои и цари их – служить тебе... чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся».

Исайя, 60-10.

«И истребишь все народы, которые Господь Бог твой, дает тебе. Да не пощадит их глаз твой!»

Второзаконие, 7-16.

Поднимавший голову сионизм решительно был взят в России на вооружение.

Как легко было среди таких работать гадине Азефу! Здесь Борис Викторович касался самого болезненного и, признать-ся, самого сокровенного, о чем он ни за что не решился бы

² Окончательное прозрение Савинкова состоялось при его аресте в Минске, в 1925 году. Чекистами Дзержинского с большим искусством была осуществлена сложная многоходовая комбинация, имевшая целью заманить знаменитого террориста на советскую территорию. Его схватили нетерпеливо, на первых же шагах... Примечательно, что, когда к нему ворвались и крикнули: «Сидеть на месте! Руки на стол!» – он сохранил свое неистребимое самообладание, изобразил улыбку и процедил сквозь зубы: «Ничего не скажешь, чистая работа!» Однако ему еще предстояли утомительные допросы в подвалах Лубянки, затем суд и приговор – там он избавился от последних иллюзий.

откровенничать даже с самым близким человеком. Это было его собственное страшное открытие, ударившее вдруг ему в сознание, как результат всех напряженных невеселых размышлений.

Совсем недавно кто-то из заслуженных товарищей с безупречной репутацией высказал горький и покаянный упрек: как же можно было столько лет терпеть Азефа? Достаточно лишь глянуть на его жирную рыжую физиономию с этими вечно мокрыми, вывороченными губищами похотливого пакостника!

Да, какое-то всеобщее ослепление, общее помрачение рассудка...

Однако, будучи теперь безжалостным к своему прошлому, Савинков задумывался вот над чем: а сумела бы Боевая организация эсеров добиться столь потрясающих успехов, не находясь во главе ее Азеф? И отвечал: да ни за что на свете! Прихлопнули бы разом! Выходило таким образом, что весь их героизм, все бесстрашие и самопожертвование с усмешечкой планировались и велись охранкой. С ними играли, с ними забавлялись, заставляли их стрелять, колоть кинжалами, метать бомбы, а затем упрятывали в казематы, на рассвете выводили к виселице на тюремный двор и отдавали в руки палача.

Сколько же сдал Азеф по мере того, как террористы исполняли свои роли жертвенных козлов? Много, очень много. Кстати, он мог поступить таким же образом и с ним, Са-

винковым. Однако не сдавал, берег и сохранял, ибо он был ему еще нужен, необходим. Но это значит, что генералы из охраны, лукавые и многомудрые, позволяли ему, Савинкову, геройствовать и завоевывать свою отчаянную славу, как бы весело и незаметно подсаживая его начальственной рукой на высокий пьедестал.

Да, было отчего заскрежетать зубами!

Пестрый, невообразимо разномастный и разнокалиберный мир европейской эмиграции Савинков знал довольно хорошо. Самодержавие выбрасывало в мансарды и на панели зарубежья своих самых неукротимых и изобретательных противников. Не желая связываться, пачкать расправой рук, царский режим отказывал своим врагам в пристанище, обрекая их на голодное и озлобленное прозябание на чужбине. Там они суетились, ссорились друг с другом по теоретическим вопросам, постоянно интриговали и завидовали, одновременно жадно улавливая всякие новости с родины и всякий раз связывая их с надеждами на перемены в собственной судьбе. Как человек, связанный с непосредственным конкретным делом, Борис Викторович насмешливо наблюдал за ними и, откровенно говоря, не мог побороть в себе брезгливости. В те годы он был всецело увлечен боевой деятельностью. В отличие от этих дрябнувших, стареющих болтунов он собственными глазами видел результаты своей неукротимой энергии. Это давало ему повседневное ощущение молодецкой мускулистости, сформировало его энергич-

ную походку, манеру одеваться, говорить, повелевать, выработало его знаменитую маску рокового, страшного мужчины с нездоровыми, припухшими веками – как бы от постоянных тайных слез.

Его надменное, словно заплаканное лицо неотразимо действовало на женщин. Он это превосходно знал и много раз в этом убеждался.

Савинков почитался и товарищами, и генералами охраны заслуженным боевиком. Такой опыт не снисходит сам собой, его приобретают долгими годами риска, дерзким заигрыванием со смертью. Постоянная угроза петли палача на страшном оселке оттачивает взгляд на окружающих, и Борис Викторович имел все основания полагать, что уж в чем, в чем, но в людях он научился разбираться основательно...

Существовал еще один вид практики, который постоянно пополнял его знания человеческой природы: частые, почти повседневные отношения с женщинами. Теперь Борис Викторович взял за обыкновение судить о тех, с кем его сталкивала судьба, через «женское стеклышко». Здесь он никогда не ошибался, ибо в этом отношении его опыт, пожалуй, превосходил опыт боевого террориста.

Получив свою первую ссылку в Вологду, Борис Викторович оказался там вместе с Хаимовым (он же Луначарский), невыразимо вертлявым, навязчивым болтуном, готовым извергать свой «словесный понос» по любому поводу. Луначарский умело поставил себя среди разношерстной ссыль-

ной братии. К приезду Савинкова он уже прослыл якобы фундаментально образованным и – шутки в сторону! – обладавшим дворянским происхождением. Разобраться как в первом, так и во втором было недолго. Образованность Луначарского объяснялась крепкой памятью на энциклопедические словари, остальное добавлялось самым разнузданным краснобайством, а насчет происхождения Савинков не заблуждался с первой же минуты знакомства. «Дворянин? Интересно, где вы видели столбового дворянина с таким выразительным потным носом? Да и глаза... Глаз, батенька, не подделаешь, глаза выдадут любого».

Борис Викторович с юных лет отличался сугубым практицизмом. Юношеский романтизм ему был совершенно незнаком. Однако откровенный цинизм Луначарского заставлял его брезгливо морщиться. Прослав среди товарищей приверженцем марксизма, Луначарский при откровениях хихикал и блестел своим толстым, мясистым носом. Он называл марксизм «пятой мировой религией, сформулированной иудейством». Однако настоящее презрение Савинкова будущий нарком культуры вызывал своей гаденькой похотью. Однажды – дело прошлое – довелось им «устроить суарэ» с двумя бойкими вологодскими мещаночками. Гулянка закончилась тем, что девица Луначарского вырвала у своего лоснящегося кавалера обцелованную руку и передернула плечами: «фу, какой слюнявый!» В Савинкове протестовало чувство здорового самца. Такие, как Луначарский, жадно пожирали

все, что попадет. Изыск любви им был неведом. Недаром будущий председатель советского Совнаркома, сам жесточайший пьяница, Рыков за глаза называл Луначарского Лупонарским.

Ах, женщины! Как они все же просвечивают чисто мужскую, а следовательно, и самую сокровенную суть человеческой природы!

Азеф... Именно в отношениях с женщинами проглядывала, обнажалась, сигнализировала низменная натура этого пакостника. Азеф никогда не знал сердечной женской преданности, ни разу за всю жизнь ни одни глаза не потемнели от прилива страсти при взгляде на его тучную фигуру с затянутым в жилетку животищем. Таким, как он, оставалось одно: покупать, платить, как в лавке за товар, и потом жадно, сладострастно, с удовольствием в одиночку пожирать купленное, приобретенное. Спрашивается, что мешало в те годы навести хорошенько на его рыжую мокрогубую физиономию это самое магическое «стеклышко»? ореол борьбы и жертвенности... Кровь погибших товарищей... Как горько сознавать это теперь, когда ничего уже не поправишь!

Бурцев... Ну, в этом отношении старик совсем не в счет. Таких, как он, неистовый зов плоти не тревожит, не заставляет делать глупости. От таких, как Бурцев, отмахнется и сам Фрейд: клиент не для его анализов.

Одним общим признаком пометила природа всех так называемых революционеров: они страдали каким-то стран-

ным проявлением половой неполноценности. Эту свою ущербность они, разумеется, маскировали, прикрывали, однако для человека опытного это был секрет полишинеля.

Порою Савинков задумывался поневоле: уже не эта ли ушибленность толкала деятелей революции на разрушительные действия?

Ленин... Кто не знал, не видел его болезненной, явно нездоровой связи с Инессой Арманд? Какое чувство могла внушить подобная женщина, трижды побывавшая замужем, мать пятерых детей? Что и говорить, в женском смысле Ленина следовало откровенно пожалеть. Савинкову был знаком тип подобного мужчины, всецело поглощенного своими трудными замыслами и потому вынужденного, проклиная зов пола, хватать то, что попадало под руку. Так занятый сверх головы торопливо, не ощущая вкуса, поглощает завтрак... Разве не достаточно взглянуть на бесформенную тушу Крупской, на ее полную, словно коровье вымя, физиономию, обезображенную к тому же базедовой болезнью, чтобы снизойти ко всем любовным ленинским причудам? Живем-то один раз, и жить все-таки хочется!

Но как тогда объяснить позднейшую ленинскую связь с сотрудницей его секретариата Конкордией Самойловой? Нет, тут, как ни крути, заявляла о своих правах природа! Любой другой бы... Но Ленин был человеком, пламенно устремленным к своей заветной цели («А мы пойдем иным путем!»), он настойчиво добивался превращения войны им-

периалистической в войну гражданскую, – а это был гигантский, многолетний труд! – и потому ему не приходило в голову отправиться к хорошему портному; он привык пробавляться дешевой колбасой и пивом и был бы по-настоящему счастлив, удайся ему до конца извечная борьба с искушениями пола. Удавалась до какой-то степени, однако не до конца. Воистину силен враг человеческий!

Лишь позднее, разузнав получше о молодости Ленина, Савинков обратил свое циничное внимание на спешную поездку его в Пятигорск (после первой ссылки), где он довольно продолжительное время потихонечку лечился ртутью. Тут явно отдавало ранней юношеской травмой. Потому-то, видимо, Ленин не имел детей – утратил навсегда как мужчина способность к воспроизводству...

Видением проплыла слоноподобная фигура Парвуса, колонна дикого жира, настоящий бегемот в изысканном костюме, пыхтящий и потеющий от бремени собственных телес. Но этот хоть богат, по-настоящему богат, и за свои деньги основательно познал все притоны Парижа и Стамбула.

Кстати, Троцкий, Лейба Троцкий, шустренький, как петушок, считался любимейшим парвусовским учеником. Как их свела судьба, этого Савинков не знал. Но именно колонна жира, этот пыхтящий и потеющий бегемот, вложил в кудлатую башку херсонского еврейчика завлекательные мысли о мировом господстве – то самое, что в скором времени оформится в теорию так называемой «перманентной революции».

Общеизвестно, что Парвус обладал изрядным весом в финансовом, а следовательно, и в политическом европейском мире. Этим, и только этим следует объяснять неожиданное появление молоденького Троцкого (всего 25-ти лет) в Петербурге в разгар событий 1905 года. Один, без партии, без всякого авторитета и поддержки, он вдруг возглавляет новую власть во взбунтовавшейся русской столице – Совет рабочих депутатов. Продержалась власть недолго. Самодержавие собрало силы и уверенно отразило первый натиск революции. Держава и династия сохранились, трон качнулся, однако устоял. Арестованный Троцкий предстает перед судом как государственный преступник. Судьи, маститые вальяжные чиновники дремучего российского ведомства, с удивлением разглядывали и выслушивали худенького шустрика с пронзительными глазами и целой копной жестких волос, дыбомстоявших на голове. Троцкий держался дерзко, заносчиво. Никому из судей не приходило в голову, что минует всего 12 лет и этот непочтительный еврейчик станет не только их судьей и палачом, он властно вцепится в горло всей сытой и пустомясой России.

Троцкий, он же Лейба Бронштейн, был третьим ребенком в большой, многодетной семье богатого херсонского землевладельца. Проучившись два года в хедере, он с девяти лет был засажен за бухгалтерские ведомости в отцовской конторе... Одесса, южные ворота России, считалась одним из центров европейского сионизма. Молоденький Лейба оканчива-

ет там шесть классов реального училища, отправляется в Николаев и становится членом нелегального «Южнорусского рабочего Союза». Арест, тюрьма, первый приговор – ссылка в Сибирь. Однако, прежде чем отправиться за Урал, арестант спешно регистрирует брак: по царским законам женатые ссыльные получают ряд важных льгот. Жену ему подыскали спешно, без особенного выбора, она оказалась старше его на шесть лет. В Московской пересыльной тюрьме ветхозаветный раввин объявил их мужем и женой. Семья Троцких отправилась к Байкалу, в село Усть-Кут. Там у них родились две дочери.

Содержание ссыльных при царизме было таково, что с поселения не сбежал только ленивый. Бежал и Троцкий. На крестьянской телеге, зарывшись в солому, он добрался до линии железной дороги и несколько недель спустя уже попивал пиво в Цюрихе. Там произошло его знакомство с Ульяновым-Лениным, одним из лидеров партии большевиков, обретавшим всероссийскую известность.

Общего языка с Лениным Троцкий не нашел. Большевики демонстрировали озабоченность положением трудового люда в царской России, Троцкий мыслил шире, глубже – он замахивался на установление новых порядков во всем мире.

Что стояло за выбором Троцким своего политического пути?

Прежде всего, конечно, Парвус. Взяв Троцкого в ученики, он на всю жизнь зарядил его одним заданием: мировая

революция, для благозвучия названная им «перманентной». К симпатиям Парвуса прибавилась весьма влиятельная американская родня – особенно близко сошелся с нею Троцкий перед царским отречением. Это были Шиффы (через Животовских из России). После этого последовало сближение с Варбургом, европейским резидентом американских банков. Вторая женитьба Троцкого окончательно укрепила его положение в мире хозяев большой политики. Став избранником такой компании богатых и влиятельных людей, молоденький Лейба обрел и основательную доверительность.

Примечательно, что, покуда совершалось новое брачное таинство будущего диктатора России, прежняя его жена с двумя болезненными девочками бомбила свекра отчаянными письмами из далекой холодной Сибири. Отец Троцкого, суровый, властный старик, всю жизнь держался законов Торы и Талмуда. Поступок сына привел его в ярость. Дети вообще его не радовали. Только что одна из дочерей без родительского разрешения вышла замуж за Льва Розенфельда, находившегося на нехорошем счету у полиции (будущий «хозяин» Москвы Лев Каменев). Отец Троцкого решил на крутой поступок: в синагоге при раввине он проклял Лейбу и навсегда отказался от такого сына. Еще не замолкли страшные слова ритуального проклятия, как послышался стук упавшего грузного тела – грохнулась в обморок мать Троцкого.

Казалось бы, родительское проклятие должно было по-

вредить репутации Лейбы в еврейском мире. Получилось же совсем наоборот. Именно в качестве проклятого он появился в бурном 1905 году в Петербурге и возглавил столичный Совет рабочих депутатов.

Крах любого восстания калечит и зачеркивает судьбы многих. Так вышло и в России. Однако провал первой революции почему-то вдруг возвысил репутацию всего лишь одного участника – Троцкого. Ни Ленин, ни Плеханов, ни Мартов, как известно, никаких «дивидендов» от этой провалившейся затеи не получили.

Царский суд приговорил Троцкого к новой ссылке, на этот раз пожизненной, за Полярным кругом. Приговоренный лишь усмехнулся в свою остроконечную дьявольскую бородку. Сибирские порядки ему были известны. И он, нисколько не задерживаясь на ледяных енисейских берегах, снова бежит и появляется в развеселом Париже.

Вспыхнувшая мировая война оглушила планету грохотом орудий. Однако под этот грохот тайно и явно осуществлялись глубоко продуманные планы. Троцкий в эти годы держался как бы в тени. Не высываясь, не засвечиваясь, он готовился к своей будущей великой роли. О том, чему он посвящал свой досуг, известно мало, чрезвычайно мало. Прежде всего, конечно, слушал, впитывал, мотал на ус наставления учителя, тучного жизнелюбца Пар-вуса... Читал и конспектировал Дизраэли, лорда Биконсфилда, лидера английских консерваторов. Особенное впечатление про-

извели его романы, открыто и во весь голос воспевающие сионизм... Узнал, между прочим, что Карл Маркс, которому молился Ленин со своими большевиками, а также кумиры истеричной интеллигенции Герцен и Гейне всецело подчинялись Лионелю Ротшильду (образ этого банкира фигурирует в романах Дизраэли)... Происходит пока что отдаленное сближение с тайным сионистом Ратенау, будущим министром иностранных дел Веймарской республики... Все глубже проникает в сокровенные секреты Бунда, партии еврейских националистов, известной как открытой своей деятельностью, так и потаенной тоже... Странная, так никем и не объясненная дружба с Крупской, супругой Ленина, верность которой Надежда Константиновна сохранила до своих последних дней... Короткая, но содержательная встреча с Гаврилой Принципом, наивным сербским студентом, который в скором времени разрядит свой револьвер в наследника австрийского престола... Ну а куда старая Европа воевала, Троцкий мало-помалу расширял и разнообразил круг своих знакомств. С одной стороны важные, самоуверенные власть имущие: Шифф, Варбург, Кун, Леб, Барух, Франкфуртер, Альтшуль, Кохем, Бенъямин, Штраус, Штейнхарт, Блом, Розенжан, Липман, Леман, Моргентау, Дрейфус, Ламонт, Ротшильд, Лод, Мانتель, Лаский... С другой же стороны почти совсем безвестные, однако чрезвычайно перспективные в предвидении грядущих российских перемен: Зиновьев, Бухарин, Каменев, Пятаков, Радек, Крестинский, Сокольни-

ков, Раковский, Му-ралов, Ларин, Мрачковский, Дрейцер, Блюмкин...

Отречение Николая II застало Троцкого в Америке, в Нью-Йорке, где он вместе с Бухариным издавал газету и со-держал специальную школу со специально подобранным со-ставом учеников. Едва из Петрограда пришла весть о цар-ском отречении, газета сразу же закрылась, а слушатели школы в полном составе погрузились на специально зафрах-тованный корабль и на всех парах понеслись в Россию, где уже явно пахло великой кровью гражданской войны.

Немецкий вагон из Швейцарии привез так называемую ленинскую гвардию. Гвардия Троцкого готовилась в Амери-ке, на пароходе их поместилось несколько сот человек, они спешили вовсе не помогать изнемогающей Германии – их предназначение связывалось с более глубокими, более осно-вательными замыслами... В вагоне с Лениным нашлось ме-сто всего трем десяткам персон. Следом за этой «пожарной» партией прибыло еще несколько вагонов (имена всех при-ехавших в настоящее время известны). Не всех вместили и пароход с гвардейцами Троцкого. Они продолжали прибы-вать в течение нескольких месяцев и в одиночку, и группами. Их кумир, проклятый родным отцом в синагоге, всех встре-чал, инструктировал, устраивал. Безделье прибывших, судя по развороту событий, не обещало быть долгим...

Россия, пребывающая в эйфории от свержения царя, не знала и не догадывалась, что тучи международной саранчи

слетаются на ее уже и без того измученную землю.

Главные страдания державы и ее народа были впереди.

...Все-таки это была отравка навек – писательство, создание романов. Тем более столь удачное, успешное... В последнее время Борис Викторович все чаще ощущал в себе не старого заслуженного боевика, а известного в читательской среде литератора. Его так и позывало за письменный стол, в глубокое и увлекательнейшее уединение над нетронутым листом бумаги. Мир, сотворяемый им в книгах, с неодолимой властностью перетягивал его от всего того, что открывалось взору. Острый и циничный наблюдатель, проявившийся в нем за годы увлеченного сочинительства, невольно сказывался в прищуре припухших глаз, в брезгливой складке бледных тонких губ. Все же он засядет наконец и напишет свою самую откровенную, самую разоблачительную книгу. Название будущего романа давно было готово – короткое и хлесткое, словно удар хлыста, – «Мразь». Да, именно так. Уж кому-кому, но ему-то есть что порассказать, есть что изобразить, вывернуть наизнанку. Ка-кая, как посмотришь, гнусь вокруг! Откуда она вдруг повылезала? Где сохранялась? Причем в таком немислимом количестве! Обрадовалась, дождалась... О, Русь, Россия-матушка! В тебе, оказывается, таилось и такое. И вот расперло, вспучило – и зафонтирило, потекло...

Однако игра еще не кончена, господа! Время ставок не ушло, а ему есть что кинуть на самый выигрышный номер

этой завлекательной рулетки, в которой разыгрывается не больше и не меньше, как государственная власть в России.

Время покушений кончилось. Однако заговорам конца не будет, не предвидится. Почему они, эсеры, так мало занимались армией, офицерством, генералитетом? Не верили в толпу с оружием в руках, отдавая предпочтение героям-одиночкам? Настало время исправлять ошибки.

В русской истории настали времена людей вооруженных, армейской массы, ведомой боевыми генералами.

При таких обстоятельствах знаменитый террорист и литератор обратил свое внимание на человека, назначенного в начале марта командовать войсками столичного округа. На генерала Корнилова...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Хан Хаджиев быстро сделался настоящим членом Корниловской семьи. К нему привязался Юрик, позднее дитя, предмет болезненной любви стареющих родителей. Взрослая дочь, Наталья, прошлой осенью вышла замуж. Вся неизрасходованная любовь в семье сосредоточилась на Юрике. Мать и отец не чаяли в нем души... Всякий раз, как только появлялась статная фигура молодого офицера в ярком халате и громадной лохматой папахе, мальчишка издавал вопль восторга и устремлялся в прихожую. С этой минуты он завладевал гостем безраздельно и на весь вечер. Стаскивал с него папаху, ташил в гостиную, вскарабкивался на колени. Хаджиев, придерживая повисшего на шее Юрика, неловко отстегивал шашку и прятал кобуру с наганом.

Лавр Георгиевич нашел в воинственных текинцах как раз те качества, которые ценил: верность долгу, преданность. Отныне он был спокоен и уверен. Этим молодым, затянутым в рюмочку джигитам можно было, как говорили в Азии, доверить свою спину – не ударят, не вонзят ножа.

Встреча с помещиками, на которую в дождливый день попал Хаджиев, жалобы хозяев и грозные обещания «уллы-бояра» – все это было лишь частью забот командующего.

Тылы 8-й армии раскинулись на громадной территории в несколько губерний. По законам военного времени местная

администрация всех тыловых районов подчинялась армейскому командованию.

Западные губернии России были знакомы Корнилову по годам прежней службы. В свое время в Варшавском военном округе он проходил и стажировку, и отбывал командный ценз.

Вступив в командование 8-й армией, Лавр Георгиевич получил на руки не только тяжеловесное армейское хозяйство, на него также свалилась такая застарелая болезнь империи Российской, как национальный вопрос.

В древнем Киеве всегда считали заклятыми врагами Украины ляха, жида и москаля. На этой почве пышным цветом распускался непримиримый местный национализм. Самостийники исполъ-зовали любой случай, чтобы посчитать-ся с застарелыми национальными обидами... Оголтелый национализм – болезнь, как правило, малых народов. Народы большие, великие имеют природную склонность к патриотизму. Национализм не имеет ничего общего с патриотизмом. Если национализм зиждется на ненависти к окружающим, то патриотизм стремится к открытости в отношениях с соседями, к дружбе и тесному сотрудничеству.

К живучести украинского национализма сильно приложила руку местная интеллигенция. Нашлись ученые – великие специалисты по искажению истории. Они провозглашали (и доказывали!), что по обе стороны Днепра издревле обитал «особенный народ», коренным образом отличавшийся от ве-

ликорусского. Этот народ имел сугубо свой самостоятельный язык, нисколько не похожий на тот, что на севере, в Московии. Само собою выходило, что Володимер Святой, крестивший свой народ, был крестителем Украины, а не Руси, он дал православие не русским, а лишь украинцам.

Москва, самодержавная и властная, покорила Украину. Таким образом, русские никакие не братья украинцам, а завоеватели, оккупанты, колонизаторы.

В 1708 году гетман Мазепа долго уговаривал стародубского полковника Скоропадского перекинуться вместе с ним к шведскому королю. Однако полковник остался верен русскому царю. После Полтавы преданность Скоропадского была щедро вознаграждена. Царь Петр ценил верных людей.

Злополучные разделы Польши прибавили к украинскому национализму еще и польский. А вместе с польским – как тамошнюю застарелую заразу – Россия обрела дополнительно и еврейский. Недаром генерал Скобелев постоянно упрекал императора Александра I за участие в разделе Польши. Нашел чем соблазниться! Русский генерал, разбиравшийся как редко кто в проблемах национального сожительства, называл поляков «сучьей породой». Пускай бы они попали под пяту пруссаков, – Россия не узнала бы восстания 1830 года и кровавейшего мятежа 1863 года!

Великая война мигом всколыхнула и обострила давнишние национальные обиды.

Два года назад Верховный главнокомандующий русской

армией великий князь Николай Николаевич, едва появившись в Ставке, отдал два распоряжения. Первое: о наступлении армии Самсонова. Второе: он обнародовал «Манифест», обещавший полякам самую широкую автономию. Пошли слухи даже о польской конституции... Немедленно вознегодовали украинские самостийники: а мы? Однако Москва считала украинцев братьями и ничем их не выделяла, не отличала. Поляки, как надоевшие сварливые квартиранты, нуждались в правах. Украинцы же самибыли хозяевами. А у хозяев, в отличие от капризных квартирантов, имеются лишь обязанности.

Между тем русская армия воевала крайне неудачно. Обещанной конституции поляки так и не дождались: после ряда поражений русские откатились далеко на Восток. Вместо московской конституции поляки получили штык из Берлина... И все же украинцы в открытую завидовали полякам. Пускай немецкий штык, но только не русский! Им казалось, что крупповская сталь изготавливается из пух-пера...

С фронта России по-прежнему угрожали немцы и австрийцы. Однако страшнее и этой угрозы были удары с тыла.

Лавр Георгиевич уехал из Петрограда с убеждением, что настоящей причиной краха династии Романовых является не сила напора, а слабость сопротивления, бессилие защиты.

Между тем за разложением русской армии заинтересованно следили и в Киеве, и в Варшаве.

Методично и умело разливала свой зловонный яд католи-

ческая церковь. Необозримый тыл русских армий неумолимо разлагался по признакам: национальному, религиозному и – чуть позднее – классовому.

В германском плену генерал Мартынов просветил Корнилова насчет теории немецкого ученого Гакстгаузена. Этот немец еще в прошлом веке постоянно облизывался на Украину. Он называл земли по берегам Днепра «лакомым куском». Его теория легла в основу политики, позднее названной «Дранг нах Остен». Украина рассматривалась как законная добыча победителя в войне... На поражении России основывались надежды как польских, так и украинских националистов. Те и другие, лукаво щурясь, лишь выбирали, кому повыгодней отдаться. В Киеве вдруг объявился бывший офицер Кавалергардского полка Павло Скоропадский. В Варшаве начал бурно действовать Юзеф Пилсудский, соратник ленинского брата Александра, участник покушения на Александра II. Отбыв ссылку в Сибири, он вернулся в отчие края лютым ненавистником всего русского, православного. «Сучья порода» Пилсудского проявилась в коварстве польских планов. В самом начале войны поляки всячески льнули к Германии и Австро-Венгрии, а как только Россия потерпит поражение, поляки намеревались немедленно перекинуться к западным союзникам, Франции и Великобритании.

Примечательно, что еврейская проблема при этом только тлела и совершенно не давала дыма. Евреи были смелы лишь

с русскими. Местных националистов они остерегались. Как поляки, так и украинцы были на расправу и скоры, и жестоки. Командуя Оренбургским пехотным полком, стоявшим в Вильно, Корнилов навсегда запомнил презрительное замечание лабазника-украинца, смотревшего, как волокут в полицию молоденького еврея с разбитым в кровь лицом: «Это ж такая нация. Чим билыпе кота гладишь, тим вин више хвист пидийма!» Весной 1917 года после царского отречения украинский национализм свирепо поднял голову. Россия, бесконечно митингуя, вдруг узнала, что русская земля кончается возле Харькова, дальше начинается зарубежье, за граница, чужая территория. Скоропадский, съездив в Германию, заручился поддержкой немцев – ему была обещана военная помощь против ненавистных москалей.

Неистовый противник Скоропадского, недавнего столичного гвардейца, мужиковатый Петлюра пошел совсем иным путем: он громогласно пообещал евреям автономию в составе своего «незалежного» государства, разрешив создать Еврейский национальный совет и Еврейский генеральный секретариат с многочисленными департаментами. Киевские сионисты, обрадованные такой милостью, послали в Петроград своим единоверцам восторженную телеграмму: «Вавилонское пленение кончилось!» Славя пана Петлюру, они совсем не обращали внимания на такие «мелочи», как традиционные еврейские погромы, причем нынешние зверства уличной толпы превосходили ярость погромов во времена

Хмельницкого, Гонты и Железняка.

«Союз за освобождение Украины» возник еще в 1914 году, накануне войны. Возник тайно, стал действовать скрытно. Однако о нем уже прекрасно знали и в Германии, и в Австрии. Оттуда, от «друзей украинского народа», потекла постоянная щедрая помощь. (В германской разведке возникла особая украинская секция.) Самостийники не уставали вдалбливать в медлительные мозги Одарок и Василей, что они никакие не русские. Эти сказки были продуманно рассчитаны на глубокое невежество народа. Быстро привилась идея о былом вольном казачестве. В прошлом году, когда весь русско-германский фронт оцепенел в позиционном выжидании, самостийники создали «Первый сечевого полк имени Шевченко»: 8 сотен по 200 человек. Их обрядили в синие просторные жупаны.

Снова приходилось задумываться об искусной вражеской руке. Лавр Георгиевич вспоминал дни в германском плену. В лагерях военнопленных велась бешеная пропаганда ненависти к самодержавию. Откуда-то регулярно доставлялись газеты, листовки, рукописные журнальчики. Настоящими врагами Украины объявлялись не немцы, не австрийцы и даже не поляки, а русские. Внезапно для украинских солдат и офицеров создали особый лагерь, отделили от остальных. Затем их стали освобождать и отправлять по домам. Дома их уже ждали активисты «Союза за освобождение Украины». Поговаривали, что в последнее время Союз сумел устано-

вить связь напрямую со Стокгольмом.

Удивительно при этом, что отчуждение Украины происходило при молчаливом одобрении революционного Петрограда. Временное правительство не уставало провозглашать, что самого лютого врага древней России оно видит в проклятом самодержавии.

Подала свой затаенный голос и Литва. Словно в героические времена Гедимина и Ягайлы, литовцы потребовали национальной самостоятельности. Следом за ними заворчал Закавказье. Даже в родных краях Корнилова, в казахских степях, запылало кровавое восстание Амангельды Иманова. Казахская беднота – джата-ки, всю зиму коченевшие в драных юртах, вдруг принялись избивать русских поселенцев, ютившихся в землянках.

В России начался разлад, какой бывает, когда вдруг в большой семье скоропостижно умирает строгий, требовательный хозяин. Окраины державы, обрадовавшись отсутствию всякого надзора, принялись резвиться и проказничать. Дробление империи на самостоятельные государства и республики стало модой. Державу драли на клочки. Доходило до нелепостей. О полном суверенитете объявили Кронштадт и Шлиссербургский уезд. А в центре Москвы, на Хитровке, сметливый извозчик Терентий Козолуп провозгласил вдруг республику Самотеку, а самого себя ее президентом.

Зараза самостийности выступала на горячечном теле России болезненной сыпью. Распадающийся труп империи при-

нялся смердить.

Над останками державы хищно закружилось воронье. Французы и поляки затеяли озлобленный спор: кому из них будет принадлежать Москва? Поляки ею завладели триста лет назад, в Смутное время. Французы как бы опоздали – они взяли Москву лишь в 1812 году, при Наполеоне... На древний Смоленск заявили претензии кроме тех же поляков и французов еще Германия с Литвой... На Архангельск разинули рот англичане... Шведы объявили, что Санкт-Петербург построен на исконно шведской земле... Прожорливей всех оказались татары. Они считали, что по историческому праву им принадлежат Симбирск, Саратов, Самара, Астрахань, Уфа, Приуралье и Сибирь – добрая половина России.

В бесхозно опустевшем доме, где еще как следует не справлены поминки, по его огромным залам принялись шататься толпы промыслового народа, зорко присматриваясь к валявшемуся добру, соображая, что унести, сунуть в карман, стащить. При этом все горланят, сорят, гадят.

Кто мог прекратить позорную вакханалию, подать властный голос и положить конец национальному глумлению?

Армия, русская армия!

Лишившись государя, которому присягала, раздираемая солдатской вседозволенностью, армия даже в силу своей огромности не поддавалась быстрому разложению и продолжала оставаться единственной надеждой погибающей России. Покинув Петроград и снова попав на фронт, Лавр Ге-

оргиевич всей кожей ощутил разительную перемену обстановки. Вместо изощреннейшего интриганства его окружала привычная атмосфера фронтовых буден. Армия продолжала сидеть в окопах. Войне не виделось конца. Штаб армии буднично исполнял свои обязанности.

В далеком Петрограде не прекращались настойчивые домогательства послов. Союзники России беспрестанно требовали: наступать! Временное правительство бодро откликлось: будем! Солдатская масса негодовала: неужели еще мало нашей крови пролито? Офицерство при этом пребывало в странной раздвоенности чувств и долга: каждый понимал своих завшивленных солдат и в то же время в каждом оставались живы армейские обязанности повелевать и подчиняться.

Первым из всего высшего генералитета на желание союзников и правительства откликнулся командующий Юго-Западным фронтом Брусилов. Он доложил, что войска фронта будут готовы к большому наступлению в начале мая.

Это обещание застало Корнилова врасплох. Вступая в командование армией, он воочию видел, что ни о каком наступлении не может быть и речи. В таком состоянии и против такого противника русские войска воевать не могут.

Что же, снова несогласие с командующим фронтом, спор, конфликт? Недаром генерал Брусилов так противился корниловско-му назначению!

Корнилов принадлежал к тем офицерам русской армии,

которые воздействовали на подчиненных не рассказом, а показом: «Делай, как я!» Распоряжаясь тысячами жизней, они не жалели и своей. Так вышло и под Дуклой, где «Стальная» дивизия спасла Брусилова от клещей Макензена, но сама сложила голову... Требуя над Корниловым военного суда, Брусилов нанес ему незабываемое оскорбление. Военный суд да еще в военное время – мягкого приговора ожидать не приходилось. Слава Богу, не забыли об офицерской чести командующий фронтом генерал Иванов и сам великий князь Николай Николаевич. Они возмутились брусиловским коварством. Генерал Иванов, прекрасно зная, что все полки «Стальной» дивизии вышли из окружения и вынесли свои знамена, послал в Ставку бешеную телеграмму: «Ходатайствую о примерном награждении остатков доблестно пробившихся частей 48-й дивизии и особенно ее героя, начальника дивизии генерала Корнилова...» И Брусилов принужден был укротить свой нрав, смириться. Однако о своей обиде он не забыл. Не тот характер!

И вот судьба вновь сводила Корнилова со своим закоренелым недругом.

Приняв армию, Лавр Георгиевич быстро убедился, что Брусилов вновь угодничает перед высшей властью. К большим боям, к тому же наступательным, войска совершенно не готовы. Столичная разруха проникла и сюда, на передовую. Горланили митинги, скидывались неугодные командиры, выбирались и переизбирались комитеты.

Солдатское самоуправство с особенной силой проявилось в недавние пасхальные праздники. В Витебском пехотном полку солдаты поставили своему командиру ультиматум: первое – открыть полковой ящик и раздать по рукам все казенные деньги, второе – выдать в постоянную носку обмундирование первого срока, третье – устроить праздничное разговенье с куличами, крашеными яйцами и выпивкой. Командир, старый полковник, пришел в отчаяние. Ну, деньги, ну, мундиры... но где по нынешним временам достать такое угощение? Солдаты рассвирепели и арестовали полковника. Устроили судилище и постановили – расстрелять. Явилась целая карательная рота, выстроилась, вскинула винтовки. Старик полковник упал перед солдатами на колени: «Братцы, за что?» Палачи сжалились, однако винтовки разрядили в пасущихся на лугу коров. «Видал, Ванька, как она у меня ловко перекувыркнулась?»

Соседи витебцев, тоже пехотинцы, перепились и устроили драку с артиллеристами. Они потребовали от пушкарей сидеть смирно и не открывать огня, не задирать немцев. Их не трогай – и они не тронут!

В кавалерийских частях перестали выкармливать и чистить лошадей.

Жители окрестных деревень стонали от солдатских грабежей. И это новая армия, сознательная, на так называемых демократических началах? Вертеп!

Назначение Корнилова 8-я армия встретила по-разно-

му. Офицеры приободрились. Появилась надежда остановить губительный развал. Солдаты не скрывали озлобления: «Знаем, генерал нас снова к старому режиму будет гнуть, под офицерскую палку. Пусть только попробует!»

Армия еще удерживала передовые позиции, однако окопы перестали быть боевыми укреплениями, а превратились в обыкновенные земляные ямы для отсиживания, для отбывания обрыд-лых обязанностей.

Армейская дисциплина – это, грубо говоря, такой порядок, когда солдат боится палки своего капрала больше, чем пули врага. Средство, к сожалению, одно – суровые меры, вплоть до казни. В армии принято ради многих не щадить одного. Жестокость командира, таким образом, является не только правом, но и долгом.

Чуткое корниловское ухо мгновенно уловило явное подбострастие штабных чинов перед частями на передовой. То и делослышалось: как там настроение солдат? Словно речь шла о больных капризных женщинах!

И все-таки Брусилов собирался наступать! Уму непостижимо...

Выборные органы солдатской массы – комитеты, а с ними и комиссаров породила в армии Французская революция.

Влияние комиссаров объяснялось тем, что в их лице в армии предстали обе власти: Временное правительство и Совет. Если назначением комиссаров ведало военное министерство, то окончательное утверждение намеченных кан-

дидатур зависело от военного совета Исполкома. Таким образом, при министре возникло обширнейшее политическое управление. Власть его простиралась чрезвычайно далеко: комиссары не только приглядывали за генералами (их всех подозревали в монархизме), но и руководили выборными комитетами в частях и подразделениях. Так в русской армии появилась еще одна вполне самостоятельная власть. Отныне генералы обязаны задумываться не только о том, как воевать, но и з а что.

Выборы в комитеты (ротные, батальонные, полковые и т. д.) проходили бурно и подолгу, с потрясанием кулаками и винтовками, с выстрелами в воздух. Офицеры, за редким исключением, инстинктивно избегали этих митингов. Выбранные лица занимали место рядом с командирами, постоянно вмешиваясь в их распоряжения, но никогда не разделяя с ними ответственность за неудачи.

В начале мая в штаб 8-й армии приехал назначенный из Петрограда комиссар штабс-капитан Филоненко. Лицо комиссара показалось Корнилову знакомым. Он быстро вспомнил: это был молчаливый спутник Савинкова, когда тот заявился вдруг в штаб Петроградского округа на Дворцовой.

Своим высоким назначением штабс-капитан Филоненко был обязан Савинкову. Дело в том, что судьба самого Савинкова решительно переменилась в считанные дни. Керенский, едва заняв пост военного министра, немедленно вспомнил о неприкаянно болтавшемся террористе. Савинков сделал-

ся важным человеком – Керенский назначил его комиссаром Юго-Западного фронта, как видно, для приглядывания за генералом Брусиловым.

Для достойного нету достойных наград,
Я живот положить за достойного рад.
Хочешь знать, существуют ли адские муки?
Жить среди недостойных – вот истинный ад!

Этими афоризмами мудреца Омара Хайяма утешал самого себя новый командующий 8-й армией.

Первая же встреча с командующим Юго-Западным фронтом завершилась ядовитой пикировкой. Корнилов считал, что выработка воинской дисциплины – чисто волевое упражнение. Любое нарушение дисциплины – начало разложения.

Едва приехав в Каменец-Подольск, Лавр Георгиевич прямо с вокзала попал на разнузданный солдатский митинг. Ораторы в грязных шинелях и облезлых папахах размахивали кулаками и последними словами гвоздили буржуев-миллионщиков. Это они гнали армию в наступление, это им проклятая война была дороже родной матери!

Да, окопы надоели, обрыдли... И все же...

Солдат обязан видеть в рваном знамени своего полка героические подвиги предков. Давно ли цусимские герои опускались на дно чужого холодного моря вместе с развевающимся флагом?

Как быстро все переменялось!

В первый же раз попав на передовые позиции, Лавр Георгиевич изумился тому, что у солдат и офицеров исчезла боязнь выстрелов со стороны противника. Расхаживали смело, никто не пригибал головы. Подняв к глазам бинокль, Корнилов увидел на немецкой стороне какую-то толпу. Нет, это был не митинг. Германские офицеры жадно разглядывали нового командующего русской армией. (Откуда-то узнали же!) Немцы глазели и чему-то весело смеялись. В ответ Лавр Георгиевич вскарабкался на бруствер и выпрямился во весь рост. На осторожное замечание «Не подстрелили бы!» Корнилов сердито бросил:

– Буду только рад! – У него из головы не выходил солдатский митинг. – Да, рад. Может быть, хоть тогда солдаты поймут, что перед ними враг, а не союзник!

За беседой с офицерами полка Корнилов немного отошел. Его покорила терпеливая озабоченность этих скромных тружеников войны. «Так воевать нельзя!» – заявляли они в один голос. Разложение армии принимало катастрофические размеры. Командир полка пожаловался, что недавно передовое охранение задержало «ходока» – так назывались солдаты, ходившие на вражескую сторону брататься. «Ходок» возвращался в подпитии, с полной пазухой еды и выпивки. Скорей всего, передовое охранение, угостившись, отпустило бы «ходока» с миром. На его беду, наехал казачий разъезд. Узнав, в чем дело, казаки разложили «ходока» и хорошенько его

выпорол³... Этот случай скорой и бессудной расправы каким-то образом дошел до Брусилова. Командующий фронтом принялся рвать и метать. Сейчас прапорщику, старшему передового охранения, и казачьему уряднику грозит дисциплинарное взыскание.

– Дайте мне бумагу, я подпишу, – сказал Корнилов.

Своей властью он избавил провинившихся от начальственного гнева.

– Что хоть за солдатик-то? – поинтересовался он. Да так... дрянь. Из чухонцев будто...

– Все равно – поделом!

Неожиданное заступничество Корнилова вызвало негодование командующего фронтом. При первой же встрече Брусилов заявил:

– Удивлен. Что за самоуправство? У меня, знаете ли, так служить нельзя.

Сдерживаясь, Корнилов отпарировал:

– Я служу не у в а с. Я служу с в а м и. А уж нанять меня на службу к себе у вас попросту не хватит средств!

После этой стычки отношения двух военачальников сделались вконец невыносимыми...

Великая война в Европе, затянувшаяся на года, отлича-

³ Наказанным казачьими плетьюми оказался некий Альфред Розенберг, уроженец Ревеля, вольноопределяющийся, из недоучившихся студентов Московского университета. Со временем он, так и не сделавшись большевиком, станет у Гитлера специалистом по «русскому вопросу» и главным редактором центрального органа нацистской партии.

лась от прежних войн тем, что противники теперь сходились не только на суше и на воде, но и в воздухе. Изобретение летательных аппаратов, аэропланов, сделало и небо над головой солдат ареной ожесточенных битв.

Как водится, небесная стихия призвала самых смелых, самых отчаянных. Причем отвага летчиков намного превосходила технические возможности летательных аппаратов, чрезвычайно хрупких и капризных, а потому и крайне ненадежных.

Первые русские летчики, хозяева неба, чем-то напоминали Корнилову природных казаков – с той лишь разницей, что аэроплан – не лошадь и, сидя на этой качающейся в небе этажерке, с шашкой на врага не налетишь. Оружием «небесных всадников» на первых порах сделались обыкновенные пехотные гранаты. Прекрасным средством явились аэропланы для фронтовой разведки – свободно летая, они были неуязвимы для стрельбы с земли.

Французы первыми изобрели для поражения врага сверху специфические свинцовые стрелы. Сброшенные с большой высоты, эти стрелы пронизывали насквозь и всадника, и лошадь. Немцы расвирепели от этих варварских орудий из свинца и ответили «мерзким лягушатникам» применением отравляющих средств.

В русской армии опекуном «небесных всадников» стал дядя царя, великий князь Александр Михайлович. Немолодой человек, он лишь завистливо задирает голову, любя-

ьясь отвагой и молодечеством богатырей, напоминающих тех, старинных, что выезжали в чистое поле на басурман. Отборнейшие люди, настоящие орлы!

Ах, как хорошо быть молодым!

В первое время русские летчики летали на иностранных аппаратах: французских «моранах» и австрийских «альбатросах».

Лавр Георгиевич Корнилов принял 8-ю армию, когда отважный летчик капитан Нестеров не только совершил свою знаменитую «мертвую петлю», но и протаранил в воздухе немецкий аэроплан, нахально круживший над крышей штаба. Однако в строю еще оставались товарищи погибшего героя: кавалер трех Георгиевских крестов Евграф Крутень, бывший улан Алексей Казаков, сумевший сбить 17 немецких самолетов, и Виктор Покровский, окончивший после Павловского училища еще и «авиационные классы» при технологическом училище в Петрограде. Отвага Покровского в воздушных боях принесла ему Георгиевский крест и чин капитана.

Интересно, какие способы взаимоистребления сумеет человек изобрести, продлись эта война еще хотя бы на год? Совсем недавно появление подводных лодок, вооруженных смертоносными торпедами, казалось фантастическим изоб-

ретением. Но вот уже и небо, пятый океан, приняло неукротимого бойца с оружием в руках...

Капитана Нежинцева, начальника разведывательного отдела штаба армии, Лавр Георгиевич невзлюбил с первого взгляда. Щегольское пенсне, волосок к волоску причесанная голова, легкое грассирование и гвардейское растягивание слов. Слишком непохож на фронтового офицера. Раздражала даже строевая выправка молодого сильного тела. «Шаркун», – решил Корнилов. Таких много отиралось по штабам.

Нежинцев просил командующего о конфиденциальном приеме.

Узкие, косо прорезанные глаза Корнилова неприветливо глянули в бледное лицо гвардейца. Он на мгновение оторвался от бумаг:

- Подайте записку. Порядка не знаете?
- Слушаюсь.

Поклон – словно ронялась голова. «Определенно шаркун. Бальный лев, дамский угодник...»

За делами вылощенный капитан забылся. После вечернего доклада генерал Лукомский, начальник штаба армии, положил перед командующим тоненькую папку: «Записка» разведывательного отдела. Сразу вспомнился капитан с пробором и в пенсне. Вопреки ожиданию генерал Лукомский дал начальнику разведки восторженную характеристику: опытен, работоспособен, превосходно наладил агентур-

ную сеть в ближнем и дальнем тылу противника. На взгляд начальника штаба, капитан у них долго не задержится: птица, сразу видно, высокого полета. Корнилов смутился. Приговорил по внешнему виду!

«Записку» капитана Нежинцева он забрал домой, для вечернего чтения перед сном. Взвесил на руке.

Поводом для «Записки» послужил недавний арест участников тайной организации в Полтаве. Среди арестованных оказался некто Меленевский, по всей видимости, опытный связник. Установлено, что он регулярно наезжал в Стокгольм, где его поджидал известный Ганецкий (он же Фюрстенберг), близко связанный с такой личностью, как Парвус-Гельфанд. Последний «ведется» русской разведкой уже около двух десятков лет как доверенное лицо международного картеля финансистов, ассигнующих большие средства на революцию в России. По всей видимости, организаторы российского развала принимаются за национальные окраины империи. Нежинцев напоминал об изощреннейшем шпионаже в прифронтовой полосе. В частности, в Привисленском крае шпионажем занимались исключительно евреи. Недаром еще 6 августа 1915 года на заседании Совета Министров обсуждалась возможность высылки поголовно всех евреев с польской территории, оказавшейся в прифронтовой полосе.

События последних месяцев, заявлял капитан Нежинцев, заставляют вспомнить, что русская революция входила в расчеты германского Генерального штаба как оперативная

данная.

К большой войне на Востоке немцы готовились с завидной основательностью. Исключительное внимание при этом, как и водится, они уделили глубокой стратегической разведке.

Еще в 1904 году банкир Макс Варбург собрал у себя в Гамбурге секретное совещание. На следующий год «Дойчбанк» отпустил 1,5 миллиарда марок «для организации промышленно-торговых экспедиций». На эти деньги в России были тщательно исследованы Урал, Эмбинский нефтеносный район, Закавказье и Забайкалье, Тихоокеанское побережье от залива Посьет до устья Амура, Архангельская и Вологодская губы. Даже на далекую Камчатку немцы пробрались!

Германский «Электротехнический союз» создал в России свой филиал: «С. – Петербургское политехническое общество». Служащие общества были обязаны два раза в год писать подробные отчеты. Эти документы неизменно попадали в германский Генеральный штаб.

Принц Генрих Прусский без лишней помпы съездил в Америку и там встретился с банкиром Якобом Шиффом. Высокие стороны договорились принять решительные меры, чтобы заставить правительство России уступить на 90 лет угольные копи на Сахалине. Я. Шифф заверил, что эту затею поддержат банки Гирша, Мендельсона, Беренберга и, разумеется, Варбурга.

К счастью для России, эта затея сорвалась.

Тогда 22 июня 1913 года немецкий Генштаб вырабатывает циркуляр № 2348 о командировании в Россию в качестве конторщиков и приказчиков специально подготовленных лиц.

Год спустя немецкие генералы имели точные карты укреплений в районах Риги и Либавы. А профессор Карберг, выступая перед офицерами в Лейпциге, демонстрировал чертежи и расчеты по Путиловскому, Коломенскому и Сормовскому заводам.

Русской контрразведке удалось напасть на след некоего Тиме, владельца нескольких доходных домов в Петербурге, а также гостиницы «Пале-Рояль» на Пушкинской улице. Затем в Двинске был арестован швед Зегебаден. У него нашли планы укреплений Ковно и Либавы. Далее ниточка протянулась в г. Хапаранд к агенту «Дойч-банка» Бальцеру (он же Свенсон). С этим хорошо законспирированным агентом имеют связь большевистские функционеры Радек и Ганецкий.

Само собой напрашивается сравнение с чудовищным осьминогом. Только хищных и могучих щупалец у этого страшилища гораздо больше восьми. Незаметным образом в загрёбистых лапах иностранных предпринимателей оказались самые важные отрасли русской промышленности: металлургия, топливо, электричество, химия, машиностроение. Не побрезговали «благодетели» и русским лесом, и продукцией

сельского хозяйства. К традиционному хлебному экспорту в последние годы прибавился и вывоз великолепного сибирского масла (через Гамбургский банк орудовал некий Майман). В небывалых до этого времени масштабах проявилась в России мощь международных финансов. (В коротеньком примечании капитан указывал, что мобилизацией денежных средств занимался у Вильгельма специальный человек, ставший самым доверенным сотрудником германского императора – иудей Баллин.)

Мыслимо ли было воевать с немцами, находясь в такой зависимости от этих же немцев? А между тем Россия принуждена вести тяжелую войну именно в таких невыносимых условиях!

В свете всего сказанного совершенно иначе представляются арест военного министра Сухомлинова и казнь полковника Мясо-едова.

Генерал Сухомлинов – и это общеизвестно – никогда не блистал военными талантами. Это был придворный генерал. Он пришелся ко двору, когда обучал Николая II, тогда еще наследника престола, умению отдавать команды перед строем. В благодарность цесаревич подарил генералу свой портрет в гусарской форме с очень теплой надписью... Командуя войсками Киевского округа, Сухомлинов имел счастливую возможность чаще многих встречать и самого Николая II, и вдовствующую императрицу Марию Федоровну. На высокий пост военного министра его и перевели из Киева.

Бедой Сухомлинова была неистребимая страсть к красивым женщинам. Генералу исполнилось 60 лет, когда его познакомили с Екатериной Викторовной, обаятельной женщиной бальзаковско-го возраста. Совершенно потеряв голову, генерал с разбегу предложил своей избраннице руку и сердце. Красавица расхохоталась: она была замужем и разводиться не собиралась. На связь с моложавым и представительным генералом она смотрела всего лишь как на забавное приключение. Сколько их было и еще будет!.. Однако Сухомлинов проявил настойчивость и пылкость и сумел убедить свою любовницу оставить мужа. Екатерина Викторовна соблазнилась: пожилого генерала переводили из Киева в Петербург на пост военного министра. Ее прельстили перспективы столичной развеселой жизни.

Екатерина Викторовна предупредила своего сожителя, что ее муж ни за что не согласится на развод. «Устроим!» – уверенно пообещал Сухомлинов и обратился за советом к своему подручному Альтшиллеру. Тот в ответ лишь хмыкнул: нет ничего проще!

Как бы то ни было, но в Петербург новоиспеченный военный министр привез с собой из Киева громкий и дурно пахнущий скандал. Не с этого бы следовало начинать! Однако все возрастающая страсть диктовала стареющему генералу свою логику поступков.

Альтшиллер, устраивая обещанный развод, проявлял незаурядную изобретательность. Прежний муж Екатерины

Викторовны, богатый молодой помещик, о разводе не хотел и слышать. Он задорно бросил вызов всемогуществу военного министра. Сухомлинов занервничал. По столице поползли слухи, что делом всей жизни военного министра стало не руководство министерством, а благополучие молодой жены. Альтшиллер добыл какие-то справки с доказательством того, что молодой помещик находится не в своем уме, и попытался засадить его в сумасшедший дом. Сорвалось... Тогда Альтшиллер заехал совершенно с другой стороны: он подал заявление в суд, обвинив прежнего мужа госпожи министерши в прелюбодеянии с гувернанткой-француженкой, жившей некогда в его киевском доме. Суд внял представленным доказательствам супружеской неверности и вынес решение о разводе. Для Сухомлинова началась счастливая семейная жизнь.

Гром грянул примерно через месяц. Из Парижа, куда давно уехала француженка-гувернантка, пришел возмущенный протест. Оскорбленная девушка, прочитав русские газеты, прислала медицинское свидетельство, что она невинна. В дело вломился французский посол, явившись с протестом в министерство иностранных дел. С новой силой загудела газетная метель. Счастливым супругам принялись злорадочно перемывать косточки. Вознегодовали самые крикливые ораторы в Государственной думе. Министерство юстиции с явной неохотой, но все же завело уголовное дело. Скандал нарастал, грозя военному министру крупнейшими неприят-

ностями. В доме Сухомлинова воцарились мрак и отчаяние. Екатерина Викторовна, Катенька, не спускала с рук любимого Азора, крошечного лохматого пса. Ее томили тревожные предчувствия. На самом министре не было лица. Невозмутимым оставался один Альтшиллер. «Это же смешно!» – как ни в чем не бывало заявлял он и поглядывал масляными глазами на голые коленки министерши. Он знал Катеньку с тех лет, когда она служила машинисткой у скромного киевского нотариуса. Альтшиллер немного ревновал Катеньку. Ему почему-то особенно не нравилось, когда она называла своего влюбленного без памяти супругом Азором, Азорчиком и зарывалась лицом в душистую шерсть любимой собачки.

О том, что спасло военного министра от неминуемой отставки, поговаривали туманно, намеками. Само собой, сказалось расположение царя. Однако самым главным оказалась загадочная пропажа из сейфа министерства юстиции всех документов, связанных с семейным сухомлиновским скандалом. Куда они вдруг исчезли, кто их смог похитить – все это осталось едва ли не государственным секретом. Кстати, открывать этот секрет никто особенно и не стремился. И Сухомлинов счастливо оставался на своем посту до начала великой войны, горячо заверяя как самого царя, так и правительство в том, что уж кто-кто, а Россия подготовлена к большой войне, как ни один из ее европейских противников.

Сухомлинов вместе с Протопоповым явили собой пример самого устойчивого долгожительства на российском прави-

тельственном Олимпе. Они усидели даже при чиновничьей чехарде, связанной с первыми поражениями на фронте.

Позорное отступление русских войск весной 1915 года, разом смазавшее все успехи первоначального наступления, породили не только в среде военных, но и во всем русском обществе глухие разговоры об измене. Снова припомнился скандальный провал полковника Редля, руководителя австрийской контрразведки, много лет работавшего на русский Генеральный штаб. Понемногу стало выясняться, что полковник Редль был искусственно «засвечен» из Петербурга, появились доказательства активного участия в этом деле лиц нерусского и вообще нехристианского происхождения. И в это время, словно с целью отвести все нежелательные подозрения, грянуло дело полковника Мясоедова. Лавр Георгиевич знал этого Мясоедова, встречался с ним во времена службы в Варшавском военном округе. Полковник тогда возглавлял жандармское отделение на пограничной станции Вер-жболово. Человек он был неприятный: льстивый с высшими и хамоватый с низшими. Он кичился тем, что его часто приглашает на охоту сам Вильгельм, германский император. Чем он прельстил Вильгельма – неизвестно, но на мундире счастливого полковника сияло пять немецких орденов. Впрочем, не оставлял его своим вниманием и русский император: он подарил Мясоедову золотые часы-хронометр с рубинами.

Примечательно, что Сухомлинов, заняв пост военного

министра, сумел перевести в Петербург и Мясоедова. Следом за ними в столицу перебрался и угодливый Альтшиллер.

Гром грянул в разгар войны, когда русская контрразведка вышла на след некоего подпоручика Колпаковского, вернувшегося из германского плена. Арест подпоручика и его первые допросы обрушили на русское общество, угнетенное военными поражениями, целую лавину самых невероятных разоблачений. Тут уж постарались бойкие газетчики.

Выяснилось вдруг, что полковник Мясоедов не всю жизнь служил в жандармах. Одно время, изгнанный из армии, он возглавлял «Общество Северо-Западного пароходства» и даже проживал в Америке. Там он женился на девице Кларе Гольдштейн, родственнице братьев Фрейдберг, известных банкиров. В частности, именно Северо-Западное пароходство изрядно зарабатывало на перевозке евреев из Европы на Американский континент.

Дальше ниточка тянулась так: в Германии вдруг обнаружился тесть Мясоедова (также из банковских сфер), этот тесть постоянно поддерживал связь с Баллином, ближайшим советником Вильгельма, а Баллин, как оказалось, на короткой ноге не с кем иным, как со скромненьким киевским евреем Альтшиллером.

И все же самой убийственной уликой в деле Сухомлинова послужил его счет в банке. Пронырливые газетчики сумели разузнать, что на имя русского военного министра внезапно поступил перевод на сумму 600 тысяч рублей. От кого?

За что? На эти вопросы растерявшийся генерал не смог ответить. Тут уж и Николай II лишил его своего высочайшего заступничества. И Сухомлинов угодил в сырой каземат Петропавловской крепости.

Собственно, самой занимательной фигурой во всем этом гноище был именно Альтшиллер. Ловкий иудей не только свел легкомысленную Екатерину Викторовну с генералом Сухомлиновым, но и сделал так, что бравый и удачливый полковник Мясоедов сделался любовником жены военного министра, а после этого ввел очаровательную Катеньку еще и в кружок «святого старца» Григория Распутина. Наконец, последний штрих: Альтшиллер поддерживал тайную связь с Бьюкененом, послом Великобритании, а также имел какое-то отношение к отделу контрразведки столичного военного округа. В частности, контрразведка определенно знала, что некий Ландау, сотрудник Маймана (экспортер сибирского масла), перед самой войной проехал по железной дороге от Владивостока до Эйдкунена на западной границе. В крепости Двинске удалось засечь его встречу со шведским подданным фон Зеgebандом, тем самым, у кого нашли при обыске планы русских приграничных крепостей... Мясоедова судили спешно, суетливо. В Петербург его не повезли, а расправились с ним в Варшавской крепости. 18 марта объявили приговор и, не дав времени на обжалование, через несколько часов повесили.

Одно время поговаривали, что комбинацию с Альтшил-

лером, Катенькой и Мясоедовым провела австрийская разведка, взяв таким образом реванш за досаднейший прокол с полковником Редлем, от которого русское командование перед войной сумело получить мобилизационный план австро-венгерской армии.

Арест Сухомлинова и расправа с Мясоедовым пролились холодным ливнем на патриотических краснобаев в Государственной думе и в газетах. Почему-то удивительную активность в эти дни проявляли закадычные друзья и даже родственники разоблаченного полковника – братья Фрейдберги, Давид и Самуил. Они прямо-таки выходили из себя: дескать, какого черта вы трещите без умолку о шпионаже и предательстве евреев? Вот же кто вас предает, вот кто шпионит! Ваши же, ваши, причем немаленьких чинов и служебного положения!

Начальник разведывательного отдела избегал оголтелых формулировок, однако в оценках происходившего был прям и тверд. Более всего его озадачивало неуклонное снижение боеспособности русской армии. Главными причинами этого он называл злой умысел, преступные планы.

Тревоги капитана простирались гораздо дальше отдела армейской разведки. Нежинцев беспокоил явно не по чину. Помянув апрельский приезд в Россию известного эмигранта Ульянова-Ленина, он советовал обратить внимание на появление в Петрограде человека, который еще в 1905 году возглавлял Петербургский Совет рабочих депутатов. Речь

шла о Бронштейне-Троцком. В революционном Петрограде он появился на месяц после Ленина. Но если Ленин приехал из Швейцарии, то Троцкому пришлось добираться из-за океана, из Америки. Известно, что в Нью-Йорке Троцкий организовал и вел какую-то школу, издавал газету. Что это за школа? Кто там были слушателями? Почему при царском отречении работа этой школы была сразу свернута, все слушатели погрузились на зафрахтованный корабль и отправились в Россию? Надо полагать, школа готовила кадры специально для России. Для каких целей конкретно? И чем объяснить, что всю эту компанию на пароходе вдруг на целый месяц задержали в Галифаксе? Уместно предположить, что в Галифаксе все эти слушатели получали последний инструктаж.

Лавр Георгиевич отхлебнул из кружки с остывшим крепким чаем и придвинул лампу. О сне в этот вечер было начисто забыто.

Вспомнился приезд Ленина в первых числах апреля. Он в те дни еще работал в Петрограде. Троцкий же с товарищами приехал уже после его отставки – 5 мая. Как специалист, Лавр Георгиевич знал, какую силу представляет даже один хорошо подготовленный и законспирированный агент. А тут их целая орда: вместе с Лениным и Троцким приехало несколько сотен!

Автор «Записки» – это ощущалось сильно – всячески сдерживал эмоции, не позволяя им прорваться на страни-

цы документа. Доклад изобилдовал справками, коротенькими, дельными, – капитан как бы вовремя перебивал себя, боясь увлечься.

В разрушительной работе, подчеркивал Нежинцев, само собой, бросается в глаза обильное участие инородцев. При этом все или почти все революционеры действуют под вымышленными именами, кличками (словно опытные уголовники).

Справка: сразу после царского отречения так называемое Еврейское политическое бюро составило представительную делегацию и эта делегация посетила главу Временного правительства князя Львова, а также Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В обоих случаях депутаты поздравили новую власть с отменой всех национальных ограничений.

Деталь: делегация не благодарила за долгожданную милость власти, а именно поздравляла, словно события конца февраля и начала марта были их общей победой!

Нежинцев предлагал избавиться от преувеличения роли большевиков в крушении самодержавия. Партия так называемых большевиков слишком малочисленна, влияние ее на события в стране ничтожно. Иное дело – сейчас. И приезд Ленина (с компанией в 159 человек) и Троцкого (более 200 работников со специальной подготовкой) внесут в российскую вакханалию сильный и предельно политизированный элемент. Следует определенно ожидать, что в предвидении

близких событий о многолетней вражде Троцкого с Лениным будет решительно забыто. Наоборот, события потребуют консолидации всех сил.

Справка: в Швейцарии на вокзале Ленину и его сторонникам был устроен кошачий концерт. Небольшая группа плохо установленных людей провожала уезжающих в Россию (через Германию) воплями: «Иуды! Предатели!» Установлено, что вместе с ленинцами в вагоне ехали два агента немецкой разведки.

Деталь: Инесса Арманд, близкая подруга Ленина, проповедница свободной любви, отправилась в Россию с Лениным, бросив двух мужей и пятерых детей. По наблюдениям, Ленин имеет еще одну любовницу – Конкордию Самойлову, жену своего партийного товарища.

С отменой старых российских законов, указывалось далее в «Записке», границы государства по существу разрушены. В бурлящую страну хлынули легионы революционеров всех оттенков и направлений. Помимо указанных большевиков еще эсеры, анар-хо-коммунисты, социалисты Польши и Литвы, социалисты-сионисты, Бунд, «Паолей-Цион» и многие другие, мельче. Все с одной целью – углублять революцию.

Справка: все без исключения личности криминальные, с давних пор находятся на учете специальных служб.

Нежинцев сравнивал события в России и во всей Европе с громадным курятником. Обыватели зашорены настоль-

ко, что склонны руководствоваться лишь тем, что совершается вблизи. Так благополучные куры несут яйца и высиживают цыплят, дерутся и горланят молодые петушки, иногда переполох вызывает налет разбойницы-вороны. И никому из обитателей курятника не влезает в голову, что все они предназначены для лапши и сковородки... И участь каждого зависит от решения хозяина, о существовании которого они и не догадываются.

Развитие событий в мире заставляет заподозрить, что все происходящее совершается вовсе не стихийно, а по строго разработанному плану и что завелся некий центр (штаб) для управления нашей планетой как единым, хорошо организованным хозяйством.

Справка: в Англии, точнее – в Шотландии находится центр глубоко законспирированного масонства. Филиалы его – во всех уголках планеты. Влияние скрытно, но огромно.

Справка: упомянутый выше Троцкий, постоянно проживая за границей, никогда не испытывал материальных затруднений. Отец Троцкого – состоятельный человек, однако он проклял сына в синагоге и отказался от него.

Деталь: сподвижник Троцкого по революции 1905 года, некий Хрусталеv-Носарь, издал брошюру под названием «Как Лейба Троцкий-Бронштейн расторговывал Россию». Носарь, в частности, утверждает, что Троцкий был секретным сотрудником департамента полиции.

Деталь: Троцкий, бросив жену и двух дочерей, имеет родственные связи с Шиффами (Америка) и с Варбургами (Швеция). Кроме того, Троцкий издавна связан с Парвусом (Гельфандом), миллионером, имеющим солидную недвижимость в Германии.

Деталь: в день убийства Столыпина в Киеве Троцкий в одном из ресторанов встречался с Мордко Богровым. Установлены также связи Троцкого с полковником Кулябко, начальником охранного отделения в Киеве, и с генералом Курловым, начальником департамента полиции... Билет в театр, где совершилось убийство, Мордко Богров получил из рук полковника Кулябко.

Закончив чтение, Лавр Георгиевич откинулся, прикрыл усталые глаза. «Вот так капитан... Молодчинище!»

Его охватило радостное нетерпение: поскорей увидеться с этим умницей капитаном. Приятно удостовериться, что не оскудела русская армия способнейшими офицерами. Пока имеются такие молодые люди, как Хаджиев и Нежинцев, мы живы, черт возьми, мы сопротивляемся, мы способны на невиданное возрождение!

Час был поздний. Под окнами раздавался гортанный голос Хаджиева. Начальник конвоя производил смену караула.

Голоса замолкли, и установилась такая глубокая тишина, какая бывает лишь в степи перед рассветом. Уснули табуны и отары, уснуло и разнообразное зверье, и только великий звездный караван бесшумно и величаво склоняется к

границе неба, туда, где скоро забрезжит свет наступающего дня. Внезапно тонкая и тихая мелодия коснулась слуха дремлющего генерала. Пел молодой текинец, тоскуя по родной пустыне. Он пел негромко и задумчиво. Лавр Георгиевич разбирал невнятные слова и улавливал в них старинные сказания великих степных пространств, по которым, подобно смерчу, победоносно проносились полчища воинов ислама. «Львы леса отваги и предводительства, крокодилы моря энергии и бесстрашия подоткнули полу мужества за пояс отваги и, уповая на милости творца, ступили на ужасное место и пролили свое превосходство на плеск волн боя и сражения... Поверхность поля брани сделалась алой от крови врагов... Многие воины войска, которые в мыслях имели ветер высокомерия, власти и желания управлять, упали на землю презрения... Было убито так много противников, что счетовод разума был бессилён их сосчитать...»

От негромкого унывного пения на сердце генерала легла тоска по дому. Последний раз Лавр Георгиевич побывал на родине после окончания Михайловского артиллерийского училища. Приехав в Каркаралинск, он прожил с родителями целую неделю. Мать повезла его в аул к родственникам и попросила надеть новенький офицерский мундир с золотыми погонами. Она гордилась сыном и хотела, чтобы степные родичи стали свидетелями ее торжества.

Соблюдая старинные законы гостеприимства, родственники устроили пышный той (праздничный обед). Лавр Ге-

оргиевич, ловко подвернув ноги в новеньких офицерских штиблетах, восседал на ковре в почетном углу. Проворные парни с засученными рукавами втащили в юрту упитанного барана. Этого требовал обычай – прежде чем освежевать барана, его следовало показать гостю. Отара овец паслась неподалеку в степи, и баран был отобран быстро и умело, жирный, нестарый, черной масти. Вскоре на костре кипел громадный казан с мясом, аромат баранины приятно щекотал ноздри. Гость и хозяйева угощались свежим кумысом, неторопливо вытягивая пиалу за пиалой. Кисловатый, пенящийся напиток из молока пасущихся в степи кобылиц слегка ударял в голову и возбуждал аппетит. Чтобы доставить хозяйевам удовольствие, он демонстрировал восхищение кумысом: выпивал не отрываясь и запрокидывал голову так, что край пиалы стучал его в лоб.

Мать тихо таяла от счастья. Любимый сын, уехав навсегда из дома, не позабыл степных законов.

Утром после тоя Лавр Георгиевич проснулся от вольного ржания табунного жеребца. За стенами гостевой юрты начался ранний день. Послышался зычный окрик табунщика... Дробно простучали копытца овечьей отары... Затем заговорили женщины, отправляясь доить кобылиц...

Как вольно и глубоко дышала грудь! Каким высоким и бескрайним было степное небо!

Лавр Георгиевич положил тогда, что он будет приезжать к родителям почаще, и не ожидал, что та поездка получится

последней. Больше ему бывать в родных местах не довелось. Начавшаяся служба заполнила все месяцы и годы.

Текинский воин под окном тихонько напевал – избивал свою тоску: «В этой местности, подобной раю, монарх земли предался веселью и наслаждению. Он удостоил падишахскими халатами известных сардаров и воинов, которые показали образцы отваги и храбрости, он соизволил наградить их быстроногими лошадьми противника, вереницами верблюдов, палатками и шатрами на повозках и оружием...»

Нет, не будет сегодня сна... не уснуть...

На память пришли недавние столичные события, связанные с празднованием нового революционного праздника Первое мая. В качестве столичного генерал-губернатора Лавр Георгиевич обнародовал приказ по гарнизону (сочинить помог Завойко). Военские части с удовольствием промаршировали четкими колоннами. Реяли знамена – на улицах было красным-красно. Торжества чуть не закончились уличными беспорядками. Вдруг появились орды вихрастых подростков, принялись горланить и швырять булыжники в демонстрантов, разбивать витрины. К вечеру выяснилось, что этих мальчишек наняли какие-то организаторы, каждому платили по 15 рублей. Вместе с подростками задержали литератора Колышкина. Он бушевал. Дома у него при обыске вдруг обнаружили инструктивное письмо из Стокгольма – как раз насчет провоцирования уличных беспорядков. Испугавшись, Колышкин указал на неких девиц Фалькерзен,

двух сестер. У них также нашли письмо-инструкцию, только отправленное из Берлина... Революционный Петроград стал благодатной ареной для всевозможных темных сил. Орудуют свободно и с размахом, никого не опасаясь.

В окне стало серо, наступало утро. Генерал подбил под голову подушку и снова раскрыл «Записку» разведывательно-го отдела. В заключительной части, в самой последней строке, Лавр Георгиевич уловил сдержанный намек. Капитан Нежинцев писал: «Спасение России мне видится в исключительной решительности. Медлить опасно. Уступать и далее преступно. Поскольку мне известно благожелательное отношение вашего превосходительства к созыву Учредительного собрания, то я полагал бы свои сомнения относительно этой идеи все же изложить приватно».

Вот она, обида: «все же...» дескать, выслушай же, не на чашку чая набиваюсь!

Ах, как много нам порой мешает ширина наших погон!

– Митрофан Осипович, кажется? Прошу, прошу... Нет-нет, сюда, пожалуйста, поближе. Не курите? Прекрасно. Сам никак не табака не выношу.

Нежинцев уселся настороженно, на самый краешек кресла, чтобы не утонуть, не расслабиться. Стеклышки пенсне поблескивали настороженно. Лавр Георгиевич спрятался за бровями.

Разговор он начал с «все же», с идеи Учредительного собрания, в которой, как он догадался, молодой офицер усмат-

ривал какой-то изъян. Сам он видел в этом учреждении собрание лучших людей России, самых лучших. Так уже было после Смутного времени. Прогнали поляков из Кремля, съехались со всех концов и выбрали. И вот жили целых триста лет!

– Позволю себе указать, ваше превосходительство...

– Прошу без чинов.

– Благодарю. – Однако позы, прямизны своей, не переменял. Земский собор 1613 года, продолжал Нежинцев, постепенно загораясь, избрал на русский трон младшего из Романовых. Но слава Богу, что вышло так! Могло совсем иначе получиться. В цари ломились и Голицыны, и Милославские. А как те, так и другие Тушинскому вору руку целовали. Их бы за предательство следовало за ребро повесить или изломать на колесе, но – лезли, домогались... Минина же не избрали! Или того же князя Пожарского... Сейчас, в наше время, может получиться гораздо хуже. Право голосовать сейчас получают все. Все без исключения! Но это значит, что решающее слово будет за мужиком, ведь население российское живет по деревням. А мужик уже закуплен, покорен: ему позволили разграбить помещичьи имения и поделить землю. Все, больше ему ничего не требуется! Кто же обеспечил ему это благо, это счастье? Эсеры, партия эсеров. Вот за нее-то он и отдаст все свои голоса. Ими и напичкает все Учредительное собрание по самую крышу. Следовательно, эсеры и примутся выбирать человека на русский трон. Че-

го же от них ожидать? Никаких Гучковых-Милюковых они даже близко не подпустят. Проголосуют за сугубо своего – скажем, за Чернова. А то и за какого-нибудь Нахамкеса. Хорошо же будет самодержец, венценосец, так сказать! Ошеломленный капитанской логикой, Лавр Георгиевич даже головой потряс:

– Тогда... позвольте!.. Что же делать?

В Нежинцеве вдруг сломалась настороженность, он сел поглубже в кресло, с удрученным видом снял пенсне и долго протирал его платочком. Обезоруженное его лицо сразу стало выглядеть на удивление домашним. Помедлил, усмехнулся:

– Мы, вообще-то, прогоняли поляков без всякого царя! С пустым тронem. А справились. И без бояр, заметьте. Эта саранча вся кинулась к Тушинскому вору. Пакостная публика. Недаром Иван Грозный им головы рубил.

Он легким жестом снова насадил пенсне и выпрямился. Лавр Георгиевич невнимательно заглянул в папку с «Запиской», пере-листнул и закрыл.

– Митрофан Осипович, у вас подобраны крайне любопытные факты. Я, признаться... Ну вот хоть с этим Лениным. В Петрог рад он еще при мне приехал. Один человек не поленился и съездил на Финляндский вокзал. Ленин его испугал. Фанатик, причем с талантом все упрощать, сводить до примитивизма быто вого. И тут ваша «Записка»... Это же страшно. Что у нас делается в тылу? Ведь мы же продолжаем

воевать!

Нежинцев заволновался:

– Ваше превосходительство... Виноват, Лавр Георгиевич... этот Ленин меня в данное время интересует менее всего. Это фигура ясная. Он никогда и ни при каких обстоятельствах не скрывал своих планов. Генерал Самсонов еще не двинулся со своей армией, а Ленин уже заявил, что будет счастлив, если Россия проиграет. Он только и делает, что молится за Германию. Так что это снаряд немецкий. Потому они ему и предоставили вагон. Мы бы на их месте поступили точно так же. И любой...

– Что же нам ожидать? К чему готовиться? Нежинцев усмехнулся:

– Вы же сами только что аттестовали его как фанатика! Он станет действовать так, как и положено.

– Полагаете... инструкции?

– Вполне естественно. В подобных случаях принято брать хотя бы подпись под определенным обязательством. Таков поря док.

– По-ра-женец... – отдельно проговорил Корнилов.

– Но вот следующий господин!

– Этот самый... как его... Троцкий-Бронштейн?

Именно. Он едет из Америки. И – не один. Зачем? С какую целью? Германия спасается от краха – и посылает Ленина. Тут ясно. А для чего старается Америка? Она же не союзница Герма нии! Следовательно, сугубо свои пла-

ны. Он, Троцкий, и приехал— то без ленинского шума, без оркестра, без знамен. Тишком-молч ком! Зачем шуметь до времени? Взяв снова папку, Лавр Георгиевич демонстративно взвесил ее на руке. Факты, доводы ценнейшие! Следовало бы, не теряя времени, немедленно отправить в Генеральный штаб. Командованию обыкновенной полевой армии с подобным документом делать нечего. Не для его ума, не по его возможностям. Генерал Лукомский был совершенно прав, назвав капитана Нежинцева птицей высокого полета. Скромный офицер разведки мыслил необычайно широко. Внезапно Нежинцев спросил, доводилось ли командующему заглядывать в список эмигрантов, буквально хлынувших в страну. Поименный перечень ленинских спутников (с псевдонимами-кличками) месяц назад опубликовал знаменитый Бурцев, давно прославившийся как неутомимый охотник за провокаторами. Подоплека капитанского вопроса была ясна: всякий, кто прочитывал этот зловещий список, невольно ежился. Как правило, псевдонимы были русские, но вот фамилии!..

Исподлобья Корнилов быстро глянул на сидевшего напротив офицера: четкий гвардейский пробор на голове, настороженные стеклышки пенсне. Ждет ответа... Вспомнился Забойко с его азартнейшими обвинениями еврейства. Подумалось: «И этот!»

– Вы еще спросите, капитан, читал ли я «Протоколы сионских мудрецов», – сварливым голосом проговорил Кор-

НИЛОВ.

– Читали? – живо сорвалось у Нежинцева.

Жуя губами, Лавр Георгиевич угрюмо уставился на лежащие перед ним бумаги.

– Капитан, я так сужу. Документ конечно страшный. Но о... сколько их, в конце концов? Горстка, кучка...

– Ложка дегтя, – коварно подсказал Нежинцев.

– Именно. А нас?

– Но если я не намерен даже на бочку меда терпеть эту самую ложку? Зачем, зачем, скажите мне? Что нас заставляет их терпеть? Демократия? Да плевать я хотел на такую демократию! Так нас и с вшами вынудят мириться. Образуют комитет по защите вшей и... и... плевать им на людей. Им лишь бы вшей не трогали!

Корнилов помолчал.

– Капитан, а вам не приходило в голову: как же они проворошили эти свои «Протоколы»? Как они к нам попали? Это ж, по сути дела, самый настоящий мобилизационный план!

Недоумевая, Нежинцев пожал плечами:

– Простите, ваше превосходительство, ничего странного не вижу. Похищение... Подкуп... Мало ли... Обыкновенная утечка, только и всего.

– Прекрасно! Очень хорошо! Но кто... кто конкретно это сде лал? Кто эту операцию осуществил? Мы-то с вами профессионалы и отдаем отчет, что налицо похищение генерального плана. Разве не так? Но у каждого подвига имеет-

ся свой герой. Назовите же мне его. Кто он? Тогда у меня все станет на свои места. Нежинцев поднялся. Он выглядел обескураженным.

– Признаться, такая мысль мне даже не приходила в голову. Но... в самом деле?

Лавр Георгиевич вышел из-за стола. Ему не хотелось заканчивать разговор на казенной ноте. Капитан завоевал его симпатию.

– Вы спрашивали о списке. Я его читал, конечно. Но Ленин – то не еврей. Вы обратили внимание?

Молодой офицер не смог скрыть усмешки:

– К сожалению, еврей.

– Но дворянин же!

– И тем не менее. По матери. А у них это – главное. Пришла пора смешаться генералу.

– Считаете, что никаких им прав не обязательно? Не следует?

– Права! О правах обыкновенно толкуют квартиранты. Жиль цы внаем. Мы же хозяева нашего дома. И нам следует думать о своих обязанностях. А то можем и лишиться дома!

Постояли друг против друга, неловко помолчали.

– Капитан, а эта организация в Полтаве... там что, тоже?

– Там хороший камуфляж. Надежный, трехслойный. Вроде бы орудуют под маркой торгового дома «Унгер, Гольдштейн и компания». Чем занимаются? Едва копнули – обнаружилось, поставляют девушек в публичные дома Алек-

сандрии и Порт-Саи да. Еще копнули – новая торговая контора «Яков Итциг с сыновьями». Тоже вербуют девушек в Константинополь. Незаконно все, конечно, но-о... не так уж страшно. Обычные еврейские гешефты. Главное же их занятие – совсем другое. Уже не деуш ки... Какие деушки! Прямая связь со Стокгольмом, с Варбургом. А уж кого-кого, а Варбурга мы знаем хорошо. Родственные связи и с Берлином, и с Америкой.

Капитан умело выдержал эффектную паузу.

– Хотел бы обратить внимание вашего превосходительства на последнее обстоятельство. Все эмигранты – это просто бросается в глаза – следуют в Россию исключительно через Стокгольм!

Внезапно Корнилов вспомнил, что именно в Стокгольме и как раз на крючок Варбургу попал в свое время такой деятель, как Протопопов. Достаточно оказалось одной встречи, одного тайного разговора. Вскоре после этого ловкий Распутин, действуя через царицу, сделал Протопопова министром внутренних дел России.

– Именно! – улыбнулся Нежинцев. Своим замечанием коман дующий доставил ему невыразимое удовлетворение.

Возвращаясь за свой громадный стол, Лавр Георгиевич сделал несколько замечаний насчет ближней фронтовой разведки. Это были дела насущные. Еще в Петрограде он узнал, что немцы вдруг спешно сняли с Западного фронта четыре своих самых боеспособных пехотных корпуса. Ожидать их

следовало здесь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Во Временном правительстве менялись люди, но политика оставалась прежней. Заменяв Гучкова и Милюкова, новая власть продолжала действовать с чужого голоса – в интересах союзников.

Из Лондона и Парижа настойчиво требовали наступать. Новый военный министр России адвокат Керенский заверял обоих послов в верности союзническому долгу.

Идея большого наступления на Восточном фронте носилась еще в декабре прошедшего года. Успех казался обеспеченным. Впервые за много месяцев подвезли огромное количество снарядов. На конференции союзников в Петрограде, тянувшейся чуть не месяц, заговаривали о планах послевоенного устройства разгромленной Германии. Победа виделась близкой, неминуемой... Все смешалось после царского отречения. Армия замитинговала и принялась выкрикивать все, о чем молчала долгие три года. Солдаты, не вылезавшие из окопов уже четвертый год, горячо откликнулись на призыв большевиков к немедленному миру («без аннексий и контрибуций»). Тем более им следовало поспешить домой, где должен начаться дележ господских земель.

Знаменитая «нота Милюкова» показала, что о близком мире следует забыть. Установка оставалась прежней: мир принесет только решительный разгром противника. Времен-

ное правительство, сделав военным министром Керенского, не уставало заверять союзников о своей готовности воевать до победного конца. Союзные послы, Бьюкеннен и Палеолог, не вылезали из министерских кабинетов. Свои требования наступать они облекали в деликатную форму, настаивая на «активных действиях во имя мира».

Повторялась старая картина: победой над противником мыслилось разрешить внутренние политические трудности. 13 лет назад на этом обожгло царское правительство, затеяв войну с незначительным островным государством – Японией. Ничего другого не придумало и Временное правительство. Победоносное наступление, пусть даже небольшое, мигом поправит худое положение в стране.

На победу надеялись, как на чудесное лекарство от всех бед. Командующий 8-й армией генерал Корнилов пребывал в тяжелом, мрачном настроении. К наступающим боям его корпуса совершенно не готовы. Но в то же время он признавал, что каждый день бездействия на фронте усиливает разложение солдат. Армия не должна бездельничать и пустобаять. Это мощный, но капризный механизм. Митинговщина уже внесла в него гнилостное разложение. Боевые действия, если только к ним готовиться как следует, подтянут армию и, безусловно, оздоровят весь ее одрябший организм.

Состояние армейского здоровья требовало или немедленного заключения мира (с последующей массовой демобилизацией), или же властной, жесткой подготовки к сражениям,

к приведению полков и дивизий в мускулистое боевое состояние, с каким они начинали эту войну три года назад.

Проще было выбрать мир. Этого добивалась изнемогавшая Германия, к этому призывали большевики, к этому стремились сами солдаты. Но о мире не хотели слышать союзники России, отчего и Временное правительство решительно отвергало любую мысль о замирении.

В своей жизни Лавр Георгиевич не знал никакого иного дела, кроме солдатского. Армейский офицер, считал он, подобен искусному хирургу: все его действия должны быть властными, решительными, точными. Этого требует само состояние больного на операционном столе. От врача, как и от офицера, зависит жизнь и здоровье тех, кто ему доверен.

Всяческие нерешительность и жалость будут лишь проявлениями слабости, преступной потому, что приведет она к напрасной гибели множества народа.

Оставив Петроград, Лавр Георгиевич вскоре убедился, что патриотическое движение, избравшее его своим лидером, живет и продолжает действовать. Время от времени к нему наезжали из столицы эмиссары. По-прежнему все надежды связывались с армией. Тогда тем более следовало поторопиться с восстановлением необходимой дисциплины. В нужный час армия должна быть готова выполнить любой приказ.

Таким образом, подготовка к наступательным боям совпала с решением восстановить боеспособность армии, выбить

из нее всю революционную разболтанность. Армии предстояло снова стать самым сильным, самым послушным инструментом государства.

Четвертый год войны измотал силы России. Под ружье, так или иначе, было поставлено 16 миллионов человек – половина трудоспособного населения. Самые здоровые мужчины «работали» с винтовками в руках, сидя безвылазно в окопах. Попытки наступать и неудачные сражения обходились миллионами убитых, покалеченных, попавших в плен. В настоящее время непосредственно на передовой находилось два миллиона солдат. Их обслуживали фронтовые и армейские тылы, в частях которых числилось три с половиной миллиона людей в шинелях. Помимо этого в военных округах проходили подготовку еще полтора миллиона мужиков, мобилизация выскребла их из самых глухих уездов.

О предельном напряжении российских сил свидетельствовало и плачевное состояние финансов. Война уже обошлась в 50 миллиардов рублей. Внешняя задолженность России иностранным банкам возросла до 65 миллиардов рублей. Растущая инфляция убивала русский рубль. За три военных года его стоимость упала втрое.

В молодые годы, переодевшись дервишем и направляясь в Кашгар, Лавр Георгиевич как-то стал свидетелем азартнейшей «байги», скачек степняков на самых отборных лошадях. Десятки джигитов готовились к восходу солнца. Всю ночь скакунам не давали отдыхать, проваживая их в поводу. К то-

му часу, когда над песками заалел восток, уставшие лошади покрылись испариной. Еще час, другой – и они уже едва переставляли ноги. Полная готовность к дикой скачке определялась так: скакун изнемогал настолько, что был не в состоянии переступить через брошенную на землю плеть – он зацеплял ее копытом.

Секрет такой изматывающей подготовки оказался прост. Бессонной ночью расходовались и сгорали, так сказать, обычные, поверхностные силы. Наступал черед самых глубинных, самых сокровенных, мобилизация которых происходит лишь в редчайший, судьбоносный час. Такими силами обладает каждый организм. Просто эти силы сохраняются и дремлют где-то очень глубоко. Во время скачки лошади были поставлены перед необходимостью продемонстрировать, каков у них этот запас природных сил. После изматывающей ночной усталости скакуны испытывали что-то вроде вспышки, глаза им застилало, сердце бешено работало, они показывали редкостную резвость. Закончив скачку, все лошади валялись тут же замертво. Больше сил на жизнь у них не оставалось. Все, на что способен был их организм, сгорало без остатка в бешеной «байге».

Приз победителю при этом значительно превосходил стоимость погибшего скакуна.

Настал момент, считал Корнилов, когда армии следовало напрячь свои самые глубинные силы. Больше у России никаких надежд не оставалось.

Керенский, заняв пост военного министра, немедленно направился на фронт. Кумир интеллигенции в столице, он не сомневался, что одно его появление на передовых позициях немедленно вдохнет в солдат решимость сокрушить врага. Его пламенные речи в столичных аудиториях приводили толпу в экстаз. Женщины осыпали его цветами, целовали ему руки, экзальтированные мужчины бросались к автомобилю, поднимали его на плечи и восторженно вносили в помещение.

Свое высокое военное назначение Керенский отметил тем, что сменил краги на сапоги пронзительного желтого цвета и нацепил на них серебряные шпоры. Они ласкали его слух короткими звоночками при каждом шаге. В эти дни Керенский усвоил знаменитый жест Наполеона: одна рука – за спину, другая – энергично сунута под серединную пуговицу, за борт полувоенного френча. Походка его обрела предельную стремительность. Он пролетал, демонстрируя нечеловеческую занятость и свое желание успеть везде, свалить всю гору важных дел. Речь его сделалась короткой, лающей, отрывистой.

7 мая в Могилеве, в Ставке, открылся офицерский съезд. Такого прежде не бывало никогда. Инициатива принадлежала тем, кто потаенно собирались в местном отеле «Бристоль». Генерал Алексеев их всецело поддерживал. Офицерская организация постепенно оформлялась. Делегатов на съезд направляли фронтовые части. Приехало более 300 че-

ловек. К ним присоединились члены выборных комитетов, в основном солдаты. В заседаниях они участвовали, но имели лишь совещательный голос.

В самый день открытия съезда в Могилев нагрянул Керенский и с ним Пуришкевич.

Атмосфера съезда, и это ощущалось сразу, была тревожной, напряженной. Офицеры, каждый, сохраняли тяжкие воспоминания о недавних днях. Русская армия, если рассуждать по совести, потерпела поражение от своих, изнутри, из Петрограда. Такого унижительного разгрома не испытывала ни одна армия за всю историю. Каждый из делегатов искоса поглядывал на солдат-комитетчиков. Эти, попав впервые в непривычное окружение, тоже были беспокойны. Они старались держаться кучно, свои возле своих.

Лавр Георгиевич по дороге в Могилев побывал в Бердичеве, в штабе фронта. Он видел, как подъехал в автомобиле генерал Брусилов. Первым делом Брусилов поспешил к стоявшим на посту солдатам, Георгиевским кавалерам, и с каждым поздоровался за руку. Солдаты стояли вольно, винтовку держали в левой руке. Скрываясь в подъезде, Брусилов еще напоследок козырнул. Он казался не суровым, властным военачальником, а бородатеньким и седоватым, добрым дядюшкой.

На Корнилова постовые лишь небрежно глянули. Он, закипая, остановился и не сводил с них яростных глаз. Один солдат приставил палец к носу и громко высморкался. Дру-

гой, чувствуя неладное, хмуро выпрямился, взял винтовку как положено. В конце концов прорвало и того, кто сморкался. Утерев нос рукавом шинели, он тоже принял позу часового. Но глаза обоих смотрели люто, с откровенной угрозой. Таким только мигни – два штыка со всего размаху вонзятся в сухонькое тело генерала и, словно сноп, полетит оно через мужицкое плечо.

Взбежав наверх, в кабинет командующего, Лавр Георгиевич под впечатлением того, что произошло у входа, провел весь разговор с Брусиловым. Он ни словом не оспаривал решение наступать. В армии принято не рассуждать, а исполнять приказы. Однако он настаивал на том, чтобы «гайки подкрутить». Упадок дисциплины разложил не только фронт, но и глубокий тыл. Особенно страдало дело от расхлябанности железнодорожников. Большое наступление потребует напряжения всего остатка сил. Было бы, например, желательно взнудать страну созданием трех армий: одна – на фронте, другая – в тылу, на производстве, третью же армию необходимо создать на железных дорогах. Без воинского порядка на транспорте обеспеченность фронта всем необходимым будет хронически страдать... Само собой, добавил Лавр Георгиевич, все три армии необходимо подчинить одному штабу, одному главнокомандующему.

Брусилов не выносил самого вида этого азиата с клочковатой бороденкой на рано испеченном смуглом лице. Между ними царила давняя устойчивая неприязнь. Тяготясь непри-

ятным разговором, Брусилов сдерживался из последних сил.

– Вы, ваше превосходительство, – желчно укорил он, – покончите тем, что потребуете еще и смертной казни!

– А я требую этого сейчас! – нисколько не задумываясь, возразил Корнилов. – Причем в тылу – тоже... Не на прогулку, слава Богу, собираемся. А новой Варшавы – не хочу.

Все-таки он не удержался и поддел. После успехов в первую военную осень русский фронт вдруг дрогнул под напором Макен-зена и побежал так, что без боя сдал Варшаву. Самому Корнилову убежать за Варшаву не пришлось: он тогда, назначенный Брусиловым в заслон, угодил под разрыв снаряда и очнулся в плену... Нынче, на четвертом году войны, немцы находились под самой Ригой. А от Риги рукой подать до Петрограда. Так что в случае неудачи наступления...

Хваленая выдержка изменила Брусилову.

– Нет никаких сомнений, что вас и меня вместе с вами ославят милитаристами, назовут военными диктаторами... узурпаторами. Вы хоть представляете, что станут писать во всех газе тах?

Вот он чем озабочен более всего!

Лавр Георгиевич проворчал, что в таком случае он добровольно уступает свое место любому из господ редакторов. Каждый должен заниматься своим делом. В Могилев, на офицерский съезд, командующий фронтом не собирался. К таким мероприятиям он относился настороженно. Инициатива съезда исходила не из Петрограда, а из Могилева, сни-

зу. Фрондирования же Брусилов никогда не одобрял. Что ж из того, что в Могилев спешит сам Керенский, военный министр? Это его добрая воля. Тем более, что время съезда удачно совпало с поездкой министра на фронт... Лезет из кожи генерал Алексеев? Потуги жалкие, надо сказать: не усидев в седле, хочет удержаться на хвосте! Брусилов помнил, как слетели со своих постов Гучков и Милюков. Да и вот... Корнилов тоже. Чем ближе к солнышку, тем страшней ожоги. Вверх поднимаешься шажками, со ступеньки на ступеньку, вниз же можно загреметь с такой стремительностью, что пересчитаешь каждую ступеньку собственными ребрами!

Первым, кого Корнилов встретил в Могилеве, был генерал Крымов. Последний раз они виделись в марте в Петрограде. Крымова вызвали с фронта на «смотрины» – прикидывали на роль военного диктатора. Александр Михайлович от такой роли отказался и решительно указал на Корнилова... Тогда, в марте, Крымов получил повышение. Он сдал свою Уссурийскую дивизию генералу Врангелю, сам же был назначен командиром 3-го Конного корпуса. Кавалерийские дивизии занимали позиции на Румынском фронте. Штаб корпуса располагался в Кишиневе.

В Могилеве генерал Крымов находился уже третий день. Настроение съехавшихся отовсюду офицеров ему нравилось. Вчера, рассказывал он, на съезде выступил сам Керенский. Приняли его вяло, снисходительно. Керенский обиделся и сразу же уехал.

– Балалайка... Видеть не могу всей его толстой потной рожи. А он еще шпоры нацепил! Представляешь? Гаер, паяц...

Новости так и кипели у Крымова на языке. Стал рассказывать, как принимали Пуришкевича. Слова о «безумной вакханалии», о засилье инородцев покрыли дружными аплодисментами. Пуришкевич кланялся, садился, снова поднимался. Генерал Алексеев, незримо управлявший съездом, стал тревожиться и прекратил аплодисменты. Он опасался, что штабные доброхоты непременно донесут обо всем военному министру. Как-никак обидно...

В зале съезда появление Корнилова вызвало горячий интерес. Его имя слышал каждый, увидеть же многим довелось впервые. Офицеры вскакивали, вытягивали шеи: «Где? Где?.. Вот этот?» Генерал Крымов склонился к самому уху и стал нашептывать жарко, многозначительно:

– Лавр Егорович, милая душа, пора за дело приниматься. Сам же видишь!

В битком набитом душном зале свободные места имелись лишь в первом ряду. Крымов с Корниловым пробрались, сели, стали слушать. Наверху, на сцене, очень зажигательно ораторствовал уюлодой человек в солдатской гимнастерке. Это был Руттер, член Могилевского Совета. Такой орган новой власти был выбран и здесь, под самым боком Ставки. Руттер рассуждал о том, что негоже господам офицерам по-старому, по-царски, отгораживаться от солдатской массы. Он предлагал вместо сугубо офицерского союза со-

здать общевоинский союз, где нашлось бы место и рядовым, без золотых погон.

– Не забывайте, – воскликнул он, – нам предстоит спасти Россию вместе. Мы, если мне позволено будет сравнить, Миныны, а вы – Пожарские. Но я прошу учесть, что впереди пойдут сначала Миныны. Очередь Пожарских – потом, за нами...

Стул под могучим телом Крымова затрещал, он склонился к самому уху Корнилова:

– Головастый, сукин сын. Я еще вчера обратил внимание. Солдатишки с ним носятся. Он, видать, у них за главного.

В самом воздухе душного зала носилась опасность раскола, знакомого Корнилову по недолгим дням в столице. Словами Рут-тера солдаты угрожали офицерам оставить их без своей поддержки. Генерал Алексеев, завесившись усами и очками, сидел в президиуме со своим невозмутимым видом. Однако мозг его работал бешено. На следующее утро весь офицерский съезд отправился в солдатские казармы. Впереди вышагивали генералы. Возглавлял небывалое шествие сам Алексеев. Из длинных приземистых казарм высыпали изумленные солдаты. Офицерская толпа остановилась. Генерал Алексеев снял фуражку и низко, в пояс, поклонился. Он польстил солдатам, назвав их «великим русским воинством». Каждый честный гражданин России, продолжал он, должен забыть о собственных интересах и все силы отдать изнемогавшему Отечеству. Вчерашний Руттер, оскла-

бившись, широко раскрыл объятия. Солдат и генерал трижды крест-накрест, словно на Пасху, облобызались. Низенький Алексеев, слегка помятый, поправлял очки.

Генерал Крымов всю эту алексеевскую затею назвал спектаклем. Заигрыванием дисциплины не поправишь. Разгорячившись, он обрушил на Корнилова целый ворох своих планов. Он весь кипел, ему спокойно не сиделось. Не поцелуйчиками следовало завоевывать солдат, а большой идеей, которая проникла бы в самую душу каждого русского человека. Тогда солдаты сами потянутся к офицерам, как к своим командирам-предводителям. Им тогда потребуются настоящие военачальники. И о раздорах будет немедленно забыто. Все эти Нахамкесы и Гиммеры, Гучковы и Милюковы тогда костей не соберут (кстати, этот Рутгер – тоже. Дешевенький болтун, как и прощельга Керенский). Пока же... Пока что у Крымова был продуман свой план действий. На его взгляд, разложение армии зашло слишком далеко. Настоящий «антонов огонь». Лечиться на ходу? Сомнительно, черт побери. Всерьез об этом может рассуждать лишь лизоблюд Брусиллов. Генерал Крымов предлагал серией неподозрительных маневров передислоцировать 3-й Конный корпус поближе к Киеву. Да, Киев, «мать городов русских», должен стать центром русского национального оздоровления. Он предполагал неистовую ярость ненавистников России. Еще бы! Столько сделано, столько развалено – и вдруг... оздоровление! Снова да ладом? Нет, они взъярятся и накинута, как беш-

ные псы. Крымов предлагал с боями отходить в глубь России. Слава Богу, есть куда! А тем временем ковать, ковать, ковать! В окончательной победе он не сомневался. У него, хахакнул он, покачиваясь на расставленных ногах, уже заблаговременно заготовлен списочек. Какой? А всех господ, которым место на осине!

– Лавр Егорыч, сейчас многое зависит от тебя. Я на знамя не гожусь. Честно признаюсь. Ты – другое дело. Я и в Петрограде всем указывал на тебя.

Вот он всегда такой. Отличный генерал, однако горяч настолько, что необходимо постоянно остужать. Не приведи Господь – сорвется. Беды наделает – не расхлебать.

Однако попробуй остуди его!

– У-див-ляюсь, ваше превосходительство! – немедленно взор вался он. – В газеты изволите заглядывать? Что же это такое? Это где же мы живем? Если, значит, я болею за Россию, если я больше не могу глядеть на весь этот бардак, выходит, я последняя сволочь? Как же это понимать прикажете? И не надо меня останавливать, не надо утешать... слава Богу, не маленький. До чего же мы дожили, до чего докатились? Мне, мне, мне, русскому генералу, запрещено любить Россию! Нелепый сон! Кошмар-р! Волосы дыбом! – Он вдруг застучал кулаком в ладонь. – Ну уж не-ет! Можете меня повесить, сволочи, но я вам и из петли буду орать: я русский, русский, русский!

Лавр Георгиевич терпеливо переживал. Он знал: Крымо-

ву необходимо «сбросить пар». Видимо, давно ни с кем не разговаривал, вот и накопилось на душе.

Отбушевав, Александр Михайлович утихомирился, даже потускнел.

– Они любого доведут, каналы, – пробормотал он.

Корнилов начал с того, что посоветовал наплевать на Керенского. Прав Пуришкевич: сперва порядок в армии наведем, а уж потом с шашлычниками и с жидками разберемся. Они с нами хитрят напропалую. Но разве мы-то хуже? Или не умеем, разучились? Политика – сплошная хитрость!

– Валяйте, валяйте... – бормотал Крымов. На взгляд Корнилова, небольшой успех на фронте отнюдь не повредил бы. Поднимет авторитет военных, оздоровит и обстановку в армии. Стыд сказать, до чего дошли!

Крымов вяло слушал. У них на Румынском фронте никакого наступления не ожидалось. Следовательно, на его долю оставалось самое невыносимое – безделье.

Внезапно он вспомнил, что Корнилова разыскивает Завойко – внезапно прикатил из Петрограда. В зал офицерского съезда его не пропустили, сидит в «Бристоле».

Корнилов удивился. Зачем пожаловал? На офицерский съезд? Но почему без делегатского мандата?

– Лавр Егорович, – перебил Крымов, – до конца съезда я не дождусь. Ну их, слушай! Но я предупреждаю: если что... ты меня знаешь – я полезу на рожон и заварю такую кашу, что станет тошно!

Перед отъездом он пытался увидаться с Алексеевым и кончил тем, что его принял начальник штаба Ставки генерал Лукомский. Идею Крымова – сосредоточить 3-й Конный корпус поближе к Киеву, а то и к Петрограду – штаб отверг без всяких объяснений. Тогда, едва справляясь с раздражением, Крымов попросил перебросить его вместе с корпусом на Юго-Западный фронт, влив в состав 8-й армии. Лукомский отказал и в этом. Глаза Крымова стали пучиться, дородные щеки побагровели. Вовремя вспомнил корниловский совет насчет «политики» и сдержался. Вышел он размашисто, косолапя по-кавалерийски, и все негодование вложил в захлоп двери... О генерале Лукомском он с нынешнего дня принялся злословить как о продавшемся жидам.

Своего петроградского помощника-советника, объявившегося вдруг в Могилеве, Лавру Георгиевичу разыскивать не пришлось: инженер Завойко отыскал его сам.

Завойко поступил вольноопределяющимся и добился назначения в Текинский полк. Он надеялся устроиться при штабе 8-й армии, возле Корнилова. На этом настояли их общие питерские друзья. Обстановка с властью, рассказывал он, достигла критической точки. Многое теперь будет зависеть от того, удастся или не удастся ожидавшееся наступление на фронте. Он приехал, чтобы на всякий случай быть под рукой. В Петрограде по-прежнему все надежды связаны с именем Корнилова. Выбор принят окончательный.

Завойко привез тревожные новости. Недавно в Петрогра-

де начал работать VII Всероссийский съезд сионистов. Еврейские делегаты настроены весьма воинственно. Они обратились к Керенскому с предложением создать так называемый «Еврейский легион» численностью 100 тысяч человек. Единственное требование у них: легион должен воевать под знаменем с шестиконечной звездой

Давида.

– Гвардия... еврейские гвардейские дивизии! Чистопородные, без примеси...

Корнилов усмехнулся:

– Где же они столько офицеров наберут?

– Не беспокойтесь. Из той же Франции откомандируют своих Дрейфусов. Да и у нас... Вы что, не знаете, в наших юнкерских училищах еврейчики составляют чуть не половину? Намерения у этой публики серьезные: своя регулярная армия!

– Не рановато вылезли?

– Я вам там привез одну газетку, Лавр Георгиевич. Называется «Еврейская неделя». Пишут ясно: «Будущее Европы теперь в наших руках!»

«Ну, снова сел на своего конька!»

– Вы принимаете это всерьез, Владимир Семенович? За войко вздохнул:

– Рад бы не принимать, да... Главное тут, что они за нас взялись всерьез. Помните, я вам рассказывал, как они мотали за грудки графа Витте в Портсмуте? Мы тогда с вами

крупно поспо рили.

Поспорили... Едва не разругались!

– Лавр Георгиевич, вспомните наш разговор о провокаторстве. Я говорил тогда, а сейчас готов кричать, орать, вопить: вот где наша беда, вот откуда все наши несчастья!

– Владимир Семенович, насколько я знаю, провокаторов засылала охранка, и засылала их к террористам, но никак не в правительство.

Все более возбуждаясь, Завойко всплеснул руками:

– Ах, вы, наивный человек! Эти самые провокаторы этим самым террористам не повредили ни вот столечко. Но охранку, эту печень государства, поразили насмерть. Я ж говорил: нельзя связываться с этой публикой, ни в коем случае нельзя! Недаром же в Русском государстве было законом: ни одного еврея не ставить на должность. Это ж такой народ! Пролезет хоть один – тут же налезут кучей, тучей, всем кагалом. И – пиши пропало. Это ж как зараза! Вот они и разложили всю нашу печенку, всю охранку. Корнилов посматривал на собеседника с сомнением.

– Я лично слышал об одном Азефе...

Здравствуйте! А Малиновский? А Черномазов? А... да тьма их, туча. Но самое потрясающее, самое непостижимое не в этом. Нет, нет, Лавр Георгиевич, не в этом! Вы же, полагаю, знаете, что эту гадину, Азефа, разоблачил не кто иной, как сам начальник охранного отделения генерал Лопухин. Да, да, взял вдруг и сдал! А кто сдал Малиновского? Тоже

генерал и тоже глава охраны — генерал Джунковский. Ну... это вам о чем-то говорит? Они что, эти генералы, с ума посходили? Что за наваждение на них свалилось? Самим разоблачать своих самых золотых агентов! А?

Глаза Завойко сверкали сумасшедшим блеском. Он ждал.

Корнилов нахмурился:

– Простите, не пойму...

– Ничего удивительного, – откликнулся инженер. – Такое сразу не воспримешь.

Он напомнил обстоятельства, связанные с покушением на Столыпина в киевском театре. Мардохай Богров спокойно приблизился к премьер-министру и выпустил в него в упор две пули. Кто более всех способствовал Богрову? Полковник Кулябко из киевского отделения и сам генерал Курлов.

Кажется, до Корнилова стали доходить ужасные подозрения Завойко.

– Вы говорите страшные вещи, Владимир Семенович. Что же остается от нашего департамента полиции? Азеф, выходит, руко водил Лопухиным, а Малиновский этот – самим Джунковским? Эдак получается, что хочешь не хочешь, но департамент полиции сам подготовил и провел всю эту заварушку... ну, революцию! Ведь так?

– Это ж гениальный замысел! Смотрите, как по этажам идет работа. На первом – филеры топчутся на улицах, выслеживают, бегают по проходным дворам, на втором – налеты на конспиративные квартиры, аресты и допросы, на тре-

тьем – подполковники работают с секретными агентами, ну а четвертый – этаж генеральский... Но только не последний! Боже упаси!.. Туда, вверх, еще этажи и этажи, только их уже не видно. Но они есть. Это как в армии: над взводными командирами стоит ротный, над ротными – батальонный, над батальонными – полковой... Ну и так далее, до самого Верховного. Так и в этом... Тут тоже имеется свой Верховный. Только его никто не видит, а знают о нем лишь несколько человек. Однако имена этих нам с вами, Лавр Георгиевич, никто и никогда не назовет... Я, например, вижу этого Верховного вроде небожителя. Сидит он за большим столом и неторопливо раскладывает свой пасьянс. Морщит лоб: ага, эту карту – сюда, а вон ту – туда. То есть Азефа пора сдать, а Малиновского взять на его место. Но потом сдать и Малиновского. Так требуется по всему раскладу, иначе пасьянс не сойдется, хоть убей!

Нервное состояние Завойко передалось Корнилову. Что и говорить, открытие ошеломительное!

– Генерала Лопухина, кажется, судили?

– В Сибирь загнали. Служебное преступление... Однако Джунковского, заметьте, это не остановило. Как только он разо взялся в Малиновском – тут же сдал! Покачивая головой, Корнилов хмурился. В поступках опытных жандармских генералов, граничащих с преступлениями по службе, оставалось много не разгаданного до конца. Инженер Завойко с удовольствием пояснил:

– А ларчик просто открывался... Генералы наконец-то сообра зили. Наконец-то стукнуло им в медные башки. Ими же руково дят! И кто? Вот эти самые презренные жидки. А они-то, дурни, надуваются и пыжятся! Руководители, поду-маешь... Нашли кого обманывать! Вот откуда все эти разоблачения, все сдачи. Просто гнев и месть. Так сказать, лютая обида за обман. Ну и, само собой, расчет на то, что с этими гадинами расправятся сами же террористы, их обманутые и возмущенные товарищи.

– А разве расправились? Я что-то не слышал.

– И не услышите. Никто этих тварей и пальчиком не тронул.

– Но почему?

Завойко вдруг пригнулся над столом, ткнул пальцем в потолок и одним дыхом произнес:

– Верховный! Не приказал. Наоборот, приказ: охранять и сохранять. Так сказать, заслуги... Возмущенный, Корнилов едва не выругался вслух. Черт знает что!

– Удивительно, что при такой охранке мы еще столько лет держались.

– Организм был здоровый. Да и огромность наша... Но все-та ки они добились своего.

– Ну нет, я так не считаю, – строптиво заявил Корнилов.

—
Отпевать нас рано. Завойко тонко усмехнулся:

– Приятно слышать. Я, собственно, для этого и приехал.

Располагайте же мной... – Под конец он вспомнил: – Петроград покинул маркиз Палеолог, посол Франции. Видимо, постарел и больше не годился. Его заменил Нуланс, – по слухам, выдающийся мастер закулисных махинаций. Таким образом, все свидетельствовало о том, что развития событий ждали не только в Петрограде, но и в Париже. Не дожидаясь конца офицерского съезда, Лавр Георгиевич вернулся в Каменец-Подольск. Завойко остался, обещав приехать без задержки.

Офицерский съезд затянулся на две недели. Говорливость военных оказалась неудержимей, нежели у гражданских лиц. В иные дни работа съезда напоминала уличный митинг. Положение осложнялось присутствием настороженных солдат-комитетчиков. Через них велся постоянный придирчивый пригляд. Недоверие к офицерской массе не проходило. Без комитетчиков офицерские делегаты договорились бы скорее. Под суровыми мужичьими глазами приходилось дипломатничать, таиться, оставлять самое сокровенное для горячих споров в узком кругу, вечером, в прокуренном гостиничном номере.

Самой щекотливой темой оказалось ожидаемое наступление. Комитетчики склонялись к большевистским требованиям немедленного мира. Они понимали, что победа в наступлении неизмеримо усилит тех, кто косо поглядывал на выборных солдат в составе комитетов. Офицерский командирский китель никак не соглашался примириться с руководя-

щей солдатской гимнастеркой.

Вокруг активиста Руттера, с которым публично целовался Верховный главнокомандующий, сплотилось непримиримое ядро. Делегаты от солдат в последние дни съезда примолкли, однако это было нехорошее молчание. На работу с комитетчиками были брошены комиссары. Они изобретательно доказывали представителям солдат необходимость для русской армии пусть небольшой, но победы. Главной задачей правительственных комиссаров было расколоть непримиримый комитетский монолит. Все две недели съезда в Могилеве находился главный комиссар Юго-Западного фронта Борис Савинков. От него ни на шаг не отходил штабс-капитан Филоненко, занимавший пост комиссара 8-й армии. Эта парочка, всюду появляясь вместе, создавала странное впечатление. Офицеры из вольноопределяющихся, люди образованные, начитанные, поступившие в действующую армию из университетских аудиторий, поневоле считали, что Савинков со своим подручным не замечают перемен в российской обстановке и продолжают действовать в привычной атмосфере глубокого подполья. Савинков много выступал, однако всего не выговаривал. Им владела какая-то большая затаянная мысль, и он терпеливо выжидал подходящего дня, часа, мгновения.

Он как был, так и оставался террористом-заговорщиком и переменяться не желал, да уже и не мог.

В последний день съезда, 22 мая, слово попросил генерал

Деникин.

Со вчерашнего вечера обстановка чрезвычайно накалилась. Пришло известие из Пскова. Там, на таком же точно съезде офицеров Северного фронта, вдруг скандально выступил артиллерийский поручик Курдюмов. Контуженный, он отчаянно заикался. Сказать ему хотелось многое – мешала судорога. Слова словно выстреливались. Он говорил о преднамеренном развале России, о масонских министрах Временного правительства, о поразительном обилии в русской революции жидов. В зале кто-то запротестовал, на него тотчас прикрикнули. Чрезмерное волнение свело челюсти поручика Курдюмова. Махнув рукой, он сошел, почти сбежал с трибуны. Не оставаясь более в зале, вернулся в гостиничный номер, запер дверь и застрелился. Вчерашним вечером в могилевском «Бристоле» во многих номерах шла горькая отчаянная пьянка. Слова поручика Курдюмова упали на болезненное место. Поразительно, что на двух фронтах нашелся лишь один офицер, который отважился на столь мужественное самоубийственное выступление. Две недели толкли воду в ступе. Теперь уже ничего не поправишь – остался последний день. Обидно!

Утром в зале преобладали лица глянцевито выбритые, но припухшие. Тяжелая ночь оставила свои порочные следы.

Генерал Деникин поднялся на трибуну и долгую минуту стоял с поникшей головой. Тяжесть вчерашнего известия витала в зале. Наконец зазвучал его тихий, но удивительно про-

никновенный голос:

– С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам свою скорбь безысходную, свою душевную печаль.

В зале произошло незримое движение, люди напряглись и обратились в слух, в болезненное внимание.

– Вы, бесчисленное число раз стоявшие перед лицом смерти, вы, бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки под редкий гул родной артиллерии, изменнически лишенной снарядов. – Вы, скрепя сердце, но не падая духом, бросавшие последнюю горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга... – Внезапно в голосе Деникина зазвучал металл: – Вы ли теперь дрогнете?!

С этой минуты настроение съезда определилось. Наступать, как ни тяжело, все же придется. Так надо, так требуется... и требует не начальство, а само положение истерзанной, униженной России.

А голос Деникина гремел, звучал по-колокольному:

– Слабые, поднимите головы. Сильные, передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья Родины. Передайте их в поредевшие ряды ваших товарищей на фронте. Вы – не одни. С вами все, что есть честного, мыслящего, все, что остановилось на грани упраздняемого ныне здравого смысла. С вами пойдет и солдат, поняв ясно, что вы ведете его не назад – к бесправию и нищете духовной, а вперед – к свободе и свету...

В заключение генерал Деникин сказал примерно то же самое, о чем мучительно выкрикивал в далеком Пскове контуженный поручик артиллерии Курдюмов:

– Я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции совершали свое каиново дело над офицерским корпусом, я имею право бросить им: вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником. Забитый, загнанный, обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до Отечественной войны – как яркий светильник – жажду подвига. Подвига для счастья РОДИНЫ!

Затрещали аплодисменты, но Деникин вскинул руку и добился прежней тишины.

– Русский офицер верно и бессменно стоит на страже русской государственности, и сменить его может только СМЕРТЬ! – заключил он и под восторженные крики пошел в зал.

Закрывая съезд, генерал Алексеев постарался сгладить антиправительственное впечатление от взволнованной речи Деникина. Он не произнес ни слова упрека в адрес Временного правительства. Как Верховный главнокомандующий, он призвал объединяться и спасти Отечество, спасти многовековую государственность Русской державы. Он просил напять все силы и потрудиться для победы.

Перед глазами Алексеева все эти дни стоял ясный романовский взгляд русского императора. Как Верховный главнокомандующий, Николай II всецело полагался на своих генералов – и эти генералы его подло предали. И первым, выходит, предал он, Алексейев, начальник штаба Ставки, самый доверенный человек государя. Генерал Алексейев считал, что поправлять ошибку следовало келейно, без участия больших народных масс. Боже избавь от этого – тогда на земле России заполоыхает ужасная, взаимоистребительная гражданская война.

Он все еще надеялся искупить свою невольную вину бескровно, одним авторитетом армии.

Затаенное помалкивание комитетчиков Алексеева несколько не тревожило. Солдатский сын, он был уверен, что знает русского солдата. Разве не доказал он этого, когда в самом начале офицерского съезда отправился в казармы и добился, что его не только выслушали, но и восторженно подняли на плечи и пронесли до самых ворот военного городка?

С русским солдатом надо уметь разговаривать, господа!

Он посоветовал похерить предложение Руттера насчет общевоинского союза. Объединение осталось чисто офицерским. В главный комитет союза избрали 26 человек. В председатели прошел аристократ Леонид Новосильцов.

Поздней ночью генерала Алексеева разбудили. Спросонья он долго не мог прийти в себя. Дежурный по Ставке генерал Юзефович совал ему в руки правительственную телеграм-

му. Вид у Юзе-фовича был смущенный. Генерал Алексеев сел в постели, нашарил футляр с очками. Временное правительство распорядилось сместить Алексеева с поста Верховного главнокомандующего и заменить его генералом Брусиловым.

Плечи Алексеева опустились, телеграмма упала на коврик под ногами. Юзефович увидел, как затряслась седая, с коротким ежи-ком голова главнокомандующего. Алексеев не вынес унижения и заплакал. Рукавом рубахи он провел по носу и горько произнес:

– Канальи, пошляки... Рассчитали, как прислугу...

Как видно, доброхоты доносили в Петроград исправно. Впрочем, зачем в самый Петроград? Военный министр Керенский находился поблизости, мотался по передовой. К тому же в Могилеве постоянно находился Савинков, человек, которому военный министр всецело доверял.

Корниловскую неприязнь к новому главноверху генералу Брусилову полностью разделял председатель главного комитета «Союза офицеров армии и флота» Л.Н. Новосильцов.

Из Могилева, со съезда, Новосильцов приехал в Каменец-Подольск, в штаб 8-й армии. Лавр Георгиевич встретил его дружески: оба они были выпускниками Михайловского артиллерийского училища.

В отличие от Корнилова, сына простого линейного казака, Новосильцов был представителем старинной родовитой русской знати.

Столбовые дворяне, Новосильцовы были вписаны в первый государственный боярский список. При Иване Грозном один из них был держателем государевой печати. Другой, уже при Федоре Иоанновиче, возглавлял Великое московское посольство в Праге. Родной дед корниловского посетителя являлся автором проекта первой Российской Конституции, которую Александр II не успел подписать (ехал подписывать, но был разорван бомбой террориста). Отец Леонида Николаевича, офицер-артиллерист, отважно сражался за Севастополь, был награжден орденом св. Георгия. Одно время был дружен с артиллерийским поручиком Львом Толстым... По материнской линии Новосильцов приходился родственником Пушкину, – его родительница была из Гончаровых... Перед войной с Германией Леонид Николаевич был активным деятелем Государственной думы. Он ушел на фронт без колебаний добровольцем, командовал батареей трехдюймовых орудий. Природный русский аристократ, он не выносил гвардейских офицеров и считал, что Волынский полк, перешедший на сторону революции, первым нарушил воинскую присягу и покрыл позором не только себя, но и всю царскую гвардию, опору режима и самодержавия.

В лице этого аристократа Лавр Георгиевич нашел глубокого единомышленника. В отличие от таких людей, как генерал Мартынов, инженер Завойко или капитан Нежинцев, усматривавших во всех русских несчастьях козни тайных неприятелей, Новосильцов считал, что в бедствиях Рос-

сии виноваты прежде всего сами русские. Посмеиваясь, он рассказал Корнилову деревенскую притчу о двух мужиках. Едучи на снях, они встретились на дороге, и один другому въехал оглоблей в рот. Кто в этом виноват? Тот ли, который плохо правил, или же тот, которому оглобля угодила в разинутый рот?

– Неприятели? Они на то и существуют, чтобы строить козни. Однако вспомним Чудское озеро, Куликово поле, Бородино... Со здоровой нацией никакой беды не приключится!

Новосильцов презирал Николая II за вялость и безволие. Он считал государя виновником всех выпавших несчастий. Прежде всего ему не следовало ввязываться в эту гигантскую войнищу. Дружеские отношения с Францией и Великобританией он считал «союзом лошади и всадника». Николай II по своему безмыслию покорился чисто лошадиной участи – на Россию сели и поехали. Да еще подхлестывают, шпорят!

– О трагедии несчастного Самсонова я уже не говорю. Но вспомните, вспомните: в прошлом году турки зажали англичан под Кут-эль-Амаром. И что же наши доблестные англичане? Сра зу же с мольбою в Петроград: спасайте, выручайте! И мы их выручили моментально. Вспомните: наша Кавказская армия вы шла аж к Багдаду. Кажется, радуйся, ликуй. Так нет же: эти англичане, подлецы, испугались. Как же, русские в Багдаде! Представить страшно. И – что делают? Сдаются туркам в плен. Русские для них страшнее турок!

– Нужен нам этот Багдад! Не до Багдада...

– Я это к тому, Лавр Георгиевич, что за три года войны наши доблестные союзнички ни разу – слышите: н и р а з у! – не прорвали германского фронта. Знай себе одно: погоняют нас, русских. Нашей крови им не жалко!

Он вздохнул и удрученно замолчал.

– Простите, Лавр Георгиевич, но разве мы не видим, что наша армия больна, больна хронически? Болезнь эта – не сейчас при обретенная. Она – застарелая, давняя, можно сказать, наследственная.

– Крымская война... да? – живо спросил Корнилов.

– Нет, раньше, – отвечал Новосильцов. – Вспомните Наполеона на Березине. Как мы его упустили? Это позор! Ему же не было спасения... Сплошные поражения! Как это ни больно говорить, но война, особенно жестокая война, как правило, взбадривает нацию, пробуждает ее от мирной спячки и заставляет напрягать спрятанные силы. В любой борьбе нация как бы обновляется, наращивает молодые мускулы. Россия же после 1878 года не воевала целых четверть века и умиротворенно рассиропилась, одрябла. К ней стала подкрадываться старость.

После того как великий Наполеон нашел свою погибель на просторах России, русским больше нечем похвалиться. Пленение Шамиля? А что еще? Недавняя война с Японией лишь подчеркнула нашу рыхлость и привела к потере половины Сахалина. Если так пойдет и дальше, то в скором времени

от великости российской останется одно воспоминание!

Невысокого мнения Новосильцов был и о верховном командовании. Это неудивительно: ведь в высшие эшелоны пробивались, как правило, не самые талантливые, а самые угодливые. Отличались не на поле боя, а на паркете.

В частности, Брусилова он знал еще по довоенным временам – часто встречались на балах в столице. Воспитанник Пажеского корпуса, молодой Брусилов уже в те годы считался большим мастером «попасть в случай».

– А в Брусиловском прорыве я имел несчастье участвовать. Гигантское наступление в мае прошлого года русская армия предприняла по просьбе союзников. Терпели поражение итальянцы, изнемогали под Верденом французы. Итальянский король Виктор-Эммануил обратился с письмом к Николаю II. Не вылезали из Царского Села послы Бьюкенен и Палеолог... Царский любимец Брусилов с готовностью откликнулся на приказ монарха. Его нисколько не смущало, что в резерве у него имелась всего одна кавалерийская бригада. Его не остановило и совсем недавнее, в марте, поражение русской армии под Двинском.

– Генерал «Чего изволите?» – язвил Новосильцов. Прорыв германского фронта удался ценой чудовищных потерь.

Только убитыми Россия потеряла 500 тысяч солдат. Зато спасли Италию и сняли напор немцев на Верден!

На профессиональный взгляд, Брусиловский прорыв мог повторить Самсоновский. Будь немецкие военачальники по-

разво-ротливей, они двумя концентрическими ударами могли легко «подрубить» основание устремившихся в прорыв русских дивизий и замкнуть кольцо окружения. Пока они сообразили, гибельную западню узрел и сам Брусилов. Страхась участи Самсонова, он стал спасаться от клещей.

Знаменитый Брусиловский прорыв произвел оглушительное впечатление на обывателя – постарались голосистые газеты. Однако ни один из журналистов не написал о том, что происходило после первоначального успеха. Военные же с напряжением следили, как увлекшийся Брусилов натужно спасал свои обескровленные корпуса от гигантского котла.

Справедливость требовала воздать Брусилову не за прорыв, а за спасение своей армии от окружения.

– Представляете скандалище? – спросил Новосильцов. – Мало нам было позора!

Он считал, что генералы-лизоблюды и такой незадачливый полководец, как Николай II, загубили лучшую в мире армию – русскую. И все же в отличие от корниловского окружения Новосильцов носил в себе спокойную уверенность в победе. В этом природном русском аристократе покоряла сила «породы», покоившаяся на глубоком знании истории народа и страны. Перед Корниловым был человек, чьи предки сами делали историю России. Бывало трудно, выпадало невыносимо тяжело, однако всякий раз пробуждались силы тайные, глубинные, природные.

Так половодье взламывает самый мощный ледяной по-

кров. Просто наступает некий срок, скапливаются силы и разбитые остатки льда уносятся в небытие.

– Сейчас мы снова угодили в сложный переплет. Пожалуй, такого еще не бывало. Но – справимся, даст Бог. А иначе что же – гибель? «Аки обры...» Нет, не верю! Не укладывается в голове. Россия не может закатиться. Что-то обязательно произойдет. Вот увидите, увидите...

Новосильцов надеялся на офицерство, на казачество. В самой толще народа живы и бьют родники патриотизма. Он считал, что это природное сопротивление разрухе нуждается в умелом и спокойном руководстве.

– Петроград – это никакая не Россия. Пропадающая головешка – вот что такое Петроград. Гнилая, бедная, безумная... Пена бешенства, и больше ничего. Подумаешь, евреи! Ну и что? Но разве мы не видели поляков? В самом Кремле сидели, едва своего Владислава царем не посадили!.. А немцы? А татары? Французы, наконец? Куда они все делись, что с ними случилось? Достукаются и евреи. Просто кому-то очень хочется, чтобы мы их испугались. Испугались, задрожали и согнули спину без всякого сопротивления. А мы не задрожим! А мы – наоборот! – расправим плечи и сожмем кулаки. Ну... разве не так? По крайней мере, у нас в «Союзе офицеров» именно такое настроение.

Бальзам на душу были для Корнилова такие разговоры. Взгляд государственного деятеля, а не испуганного обывателя. В уверенном спокойствии этого помещного аристокра-

та сквозило упорство черносоловья после пожара или очередного неурожая. Руки целы, – значит, поправимся. Глаза боятся, а руки делают!

Леонид Николаевич чистосердечно признался, что не верит в успех предстоящего наступления. Имея в запасе сил всего на одну пощечину, в драку не ввязываются. И все же наступать придется. Отказ от боевых действий скажется в пользу Совета, в пользу большевиков. В настоящее время Керенский представлялся ему более приемлемым. Однако, если судить по «гамбургскому счету», Керенский – явная пустышка, калиф на час, безудержный болтун. Новосильцов догадывался, что за спиной военного министра с серебряными шпорами скрываются какие-то темные людишки. Они и руководят этим паяцем, словно тряпичной куклой на безобразной русской сцене. Следует воспользоваться возможностью хорошенько стукнуть Керенским по большевикам. («Зимним дворцом по особняку Кшесинской».) А уж разобраться с самим Керенским будет намного легче, проще.

Леонид Николаевич заверил, что здоровые силы России по-прежнему делают ставку на Корнилова. Сейчас просчитывается, что может выйти, если наступление все-таки окончится неудачей. Он недавно разговаривал с генералом Калединым. Тот уверяет, что «тихий Дон-батюшка» не откажется стать боевым плацдармом будущего русского сопротивления. Кстати, добавил он, после неожиданной отставки генерала Алексеева главный комитет «Союза офицеров» успел

провести утреннее заседание и кооптировал опального генерала в почетные члены. На время генерал Алексеев как бы отступит в тень, скроется из глаз. Однако он полон стремления не прекращать борьбы, искупить свою великую вину. В самые ближайшие дни он незаметно посетит Ростов и Новочеркасск. Побывает генерал и в Екатеринодаре. О настроении кубанского казачества «Союз офицеров» достоверными сведениями не располагает...

Знал ли Новосильцов о неприязненных отношениях Корнилова и Алексева? Конечно, знал. Но, рассказывая, он давал понять, что в настоящее время о недавних распрях следует забыть. Этого требуют интересы общего дела... Одновременно он предостерег Корнилова о том, что новый главнокомандующий Брусилов «на дух не выносит «Союз офицеров». Скорей всего о чем-то догадывается. Так что командующему 8-й армией об этом следует помнить постоянно. В ходе наступления им доведется разговаривать довольно часто...

Вся первая половина июня ушла на подготовку армии к боям.

– Боюсь, – сказал Корнилов генералу Романовскому, – не вышло бы у нас по-брусиловски.

Восстанавливая боеспособность армии, Лавр Георгиевич представлял, как русская пехота поднимется проламывать германскую оборону. За время окопного сидения немцы загородились шестнадцатью рядами колючей проволоки. Артиллеристы и пулеметчики скрывались в бетонных капони-

рах. Для успеха понадобятся снаряды, изобилие снарядов. Солдаты поднимутся из окопов, если только увидят, что вражеская оборона перепахана мощным артиллерийским огнем.

Основательней других был подготовлен 12-й стрелковый корпус генерала Черемисина, начальника жестокого, даже безжалостного, сумевшего сохранить в своих подразделениях необходимую дисциплину. Генерал Черемисин всеми силами стремился отличиться. Он жгуче завидовал Брусилову, достигшему за несколько майских дней прошлого года степени национального героя. Многое в успехе наступления будет зависеть и от боеспособности соседей – войск 6-й и 11-й армий.

Всякому военному знакомо чувство унижения, когда, пробираясь по ходу сообщений на виду у противника, приходится невольно пригибаться. Страх за собственную жизнь заставляет демонстрировать подобную зависимость от прощив врага.

Многие часы перед 18 июня – намеченном дне наступления – Лавр Георгиевич только тем и занимался, что пригибался. Таиться и скрывать приходилось постоянно. Двуличие одолевало. Если прежде, при царе, военные действия были единственной обязанностью командиров, то ныне, при позорном двоевластии в столице, надлежало помнить о политике, то есть говорить одно, поступать же совершенно по-иному, часто даже противоположно тому, о чем совсем

недавно сам же толковал.

Генерал Мартынов, корниловский товарищ по германскому плену, об истреблении русской армии написал целую книгу-исследование. Поражение в русско-японской войне, доказывал он, было подготовлено тем, что военный организм державы разлагался специально. То же самое совершалось и перед нынешней войной. Поражениям на фронте радовались. Революцию ждали, как весеннего солнышка после долгой и лютой зимы. Тем, кто сваливал российский трон, страшна была Россия победившая, она им требовалась побежденная, разорванная, поверженная в прах.

«Чем хуже, тем лучше!» – девиз всех предателей.

Военные так рассуждать не смеют. Долг и присяга обязывают их сражаться за Отечество.

Но как вдохнуть решимость в солдатские ряды? Солдату война осточертела. А тут еще проклятые большевики, не обремененные никакими обязательствами, не устают горланить о сепаратном мире и дележе земли!

За шесть недель в Петрограде Корнилов навсегда запомнил, как устрашающе носились по проспектам битком набитые грузовики. В щетине солдатских штыков они походили на чудовищных ежей. Однажды величественный швейцар, забирая у него шинель, пророкотал: «Теперича народ как скотина без пастуха!»

Армии, чтобы подняться из окопов и одолеть врага, требовалось снова стать прежним послушным организмом.

Иначе наступление провалится, захлебнется кровью.

В эти горячие июньские денечки по всем участкам Юго-Западного фронта без устали мотались комиссары Савинков и Филоненко. Вперемешку с ними налетал военный министр Керенский – устраивал митинги, произносил громовые речи.

Временное правительство полностью отдавало себе отчет, что от успеха задуманного наступления зависит его дальнейшая судьба. Комиссар Юго-Западного фронта Борис Савинков нагрязнул в штаб 8-й армии под самый вечер. Он был запылен, вид усталый, знаменитая челочка на обширном лбу прилипла. Недавний столичный щеголь, модный писатель, он ничем не напоминал того уравновешенного человека, каким два месяца назад пожаловал к Корнилову в штаб Петроградского военного округа. Вместо прежнего вылощенного денди перед командующим армией сидел уставший от трудов, изгвазданный в грязи чернорабочий. Впрочем, самому Савинкову эти превращения нравились невыразимо. Это Корнилов уловил с первой минуты.

– Генерал, мы привезли вам неприятное известие. Недавно в расположении 114-го пехотного полка убит комиссар Линде.

Об этом неожиданном убийстве Корнилов уже знал. Комиссара Линде, вольноопределяющегося из столичного Волынского полка, погубило собственное безрассудство. Он усвоил вихревую манеру своего кумира Керенского. Надо

уметь разговаривать с озлобившимися окопными солдатами. Линде же принялся их стыдить, срамить, назвал трусами. Фронт – не столичная аудитория с восторженными курсистками.

Филоненко сидел скромно, молча, лишь посверкивал глазами. Лавр Георгиевич был доволен, что комиссар при штабе его армии в такие дни не суется под руку. По сути дела, он Филоненко еще не видел, не сталкивался с ним. Как армейский комиссар, он пристегнулся к комиссару фронта и, видимо, именно в этом полагал свои главные обязанности. Как и в Петрограде, он не отходил от Савинкова ни на шаг.

В новом облике, фронтовом, Савинков понравился Корнилову. В Петрограде знаменитый террорист и писатель выглядел великосветским хлыщем, завсегдатаем салона Гиппиус и Мережковского. Здесь он демонстрировал умение говорить с людьми и ладить, завидную небрежливость и, главное, необходимый такт, не позволяя ни себе, ни Филоненко мешаться под ногами фронтовых начальников. Каждый обязан заниматься своим делом. Комиссары во главе с выборными комитетами призваны обеспечить идеологическую сторону предстоящих жестоких сражений. В новом свете увиделся Савинкову и Корнилов. Боевой генерал находился в привычной обстановке. Здесь он уверенно чувствовал себя повелителем тысяч и тысяч солдат, сведенных в бригады, дивизии и корпуса. Взглядом писателя Савинков отметил маленькие, аристократические руки генерала, коричневые,

сморщенные, с громадным аляповатым перстнем на мизинце (несомненно, с перстнем связано какое-то предание, перстень был явно азиатского происхождения). Савинков подумал, что в этих сморщенных коричневых руках военачальника с древними монгольскими глазами сосредоточена колоссальная сила. Эти руки обучены и привыкли держать вожжи власти. Савинков пытался обхаживать нелюдимого генерала еще в Петрограде, он проникся стремлением окончательно завоевать его доверие здесь, в боевой обстановке. Доверие Корнилова обернется его безоговорочной поддержкой. Такой человек был необходим Савинкову для успешного исполнения задуманного. Голова планирует, замышляет, а руки исполняют. Голова имелась, и неплохая голова, требовались руки, сила, готовность подчиняться и исполнять.

Никак не в состоянии обособиться от своего писательского ремесла, Савинков вдруг едко подумал, что, пожалуй, впервые так придиричиво рассматривает старорежимного царского генерала не как объект для террористического акта, а как желанного драгоценного соратника.

Уже назавтра Савинков четко сформулирует лозунг, под которым начинал исполнение всего задуманного. Лозунг этот был: «Под красным флагом Керенского, под крепкой рукой Корнилова – вперед, к победе!» Он провозглашал его сам и заставлял повторять на бесчисленных солдатских митингах своего верного Филоненко.

Керенский... Никто не верил, будто Савинков всерьез

преклонился перед военными талантами ловкого, удачливого адвоката, вдруг нацепившего серебряные шпоры. Угадывалась всего лишь обязательная закулисная игра, все та же проклятая политика, так осточертевшая Корнилову за время службы в Петрограде. Еще меньше верил в бескорыстное служение своего патрона привычно безмолствующий Филоненко. Не далее как сегодня, совсем недавно, по дороге в Каменец-Подольск, в штаб 8-й армии, Савинков принялся рассказывать своему спутнику о том, что вытворяет Керенский в покоях Зимнего дворца. Безродный выскочка, настоящий п а р в е н ю, он помешался на барских причудах и завел в Зимнем порядки похлеще царских. Но если государя отличало милостивое обращение со своей челядью, то адвокатиха сдурел настолько, что хлещет дворцовую службу по щекам. По Петрограду ползли слухи о безобразных ночных загулах в царских покоях, о кокотках и реках шампанского. «Добром не кончит», – мрачно пророчествовал Савинков.

Наступали неторопливые летние сумерки. Савинков устало объявил, что на сегодня больше никаких мероприятий, надо как следует отдохнуть – замотались. В расслабленной позе он почти лежал в глубоком кресле. Подавляя зевоту, он счел необходимым поделиться с генералом важными новостями. Они касались Крыма. Украинские самостийники откопали генерала Скоропадского, и тот не придумал ничего лучше, как объявить, что Крым никогда не принадлежал России. Немедленно вынырнул какой-то Суль-кевич и сце-

пился со Скоропадским, домогаясь вернуть весь Крымский полуостров в состав Турции. Обрадовались, подлецы...

Савинков внезапно раззевался, затряс головой, стал извиняться:

– Устаешь чертовски, генерал... Ну-с, честь имеем. Завтра мы собираемся выехать пораньше.

Затянув рукопожатие, он как бы вскользь предупредил, что назавтра в Каменец-Подольск наскочит Керенский. Он двигается за ними по пятам... Выходило так, будто оба комиссара исполняли роль махальщиков – они скакали впереди военного министра и расчищали ему путь.

Керенский не налетел – пронесся мимо. По штабному Бодо от него получилась краткая депеша, объяснявшая крайнюю занятость военного министра. Стремительность по-прежнему оставалась отличительной чертой его руководящего поведения. Ему не оставалось времени на посещение штабов, его ждали окопы, передовая. В последней строке депеши звучал полувопрос, полуприказ: «Генерал, вам угодно меня сопровождать?»

Лавр Георгиевич отказался без раздумий и откомандировал в свиту военного министра капитана Нежинцева.

Насущные вопросы предстоящего наступления были давно обсуждены. Фронтовые требования сводились к одному – снарядов!

Капитан Нежинцев, насмешливо поблескивая стеклышками своего гвардейского пенсне, рассказывал о своем

недолгом пребывании в окружении военного министра, и Лавр Георгиевич узнавал и заносчивое вскидывание подбородка, и россыпь кратких распоряжений, и это ставшее знаменитым засовывание руки в черной перчатке за борт френча. Глаз Нежинцева отметил, что френч при всей измятости сшит у превосходного портного.

Прежде чем появиться на Юго-Западном фронте, Керенский метеором пролетел Гельсингфорс, Ригу, Киев, Одесу, Севастополь. Бесспорно, он был ушиблен ролью, которую ему, случайному человеку, навязала сама История...

Нежинцев неожиданно признался:

– Лавр Георгиевич, говоря по совести, я, кажется, начинаю понимать большевиков: наш министр никаких симпатий возбуждать не в состоянии!

Он присутствовал на полковом митинге и ему передалось молчаливое впечатление хмурой солдатской массы от этой нелепой фигуры со стоячими волосами и оттопыренными бледными ушами. Видимо, он был на месте в безобразно взбаламученном Петрограде, в Вавилоне разрухи и распада, но только никак не здесь, где любая нелепость грозила обернуться морями человеческой крови.

Солдат, шофер автомобиля, сидел истуканом, глядел перед собой. Керенский рукой в перчатке держался за его плечо и, возвышаясь, широко раскрывая квадратный рот, выливал густо стоявшим без всякого строя солдатам о том, как размоленная Германия кинется перед союзниками на ко-

лени и будет просить мира, щадящего, милосердного. Однако нет, никакой пощады проклятые тевтоны не получают. Пускай не мечтают, не надеются...

– Наша славная русская армия совершала подвиги при царе. Неужели при республике она окажется стадом баранов? Неужели не встанет своею доблестною грудью за свою свободу? Вперед, богатыри! Не на пир, но на смерть зову я вас. Мы, герои революции, имеем право на смерть... Если вам предстоит почетная гибель на глазах всего восхищенного мира – позовите меня. Я пойду впереди вас с ружьем в руках! Офицеры стояли в крутой толпе вперемешку с солдатами. Ни одного хлопка в ладони так и не раздалось. Бесхитростные головы соображали: кажись, опять на проволоку лезть! А министр насиловал свое испытанное красноречие явно в расчете на энтузиазм нижних чинов. Он привык бросать небрежные упреки генералам, что они совершенно не умеют разговаривать с теми, кто ниже их чином. Он искренне верил, что одно его появление на передовых позициях вызовет всплеск героизма и самопожертвования. Атмосфера сгущалась, солдаты поджимали губы. На их грязных лицах читалось: снова уговоры, а как же насчет замирения и земли?.. Ведь обещали каждый Божий день!

Прапорщик Савицкий, из вольноопределяющихся, наклонился к подполковнику Николаенко, командиру батальона:

– Вчера у нас в полковом комитете мы едва отбились от большевиков. Вы же знаете, как с ними... Но теперь к ним

качнутся многие!

Подполковник посмотрел на свежий порез на нечистой щеке прапорщика (брился второпях) и ничего не ответил. Он пытался отговаривать министра от митинга. Не отговорил, лишь получил презрительный упрек. А следовало удержать. Вон как они набычились! Он с беспокойством размышлял о том, как бы половчее закрыть митинг и без всяких осложнений спровадить министра. Долго ли до греха?

Керенский вытащил платок и, беспокойно бегая глазами по затаившейся толпе, стал утирать длинные мокрые губы. Такой томительной паузы не предполагалось. Обычно толпа кидалась к автомобилю и принималась восторженно подкидывать министра в небо... Молчание солдат становилось нехорошим.

Прапорщик Савицкий, напрягая горло, крикнул:

– Господин министр, у нас совершенно нет резервов! Керенский дернулся и резко обернулся на голос. Его рыхлое лицо перекосила гримаса ненависти. – Мальчишка! – крикнул он. – Когда мы, революционеры, бросались на борьбу с царизмом, мы не оглядывались назад. Нет, не оглядывались. Мы шли и умирали без оглядки!

Он высмотрел в группе офицеров подполковника Николаенко и приказал:

– Подполковник, отстраните этого паникера от наступления. Революция не нуждается в услугах ему подобных!

Густая краска залила лицо прапорщика. Он затравленно

заозирался. Капитан Нежинцев положил ему руку на плечо:

– Тихо, тихо... Не обращайтесь внимания.

А Керенский, снова обращаясь к толпе, прокричал:

– Идите, славные солдаты революции! Вперед! Идите... я вам приказываю. Идите и, если надо, умрите без колебаний!

Подполковник, грубо расталкивая офицеров, стал пробираться к автомобилю.

Прапорщик, все еще заливаясь краской, говорил Нежинцеву:

– Я-то пойду, господин капитан. Но вот они-то, солдаты-то?

– Не переживайте, плюньте, – уговаривал его Нежинцев.

Он видел: подполковник Николаенко вскочил на подножку автомобиля и ткнул солдата-истукана в плечо. Машина немедленно рванула с места...

Поздним вечером в просторном блиндаже батальонного командира за товарищеским ужином прапорщик Савицкий захмелел от разведенного спирта и принялся хватать капитана Нежинцева за рукав – никак не мог забыть оскорбительной министерской оплеухи на солдатском митинге.

– Господин капитан, да вот... ей-богу же... Заклинаю честью! Я уже два раза ходил в штыковую... Господин подполковник подтвердит... Страшно, конечно, но чтобы уж... Я ведь что хотел сказать? Снарядов! Дайте нам снарядов, а уж дальше мы все сами сделаем. Главное, я достоверно знаю, что снарядов у нас горы. Но – на складах, в тылу. Так подве-

зите же, подайте! Я только это и хотел сказать. А он – слышали? И у меня товарищ есть, я ему верю, как себе... так он рассказывал. Приходит эшелон, а там в вагонах не снаряды, а апельсины! – Он вдруг визгливо, пьяно захохотал. – Как вам это нравится? Немцы нас – чемоданами, а мы их – апельсинами!

Подполковник Николаенко с отцовским выражением глянул на молодого офицера и благодушно посоветовал:

– Сережа, вышел бы на ветерок да глянул: кажется, опять летают.

Савицкий понял и обиделся:

– Я, конечно, пьяный, и вы вправе... так сказать... и все такое прочее. А ветерок ваш мне совершенно ни к чему. Я и отсюда знаю: да, летают. И – бросают. И завтра я с утра стану отбирать эти проклятые листовки. Речь, как понял Нежинцев, шла о немецких аэропланах. В последнее время на русских позициях для стрельбы по воздушным целям приспособили самодельные станки для пулеметов. Аэропланы стали появляться по ночам, с них сыпались листовки. «Солдат Иван, какого черта ты сидишь в окопе? У тебя дома давно делят землю!» Отбирай не отбирай эти листовки, а на солдат они оказывали действие.

Савицкий снова вспомнил о министре.

– «Иди и умри...» А? Хорошенькое дело! Нет, не по-русски это. Мы, конечно, не задумаемся и умрем, но-о... зачем же зара нее-то? Кому охота?

Сосед Савицкого, немолодой офицер, с расстегнутым воротом на волосатой груди, пивший сегодня много, но пьяневший трудно, мрачно изрек, что Керенский никакой не русский, а самый настоящий жид.

– Я знаю точно. У меня дядя знал его еще по Петербургу.

– Ваше здоровье, капитан! – вскричал Савицкий и схватил стакан. – Мне мой товарищ рассказал, что Ленин тоже жид. Они учились вместе... Сплошные жида, капитан... «Еврей сидят на конях вороных, былинники песни слагают о них!» – внезапно продекламировал он и задохнулся от пьяненького смеха.

Подполковник Николаенко взглядом попросил у гостя снисхождения. Офицерам на передовой так редко выпадает посидеть, поговорить в компании.

Показав на уронившего голову Савицкого, подполковник негромко обронил, что и Керенский, и этот таинственный Ленин, и зловещий Протопопов – все они из Симбирска, земляки. Своеобразный «волжский куст» неординарных российских людей, которых история вдруг выталкивает на поверхность...

– Волга-Волга, мать родная... – вдруг завопил Савицкий, смутился и, уронив голову, заснул тут же за столом.

Настала пора расходиться. Небо светлело.

Капитан Нежинцев ночевал в блиндаже мрачного офицера. Разувшись, тот долго шевелил пальцами голой ноги. Лицо его было туча тучей. Внезапно он заговорил о своем ува-

жении к генералу Корнилову. Наводить на фронте порядок следовало как раз с того, на чем настаивал Корнилов: с введения смертной казни. Гуманизм хорош в мирное время. У войны свои законы. Здесь каждый шаг пахнет кровью.

– До чего довели, каналы: на каждого мало-мальски дисциплинированного солдата стали смотреть, как на офицерскую при хвостню. А? Ты, дескать, холуй, подлиза... – Он крепко стукнул себя по колену. – Собираемся наступать, а я боюсь, признаться: не стрельнули бы в спину!

Они улеглись, потушили свет и долго еще переговаривались в темноте. Офицер рассказывал о летчиках. Отважные ребята, что-то вроде рыцарского ордена. Неподалеку находилось два аэродрома... Внезапно вспомнил о женском ударном батальоне.

– Представляете, одни бабы. И командует баба. Бочкарева, Георгиевский кавалер. Недавно эти бабоньки взяли немецкую батарею... представляете? У нас тут офицеры было на кобеляж настроились. Который месяц на передовой! Так их ударницы – по мордасам, по мусалам. У них, оказывается, сухой закон. До конца победы ни Боже мой! Не могли и помышлять. Все, как одна, из Смольного, из Екатерининского института благородных девиц. Если кто на шашни клонет – всё, сами же и пришибут. Каково? Вот ведь как бывает...

Утром капитан Нежинцев пристроился на санитарную повозку. Возница с вожжами в руках шагал рядом. Два раненых солдата тихо переругивались. Один из них баюкал пере-

вязанную, толсто уверченную руку и скрипел зубами от боли. Измученный толчками на ухабах, он то соскакивал с повозки, то садился снова.

Благодушный возница, неряшливый обозный солдатишка, говорил не переставая. Ему, рассказывал он, сильно не пофартило: едва военного министра не повидал, опоздал.

– Приехал бы к обеду – в самый раз. А так только пыль понюхал. Геройский, говорят, мужчина, воитель настоящий. Из нашего брата тоже ведь есть всякие. Ну один и полез наперек. Дескать, что мне толку в этой победе, если я буду убитый? Земля-то кому другому отойдет! Ка-ак он глянет на него да как глазами-то сверканет... солдатишка этот как стоял, так и свалил ся: ноги подкосились. Не выстоял, сил не достало...

– Мели, Емеля! – не вытерпел солдат с забинтованной рукой. – И не солдат вовсе говорил ему, а прапорщик, известный человек. И не с ног упал, а наоборот – послал твоего министра куда подальше! Вот как было дело.

Возница смешался:

– Я... что? Я сам не видел. А только говорят...

– Давай, погоняй. А лучше дай-ка вожжи. Рука как огненная. Сил нету терпеть!

Вожжей обозный не отдал и принялся утешать раненого тем, что тот отвоевался: сейчас его положат в госпиталь, скинут всю грязную окопную муру и первым делом – в ванну с мылом...

– Я ж вижу, не слепой – вошки на тебе достаточно. Раненый сконфузился:

– В обороне накопил.

– Ох эта оборона! – подхватил обозный. – Уж что мы с этой вшой не делали, с заразой! Ничего не помогает. Иной ажник шевелится... Но вот что дивно: едва приказ и двинемся вперед – как сдует их, поганок. Ну сразу ни одной! Прямо чудесно. Зато как только сели, закопались – откуда и возьмутся! Слово их со склада подвезут...

Вернувшись в штаб, капитан Нежинцев застал командующего армией в расстройстве. Верный Хаджиев успел ему шепнуть, что заскакивал Савинков, застал у Корнилова Завойко и они, как можно было расслышать из приемной, жестоко разругались. После этого «уллы-бойр» переменялся, стал раздражительным, придирчивым.

О ссоре Савинкова с Завойко Лавр Георгиевич рассказывал с неохотой. Вроде бы Завойко сел на своего любимого конька и щегольнул при этом знанием нефтяного дела. Он называл борьбу за нефтяные месторождения «черным делом» и уверял, что стоит только появиться нефти, как непременно возникает ловкий Сруль. А уж если появился Сруль, рядом с ним обязательно возникнет Смердяков... Остальное Нежинцев уловил без всякого труда. Оба спорщика настолько разгорячились, что принялись уязвлять один другого намеками на позорнейшую смердяковщину.

Лавр Георгиевич сказал, что после этого неприятного спо-

ра Завойко вдруг исчез из города. Даже не попрощался! Корнилов связывал это с тем, что Савинков вчера намекнул инженеру, будто он вовсе не тот человек, которым старается казаться. Сегодня Хаджиев побывал в гостинице. Завойко исчез – номер сдан, постоялец выехал.

– Хороший этот парень, Хаджиев, – отозвался Нежинцев. – Чистый, верный, прямой... Глаз радуется!

Корнилов признался, что с нетерпением ожидал возвращения начальника разведывательного отдела. У него не выходило из головы зловещее предупреждение Савинкова. Намек явный... но что он имел в виду?

– Неужели то, что он служил у Нобеля? Я знаю, мы говорили. Он в Петроград приехал прямо с Эмбы.

У капитана Нежинцева имелись совсем иные сведения. До отъезда на эмбинские нефтепромыслы инженер Завойко пережил большие неприятности. Одно время ему вдруг понадобились деньги, и он стал пытаться получить банковскую ссуду. Банки, куда он ни совался, отказывали наотрез. Тогда Завойко сочиняет «Записку» о махинациях банкиров и относит ее не куда-нибудь, а в Министерство внутренних дел. Оттуда, нисколько не волнуясь, этот документ подают на стол самому царю. Содействовал этому свитский генерал Мейендорф... И лишь впоследствии открылось, что генерал старался не за красивые глаза. С помощью Завойко генералу удалось купить в Западном крае роскошное имение за пустяковую цену. Едва став владельцем имения, генерал немед-

ленно продал его за настоящую цену. Этот гешефт принес генералу «навар» в 250 тысяч рублей. Вот что за человек этот Завойко!

Но и это еще не самое страшное. Незадолго до войны русская контрразведка установила его тесные отношения с неким Кюр-цем, немцем, жившем в Петербурге. В начале войны Кюрца поймали за руку на шпионаже, арестовали и без особенного шума сослали в Рыбинск. После этого скомпрометированному инженеру ничего не оставалось, как самым срочным образом отправиться подальше от столицы.

Монгольские глаза Корнилова сверкнули:

– И вы об этом знали?

Капитан Нежинцев замялся. Он не умел и не привык на-ушничать. В конце концов он ответил арабской пословицей: «Не спрашивай, и тебе не будут лгать!»

В тот вечер между ними пробежала кошка. Корнилов закончил разговор распоряжением наутро приготовить сводку о германских резервах на их участке фронта. Нежинцев ушел с невысказанной мыслью о формировании особенных частей из добровольцев – ударных батальонов. В голову ему запал рассказ о девушках-ударницах под командой лихой Георгиевской каба-лерши Бочкаревой. Подумать только: отбить у противника целую батарею! Вот так институтки... Такие подвиги записываются на скрижалях любых войн, и записываются навечно!

Мысль о формировании ударных батальонов капитан

Нежинцев осуществил позднее. Из этих батальонов добровольцев был сколочен особый полк, названный Корниловским. Первым его командиром стал Нежинцев.

Через два дня, 18 июня, на русском фронте началось большое наступление.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Сам артиллерист, Лавр Георгиевич Корнилов не пожалел трудов и обеспечил своим войскам мощную артподготовку. Юго-Западный фронт всю войну считался самым боевым. Он перенес на своих плечах все капризы небывалой бойни. Задумывая новое наступление, штаб фронта заваливал Петроград отчаянными телеграммами, требуя снабдить войска достаточным количеством снарядов. Столичные канцелярии лезли из кожи. Железные дороги в прифронтной полосе не справлялись с перевозками.

В качестве усиления боевой мощи на фронт прислали более десятка новеньких аэропланов.

Огонь русской артиллерии был необычайно плотен. Германские укрепления подверглись продолжительной «обработке» на большую глубину. Первая линия обороны была попросту перепахана. Русская пехота, пожалуй, впервые за войну не проламывала вражеские укрепления собственной кровью.

С утра он побывал в штабе 12-го корпуса и выехал на наблюдательный пункт дивизии в сопровождении генерала Черемисина.

Самое трудное – выход пехоты из окопов. Здесь все зависит от унтер-офицеров. Лавр Георгиевич не отрывал глаз от бинокля. В утреннем небе распушилось белое облачко шрап-

нели, затем с опозданием долетел глухой звук выстрела и протяжное завывание снаряда. Знак атаки! Сердце непроизвольно дрогнуло. Поднимутся ли? Дружно ли? И вот обширное поле ожило и начало как бы морщиться, выбрасывая из своих недр целые линии вооруженных людей. Серые фигурки устремились на обреченную деревню с красными черепичными крышами. Прошла всего минута, а, куда ни глянь, всюду скопища перебегающих солдат, кто-то вдруг падает и замирает, но остальные бегут, бегут. Донеслось отдаленное, но слитное и дружное «...р-ра-а!».

Первый день принес большой успех. Части 12-го корпуса взломали укрепления противника и развили прорыв на 50 километров по фронту и на 30 километров в глубину. Русские войска заняли города Калиш и Галич.

Наступать солдату радостно всегда. Продвижение по вражеской земле слабруется еще и ощущением победы, гордостью илюбопытством. Пехотинцы листали немецкие книжки, многие посылали домой открытки с изображением Вильгельма с его заносчивыми усами.

В двухэтажном кирпичном доме, наверху, распахнуто широкое окно. Проходящие солдаты видят надменного господина с сигарой. Поза, усы, брови, седая грива выдают предельное негодование хозяина. Он не смотрит на дорогу и часто салютует густыми клубами дыма из-под усов.

Бредущие солдаты без вражды поглядывают на негодующего господина.

– Мужик, видать, серьезный. Как бы не ихний генерал.

– Аи вредный, надо быть, когда ругается!

Хаджиев со своими конвойцами присмотрели для «улы-боя-ра» полуразбитую усадьбу с конюшнями, сыроварней и пасекой. В коровнике на привязи стояли дородные медлительные коровы. Офицеры штаба заняли второй этаж. Конвой текинцев поместился внизу и во дворе.

Русские войска возвращались туда, откуда вынуждены были отступить три года назад. Снова вдоль дорог тянулись польские сосновые леса: прямые аллеи, зеленый тихий сумрак. Иногда в конце просеки виднелся католический крест костела. Долгое позиционное сидение успокоило лесных животных. Прямо на солдат иногда выскакивали из чащи изящные косули. Ночью было слышно, как ломится через кусты кабан.

Русские солдаты умилялись крошечным часовенкам на развилке польских дорог. Деревянный крест, горит лампадка. Древняя старуха в наброшенном платке слезливо качает головой: «Ой, матка Бозка!» На привалах робко подходили женщины с измученными лицами страдалиц. Они протягивали пригоршни сморщенных яблок:

– Пан солдат, возьми. То есть добже, цукерно...

Приказ на наступление отдавался один, однако исполнение его оказалось разным. Юго-Западный фронт дернулся дружно, окутался дымом разрывов, повсюду прогремело раскатистое русское «ура», но противник стал пятиться

лишь на участке 8-й армии.

Из рыхлой массы войск, подобно штыку, вылезли и вонзились в германскую оборону дивизии 12-го корпуса. Текинский полк действовал на самом острие прорыва.

К сожалению, соседи 8-й армии, слева и справа, затоптались на месте.

Подвели и подлецы союзники. Подбив русскую армию на большое наступление, союзное командование ограничилось лишь небольшими вылазками – для отвода глаз. Впрочем, предчувствие беды коснулось лишь командования фронтовых частей. Все остальные, особенно те, что наверху, упивались первыми победами.

Взятие двух городов, Калиша и Галича, было событием радостным и долгожданным. В Калиш первым ворвался Текинский полк. Военный министр, считавший необходимым свое присутствие на фронте в такие дни, послал ликующую телеграмму князю Львову, главе Временного правительства. Он поздравлял первое революционное правительство России с первой победой революционных войск. Телеграмму министра напечатали все без исключения газеты. Керенский потребовал наград для отличившихся. Царские награды негодились, их отменили. Что же придумать взамен? И Керенский придумал: знамена, красные знамена. По его телеграмме с фронта князь Львов предложил столичным драпировщикам срочно изготовить необходимые знамена. Первые революционные награды доставили в штаб 8-й армии.

Однако стало не до награждений: положение на фронте резко изменилось.

Устремившись в прорыв, 8-я армия надеялась на столь же быстрое продвижение соседей – 6-й и 11-й армий. К исходу третьего дня боев генерал Лукомский, начальник штаба, с беспокойством доложил Корнилову об опасности с обоих флангов. Соседи отставали. Больше того, они не трогались с мест.

Сразу вспомнилась осень первого военного года. Русские войска со свежими силами уверенно полезли на Карпаты. Впереди их ожидала обширная Венгерская равнина. Между тем генерал Брусилов не спешил покидать горные теснины – осторожничал. И пересидел, упустил момент. С началом теплых дней немецкий генерал Макензен обрушил на русские войска удар чудовищной силы.

О причине преступного топтания соседей сейчас генерал Лукомский докладывал с недоуменным подниманием плеч: там митингуют. Вместо наступления солдаты до хрипоты орут, что приказ Верховного главнокомандующего не соответствует «революционному моменту». В нескольких местах произошло братание русских солдат с немецкими. Корнилов послал две бешеные телеграммы – в Ставку и военному министру. Он потребовал разгонять митинги пулеметным огнем, а зачинщиков расстреливать или даже вешать. В ответ генерал Брусилов отдал приказ в своей обычной, увилистой, манере: он пригрозил нарушителям фронтовой дисципли-

ны лишением гражданских прав (неучастием во всеобщих выборах). Взбешенный, Корнилов распорядился приостановить продвижение передовых соединений. Армии грозило окружение, котел.

Четкий план наступления сломался, лишился силы и прорыва, словно потерял свою пружинную сердцевину. Немецкое командование показало бы себя круглыми дураками, не воспользуйся оно счастливою возможностью. Дураками себя немцы не показали. Они были прекрасно осведомлены о митинговой вакханалии на русской стороне. 6 июля последовал мощный удар в самый стык азартно митингующих армий. Русскими войсками овладела паника. Началось беспорядочное бегство. Русский фронт стал стремительно разваливаться.

Это был знаменитый Тарнопольский прорыв немецких войск, вошедший во все военные учебники.

Генерал Черемисин доносил, что он вынужден оставить город Галич. Корнилов разрешил. Рушились результаты так успешно начатых боев. Город Калиш еще держался. Лавр Георгиевич знал, что Текинский полк не тронется без приказа. Отважные и гордые туркмены скорее сложат свои головы, но не побегут перед врагом. Он приказал подать себе коня и вместе с эскадронам конвоя направился в Калиш.

Картина воинского бегства производила удручающее впечатление. Невыносимо было видеть солдат с хозяйственно подоткнутыми полами шинелей – для широты шага. Кто под-

пирался винтовкой, словно костылем, кто повесил на штык узелок со скудным окопным скарбом. На красочных текинцев в малиновых халатах солдаты поглядывали с изумлением и страхом.

Военный разгром и бегство превратили железный организм армии в хаотическое скопление отчаявшихся людских натур. Как следствие, начались грабежи и насилия над мирным населением. Эту опасную гангрену, антонов огонь, следовало истреблять железной рукой. Невзирая на гуманное брусиловское распоряжение, Корнилов издал свой приказ: «Всякий, пойманный на мародерстве, будет повешен как собака. Ни одна жалоба не останется без последствий, ни одно насилие без наказания. Русские не воюют ни с бабами, ни с ранеными!»

В местечке перед самым Калишем Корнилова с конвоем встретили два офицера. Они сообщили, что начальник дивизии граф Келлер застрелился. Старый генерал, он был сподвижником славного Скобелева. Весной 1917 года Келлер, командовавший корпусом, наотрез отказался приносить присягу Временному правительству. Его понизили до начальника дивизии. Теперь он, на закате жизни, пустил пулю в висок. Сердце старого воина не вынесло позорной картины военного хаоса.

Лавр Георгиевич отказался заехать в штаб дивизии. Он передал офицерам набросанный в седле приказ: «Вы опозорили наше знамя. Я не считаю вас своими. Я не хочу здоро-

ваться с вами!»

Перед Калишем дорога опустела. Плелись лишь редкие фигуры беженцев с тележками. Это был грозный признак. Выходило, что в городе не оставалось ни одного солдата. Удерживать позиции продолжал один Текинский полк. На окраине Калиша конвойцы завидели своих. Хаджиев пустил коня вскачь. Когда Корнилов подъехал, он увидел двух солдат в истерзанных гимнастерках. У обоих лица исполосованы нагайками. Хаджиев пояснил, что это грабители. Он указал на двух жмущихся евреев с разбитыми в кровь ртами. Солдаты поймали евреев и принялись тесаками выбивать у них золотые зубы. Конвойцы не выдержали и взяли мародеров в плети.

Солдаты поглядывали на маленького, взъерошенного генерала с затаенным ожиданием. Подумаешь, каких-то два жидка! Веки Корнилова набрякли так, что не стало видно глаз.

– Повесить! – глухо распорядился он и тронул коня. Полковник Кюгельген встретил командующего рапортом. Он не показывал и виду, что враг совсем близко. Лавр Георгиевич с гордостью оглядел молодеватый строй джигитов на беспокойно переступающих конях.

Сорвав с головы фуражку, Корнилов низко поклонился строю.

– Спасибо, братцы! – хрипло крикнул он. – Вы высоко подняли честь русского солдата. Вы доказали, что мирному

насе лению мы не враги, а друзья, что мы защита каждому, кто не идет на нас с оружием в руках. Спасибо вам, страшным в бою и добрым на отдыхе!

Кюгельген доложил, что на западной окраине Калиша на разбитых позициях стоит 2-й эскадрон. Туда, к штаб-ротмистру На-танзону, по распоряжению Хаджиева поскакал молчаливый и сосредоточенный Шах-Кулы.

Час спустя город Калиш покинул последний русский солдат.

Разгром русской армии застал Керенского на фронте. Он направлялся в штаб 8-й армии для поздравлений и вручения первых революционных знамен, когда узнал о неожиданном и страшном прорыве под Тарнополем. В течение нескольких часов картина сражения решительно переменилась. Вокруг военного министра постоянно слышалось об отступлении 11-й армии и об опасности вследствие этого правому флангу 8-й. К вечеру немцы стали охватывать левый фланг 6-й армии, пытавшейся удержать свои позиции.

Это были суждения профессионалов, и Керенский чувствовал себя неудобно. Он ничем не мог помочь генералам. Пламенных речей никто не захотел бы слушать. А ничего другого он не умел. Он сообразил оставить передовую, чтобы не мешаться под ногами. Генералам сейчас не следовало соваться под руку. Положение день ото дня складывалось аховое: на глазах гибли целые соединения.

Картины паники внушали ужас. Железные зубья немец-

ких корпусов мстительно рвали остатки русской обороны. Глаза военного министра видели поля, покрытые солдатскими телами в безобразных позах. Здесь пытались задержать противника части, верные своему долгу. Внезапно Керенский увидел фигуру солдата, болтавшегося в петле. На одной ноге повешенного не было сапога: кто-то успел стащить. «Мародер», – прочитал министр на дощечке, висевшей на груди казненного. Он содрогнулся. Война являла ему еще один свирепый лик. Затем повешенные стали попадаться чаще. Керенский попал в полосу отступления 8-й армии. Безжалостно расправляясь с мародерами и грабителями, генерал Корнилов прибег к самым крайним мерам устрашения. Он из последних сил удерживал армию в рамках необходимой дисциплины, не позволяя людям в шинелях и с винтовками в руках окончательно превратиться в орды настоящих разбойников.

С частями 8-й армии от немцев уходили обозы местных жителей. Вместе с солдатами они отступали в глубь России.

В Молодечно, в штабе корпуса, Керенский увидел необыкновенно пестрых всадников в малиновых халатах и громадных белых папахах. Сбоку болтались кривые сабли. Всадники были смуглы, с тонкими коричневыми лицами, глаза их излучали неприветливость. Керенский догадался, что это знаменитый корниловский конвой. О бесстрашных и безжалостных азиатах с кривыми шашками по тылам бегущих русских войск рассказывали легенды. Эскадрона те-

кинцев во главе с маленьким генералом боялись как чумы.

Керенский смутно помнил Корнилова по Петрограду. Тогда он, министр юстиции в новом правительстве, был весьма далек от военных дел. Теперь иное дело. Как министр, он решил не упускать инициативы. Вчерашним вечером он распеку Брусилова с таким старорежимным сладострастием, что до сих пор находился под впечатлением своего всевластия. Брусилов что-то лепетал о вредном влиянии на дисциплину выборных комитетов. И это Верховный главнокомандующий! Царские генералы, как посмотришь... чему их учили, на что они годны?

Верный своей вихревой манере, он ворвался в кабинет, выставив правое плечо. Серебряные шпоры фиксировали каждый шаг. Министр ступал крепко, твердо, улавливая сладостный звон. Сверкая глазами, он бросил на стол перед Корниловым смятый лист газеты:

– Генерал, вам известно, чем пичкают ваших солдат агитаторы противника? Вот, полюбуйтесь... Читайте, читайте, я подожду.

Газета называлась «Товарищ». Ее печатали немцы специально для распространения на фронте среди русских солдат. Корнилов уже приказал безжалостно хватать распространителей этой заразы. Армейский комитет послал об этом донесение в Петроград, в военное министерство.

Краем глаза Лавр Георгиевич глянул на помятую газету. Что там? Небольшая статейка называлась «Россия и наступ-

ление». Ну и что? Немцы на самом деле наступают. Ничего нового. – Нет, нет, ваше превосходительство, вы гляньте на дату, на дату! – кипятился Керенский.

Отчаявшись что-либо понять, Корнилов тяжело задышал. Все эти дни держаться приходилось из последних сил.

Удручающую картину разгрома он видел собственными глазами. Капитан Нежинцев рассказал ему о том, как пережили поражение его друзья-летчики. Отважный Евграф Крутень гонялся за немецким аэропланом до тех пор, пока не кончилось горючее. Сбив врага, он не смог дотянуть до родного аэродрома и разбился при вынужденной посадке... Бывший улан Алексей Казаков, узнав, что сдан Калиш, не вынес позора и перевел свою машину в смертельное пике. Подобно орлу, он сложил крылья и разбился о землю. Так он ответил на великое унижение от паники, охватившей весь русский фронт... Виктор Покровский в последнем бою получил рану. Он сумел посадить аэроплан, вышел из кабины и заявил, что так воевать больше не намерен. После чего снял черную куртку летчика и натянул черкеску. Вместо госпиталя капитан Покровский уехал на родную Кубань.

Корнилов продолжал молчать.

Керенский вышел из себя:

– Генерал, а вы имеете последние сведения из Петрограда? Нет? Очень жаль. А я имею. Там, позвольте доложить вам, насто ящая измена. Да-с, классический удар с тыла, в спину... в спину-с! Там на улицах стрельба, настоящая вой-

на...

– Прошу вас садиться, – проговорил Корнилов.

Он выглядел изможденным, лицо словно обуглено. Мундир без всяких признаков чина и заслуг. В дверях картинно застыл молодцеватый азиат в тонко перехваченном халате и курчавой папахе.

Последние события в Петрограде изумили генерала. Он еще ничего не знал. Внезапно с раннего утра на улицы столицы вышли сотни тысяч рабочих с красными знаменами. Появились солдатские колонны с оркестрами. Лозунги требовали отставки Временного правительства. Народу прибывало с каждым часом. Людское море двинулось в центр города, закупорило мосты через Неву... Примерно так же начинался далекий и кровавый декабрь 1905 года.

– Совет? – спросил Корнилов.

– Большевики! – В хриплом голосе министра прозвучало застарелое озлобление.

Возбуждение Керенского, с каким влетел он в кабинет, объяснилось: удар большевиков в Петрограде удивительным образом совпал с Тарнопольским прорывом на фронте. Оба события словно руководились из одного центра. Министр снова схватил измятую газету. Там тема наступления подавалась именно в таком совместном смысле. Серые, невыразительные губы Керенского ядовито покривились.

Он сидел, безобразно развалив колени, возил шпорами по ковру. Подробности неожиданного выступления большеви-

ков он словно смаковал.

К середине дня 3 июля со стороны взморья показалась вереница военных судов. Толпа на Троицком мосту издала восторженный рев: на мачте головного корабля реял красный флаг. Рабочим и солдатам шло подкрепление из Кронштадта. Суда стали швартоваться у Николаевской набережной. Веселые матросы в бескозырках, в клешах, вооруженные винтовками со штыками, прыгали через борт. Их было около 20 тысяч.

Вокруг дворца Кшесинской колыхалось половодье картузов, папах, бескозырок. Грозно сверкали штыки. Оркестры гремели не переставая.

В казармах Волынского полка сыграли тревогу. Солдаты быстро разобрали винтовки и построились. Волынцы вышли на проспект и присоединились к митингующим. Следом за ними разобрали оружие солдаты Московского гренадерского, Павловского, 180-го и 1-го запасного полков, 6-го саперного батальона.

Глава Временного правительства князь Львов беспомощно теребил бородку и мигал белесыми, растерянными глазками.

Пока правительство собиралось с духом, положение попытались спасти казачьи части. В конном строю они атаковали разудало двигавшихся по Невскому матросов. Произошла кровавая стычка. Перепуганный питерский обыватель вдруг услышал залиvistое стрекотание пулемета. Казаки гнали пе-

ретрусивших матросов до самого Зимнего дворца, однако на Дворцовой площади сами попали под пулеметный огонь. По улицам заметались лошади без всадников, со сбитыми седлами.

Убитых подобрали около шести десятков. Несколько сотен было ранено.

Как ни странно, восстание прекратил начавшийся вечером ливень. Толпы на улицах размыло в одночасье. Город опустел, затих, затаился. Правительство приободрилось и приказало развести мосты. На охрану иностранных представительств были посланы хорошо вооруженные караулы.

Керенский, рассказывая, негодовал. Он с фронта бомбардировал князя Львова телеграммами самого решительного свойства. Этот бунт, этот подлый удар в спину следовало подавить с показательной суровостью. Довольно миндальничать! Революция обязана защитить себя сильной и безжалостной рукой! В эту минуту он вспомнил висевших на придорожных столбах мародеров в солдатских шинелях. Генерал с маленькими аристократическими руками должен его понять и поддержать. В данную минуту они обанастроены одинаково. Только в отличие от него Корнилов уже продемонстрировал свою решительность. Он подает пример безвольному правительству... Керенский объявил, что прямо отсюда, из Молодечно, отправляется в Петроград. Долг требует, чтобы он в такой момент находился в столице.

– Генерал, мы с вами стали свидетелями настоящего кри-

зиса власти. Безумцы ищут выхода через правую дверь. Наш с вами долг сорвать их планы. Как министр, я одобряю вашу твердость. Позвольте же мне заверить правительство, что русская армия находится в надежных руках!

«Как они много говорят! – утомленно думал Корнилов. – Для правильного управления необходимо умолкать и прислушиваться, давать возможность высказаться другим. Нет, не умеют! Слушают только себя. Глухари!.. Завтра он вернется в Петроград и – снова сверху, как гром из тучи, посыпятся приказы, один нелепее другого...»

– Генерал, – не унимался Керенский, – когда вы посылаете своих отважных героев в бой...

– Виноват, – перебил Корнилов, – я их не посылаю. Я их веду.

Министр встряхнул мясистыми щеками. Ежик на его длинной лошадиной голове наклонился угрожающе. Он не выносил, чтобы его поправляли. Он поднялся и принял величественную позу, с рукой за борт френча.

– Генерал, я уезжаю. Готов выслушать ваши претензии. Лавр Георгиевич высказал пожелание, чтобы выборные комитеты не совались в сугубо военные вопросы, не вязали ему руки.

– Этот вопрос мною продуман, генерал. Комитеты, столь вами нелюбимые, станут не только не мешать, но и помогать. Необхо димые указания получил комиссар Савинков. Вам необходимо поддерживать с ним постоянную связь. В

его лице вы найдете вдохновенного помощника.

Корнилов вспомнил о генерале Крымове, томящемся в бездействии. Имело смысл 3-й Конный корпус загодя и по возможности незаметно передислоцировать поближе к Петрограду. Надежные дивизии, нераспропагандированные, неразложившиеся, как части столичного гарнизона, могут потребоваться каждую минуту...

– Ой, нет! – живо возразил министр. – Там же командует этот ужасный Крымов. Нет, нет, любой, но только не он!

Искренний испуг министра обескуражил Корнилова. Вроде бы речь шла о решительности, о надежных людях... Тем временем Керенский картинно отсалютовал рукой в перчатке и, позванивая, зашагал к двери. Фронт он оставлял, его ждала столица.

Глядя ему в тощую селедочную спину, на пузырящиеся галифе, на эти нелепые желтые голенища и малиново звенящие шпоры, Лавр Георгиевич невольно вспомнил старинную степную по-говорку: «Когда караван поворачивает назад, хромой верблюд оказывается впереди...»

Временное правительство наконец-то дождалось Керенского с фронта. Он явился как бы пропахший пороховую гарью, его оттопыренные уши слышали гул орудийных взрывов и свист осколков. С чувством превосходства он набросился на министров с бранью и упреками. Министры смущенно помалкивали. Князь Львов неожиданно попросился в отставку. Его никто не уговаривал остаться. Князь на дру-

гой же день отправился в Оптину пустынь – замаливать грехи. Премьер-министром Временного правительства стал Керенский. Исполком Петроградского Совета немедленно объявил о своей полнейшей поддержке правительства. Затянувшееся двоевластие в России закончилось.

Командующий войсками столичного военного округа генерал Половцев приказал занять дворец Кшесинской. Никакого сопротивления большевики не оказали. Этим же вечером удалось арестовать Троцкого. Его отволокли в «Кресты», в знаменитую царскую тюрьму. После полуночи, не теряя времени, кинулись на квартиру Ленина. Квартира оказалась пустой, причем было видно, что жилец сбежал в последнюю минуту. Юнкера, понемногу приходя в ярость, разгромили типографию «Правды».

На следующий день с утра был отдан приказ о розыске и немедленном аресте Ленина. Ордер на арест подписал товарищ прокурора, числящийся в партии меньшевиков, А.Я. Вышинский.

Ленина так и не обнаружили. Вместе с ним исчез Зиновьев.

Мальчишки-газетчики, носившиеся по Невскому с кипами «Биржевых ведомостей», орали во все горло:

– Немецкий шпионаж!.. Тайна немецкого вагона!..

Петроградский обыватель, развернув газетный лист, ошеломленно утыкался в пространную статью под названием: «Дело Ленина, Суменсон, Ганецкого, Козловского и др.»

Поздней ночью под проливным дождем в тылах 16-й армии был задержан неизвестный, пробиравшийся с германской стороны. Он назвался прапорщиком Ермоленко. Промокшего до нитки, его доставили в штаб. На допросе он держался загадочно. Сообщил лишь, что, будучи в плену, дал обязательство работать на немецкий генеральный штаб. Ему «устроили» побег из лагеря военнопленных и помогли достичь линии фронта. Больше он ничего рассказывать не стал и потребовал, чтобы его срочно доставили в Петроград. Основные сведения он сообщит лицам, облаченным высшей властью. Так началось знаменитое дело о запломбированном вагоне и немецком золоте большевиков.

Столичные газеты яростно набросились на «горячий» материал. Смаковалась, обсасывалась каждая подробность обнаруженного заговора. Журналисты осаждали следователей, заставляли их проговариваться. Дело о немецком золоте, об ударе в спину революции принимало грандиозный масштаб.

Газетные сенсации целиком зависят от искусства репортеров. В этом отношении впереди всех оказались «Биржевые ведомости». Это на ее страницах (прежде, чем в других изданиях) появилась знаменитая статья о немецком золоте и загадочном вагоне. Это тайны, о которых так голосисто орали на улицах мальчишки с кипами газет.

Что и говорить, «Биржевка» ахнула по большевикам рядом самого, пожалуй, крупного калибра. Вывернула самое тайное, самое постыдное, самое гибельное. Германский ге-

неральный штаб, вагон и, само собою, всемогущее победительное золото: деньги, деньги, деньги. Без денег никакая революция просто немыслима. Однако, едва на арене появляются деньги, возникает ощутимая угроза неминуемых разоблачений: ведь их требуется передавать из рук дающих в руки берущие, причем делать это необходимо тайно, совершенно незаметно. Вот тут-то и случаются проколы. Прокололись и большевики. «Биржевка» назвала целую цепочку, по которой деньги из Берлина попадали в Петроград, в особняк Кшесинской: Парвус, Ганецкий, Платтен, Радек, Зиновьев, Козловский, Суменсон. (Лишний раз подтвердилось, что сыскное дело в России по традиции стояло на недостижимой высоте.)

О неудаче с арестом Ленина уже говорилось: кем-то предупрежденный, он успел выскочить из дому буквально за несколько минут до ночного налета агентов. Все же кое-какая «дичь» в руки полиции попала. В частности, были той же ночью арестованы Козловский и г-жа Суменсон. Запираться они не стали и на первом же допросе принялись выкладывать всю подноготную. В одном из петроградских банков на счету Козловского лежало 20 миллионов рублей. Он их еще не трогал. Г-жа Суменсон, наоборот, тревожила свой банковский счет беспрестанно. За шесть месяцев нынешнего года она истратила уже 750 тысяч рублей.

Газетные разоблачения день ото дня ширились и углублялись. Мелькнула фамилия Иосифа Уншлихта: он якобы из

рук в руки принял деньги от небезызвестного Парвуса. А еще месяц назад русская контрразведка засекала того же Парвуса на связи с самим Лениным. Правда, Ленин действовал не сам, а через своего приближенного Ю. Ларина (будущего тестя Бухарина).

Бросалась в глаза вкрадчивая осторожность Ленина в политических процессах – сказывался опыт дипломированного юриста. Прямых улик для обвинения он не оставил ни одной. И все же полицейские агенты были поставлены на ноги. Вместе с Лениным исчез и его многолетний подручный Апфельбаум (он же Радомысльский, Зиновьев). Опасались, что они успели улизнуть в Финляндию.

Газеты в обвинениях не церемонились. В те дни слово «большевик» стало синонимом слова «негодяй».

Прочитывая ежедневные газеты, Борис Викторович Савинков вздымал брови. Признаться, кое в чем он был осведомлен куда как основательней. В свое время «Боевая организация» не жалела сил и средств на добывание секретных сведений. Да и дорожки с большевиками время от времени пересекались. Кому, например, не было известно, что Карл Радек (он же Суменсон), карлик с отвратительной физиономией орангутанга, завербован разведкой Австро-Венгрии еще в 1904 году. Стаж, таким образом, уже весьма приличный... Полиция Германии довольно близко знакома с Саррой Равич, одной из жен Зиновьева. Ее арестовали (кажется, в Гамбурге) в 1907 году, когда она разменивала в магазине

ассигнацию в 500 рублей. У кассира имелись номера банкнот, похищенных налетчиками во время дерзкого и кровавого «экса» в Тифлисе (орудовала хорошо вооруженная шайка во главе с Камо и Джугашвили)... А взять «швейцарскую почку»! До Платтена у большевиков орудовал некий Роберт Гримм, швейцарский социал-демократ, тоже хорошо известный русской военной контрразведке (арестовывался в свое время в Петрограде и был выслан). Когда перед Лениным встал вопрос о возвращении в Россию, вместо Гримма появился Платтен...

Опыт столкновений с провокаторами давал Савинкову основания полагать, что даже в «ленинском» вагоне (вместе с Лениным и Зиновьевым) прибыло в Россию несколько большевиков с двойным дном. Кое в кого он мог с уверенностью ткнуть пальцем: Чернов, Натансон, Камков, Диккер, Зайонц, Шеншелевич, Це-вин. Не сомневался он в секретной миссии и Анжелики Барабано-вой, ибо она приходилась женой Роберту Гримму, оставшемуся в Швейцарии. А что говорить о Нахамкесе (Стеклове), если он в Петроград отправился прямо из немецкой тюрьмы? Или о Христиане Раковском, «командированном» в революцию из тюрьмы румынской?

В одной из газет мелькнуло коротенькое сообщение, что «ленинский» вагон, следуя через Германию, остановился на берлинском вокзале. По предварительной договоренности пассажирам секретного вагона не разрешалось даже к окнам подходить. Однако Карлу Радеку разрешили не только вы-

глянуть в окошко, но и выйти из вагона – якобы за газетами в киоск. Пока он рассчитывался за газеты, к нему подошел какой-то человек, и они торопливо, немногословно переговаривали. О чем бы? Интересно... Газетная шумиха о «немецком золоте» на какое-то время затмила интерес к работе комиссии, расследующей преступления самодержавного режима. Царскую семью спрятали в Сибирь, за Урал, царские министры томились в казематах Петропавловской крепости и дрожали за свою судьбу. Комиссия заседала в Зимнем дворце. На незначительной канцелярской должности в ней подвизался Александр Блок. Тем необыкновенно бурным летом поэт ежедневно раздумчиво и медленно брел к себе домой на Пряжку и часто останавливался, запрокинув к небу бледное лицо. Улицы были пусты, безмолвствовали спящие деревья, тонкий сумрак поздней ночи как бы смазывал контуры дворцов. Стояли много раз воспетые белые ночи – природа не подчинялась революциям и войнам.

Что привело великого поэта к черновой писарской работе в этой полицейской следственной комиссии?

Прикосновение к тайне!

Такого катаклизма, что свалился на Россию, мир еще не знал. И члены комиссии первыми из всех получили доступ к самому секретному, самому сокровенному, что подточило и свалило, разбив вдребезги, вековечную махину русского самодержавия.

Неумелые оправдания царских министров выглядели

жалко и беспомощно. Иное дело – генералы из охраны. За Комиссией числились Белецкий, Джунковский и Курлов. Эти держались замкнуто и с достоинством. Во всем их поведении сквозило великое служебное недоумение. С какой стати они вдруг угодили под караул? Место их совсем не здесь, и они держали себя так, словно и теперь исполняли свои нелегкие обязанности и терпеливо выжидали, когда наконец их делом, их судьбой займутся те, кто судит не с наскоку, не поверхностно, не по-школярски, – одним словом, те, кто посвящен.

В этом различии отчаявшихся, перепуганных министров и сохраняющих достоинство генералов поэтом прозревались смутные догадки, некий ключ к постижению всего происходящего на его глазах.

Кто знает, не эти ли обжигающие чувства продиктовали ему самые пронзительные строки из «Двенадцати», первого гимна пробудившейся народной ненависти, принявшей в истреблении бар и господ воистину разинский размах!

Капитан Нежинцев мучительно переживал недавний разлад с командующим армией. В характере генерала сказывался человек кондовой русской культуры, не позволявший сваливать свои беды на кого-то постороннего. Тем более что виновниками выставлялись какие-то жалкие жестянщики и жилеточки, копошившиеся, словно муравьи, в своих грязных и смрадных местечках в черте российской оседлости. Проходя в свое время службу в Варшавском военном окру-

ге, Корнилов достаточно нагляделся на убогий быт этого беднейшего людского скопища... Смешно сравнивать: эти воюющие и беспросветные муравейники и блеск великой империи во всем ее многовековом великолепии и славе. Воистину Слон и Моська... даже меньше Моськи – комар. А между тем...

Ну как им всем внушить, втолковать, открыть глаза? Слепые поводыри слепых, не в количестве дело, а, если хотите, в качестве! Разве ложка дегтя не портит бочку меда? Не числом они воюют, а умением. Истинно по-суворовски! И как ошибочно, как пагубно смотреть на них с военной точки зрения (как это делают Корнилов и другие генералы): сколько же, в конце концов, у них дивизий, корпусов и армий?

Другая тактика совсем, иные методы войны!

Полюбив Корнилова, уверовав в его стальную волю (особенно в невыносимо тяжкие дни Тарнопольского прорыва), капитан Нежинцев болезненно представлял, как одинок сейчас командующий. Загадочное и неожиданное исчезновение Завойко, человека, к которому тот привык и привязался, оставило генерала в безысходном окружении чужих и зачастую чуждых. Завойко... Бедный генерал! При таком-то уме и вдруг такая близорукость! Куда подевалось главное качество офицера Генерального штаба с немалым опытом заграничной работы – умение анализировать? Убито воловьей фронтовой работой?

Корниловское одиночество конечно же скрашивалось

преданностью отважных и бесхитростных текинцев. Хаджиев – верный человек. Однако даже с ним не поговоришь, не поделишься тем, чего он не поймет своей простой и невзыскательной душою жителя пустыни.

В руки Нежинцева попал номер газеты «Вечернее время» двухнедельной давности – почта с каждым днем работала все хуже. Внимание капитана привлекла статья «Перед решением». Он прочитал и даже щелкнул пальцами: «Ну вот, наконец-то!» Свернул газетный лист таким образом, чтобы статья невольно бросилась в глаза. Хаджиеву он предложил положить газету командующему на стол поверх бумаг. Придет, усядется и как возьмет в руки, так и не оторвется. Великолепная статья! Нежинцев не сомневался, что все прочитанное прольется маслом на издерганную душу генерала. Сейчас это ему прямо-таки необходимо!

«Власти нет, – читал Лавр Георгиевич. – Ее не было уже давно, и представлявшее ее правительство являлось только фикцией. Все таранили Россию, все волокли ее к пропасти, все говорили о ее гибели и все ждали не то чуда, не то ее мирной кончины... Народ раздели донага, лишили его религии, семьи, государства, заплевали его душу, создали невероятный сумбур в его голове... Возвращаются Циммервальды и Кинтали под охрану германского генерального штаба. Цель переворота и долгожданной революции осталась где-то далеко-далеко забыта, давно улетучилась. Ее заслонили социалистические опыты самозванных комитетов, погромной

толпы, сбитых с пути рабочих, потерявших себя крестьян.

Достояние нации, сельское хозяйство, промышленность, торговля, труд и капитал – все покатило в тартарары. Богатая Россия стала нищей. Ее житницы пусты, ее фабрики накануне краха, ее железные дороги замирают, ее народ начинает голодать. Страной правят теоретики социализма, а за их спиной стоят сознательные разрушители государства. Понятия спутаны, карты подтасованы. Предателей и шпионов называют друзьями народа, вождями демократии и спасителями революции. А тех, кто не продался и не потерял совести, в ком осталась любовь к своему народу и измученной стране, – тех требуют к ответу, выставляют врагами родины и свободы...»

Как попал газетный лист к нему на стол, гадать не приходилось. Честный Хаджиев лишь на секунду опустил глаза и тотчас вскинул:

– Нежин... Капитан... – Помолчав, прибавил: – Он тебя любит, буюр-ага!

– Позови.

Явившись, Нежинцев производил впечатление перетянутой струны. Лавр Георгиевич извелся, не зная, как сломать лед чиновной отчужденности. Он догадывался об обиде молодого офицера. В прошлый раз... да, неловко получилось... невежливо, неблагодарно... Капитан стал отгаивать, когда Корнилов, терзая свою непородистую жидкую бородку, принялся расспрашивать о последних столичных но-

востях. Скандал с немецким золотом заполоыхал таким ко-
стром, словно в огонь плескали ведрами керосин.

На заседании Петроградского Совета председатель Цере-
тели произнес громовую речь о переходе большевиков к от-
крытой вооруженной борьбе с легитимным российским пра-
вительством. Битком набитый зал поднялся на ноги и заре-
вел, потрясая кулаками. На трибуну выскочил Федор Дан и
потребовал исключительного закона против гнусных узурпа-
торов. Ему устроили овацию, нескончаемую, бурную. Кри-
ки нарастали. С каким-то офицериком случилась настоящая
истерика. Из руки у него вырвали пистолет, тогда он упал в
кресло и завизжал, засучил ногами в сапогах...

Капитан Нежинцев, изучая столичные газеты, по своему
обыкновению, легко отделял все второстепенное, наносное,
порою даже искусственное, преднамеренное. Фигура пра-
порщика Ермоленко выглядела, на его взгляд, совершенно
нелепо. Завербовать его могли, скорее всего так и сделали.
Но этот перебежчик обрушил на допросчиков лавину самых
невероятных сведений, словно в расчете на газетные сенса-
ции. День ото дня все хлеще, все невероятнее! На обывателя
это, безусловно, действует. Но на профессионалов-то?! Ка-
кой, спрашивается, дурак пошлет рядового, с маху завербо-
ванного агента с такими архисекретнейшими сведениями?
Неужели у немцев или австрийцев начисто исчезла в Пет-
рограде проверенная агентура? Она имелась. И связь с ней
ни на день не прекращалась. Так зачем же вдруг понадоби-

лось посылать такого олуха, как этот прапорщик? Нежинцев считал, что дичайшие показания Ермоленко – намеренно грубая работа. Обычно немецкая разведка действует куда умнее, тоньше. В этом он убеждался много раз. Да иначе и быть не может! Искусство шпионажа совершенствуется постоянно. Таких недотеп, как Ермоленко, что называется, подбрасывают. Видимо, кому-то срочным образом понадобилось обратить внимание на большевиков. Вот и послали этого незадачливого прапорщика, как бы заранее кидая его на безжалостное растерзание неприхотливым питерским газетчикам, чрезвычайно падким на сенсации: пускай потрошат!

– Но аресты... – заметил Корнилов и потряс газетой.

Лицо Нежинцева осветилось. Насчет арестов он выразился так: все-таки в русской контрразведке люди хлеб не зря едят. Взяв под контроль поток телеграмм из Стокгольма, удалось выйти на Евгению Суменсон. Деньги ей поступали из Стокгольма, через Ниа-банк, от известного большевистского функционера Га-нецкого (Фюрстенберга). Он приходился ей отдаленным родственником. Задачей Суменсон было передавать полученные деньги некоему Мойше Козловскому. Этот заявлялся аккуратнo и обычно требовал по сто тысяч рублей... У Козловского на банковском счету оказалось 20 миллионов рублей. Что же, он – главный получатель и распределитель зарубежных средств? Нет, оказывается. Главным получателем все же был Ульянов (Ленин)!

Следствие, ухватив за кончик ниточки, принялось разматывать ее в обратном направлении. И привела она в конце концов к известнейшему Гельфанду (Парвусу). Эта злоецащая фигура мгновенно все расставила по своим местам.

В революцию 1905 года именно Парвус – тогда еще довольно молодой, но уже тучный, заплывший жиром – мгновенно оказался в Петербурге и вместе со своим молоденьким учеником Бронштейном (Троцким) возглавил новый орган столичной власти – Совет рабочих депутатов. После поражения оба, Парвус и Троцкий, были осуждены и, как водится, вскоре бежали из сибирской ссылки. Сейчас Парвус сидит в Берлине и распорядается миллионами, отпущенными на русскую революцию германским

Шаблон на самом деле. Точно тот же прием, когда был арестован и повешен Мясоедов. Тогда из германского плена тоже убежал поручик Колаковский, якобы завербованный в секретные агенты генеральным штабом. Троцкий же находится здесь, в России, в Петрограде.

Долгое время Нежинцев считал, что Парвус опекает только Троцкого. Внезапно открылось, что этот слоноподобный господин, большой любитель женщин и французской кухни, связан и с Лениным. Он вообще держал в поле зрения всех мало-мальски способных эмигрантов из России. В свое время Парвус помог Ленину обосноваться с редакцией «Искры» в Мюнхене. Ленин с Крупской часто гостили у него в имении. В доме Парвуса Ленин познакомился с любовницей хо-

зяина Розой Люксембург. Парвус свел Ленина с «Союзом освобождения Украины», и те отвалили большевикам пять тысяч долларов на издание газеты «Социал-демократ». Наконец, именно Парвус снаряжал Ленина для проезда через Германию: достал визы, паспорта, деньги, вагон. Он же скрупулезно отобрал попутчиков в «ленинский» вагон.

От обилия фамилий, фактов у Корнилова шла кругом голова.

– Митрофан Осипович, воля ваша, но что-то не пойму... Тогда на кой, спрашивается, черт им понадобилось подсылать этого дурака Ермоленко? Они что – совсем с ума сошли? Они же этим самым завалили Ленина! Ему пришлось бежать, зарыться где-то, скрыться с глаз... Или они вдруг решили запустить в скачку совсем другую лошадь?

– О! – воскликнул Нежинцев. – Тут я тоже не могу связать концов. Однако кажется мне, что вовсе не Ленин у них главная фигура. Нет, не он совсем! Кто-то другой, совсем другой.

– Тогда, простите, Троцкий. А кому еще? Парвус же!

– Именно! И тогда многое становится на свои места. Из Лени на в два дня сделали грандиозную фигуру. Кто его знал? Кто? А сейчас узнали все. В ушах так и стоит: Ленин, Ленин, Ленин! Его представили... ну я бы сказал... мессией. Выставили, указали: смотрите, вот он! Ждите, скоро явится!

Корнилов почесал бородку:

– Но-о... Керенский? С ним-то как?

– Это калиф на час. Век таких недолог. Разовый товар!

Капитан добавил, что также склоняется к значимости фигуры

Троцкого. Этот господин в нынешней скачке совершенно не участвует. Он – темная лошадка и может выскочить на самом финише.

Корнилов, слушая, морщился, как от невыносимой боли.

– Если бы вы знали, Митрофан Осипович, как болит сердце! Как невыносимо смотреть на все вокруг! Ну что мы за страна... что за народ, прости ты меня, Боже? До чего дошли! Стыд и срам...

Нежинцев торжественно поднялся:

– Лавр Георгиевич, я подал рапорт. Работать в штабе больше не могу. Не выносит душа! Я уже имел честь докладывать, что мною начато формирование ударных батальонов. Лышу себя надеждой в скором времени сформировать ударный полк. Мы, группа офицеров-добровольцев, решили назвать его Корниловским.

– Голубчик... – растерянно проговорил Корнилов и стал не ловко выбираться из-за стола.

– Прошу прощения, ваше превосходительство. Позвольте мне закончить. Поверьте, у меня занозой в сердце сидит наше недавнее... ну, недоразумение. Клянусь честью, я никакой не юдофоб. Наоборот, со своей ротой я защищал евреев от погромов. И даже стрелял в громил! Наша беда не в этих несчастных жестянщиках. Это смешно. Они жалки... Но в то же время я заявляю, я готов кричать, как Достоевский:

Россия гибнет от жида! Я же покажи вам список Бурцева. На нас идет нашествие... беда страшней татарской. Батый и мамай! Мы стали жертвой хорошо продуманной и организованной системы. Но против системы необходима также система, а не... какое-то жалкое партизанство. Потому я и объявил запись добровольцев. Нас теперь спасут две вещи: сила и идея. Сила – армия, наша славная русская армия. Идея же... я бы одел ее в ослепительно белый цвет: чистые помыслы, чистые руки, чистые одежды. Ризы, если уж на то пошло!

Протянув руки, Лавр Георгиевич засеменял к струной натянутому офицеру. У него внезапно обнаружился стариковский, пришаркивающий шаг. Нежинцев пригнулся и позволил себе приобнять генерала за спину.

– Голубчик, это просто удивительно... – растроганно бормотал Корнилов. – Позвольте же... так сказать... Ну и все такое, в общем-то...

Глаза Нежинцева за стеклышками пенсне увлажнились. Он себя сдерживал с трудом.

– Ваше превосходительство, честное офицерство все свои помыслы связывает с вашим именем. Мы готовы, располагайте нами. Что же до меня, то я готов отправиться в Петроград и разрядить свой пистолет в какого-нибудь Троцкого или... – Он помедлил и все же произнес: – Или в Керенского.

Корнилов отпрянул с изумленным видом.

– А вы... что же?.. Керенский, считаете, тоже? Нежинцев сурово, жестко произнес:

– Одна банда!

Затем он, не сдержав порыва, разразился горькою тирадой. Самый состав Временного правительства показывал, что русские совершенно утратили вкус к управлению своей страной. Ограничиваясь обывательским брюзжанием, они никак не хотели связываться с трудностями и лишениями настоящей борьбы. В этом своем сибаритстве они прямо-таки созрели для рабства. Их сейчас берут, можно сказать, голыми руками, берут те, кто закалились и сплотились, подобно стае голодных волков из морозного леса... Одрябшая в своих пуховиках Россия становится легкой добычей хищников, мускулистых и безжалостных.

– Мне горько видеть, ваше превосходительство, что мы, русские, превращаемся в стадо баранов!

Повесив голову, Корнилов задумался. Горизонты предстоящей борьбы раздвигались.

Последнее замечание Нежинцева с безжалостной прямо-той обозначило главную цель: стать русским национальным сопротивлением новому басурманскому нашествию. Погибельная гниль державы продолжала расплзаться. В самом деле, разве он не сталкивался в эти дни с военным министром, не разглядел его как следует? Теперь этот нелепый человек в наряде и с ухватками завсегда-тая бильярдной вдруг сместил белесенького пустомясого князя Львова и поставил сам себя во главе России!

– Хочу обратить внимание вашего превосходительства, –

служебным тоном докладывал капитан, – что Керенский и Троцкий, безусловно, связаны. Мне, например, известно с достоверностью, что именно Керенский уже два раза спасал Троцкого от верной смерти. У преображенцев он его буквально из рук вырвал! Ну а Троцкий со своей стороны недавно спас Чернова. Компания, как видите, с чесночным духом: Керенский, Троцкий, Чернов. Думаю, что они себя еще покажут...

Лавр Георгиевич поинтересовался отношением капитана к Савинкову. Недавно бывший террорист и литератор оставил фронт и уехал в Петроград. Керенский, став премьер-министром, оставил за собой и пост военного министра. Савинкова он поставил во главе своей военной канцелярии.

Вместо обычного ответа напрямик Нежинцев спросил:

– Вам, ваше превосходительство, не доводилось читать его сочинений? Любопытно. Мне кажется, он так долго прожил среди шпионов и провокаторов, что сам невольно влез в их шкуру. Попробуй-ка после этого разберись, кого он, в сущности, всю жизнь обманывал: своих врагов или себя самого?.. – Помолчав, прибавил: – Такие особи обычно продают себя любому, кто их купит.

Нежинцев считал и Керенского, и Савинкова ягодками с одного куста. Обе знаменитые фигуры обозначились из смрадного тумана, за клубившегося тучей над вспучившимся российским болотом. Тот и другой, военный министр и глав-

ный армейский комиссар, жили на проценты с политическо-го капитала, для обоих трамплином послужили их пестрые, отчаянные биографии.

Как специалист по террору, Савинков представлялся капитану личностью более основательной. По крайней мере, у него хватило ума не напяливать на себя эти пошлейшие желтые сапоги с серебряными шпорами! Пожалуй, Савинков продержится подольше. Если Керенский уже достиг предела, потолка, то Савинков по-прежнему устремляет свои хищные глаза наверх – для близкой соблазнительной вершины ему оставалось совсем немного.

Держаться друг за дружку обоих заставляют обстоятельства. Однако наверху, на самом острие, двоим уже не поместиться. Следовательно...

– Вообще, они охотно продадут себя любому, кто их купит. Вопрос: кто соблазнится? Товар подержанный.

Решившись на последний разговор с Корниловым, капитан Нежинцев искренне сострадал полюбившемуся ему генералу. Громадный пост представлялся невыразимо тяжким. Вокруг царила обстановка лживости и жадности. Он мог опереться лишь на кучку подлинных патриотов. Минину и князю Пожарскому было много легче: им помогала вся Россия. Да и в Кремле тогда засели чужаки, поляки, басурманы. Теперь же в Зимнем и в Таврическом дворцах неистово хозяйничали русские, российские, свои. Нынешняя гангрена была куда страшнее и опаснее тогдашней.

Тем настоятельнее требовалось поторопиться со спасением России!

Расставшись с умницей капитаном, Лавр Георгиевич вспомнил недавние пророчества начальника своего штаба. Золотая голова Нежинцева на самом деле обещала ему большой полет. К сожалению, несчастья России ломали судьбы многих ее выдающихся сыновей.

Капитан оставил свой важный и секретный пост и отправился в строй обыкновенным офицером-командиром. Он принялся сколачивать ударный полк из первых добровольцев Белой идеи. Так потребовалось для любимой им России.

Сейчас Отечество более всего нуждалось в верных солдатах.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В роковые для России годы небывалую активность в ее столице проявляли посольства трех держав: Германии, Великобритании и Франции. Это были три гнезда, три центра, три деятельных штаба, каждый во главе с опытейшим дипломатом.

Начало мировой бойни заставило графа Пурталеса уехать в Берлин, оставив величественный особняк германского посольства на растерзание обезумевшей уличной черни. В Петербурге (вскоре переименованном в Петроград) остались действовать Морис Палеолог и Джордж Бьюкенен. Оба имели за плечами колоссальный опыт и, сознавая, что от состояния российских дел зависит будущее как Европы, так и мира, напрягали все свои усилия, чтобы громадная держава на востоке континента исправно функционировала, используя свои безграничные ресурсы всяческого сырья и людского материала.

Дипломаты обычно не вмешиваются во внутреннюю жизнь страны, при правительстве которой они аккредитованы. Однако это несколько не мешает им при случае поддерживать заговоры и даже втайне финансировать террористические акты.

Время от времени казенный мир русской столицы сотрясали неожиданные и трудно объяснимые перемены. Так вы-

шло с назначением министром внутренних дел Протопопова, с отставкой и моментальным возвращением на пост главы правительства Горе-мыкина, с отставкой молодого вылощенного англомана Сазонова, возглавлявшего Министерство иностранных дел, наконец, скандальное отрешение от должности Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, после чего руководство всеми русскими фронтами взвалил на свои неопытные плечи сам Николай II. Все эти перемещения походили на беспокойную поверхность текучих вод, и только люди, опытные, искушенные, догадывались об истинной подоплеке взлетов и падений государственных персон, судьба которых самым тесным образом сплеталась с участью изнемогающей под бременем войны империи.

Пост полномочного представителя Великобритании в России Джордж Бьюкенен занял за год до убийства Столыпина и за четыре года до начала Великой войны.

Агреман на нового посла был получен без всяких затруднений. Бьюкенен познакомился с царской четой 16 лет назад, еще в пору, когда Николай II и Александра Федоровна были женихом и невестой. Подобное знакомство конечно же весьма учитывалось при назначении сэра Джорджа. Сердечный прием в Зимнем дворце и в Царском Селе ему был обеспечен.

Нового посла Великобритании ждали в Петербурге неотложные дела. В первую очередь следовало разрешить межго-

сударственные трения, связанные со строительством железной дороги в Персии. Русское правительство не могло равнодушно взирать на лихорадочную деятельность английских агентов, наводнивших приграничную с Россией азиатскую страну. В памяти русских не меркло злодейское убийство Грибоедова... Кроме того, на плечи Бьюкеннена свалились хлопоты английских рыбопромышленников. Дело в том, что Россия недавно запретила лов рыбы в своей прибрежной зоне (от трех до двенадцати верст). С энергичными протестами немедленно выступили Великобритания и Япония.

Сэр Джордж стал частым гостем в царских резиденциях. По части приближенности к трону с ним мог состязаться лишь посол Франции Морис Палеолог.

Расположение царя помогло Бьюкеннену пережить грандиозный скандал, связанный с кражей секретнейших документов русского Генерального штаба. Морской атташе английского посольства сумел соблазнить изрядной суммой одного из штабных чиновников и оказался обладателем книги морских сигналов русского военного флота. Операция сорвалась при передаче денег и документов. Виновники попались с поличным. О скандале разнюхали газеты. Сэр Джордж моментально ощутил, что сидит в своем важном кресле, словно на раскаленной сковородке. В Лондоне таких провалов не прощали. Бьюкеннен опрометью бросился в Царское Село... Покровительство государя помогло замять скандал «малой кровью». Морского атташе выслали из России, а

штабного чиновника осудили на двенадцать лет каторги.

Полномочные представители великих европейских держав традиционно сознают свое значение и влияние. С их мнением не могут не считаться самые высокопоставленные деятели тех государств, в которых они аккредитованы. Задача послов состоит в том, чтобы умело пользоваться этим влиянием. Оба дипломата – и английский, и французский – демонстрировали высочайшую степень своего искусства.

Помимо прочных позиций в Зимнем дворце оба посла сумели создать обстановку искренней сердечности в российском Министерстве иностранных дел. Сазонов считался убежденнейшим англоманом, просвещенным европейцем. Джентльменская дружба связывала его с Бьюкенненом с тех пор, когда он работал советником русского посольства в Лондоне. Русский министр иностранных дел был частым и желанным гостем в посольствах обеих стран, оба посла неизменно встречали в сазоновском кабинете сердечнейший прием.

Устранение Столыпина и осуждение думской фракции большевиков в Сибирь выглядело как вполне естественное развитие внутреннего кризиса, назревавшего в России с каждым днем. На повестку дня выдвигалась главная задача: стравливание держав, в которых еще сохранялись самодержавные монархии.

Таковыми государствами в Европе являлись Россия, Германия и Австро-Венгрия.

В прошлом веке сумасбродный Петр III, едва утвердившись на дедовском троне, немедленно разорвал союз с Францией и протянул руку Фридриху II. В одно мгновение вчерашний враг превратился в союзника. Этот политический зигзаг, который прозевало посольство Великобритании в России, решительным образом изменил итоги кровопролитной Семилетней войны. Хищная Германия спаслась от неминуемого поражения и осталась безнаказанной.

При одной мысли, что нечто похожее может произойти и в нынешней войне, Джордж Бьюкенен надолго лишился покоя. А Германия, он знал, истощая свои силы на два фронта, настойчиво искала любого способа выключить Россию из этой слишком затянувшейся войны. И поиски эти становились все более бесцеремонными.

Намерения Германии полностью совпадали с настроением так называемой «немецкой партии» в России. Возле русского трона все чаще появлялись люди, сознававшие, что эта истребительная бойня совершенно не нужна России. Продолжение ее грозит опасностью страшного революционного взрыва. Жестокая война уже давно утратила патриотический порыв, с каким была встречена три года назад. Погибельность ее начинало сознавать все взбаламученное русское общество.

Свою задачу дипломата, полномочного представителя страны, чьи интересы заключались в полнейшем сокрушении Германии, Джордж Бьюкенен видел в разрушении ин-

триг «немецкой партии», в обезвреживании нежелательных настроений в ближайшем царском окружении. Самую деятельную поддержку он находил у французского посла Мориса Палеолога. Цели обоих дипломатов покамест совпадали полностью: Россия должна, она просто обязана продолжать войну! Если только русский солдат воткнет штык в землю, хищные тевтоны обрушатся всей своей мощью на прекрасную Францию. Светоч мира, блистательный Париж, избежавший «чудом на Марне» немецкого вторжения, не допускал и мысли повторения недавнего кошмара. Не улыбался разгром союзника и Лондону. Век назад водная гладь Ла-Манша остановила порыв Наполеона. Однако где гарантия, что кто-ни-будь из нынешних немецких стратегов не плюнет на эту природную преграду?

Укрываясь за траншеей Ла-Манша, Великобритания пристально следила за тем, чтобы политический котел Европы клокотал на определенном градусе. Подобно опытному повару, английская дипломатия время от времени подбрасывала в этот котел необходимые добавки, не допуская, чтобы варево вдруг не выхлестнулось через край.

Служба в такой сложной, с явной азиатчиной, стране усыпана не одними розами. Сэр Джордж познал и горечь поражений. Убийство Столыпина, свержение с поста Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, зверская расправа с Распутиным, замена министра иностранных дел англomана Сазонова – таков неполный пе-

речень дипломатических неудач Бьюкеннена. Его враги, его противники работали, напрягая силы и не упуская ни одной возможности в сложнейшем мире политических интриг.

Нынешней зимой вынужден был оставить свой высокий пост Коковцев. Следом за ним слетел и отправился на Кавказ князь Орлов, много лет являвшийся начальником военной канцелярии царя... Не удержался Маклаков, заменили Сухомлинова, Щегло-витова и Саблера.

Громогласный толстяк Родзянко, председатель Думы, сумел образовать комитет из представителей армии, Думы и промышленности с громадными полномочиями (Военно-промышленный комитет во главе с Гучковым). Как бы в ответ «немецкая партия» ответила атакой на Сазонова, министра иностранных дел. В отстранении Сазонова сказалась личная ненависть к нему самой царицы. Сазонов решительно противился как удалению на Кавказ великого князя Николая Николаевича, так и в особенности тому, чтобы Николай II взваливал на свои плечи тяжкое бремя Верховного главнокомандующего. В довершение к этому Сазонов принялся подбивать группу министров обратиться с прошением к царю с просьбой убрать из правительства Горемыкина.

От неудач никто не застрахован. Необходимо, чтобы победы перекрывали поражения. До последних дней так оно и выходило, и сэр Джордж уверенно исполнял свои нелегкие обязанности. Однако чем было перекрывать сначала немилостивое, а затем и явно враждебное отношение самой

императрицы Александры Федоровны? Возраставшие козни «немецкой партии» сильно подрывали престиж посла Великобритании. Отношения с двором портились непоправимо. И по мере того как ухудшалась обстановка на фронтах, Бьюкенену все труднее приходилось испрашивать высочайшую аудиенцию для передачи Николаю II разнообразных обращений британского правительства.

Как и многие вокруг, сэр Джордж также считал, что год 1916-й явился «последним» не только для России, но и для Европы. В следующем, 1917 году мир пережил небывалое крушение всего политического здания воюющего континента.

Может быть, потому, что этим годом как бы подводилась черта под всем прежним привычным мироощущением, многое из происходившего тогда для современников окрашивалось умильным закатным светом. Больше этого уже не повторялось никогда.

Весну 1916 года Джордж Бьюкенен вместе с семьей провел в Крыму. Всю свою последующую жизнь он с грустью вспоминал эти очаровательные две недели. Из Петрограда он выехал в холодный слякотный денек, несло дождь со снегом, по Неве гнало крупный ладожский лед, а под Севастополем его встретила кипень бледно-розовых садов. Все южное побережье цвело и благоухало. Синее море, синее небо, потоки солнца и легкий загар на милых женских лицах.

Несколько дней сэр Джордж провел в Севастополе, затем

жена и дочь стали настаивать на переезде в Ялту. Пришлось покориться. Власти словно состязались в стремлении угождать. Из Петрограда английская семья ехала в салон-вагоне, не смешиваясь с пассажирами, в Крыму им подавались роскошные автомобили, размещались гости на самых изысканных виллах. Одно неудобство испытывал сэр Джордж – эта навязчивая, утомительная манера русских всюду устраивать встречи с поднесением хлеба и соли. Приходилось принимать, неумело держать в руках громадные пахучие караваи с полными солонками, выслушивать пространственные приветственные речи и всякий раз напрягать собственное красноречие для ответного слова.

В ялтинском яхт-клубе семью посла встретили исполнением гимна «Боже, храни короля», в Ливадии, на открытии госпиталя для раненых солдат, во время православного молебна были упомянуты в молитве имена английского короля и королевы. В последний день пребывания в «крымском раю» сэр Джордж нашел в автомобиле не только серебряное блюдо с хлебом-солью, но и целый ящик старого бургундского вина.

Впоследствии Бьюкеннен растроганно писал: «Необыкновенно грустно оглядываться назад на эти счастливые дни, отошедшие в вечность...»

Крымская поездка английского посла явилась желанным роздыхом после напряженных месяцев работы, как бы заслуженной наградой за удачи в своей слишком непростой,

слишком хитроумной деятельности.

Прошедшей зимой Бьюкеннену (естественно, с помощью Пале-олога) удалось во многом нейтрализовать усилия «немецкой партии». При этом особенное внимание было направлено на безалаберную деятельность Распутина. Сэр Джордж, многонаблюдавший этого неграмотного, вечно полупьяного мужика, писал: «...политическая жизнь шла по направлению тех, интересам которых он служил и чьи интриги поддерживал. Необразованный и огрубевший от избытка чувственных наслаждений, он вряд ли мог конкретно понимать или направлять политику. Он предоставлял это другим, а сам довольствовался тем, что им руководили».

Таким образом, вокруг царского трона кипела напряженная, не всегда тайная война. Зимний дворец, а с ним и Ставка Верховного главнокомандования становились объектами интриг противоборствующих сил.

Как истинный джентльмен, Николай II никогда не позволял себе ни словом, ни жестом дать понять, что на него имеют влияние так называемые «домашние обстоятельства». Однако Бьюкеннен, человек достаточно искушенный, прекрасно видел, каких усилий стоило императору сохранять свою знаменитую невозмутимость.

Жарким днем в конце июля Николай II пригласил английского посла в Царское Село. Он лишь вчера вернулся из Ставки. Сэр Джордж имел неотложное поручение склонить русского императора к решительной поддержке английского

плана по Сербии. Балканы, взорвав Европу выстрелом Гаврилы Принципа, оставались до сих пор самым пороховым местом в мире. Сербия, православная страна, традиционно рассчитывала на симпатии русского народа.

– Вам нужно что-нибудь сообщить мне? – обратился царь к послу.

Бьюкеннен начал разговор с сообщения, что британское правительство ничего не имеет против вековых притязаний России на Константинополь и проливы. Николай II попросил передать британскому правительству сердечную благодарность.

– Могу ли я сообщить своему правительству, что ваше величество согласны с итальянскими требованиями о территориальной компенсации на Адриатическом море?

Император велел подать географический атлас. Бьюкеннена удивила уверенность и быстрота, с какими царь находил на довольно мелких картах точное положение самых, казалось бы, ничтожных пунктов.

Итальянские требования во многом совпадали с притязаниями Сербии. Это был старый вопрос о славянских интересах. Может ли Россия позволить Италии занять такое положение на Адриатическом море, которое сделало бы Сербию ее вассалом? Сазонов, человек слишком широкого ума, соглашался на уступки, однако ставил условием, что союзные державы гарантируют Сербии достаточную компенсацию. Сложность возникла от неуступчивости Сербии. На по-

терю национальной территории требовалось решение Великой скупщины, однако из-за войны созвать ее не представляется возможным.

– Осмелюсь напомнить вашему величеству, что из-за Сербии мы и начали войну.

– Однако вы не очень-то хорошо с нею обращались!

– Героизм сербов, ваше величество, вызывает беспредельное восхищение британцев. Но разве союзники не принесли и не приносят ради нее своих жертв? Сербь не вправе ожидать, что мы так будем поступать до бесконечности.

– Вы собираетесь потребовать с ее стороны необходимых жертв?

– Всего лишь уступку, которая уменьшила бы срок войны. Назавтра Бьюкеннен встретился с Палеологом. Выслушав его рассказ, французский посол заметил:

– Говорить таким языком – это значит наносить оскорбления нашему союзнику.

Англичанин жестко отрезал:

– К сожалению, ставки слишком велики, чтобы чувства како го-либо правительства могли повлиять на нашу политику!

Морис Палеолог кинул на собеседника свой обычный взгляд-укол, мгновенный, почти незаметный, однако проникающий чрезвычайно глубоко, подобно рентгеновскому лучу. Сэр Джордж явно нервничал. Что было причиной? Ухудшающиеся отношения с царской четой? Недавно ему уда-

лось узнать, как Николай II отреагировал на просьбу английского посла смягчить участь Бурцева, знаменитого разоблачителя провокаторов. Недавно Бурцев, вернувшийся из-за границы, был арестован и сослан в Сибирь. Бьюкеннен явился с ходатайством и добился от царя помилования осужденному.

Проводив настырного просителя, император раздраженно заметил Сазонову, в то время еще министру иностранных дел:

– Удивительно, что англичане и французы интересуются внутренними делами России куда больше, чем мы, русские, внутренними делами Англии и Франции!

Повседневную борьбу с «немецкой партией» Бьюкеннен считал своими фронтовыми буднями. Здесь, на Неве, у него имелась своя передовая. В противоборстве с неприятелем он постоянно ощущал искусный локоть французского посла. Морис Палеолог, потомок одесских негоциантов, знал Россию лучше, чем кто-либо. Помимо этого у обоих дипломатов имелось множество секретных информаторов и агентов влияния.

Бьюкеннен раздобылся услугами Манусевича (Мануйлова), начальника канцелярии самого Штюрмера. Правда, сэр Джордж подозревал, что пронырливый Манусевич тайком заглядывает и во французское посольство.

До поры до времени оба посла считали, что главной их задачей является удержание России в войне. Тот и другой

тесно сотрудничали, обезвреживая интриги «немецкой партии». Но тут из Лондона пришло распоряжение «оказать возможное содействие» японским планам. Сэр Джордж задумался. Япония намеревалась, пользуясь ослаблением России, округлить свои приобретения в недавней войне и алчно поглядывала на северную половину Сахалина. Бьюкеннен пережил растерянность. Помогать японцам – значило нанести удар по русским, по своему союзнику против Германии! Что за коварство? О чьих интересах на самом деле заботятся в Лондоне?

Конец его колебаниям положило новое распоряжение: добиться аудиенции немедленно и высказать пожелания королевского правительства в самых решительных выражениях.

Места для сомнений более не оставалось.

Повод для аудиенции у императора представился весьма удобный: недавно король Великобритании изволил наградить русского императора одним из высших орденов – Орденом Бани. Послу поручалось вручить награду. Поскольку самодержец России пребывал в Могилеве, в Ставке, Бьюкеннен отправился туда в сопровождении чинов своего посольства.

Предстоявшее свидание посла с царем с глазу на глаз встревожило Штюрмера. Он попытался задержать отъезд англичан, однако Бьюкеннен довольно резко осадил его, указав ему «исполнить повеление императора без всяких отлагательств».

Англичане приехали в Могилев утром 18 октября. Им сообщили, что императрица с дочерьми находится в Ставке. В назначенный час посланцы явились на аудиенцию. Николай II принял их один, без Александры Федоровны. Она воспользовалась очередной возможностью уязвить посла, показать ему свое стойкое нерасположение.

Роскошный орден был поднесен, сказаны поздравления. Николай II просил гостей к завтраку. Императрица не появилась и за столом, присутствовали лишь две старшие дочери – царевны Ольга и Татьяна.

Во время завтрака Бьюкеннен сидел как на иголках. Проклятый этикет не позволял приглашенным вести деловые разговоры. Но ведь он для этого и приехал! Ерзя от нетерпения, посол проявил чудовищную неучтивость к своим соседкам-царевнам: он не только не развлекал их подобающим разговором, но и невпопад отзывался на их вопросы.

Завтрак подошел к концу. Николай II поднялся и стал прощаться с посторонними. Бьюкеннен решил наплевать на этикет.

– Ваше величество, прошу позволить мне один вопрос.

– Я вас слушаю.

Англичанин заговорил о предстоящем отъезде японского посла виконта Мотоно (он назначался министром иностранных дел). Посол, как и вообще японское правительство, полон решимости оказывать России посильную помощь. Высокое назначение виконта Мотоно открывает новые возмож-

ности для укрепления содружества двух держав. Что, если попросить Японию послать на Русский театр военных действий контингент своих вооруженных сил? Само собой, за соответствующую компенсацию...

Красивые глаза русского царя были устремлены поверх плеча посла за высокое окно, где резкий ветер срывал с деревьев дворцового сада последние листья. За послом в напряженных позах застыли военные: генералы Нокс и Вильяме и капитан Гренфель. Они сознавали всю рискованность затеи посла. Приближалась решающая минута.

При напоминании о компенсации глаза царя остановились на лице посла. Какое-то мгновение он его словно поразглядывал внимательнее.

– У вас имеются указания насчет неизбежных компенсаций? Напряжение военных прошло. Император откликнулся на дерзкое предложение.

Речь Бьюкеннена полилась свободнее. Никаких определенных указаний он не имеет. Однако, будучи в доверительных отношениях с виконтом Мотоно, он допускает мысль, что для японского правительства была бы весьма приемлема уступка русской, иными словами, северной половины острова Сахалин.

Ресницы императора дрогнули. Подобного развития беседы он не ожидал:

– Ни одной пяди своей территории Россия уступить не может! Боясь, что Николай II повернется и уйдет, посол совер-

шенным образом отважился.

– Я беру на себя смелость, ваше величество, напомнить знаме нитый афоризм Генриха Четвертого: «Париж стоит обедни!»

Скулы императора покраснели. Он терял терпение. Посол поспешил задать вопрос: не предполагается ли возвращение царя в столицу?

– Да, через несколько недель я буду там, – ответил император. Поколебавшись, он все же произнес любезным тоном: – Буду рад вас видеть.

На обратном пути из Ставки в столицу англичане живо обсуждали весь ход аудиенции. Дерзость посла была извинительна – вопрос не терпел ни малейшего отлагательства. Но вот реакция Николая II...

Кто-то указал на то, что за завтраком награжденный император не провозгласил, как того требовал обычай, тоста за здоровье короля Великобритании. К месту вспомнили, что Николай II даже не надел пожалованного ордена к завтраку... Откинув голову, Бьюкеннен погрузился в размышления. Все свои усилия (и посол Франции также) он направлял на сохранение России в войне. Это ему представлялось самым важным. Ради этого он напрягал все свое умение, все искусство. Он всячески противился тому, чтобы Николай II сам занял пост Верховного главнокомандующего (чем и заслужил немилость императрицы). Великий князь Николай Николаевич представлялся ему полководцем более значи-

тельным, нежели сам государь... Очень умело вмешался он и в интригу против Распутина. Проведав через информаторов о готовящемся отравлении «святого старца», сэр Джордж сумел сделать так, что яд в пирожных был заменен обыкновенным кофеином.

Вся работа Бьюкеннена преследовала одну большую стратегическую цель: Россия обязана воевать и, следовательно, должна оставаться сильной, боеспособной.

Как вдруг это распоряжение из Лондона о помощи японцам!

Чутьем опытного интригана он почувствовал, что многое в намерениях своего начальства он попросту не понимает. Замыслы настолько глубоки, что постичь их не под силу даже опытному дипломату с громадным стажем.

Николай II, как и обещал, вернулся в Царское Село через несколько недель. Бьюкеннен напомнил престарелому Фредерик-су о царском приглашении. Министр двора ответил благожелательно. Однако прошло более месяца, прежде чем обещанная аудиенция состоялась.

Это были чрезвычайно напряженные недели.

Потерял свой пост министра иностранных дел англоман Сазонов – верный человек.

В компенсацию за эти неудачи сэр Джордж был удостоен весьма теплой встречи в Москве. Широкая и хлебосольная, древняя столица постоянно пикировалась с надменным Петербургом. Бьюкеннена сделали почетным гражданином

Москвы – честь, оказанная лишь девяти персонам, причем из иностранцев он – первый.

А в конце октября он принял и долго беседовал с Милуковым. Профессор собирался выступить в Думе со своей обличительной речью («Что это: глупость или измена?») и просил защиты в случае царского гнева. Сэр Джордж пообещал укрыть его в посольстве, а затем и переправить на военном корабле в Англию. В начале следующего года в Петрограде намечалось большое совещание союзников, и делегации приедут на крейсерах в сопровождении миноносцев... Такое мощное прикрытие вошло в обычай после прошлогоднего несчастья с лордом Китченером. Корабль, на котором плыл в Россию английский военачальник, был торпедирован в Северном море немецкой подводной лодкой. Англия лишилась выдающегося деятеля. Холодным осенним днем Бьюкеннен был доставлен в Царское Село, прелестное дачное место, где он бывал десятки раз. В уютном и покойном вагончике, похожем на душистую каретку парижской дамы полусвета, посол не переставал анализировать потрясающую новость, сообщенную ему вчерашним вечером молодым князем Сергеем Путятиным. Блестящий гвардейский офицер, князь недавно скандализировал царскую семью своей открытой связью с великой княжной Марией Павловной. Он жил в прекрасном отцовском дворце на Миллионной улице, неподалеку от Зимнего дворца. По умунастроению таких, как этот гвардеец, Бьюкеннен проверял свои предположения о

перспективе ближайших событий в беспокойном Петрограде. Вчера Сергей Путятин засиделся в посольском особняке за ужином. Он почему-то был настроен с предельной откровенностью. Он поверг Бьюкен-нена в столбняк, вдруг сообщив, что убийство Распутина ничего не изменило, что дело решено поправить обыкновенным дворцовым переворотом. Участники – небольшая группа решительных офицеров гвардии. Пока не решено – будет ли убита вся царская семья или же можно ограничиться убийством одной императрицы.

Всю ночь сэр Джордж провел взволнованно, в глубоких размышлениях. Как видно, в самые ближайшие дни России предстоит ступить на совершенно новый путь. Перемена венценосца... Устранение императрицы... Новый государь Алексей II при регентстве дяди, великого князя Михаила... Посол предчувствовал, как будет ошеломлен лорд Мильнер, руководитель делегации Великобритании на конференции союзников. Крейсер с лордом Мильнером как будто уже вышел из гавани Саутгемптона и вскоре ожидается на Кронштадском рейде. Сэр Джордж не сомневался, что его новости для лорда Мильнера непременно скажутся на всем ходе конференции. Таково значение событий, совершающихся не публично, а тайком, под завесой официальных мероприятий.

На вокзале в Царском Селе англичан ждали дворцовые кареты. Камергер провел приглашенных в огромную приемную и принялся занимать их учтивым разговором. Сам Бью-

кеннен, плохо слушая, краем глаза поглядывал в огромное, заснеженное окно. Внезапно он оживился: по расчищенной в снегу дорожке быстро вышагивал Николай II в шинели и папахе. Он совершал обычную прогулку в перерыве между аудиенциями. Бьюкеннен догадался, что день императора начался давно, он уже успел утомиться.

В последний раз посол прикинул, что он сейчас скажет русскому императору. Промелькнула мысль: как бы не вышло, что именно сегодняшний разговор получится последним. События надвигались грозной, неостановимой лавиной. Будучи введенным в кабинет царя, посол с самого начала поразился: Николай II стоял. Обычно же установился обычай, что посла Великобритании русский самодержец принимал без официальных формальностей, сразу же предлагал кресло и протягивал ему табакерку, а то и предлагал курить. На этот раз весь тон встречи был словно заморожен. Впрочем, суровую официальность можно было понимать и совершенно иначе: император помнил последний разговор в Ставке и не хотел такого же повторения – суровым началом встречи он как бы предостерегал посла не касаться тех вопросов, которые его совершенно не затрагивали.

Вблизи лицо императора поражало своей болезненностью. Бьюкеннен дольше обычного задержал взгляд на слежавшихся царских волосах. Создавалось впечатление, что, сняв теплую полковничью папаху, Николай II не причесался перед зеркалом. Однако нет, волосы были причесаны, но

чрезвычайно редки, жидки. Русский царь катастрофически лысел. Эта картина быстрого увядания с неожиданной силой уколола совесть сэра Джорджа. Он вспомнил вчерашнее сообщение князя Путятина о подготовленном перевороте. Перед послом Великобритании стоял с каменным выражением чрезвычайно болезненного лица обреченный человек. В особенности жалко выглядели прилизанные волосы, сквозь них просматривалась бледная, нездоровая кожа царской головы. И эти дряблые мешочки под глазами... Эти «гусиные лапки» вокруг глаз...

Бьюкеннену пришлось сделать усилие, чтобы взять себя в руки.

По протоколу, начинать беседу полагалось императору. Николай II с грустью сообщил о смерти графа Бенкендорфа, последовавшей сегодня утром. Граф много лет исполнял обязанности посла России в Лондоне, был убежденным англофилом. Сэр Джордж выразил сожаление и заметил, что трудно подыскать замену такому человеку. Царь обронил, что на пост российского посла в Великобритании назначается Сазонов. «Не доедет!» – подумалось Бьюкеннену. У него не выходило из головы вчерашнее сообщение князя Путятина. На получение агремана уйдет не меньше месяца: колеса дипломатической машины вращались величаво, не торопясь.

Тему предстоящей конференции затронул сам император. Как бы желая сообщить послу приятное, он выразил

надежду, что совещание в Петрограде будет последним военным совещанием, следующая конференция союзников, несомненно, будет мирной, она станет выработать условия капитуляции Германии.

– Осмелюсь возразить вашему величеству. Мне ближайшие события видятся совершенно в ином свете.

Откуда такой пессимизм? – удивился император. – Ваше величество, прошу позволить мне быть, как обычно, откровенным. Считаю своим долгом, ваше величество, изложить все свои сомнения. Конференция, и в этом нет никаких сомнений, установит еще более тесную связь между товарищами по оружию. Но где гарантия того, что к приближающемуся дню нашей победы нынешнее русское правительство останется на своем месте? Вот что меня тревожит, ваше величество!

Император сощурился. Он словно пытался проникнуть в зрачки лукавого британца.

– Мне кажется, сэр Джордж, ваши опасения неосновательны.

– Напротив, ваше величество. Видимо, мимо внимания вашего величества прошло включение Ллойд-Джорджем в свой военный кабинет представителя труда. В Лондоне сознают великое значение единого фронта нации перед лицом врага!

– Но разве вы не видите того же самого у нас? Я и мой народ едины. Мы полны решимости выиграть войну!

Бьюкеннен, словно колеблясь, тронул висок пальцем.

– Ваше величество, желаете ли вы, чтобы я говорил со всею откровенностью?

– Я вас прошу, сэр Джордж.

– Единство русского народа со своим государем не вызывает никаких сомнений. Но где взять убежденность в компетентности людей, которым вы, ваше величество, вверяете ведение войны? Есть ли мне необходимость обращать внимание вашего величества на недостаток фронтового снаряжения, на продовольственный кризис, на железнодорожную разруху?

– Вы полагаете... – И царь растерянно замолк.

– Все, чего народ России хочет, ваше величество, так это сильного правительства, которое смогло бы довести войну до по бедного конца. Что, если бы вашему величеству было угодно назначить председателем Совета Министров человека, пользуясь щегося доверием всей нации?

Царь пробормотал о последних переменах в министерстве.

– Мне кажется, – с отвагой продолжал Бьюкеннен, – я не сообщу ничего нового вашему величеству, если замечу, что мы, дипломатические представители, никогда не уверены в том, что новые министры сохранят свои посты на следующий день. Так часты эти перемены!

Сознавал ли Бьюкеннен, что переступает грань дозволенного?

Император находился в растерянности. Речь посла все больше напоминала выговор. Оборвать? Единственное, что удерживало царя, – это неподдельная искренность собеседника. Бьюкеннен волновался. Он понимал значение минуты.

– Ваше величество, позвольте указать на один-единственный путь, способный привести нас всех к победе. Этот путь – уничтожить наконец стену, отделяющую вас от своего народа...

Николай II изумленно вскинул на посла свои ясные романовские глаза. На этот раз дерзкая речь показалась ему исполненной глубокого смысла.

– Не могу забыть, ваше величество, удивительного вдохновения, которое охватило всех нас, когда ваше величество ровно год назад изволили посетить Государственную думу. Не пожелаете ли вы явиться туда снова? Не соизволите ли обратиться к своему народу? Обратиться как отец нации, отец народа. Вам стоит, ваше величество, лишь поднять свой палец, и депутаты, даже самые непримиримые, окажутся у ваших ног. Мы все это уже видели. В начале войны...

Вдохновение посла внезапно оборвалось: он увидел, что бровь императора самолюбиво изломилась.

– Вы считаете, сэръ Джордж, что я должен приобрести доверие своего народа? А вы не думаете, что мой народ должен приобрести мое доверие?

Бьюкеннен поспешил предотвратить вспышку закипающего гнева.

– Ваше величество, в этом смысле и следует понимать мое упоминание стены. Германские агенты сеют раздоры не только между союзниками. Они вносят отчуждение между вашим величеством и народом. Дергая за свои веревочки, они умело действуют на назначения министров. Ее величество, например, окружена столь подозрительными людьми...

– Я сам выбираю своих министров! – резко перебил его Николай П. – И я никому не позволяю влиять на мой выбор!

– Позвольте спросить, ваше величество: как же вы их выбираете?

– Навожу справки, выявляю тех, кого считают наиболее...

– Боюсь, что справки вашего величества ложны. Достаточно вспомнить господина Протопопова. Прошу простить, ваше величество, за мои слова, но этот человек привел Россию на край гибели!

Кровь бросилась царю в лицо.

– Я сам... сам!., избрал господина Протопопова из рядов Думы!

– Ваше величество, Дума не может питать доверие к человеку, испачканному сношениями с агентами противника.

– Вы имеете в виду Стокгольм и Варбурга? Сэр Джордж, поверьте, эти слухи сильно преувеличены.

Аудиенция явно затянулась. Император все резче проявлял свое нетерпение. Бьюкеннен решился на последнюю попытку:

– Ваше величество, я отлично знаю, что не имею права го-

во рить подобным языком. Поверьте, я должен был собрать всю свою смелость. Меня побуждают на этот разговор исключительные чувства преданности к вам и ее величеству. Если бы я увидел своего друга, идущего темной ночью по дороге к пропасти, то мой долг, государь, предостеречь его от неминуемой опасности. Поверьте, ваше величество, что вы находитесь на перекрестке двух путей, за вами выбор, каким путем пойти. Один приведет к победе и славному миру, другой – к разрушению, к революции. Позвольте мне умолять ваше величество избрать первый путь. Сделайте это, государь, и вы обеспечите своей стране осуществление ее вековых стремлений, а самому себе – положение наиболее могущественного монарха в Европе. – Сделав небольшую паузу, посол вкрадчиво добавил: – Кроме того, вы обеспечите безопасность тех, кто вам столь дорог.

Эта зловещая добавка осмыслилась государем лишь впоследствии. В настоящую минуту Николай II был тронут проникновенным тоном своего велеречивого собеседника. Император внимательно заглянул в глаза посла, тот ответил твердым, немигающим взглядом.

– Благодарю вас, сэр Джордж! – произнес растроганно Николай II и протянул руку.

Аудиенция английского посла стала предметом салонных пересудов.

После Бьюкеннена аудиенцию имел министр финансов Барк. Он поразился состоянию императора. Николай II с тру-

дом владел собой. Министр финансов вручил царю прошение о своей отставке, в ответ тот едва не кинул ему бумагу в лицо, нервно проговорив: «Теперь не время для министров покидать свои посты!»

От великих князей стали просачиваться слухи о реакции самой императрицы. Она возмутилась поведением посла. Пошли разговоры, что посол Великобритании в скором времени будет отозван.

Бьюкеннен имел встречу с великим князем Николаем Михайловичем. Через два дня император распорядился выслать великого князя в его имение под Херсоном.

Брат опального, великий князь Сергей Михайлович, встретясь с Бьюкенненом в каком-то из салонов, заметил, что если бы на месте посла был кто-либо из русских подданных, то, несомненно, после подобного поведения с императором он был бы немедленно сослан в Сибирь.

Бьюкеннена забавляли эти слухи. Правда, в иное время столь скандальная известность отразилась бы на его положении при дворе. Однако события развивались столь стремительно, что ореол всемогущества помазанника Божьего все более тускнел. В один из докладов полковника Торнгилла, помощника военного атташе, посол услышал заявление, что революция в России свершится на Пасхе. Посол лишь усмехнулся и не стал развивать эту тему. У него имелись совсем иные сведения. Пока же истекал первый месяц нового года и наступал срок представительной конференции союзников.

Великобританию на ней представлял лорд Мильнер.

Приезда этого государственного деятеля с нетерпением ожидал не только Бьюкеннен. Появления лорда в мятущемся Петрограде ждали еще несколько человек...

Вспоминая впоследствии дни работы конференции союзников, Бьюкеннен никак не мог отделаться от ощущения, что как раз это важнейшее совещание и положило конец его пребыванию на таком высоком и трудном посту.

Все началось с приезда лорда Мильнера.

С первого же дня в русской столице глава британской делегации повел себя в высшей степени загадочно. К изумлению Бьюкеннена, в суматошном Петрограде у лорда имелся сугубо свой круг доверенных людей. Разумеется, полномочного посла его величества лорд от себя не отстранил, однако и доверием не обременил.

Стремясь поправить положение и завоевать доверие, сэр Джордж блеснул своей осведомленностью в секретном и посвятил приехавшего в самые сокровенные стороны жизни тех персон, которые интересовали лорда. Однако даже в этом он совсем не преуспел.

У лорда Мильнера была тревожная манера вести беседу: он терпеливо слушал и вникал, как вдруг бросал вопрос, короткий, точный, будто укол, и сразу выяснялось, что он знает о предмете разговора гораздо больше самого рассказчика.

О «самом толстом человеке в империи», о Родзянко, сэр Джордж совсем недавно вызнал, что он находится в интим-

ных отношениях с женой Извольского, недавнего министра иностранных дел, а ныне посла в Париже. «А, Маргарита Карловна», – небрежно отозвался лорд Мильнер. И тут же вдруг спросил, отчего Артур Рафалович, племянник известного банкира, состоящий при Извольском, сотрудничает не с «Лионским кредитом», а с таким малоизвестным банком, как «Кредито Италияно»? Бьюкеннен этого не знал и вызвал осуждающее движение начальственных бровей.

Лорда Мильнера интересовали «земляки с Волги»: Протопопов, Керенский, Ульянов (Ленин). Поди же знай! Бьюкеннен сообщил, что Протопопов, возглавляя думскую делегацию в Великобританию, в Лондоне тайно посетил специалиста по мужским болезням. Ленин? Можно узнать... Он постарается. Керенский? В прошлом году лишился почки – вырезали. А до этого проходил лечение в психиатрической клинике.

– Ольга Львовна вам известна? – осведомился гость.

Бьюкеннен пренебрежительно пожал плечами: жена, ничего примечательного. – А... Елена Львовна?

Посол ослабилась и приготовился блеснуть.

Керенский, герой громких политических процессов, будучи женат, сожительствовал и с сестрой своей супруги. Он прижил с любовницей двоих детей, довольно взрослых. Недавно этот модный адвокат своеобразно разрубил запутанный семейный узел: он отыскал какого-то пронырливого офицера и выдал за него свою многолетнюю любовницу,

Елену. Вместо «треугольника» составилось две пары. Фамилия офицера? Кажется, Барановский. Да, именно Барановский.

– А как ваше пари? – внезапно спросил лорд. – Получили?

Заморгав глазами, Бьюкеннен силился сообразить, о чем речь. Мильнер напомнил: пари с Палеологом. В августе 1914 года оба посла поспорили (на пять фунтов стерлингов). Морис Палеолог уверял, что к Рождеству русские войска будут в Берлине.

«Боже мой, – все больше изумлялся Бьюкеннен, – откуда он все знает?»

Между тем лорд Мильнер перешел к вопросам неприятным для посла. Что это ему вздумалось спасти Распутина? И почему вдруг он проявил себя таким противником государства? Да, да, речь шла о снятии великого князя Николая Николаевича с поста Верховного. Русский царь сам возжелал встать во главе своих войск. Зачем ему в этом мешать? «Но он же не может!» – едва не сорвалось у Бьюкеннена. Однако он вовремя прикусил язык. И первой молнией пронеслось в его сознании чудовищное подозрение: настоящим противником Великобритании в этой войне является вовсе не Германия, а... Но тут он снова осадил себя. Мысли требовалось привести в порядок. Слишком глубокий, слишком сатанинский замысел забрезжил во всей этой гигантской бойне, гремевшей вот уже четвертый год.

Он все же пробормотал, что с удалением Распутина сва-

лилась надежная ширма, защищавшая династию от всяческой грязи. Своей персоной этот мужик загораживал Романовых. Убрав от царя Распутина, устранили и этот спасительный зонтик. Грязь ударила бешеным ливнем... Что же касается снятия великого князя Николая Николаевича, то, взваливая на свои неопытные плечи тяжкое бремя верховного руководства войсками... Сэр Джордж не договорил и виновато замолчал: такая уничижительная насмешка прочиталась им в светлых глазах лорда Мильнера!

Не приговор ли проявлялся в этой снисходительной иронии?

В Лондоне не прощают такого недомыслия ответственных лиц!

Краем сознания прошло, что в этом свете нет ничего удивительного не только в убийстве грязного мужика Распутина, но и в нелепой гибели маршала Китченера. Как и посол правительства его величества в России, маршал тоже чего-то недопонимал в гремевшей бойне и – вот: пошел на дно студеного зимнего моря. В завершение разговора лорд Мильнер снизошел к послу и назидательно заметил, что из русских не мешает слить всю их природную бунтарскую кровь, кровь настоящих дикарей, и оставить ту, что попохладней, поспокойнее. Во всяком случае, у них больше не должно быть ни Разиных, ни Пугачевых. Пора и русским становиться цивилизованным народом, хватит жить дикарским образом. Европа от них уже устала, утомилась...

Сэр Джордж приободрился. В словах лорда Мильнера им прочиталось суровое служебное задание. Следовательно, он остается на посту и будет исполнять свои обязанности. Поэтому с особенным вниманием отнесся он к именам Локкарта и Рейли, новых сотрудников посольства, и сделал отметку в памяти, когда лорд мимоходом обронил, что небезызвестного Савинкова, писателя и противника царского режима, не так давно принял в Лондоне первый лорд адмиралтейства сэр Уинстон Черчилль.

Проводив британскую делегацию, Бьюкеннен вернулся из Кронштадта и, покинув вагон, вдруг засмотрелся на новенький, пышущий силой и энергией локомотив. Клубился свежий пар, и замершие колеса, поршни, шатуны машины еще хранили таинство движения и силы. Пар оседал, сливаясь с малокровной снежной пряжей, падавшей с белесого балтийского неба. Сэр Джордж не мог отвести глаз от замершего ходового механизма. Какая слаженность пара, поршней и колес! Как все продумано и взаимосвязано! Какое мощное единое движение!

Внезапное оцепенение посла было вызвано тревожным состоянием, в котором он пребывал после вежливого, однако беспощадного разноса лорда Мильнера. При всем своем опыте надежнейшего дипломата старой британской школы он все же внес разлад в мощную и слаженную механику тайного государственного замысла, и лорд Мильнер сурово указал ему на это. Что стало виной такого промаха? Глубина и

сложность замысла? Или же проклятый возраст? Но в свои 63 года он тешил себя надеждой, что, потеряв молодость, он обрел неоценимый опыт.

Опыт... Но не случайно же лорд Мильнер указал ему на Локкарта с Рейли и на Савинкова. Это был совет поучиться кое-чему у нынешней молодежи.

«Если бы молодость знала, если бы старость могла!»

Выходило же, однако, что молодые знали больше стариков...

Много лет сэр Джордж тесно сотрудничал со своим коллегой, послом Франции маркизом Палеологом. Они считались единомышленниками и действовали слаженно. Однако с некоторых пор сэр Джордж стал замечать в Палеологе как раз то, в чем упрекнул его лорд Мильнер: в стариковском отставании от новизны наступившего века. Маркиз все чаще попадал впросак, и сэр Джордж сильно сомневался, сумеет ли его коллега сохранить свой пост до конца нынешнего лета. Бурные события в России требовали совершенно новых людей.

Какая досада, что именно сейчас он лишился советов Гарольда Вильсона, корреспондента лондонских газет! Ну что значит – лишился? Откровенной ссоры не было, но отчуждение случилось. Вильсон был неоценимым человеком для посла. Прожив много лет в России, он имел хорошие связи. У посла и журналиста стало обыкновением встречаться каждый вечер... К сожалению, Вильсон все больше придер-

живался каких-то странных взглядов: послушать его, так во всех европейских беспорядках виноваты одни евреи. А уж об отречении русского императора нечего и толковать. Лорд Мильнер, как сразу же засек Бьюкеннен, корреспондента не жаловал совершенно и однажды заметил, что удивляется, с какой стати такие солидные газеты терпят такого откровенного антисемита!

Неудовольствие лорда Мильнера заставило посла самому искать встречи с журналистом. Он пригласил его на завтрак. Вильсон, как всегда, держался дружески, как бы забыв о недавней размолвке. Но, выслушав хозяина стола, сразу же снова сел на любимого конька.

– Сэр Джордж, у вас, простите, дивизионное мышление. Вы силу государства считаете в количестве дивизий. Это – позапрошлый век. Уже в прошлом веке умные люди измеряли мощь держав не в количестве войск, а в количестве золота. При мер? Да хотя бы Наполеон. Вспомните Ватерлоо. Ну? Ведь глав ным победителем Наполеона вышел не кто-нибудь, а только Рот шильд. Да-да, он один.

Обескураженный Бьюкеннен потребовал объяснений, и Вильсон с удовольствием пустился рассуждать. Видно было, что этот вопрос обдуман им со всех сторон.

– Что помешало гениальному Наполеону повторить успех Ма ренго? Одно: вместо корпуса Груши к Ватерлоо подоспел корпус немца Блюхера. Вот и все! Но кто докажет, что Груши не куплен взяткой? Как это – кем? Да все тем же Рот-

шильдом!

И Вильсон указал, что накануне Ватерлоо лондонскую биржу вдруг залихорадило: пришло известие о сокрушительном поражении войск союзников. Снова победил Наполеон! И ценные бумаги полетели вниз. Агенты Ротшильда скупили их за бесценок. А когда мир узнал о поражении Наполеона, было уже поздно: все акции лежали в портфеле Ротшильда. С того дня он сгрэб в свои хранилища колоссальные богатства, а следовательно, стал всесилен.

Вильсон также обратил внимание посла на молодых сотрудников посольства. Их командировали в помощь капитану Кроми. Что, капитан перестал справляться сам? Или ожидаются какие-то события? Нынешнюю обстановку в Петрограде он сравнил с пистолетом со взведенным курком. Достаточно кому-нибудь нажать на спусковой крючок – и грянет. Ох, сильно грянет!

Через неделю по взбудораженной столице стали носиться грузовики, битком набитые вооруженными рабочими, студентами и гимназистами. Особенный восторг от обладания винтовками испытывали гимназисты: они палили в небо не переставая.

Утром неожиданно собралась Государственная дума. Депутаты стали заседать, наплевав на царский запрет. Николай II в своей Ставке уже лишился всякой власти, и своеволие Думы с особенною силой подчеркнуло полное бессилие еще не свергнутого венценосца.

Черт побери, события развивались именно так, как и предсказывал Гарольд Вильсон! Самое же поразительное[^] что он оказывался прав и в своем неукротимом антисемитизме. Тут уж впору было развести руками...

Все-таки золотая голова!

В воскресенье, 5 марта, сэръ Джордж поднялся пораньше и отправился в церковь Святого Пантелеймона. Стояло ясное, морозное утро с ветерком. Солнце сияло на куполах. От вчерашней оттепели осталась шершавая наледь под ногами. На паперти сильно продувало. Нищие толпились в приделах... Бьюкеннен обнажил голову, зашел за первую колонну и стал наблюдать. Судя по одежде и прическам, молящиеся были из простонародья. Британца поразило выражение истовой надежды, с какой все лица и глаза устремлялись к иконам, озаряемым теплым светом догорающих свечей. У всех на глазах стояли слезы. Люди исступленно крестились, задевая щепотью пышные банты, приколотые к левой стороне груди. Все банты были свежескрасного революционного цвета.

Посол возвел глаза к темному куполу и в раздумье пожевал губами. Как все это совместить? При такой неистовой религиозности и эти красные мятежные банты? Он осторожно выбрался на паперть и сошел вниз, на мостовую. Автомобиль дождался его в переулке. Он сказал шоферу ехать в Преображенский собор. Оттуда, из собора, он еще заехал в церковь Святого Симеона. Везде Английскому журналисту удалось побывать в Екатеринбурге. В числе немногих он

спускался в подвал Ипатьевского дома, видел следы крови, исковырянные пулями стены. Он читал на стенах солдатскую похабщину на русском, мадьярском, немецком и еврейском языках. Еще сохранялась цитата из Гейне об участии библейского Валтасара: «Царь той же ночью был убит своими слугами».

Вернувшись из России, Вильсон написал книгу об увиденном. Это он назвал имена подлинных убийц царской семьи: Янкеля Свердлова и Янкеля Юровского. Это он сообщил о том, что заспиртованную голову Николая II Юровский привез в Москву, Свердлову. Наконец он привел список 556 лиц, высших руководителей Советской России. 448 из них, как уверял автор, были евреи.

Книга английского журналиста, свидетеля российской катастрофы, вызвала ярость хозяев западного мира. Автора принялись травить и преследовать словно за «оскорбление их величеств».

Умер Вильсон, не дожив до 50 лет одно и то же: широкое крещение от лба до живота, слезы до краев и красные банты. «Дикий народ... Лорд Мильнер прав».

Уже подъезжая к посольскому особняку, он вдруг сказал ехать в Министерство иностранных дел.

В министерстве хозяйничал Милюков. Внезапный выдвиженец, он еще не обжился на новом месте и чувствовал себя неловко. Царская пышность обстановки требовала привычки. Министр испытывал обескураженность. Он всю жизнь

рвался к власти и теперь не знал, как себя вести. Прежде было проще. Он верил в свой ум, в свой авторитет и смело критиковал правительство. В его речах угадывалось: «Вот посадите нас править, и вы увидите, как сразу станет хорошо!» Космополит, он всю жизнь мотался по зарубежью и теперь все свои надежды связывал с теми, кто его хвалил, поддерживал. Поэтому он с такой радостью воспринял поздравительную телеграмму американского банкира Якоба Шиффа и отозвался на нее с нетерпеливой благодарностью. У него прорезалась уверенность: я не одинок! И даже стала проявляться спесь. Признание Временного правительства он связывал со своим именем, со своим международным авторитетом.

Появление британского посла он воспринял как свидетельство того, на какую высоту вдруг вознесла его судьба. И все же он робел, продолжал стоять посередине кабинета и не знал, куда девать собственные руки. Министерская выучка – дело непростое!

Сэр Джордж, напротив, чувствовал себя как дома. Он столько раз бывал в этом роскошном кабинете, здесь столько обо всем говорено!

Без всякой подготовки посол напомнил Милюкову о манифесте Временного правительства. Союзники ждали заявления новой российской власти о решимости продолжать войну. В настоящее время это было самым важным, самым неотложным. После пресловутого «Приказа № 1» русский

фронт мог развалиться.

Бьюкеннен сидел, небрежно бросив ногу на ногу. Милюков сначала сунулся за стол, затем поспешно вышел и опустился с краешка на стул. Он походил на неуверенного посетителя, просителя.

Как раз о продолжении войны, о верности союзническому долгу, сказал он, шла речь на вчерашнем заседании правительства.

– Господин посол, наше министерство... мое министерство!., буквально днями выступит с официальной нотой. Мирная ответственность получит заверения... В порядке же конфиденциально сти хочу вам сообщить, что я надеюсь выработать формулу, кото рая вас, безусловно, удовлетворит.

Вы надеетесь! Господин министр, мне хотелось бы услышать не о ваших надеждах, но об уверенности. Милюков вспыхнул. Посол, делая выговор, переступал границы дозволенного. Обычная краснота его лица обрела угрожающую багровость.

– Если бы вы знали, господин посол, как трудно иметь дело с нашими социалистами! Вы же не хотите, чтобы мы пошли с ними на разрыв?

– Что вы имеете в виду?

Милюков заколебался. Как министр, он каждое утро получал секретную сводку контрразведывательного отдела. Два дня назад поздно ночью квартиру Сазонова, недавне-

го министра иностранных дел, тайно посетили два человека. Они задержались в гостях до самого утра. Одним из посетителей был Бьюкеннен. Его сопровождал сотрудник посольства Брюс Локкарт... Что за интерес привел их к бывшему министру царского правительства? Почему тайно? О чем был столь долгий разговор?.. Не спросишь ведь! И Милюков пробормотал:

– Я уверен, господин посол, вы отдаете себе отчет, что решительный разрыв с Советом депутатов немедленно вызовет в России гражданскую войну.

Бьюкеннен сделал неуловимое движение бровями:

– Поймите же, что правительство его величества не может допустить ни малейшей двусмысленности насчет вашей решимости сохранять наш боевой союз и продолжать войну!

– К сожалению, господин посол, вы не имеете представления о том, что происходит рядом, в Кронштадте... Вообще на нашем флоте... В Севастополе матросы убивают офицеров... С этим народом очень трудно иметь дело!

Вспомнив молящихся с бантами и слезами, Бьюкеннен смягчился:

– Ваш талант, господин министр, ваше почетное патристическое прошлое служат мне гарантией в том, что в самом скором будущем вы дадите своим союзникам самый удовлетворительный ответ. Я на это надеюсь. Я этого жду от вас!

– Господин посол, прошу вас... доверьтесь мне!

Узнав о назначении генерала Корнилова командующим

войсками Петроградского военного округа, Бьюкеннен взял себя всей рукой за подбородок и погрузился в размышления. Всезнающий Локкарт представил о генерале все необходимые сведения и прибавил, что, на его взгляд, Корнилов наряду с яркими достоинствами обладает столь же яркими недостатками. Во всяком случае, общеизвестная «зарывистость» генерала свидетельствовала о том, что свои немалые чины он заслужил не на паркете. Собственно, на паркет, на нынешний высокий пост, его выдвинула революция. Назначение Корнилова свидетельствовало о желании нового правительства России сохранить боеспособность армии и продолжать войну. Но тогда как понять эти нелепые распоряжения, известные как приказы № 1 и № 2?

Многое, очень многое, что называется, не сходилось.

(Сейчас бы самое время посоветоваться с таким глубоким человеком, как лорд Мильнер!)

Озабоченный тем, чтобы не потерять в лице России надежного союзника, Бьюкеннен сообщал своему начальству в Лондон:

«Я несколько не верю, что Временное правительство способно быстро осуществить реформы. В военной и гражданской администрации царит уже не беспорядок, а дезорганизация и анархия».

В первой половине апреля, присмотревшись как следует к фигуре Ленина (по совету Локкарта), посол шифровкой предупреждал:

«России никогда не выиграть войны, если Ленину будет позволено призывать солдат к дезертирству, к захвату земель и к убийствам».

В эти суматошные, напряженные дни, когда новое правительство в Петрограде лишь совершало свои первые шаги, надежнейшим помощником посла стал Локкарт. Наблюдая за его работой, сэр Джордж приходил к выводу, что таким энергичным, небрезгливым людям отныне принадлежит будущее мира. Локкарт поражал посла своей спокойной и уверенной циничностью. Он проповедовал послу, что современная демократия освобождает человека от всяческой морали, она развивает в каждом самые низменные инстинкты... Черт его знает, может быть, он был прав. В своей работе в России ему пришлось сталкиваться с огромным количеством людей. А революция взметнула со дна русского общества целые пласты многолетней человеческой залежи.

Во все тонкости работы своего помощника Бьюкеннен не входил. Локкарт сообщал ему лишь то, что считал нужным. Сэр Джордж знал о завязавшейся дружбе Локкарта с Савинковым, невольно следил за тем, как идет борьба за освобождение из тюрьмы Дмитрия Рубинштейна и Манусевича (Мануйлова).

Локкарт действовал через своих подручных. На него работали сын сенатора Белюстина, какой-то странный офицер, по фамилии Брюхатов, и такие заметные общественные деятели, как Шмаков, Мусатов и Тегер. Как-то Локкарт обро-

нил, что в Петрограде разворачивает свою деятельность ложа розенкрейцеров. С тайными ее происками, в частности, связано создание так называемой «Священной дружины», организации настолько черносотенной, настолько откровенно погромной, что от нее шарахались в испуге. Финансировал «Священную дружину» не кто иной, как знаменитый Манус, банкир-миллионер, входивший в компанию распутинцев.

День ото дня Локкарт становился работником на редкость выдающимся, незаменимым.

Конец апреля принес большие огорчения. Министр Милюков, как и обещал, выступил со специальной нотой, заверяя мир о решимости России вести войну до победного конца. (Это был и ответ на тайные домогательства германского правительства.) Союзники восприняли ноту Милюкова с удовлетворением. Временное правительство оставалось верным долгу. Однако в самой России нота Милюкова вызвала бурное общественное возмущение. Улицы Петрограда, как и в знаменательные дни конца февраля, затопили толпы. Избегая неизбежного взрыва, перепуганное правительство поспешило принять меры. Милюкову и Гучкову пришлось уйти в отставку. Лишился своего поста и такой решительный человек, как генерал Корнилов.

После ноты Милюкова вконец ухудшились дела у Палеолога. Приготовился к неприятностям и сам Бьюкеннен, как вдруг из разговора с Локкартом он уловил, что в Лондоне

весьма довольны переменами во Временном правительстве (без одобрения, естественно, вслух, но – довольны). Локкарт сумел вклеить, что удовлетворение развитием событий связывают именно с Бьюкенне-ном. В частности, отдается должное его проницательности: это же он заметил, выделил и стал продвигать к вершинам власти адвоката Керенского.

Похвала эта была подана столь искусно, что в нее поверил и сам посол.

Все же про себя он не удержался от горького вздоха: «Никогда не знаешь, что найдешь!»

В середине мая Петроград покинул посол Франции Морис Палеолог. Отставкам... Состарившегося маркиза заменил молодой и энергичный Ну^анс. Сэр Джордж лишился многолетнего умного и проницательного собеседника. Он чувствовал, что остается в полном одиночестве. Видимо, скоро край и его карьере. Их, состарившихся, заменят молодые.

На прощальном ужине в уютном особняке французского посольства сэр Джордж расчувствовался и проникновенно утешал маркиза, уезжавшего в свою Францию на окончательный покой. Годы действуют неумолимо. Но разве им, старикам, нечем гордиться? Они закурили сигары и со снисходительною умудренностью стали наблюдать за молодежью. В зале среди публики невольно обращали на себя внимание капитан Кроми, крепыш Локкарт и очаровательный Рейли (кажется, на самом деле иудей – тут Вильсон снова оказывался прав). Оба старика испытывали затаенную сладкую грусть.

Все-таки прежде дипломаты избегали пачкать свои перчатки низменной грязью: сама атмосфера удерживала их от этого чувством джентльменской брезгливости. Ныне же... да, нынешним дипломатам вместо перчаток требуются рукавицы дворников!

Неожиданно Морис Палеолог отверз уста:

– Вы помните, мой дорогой, скандал с Сухомлиновым? («Ну еще бы!») Однако держу пари, что вы не знаете корней... Все дело в том, что жену Сухомлинова никак не принимали в высшем обществе. Очаровательная Екатерина Викторовна считалась пар веню. А женщина – я уверяю вас! – прелестная... Естественно, она рассердилась и решила завести свой салон, создать свой кружок. И – создала. И – стали собираться. Но кто же там был главным, в окружении этой прелестницы? Ни за что не догадае тесь. Нет, не сам министр и даже не полковник Мясоедов, хотя мужчина видный, бравый и совсем неглупый, – главным паучком в этом салоне был Альтшиллер. Слыхали о таком? Да, именно он, этот ловкий иудей... Теперь еще один вопрос: вы знаете, кто самый страшный человек во всем Петрограде? Не ломайте голову – не угадаете. Полковник Миронов. Да, именно начальник контрразведки. И знает много, и может много, очень много. Во всяком случае, он первым разузнал, что Альтшиллер уже много лет является резидентом германской разведки в России. Еще с Киева... вон с каких пор. И этот Альтшиллер свел прелестную Екатерину Викторовну со ста-

рым Сухомлиновым, он способствовал его выдвижению наверх, он же уложил в постель Екатерины Викторовны бывшего полковника Мясоедова. Одно не удалось Альтшиллеру: сделать Сухомлинова Верховным главно командующим. А был близко, очень близко...

Бьюкеннен изумился:

– Позвольте, но я отлично помню: никакого Альтшиллера не было на процессе Мясоедова!

– Само собой, – усмехнулся Палеолог. – Покойники в суд не являются...

– Успел умереть?

– Устранили. И сделал это... как вы думаете – кто? Полковник Миронов.

Глядя на кончик тлеющей сигары, сэр Джордж позабыл дышать. За много лет знакомства Палеолог впервые расщедрился на такую откровенность. Что его заставило? Неужели так подействовало известие о неожиданной отставке?

– Вы хотите сказать... – осторожно подтолкнул он.

Я хочу сказать одно: не исчезни так вовремя Альтшиллер, одним Мясоедовым не обошлось бы дело. Веревка плачет по многу гим! Громкий взрыв смеха заставил послов поворачивать головы. Веселилась компания капитана Кроми. Белобрысый крепыш Лок-кэрт, жестикулируя, о чем-то рассказывал и смеялся.

Заметив внимание послов, компания смущенно притихла.

– Сэр Джордж, – внезапно спросил Палеолог, – вы полно

стью доверяете этому молодому человеку?

Не дав развиться изумлению своего собеседника, он посоветовал ему посетить такое заведение, как «Вилла Родэ». Женщины? Ну что значит – женщины... Есть, разумеется, и жеребчики. Но не все же заняты одними женщинами!

– Лорд Мильнер, вы это также знаете, сэр Джордж, был слишком занят в Петрограде. Однако побывал в «Вилле Родэ». Ему вдруг понадобилось срочно увидеться с князем Львовым. И ваш Локкарт быстренько устроил эту встречу. Да, там... в кабине те. И совсем без женщин!

Вот этого Бьюкеннен совсем не знал. Даже не подозревал! То есть он, конечно, видел, что все дни пребывания в Петрограде почтенный лорд занимался не столько совещанием союзников, сколько какими-то тайными делами, но-о... чтобы Локкарт!..

Он вдруг ощутил, что уже порядочное время его потихоньку отодвигают от слишком важных дел.

Становилось понятным то пренебрежение, с каким стали относиться к нему все эти разбитные молодые люди, наводнившие посольство.

Окончательно его сразило сообщение о том, что в этом сомнительном ночном заведении компанейский, развеселый парень Локкарт известен под странным, очень странным именем: Роман Романович... Едва прозвучало это имя, Бьюкеннен вздрогнул. Роман Романович! Неведомый мистический Роман Романович... Об этом тайном человеке как-то

словно невзначай проговорился сам лорд Мильнер. С тех пор Бьюкеннен не переставал ломать голову. Он считал, что под этим загадочным именем скрывается до поры до времени кто-то из сильных мира. А выходило... но неужели?!

Да-а, всему свой край. Время неумолимо...

И все же ради чего все эти поразительные откровения?

Покидая посольство, уже распрощавшись с растроганным маркизом, сэра Джордж остановился перед старинным гобеленом, украшавшим площадку второго этажа. Рисунок гобелена повторял картину Рембрандта «Торжество Мардохая». Оригинал картины висел в особняке самого Ротшильда. Оригинал имел возможность видеть только тот, кому выпадало редкостное счастье проникнуть в особняк надменного и всесильного банкира.

Бьюкеннен много раз бывал в посольстве Франции. Но почему лишь сегодня он остановился перед гобеленом?

Сюжет, он понял это, носил слишком назидательный характер. Всякий, кто имел время остановиться и поразглядывать, получал заряд предостережения и даже устрашения. «Мemento Ротшильд!» И ему снова вспомнился разговор в середине февраля с лордом Мильнером. Тогдашнее предостережение странным образом наслаивалось на сегодняшнее, на теперешнее...

Задумчиво спустился он на улицу и молча сел в автомобиль. Его никак не оставляло подозрение, что Морис Палеолог, даже имея гобелен перед глазами каждый день, все же

чего-то так и не понял, не уразумел, и вот результат – слетел со своего поста⁴.

Посол Франции Морис Палеолог покинул Петроград 18 мая.

Меньше чем через неделю, 24 мая, в Петрограде начал работу VII Всероссийский съезд сионистов.

Снова приходилось убеждаться в поразительной правоте «антисемита» Вильсона!

Во всяком случае, теперь, по мере того как развивались события в России, в догадках и расчетах Бьюкеннена наконец-то многое начало сходиться.

⁴ В отличие от своего коллеги, Палеолога, Джордж Бьюкеннен продолжит деятельность дипломата. В декабре 1917 года он (видимо, как «специалист по революциям») займет пост посла в Италии. Там, в Риме, выйдет на политическую арену социал-демократическая партия во главе с Муссолини.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Положение Савинкова в Петрограде переменилось с того дня, когда Керенский вдруг возглавил военное министерство. Новоиспеченному министру, с головой ушедшему в интриги с властью, в первую голову понадобились опытные и преданные помощники. Первым из таких стал бывший главарь «Боевой организации» и писатель. Его кандидатура, без всякого сомнения, была подсказана министру в подходящую минуту, и Борис Викторович догадывался, что это сделали его новые друзья из английского посольства – Брюс Локкарт и Сидней Рейли. Кажется, полоса досадных неудач пошла к концу. Савинков болезненно пережил апрельскую ноту Милюкова, когда слетел со своего поста генерал Корнилов, затем свалилась внезапная отставка французского посла Палеолога – хочешь не хочешь, а приходилось делать ставку на англичан. Презируя старого и замороженного Бьюкенена, никак не попадавшего в стремительный темп событий, Борис Викторович подружился с Локкартом и Рейли. С большой душой, совершенно обугленной страшным уроком предательства Азефа, Савинков отнюдь не заблуждался насчет дружеского расположения своих новых знакомцев из английского посольства. В таких делах он был не новичок. Просто в самом скором времени он станет им необходим. Так что с их стороны тут был всего лишь профессиональ-

ный прием. Держаться с ним на дружеской ноге обеих парней обязывала служба.

Однако после жесточайшего урока подлеца Азефа его уже ничем не испугать.

«Посостязаемся... Кто победит?» К своим достоинствам он относил тот факт, что с самого начала сделал ставку на военных. А на что еще? Никаких иных реальных сил в России не существовало!

Новый министр Керенский – он понял это сразу! – являлся сугубо штатским человеком. Адвокаты слишком любят, слишком привыкли выступать. Савинкову это было только на руку. Из таких, как Керенский, можно лепить словно из воска... А зная слабые места внезапного начальства, сам становишься сильным!

Должность комиссара Юго-Западного фронта свела бывшего террориста с генералом Брусиловым. Этого он прибрал к рукам мгновенно. Бедный генерал трепетал перед всем революционным и боялся одного – не угодить новым властям и тем самым как был засвидетельствовать свою позорную старорежимность.

Майский офицерский съезд в Могилеве и неудачное июньское наступление, завершившееся тарнопольской трагедией, вновь высветили яркую фигуру генерала Корнилова. Склонный к давнему самообожанию, Савинков моментально вспомнил, что не кто иной, как он, обратил внимание на этого военачальника еще в дни своего недавнего отчаянного

положения.

Как изменилась ситуация! Крупные козыри сами валились ему в руки, масть пошла.

Все-таки он дождался случая и переломил капризную судьбу! Ободренный перспективами, снова ощутивший уверенность в своих силах, Борис Викторович пренебрежительно отнесся к сообщению Рейли о внезапном появлении в Петрограде парижского «крестника» Савинкова – так этот смазливый и развязный иудей назвал Бронштейна (Троцкого). В тот миг в Савинкове не сработала его привычная подозрительность профессионала-боевика: с какой стати последовало это странное предупреждение? Он лишь победительно усмехнулся. Давнишний незадачливый соперник – в памяти сохранились вздыбленные волосы и нахальные глаза за стеклами пенсне – представился раздавленным самцом, и вдобавок с битой физиономией. Жалкая роль!

(Если бы он знал, как ему придется об этом вскоре сожалеть!) Тарнопольский прорыв и мятеж большевиков в июле сильно испугали нового военного министра. Савинков воспользовался этим и заставил Керенского сместить командующего Юго-Западным фронтом. Вместе генерала Гутора был назначен генерал Корнилов.

Исправный добросовестный служака, Гутор прославился тем, что в 1905 году, подавляя волнения в Одессе, без колебаний вешал и расстреливал. У него сразу же не заладились отношения с комиссарами и комитетами. Генерал привык к

единовластие. Еще недавно комиссаром фронта был сам Савинков. Получив назначение в Петроград, в министерство к Керенскому, он вместо себя оставил возле Гутора своего верного Филоненко. Этот во всем привык подражать Савинкову и без всякого стеснения постоянно вмешивался в военные дела. Не вытерпев, Гутор отправил в Петроград, Керенскому, требование немедленно убрать из штаба фронта комиссара. Он поставил ультиматум: «Или Филоненко, или я!» В министерстве уже хозяйничал Савинков. Ему ничего не стоило опорочить Гутора перед министром. Заминка получилась с мнением Брусилова. Верховный главнокомандующий прознал, что вместо Гутора намечается Корнилов. Сказалась старая устоя-

чивая неприязнь, и Брусилов воспротивился. Савинков лишь усмехнулся. Тогда Брусилов затеял местечковую торговлю: он соглашался на назначение Корнилова, но вместе с Гутором потребовал убрать и Филоненко. И снова усмешка превосходства тронула тонкие властолюбивые губы Савинкова. Он отверг все брусиловские хитрости. Корнилов был назначен, Филоненко остался.

По законам чести и достоинства Брусилову полагалось немедленно подать в отставку. С ним, как с высшим военачальником в русской армии, совершенно не посчитались. Однако он лакейски проглотил все оскорбления и положил поста не оставлять. Лавр Георгиевич лишь пожал плечами. Мудрые китайцы в таких случаях говорят: «Человек совер-

шенно потерял лицо».

Впрочем, с опозоренным, потерянным лицом ловкому Брусилову оставалось командовать русской армией совсем недолго. События в стране внезапно приняли скачущий характер.

Мысль о том, чтобы одним решительным ударом покончить с разлагающим влиянием Совета депутатов, высказывал еще Ново-сильцов. Он предлагал поднять по боевой тревоге верную долгу и присяге воинскую часть и попросту арестовать всех членов исполкома. Остальных, если они не разбегутся сами, разогнать. На взгляд Новосильцова, для этой стремительной операции достаточно будет батальона. А группа решительно настроенных офицеров имелась.

Глава Временного правительства князь Львов, когда ему доложили этот смелый план, ужаснулся и замахал руками:

– Да вы с ума сошли! Что же о нас скажут за границей? Это же... это же чистая контрреволюция! От нас отвернется вся прогрессивная общественность!

Для этого заслуженного деятеля российской демократии верхом гражданской решимости была замена спившегося врача в захудалой земской больничке.

Савинкову понравилась решительность Новосильцова. Что ни говори, а русские природные аристократы умели действовать! Мысль об аресте исполкома и разгоне Совета «рачьих и собачьих депутатов» полностью укладывалась в его собственный тайный план. Трудность заключалась в том, что

требовалось получить согласие главы правительства. Как к этому отнесется Керенский, сменивший рыхлого и вялого князя Львова? Возникало опасение, как бы Керенский не заподозрил опасного для себя подвоха. Недаром же он сохранил за собой и пост военного министра. Он, видимо, сам вынашивает мысль стать диктатором России.

Собственно, как раз на этот случай Савинков и обеспечивал быстрое, стремительное восхождение Корнилова. В последнюю встречу, уже после тарнопольского скандала, проездом с фронта в Петроград, Савинков сам завел с удрученным неудачей генералом не слишком откровенный, однако полный важных и увесистых намеков разговор. Он решил напоследок окончательно выяснить умонастроение Корнилова. Это представлялось ему слишком важным.

Савинков ни в грош не ставил будущее соперничество Керенского. Время краснобаев истекало. А соперничества Корнилова он попросту не допускал. Пехотный генерал на посту премьера? Слишком нелепо. Несомненно, Корнилов вполне удовлетворится своей выдающейся военной ролью. Пост политический он уступит с удовольствием и облегчением. Понимает же, что эта обуза не из легких!

Короче, Савинков рассчитывал на боевого и решительного генерала, как на хорошо отточенный топор. А уж рука для топора найдется!

К сожалению, испытывая генерала откровенным разговором, он слишком увлекся и попал в неловкое положение.

ние. Внезапный этот промах, он подозревал, сказался на генеральском умонастроении, смазав всю встречу, весь этот слишком важный разговор.

Генерал не удержался и завел обычную «военную пластинку»: стал жаловаться на комитеты, лезущие постоянно под руку, сующие свой нос туда, где совершенно ничего не смыслят.

Савинков, ободренный тем, как завоевывается генеральское доверие, запальчиво пообещал: никаких комитетов! И после этого в одно мгновение обоих собеседников пронзила одинаковая мысль: но тогда зачем же нужен ты? Ведь не секрет, что вся сила и влияние главного комиссара опирались на эти выборные органы.

Переглянувшись, они враз отвели глаза.

Лицо Савинкова со знаменитыми, как бы исплуканными, глазами сделалось надменным. В отличие от него генерал уверенно сидел в своем военном седле. Зыбким было комиссарское положение Савинкова. Он решил поступить так, как обычно поступал в самые щекотливые минуты: взял тон грубый, но предельно откровенный. Он сознавал, что этот умный азиат сразу же уловит любую ложь, малейшую фальшивость.

– Генерал, оставим изрекать приятности нашему «жен-премьеру» (намек на успехи Керенского у дам в салонах). Станем реалистами. Развитие событий, на мой взгляд, склоняется к тому, что в случае чего мне придется стрелять в вас,

как в кого-нибудь из Романовых. Само собой, вы мне ответите тем же самым. . . Сейчас много, слишком много зависит от нас с вами. На вашей стороне доверие военных. На моей, ну как бы вам сказать?.. Я все же не сбрасывал бы со счетов ни комиссаров, ни этих самых комитетов. До поры. . . хотя бы. К тому же я теперь всегда рядышком с «жен-премьером». Поверьте, генерал, как и вы, я нисколько не обольщаюсь этой личностью. Но кто ж меняет лошадей на переправе? Но он еще и знамя – не забудем. С ним пока считаются вполне серьезно. Разумеется, его, как головешку, надо постоянно раздувать, иначе он погаснет. Я обязуюсь это делать постоянно. Обещаю: пепла не будет! А если потребуется, он у меня вспыхнет костром. Вас это устраивает? Тогда – вашу руку. Будем спасать Россию вместе. Это наш долг, генерал!

Быстрое рукопожатие вышло горячим и порывистым – чрезмерно. Фальшь так и не исчезла. Лавр Георгиевич не знал, куда деть руки. Тяжелая ситуация, что и говорить!

– Господа, я всего лишь аптекарь. Мое дело исполнять рецепт ты. Что у вас там решено? Подавайте. Я готов.

Савинков сделал вид, что удовлетворен.

– Генерал, ничего другого я не ожидал. Вы настоящий патриот!

Ум сочинителя острых политических романов помог ему выработать формулу, способную найти поддержку как слева, так и справа. Он постоянно помнил, чем разнились люди, на которых он сделал свою ставку. Если у Керенского на пер-

вом месте стояла все-таки Свобода, а уж Россия на втором, то у Корнилова – совсем наоборот. Маленький генерал жил интересами России. Поэтому Савинков предлагал союз имеющихся сил или, если угодно, комбинацию: «Красное знамя Керенского и крепкую руку Корнилова». А поскольку вся его деятельность в эти дни сосредоточилась в столице, он пустил в обиход летучую фразу о том, что плохо верит в грубую силу генерала Корнилова без надлежащей поддержки со стороны Керенского. Он рассчитывал, что его мнение быстро достигнет ушей главы правительства.

После этого он заявился к Керенскому и потребовал у него два полка надежных войск. Совет рабочих и солдатских депутатов со своим настырным исполкомом должен был исчезнуть и более не появляться. Момент для расправы с ним выдался самый подходящий. Столица еще не забыла беспорядки в первые дни июля, поразительным образом совпавшие с началом немецкого наступления на фронте. Очень к месту приходилась и газетная шумиха насчет немецкого вагона и немецкого золота большевиков.

Перед глазами Савинкова стояла красочная картина, когда Мюрат, генерал Наполеона, в сопровождении храбрых гренадеров появился во французском парламенте. «А ну-ка выбросьте мне эту публику вон!» Перепуганные депутаты принялись прыгать в окна. «Интересно, прыгнет ли кто из этих?» – думал Савинков.

О главе правительства уже судачили как о безвольном че-

ловеке. Его презирали за то, что в июле он упустил счастли-
вую возможность одним ударом расправиться с большевика-
ми. На днях Бьюкеннен выговаривал молодому, блестящему,
до кончиков ногтей англазированному Терещенко, злосло-
вя насчет Керенского. Презрительный сарказм в речи посла
хлестал через край. Спит в царской кровати, восстановил в
Зимнем дворце старорежимные порядки, а духу ударить по
врагам России так и не хватило. «Орел, а зубы телячьи!» Это
было сказано метко, едко, ядовито. Разумеется, Терещенко
постарался, чтобы слова посла узнали многие и многие. Об
орле с телячьими зубами перешептывались в окружении Ке-
ренского. Усмешек при этом даже не прикрывали ладошка-
ми. Керенский кипел. «Пусть они сунутся на улицы еще раз.
Я их раздавлю!» Он стал смотреть на Ленина, своего волж-
ского земляка, как на заклятого врага. В конце концов, слож-
но ли найти человека, согласного выстрелить в спину вождю
большевиков при такой стандартной ситуации, как попытка
к бегству?

Савинкову нравилась сама атмосфера кипучей деятельно-
сти. Он словно окунулся в свою молодость. Вспомнились зо-
лотые денечки, когда вся «Боевая организация» эсеров го-
товилась к намеченному дню и напоминала умело снаряжен-
ную бомбу.

Тогда их было мало, очень мало, но каждого их шага с
замиранием сердца ожидала вся восхищенная Россия.

Тайком от Керенского он обсудил свой план с такими

людьми, как Некрасов и Терещенко. Эти люди стали незаметно, но настойчиво выдвигаться на передний край политических баталий в столичной жизни. Причем они сами проявляли интерес к ближайшему знакомству с бывшим террористом. Видимо, сообразили, что наступает время решительных людей. Оба – и Некрасов, и Терещенко – посоветовали загодя наметить тех, кого следовало незаметно устранить. Политика, к сожалению, не обходится без жертв. Это утверждение ласкало слух убийцы великого князя Сергея Александровича. Савинков, поразмыслив, такой списочек составил.

В коридоре перед приемной премьер-министра его остановил ничем не примечательный человек по фамилии Львов. Однофамилец князя, недавно сдавшего пост главы правительства, он одно время входил в состав Кабинета Министров, занимая такую нелепую в нынешнее время должность, как обер-прокурор Синода. Как он был вымыт из правительства, Савинков не помнил. Пост обер-прокурора никого не завлекал. Они даже и знакомы-то не были толком... У бывшего обер-прокурора имелась скверная привычка вертеть пуговицу на пиджаке собеседника. При этом он склонялся близко, говорил негромко, как бы совершенно доверительно. И постоянно подхихикивал... Савинкову было некогда, он нес на утверждение боевой победительный план и не испытывал желания размениваться на пустяки. Однако, остановленный и ухваченный за пуговицу, он принужден

был выслушать насмешливую байку насчет Чернова (Цукермана), бывшего товарища Савинкова по партии. Керенский, как известно, ненавидит Чернова и ни за что не соглашался ввести его в состав правительства. Однако, едва эсеры поднажали, Керенский тут же сдался. Телячьими зубами эсеров не испугаешь!

Насилу отделавшись от хихикающего собеседника, Савинков с раздражением подумал: «Лезут и лезут... Почуяли!»

Он ощущал прилив несокрушимых сил. Цель была уже в пределах видимости. Решительный шаг был недавно сделан властно и без особенных помех: Корнилова утвердили на пост командующего войсками Юго-Западного фронта. Следующей ступенью для решительного и безжалостного генерала будет самая последняя – Верховного. Савинков надменно сжимал зубы. Не торопиться, не спешить... всему свое время... Ему припомнилась французская поговорка времен осточертевшей эмигрантской жизни «Артишоки едят по лепесткам».

Позднее веселье за плотно зашторенными окнами «Виллы Ро-дэ» лишь набирало самый угарный и бесшабашный градус, когда скрипач, привычно осклабяясь и орудуя смычком, стал ощущать назойливое приставание вышколенного официанта. Он переходил за музыкантом от столика к столику и застывал за кланяющейся, извивающейся спиной как некий молчаливый знак случившейся беды. В конце кон-

цов скрипач не вынес этого мучительного свербения в нервной спине и вышел за бархатную занавесь, в коридор на кухню.

– Я же за-пре-тил! – свирепо начал он, испепеляя бледного официанта.

Тот, однако, дерзко подал знак подняться наверх, в угловую комнату с камином.

Сердце музыканта дрогнуло, предчувствуя беду. Такого еще не случалось. Мелко семеня, с животом перед собой, он выскочил в захламленный коридор и с молодой прытью стал одолевать ступени двух этажей на третий.

Он задыхался, когда влетел. Камин был еще пуст и черен. Лампада не горела. Свет падал из двери.

– Арон, я вас не узнаю... Что вас заставило? Ну, говорите, говорите!

Он запер дверь и засветил лампаду. В кресло не садился, ждал.

Новости Арона заставили его стиснуть зубы, губы, пальцы. Сегодняшней ночью, через несколько часов, будут арестованы все советчики из исполкома, кроме того, выданы ордера на арест Ленина, Зиновьева, Каменева. Столица таким образом очищается от революционеров. Власть забирает армия, генералы, офицерство. Начинает осуществляться так называемая Белая идея.

– Кто разрешил? – чуть слышно проговорил скрипач. От тембра его голоса у Симановича пошли мурашки. – Я спра-

шиваю, чья башка это придумала? Чья, чья? Кто? – он вдруг взвизгнул и в ярости стал бить ногой в ковер.

Симанович с облегчением передохнул. Зловещее шипение было страшней. Крик, тем более такой пронзительный, рвущийся со дна души, свидетельствовал, что не все потеряно, дело поправимо. И Симанович приготовился к инструкциям. За этим он и явился в неурочный час.

Имя Савинкова, главного виновника случившегося переполоха, вызвало у скрипача приступ саркастического смеха.

– Вот еще Наполеон нашелся! Александр Македонский! Что он о себе воображает? Хулиган какой-то. Привык себе бросаться бомбами... Архаровец! Но куда смотрите вы, Арон? Или вы не смотрите? Тогда позвольте вас спросить: а чем вы занимаетесь? Картишки? Ипподром? Девочки? Э?

Приходилось молчать, терпеть. Могло быть гораздо хуже.

– Слушайте сюда, – стал отдавать распоряжения скрипач. – Прежде всего следовало избавиться от дурака Переверзева, мини стра юстиции. Вот уж действительно, заставь такого деятеля Богу молиться!.. С выданными же ордерами на аресты лучше всего поступить так... – Внезапно в нем сломалась какая-то пружина, он ощутил усталость и с облегчением свалился в кресло. А когда, цепляя ногу за ногу, стащил штиблеты, у опытного Симановича совершенно отлегло на сердце. Грозу проносило, уже пронесло... – Так вот насчет ордеров. Кого-кого, но Ленина отдавать под арест никак нельзя. Никак!.. Что вы на меня уставились, как на карти-

ну, Арон?! На мне ничего не нарисовано, уверяю вас. А насчет Ленина запомните: нель-зя. Он спрятался. Пусть поживет спокойненько, отдохнет... А что вас так удивляет? Что? Ах, власть возьмет. Но тут уж вы, мой драгоценный, суετε свой нос куда совсем не следует. Не ваши это заботы. Вы уж лучше делай те свое, а кто-нибудь другой... В общем, не тянитесь на свои цыпочки, все равно ничего не разглядите. Да и что вам – надо ело жить спокойно? Не поверю. Я ж вас знаю. Э?

О, снова этот невыносимо страшный тон и обыскивающий взгляд!

Уйти бы поскорее... дел по горло.

Скрипач однако смягчился. Он, видимо, махнул рукой на вечер внизу, в зале.

– Арон, вы думаете, что эта власть – такая цацка? Пускай возьмет. Он ей не обрадуется, уверяю вас.

Он еще раз изумил своего гостя, когда тот сообщил, что Троцкий вроде бы сам согласился на арест и уже находится в «Крестах». Щеки скрипача раздвинулись в усмешке, глазки превратились в щелки:

– Арон, вы стали что-то много думать. Слишком много. Что с вами? Зачем это вам? Поверьте, мне не хотелось бы... ну, расста-ваться с вами. Такой прекрасный молодой человек! И – вдруг!.. Чего вы испугались с этим Троцким? Да ничего ему не сделается, уверяю вас. Пускай немного посидит. Ему это полезно. Тюрьма полезна всем.

Нет, Симанович окончательно потерял надежду улавливать и предугадывать ход комбинаций своего хозяина. Ему оставалось, как и прежде, слушать, запоминать и скрупулезно исполнять.

Хозяин снисходительно кивнул, услышав о стараниях Некрасова и Терещенко. Об уехавшем после Палеологе отозвался так: «Ох уж мне эти одесские маркизы!» Поморщился, узнав о болтовне под следствием Козловского, Суменсон и генерала Белецкого, одного из руководителей царской охранки, отозвался циничней-шим ругательством:

– Можно подумать, что их кто-то тянет за язык. На что надеются? Глупцы. Но мы с вами все же должны помочь следствию. Как? Да очень просто. Отдайте-ка им этого подлеца Сико. Хватит с него, попрыгал. Помните Мясоедова? Еще не забыли? Пускай теперь Сико поводит их за нос.

Самое неприятное, как всегда, хозяин оставил напоследок. Он вдруг прищурился и стал подманивать гостя пальцем.

– Идите сюда, Арон. Идите, идите ближе, я вас не укушу. Вы знаете, что это я держу в руках? Бросьте гадать, ломайте свою головку. Это, доложу я вам, списки. Какие? Очень интересные... Ах, Арон, Арон, ну почему вы не читаете газет? Как вас заста вить? Ах, все же читаете! Но тогда почему я должен самое интересное узнавать не от вас?.. Ладно, подойдите и смотрите хорошо шенько. Это вот «пятерка», а это вот «семерка». Центральные органы большевиков. К вашему

сведению, «пятерка» руководит политической стороной восстания, «семерка» же – военной. То есть это – самый мозг, самый мотор. Прочитали? Ну и что вы скажете? Вам ничего не бросилось в глаза? Нет? Жаль, очень жаль. А мне, представьте, бросилось. Смотрите: там и там, в обоих списках, один и тот же человек. Какой? А вот, извольте... Джугашвили. Я бы очень хотел знать, кто он такой, откуда взялся? Почему вы его так прозевали? Вы, вы, вы... Именно вы, черт вас подери! Где были ваши глаза, ваши мозги? У него же чертова уйма подпольных кличек. Давид, Коба, Нижерадзе, Чи жиков, Иванович... Птичка явно непростая. Как же вы просмотр рели, Арон?

У Симановича поджались ноги. Ничего хорошего не обещал этот участливый тон хозяина. Уж лучше бы кричал и топал! – И вообще... почему, почему, почему вы так воротите свою физиономию от этих самых большевиков? Вас что – надо носом тыкать? Где, кстати, ваш... этот... Свердлов? Какого черта! Он нужен здесь, здесь, здесь! – Унимая бешенство, он перевел дух. – Ох, Симанович, вы мне что-то перестали нравиться. Почему вы так чураетесь организаторской работы? Это же минус... большой, громадный минус! Подумать только: взяли вдруг и проворонили этого самого Джугашвили! Где были ваши глаза? Э? Ох, Симанович... ох!

Гнев его сошел, дыхание наладилось. Он опустил в кресло. Вскоре последовал тяжелый вздох.

– Арон, – продолжал участливо скрипач, – я вас не узнаю.

Вы стали какой-то совсем другой. Вы ж были умный человек. О, очень умный! Скажите, разве это не вы придумали хвалить великого князя Николая Николаевича во всех газетах? Прекрасный ход! А Вырубова? А этот гицель Митька Рубинштейн? И на прием к царю попал не кто-нибудь, а вы. Вы, вы, Арон. И я... мы все об этом не забудем. Поэтому... что с вами стало? Почему вы эдак... раз за разом? Э?... А ну-ка подойдите, подойдите. Не бойтесь, я не кусаюсь. Я просто хочу посмотреть в ваши глаза... Скажите, мой драгоценный, а вы случайно не... того... не хитрите? Не надо, мой бриллиантовый... Хорошо? Выкиньте из головы. Договорились? Ну вот и славненько. Станьте снова тем, каким я вас узнал и полюбил. Вы ж себе не представляете, какой вы молодой. Если бы вы знали, как я вам завидую, Арон! Вам еще столько предстоит увидеть, сделать! Вы ж превосходно начинали. Прошу вас, не спугните своего счастья, не испортите того, что мы с вами совершили в этой отвратительной стране. Думайте о будущем, Арон. Я уже старик, но вы-то... вы!

Казалось, он расстроился и с пропадающим видом махнул рукой. Симанович переминался и хранил молчание.

Отпуская своего внезапного ночного посетителя, скрипач вновь перешел на свой сварливый тон. Его стали раздражать последние статьи корреспондента лондонской «Тайме». («Прямо антисемит какой-то!») Раздражало его и поведение Рутенберга. После съезда сионистов в мае инженер стал стремиться поскорей покинуть Петроград. Белоручка... ему

не терпится в Париж! Никуда не денется от него Париж... успеет. Пока же ему следовало сойтись поближе с Савинковым. Этот сочинитель и бомбист начинает делаться фигурой. Как бы не слетел до времени с доски!

Дождавшись утверждения на пост командующего войсками Юго-Западного фронта, Лавр Георгиевич немедленно продиктовал решительную телеграмму в Петроград на имя премьер-министра и военного министра Керенского: «Армия темных, обезумевших людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. Это бедствие может быть прекращено, и этот стыд или будет снят революционным правительством, или, если оно не сумеет этого сделать, неизбежным ходом истории будут выдвинуты совсем другие люди. Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого от первого дня сознательного существования донине проходит в беззаветном служении Родине, заявляю, что Отечество гибнет, и потому, хотя и неспрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах в целях сохранения и спасения армии для реорганизации на началах строгой дисциплины и дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право увидеть лучшие дни...»

Рукой коричневого цвета Лавр Георгиевич сильно потер лоб. Как много закипало на душе, какие рвались слова, но как сбивчиво, невыразительно ложилось на бумагу! Жаль, нет Завойко... Он моментально привел бы весь этот сумбур

в надлежащий вид, придал бы ему разящую, убийственную силу.

Аппарат Бодо умолк. Телеграфист чуть повернул круглую, остриженную голову. Лавр Георгиевич передернул листочки с записями, один из них упал и улегся у самых ног солдата. «...Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что Родина накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещеваний и пожеланий прошло, что необходима непоколебимо государственная власть. Я заявляю, что, занимая высокоответственный пост, я никогда в жизни не соглашусь быть одним из орудий гибели Родины. Довольно! Я заявляю, что если правительство не утвердит предложенных мною мер и тем самым лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному ее назначению защиты Родины и Свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокома».

Сморщив лицо, генерал бесцельно дергал оставшиеся листочки.

– Все! – отрубил он и зашагал из аппаратной.

– Ваше высокопревосходительство!.. – окликнул телеграфист. Он протягивал подобранный из-под ног листочек.

Лавр Георгиевич забрал и на ходу просматривал. Это была приготовленная запись. В телеграмму она не попала. «... Вся ответственность падет на тех, что словами думает править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушие и себялюбие».

Савинков, приготавливая телеграмму командующего фронтом на стол премьер-министра, четко и решительно приписал в верхнем углу: «Со своей стороны разделяю мнение генерала Корнилова и поддерживаю все высказанное им от слова и до слова».

12 июля, с утра, на заседании Временного правительства без всяких прений был принят закон о введении смертной казни.

16 июля паническое отступление русских войск прекратилось. На фронте наступило затишье.

На следующий день Керенский в сопровождении Савинкова выехал в Могилев, в Ставку Верховного главнокомандования русской армии. Сопровождение в Ставке началось со скандала.

Генералу Брусилову полагалось встретить главу правительства (и заодно военного министра) на вокзале. Он для встречи не явился. Керенский оскорбился и отказался выйти из вагона. Узнав об этом, Брусилов кинулся в автомобиль.

Участники совещания, весь фронтовой генералитет, томилась в душном зале. Деникин, грузный, гололобый, с запущенной бородкой, склонялся к генералу Маркову и смиренно слушал, что тот ему нашептывал сердито, раздраженно. Лукомский положил перед собой чистый лист бумаги и что-то на нем чертил, то и дело обращаясь к генералу Романовскому. Тот со своим надменным, непроницаемым лицом отвечал ему вбок, через губу. Генерал Клембовский, команду-

ющий Северным фронтом, откровенно позевывал – он всю ночь провел в дороге. На старинных настенных часах с громадным медным маятником стрелка медлительно завершала круг. Начало совещания затягивалось больше чем на час.

Наконец под окнами закрывали автомобили: приехали. Брусилов выглядел растерянным. Ему пришлось выслушать от военного министра несколько обидных замечаний. Керенский ворвался в зал в своей обыкновенной манере: стремительно, плечом вперед. Из-за жесткого «ежика» на голове всем присутствующим показалось, что и зрачки военного министра поставлены торчком. Звеня шпорами, он двинул стул и, не присаживаясь, окинул взглядом всех собравшихся. Рука его заученно легла за борт френча. Рядом с ним стали располагаться члены свиты: министр иностранных дел Терещенко, управляющий военным министерством Савинков, комиссар Филоненко.

Многие из генералов с любопытством разглядывали Савинкова. Положение создалось пикантное: в прежние времена знаменитый бомбометатель любого из них рассматривал всего лишь как намеченную жертву для террора. Теперь же – соучастники, соратники... Из-под своих вечно припухших век Савинков быстро окинул зал и с удовольствием отметил отсутствие Корнилова. Командующему Юго-Западным фронтом полагалось быть, пожалуй, самой главной фигурой на нынешнем совещании. Он, однако, не приехал. Устроил это он, Савинков. Вчерашним днем из Петрогра-

да он отправил Корнилову телеграмму: «Тяжелое положение на фронте не позволяет вам принять участие». Лавр Георгиевич все сразу понял и поступил как следует. И все же, несмотря на свое отсутствие на этом важном совещании, именно Корнилов станет на нем главной фигурой. Савинков продумал и приготовил ошеломительный ход, прибегая к нему для подходящего момента. Сохраняя маску на лице, он таял от предвкушения. Собравшиеся генералы даже не догадываются, что он им сегодня зачитает. Затевая свою замысловатую интригу, он, словно шахматист, продумал комбинацию на несколько ходов вперед. Очередной ход – отсутствие Корнилова – удался. Сейчас последует еще один... Решительная телеграмма Корнилова, едва он возглавил войска фронта, нисколько не скрывала угроз по адресу правительства. Керенский так ее и понял. Савинков постарался его успокоить и предложил поближе познакомиться с сердитым генералом. Для этого он и привез премьер-министра в Ставку, в Могилев. Он видел: Керенский немало изумлен отсутствием в зале командующего Юго-Западным фронтом. Это изумление также входило в комбинацию Савинкова. Зная о «зарывистости» Корнилова, он считал небезопасным сводить его с премьер-министром лицом к лицу. Будет лучше, если они познакомятся на расстоянии!

Савинков прекрасно знал о генеральских настроениях. Всем поперек горла стали как комитеты, так и комиссары. И самым главным ненавистником этого революционного ар-

мейского нововведения считался генерал Корнилов. Но он сегодня не приехал в Могилев.

Как Савинков и ожидал, генералы в один голос потребовали убрать из армии «комиссарскую заразу». Комитеты, выборные органы, лишь разлагали дисциплину. Для достижения победы следовало вернуться к прежнему единоначалию.

Горячо, взволнованно выступил Деникин, как и на майском офицерском съезде. «Временное правительство, – заявил он, – втоптало в грязь наши боевые знамена!» Он с горечью говорил, что русская армия стала не инструментом войны, а клубом для непрерывного голосования. Деникин потребовал сплошных запретов: митингов и собраний в воинских частях, газет и листовок в окопах, появления на передовой всяческих deputаций и делегаций.

Оздоровление русской армии он всецело связывал с восстановлением бывшего офицерского престижа.

Речь Деникина как бы разделила совещание: столичные гости и хозяева смотрели на создавшееся положение совсем по-разному. Догадливый Терещенко постарался умягчить ожесточившиеся генеральские сердца.

– Господа, позвольте вам сообщить, что правительство срочно занято разработкой мер, которые идут гораздо дальше, чем пред лагалось выступавшим только что генералом Деникиным. Уверяю вас, гораздо дальше!

Многозначительно улыбаясь, он прижимал руки к груди. Весь его вид давал понять, что собравшимся даже не дога-

даться, какими важными и сложными проблемами вынуждены заниматься члены правительства в столице. Более детально он ничего сказать не вправе, ибо связан тайной.

Своего министра иностранных дел немедленно поддержал сам Керенский:

– Господа военачальники, я, как глава правительства, нахожусь в вашем полнейшем распоряжении. Прошу вас, употребляйте меня как представителя верховной государственной власти... Должен лишь заметить, что силою обстоятельств я принужден учитывать столь важный фактор, как настроение народных масс. Я очень прошу это учитывать, господа генералы! А так... я в вашем распоряжении.

Савинков оценил находчивость как Терещенко, так и Керенского. Генералам не пристало лезть в большую политику. Их следовало ткнуть носом в их привычные военные дела. Каждый должен исполнять свои обязанности.

Верховный главнокомандующий Брусилов все время умненько посматривал на выступавших, соображая, на чью сторону ему податься. Лучше всего, безопаснее всего было бы промолчать. Однако обязывало положение. Когда азартное говорение иссякло, он поднялся и начальственно откашлялся. Начал он с того, что попытался урезонить своих генералов:

– Разве правительство не пошло навстречу армии? Вот... снова... так сказать... откликнулось на введение смертной казни. Но, господа, так ли уж необходимо, чтобы над головой

солдата революционной армии постоянно витал ужас расстрела? Демократия – и, простите, позорная смерть от своих товарищей по строю... Гм, гм... А вот в армии Соединенных Штатов существует совершенно иной взгляд на дисциплину. Верней, иные методы. Там провинившегося в порядке наказания всего лишь сажают на цепь или же в крайнем случае распинают на кресте, положенном на землю. – И Верховный задорным взглядом оглядел собрание.

Не только штатским из столицы, но и генералам стало мучительно неловко. Чего он вдруг понес? Чего нагородил?

Савинков посчитал, что для подготовленного хода наступил самый подходящий момент.

Выразив сожаление, что фронтовые обстоятельства не позволили явиться командующему Юго-Западным фронтом, Савинков объявил о недавно полученной телеграмме Корнилова. Душой болея за исход столь важного совещания, Лавр Георгиевич просит, чтобы было непременно учтено и его мнение по всем назревшим вопросам.

В руке его появился плотный правительственный бланк. Генералы в зале невольно вытянули шеи. Мнение Корнилова, его манеру знали все. Савинков нарочито тусклым и бесцветным голосом стал зачитывать. Как он и ожидал, собравшиеся оцепенели. Они никак не верили своим ушам. А Савинков продолжал читать, всей кожей ощущая общее непередаваемое изумление. Корнилов решительно требовал чистки высшего командного звена и основную роль при этом

предлагал возложить на... выборные комитеты. Савинков опустил листок. Случилось как раз то, на что он и рассчитывал: всеобщее обалдение. На Деникина было жалко смотреть. Неужели это сам Корнилов, «железный Лавр», смертельный ненавистник комитетов?! Савинков, ничем не показывая своей радости, ликовал. Все задуманное осуществлялось самым лучшим образом. Снова, как и в молодые годы, он в одиночку переиграл весь ареопаг. «Артишоки, господа, едят по лепесткам...» В политике, в настоящей большой политике никогда не следует спешить. Только что удалось осуществить очередной чрезвычайно важный шаг. Еще один, более важный и ответственный, последует скоро, очень скоро, – может быть, сегодня вечером...

Поздно вечером от перрона Могилевского вокзала отошел бывший царский поезд. В пути до Петрограда ему предстояло находиться чуть больше суток – 25 часов. В вагон-салоне собрались Керенский, Терещенко, Савинков, Филоненко и Барановский, юркая личность с полковничьим чином, ставший недавно свояком Керенского.

Все находились под невеселым впечатлением от совещания. Керенский беспрестанно возил под столом ногами и звякал шпорами. Барановский, блестя румяными щеками, сжимал руки в коленях и не сводил с него встревоженных глаз. Один Савинков не оставлял своей уверенной поведки. Он продолжал задуманную комбинацию с продвижением Корнилова в «ферзи».

Своей неожиданной телеграммой Лавр Георгиевич совершил сознательную жертву, чем сильно облегчил его задачу. Керенский, глава правительства, сам убедился в том, какие это мракобесы генералы, сохранившиеся на своих постах. К счастью, нашелся среди них один, – кстати, первый революционный командующий Петроградским военным округом. Не забыли?.. Сейчас уже нет никаких сомнений, что генерал Брусилов со своими обязанностями главковерха совершенно не справляется. Ставка при нем не имела четкого плана действий, этот человек оказался неспособен окидывать единым взглядом сложную обстановку в стране и на всех фронтах. Его военный потолок – армия, не выше. Даже фронтом он командовать не в состоянии.

Савинков тонко рассчитывал на болезненную впечатлительность премьер-министра. Керенский, при своей патологической боязливости, произвольно тянется к любому, в ком чувствует волю, силу. В этом было главное свойство его женственной натуры. Этот человек обожает быть обожаемым, но совершенно неспособен на свою защиту. Что уж толковать о суровой и безжалостной борьбе! Не та натура, не то тесто...

Относительно корниловской кандидатуры несмело возразил Терещенко. Его устрашал властный характер предлагаемого главковерха. Савинков немедленно отрезал:

– Не забывайте, вся Россия создана людьми с характером!
После этого вопрос о назначении Корнилова на высочай-

ший военный пост был решен тут же, в несущемся вагоне.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ставка русского Верховного главнокомандования перенеслась из Барановичей в Могилев два года назад, когда Николай II сместил великого князя Николая Николаевича и послал его командовать Кавказской армией. В Могилеве государь выбрал для своего штаба небольшое двухэтажное здание в густом саду. Личные апартаменты составили всего две комнаты: рабочий кабинет и спальня. С приходом царя усилили охрану Ставки. На крыше здания поставили 18 пулеметов – в последнее время участились налеты немецких аэропланов. Отчаянно ревушая машина проносилась над самыми крышами, летчик свешивался за борт и руками бросал вниз небольшие осколочные бомбы. Иногда сыпались и обыкновенные пехотные гранаты. Внутреннюю охрану Ставки нес батальон Георгиевских кавалеров.

В своей спальне на втором этаже государь распорядился поставить раскладную койку для часто приезжавшего наследника. Эта койка сохранилась. На ней теперь спал Юрий. Свою семью Лавр Георгиевич постоянно перевозил с собой.

За время войны штаб Верховного главнокомандующего разросся невероятно. Маленький провинциальный городок с палисадниками, огородами и разбитыми деревянными тротуарами оказался переполнен всевозможными управлениями и отделами штаба. Само название Ставка потеряло свой

смысл. От первоначального походного облика этого военного учреждения не осталось и следа. Зеленый патриархальный Могилев превратился в неповоротливый бюрократический центр.

Офицеры и чиновники штаба жили в Могилеве семьями. Молоденькие выпускники военных училищ успели здесь пережениться и привыкли к оседлой мирной жизни. Война была далеко, сюда долетали лишь ее слабые отклики в виде фронтовых реляций. Здесь военные не воевали, а служили.

Особенно дремучей тиной затянуло штаб, когда громадный фронт стабилизировался, зарылся в землю и опутался колючей проволокой.

Корнилов прибыл в Могилев в окружении своих верных текинцев. По тенистым улицам проехала длинная кавалькада всадников в ярких халатах и косматых папах. У каждого конника позвякивала о стремя кривая шашка, на поясе висел кинжал-клыч с белой рукояткой. Кавалеристы сидели в седлах с природной молодцеватостью.

Городок словно проснулся. Офицеры штаба забегали проворнее, стали изо всех сил поджимать отросшие животы. В узких, раскосых глазах главнокомандующего они читали откровенное презрение.

Первым делом Лавр Георгиевич сменил внутреннюю охрану. Солдаты Георгиевского батальона раздобрели и на чисто утратили строевую выучку. Генерал Брусиллов каждое утро здоровался с ними за руку. Георгиевских кавалеров за-

менили стройные, суровые текинцы. Хан Хаджиев сам развел посты. Пять человек он поставил в саду, двух возле корниловской приемной на первом этаже и двух на площадке второго этажа. По ночам количество постовых удваивалось.

Из окон второго этажа открывался чудесный вид на Днепр и зеленые заречные дали. Лавр Георгиевич бывал в Могилеве не раз. Но лишь теперь, подолгу простаивая у раскрытого окна, он по-настоящему ощутил, какая тяжесть легла на его плечи. В армии считается, что первой ответственной ролью для любого военного является назначение командовать полком. На этой должности любой военачальник проходит необходимую командную выучку. Затем по мере роста ответственность только прибавляется. Строевой стаж Корнилова был явно недостаточен. А на посту командующего войсками фронта он не успел даже как следует оглядеться. За каких-то десять дней он взлетел на самый важный, самый тяжелый пост в своей армии. Россия, русская армия находились в состоянии большой и изнурительной войны с искусным и коварным, не до конца еще обессиленным противником. Ему выпало возглавить русскую армию в самый безрадостный момент войны, когда многовековая громадная империя трещала под непрерывными ударами не столько с фронта, сколько изнутри.

Он знал своего врага по ту сторону передовой. Теперь предстояло думать и о войне с перевернутым фронтом – сражаться против тех, кто окопался внутри России. Первая

стычка с правительственным Петроградом произошла из-за назначения командующего войсками Юго-Западного фронта (вместо Корнилова). Не спросив мнения Верховного, Керенский определил на этот важный пост генерала Черемисина. Таких назначений через свою голову Лавр Георгиевич потерпеть не мог. Так в армии не принято! Кроме того, генерал Черемисин отвратительно показал себя во время недавнего отступления.

По прямому проводу с Корниловым объяснялся главный комиссар Савинков. Лавр Георгиевич отвечал резко, почти грубо. Проклятые болтуны! Ни одному из них не знакомо чувство величайшей государственной ответственности. Никогда и ни за что не отвечали!.. Он не поддался на уговоры и настоял на своем. В командование войсками Юго-Западного фронта вступил Николай Николаевич Духонин, красавец генерал с лихо закрученными кончиками усов.

Добившись своего, Корнилов сознавал, что нанес жгучую обиду генералу Черемисину и нажил в его лице непримиримого врага.

Генерал Духонин, приехав, вместо поздравлений с назначением на пост главковерха выразил Корнилову сочувствие. Такой пост, да еще в такое время! Лавр Георгиевич не стал таиться перед старым боевым товарищем. В последний вечер, уже сдав дела, он так и заявил Духонину:

– Власти не ищу. Но если только на мою долю выпадет этот тяжкий крест, то... что делать!

Больше они не произнесли ни слова и крепко обнялись.

Духонин отлично понимал, что, поддержав на прошлой неделе Керенского, Лавр Георгиевич, по сути дела, занялся чистой воды политикой – наступил на собственное горло ради общей большой выгоды. Влияние Савинкова? Глупости... Духонин не принимал этих нашептываний. Корнилов шел на жертву ради спасения в первую голову русской армии. Останется жить армия – спасется и Россия!

Приближалась третья годовщина начала Великой войны. И накатывал снова август – месяц исторически роковой...

Русская армия мобилизовала под ружье миллионы мужиков. Корнилов ужаснулся, узнав, что число дезертиров составило пятую часть солдатской массы. При этом оставшиеся в строю решительно отвергали любую дисциплину. Дух армии был чрезвычайно низок. Солдаты отказывались воевать. В брусиловских папках Корнилов нашел любопытный документ-запрос, посланный в начале года Керенскому: «Укажите соответствующим послам, что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, в значительной части состоит из брака. 35 процентов орудий не выдержали двухдневной умеренной стрельбы...» Знакомая картина. Ввязались в такую войнищу, а во всем зависим от чужих! Не хватает самого необходимого – винтовок. А собираемся праздновать победу!.. Никакого ответа от Керенского Ставка на свой запрос не получила. В Петрограде не собирались ссориться с союзниками из-за такой мелочи, как винтовки и снаряды. Там

разглагольствовали о высоких материях.

«Какой пустой человек! – думалось о Керенском. – Это наша национальная беда. Все погубит!»

Лавр Георгиевич вспомнил арабскую пословицу: «Для стрелы, летящей прямо в цель, – одна дорога, для летящей мимо цели – тысячи дорог». Своей властью, никого не спрашивая, он перевел поближе, на Юго-Западный фронт, генералов Деникина, Маркова, Эрдели и Селивачева. Очень помогало, что Главный комитет «Союза офицеров» постоянно находился тут же, в Могилеве. Умница Новосильцов, в мундире полковника, часто навещался в штаб. Текинцы на постах его узнавали и пропускали, не спрашивая разрешения Хаджиева.

Однажды Новосильцов поставил вопрос прямо: согласен ли Корнилов принять на себя единоличное правление? Изумившись, Лавр Георгиевич уточнил: правление или командование?

– Ваше превосходительство, я ничуть не оговорился. Именно правление.

Корнилов помедлил:

– Я солдат и принимал присягу. В этом смысле я смотрю и на свой долг. Власть в державе? Нет, нет, это не наше дело. Но ударить по рукам и ударить как следует – это я сделаю. А о власти государственной должны решать не мы.

– Но тогда как вы смотрите на возвращение Романовых?

– А вы что... считаете это возможным?

Смешавшись, Новосильцов пробормотал насчет того, что знамя монархизма, видимо, следует до поры до времени завернуть в чехол. Затем он снова завел речь о диктатуре. Видно было, этот вопрос для «Союза офицеров» представлялся самым важным.

– Видите ли, – сказал Корнилов, – я не считаю такую постановку... м-м... ну, что ли, своевременной. По крайней мере сейчас, сегодня.

– А в будущем? – настаивал полковник.

– В будущем? Н-ну... разве лишь при определенных условиях ях. Тогда – да. Да!

Полковник просиял и заявил, что большевики, несомненно, давно бы захватили власть, если бы не боялись армии. Все-таки армия не целиком на большевистской стороне. И он стал перебирать воинские части, на которые следовало положиться. При государе самыми надежными дивизиями были гвардейские. К сожалению, именно гвардия разложилась окончательно.

– А желтые кирасиры? – вспомнил Корнилов.

– Пожалуй, они одни и помнят о чести, – согласился Новосильцов.

Заезжал Деникин. Он находился в крайне удрученном состоянии.

– Надо что-то делать, пока не поздно... Знаешь, ко мне подсы лали Гучкова. Они там носятся с идеей посадить на трон великого князя Дмитрия Павловича. Ну этот... Распу-

тина убивал. Хоро шенький монарх, нечего сказать! Во-первых, педераст... одна компания с Юсуповым. А во-вторых, ну просто чушь собачья. Предлагали мне войти в состав правительства. Что мне там де-лать? Зачем? Какой из меня министр? Я же не Керенский. Да и все они там пляшут под дудку Совета. Значит, и мне плясать? Хорошенькое дело! Нет уж, не дождутся. Я им прямо так сказал: вы там митингуйте, агитируйте, голосуйте, а нам нужно совсем немного – дайте нам власть хотя бы на недельку. И только не мешайте. А уж после этого валяйте дальше. Хотите Учредилку – дело ваше. Захотите нового царя – пусть так и будет. Но только сначала надо навести по-ря-док!

Приезжал бравый, громогласный Крымов и стал спрашивать совета. Заскакивал к нему недавно Савинков, предлагал в командование 11-ю армию. Соглашаться? Не соглашаться? Жалко, сокрушался он, если 3-й Конный корпус попадет в чужие руки. Лавр Георгиевич посоветовал от армии отказаться, а корпус не оставлять. Крымов залихватски подмигнул:

– Я так уже и сделал. Корпус у меня – богатыри. Давай только приказ: пойдём, и дойдём, и войдём. И наведём порядок... будь здоров! – Он сидел кряжистый, пышущий здоровьем, колени широко расставлены. – Ты, Лавр Егорыч, не представляешь, какой у них в Питере бардак. Собирались арестовывать Совет – не арестовали. Ловили Ленина – не поймали. Уверяют: убежал и спрятался так, что не найти.

Врут, подлецы! Этот Ленин в самом центре Петрограда у них лекции читает. Не веришь? В Лесном институте. Приедет, прочитает и уедет. И никто его не трогает и пальцем. Его, оказывается, вовсе и не ловят, а надежно охраняют. Не дай Господь, какой-нибудь дурак появится и схватит! Вот они, дела-то там какие... Не-ет, Лавр Егорыч, порядочек, порядочек необходим. – Он с выразительным видом постучал ребром ладони по колену.

Напоследок Крымов обругал кадетов проститутками. Планам военных они, видишь ли, сочувствуют, а вот поддерживать не согласны. Виляют, подлецы. Все ждут, высматривают: кто победит, чтобы примазаться. Ну пусть попробуют сунуться!

Из Петрограда приехал комиссар Филоненко. Чин он получил вровень с корниловским. Лавр Георгиевич догадывался, что комиссара держат в Могилеве в качестве «ока и уха государева». Короче, для повседневного пригляда за ним, Корниловым. Выходит, при всех своих сладких речах и преувеличенно крепких рукопожатиях Савинков новому главноверху не доверяет ни на грош. Опасается? Но – чего? Лавр Георгиевич знал, какое впечатление произвела в Петрограде его телеграмма, когда он получил в командование Юго-Западный фронт. Угрозу правительству Савинков принял и на свой счет.

На что, однако, рассчитывал бывший бомбометатель, прикрепляя к Ставке своего соглядатая Филоненко? Неужели

всерьез надеялся, что главковерх подвинется в своем кресле и посадит рядом с собою назначенного комиссара? Филоненко оказался совсем не глупым человеком и быстро сообразил, что Корнилов – совсем не старый, дряблый Гутор. Если того ему в конце концов удалось съесть, то на этом и не такие ломали зубы. Поэтому все свои усилия он направил на регулярную посылку донесений в Петроград. Шифровальщиков штаба он загрузил сверх головы. От него не укрылись чрезмерно частые посещения Новосильцовым, приезд генералов Деникина и Крымова. Перестало ему нравиться и поведение генерала Лукомского, начальника штаба. Зашифровывая свои донесения, он, опасаясь, что о них узнает сам Корнилов, придумал еще один шифр, сугубо свой, понятный лишь ему и Савинкову.

Однажды «комиссарверх» Филоненко донес: «...то, что Ваня, Федор, Генрих, Эрн, Жорж делали тогда с запада, теперь может быть с востока. Конь бледный близко, так мне кажется. Пожалуйста, исполните все то, что завтра утром вам передам».

Прочитав, Савинков нахмурил лоб. В донесении использовался текст его нашумевшего романа «Конь бледный». Но что за лица в Ставке, на которых содержался намек? Что там готовилось и почему именно «с запада»? И совсем непонятно «восточное направление»...

Савинков растерянно ответил своему агенту, что он ничего не понял.

«...Генерал ведет под уздцы коня бледного под Лавра. Я очень рад, что у моего заместителя чрезвычайно музыкальный слух. Я, конечно, сделаю то, что надо человеку решительному и благовоспитанному. Примите во внимание, что я не хочу есть неспелую грушу, но вместе с тем знаю, что созревший фрукт, падая с дерева без воли стоящего под деревом, может больно ушибить».

Снова невозможно толком разобраться. Но Савинков ощутил уверенный сигнал тревоги. В Ставке что-то затевалось. И вся затея связывалась с Корниловым, с назначением его на высший военный пост. Этот маленький невозмутимый генерал с раскосыми безжалостными глазами получил власть над всей армией.

Савинков навсегда запомнил, как вспыхнули эти узкие глаза во время их последней встречи. Корнилов, едва зашла речь о наведении порядка в столице, стукнул по столу своей аристократической рукой коричневого цвета:

– Я не позволю никаких сантиментов. Офицеры, которые прикажут своим солдатам «мазать» (стрелять в воздух, а не в толпу), будут все без исключения преданы военному суду!

В последние дни от него, полностью подтверждая тревожные сигналы Филоненко, в Петроград поступали телеграммы самого решительного свойства.

Ощущение громадной власти вернуло Корнилову тон категорический, как это принято в строю. Снова речь пошла о создании трех армий. Корнилов требовал военных поряд-

ков в тылу, и особенно на транспорте, на железных дорогах. Кроме того, ему хотелось распространить применение высшей меры наказания в виде расстрела не только на фронтовую территорию. На его взгляд, скорой и безжалостной расправы заслуживали все агитаторы, все политически вредные элементы. Решительной борьбы с крамолой требовало, как он доказывал, само катастрофическое положение страны, измученной войной и возмутительными беспорядками.

Савинков узнавал знаменитую «зарывистость» маленького генерала. Из чисто военной сферы его неудержимо заносило в политику. Корнилов рвался командовать решительно везде и всем. Перед правительством, в частности перед военным министерством, вставала деликатная задача: не теряя этого деятельнейшего генерала, все же обуздать его неудержимые порывы, направив все его усилия на чисто военные вопросы. Политикой, слава Богу, есть кому заняться и без него.

Беспокоило Савинкова трусливое состояние премьер-министра. Керенский буквально вздрагивал при одном имени нового главковерха. Корнилова он боялся еще с мартовских дней, когда генерала вызвали с фронта командовать войсками столичного округа. Тогда его все же удалось снова спровести на фронт. Но вот теперь – снова!

– Борис Викторович, – страдальческим голосом выговаривал Керенский, – я же просил его ни в коем случае не привлекать к нашему святому делу этого ужасного, ужасно-

го Крымова. Я на этом настаивал ультимативно. Так нет же, нет! Они, как мне докладывают, неразлучны. Они вместе во всем, во всем. Это же страшно, страшно... поймите же! Еще бы не понять!

Керенскому докладывали десятую часть того, что поступало непосредственно в военное министерство. Савинков сам дозировал эти доклады. Ему удалось наладить доверительную связь с отделом контрразведки столичного военного округа. Там сидел полковник Миронов. У этого полковника весной не заладилось с Корниловым, когда генерала назначили командовать войсками столичного, Петроградского округа. К удивлению Савинкова, начальник контрразведки почти открыто поддерживал отношения с такой сомнительной личностью, как француз Сико... (Недавно обезображенный труп Сико нашли на острове Голодай. Полиция приписала убийство Сико вульгарному грабежу.) Внезапно Фило-ненко разнюхал, что полковник Миронов имеет какие-то отношения со смазливym Рейли. «Станный человек этот Миронов», – задумался Савинков.

Удалось добиться, чтобы столичная контрразведка взяла под круглосуточный надзор все подозрительные объекты. Особенное внимание при этом обратили на квартиру сбежавшего из Могилева инженера Завойко. Сведения поступали от агентов наружного наблюдения и от обыкновенных дворников. Чутье подпольщика-террориста не обмануло Савинкова. На квартире Завойко происходили какие-то тай-

ные совещания, и главным образом ночью. По описаниям Савинков легко узнавал кое-кого из ближайшего окружения Корнилова, в частности Новосильцова. Покров темноты несколько не мешал агентам. Но вдруг поступило сообщение, что на квартире инженера появился человек, похожий как две капли воды на самого Корнилова. Не удержавшись, Савинков выругался. Главковерх не мог появиться в Петрограде незамеченным. Помимо всего за каждым шагом генерала следил верный Филоненко, постоянно находясь с ним рядом.

Корнилов инкогнито в Петрограде! Начиналась какая-то чертовщина...

А узел связи с Могилевом работал непрерывно. Тон корниловских телеграмм становился все более властным.

В конце июля главковерх поставил правительство в известность, что он своею властью распространяет фронтовые правила и на тыловые районы, где готовятся пополнения для передовых частей. При этом он настаивал на полном невмешательстве правительства во все оперативные распоряжения Ставки (сюда, в частности, входили назначения на высшие военные посты). И наконец, Корнилов объявил, что в своих действиях он, как Верховный главнокомандующий русской армией, считает себя ответственным главным образом перед народом и собственной совестью.

Керенский немедленно бросился к своему главному комиссару:

– Ну-с, Борис Викторович, что вы на это скажете? Мяси-

стые щеки его прыгали, губы кривились. Он уже видел себя, отшвырнутым в сторону небрежным генеральским сапогом.

Савинков сохранял невозмутимость. Слава Богу, во всем государстве нашелся наконец решительный человек. Явись он к власти три месяца назад – все теперь выглядело бы совершенно по-другому.

Савинков принялся успокаивать премьер-министра:

– Александр Федорович, надо же знать военных людей. Я уверен, здесь какое-то недоразумение. Ставлю вас в известность, что мною уже вызван из Ставки господин Филоненко.

Поздней ночью на третьем этаже «Виллы Родэ» о том же самом докладывал скрипачу и поздний гость. Его тоже встревожило решительное заявление Корнилова. Несмотря на страшную усталость, грузный скрипач держался насмешливо. Его мясистое порочное лицо собралось морщинками.

– А вы уж и запаниковали? Это же прекрасно, это замечательно: такой железный человек! Вы забыли, а мы об этом с вами говорили... Чего вы испугались, Арон? Скажите мне ради всех святых: чего? Да пусть он кинется на эту вшивую власть, пусть! Разве вам не надоели эти сопли? Только не вздумайте его удерживать. Ни в коем случае! Вы меня слышите, Арон?

Гость покорно слушал и, по обыкновению, ничего не мог понять. Его мозг не в состоянии постичь все необыкновенные зигзаги, рождавшиеся в голове этого человека.

– А вот о газетах распорядитесь! – приказал он, провожая

гостя.

Столичные газеты словно сорвались с цепи. Чья-то незримая рука отправила в редакции все последние корниловские телеграммы. Журналисты изощрались в обидных насмешках. Они ядовито спрашивали: кто же теперь управляет матушкой-Россией – правительство или Верховный? К счастью, из Ставки в Петроград приехал «комиссарверх» Филоненко, и вся ситуация мгновенно прояснилась. Оказывается, Верховного главнокомандующего неправильно поняли, только и всего. Разве ответственность перед народом не является ответственностью перед правительством? Ведь именно народ в своем свободном волеизъявлении поставил к власти свое нынешнее правительство!

И только один Ленин не удовлетворился такими неуклюже сколоченными объяснениями. В своих статейках, написанных в укрытии, он предостерегал доверчивую публику, втолковывая ей о грядущем «русском Кавеньяке». Он насмешничал над ожиданием удара «слева». В самом скором времени русское общество, разбуженное революцией, получит сокрушительный удар «справа». Русский Кавеньяк, генерал-каратель, уже изготовился к прыжку на революцию...

К грозным ленинским пророчествам отношение было кислым. Кому неясно, что лидер страшных большевиков из всех сил отводит глаза общества от угрозы со стороны собственных отрядов. На его месте так поступил бы каждый. Всецело занятый подготовкой VI съезда своей партии, вождь

большевиков не жалел голоса на истошный крик: «Держи вора!»

Керенский настоял, чтобы вызвать Верховного главнокомандующего в Петроград и здесь заслушать его личные объяснения по всем тревожным пунктам.

2 августа Лавр Георгиевич оставил Ставку и выехал в столицу.

Накануне генерал Лукомский сумел улучить минуту и попросил Корнилова о сугубо конфиденциальной встрече. Сделать это было нелегко. Филоненко окружил Верховного таким прилипчивым надзором, что ни с одним офицером Ставки генерал не мог остаться с глазу на глаз. Старательность Филоненко особенно возросла после его возвращения из Петрограда. Лавр Георгиевич пригласил Лукомского к себе домой, на вечерний чай. Там посторонних быть не могло. Рядом с ними за столом сидел один Хаджиев.

Лукомский решил предостеречь Корнилова от поездки в Петроград. С правительством можно сноситься, не покидая Могилева. Так надежнее. Лукомский не верил никому: ни Савинкову, ни тем более Керенскому. Кто мог поручиться, что в Петрограде не устроят покушения, не организуют устранения испугавшего всех генерала?

Хаджиев, слушая, сидел, как каменное изваяние. На его тонком смуглом лице сверкали черные глаза. Проклятые шакалы!

Сам Корнилов тоже думал об опасности расправы. Но от-

казаться от поездки он не может. Да и глупо пугаться каких-то там... На его стороне поддержка «Союза офицеров», «Союза казачьих войск», «Союза Георгиевских кавалеров». Пусть только попробуют! Тем более что с ним отправится эскадрон текинцев его верный и бесстрашный конвой.

Хаджиев, не говоря ни слова, энергично закивал.

Лицо Корнилова было раздумчиво. Опасность со стороны Савинкова? Если говорить по совести, Лавр Георгиевич отчетливо видел все его лисьи подходы. Полностью доверять такому человеку глупо.

– Он готов всадить кинжал в спину любому. Сейчас я лишь гадаю – кому первому: мне или Керенскому?

Потом он обронил, что пускай его считают тупым и грубым солдафоном. В конечном счете это на пользу общему делу. Просчитаются!

Появилась Таисия Владимировна, в столовую ворвался Юрик и с восторженным воплем устремился к Хаджиеву на колени. Генерал Лукомский поднялся и стал прощаться. От чая он отказался: в штабе его ожидали неотложные дела.

Вагон Верховного главнокомандующего прицепили к обыкновенному поезду, идущему по расписанию. На остановках выскакивали текинцы и бдительно следили, чтобы никто не подходил. Загадочный вагон выглядел необитаемым: окна завешены, тамбуры пусты. Вокзальные зеваки издали глазели на молодцеватых джигитов в пёстрых халатах и косматых папахах. Впереди поезда летел слух, что генерал

Корнилов едет с ордой страшных азиатов наводить порядок в Петрограде.

Москву проехали стороной. Хаджиев принес газеты. Журналисты, не жалея красок, пугали обывателя уже не генералом Корниловым, а вообще военными. Из армии делали пугало, страшилище. Послушать их – виной всем поражениям, всему развалу способствует армия со своими генералами... Лавр Георгиевич с раздражением дергал газету за газетой. Везде одно и то же! О чем они думают? Собираются воевать до полной победы, но – чем, какими силами, если им, видишь ли, мешает армия!

Поздно ночью остановились в Тосно. Здесь февральской стылой ночью задержали царский поезд и не пустили в Петроград. Государя загнали в Псков и отдали в руки генерала Рузского... Где он сейчас, этот генерал-предатель? По слухам, где-то на Северном Кавказе, удалился на покой, на пенсию. Бродит с косты-ликом по пыльному Пятигорску, предается невеселым размышлениям...

Задремывая, Лавр Георгиевич расслышал под окнами вагона фырчание автомобиля, затем раздался гортанный окрик часового. Громко и раздраженно заспорили двое. На все доводы приехавшего часового ронял невозмутимо:

– Нылза! Рэзать будем!

Вскоре Корнилов узнал голос Хаджиева. Да что там у них случилось? Кого они не пускают? Кто так ломится в вагон?

Он подошел к окну и отогнул край занавески. При смут-

ном свете фонаря он узнал Хаджиева и невозмутимого Шах-Кулы. Перед текинцами петушился странный человек в полувоенном френче, крагах и нелепой кепке с пуговицей на макушке.

Несколько раз разгневанный человек пытался сунуться к ступенькам, однако Шах-Кулы осаживал его и с выразительным видом клал руку на белевшую рукоятку кинжала.

Внезапно приехавший повернулся лицом к вагонному окну, и Лавр Георгиевич едва не вскрикнул от изумления: он узнал Керенского.

Мысли сразу заскакали. Этого он никак не ожидал... Даже представить невозможно...

Он кинулся в тамбур.

– Хан, – крикнул, – пропустите!

Керенский влез и близко надвинулся, обдавая жарким дыханием, запахом вина и дорогих сигар. Глаза его блестели возбужденно, ошалело. Он держался гостем, заскочившим на поздний огонек.

– Генерал, какая у вас замечательная стража!.. Ну, принимае те? Не выгоните?

Он явно наслаждался произведенным эффектом.

С ума можно свихнуться от таких визитов!

Поезд тихо тронулся. Керенский шагал, наступая хозяину на каблуки. Он не привык, чтобы его вели. В крохотном салоне он сразу вырвался вперед и расселся так, что Корнилову пришлось смириться со своим подчиненным положением.

Премьер-министр решил не упускать инициативы.

Он с первых слов потребовал, чтобы этот его визит, этот поздний разговор, остался сугубо между ними. Ни одному из посторонних знать об этом незачем. Речь пойдет о предмете слишком важном, слишком... н-ну, что ли, судьбоносном... да, именно судьбоносном для России! Он скоро освоился, и речь его потекла неудержимо – он сел на своего любимого конька.

Ошеломленный, Корнилов слушал, зажав руки в коленях. Мало-помалу глаза его стали поблескивать осмысленно. Керенский, увлекаясь, вскакивал, но расхаживать места не было, и он снова возбужденно плюхался на стул.

Несколько раз Керенский отнесся к Корнилову как к «вашему превосходительству». Лавр Георгиевич помалкивал. Кажется, он стал догадываться, что подвигло осторожного премьер-министра на столь отчаянный и опасный шаг. Он никому не доверял и опасался каждого. Боялся он и Савинкова, хотя и поставил его своим ближайшим помощником по военному министерству (в сущности, самому важному в создавшейся ситуации). Он выехал Корнилову навстречу, чтобы с глазу на глаз договориться о совместных действиях. Время митингов прошло, и это понимают все. В настоящее время самыми опасными ему представляются большевики. Немецкий генеральный штаб не жалеет средств. Скоро в Петрограде Ленин собирает съезд своей партии. На повестку дня ставится вооруженное выступление. Деньги у них

есть, оружие есть. Массы заводских рабочих представляют прекрасные возможности для формирования рабочих полков – так называемой Красной гвардии. Страшно представить улицы Петрограда, затопленные фабричными с винтовками... Дата предполагаемого выступления большевиков – конец октября. Связано это с тем, что именно 25 октября кончается законный, легитимный срок полномочий Государственной думы. После этого в России наступит настоящее безвластие. О, у них все продумано детально! Там действуют далеко не глупые люди... Спрашивается: как предупредить задуманный удар, как спастись, что можно сделать? Только одно – ударить первыми. Для этого достаточно одной дивизии, но боевой и верной долгу. Правительство на эти дни, что дивизия будет хозяйничать в столице, обязуется закрыть глаза на-а... ну, на некоторое безрассудство, на недемократические действия, скажем так!

– Вы меня понимаете, генерал? Вы меня согласны поддержать? Повторяю, нас сейчас никто не слышит, но я вас заверяю честным словом, что предоставлю вам карт-бланш, едва ваши молодцы войдут в столицу! Ага, вы соглашаетесь. Благодарю. Я так и думал, так рассчитывал. Иначе бы я не поехал. Вы – настоящий патриот. Вот вам моя рука. Отныне мы союзники, соратники. С завтрашнего дня вам предстоит отчитываться перед правительством. Мой вам совет: держитесь без всякой дипломатии, высказывайтесь напрямик. Помните, вы – военный. Этим все сказано! И с нынешне-

го дня вы не один. Целой чередой прошли перед Корниловым образы тех, с кем ему доводилось рассуждать и договариваться о спасении Отечества. Новосильцов и Крымов... Деникин и Завойко... Нежинцев и Савинков... И вот – сам Керенский!.. Все же ошеломление не проходило: слишком неожиданным был этот ночной визит. Странное дело: все до единого – и даже Керенский! – говорили об одном и том же. В длинной, увлеченной речи Керенского новым для Корнилова было одно: он не знал, что 25 октября заканчивается срок полномочий Государственной думы. Власть в России окажется как бы брошенной на тротуар, всяк будет вправе поскорей нагнуться и подобрать.

В сущности, спорить с Керенским было совершенно не о чем. Премьер-министр словно угадал давнишние намерения главковерха. На этих условиях почему бы и на самом деле им не стать союзниками?

За окном серело, когда в дверях салона показался Верховский, шурин Керенского. Он ехал в соседнем вагоне. Его сопровождал свежий, молодой, затянутый в рюмочку Хаджиев. Ночь прошла без сна. Керенский подслеповато моргал красными, припухшими веками. Бодрый и задорный «ежик» на его длинной голове увял и сник. Это был немолодой и нездоровый человек. А наступал новый беспокойный день.

– Генерал, ставлю вас в известность, что через десять дней в Москве мы собираем большое государственное совещание. Вспомните Земский собор земли Русской триста лет назад.

На этом совещании решится многое. Мне кажется, вам следует выступить. Не скрою, было бы желательно выслушать из ваших уст честную оценку деятельности моего правительства.

Иными словами, Керенский предлагал скрепить союз и сделать это публично, у всех на виду, признав победы и заслуги незадачливого главы правительства. Только тут Лавр Георгиевич уразумел, в какую ловушку он угодил. Момента́льно вспомнились недавние слова Завойко: «Честному человеку в политике нечего делать». В душе Корнилова боролись и неловкость, и раздражение. Керенский смотрел прямо и открыто. Торг шел начистоту. Отвечать на предложение следовало без утайки.

– Скрывать нечего, – с натугой произнес Корнилов, – ваша популярность сильно пострадала. Да, сильно. Но я считаю, что вы еще можете послужить... и России, знаете ли... ну и народу.

Керенского передернуло. Он резко сунул руку, вырвал и зашагал к дверям. Через плечо он бросил:

– Мы еще встретимся, генерал.

Ясным августовским утром по Невскому проспекту двигалась пестрая кавалькада диковинных для Петрограда всадников. Жители столицы привыкли к чекменям и черкескам казачьего конвоя. Теперь на горячих, нервных, пугливо приседающих на мос-товой лошадах невозмутимо восседали конники в малиновых халатах и в белых косматых па-

пах. Выехав на Дворцовую площадь под аркой, пестрый кортеж миновал колонну Александрийского столпа и остановился возле Кавалергардского крыльца.

Хаджиев быстро осмотрелся и стал распоряжаться. От крыльца и наверх, на второй этаж Зимнего дворца, он выстроил цепочку спешенных эскадронцев. Восемь человек он отрядил вместе с Корниловым. На крылечке был поставлен пулемет, и двое текинцев, заправив ленту, улеглись прямо на плитах.

Челядь Зимнего дворца со страхом поглядывала на диковатых гостей с недобрыми глазами.

Оставив Шах-Кулы внизу, возле пулемета, Хаджиев поднялся вдоль цепочки наверх. Он заметил, что хмурые текинцы незаметно пробуют, легко ли вынимаются из ножен ятаганы.

Возле высокой, массивной двери стояли восемь конвойцев. «Уллы-бояр» скрылся за этой дверью. Входить он им не велел. Они ждут.

Бойцам не нравилась обстановка. Они нервно оглядывались и поправляли на поясах кинжалы. Особенное раздражение вызывала у них высокая крепкая дверь. За ней скрылся генерал, «уллы-бояр». Что там с ним делают?

– Собачья дружба до первой кости, – негромко обронил один. Ему глубокомысленно откликнулся другой:

– И комар верблюда свалит, если только волк поможет!

Все подтянулись, завидев поднимающегося снизу Хаджи-

ева.

Лавр Георгиевич навсегда запомнил свое первое участие в заседании Временного правительства. Тогда заседание смахивало на обыкновенный уличный митинг. На этот раз не было ничего похожего. За большим овальным столом собралось человек десять. Корнилова поместили так, что он оказался напротив Керенского. Вторым справа небрежно развалился надменный Савинков. Налево, через два пустующих стула, сидел раскосмаченный брюнет с косящим глазом – лидер партии эсеров Чернов.

Керенский выглядел сильно утомленным. Корнилова он встретил сухо, чуточку надменно. Невозможно было заподозрить, что эти двое виделись совсем недавно, несколько часов назад.

Корнилов подготовил обстоятельный доклад. Он привез с собою карту и раскинул ее по столу. В карту тотчас стал заглядывать Чернов, неловко выворачивая сбоку шею... Лавр Георгиевич обрисовал положение на фронтах как крайне тревожное. Отступление удалось остановить, но, к сожалению, лишь исключительно крайними мерами. В любой момент армия способна впасть в панику и побежать. Естественно, противник не замедлит этим воспользоваться.

– Позвольте-ка, – невежливо проговорил он, забирая у Чернова карту. Тот мало-помалу притягивал ее к себе.

По разведывательным данным, продолжал Корнилов, противник готовится нанести удар на севере. Ставка озабо-

чена слабостью предместных укреплений в районе Иксюля... вот (он показал и черкнул ногтем). Надежда лишь на Двину как на естественную преграду. Поэтому не будет ничего удивительного, если повторится тарнопольский позор. Если только в Иксюле не выдержит оборона, немцы легко овладеют Ригой. К этому надо быть готовыми. А после Риги, естественно, откроется прямая дорога на Петроград.

Докладывая, Лавр Георгиевич никак не мог понять, что происходит с Керенским. Сухое выражение на лице премьер-министра сменилось на страдальческое. Он жалобно моргал воспаленными глазами и словно подавал докладчику какие-то знаки. Внезапно Корнилов ощутил сильный толчок под столом. Затем Савинков сердито перебросил ему свернутую фантиком записку. Ничего не понимая, Лавр Георгиевич умолк и развернул савинковский фантик. По глазам ударило: «Что вы делаете? Здесь же Чернов!»

У Корнилова сами собой встопорщились усы, полезли плечи вверх. Хорошенькое же правительство, если в его составе заседает известный всем шпион! До чего дожили... кабак, вертеп!

Чернов при этом ухмыльнулся и, закурив, стал пускать колечки дыма и поглядывать в потолок.

Обрадованный перебивкой, Керенский излишне бодро предложил никаких прений не затевать и принять к сведению доклад Верховного главнокомандующего. «У нас, господа, на сегодня громадная программа...» После этого за сто-

лом поднялся сдобный человек с брюшком и умильно, словно тамада за праздничным обедом, принялся расхваливать последние распоряжения правительства. Само собой, правительство ничего бы не значило, если бы во главе его судьба не поставила выдающегося деятеля русской революции. Керенский не удержался и метнул взгляд в корниловскую сторону. Несомненно, он навсегда запомнил его недавнее «можете послужить». Вот как надо выступать! А сдобный человек – это был недавний обер-прокурор Синода Львов – заходилась от восторга. То и дело слышалось: «могучая фигура вождя», «ему доверилась вся Россия».

Корнилов морщился, словно от зубной боли. «Какая грязь! Ну и компания!»

Внезапно его прострелила мысль-предчувствие, необъяснимым образом связанная со всем тем, что происходило на глазах: «А скоро немцы возьмут Ригу!» И он почувствовал себя чужим и лишним на этом сборище болтунов, ему захотелось поскорее вырваться отсюда и в окружении текинцев вернуться в Могилев, в штаб, где генерал Лукомский наверняка приготовил ворох новых сведений о приготовлениях противника.

Текинский конвой изнывал от нетерпения. «Уллы-бояр» слишком долго не показывался из-за роковой двери. Хаджиев видел: джигиты завязали тесемки от папах под подбородком, чтобы в схватке не свалились с головы. Напряжение нарастало.

К счастью, страшная дверь ожила и выпустила двоих. На площадку второго этажа из зала вышли Савинков и Терещенко. Обоих приметливый Хаджиев запомнил по Могилеву. Конвойцы замерли.

Терещенко увидел картинно-молодцеватых конвойцев и в восхищении остановился:

– Ка-кая прелесть! Борис Викторович, вы только посмотрите! А?

Савинков с кислым видом покивал. Он знал о преданности этих азиатов своему угрюмому генералу, знал и об их безжалостной решимости. С лица Терещенко не сходила восторженная улыбка. Глаза его наслаждались. Как эти фигуры различались от опостылевшей развязной солдатни!

– Борис Викторович, давайте же попросим Лавра Георгиевича выделить нам человек сорок таких вот молодцов.

– Можно, – вяло согласился Савинков. – Только едва ли...

– А вот мы их сейчас самих спросим! – радостно предложил Терещенко и обратился к замершему статуей Хаджиеву: – Лю безный... э-э, прошу прощения, я не разглядел, что вы офицер!.. Скажите, в вашей среде правительство может рассчитывать на преданных людей?

Козырнув по-офицерски, Хаджиев отрезал:

– Никак нет!

Терещенко отпрянул, словно от удара. Восторженной улыбки во все лицо как не бывало. В его глазах метнулся страх. Савинков, украдкой посмеиваясь, быстро сбегал вниз.

К Хаджиеву негромко обратился Шах-Кулы:

– Хан, с этих можно головы снимать? У них лживые глаза. Разве не видишь?

В это время внизу дверь подъезда распахнулась и долго не закрывалась. Наверх по лестнице повалила толпа молоденьких юнкеров, они тащили вороха тюфяков и одеял.

Внезапно текинцы услышали:

– Якши, джигит, бари гел! («Эй, молодец, иди сюда!») Засмотревшись, конвойцы прозевали генерала. Корнилов стоял на краю площадки и насмешливо посматривал на свою охрану.

Из Зимнего дворца, никуда не заезжая, Корнилов отправился на вокзал и в тот же вечер, в 7 часов, уехал в Могилев.

На этот раз Хаджиев настоял, чтобы поставить часового и на паровоз, в будку машиниста.

Московское государственное совещание, о котором Корнилова предупредил Керенский, созывалось не в Петрограде, а в старинной русской столице. В этом содержался большой и потаенный смысл. Град Петра в качестве главного города России деградировал окончательно. В ранг стольного города державы снова возвращалась древняя Москва. Русская история словно слегка попятилась назад, к старинным истокам своей недавней силы и величия.

Москва замышлялась символом русского национального сопротивления всеобщему развалу.

К возвращению Корнилова генерал Лукомский пригото-

вил обстоятельную сводку. Отсюда, из Могилева, из секретных сводок, положение державы выглядело удручающе безрадостным.

Русские разведчики сообщали из Голландии: к тому дню, когда в Петрограде выступят большевики, взлетят на воздух важнейшие мосты на Волге и Днестре и разразится «освободительное» восстание в Финляндии. Для диверсионных действий в глубину России засылались хорошо снаряженные группы террористов. Помимо мостов планировался взрыв шахт, заводов, рудников и складов с боеприпасами.

Своим твердым ногтем Лавр Георгиевич привычно отчеркнул строку в сводке: из Германии сообщалось, что имперское министерство иностранных дел санкционировало пересылку в Петроград (по вновь налаженным каналам через банки в Швеции) 70 миллионов марок золотом. Голландия, Германия, Швеция... Во всем этом усматривалась единая руководящая рука, одна недремлющая голова.

Сильно сократилось производство и поступление на фронт снарядов: более чем наполовину. К этому добавлялась угроза всеобщей забастовки железнодорожников – грозил полный транспортный паралич страны.

Генерал Лукомский не сомневался: на этот раз учтен опыт неудачного июльского выступления в Петрограде. А ведь прошел всего какой-то месяц! Умеют работать – ничего не скажешь. И – торопятся, торопятся...

В стране росла дороговизна. Катастрофически стало

вдруг не хватать денежной массы. Глубинные российские губернии все чаще стали объявлять о своем суверенитете и заводить собственные денежные знаки. Печатались, однако, эти деньги за границей.

Где же искать спасения? В победе над Германией? Нелепые надежды! Урок – недавний Тарнопольский прорыв.

Самым важным, самым необходимым при создавшейся обстановке было выжить, не рассыпаться в прах, не сдохнуть окончательно.

Военным, как специалистам, это было ясно. Но попробуй-ка втолковать единственную спасительную мысль массе обывателей, если все газеты без исключения завопили вдруг о смертельной опасности для дела революции, и эта смертельная опасность стала исходить из «закоренелого гнезда контрреволюции» – так с некоторых пор было принято называть Ставку в Могилеве.

Все тревожнее становились рассуждения насчет «контрреволюционных тенденций» среди донского и кубанского казачества. Непокойно и опасно стало на Тереке. Там казаки оказались между двух огней: на севере бурлила громадная Россия, а на юге все ошутимее несло мерзостью грузинского национализма... Зычным, грубым голосом заявляла о своей государственной обособленности гигантская Сибирь.

И везде главные надежды связывались с оружием, с применением воинских сил. Имя генерала Корнилова пока не

называлось. Для этого требовался подходящий повод. И повод вскоре отыскался. Однако прежде главковерх появился на трибуне Московского государственного совещания в Большом театре.

Московское совещание задумывалось на манер Всероссийского Земского собора: «голос великой земли Русской». Съезжалось 2500 делегатов из всех углов страны. Десятую часть составляли представители Советов с мест.

Совещание открылось 12 августа.

А за два дня до этого Савинков пригрозил отставкой. Главный военный советник Керенского люто обозлился на своего патрона и решил в последний раз его как следует пугнуть. Дело в том, что глава Временного правительства наконец запутался в своем трусливом двуличии. Он одинаково боялся как царского генерала Корнилова, так и бывшего террориста Савинкова. Оба исключительно решительные, безжалостные люди, они были невыносимы для него, сладкоречивого кумира переполненных собраний с цветами, аплодисментами и восторженным тасканием на руках.

Собрав «великое представительство великого народа», он надеялся стать всенародно признанным повелителем этой страны и уже без всякой боязни отмежеваться от этих страшных в своей жажде деятельности господ.

Зачем кровь, если все можно решить словами! Мы же, слава Богу, не дикари...

В течение двух дней, 8 и 9 августа, на квартире инженера

Кишкина тайно совещались Родзянко, Милюков, Маклаков и Шингарев. В последний день туда были позваны Савинков и Львов, недавний и недолгий обер-прокурор Синода (с некоторых пор кто-то настойчиво пристраивал его к участникам большой политической игры). От «Союза офицеров» там присутствовали также двое, Новосильцов и Роженко. Вопрос стоял предельно просто: приближался момент решительной борьбы и следовало наконец решить, кому оказывать поддержку – Керенскому или Корнилову. К великому сожалению, их совместное сотрудничество по спасению России становилось невыносимым.

Новосильцов, прежде чем начать говорить, развернул газетный лист. В «Известиях», органе Совета, известный большевик На-хамкес писал: «Бывшая царская Ставка в Могилеве стала центром контрреволюции. Мятежники-генералы агитируют среди солдат и святоотачественно поднимают свою руку на завоевания революции... Всякий солдат имеет право убить такого раньше, чем он успеет поднять свою руку!»

– Господа, русская армия всего лишь исполняет свой исключительный долг: защитить Россию в самый трудный час. Никаких иных целей армия не имеет, не вынашивает. И вам всем хорошо известно, что генерал Корнилов остается решительным противником монархии. Он полон настроения довести страну до Учредительного собрания и вручить власть гражданским лицам, коих Россия соблаговолит призвать к руководству.

Милюков поглядывал на говорившего со снисхождением. Бывший министр иностранных дел обрюзг, его голова стала совершенно белой, щеки обвисли и становились красно-багровыми. Искусный интриган, он снова получил возможность жить и действовать. Ситуация была ему знакома по февральским дням. Тогда он интриговал против царя, теперь же – против Временного правительства, Совета и отчаянных генералов. Он вынашивал мысль снова сколотить что-то похожее на тогдашний «Прогрессивный блок».

– Как вы не понимаете, – заметил он Новосильцову, – что всякий, кто решится на диктатуру, окажется без общественной поддержки. Он повиснет в безвоздушном пространстве. Не забыли вы, ради Бога, что вы, со всею вашей мощью, все равно сильно зависимы!

– От кого, позвольте осведомиться? – вежливо спросил Новосильцов.

– Ну как это – от кого? А железные дороги, скажем? А тот же телеграф? Да и многое другое. – Он пожевал губами и прибавил: – Каждый офицер, кто поддержит диктатора, тем самым сам себе подпишет смертный приговор.

– Что ж, – с холодной яростью отпарировал Новосильцов, – ради этого можно и пострадать!

Савинков во время совещания не проронил ни слова. Он только что, буквально перед совещанием, узнал: Керенский, осуществляя идею о «триумvirате консулов» (Керенский, Терещенко, Савинков), решил освободиться от его услуг и

дал согласие на замену его Некрасовым. Триумvirат появится, но только без него, без Савинкова!

Горячая кровь боевика-террориста бросилась Савинкову в голову. Однако он нашел силы обуздать свой гнев. Дела принимали опасный оборот. Требовался ледяной расчет и точно выверенные шаги.

Выходило: он, как мавр, сделал свое дело... Больше в нем не нуждались. Невольно вспомнились Степан Халтурин, Егор Сазонов, Иван Каляев. Их использовали как начиненные бомбы... Но вспомнились и Татаров с Гапоном. Этих «взорвать» не удалось – их, вдруг прозревших, пришлось устранить, убить.

Какая все-таки страшная вещь: прозрение!

Как литератор, он завидовал многим сочинителям. Однако подлинное восхищение он испытывал перед бесхитростной сказочкой о голом короле. Гениальнейшее постижение зыбкой человеческой натуры!

Не верь глазам своим!

Верь исключительно тому, что тебе внушают!

Целых пять тысяч лет человечество заставляют верить, что еврей – несчастнейшее существо. Не смейте обижать обиженных! Это подло – бить лежачего. Их и без того все бьют... Таков закон для всякого, кто дорожит званием интеллигентного человека.

А юдофобу не подают руки.

Так – принято. Так – надо!

А между тем...

В памяти возникла целая череда пламенных борцов с самодержавием: Натансон, Дейч, Войнаральский, Айзик, Арончик, Ап-текман, Деволь, Хотинский, Бух, Колоткевич, Геся Гельфанд, Фриденсон, Цукерман, Лубкин, Гартман...

В мае 1905 года, в мае он увлеченно хлопотал в Антверпене, добывая оружие для первой русской революции. С кем пришлось иметь дело? Рашель Лурье, Дора Бриллиант, Сара Эфрусси, Фей-га Кац, Дев Зильберберг, Моисей Шнейдер...

В декабре того же года во главе Петербургского Совета рабочих депутатов оказались: Гельфанд, Бронштейн, Носарь, Гревер, Эдилькен, Гольдберг, Фейт, Брукер...

Да и совсем еще недавно... Но главное – Азеф!

Прав старикашка Бурцев, неутомимый охотник за провокаторами, ехидно обронивший как-то, что в царской охранке настоящими хозяевами были не самонадеянные генералы, там распоряжался один Азеф.

(Теперь, когда многое открылось, Савинков читал о прошлом с легкостью, словно по букварю.)

Куда только глаза глядели! Слепота поразительная...

Подумаешь, не подадут руки!

А – боялись и притворялись, как в сказке о голом короле...

Допритворялись!

Засилие такое, будто прорвало где-то в глубине мощнейшую *m* Рубу. Куда ни глянь... везде. Настоящее половодье,

потоп!

А с некоторых пор вдруг снова – с какой стати! – появился Рутенберг и стал лнуть, навязываться, посещать. Савинков сразу вспомнил о судьбе несчастного Гапона.

Окончательное избавление от всех иллюзий наступит через восемь лет, когда его заманят в СССР и, бросив в подвал Лубянки, приговорят к расстрелу. Самое было время подумать о собственной голове... И захотелось писать...

В Савинкове вдруг проснулся дремлющий писатель. Материала подкопилось, и, видимо, теперь подперло. Пока на совещании кипели страсти, он предавался утонченным размышлениям об историческом пути России, о великих загадках русской души. Удивительное дело: правда, несомненно, на стороне Корнилова, однако так называемое общественное настроение с какой-то обреченностью бараньего стада день изо дня продолжает симпатизировать этому ничтожеству Керенскому. Русский народ идет по гибельной дороге, но идет с непостижимым разуму вдохновением, словно мошкара тучей летит на огонек! Чем в самом деле не загадка? Добро бы перед нами какое-нибудь туземное племя из дебрей Амазонки, голопузое, босое, с пучком травы под животом. Нет же, великая нация с более чем десятью веками Истории за спиной. И – какой Истории!

Как уразуметь, чем объяснить эту страсть к саморазрушению, к национальному взаимоистреблению? Даже наш гений Пушкин не нашел никаких глубинных слов и только сказал

о русском бунте, бессмысленном и беспощадном.

Сатанинское наваждение Антихриста, не иначе. А что еще?.. С Некрасовым, заменившим его в триумvirате, Савинков, в отличие от многих, был довольно хорошо знаком. Склонный не только действовать, но и наблюдать, Савинков видел, как этот ловкий человек пролезал в российские «верха», подобно слабенькой былинке сквозь асфальт (как и Терещенко, к слову). Некрасов находился в числе немногих, кто в квартире Путятина склонил великого князя Михаила отречься от престола, Некрасов же настаивал в марте на обстреле Петропавловской крепости из корабельных орудий крупного калибра, заклиная, что там скрываются от народного гнева царские министры-кровопийцы. Науськанный народ кинулся к крепости, но там оказалась лишь команда инвалидов, охранявшая царские могилы... А совсем недавний поступок Некрасова вызвал брезгливую усмешку на тонких губах Савинкова. Этот упитанный самодовольный буржуа взял и женился на молоденькой, выгнав из дому старую жену. Для венчального обряда он избрал церковь Зимнего дворца и сумел добиться, чтобы из хранилища достали царские венцы.

«Взбесившийся нувориш!» – так решил Савинков и лишь впоследствии узнал, что этот ловкий человек был тщательно замаскированным масоном и загодя готовился к решающим событиям в России.

Через своих людей Савинков узнал, что Некрасов с пер-

вых же шагов стал предостерегать Керенского, запугивая его тем, что бывший террорист без всяких колебаний расправится не только с Советом, но и с правительством. – Он, Александр Федорович, не задумается повесить и нас с вами. Уверяю вас!

Керенский, боявшийся Савинкова, слушал во все уши. Он обрадовался возможности обновить триумvirат. Тем более что Некрасов внезапно обнаружил способности искусного стратега.

– Александр Федорович, соедините-ка их вместе: и Корнило ва, и этого щелкопера. Они же рвутся действовать. Им прямо-та ки не терпится. Ну так на здоровье! Вспомните Робеспьера... ну? Пусть они действуют, пускай. Они ж будут висеть на одной веревке. Пусть только выступят!

Слушая, Керенский быстро, по-обезьяньи, чесал за ухом. Его красноватые глазки жмурились. Ах, если бы не действовать, а говорить, выступать, витийствовать! Какие золотые были времена!..

Однажды Некрасова посетил освобожденный от всех дел Милюков и попросил о доверительной беседе. Некрасов насторожился. Бывший министр иностранных дел начал изда- лека. Некрасов, не перебивая, положил быть терпеливым. Милюков в конце концов «спустился» к тому, ради чего и заявился. Он хотел говорить о Корнилове.

Немного послушав, Некрасов лукаво усмехнулся:

– Павел Николаевич, я вижу, вы меня совсем не уважае-

те. По-моему, с Корниловым все ясно. Это же таран... как всякий генерал. И странно было бы ждать от него чего-либо другого. Но, простите, я же не слепой. Я же вижу вашу тревогу, вижу ваши колебания. Не теряйте времени и станьте откровенны. В чем дело? Что вас так тревожит с этим несчастным генералом?

Вскинув голову, Милюков блеснул глазами:

– Не догадываетесь?

– Ну не тяните, не тяните... Мы же свои люди!

– Тогда слушайте. Вы правы: Корнилов не что иное, как таран. Добавим: еще и знамя, символ. Военные его знают отлично. Человек решительный и колебаться не привык. Доказал мно жество раз... Но как вы думаете: а не старается ли он для кого-то другого? Иными словами, не расчищает ли дорожку, а?

Некрасов пожал плечами:

– Сломит голову один – появится другой. Так всегда. Свято место пусто не бывает.

– Эх вы! Так нельзя... не положено в таких вещах. А ведь фигура-то уже виднеется. Не разглядели?

– Павел Николаевич, ну не томите, ради Бога!

– Да Ленин же, Ленин, черт возьми! Неужели неясно? Не Керенский же ваш!

Интерес Некрасова к разговору вдруг потух. Он перестал смотреть в глаза.

– Ленин? Так сказать, германский план? Н-ну, может быть, не спору. Но в принципе... Нет, нет, лично у меня об этом голова не заболит. Хм, Ленин... Ну и что? Нет, несерьезно как-то...

Удивленный странной переменой, Милюков оскорбился и ушел. Он не привык, чтобы к его выверенным пророчествам относились столь небрежно. «А вот увидите, увидите!» – думал он с мстительным злорадством.

Большевики встретили Московское государственное совещание всеобщей забастовкой. Делегаты, вылезаящие из вагонов, не видели ни трамваев, ни извозчиков. Трамвайщики бастовали, а извозчики боялись расправы за штрейкбрехерство. Московскому военному округу пришлось спешно мобилизовывать весь армейский транспорт.

Отправляясь в Москву, Лавр Георгиевич сознавал, что поступает против желания Керенского. Временное правительство собирало совещание с надеждой получить от него «всенародную» поддержку. И эта поддержка требовалась правительству от всевозрастающей опасности со стороны военных. Лавр Георгиевич не сомневался, что на пост главковерха уже имеется подходящая кандидатура. Хотя бы тот же Верховский... Любопытно, почему вдруг не заладились отношения Керенского с Савинковым? Какая кошка между ними проскочила? На всякий случай он послал в Петроград телеграмму, настаивая на присутствии в Москве «такого, как он указал, крупного человека, как Борис Викторович».

Утром, подъезжая к Москве, Лавр Георгиевич наспех просмотрел свежие газеты, сообщавшие, что совещание открылось пышно. В царской ложе восседали старые заслуженные борцы с самодержавием: Плеханов, Лопатин, Засулич, Фигнер, Морозов, Аксельрод. Весь день на сцене красовался Керенский. Острых выступлений не было. Даже старик Плеханов, шамкая, сбиваясь, первым делом помянул Россию, а уж затем Свободу. От патриотического угара не было никакого спасения... Крикливо сообщалось о раскрытом заговоре монархистов, и нити будто бы вели в Тобольск, к сосланному туда царю... В Гатчине немедленно арестовали великого князя Михаила, жившего там на положении частного лица... Проскочило сообщение о подозрительных передвижениях казачьих войск, и Лавр Георгиевич вспомнил последний доклад генерала Лукомского. Он передислоцировал 7-й Сибирский полк поближе к Москве, а 4-й Сибирский – к Калуге. Спокойная купеческая Москва, считал он, нуждалась в защите «на всякий случай». Он еще произвел такой подсчет: в Москве имеется два военных училища и шесть школ прапорщиков. Следовательно, вместе с юнкерами, а также с находящимися в отпусках и на излечении в лазаретах Москва способна выставить на всякий случай более 15 тысяч одних только офицеров... Лавр Георгиевич внезапно увидел свою фамилию. В резолюции «Союза казачьих войск», приуроченной специально к совещанию, Корнилов объявлялся «спасителем России». Казаки предупреждали, что «генерал

Корнилов не может быть сменен со своего поста, как истинный народный вождь...» И уж совсем на незаметном месте попала на глаза заметка о том, что банки Северной Америки готовы предоставить обессиленной России заем в пять миллиардов долларов всего с одним условием: чтобы Временное правительство поставило все свои действия под полный контроль союзников. «Вот, вот! – подумалось Корнилову, и он пожалел, что рядом нет капитана Нежинцева. – Заметка прямо для него!»

За окном вагона замелькали подмосковные перелески. Лавр Георгиевич, думая о Нежинцеве, стал собираться. Нежинцев недавно получил чин подполковника. Его добровольческий полк, названный Корниловским, сейчас стоит в Проскурове. Недавно Нежинцев просил разрешения развернуть полк в дивизию – добровольцев масса. Корнилов подумал и не разрешил. Он посоветовал Нежинцеву наладить связь с Текинским полком. За боевые качества этих двух подразделений генерал Корнилов ручался головой.

Главное же, и текинцы, и корниловцы, верные присяге и долгу, выполняют любой его приказ.

На Александровском вокзале волновалась неоглядная толпа. Газеты свое дело сделали. Москвичи, узнав о прибытии в столицу страшноватого, загадочного генерала, повалили за Тверскую заставу. Наплыв народа оказался столь велик, что начальство растерялось. Опасались уличных эксцессов. Керенский болезненно морщился. Чрезмерный ин-

терес москвичей к Корнилову Керенский ощущал как личное оскорбление.

Утром 13 августа к Большому театру никто не подошел. Все, в том числе и участники Московского совещания, устремились на вокзал.

В несколько рядов стояло юнкерское оцепление. В здание вокзала пропускали немногих.

Пуская клубы пара, локомотив так протащил состав, что вагон главковерха остановился прямо против распахнутых вокзальных дверей. Изумляя встречавших, выскочили необыкновенно колоритные текинцы и выстроились в линию. От их боевого вида у москвичей затеплились сердца. Ах и молодцы! Молодец генерал! Сейчас потребны именно такие люди! На перроне, очищенном от любопытных, богатейшая купчиха Морозова, дебелая, осанистая, в простонародном платочке на голове, тяжело опустилась на колени и простерла руки к долгожданному вагону.

Внезапно возникнув в дверях вагона, Корнилов казался приподнятым над толпой. В глаза бросилось генеральское убранство его мундира: широкие погоны, два Георгиевских креста (один на шее, другой на груди) и густые нити аксельбантов, свисавших с правого плеча. Фуражка, по обыкновению, надвинута на глаза.

Толпа взревела и кинулась к подножию вагона. Первыми были юнкера из оцепления.

Вскинутый на молодые плечи, Лавр Георгиевич поплыл в

высокие вокзальные двери, затем его вынесли на площадь. Растерянный, он держал свою фуражку в откинутой руке. Его голова с короткой солдатской стрижкой была по-домашнему седа, белеса. Он вертел ею во все стороны. Ему было неловко на плечах, он пытался опереться, но тут же его рука оказывалась схвачена, и к ней прилипали чьи-то горячие, влажные губы. Внизу переталкивались юнкера, хватая его ноги в голенищах и водружая их себе на плечи.

Массовый психоз восторга перекинулся с площади на широкую Тверскую. Автомобиль с Корниловым пробирался медленно. Сторонились встречные извозчики. Люди в колясках вскакивали и тарасились на скудную фигурку в генеральском мундире.

Прямо с вокзала Лавр Георгиевич проехал к часовне Иверской Божьей Матери, затем в кремлевский Успенский собор. Это был рассчитанный царский поступок. Центр Москвы бурлил. Из уст в уста передавалось: «Он молится!»

В этот день Лавр Георгиевич так и не появился в Большом театре. Он вернулся на вокзал и заперся в своем вагоне под охраной текинцев.

Вечером в корниловский вагон на Александровском вокзале началось паломничество. Хаджиев, начальник конвоя, потерял голову. Корнилов принимал не всех. До своего завтрашнего выступления в Большом театре он предпочел бы вообще ни с кем не разговаривать. И все же нескольких человек пришлось впустить в вагон.

С генералом Алексеевым он постарался не выказывать былой обиды. Старика обманули, обвели вокруг пальца... но это общая беда людей, неискушенных в подлостях. Зато заложил основы «Союза офицеров», организации боевой и деятельной. И Лавр Георгиевич с благодарностью вспомнил о Новосильцове.

Алексеев, сознавая свою виноватость во всем происходящем, держался подчиненно. Все же он не удержался и предостерег Корнилова. Как недавний начальник штаба Ставки, работавший с самим государем, он до сих пор имел множество преданных людей. Буквально накануне Московского совещания ему стало известно, что 3-й Конный корпус генерала Крымова стал грузиться в эшелоны. Снялась с мест дислокации и Туземная дивизия под командованием князя Багратиона. А в районе между Выбор-гом и Белоостровом принялись выгружаться части 5-й Кавказской дивизии из состава 1-го Конного корпуса... Человек искушенный, генерал Алексеев понимал, что начал осуществляться тайный план Ставки в Могилеве. Действуют соображения не столько стратегические, сколько политические. Поэтому он счел своим долгом подать Корнилову совет: заранее подготовиться к злобным обвинительным расспросам.

Встреча старых сослуживцев протекала мирно. Генерал Алексеев своим внезапным посещением первым сделал шаг к необходимому примирению. Лавр Георгиевич, тронутый этим поступком, предложил Алексееву вообще возглавить

Белое движение. Начало положено – создан «Союз офицеров». Алексеев решительно замотал головой: стар, немощен, на роль диктатора совершенно не пригоден. Лавр Георгиевич усмехнулся своим мыслям и не стал настаивать.

Поздно ночью пожаловал Милуков. Он был грузен, краснолиц, с совершенно белой головой. Держался в вагоне так, словно они виделись совсем недавно. Сразу же заговорил о том, что близится момент открытого конфликта с Временным правительством, и сообщил, что Центральный Комитет кадетской партии высказался за переход кадетов на сторону военных. В то же время он опасался, как бы противостояние не приняло «насильственный и кровавый характер». В чем спасение от крови и насилия? Он предлагал дуумвират: Керенский плюс Корнилов. И никаких третьих лиц!

«Опоздал...» – усмехнулся Лавр Георгиевич.

Ночь прошла без сна. Лавр Георгиевич задремывал и просыпался от гортанных окриков часовых. Утром Хаджиев принес закопченный котелок, снятый прямо с огня. Он приготовил «ул-лы-баяру» крепчайшего чая, заваренного так, как это принято на холодных песчаных становищах кочевников в разгар зимы. Обжигая губы, Корнилов выпил две громадные кружки и сразу ощутил, как просветлело в голове.

В полдень автомобиль доставил его к Большому театру. Издали он увидел почетный караул юнкеров. Коридором по пути к колоннам выстроился ударный женский батальон. Верховский, назначенный командовать Московским

военным округом, встретил Корнилова рапортом. Корнилов быстро пересек громадный вестибюль театра в окружении текинцев. Народу почти не было, все сидели в зале. Генерал появился в ложе, и по залу пронеслось движение. Головы завертелись. Лавр Георгиевич поместился так, чтобы его не было видно снизу. На сцене за большим столом сидели бороды, лысины, сюртуки и военные мундиры. Корнилов узнал зеленую фигуру Керенского с длинным лицом. Премьер-министр опасался неизбежного восторга и с беспокойством поглядывал на корниловскую ложу.

На сцене в это время, у самой рампы, совершалось театральное братание. Комиссар Бубликов, тот самый, что в марте арестовывал царя, обнимался с Церетели. Они сплелись в объятиях и, поглядывая в зал, не разнимали рук. Им аплодировали: слева – сдержанно, справа – довольно бурно. Игрался хорошо продуманный спектакль: происходило историческое примирение давних политических противников.

За кулисами Некрасов затеял спор с полковником Роженко. Перед Некрасовым лежал список ораторов, заранее одобренный и утвержденный. Полковник требовал, чтобы слово без всякой очереди было предоставлено Корнилову. Он уже в театре.

Позвольте, а он от какой организации? – делая наивные глаза, спросил Некрасов.

У полковника заходили желваки.

Это еще что такое? – с бешенством заговорил он. – Как

вас прикажете понимать? А?

– Хорошо, хорошо, хорошо! – зачастил Некрасов и победил на сцену, к Керенскому.

Делать нечего, приходилось объявлять. Напряженная тишина буйно взорвалась, едва раздалась фамилия Корнилова. Люди вскакивали на ноги и восторженно лупили в ладони. Некоторые остались сидеть и демонстративно вытянули ноги.

– Встать, хамы! – кричали им.

– Прислужники... лакеи... – огрызались те.

Назревала вульгарная базарная потасовка. Пришлось вмешаться Керенскому. Покуда Корнилов на просторе неоглядной сцены устанавливался на трибуне, премьер-министр зализался в привычном адвокатском красноречии.

Он сказал о «картине великого распада, великих процессах разрушения», охвативших Россию, и напомнил, что совещание призвано указать пути выхода из этого мучительного состояния.

– Мы можем этого достичь только великим подъемом любви к своей Родине и к завоеваниям революции, любви и беззаветной жертвенности, решительного отказа от всего своекорыстного и группового во имя общего и целого...

В зале возник и стал нарастать шум, и Керенский сообразил, что следует умолкнуть. Он сделал длинный и широкий жест рукой в сторону трибуны.

Эти мгновения, эти свои первые слова, предназначенные

всей стране, Лавр Георгиевич вспоминал впоследствии не раз.

– Как Верховный главнокомандующий, – послышался его взволнованный голос, – я приветствую Временное правительство, приветствую все государственное совещание от лица действующей армии... – Он переждал быстрый всплеск рукоплесканий. – Я был бы счастлив добавить, что приветствую вас от лица тех армий, которые там, на границах, стоят твердой и непоколебимой стеной, защищая русскую территорию, достоинство и честь России. Но с глубокой скорбью я должен добавить и открыто заявить, что у меня нет уверенности, чтобы русская армия исполнила без колебания свой долг перед Родиной.

Он напомнил о позоре недавнего Тарнопольского прорыва, о потере Галиции и Буковины, о том, что враг уже стучится в ворота Риги. Русская армия отступает, она бежит. Она потеряла всю свою боеспособность. Причиной этого развала он в первую голову назвал небывалую травлю офицерства. («Правильно!» – раздался громкий возглас в зале.) Корнилов рассказал о прапорщике, недавно подобранном в Петрограде, на мостовой. Что с ним случилось? Он попросту свалился в обморок от голода! (Из зала крик: «Позор!»)

Невысокий, стриженный под солдата генерал взволнованно рассказывал о фронтовых делах, о которых все, кто сидел в этом нарядном, праздничном зале, имели представление лишь по газетам. Но как же врал подлецы газетчики!

К концу своей речи Лавр Георгиевич чуть охрип:

– Я наблюдаю: страна хочет жить. И как вражеское наваждение уходит та обстановка самоубийства великой независимой страны, которую создали брошенные в самую темную, невежественную массу безответственные лозунги... Я верю в гений русского народа, я верю в разум русского народа, я верю в спасение страны. Я верю в светлое будущее нашей Родины, и я верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю, что времени терять нельзя, что нельзя терять ни одной минуты!

Закончив говорить, Лавр Георгиевич не стал подниматься в ложу и сразу же уехал из театра.

Провожали его бурно, горячо, многие снова вскочили на ноги.

Наконец зал успокоился. Всеми овладело такое ощущение, что вот теперь и надо начинать работу совещания. Вчерашний бурный день пошел насмарку, погублен в рутинной заседательской болтовне, в демагогии опытных политических мошенников.

Изменился сам тон ораторов после Корнилова. Прокопович, министр труда и промышленности, позволил себе резко отозваться о разрухе и о дороговизне продолжавшейся войны. В стране наблюдалась обвальная инфляция, деньги Временного правительства, называемые в просторечии «керенками», не стоили той бумаги, на которой печатались... Некрасов, занявший пост министра финансов, поддержал

Прокоповича, язвительно заключив, что новый строй России обходится куда дороже старого, царского, самодержавного...

Гучков, еще сохранявший ореол недавней популярности, долго устраивался на трибуне, возился, перекладывал бумаги, вздевал и снова стаскивал очки. Наконец собрался с духом и брякнул:

– Господа, мы воевали плохо. Да, плохо... Но теперь, – голос его вдруг зазвенел, – мы воюем еще хуже!

Он стал говорить о настоящем крахе отечественной промышленности, о продовольственном кризисе, о катастрофическом состоянии транспорта. Пресловутые «керенки» – свидетельство нынешнего состояния страны, принявшего характер народного бедствия. В стране работает исправно всего один станок – печатный. Он наводняет бедную Россию ничего не стоящими денежными знаками.

В заключение Гучков прокаркал о растущем недовольстве населения, о «накапливании всеобщего озлобления».

Совещание затянулось допоздна. Расходиться не хотелось. За стенами Большого театра делегатов поджидала, подкарауливала суровая и страшная действительность. А здесь, среди своих, было вполне безопасно и даже уютно, словно под домашним абажуром. Миновала полночь. Зал принял таборный цыганский вид. Многие курили прямо в креслах. Не до приличий! Густые клубы дыма слоились вокруг знаменитой люстры.

Наконец поднялся Керенский. Ему предстояла тяжелая

обязанность – закрыть, сказать последнее слово, напутствовать и ободрить, вселить в расходившихся уверенность, что два дня сладкого пустобайства потрачены не понапрасну.

– Пусть будет, что будет, – бросал он в зал с привычным пафосом. – Пусть наше сердце станет каменным, пусть замрут все струны веры в человека, пусть засохнут все цветы и грезы о человеке, над которыми сегодня с этой кафедры говорили столь презрительно. Но затопчу я их сам, сам! Затопчу, брошу ключи от сердца любящих людей и буду думать только о государстве, о нашей с вами дорогой России!

Маловато, слабовато, а главное, недостаточно уверенно... Делегаты расходились и, пробираясь темными улицами, невольно вспоминали маленького генерала с коричневым лицом, предупредившим их о том, как дорога сейчас буквально каждая минута.

В тот день, вернее, в ночь страна еще не знала того, о чем было доложено Корнилову, едва он вернулся из Большого театра: в Казани какие-то злоумышленники взорвали артиллерийские склады. Неслыханный гром потряс этот большой приволжский город. На воздух взлетело более миллиона заготовленных для фронта снарядов.

«Ну вот!» – подумал в первую минуту генерал. Вражеские лазутчики (о них предупреждала русская разведка) начали прямые боевые действия. Война пошла в открытую. Как жаль, что он не знал о казанском взрыве до выступления в Большом театре! Вся речь вышла бы совсем иной...

Своей речью на совещании Лавр Георгиевич остался недоволен. Получилось звучно, но безопасно. Он стал опасаться своей «зарывистости». Начинала сказываться проклятая политика. Приходилось говорить совсем не то, что на душе... И сразу же всплыл образ генерала Скобелева. Его тогда в Москве встречали столь же бурно, коленапреклоненно. Он смело выступал – особенно в Париже. И вдруг умолк, ушел из жизни – полный сил, стремлений, планов... Ох эта политика!

Вошел Хаджиев и доложил, что к «уллы-бояру» просят два солидных, важных господина. Он подал две визитные карточки: Путилов и Вышнеградский. Ого, господа банкиры! Ей-богу, к нему сюда в вагон, на вокзал, являются, словно к настоящему главе государства!

Оба банкира, люди больших денег и больших возможностей («меркантильщики», как их называл Новосильцов), отличались от того же Милюкова скупостью слов и ясностью намерений. Они не тратили слов понапрасну. Дав понять, что видят в Корнилове честного и безыскусного солдата, они предложили свою помощь в его борьбе против вражеской работы. А такая работа набирала мах. Пять дней назад здесь, в Москве, состоялась городская конференция РСДРП(б). Итогом ее усилий и была всеобщая стачка в день открытия Московского совещания. В самый день открытия, 12 августа, газета «Социал-демократ» вышла с призывом во всю первую страницу: «Сегодня день всеобщей стачки! Пусть остано-

вится вся жизнь в Москве!» Всю последнюю неделю большевики превратили Москву в центр борьбы против последних остатков российской государственности. Торжествует их старинный лозунг «Чем хуже, тем лучше!» Вчера – но уже в Петрограде – состоялось заседание большевистского Центрального Комитета. Из Москвы туда был вызван комиссар Янкель Юровский с отчетом о том, как удалось помешать работе государственного совещания...

Беседу вел в основном Путилов. Его спутник не переставая изучал Корнилова маслеными, чуть навывкате глазами. Заметив недовольство генерала, он вставил замечание, напомним, что после 25 октября легитимная власть в стране будет отсутствовать, а поскольку в настоящее время соперничество в основном идет между деятелями Госдумы и Совета, то, естественно, победителем в этой затянувшейся междоусобице окажется некто третий. Надо ли доказывать, что этим третьим будут большевики во главе с Лениным?

Ночные гости поставили Корнилова в известность, что за последние десять дней удалось сильно сблизить позиции противников российского развала. Съезд представителей торговли и промышленности, а также совещание общественных деятелей одобрили призыв, высказанный Рябушинским: «Люди торговые, надо спасти землю Русскую!» Слова эти памятны каждому, их триста лет назад произнес нижегородский купчина Кузьма Минин.

– Господин генерал, – снова подал голос Вышнеград-

ский, – вы же сами видите, мы немножечко начали не с того конца. В Нижнем Новгороде начинали с Минина, а уж затем нашли Пожарского. У нас сейчас имеется Пожарский, но Мининых нет. Нету! Вот мы и решили... – не договорив, он вдруг ослепительно усмехнулся, показав ряд крепких зубов.

Короче, финансисты и промышленники обещали Корнилову любую помощь. Для спасения России не жалко никаких средств.

Проводив их, Лавр Георгиевич опрокинулся на постель, не раздеваясь. Сердце билось беспокойно и тревожно. Стране надоели излияния пустобаев, она хотела дел, свершений, конца неразберихи и хаоса.

России обрыдла керенщина, она ждала корниловщины!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

После Московского государственного совещания в России вместо прежнего столичного двоевластия образовалось два новых полюса: правительственный Петроград и военная Ставка в Могилеве. При этом Временное правительство все сильнее подпадало под влияние Совета.

Дома, в Могилеве, Корнилова нетерпеливо дожидался генерал Крымов. Не здороваясь, он сразу же спросил:

– О Казани, разумеется, знаешь? Ну? Чего еще ждем?

Он выжидающе уставился своими яростными светлыми глазами. Корнилов мучительно увел глаза. Почему они все уверены, что стоит ему только приказать и все исполнится? Не в нем дело, не в его распоряжениях. Сейчас в России слишком много распорядителей! Казалось бы, Верховный главнокомандующий... куда же выше? А ему, между прочим, дозволили ввести военное положение в одной только Казани. Где рвануло – там и ввели. А больше: ни-ни, не смей. Особенно в Петрограде. Там, в нашей столице, совсем иначе думают и действуют. Там – совсем другая власть...

– Под-ле-цы! – раздельно отчеканил Крымов.

Утром следующего дня, словно в подтверждение слов Корнилова, исполком Петроградского Совета опубликовал распоряжение об отмене смертной казни где бы то ни было: на фронте и в тылу.

Это был явный вызов Ставке. Соперничество между двумя полюсами власти пошло в открытую.

Крутые ступени на второй этаж трещали под грузными шагами. В кабинет главковерха снова поднимался угрюмый Крымов. Ступени были мелкими и частыми – генерал не переставал смотреть себе под ноги. С этой лестницы прошлым летом упал, споткнувшись, наследник Алексей и сильно расшиб колено. Обильное кровотечение удалось унять лишь с помощью Распутина: хотите – верьте, хотите – нет, но стоило «святому старцу» прислать телеграмму, как кровотечение немедленно остановилось.

Хаджиев сменял караулы, в приемной дежурил адъютант поручик Долинский. Отвечая на молчаливый вопрос генерала, он с Удрученным видом пожал плечами. Корнилов снова поздно засиделся в штабе и с утра явился раньше всех. В Ставке ожидали, что сегодняшним днем немцы начнут наступление своим левым флангом на севере.

Мысленно Крымов выругал союзничков. Самое бы им время вернуть русской армии должок: нажать на немцев с запада. Куда там!

Лавр Георгиевич повел товарища завтракать. Он ушел из дому, когда семья еще спала.

– Лавр Егорыч, отличный парень у тебя Хаджиев. Но вот Георгиевские кавалеры – подлецы. Все под жидовскую дудку заплясали. Ни одному не верю. Моя воля – я бы их заменил ударницами. Бабы у нас порядочней любого мужика!

В квартире главковерха было тихо, Юрий еще спал. Таисия Владимировна просияла лицом, увидев Крымова. Генерал галантно щелкнул каблуками и, поймав ее руку, летуче поцеловал.

– Пожалуйте к столу, – пригласила она. – У меня все готово. За завтраком Крымов не переставал браниться. Он приглушал мощь своего кавалерийского голоса и поминутно оглядывался на дверь – Таисия Владимировна оставила их вдвоем. Генерал часто тянул руку к графинчику и пошире расстегивал мундир на груди. Ему, как всегда, было жарко.

– Подлецы союзнички, а? Только и знают, как фельдфебели: давай, давай. А не соображают, дураки, что играют на руку Ленину и всей его компании. Единственный у них был порядочный человек – генерал Китченер, так и того утопили... А что они сделали с государем? Он же надеялся на их заступничество. Особенно на англичан: родственники как никак. А они ему – ку киш. Больше того – позволили всей этой сволочи увезти его в Сибирь. Подальше с глаз. Вот помняи мои слова, если только его там не придушат!..

– Государь просился в Мурманск, – вспомнил Корнилов.

– А то я не знаю! Не захотели слышать... кораблишко пожа лели. А теперь достань-ка его из Сибири-то!.. Ты помнишь, нет, Лавр Егорыч, в начале войны кто-то листовочки пустил? Стоит жидяра, с носом, с пейсами, а на руке у него петух, а у петуха голова государя с короной...

– Капорес, – обронил Корнилов и уточнил: – Жертвенный петух – для жертвы.

– Именно! И вот помяни мои слова, Лавр Егорыч, если только они не оттяпают ему голову.

– Да нет, не думаю. Зачем им это? Что даст?

А вот увидишь, увидишь! – уперся Крымов и вдруг прищелкнул по графинчику. – Лавр Егорыч, будь добр, распорядись. Это, понимаешь, какое-то наказание: не успеешь оглянуть ся, а проклятая посуда уже пустая! Выпить ему, однако, больше не пришлось. В столовую вошел Хаджиев и склонился к плечу Корнилова. Лицо генерала вздрогнуло. Он швырнул салфетку.

– Ну, Александр Михайлович, началось: немцы.

В столовой загремели стулья. Встревоженно заглянула Таисия Владимировна.

– Вы куда? А чай?

– Некогда, – обронил Корнилов, устремляясь из-за стола.

– Погоди, Лавр Егорыч, я с тобой.

Час спустя Крымов покинул Могилев. Перед отъездом он улучил минуту и подозвал к себе Хаджиева.

– Хан, берегите этого человека. – И показал на окна второго этажа. – Людей у вас достаточно? Нужно усилить караулы. Ни одну сволочь даже близко не подпускайте! Нечего им тут делать, нечего...

Ожидание неминуемого фронтового поражения немедленно подтвердилось: 20 августа немцы взяли Ригу. Дорога

на Петроград была открыта. Временное правительство, испугавшись, засобиралось переезжать в Москву.

Зоркие дальномерщики Балтийского флота заметили на горизонте силуэты германских линкоров и крейсеров. Немецкий флот грозно приближался к российскому побережью. В этот день газета «Искра» вышла со статьей Мартова. Ее заголовок был набран вершковыми буквами: «Привет германскому флоту!» Тайные союзники не скрывали ликования и готовились к встрече в обреченном Петрограде.

22 августа Лавр Георгиевич вновь потребовал от Временного правительства принятия самых крутых мер. Изменники настолько обнаглели, что действовали совершенно открыто. Правительство сделало вид, что разделяет тревогу главнокомандующего. На 24 августа, через два дня, назначалось большое совещание самых ответственных лиц государства прямо в Ставке, в Могилеве. Генерал Лукомский едко выразился: «Гора едет к Магомету».

Магомету в свою очередь следовало озаботиться, чтобы намеченное совещание не ограничилось обыкновенным пустопорожним словопрением. Приближалась зима. Русская армия вступала в 4-ю зимнюю кампанию. Сдача Риги была грозным предостережением. Как поступать, чем спастись?

Накануне совещания в Могилев приехал Новосильцов. Он был мрачен и даже сквернословил, чем немало изумил Корнилова. Что заставило природного аристократа сбиться на вульгарный тон? Новосильцов на чем свет стоит срамил

членов «Союза офицеров». По его рассказам, добровольцы, едва попав в Петроград и получив подъемные суммы, с головой бросались в омут самого грубого разгула. Для своих кутежей они облюбовали «Аквариум» и «Виллу Родэ». Деньги в этих заведениях сгорали, как на костре. Алексей Путилов, оказывавший «Союзу офицеров» щедрую поддержку, начал хмуриться. Белая идея, так пламенно подхваченная офицерством, гибла в пьянстве и грязном разврате. Совершенно доконал Новосильцова «курбет» некоего инженера Фисташкина: получив на секретную работу миллион рублей, он размотал их в безобразных кутежах на «Вилле Родэ». Шампанское и женщины там стоили невероятно дорого... Алексей Иванович Путилов совершенно прав. Эти сладострастные гуляки – не бойцы за гибнущую Россию. Новосильцов склонялся к мысли «круто положить руля и взять курс» не на развратную столицу, а на юг страны, на Область Всевеликого войска Донского. Генерал Каледин сообщает, что там еще крепки и нерушимы устои Веры и

Любви к Отечеству.

– Дорогой Лавр Георгиевич, нас побеждают не оружием, а грязью. Причем не чьей-нибудь, а нашей собственной. В душах наших офицеров живут не долг и честь, а жадность к удовольствиям. Я й этом убедился...

От завтрашнего совещания он не ждал желательных результатов. Керенский – фигляр, паяц. Настоящий хозяин в Петрограде – исполком Совета. Известно ли Корнилову, что

на днях создано так называемое Демократическое совещание? Что это такое? Новый руководящий орган, можно сказать, новое правительство. И создал его Совет и образовал там новый триумвират. Из кого бы вы думали? А вот: Керенский, Терещенко, Верхо-вский. Сплошь ничтожества! Ну как тут не задуматься над тем, что это всего лишь тряпичные куклы в балагане? А настоящие хозяева пока скрываются, на свет не лезут... Впрочем, не совсем так. На днях они все же высунули свой горбатый нос из-за кулис. Недавно исполком Совета кардинально обновился. На главных ролях там оказались большевики, а в председатели поставили Бронштейна (Троцкого). Да, того самого, что и в приснопамятном 1905 году. Он, правда, пока сидит в «Крестах», но-о... что за помеха? Как только понадобится – выйдет.

Господи, в пору было взмолиться! Немцы в Риге, нависла прямая угроза Ревелю и Петрограду, а его, боевого генерала, заставляют ломать мозги над искуснейшими петлями закоренных ненавистников России.

– Леонид Николаевич, – спросил Корнилов, – выходит, Со вет более не противоборствует правительству? Ведь весь триумвират – это, простите, все бывшие противники Совета!

Одна шайка, – устало махнул Новосильцов. – Ах, какие же мы все-таки безмозглые! Зачем, ну зачем мы отдали им самые выигрышные лозунги?.. Земля, мир... Они об этом талдычат и талдычат. А что у нас? Одно: вперед к победе!

Тьфу! – Он мучи тельно зажмурился и замотал лицом. – Лавр Георгиевич, голуб-чик, мы сами, своими руками, вручили им наше знамя спасителей России!

Усталый, разбитый, потерявший веру, он уплелся из прохладного корниловского кабинета. Уже открыв дверь, он вдруг вспомнил и обернулся. В день отъезда из Петрограда он встретился с Маклаковым. Умница человек и очень понимающий! Так Маклаков, узнав, к кому едет Новосильцов, попросил передать Корнилову следующее: «зарывистого» генерала обязательно спровоцируют на какой-нибудь отчаянный поступок, а затем все разбегутся, попрячутся, оставят его одного... защиты он не найдет и не получит.

Маклаков, Маклаков... Нет, не помнил, не встречался.

– Лавр Георгиевич, – сказал еще Новосильцов, – если завтра будет возможность, потребуйте убрать из правительства хотя бы Чернова. Ну что это такое, в самом деле? Это же позор. До чего же мы дошли: терпеть таких прохвостов в кабинете!

К удивлению Корнилова, на совещание Керенский не приехал. Персону премьер-министра представлял управляющий военным министерством Савинков. В одном вагоне с ним приехал Миронов – начальник контрразведывательного отдела Петроградского военного округа. Лавр Георгиевич вспомнил предостережение Маклакова. В самом деле, что тут было делать столичному контрразведчику?

Керенский, посылая Савинкова вместо себя, держался с

ним начальственно, высокомерно. Он его уполномочивал, он уступал ему часть своей власти, дабы не позволить опаснейшему генералу приставить к виску правительству винтовочное дуло с пулей.

Савинков с видом смирения принял это поручение, но со смирением скрытого, а теперь уже и непримиримого недоброжелателя. Савинков и прежде превосходно знал настоящую цену этому слишком уж легковесному человеку. Баловень судьбы, но, быть может, и жертва: все зависело от того, какой оборот примут события в России.

На взгляд Савинкова, премьер-министр в последние дни сильно пристрастился к пьянству. Этот губительный порок уже наложил свою печать на дряблое мясистое лицо. Глаза Керенского набрякли и были постоянно воспалены, в них застыли потаенная растерянность и страх. О, бывший террорист отлично знал это выражение душевного смятения! У важничающего премьера были глаза большой больной собаки.

Раздавленность Керенского доставляла Савинкову невыразимое удовлетворение. Что знал этот ничтожный краснобай? Тепличную обстановку столичных салонов и клубных собраний. На этом и вознесся... У Савинкова за спиной была жестокая школабоевика-террориста. Он познал вдохновение борьбы, вкусил и невыносимую горечь поражения. Он заглянул в пустые глазницы самой Смерти... Вот уже восемь лет он жил с душой, опаленной ужаснейшим открытием о пре-

дательстве Азефа. Во всей «Боевой организации», сражающейся с самодержавием бомбами, кинжалами и револьверами, не было человека, преданного Азефу более, чем он, Савинков. И он защищал его со всею страстью, отвергал любые доказательства. Он сдался и поверил, убедившись в том, что это чудовище с низким дегенеративным лбом и вечно мокрыми, вывороченными губами хладнокровно сдало его в руки жандармов в Севастополе, сдало, по сути дела, на виселицу, в петлю. Смерти он тогда счастливо избежал, но душа его обуглилась и почернела.

И вот этот самовлюбленный пустобрех в желтых сапогах с серебряными шпорами собрался его переиграть, перелукавить! Смешно...

Внутренне усмехаясь, бывший боевик, сорвавшийся с петли, наблюдал за ужимками премьер-министра с превосходством умудренного исследователя, на ладони у которого шевелится обреченный таракан.

Савинков понимал, что положение Керенского двояко: он боялся генералов и все-таки ждал от армии спасения. В особенности он боялся этого ужасного Корнилова. Поэтому он остерегся ехать в Ставку и послал вместо себя его как главного армейского комиссара.

– Борис Викторович, вы читали последнее послание Корнило ва? Вы ж понимаете: я не могу его принять. Смертная казнь в тылу! Это же чудовищно, это же... сплошная контрреволюция. Нам несдобровать.

– Вы боитесь Совета? – осведомился Савинков.

– Я никого не боюсь. Но я привык равняться на общественность!

– Но разве общественность не озабочена сдачей Риги и дивер сией в Казани? А на очереди германский десант на Балтийское побережье, угроза Ревелю, а там и Петрограду.

Нервничая, Керенский поднялся и прошел к громадной карте на стене. Он застыл перед ней в позе стратега.

Савинков негромко обронил: если справедливые требования Корнилова будут отвергнуты, он вынужден подать в отставку.

Керенский яростно обернулся:

– Вы предатель! Вы вонзите нож в спину русской революции... Вы корниловец!

Лицо Савинкова превратилось в ледяную маску.

– Господин премьер-министр, прошу войти в мое положение. Не могу же я допустить, чтобы важный правительственный документ подписал не глава правительства, а... – Он неожиданно замолк.

– Ну... что же? – не вытерпел Керенский. – А кто же? Кто? Договаривайте же!

– Верховный главнокомандующий, вот кто, – спокойно заключил Савинков.

Дернувшись, как от удара, Керенский одарил его отчаянным взглядом. Образ страшного Корнилова придвинулся к нему вплотную.

– Поезжайте, Борис Викторович. А я... уж здесь. Но вы представляете: Милюков-то? Это возмутительно! Он сколачивает новый «Прогрессивный блок». Раньше – против царя, теперь – против меня.

Мягко поднимаясь, Савинков усмехнулся:

– Александр Федорович, помилуйте... это же отработанный пар.

– Ну... все-таки...

Насчет боязни Керенского реакции со стороны Совета Савинков запустил намеренно. Кто, как не Керенский, вошел в состав Совета, сделавшись таким образом своеобразным мостиком между этой новой формой нарождающейся власти и Временным правительством? Министр юстиции первого революционного правительства и в то же время один из руководителей Совета рабочих и солдатских депутатов!.. Теперь запутанность Керенского обозначилась совершенно. Корнилов со своими верными полками сметет и Совет, и правительство. В его глазах цена им совершенно одинакова. Керенский, похоже, согласен поступиться Советом. Но – правительством? На карту ставилась его собственная голова. Еще слава Богу, что ни на одной из петроградских площадей не установлена безжалостная гильотина. Однако расправа все равно будет кровавой. Таков закон революции, закон борьбы.

Савинков прикинул: теперь Керенский испугался раско-
сых, азиатских глаз Корнилова. Московское совещание сде-

лало фигуру маленького генерала настоящим символом Надежды на спасение России. Но какая нужда в Керенском ему, Савинкову? Тут... туманно. Все будет зависеть от развития событий.

Поэтому он решил удовлетвориться должностью доверенного человека, полномочного посланника главы правительства.

Он знал (и Керенский тоже знал!) о делегатах большевистского VI съезда. Делегаты уже съехались в Петроград. Работать собираются как бы в подполье. Но какое подполье, какие секреты, если там полным-полно провокаторов? Каждый шаг ленинской партии был заранее известен. Традиции проклятого Азефа... Главным решением VI съезда будет курс на выступление с оружием в руках, на восстание. Большевики надеются на распухший сверх всякой меры гарнизон столицы и на монументальный Кронштадт с его боевыми кораблями, набитыми здоровенной братвой в аршинных клешах. Отсидевшись всю войну в своей надежной крепости, матросня рвется доказать свое р-революционное молодечество. Керенский так и назвал Кронштадт: «разбойничье гнездо». Он напомнил Савинкову, что еще две недели назад правительству обещали для блокирования Кронштадта специальную бригаду с артиллерией. Бригада должна занять Ораниенбаум и оттуда потребовать если не разоружения матросов, то хотя бы соблюдения ими лояльности к правительству.

Словом, все надежды от очередного поползновения боль-

шевиков на власть по-прежнему связывались с армией. А на кого еще надеяться? Вот только как бы исключить из армии таких опаснейших людей, как Крымов и Корнилов?

Напутствуя Савинкова, глава правительства особенно просил поторопиться с переброской к Петрограду надежных воинских частей. Невозможно работать, ощущая над самой головой занесенную большевистскую дубину! Савинков снова не удержался от укола, напомнив собеседнику, что в свое время и Корнилов, и сам он, Савинков, предлагали правительству самые решительные меры. Тогда, весной и летом, расправиться с большевиками было куда легче, проще, безопаснее, нежели сейчас. Керенский промолчал – как будто покаянно. Сам виноват! Доуступался, додип-ломатничал...

Направляясь с поручениями Керенского в Ставку, Савинков и в дорожные, бездельные часы не прекращал мучительных раздумий. В частности, его тревожил буквально завтра начинающийся съезд большевиков. Имеются ли у правительства достаточные силы, чтобы прихлопнуть этот съезд? Ну разумеется! Так почему бы не прихлопнуть? Нельзя? Не можно? Но кто же это так властно покровительствует большевикам? А покровительство угадывается явно.

Что же вышло?

В мае состоялся съезд сионистов. В августе – большевиков... Там и там – поразительное совпадение программ!

Нет, что ни говори, а большевистский съезд осуществляется во исполнение какого-то давным-давно составленного и

хорошо продуманного плана. Именно отсюда его полнейшая открытость и абсолютная безопасность.

Черт побери, кто бы мог такое представить всего год назад!

Савинков не сомневался, что Керенский ему не доверяет. Следовательно, хитрит и притворяется изю всех своих актерских жалких сил. Ну а разве сам он с Керенским не хитрит? Тоже ведь не верит ни на грош! Хитрость на хитрость...

И в эту долгую дорожную ночь ему внезапно стукнуло: а не присутствует ли и за спиной присяжного с серебряными шпорами какая-нибудь смутная и оттого зловещая фигура наподобие Азефа? Открытие это словно прострелило Савинкова. Он подскочил и сел в разворошенной постели. Вагон мотало. Углы купе тонули в зыбком синем мраке ночника под самым потолком. Власть нового Азефа настолько велика, что у премьер-министра Временного правительства нет ни сил, ни прав его послушаться. Керенский назначен, он поставлен на свой пост и, как часовой, уйдет лишь по команде разводящего. До тех пор он будет лишь послушный исполнитель, порою сам не понимая до конца своих решений и поступков.

Как видно, ему уж на роду написано всю жизнь вожжаться со всевозможными Азефами!

Савинкову было не до сна. Требовалось срочно выбирать: Керенский или Корнилов? С кем ему в конце концов остаться, чью взять сторону, кого предать? Керенский... Точного

представления о тех, кто за его спиной, покамест не было. Но вырисовывались определенно Бьюкеннен, Локкарт... пожалуй, даже Рутенберг со своим майским сионистским съездом. А Корнилов? Генералы с остатками разбитой армии?.. Соединение российских сил? Каких? Ведь даже на Московском совещании примерно половина зала шикала и негодовала.

Да и вот еще вопрос: а примет ли его Корнилов?

В Могилеве, в Ставке, первым, кто попался Савинкову на глаза, был верный Филоненко. Он встретил «хозяина» на вокзале.

Филоненко сразу же стал жаловаться на Корнилова. После Московского совещания генерала не узнать. И его азиаты стали просто бешеные. Вчера вечером он попытался попасть в штаб, к самому Корнилову. Для передачи с глазу на глаз у него имелось секретнейшее сообщение. Так не пропустили же! Им говоришь, доказываешь, возмущаешься, а они – одно:

– Ны разгабарибат... стрылат будэм!

– Но ты же комиссар, – заметил Савинков. Филоненко понизил голос:

– Борис Викторович, в том-то все и дело. На комиссара смот рят уж так косо!

«Само собой», – подумалось Савинкову. По мнению Корнилова, и комиссаров, и комитеты вообще следовало прижать к ногтю.

– А что там у тебя за сведения, да еще секретные? – полюбому пытался он.

Филоненко оглянулся, как заговорщик: никого... На днях ему совершенно нечаянно удалось установить, что 7-й Сибирский казачий полк вдруг снялся с позиций, погрузился в эшелоны и тронулся – куда бы вы думали, Борис Викторович? – прямо на Москву. Зачем? Кто распорядился? Какая-то, знаете, ужасная белиберда с приказами... Мало того, двигаясь к Москве, казаки вдруг снова ни с того ни с сего выгрузились из вагонов в Можайске.

– Борис Викторович, я еле вас дождался. Происходит что-то непонятное. Войска снимаются, войска перевозятся, войска наце ливаются... Кто заправляет всем? Сам Корнилов? Я лично убеж ден – да!

Он смотрел честными, преданными глазами.

«Дур-рак!» – едва не соскочило с языка Савинкова. Задержать казачий полк в Можайске приказал он сам. Этим можно козырнуть и так и эдак: и перед Керенским, и перед тем... ну, тем, с кем еще придется иметь дело. Дескать, и мы не сидели сложа руки, тоже что-то соображали и принимали кое-какие меры по силе, так сказать, возможности... Филоненко с его идиотской старательностью и преданностью едва не испортил задуманной игры.

Возле бывшего губернаторского дома, где с осени 1915 года стала помещаться Ставка, Савинкова покорила дорогой его сердцу воинский порядок: часовые на постах стояли в струн-

ку, а не вразвалку и четко отдавали честь. «Ну вот... можно же!» – подумалось ему. Страшных текинцев он увидел, когда миновал ворота, – пестро одетые джигиты несли внутреннюю охрану. На главном посту столичного гостя встретил Хаджиев и повел с собой. Савинков шагал развалисто и независимо, Филоненко невольно ежился и затравленно поглядывал на свечками застывших часовых в огромных косматых папах. Текинцы отвечали ему ледяными, презрительными взглядами из-под кудрявых волос.

Хаджиев, тонко, словно институтка, перехваченный в талии, двигался летучим, мягким шагом. Писательским глазом Савинков отметил в его походке что-то звериное – сильное и молодое.

Филоненко продолжал нашептывать, заставляя Савинкова склоняться ухом вбок:

– Они тут очень нас боятся. Я имею в виду террор... возможность покушения. Видите, как они нас пасут? И будут пасти, уверяю вас! Да вы и сами убедитесь...

В сопровождении Хаджиева они вошли в огромный кабинет Верховного. Лавр Георгиевич, маленький, измученный, поднялся за столом. Он приветствовал Савинкова и совсем не замечал Филоненко. Хаджиев, по обыкновению, застыл у двери. «Максимилиан прав», – отметил Савинков, располагаясь на жестком стуле возле самого стола. В кабинете появился генерал Лукомский. С папкой бумаг он остановился в нерешительности: он не ожидал увидеть посторонних.

– Лавр Георгиевич, – громко объявил Савинков, – я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Немедленно повернулся и направился к двери Лукомский. За ним вяло поплелся Филоненко. Хаджиев пропустил всех и вышел сам. Корнилов и Савинков остались одни.

Бремя верховной военной власти, на взгляд Савинкова, сильно согнуло маленького генерала. В облике Корнилова появилось что-то беззащитное... После бессонных дорожных размышлений Савинков приглядывался ко всему вокруг оценочным взглядом придирчивого покупателя... Впрочем, на плечи генерала наваливались тяжести не только армейские, но и политические. Недаром Керенский опасался его одного, и больше никого. Ну разве еще Крымова...

Корнилов удивился, что Керенский не приехал сам, а прислал замену. Савинкову показалось, что генерал расстроился. Он принялся его успокаивать.

– Александр Федорович с нами, – заявил он. – Делегируя меня сюда, он специально подчеркнул, что питает надежду на ваш характер, на ваши силы. Вам надлежит как можно поскорее навести порядок в нашем кабаке. Повторяю вам: Александр Фе дорович за порядок!

Затем с оттенком барственного превосходства он упрекнул Корнилова за резкий тон «Записки».

– Она прочитана? – сухо спросил Корнилов, не отрывая сумрачного взгляда от сомкнутых рук, положенных перед собой на стол.

– Прочитана, прочитана... И еще как прочитана! Но... по звольте уж мне быть совершенно откровенным, генерал. Я знаю: вы не симпатизируете Керенскому. Да и не вы одни. Но вот вы его снимете... так? А кого вместо него? Ну, кого, кого? О-о, вот в том-то и дело! Некого. Совершенно некого. Альтернативы Керенскому нет. И это надо признать. И с этим надо смириться. По том... может быть. Но сейчас, в настоящую минуту... нету, просто нету никого!

К слову он ввернул, что буквально накануне пригрозил Керенскому собственной отставкой.

– Мы с вами союзники, генерал. Больше скажу: нам с вами надлежало бы дать аннибалову клятву. Ведь Отечество-то наше в опасности!

Колючим голосом Корнилов осведомился, каким это образом его «Записка» буквально на следующий день из правительственной канцелярии вдруг оказалась в редакциях газет? Савинков будто того и ждал. Он лучезарно улыбнулся, приложил к груди руки:

– Так а я-то о чем? Именно, именно! Не исключаю и вульгарный шпионаж... да. Потому я и протягиваю руку, потому-то я и здесь: наше с вами Отечество в опасности, генерал!

О положении в столице он сообщил следующее. Сейчас, когда они сидят и разговаривают, в Петрограде открывается VI съезд партии большевиков, партии Ленина. «Товарищи» на этот раз настроены решительно: брать в руки оружие и захватывать власть силой. Июльские ошибки ими учтены,

теперь они уверены в успехе. Поэтому Керенский, как глава правительства, обращается к Корнилову с призывом поторопиться с переброской к Петрограду надежных воинских частей. 3-й Конный корпус? Превосходно! Но нельзя ли все же поскорее? Сейчас дорог буквально каждый час!

Руки Корнилова разнялись и вновь соединились. Он заметил, что выступление большевиков, как видно, снова, как и в июле, связано с немецким наступлением. Рига оставлена нашими войсками, ожидается десант на Балтийское побережье. Если это произойдет, судьба Ревеля будет решена...

Савинков сказал:

– Большевики ждут немцев в Петрограде. В этом нет никаких сомнений. Ленин усердно исполняет свою роль. Александр Федорович согласен объявить Петроград на осадном положении. Наша столица становится городом прифронтовым.

Дыхание Корнилова сделалось прерывистым. Он стиснул пальцы так, что остро обозначились худенькие коричневые костяшки.

– Я вижу дорогого мне человека в смертельной горячке. Я вижу, как его тело облепили мириады вшей. Здесь отнюдь не случай с Гулливером, здесь – страшной. Я не могу больше смот реть, я не могу больше мириться. Мою Россию растоптали, зара зили... волокут в могилу. Погодите, дайте мне сказать. Недавно у меня был разговор с двумя министрами. Сидят в моей приемной и сплетничают: «Нельзя-а... у него же

нет никакой политической физиономии». Это они обо мне: «Нельзя-а... поймите же!» Болтуны проклятые! А я хочу лишь одного – смахнуть всех вшей и пусть страна поднимется и оглядится после своей горячки. Вот и вся моя политика!

– Прекрасно! – восторженно воскликнул Савинков. – Прекрасно, генерал! Но успокойте же меня... всех нас, сказав вот так же честно, прямо, по-военному: вы хоть представляете, что в случае конфликта окажется у вас в руках? Ну что вы на меня так смотрите? У вас же окажется руль власти. Руль государственного управления Россией!

– Ну так что же? Не пойму, – нахмурился Корнилов. Савинков придвинулся:

– А вы уверены, что у вас хватит духу выпустить этот руль, отдать его в другие руки?

«Ах, вот они о чем! Вот что их тревожит...»– Простите великодушно, Борис Викторович, но я отвечу по-станичному. У нас в станице в таких случаях говорят: «Свек ровка-блядь снохе не верит!»

Всплеснув руками, Савинков вдруг раскатился счастливым громким смехом. Он покатывался и восклицал:

– Ах, ах... как замечательно!

Не удержавшись, улыбнулся и Корнилов:

– Вы никак не хотите поверить, что мне не нужна никакая ваша власть. Я – военный. Я принимал присягу. И я подчинюсь любому решению Учредительного собрания. Народ наш скажет свое слово – и я уйду.

Савинков вдруг засуетился:

– Прекрасно сказано, генерал. Это меняет все дело. Это же совершенно все меняет, генерал!

– Вспомните Минина, вспомните князя Пожарского. Ну? Каждый должен заниматься своим делом.

– Лавр Георгиевич... – голос Савинкова сделался укромным, вкрадчивым, – вы уполномочиваете меня передать все это Алек сандру Федоровичу? Не скрою, это его воодушевит.

– А для чего же мы с вами тут сидим? Передайте и добавьте: за решительным человеком я пойду как солдат. И никогда не отступлю! Решительного Керенского я поддержу всеми силами.

– Вашу руку, генерал! – вскричал Савинков. – Я немедленно отправляюсь в Петроград. Я тороплюсь. Я думаю – теперь мы спасены!

«Насколько все же проще, легче разговаривать с военными, – думал Савинков, размышляя о своем успехе в Ставке и готовясь к встрече с Керенским. – Корнилов – кремень, Керенский – студень. А с кремнем, как ни странно, все же легче, чем со студнем!»

Генерал Крымов снова появился в Могилеве. Этому кипучему человеку не сиделось на месте. Он сгорал от нетерпения.

Корнилова он в Ставке не застал: главковоерх был в поездке. Возвращения его ожидали через два дня.

С генералом Лукомским, занятым сверх головы, Крымов

увлеченно рассуждал о том, что глаза русского народа кажется начинают с надеждой устремляться на свою армию. А какая еще сила способна остановить развал в державе? И в этом отношении имя Корнилова обрело ореол спасителя Отечества.

Накануне вечером в переполненном ресторане генерал Крымов стал свидетелем, когда молоденький поручик, целуя руки своей даме, восторженно повторял: «Слава Богу, теперь мы спасены, спасены... О Корнилов! Мы здесь все корниловцы, моя дорогая!» В ресторане гуляла военная молодежь и за всеми столиками произносилось имя Верховного главнокомандующего. Генерал Крымов в мрачном одиночестве допивал бутылку шампанского и размышлял о том, что надо дождаться возвращения Корнилова и чистосердечно признаться ему во всех своих прегрешениях («Вольных и невольных», – мысленно добавил он.). Дело в том, что Крымов, не доверяя «Союзу офицеров», создал в 3-м Конном корпусе свою офицерскую организацию. В отличие от многих генералов, «путающихся в сношениях с правительством», он давно пришел к неутешительному выводу, что «дело швах». (Вчера он так и заявил Лукомскому, своему старому товарищу.) По мнению Крымова, следовало основательно готовиться к длительной борьбе с подлыми разрушителями государства. Он даже допускал, что, пожалуй, придется, как в войне с Наполеоном, прибегнуть к партизанским методам. Центром русского сопротивления он предлагал сделать Ки-

ев, «матерь городов русских». И уж из Киева, с берегов Днепра, «кинуть клич» на всю Россию. Он повторял, что 300 лет назад спасение России пришло со стороны, из глубокой провинции... Пусть на этот раз спасители явятся не с берегов Волги, а с берегов Днепра!

Вчера он признался Лукомскому, что его конспиративные расчеты и надежды потерпели крах.

Последние полгода он сам вникал во все тонкости своего заговора. Тщательно отбирая офицеров, он снабжал их деньгами, паролями и явками и командировал в Петроград. Люди уезжали, обещая генералу встретить славный 3-й Конный корпус на улицах и площадях Петрограда. Они ударят изнутри. Генерал Крымов, следя из Ставки за передвижениями эшелонов корпуса, сладостно предвкушал, как он возьмет в смертельные клещи – с фронта и одновременно с тыла – всю расплодившуюся столичную сволочь. А после этого скромно отойдет в сторонку. «Пожалуйста, господа, продолжайте ваше дело. Я – свое сделал. Хорошо ли, плохо ли, но осуществил. Разумеется, как умел. Уж не обессудьте!»

Ничего этого не будет, не получится. Вчера он признался, что командированные офицеры-заговорщики, едва успев добраться до Петрограда, кидались с головою в безудержную пьянку, в разврат. Таким образом немалые средства, вытянутые у недоверчивых промышленников, «сгорели» в кабинетах «Виллы Родэ» и «Аквариума»... Рассказывая, Крымов безудержно сквернословил: «Развратничали под высокими

лозунгами, подлецы! Нашли свое поле чести на животах проституток!»

Игра в отдельный заговор, закончившаяся столь позорно, доставляла Крымову страдания. Отныне он решил предоставить себя («всего – с ног до головы») в распоряжение Корнилова. Он вынашивал мстительную мысль ворваться в Петроград и с особенной жестокостью расправиться с предателями, разложившимися в грязных кабаках. Уж эти от него не дождутся никакого снисхождения! По секрету генерал Лукомский сообщил, что ему в скором времени придется расстаться с Корниловым: предполагалось назначить его командующим полевой армией. На его место скорей всего заступит генерал Романовский, занимающий пост генерал-квартирмейстера штаба Ставки. Крымов, дожидаясь возвращения Корнилова, стал почаще заходить к Романовскому. Отношения завязывались трудно. Сухой и педантичный человек, Романовский жил только службой. В генеральской среде его сильно недолюбливали. Он об этом знал и держался с подчеркнутой надменностью.

Генерал Крымов ценил генерал-квартирмейстера за прямоту характера. Романовский обыкновенно предпочитал молчать, но если его спрашивали, он не вилял, не дипломатничал, а высказывался напрямик, словно стрелял в упор. Нынешним летом в штабе Юго-Западного фронта при обсуждении планов предстоящего губельного наступления он не постеснялся сухо и невозмутимо заявить самому Керен-

скому, военному министру:

– Я плохо помню начало вашей длинной речи, господин министр. Потому не могу понять и середины. Что же касается конца, то я с ним совершенно не согласен. Начинать наступление фронт не может и не должен.

Болтливый Керенский побагровел, его длинное, лошадиное лицо задрожало от возмущения. Но Могилев – не Питер, и он стерпел. С генералами истерики не закатишь.

Крымов постоянно помнил, что Романовского и Корнилова связывало глубочайшее взаимное уважение. Оба считались людьми одного сорта.

В кабинете генерал-квартирмейстера царил идеальный порядок. Сам Романовский, неизменно застегнутый на все пуговицы, являл разительный контраст с лихим кавалерийским генералом. Тучной шее Крымова было нестерпимо от удушливого ворота мундира, виднелась несвежая, измятая сорочка. Колени генерала расставлены, могучая рука нетерпеливо перебирает на колене пальцами.

У Крымова в Петрограде имелся доверенный человек, полковник Самарин. Он пристроил его там еще весной, уезжая принимать 3-й Конный корпус. Самарин регулярно доносил о том, что происходит в высших сферах, помогая Крымову правильно ориентироваться. От него вовремя узналось о позорном «подсевании» генералов Брусилова и Бонч-Бруевича, он же тревожно сообщил, что возникли слухи о замене Корнилова на посту главковерха самим Керенским. Там,

в Петрограде, не прекращались интриги, обострялась с каждым часом борьба за власть.

Романовский, выслушав, помедлил и сухо произнес:

- Армия слишком острый инструмент, чтобы им играть.
- Хорош будет Верховный, нечего сказать! – хохотнул

Крымов.

Неожиданно Романовский произнес чуть нараспев:

- «И тогда, ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на Берлин!»

Не понимая, Крымов честно выпучил глаза: стихов Северянина он не читал. Романовский поспешил перевести разговор на старый тон:

- Правительство, к сожалению, совершенно окривело на ле вый глаз. Оно боится армии, как зверя, и ждет удара справа. Его ударят слева, и очень скоро. К сожалению, этот удар будет и по нас.

На взгляд Романовского, приметой времени становится удивительная прострация центральной власти, ее необъяснимое оцепенение, почти полный паралич. Он предлагал ввести Верховного главнокомандующего в состав правительства. Иначе придется ставить вопрос о суверенитете военного командования. А там и диктатура – как хирургическая операция.

Затем он раздумчиво произнес:

- Я что-то плохо верю в союз Керенского с Корниловым.
- Я тоже! – немедленно откликнулся Крымов.

Окинув его оценивающим взглядом, Романовский предложил:

– А вы скажите об этом самому. (Так он называл Корнилова.)

– Я-то скажу... Мне-то что? Но вот послушает ли?

– Вас послушает.

Дождавшись главковерха, Крымов не узнал старого товарища. Корнилов выглядел подобранным, сосредоточенным. Он производил впечатление птицы, спустившейся с громадной высоты. Крымов догадывался, что происходит. По газетным страницам гуляла патриотическая речь Корнилова на Московском совещании. Маленького генерала сравнивали с Наполеоном и с князем Пожарским. Столичные деятели стремились заключить Верховного главнокомандующего в свои объятия. Такой влиятельный одно-партиец им был необходим.

Помня о совете Романовского, генерал Крымов начал свой разговор с непримиримого: не верь никому! Обманут, обведут, предадут... Уж я-то знаю этих подлецов!

– Бог с тобой, Александр Михайлович. Они нам уступают всю свободу маневра. Мне Савинков это определенно сообщил. Керенский сам ищет нашего союза!

– Лавр Егорыч, и ты ему веришь?

– Не поверил бы. Но Савинков! Он меня еще не подводил.

– Так подведет!

Но зачем, зачем? С какую целью? Сам рассуди: разве мы

им не нужны? У них же нет никаких сил. Только мы! – Все равно не верю!

Корнилов осведомился, как идет переброска корпуса.

– Вот тебе еще, Александр Михайлович: правительство ждет не дождется твоих дивизий!

Сдержанно засопев, Крымов ударил кулаком в ладонь:

– Ох, мне бы только войти в Питер! Уж они у меня попляшут, сволота проклятая!

– Такого тебя никто не пустит, Александр Михайлович! – усмехнулся Корнилов.

– Сам войду!

– Ты бы хоть помалкивал... Крымов глубоко вздохнул:

– Нам сейчас не до марципанов, Лавр Егорыч. Мы у последне го предела. Узел надо рубать, спасать, что еще можно...

Вечером он выехал из Могилева, узнав из очередной депеши полковника Самарина, что передовые части 3-го Конного корпуса ожидаютя на станции Вырица.

День, когда Лавр Георгиевич так удачно провел переговоры с Савинковым и отправил к надвигавшимся на Петроград войскам решительного Крымова, стал началом той незабываемой недели, переломившей всю судьбу Корнилова и навсегда вписавшей его имя в новейшую историю России.

Неожиданный приезд Савинкова связывался с тем, что в Петрограде, по всей видимости, наконец-то уразумели отчаянное положение страны. Наступало отрезвление от де-

мократии – необходимое, необратимое. Хваленая западная демократия, о которой столько грезилось, оказалась подобной хмельному зелью. Втягивание в эту погибель происходило постепенно. Сначала народ радостно принялся хлестать шампанское, шипучее, игристое, шибяющее в нос, затем съехал на водочку и спирт, сейчас же угрюмо и сосредоточенно насасывается каким-то черным зельем, непотребным самогоном жуткого разлива. А ему знай подливают: «Пей, родимый, пей до дна!»

Уговор с Савинковым и с Крымовым сообщил ему уверенность, которой так недоставало в те два дня, что он провел в Москве. Сейчас эта уверенность окрепла. Слава Богу, еще не перевелись люди, отыскивающие у России не ахиллесову пяту, а источники ее национальной силы. Пусть даже слепая, но все же любовь к родной земле гораздо лучше зрячей ненависти к ней!

Савинков очень вовремя предупредил о вооруженном выступлении большевиков. Генерал Крымов, думается, сумеет сорвать эту диверсию. Штабу Ставки следует подумать, чтобы германский десант, если только немцы сунутся на побережье, оказался сброшенным обратно в море. Германский генеральный штаб снова, как и летом, собирается применить клещи: и с побережья Балтийского моря, и изнутри, в самом Петрограде. Как изумились бы немцы, узнай они, что планы их разгаданы до срока!

Как приятно работать, выстраивая планы, когда столь пре-

восходно поставлена разведка!

Утром 24 августа в корниловском кабинете появился новый столичный гость: бывший обер-прокурор Священного Синода В.Н. Львов. Он с порога объявил, что прибыл в угарной спешке с важнейшим поручением от самого премьер-министра Керенского.

Поднимаясь из-за стола навстречу посетителю, Лавр Георгиевич мысленно прикинул, что Савинков, уехавший вчера, в настоящую минуту еще не вышел из вагона на вокзале в Петрограде.

С приехавшим Корнилов был знаком, но очень отдаленно. Этот человек вдруг замелькал в правительственных сферах в те же дни, когда Лавр Георгиевич внезапно получил высокое назначение в Петроград – в начале марта нынешнего года. Обоих, генерала и чиновника, к подножию столичной власти выдвинула революция. Если Корнилов считался «первым революционным командующим», то Львов явился «первым революционным обер-прокурором Священного Синода», как ни дико звучит для уха верующего это определение.

В отличие от Корнилова, оставившего свой высокий пост шесть недель спустя, обер-прокурор продержался до июльских дней, до неудачного летнего мятежа большевиков.

Этого человека, обходительного, с мягкими манерами, всю его карьеру сопровождала какая-то странная загадочность. Не занимая никаких значительных постов, он тем не менее бывал допущен к решению важнейших дел. В чис-

ле весьма немногих лиц он присутствовал на квартире князя Путятина, когда там уговаривали царского брата Михаила отказаться от престола. И уговорили, и спешно приступили к окончательному редактированию манифеста, причем так получилось, что именно вкрадчивый Львов сумел втереть в этот важнейший документ крохотную, но нелепую поправку, которая навсегда лишила манифест о передаче власти своей законной легитимной силы.

В годы распутищины этот человек длительно и с пользой крутился в свите «святого старца», как вдруг рассорился с ним вдрызг, принявшись препятствовать архиепископу Варавве в его стремлении канонизировать личность и деяния Иоанна Тобольского. Причина ссоры совершенно пустяковая, но... не знал ли будущий «революционный обер-прокурор» уже в те дни о близком убиении всесильного временщика?

Разговор с главкомом русской армии столичный гость начал с сознанием своей великой значимости. Все: выражение глаз, лица, манеры – говорило о важности поручения. Такого дела не доверят кому попало, для этого избирают людей проверенных, надежных.

– Ваше превосходительство, я знаю, Борис Викторович поста вил вас в известность, что выступление большевиков состоится в последних числах августа. Так вот, они выступят 28-го. Это совершенно точно. На этот день они планируют открытие съезда Советов. Вы же понимаете: они намерены

немедленно в законодательном порядке закрепить все свои успехи!

Мысленно Лавр Георгиевич прикинул: через четыре дня... Завтра к вечеру генерал Крымов доберется до своего штаба на колесах... «Успеем!» И сознание удачи окрылило генерала. Это же половина дела – вовремя узнать намерения противника. В данном случае речь шла о соединенных силах: и с фронта, и с тыла...

Нет, Господь все же обратил свой милостивый лик в сторону несчастной России. Такая удача! Небесная Владычица вновь в трудную минуту простирает свой белоснежный плат над истерзанной, погибающей державой.

А гость продолжал выкладывать разведанные новости. Первым шагом большевистского правительства станет, само собой, заключение сепаратного мира с немцами. Затем они немедленно передадут Германии весь наш Балтийский флот. Таково одно из условий тайного сговора Ленина с германским генеральным штабом. Недаром же его провезли в запломбированном вагоне и щедро снабдили золотом!

Секретничать приехавший умел неподражаемо. Он заразил Корнилова тревогой нетерпения. Надо успеть предотвратить чудовищное преступление врагов России. Еще не все потеряно... Еще можно успеть... Сейчас все зависит от твердости решения и скорости самых неотложных мер!

У Корнилова невольно вырвалось:

– Но почему правительство так нерешительно? Вчераш-

ним днем он то же самое высказывал и Савинкову. Гость взглянул на Корнилова с загадочной улыбкой много, очень много знающего человека.

– Ваше превосходительство, неужели вы, с вашим умом, с вашим опытом, не понимаете, что вас с Александром Федоровичем хотят поссорить? Здесь же расчет, трезвый и прямой расчет. Задумайтесь: кому это выгодно? Скажу одно: только не нам... нам всем!

Затем он предложил Корнилову войти в нелегкое положение премьер-министра. Если быть совершенно откровенным, то у правительства нет надежной вооруженной силы. С русской армией происходит что-то непостижимое: одна часть подчиняется Совету, другая начисто распропагандирована большевиками, третья вообще никого не признает... так, банда без офицеров, без дисциплины. Страшно представить, что начнется, если Керенский вдруг решится употребить всю полноту своей власти. Передерутся все со всеми! И – снова: а кому это на руку?

Лавр Георгиевич заложил палец за ворот и нервно дернул:

– Но и смотреть, терпеть... согласитесь же!

На этот отчаянный жест генерала гость ответил долгой и загадочной усмешкой.

– Генерал, а как вы думаете, с какой конкретной целью Александр Федорович делегировал меня?

Он подождал ответа, явно наслаждаясь замешательством хозяина. Затем пригнулся и доверительно понизил голос:

– Он склонился к мысли, что в настоящую минуту власть должна находиться в руках военных. Да, да, диктатура! А что делать? Это, к сожалению, необходимость. Иного выхода у России нет. Короче, если он вам мешает, он готов уйти. Он согласен оставить свой высокий пост.

Корнилов не поверил собственным ушам. Как всегда в минуты страшного волнения, по его лицу разлилась обморочная бледность. Мысли заскакали. Они же вчера с Савинковым... как раз об этом... Когда у Керенского вдруг родилось это решение? Почему Савинков ни словом не обмолвился?

А гость, выложив свое главное поручение, рассудительно советовал:

– На вашем месте, генерал, я все же не отказывался бы от услуг Александра Федоровича. Скажем, министр юстиции. А что? Чем плохо? А Савинков – военный министр. Это будет прекрасный кабинет, замечательное правительство!

Корнилов плохо слушал. Он был ошеломлен. Как все переменялось! Вчера... вот здесь же... И – вдруг!.. Он оценил поступок Керенского. На такое самопожертвование способен далеко не каждый. Что ж, еще один урок. Люди-то, оказывается, совсем не так уж плохи!

Исполнив поручение, Львов размяк, словно совершенно обессилел. Он нехорошим словом помянул Викжель, который всячески препятствовал продвижению воинских эшелонов к Петрограду. Появилась угроза разборки железно-

дорожного полотна. Секрет подобных действий, разумеется, один: отчаянные козни большевиков. «Товарищи» орудуют по «Интернационалу». Для них на самом деле наступает «последний и решительный бой». Сорвись у них затея и на этот раз – больше им не подняться: сметут и растерзают.

– Лавр Георгиевич, как вы смотрите на возможность укрытия правительства в Могилеве? В столице не исключены кровавые эксцессы. Чернь не пощадит министров. Да и этот ваш ужасный

Крымов... Вправе ли правительство рассчитывать на вашу защиту, на ваше ручательство?

Корнилов лишь развел руками: о чем разговор!

Он все еще был переполнен сожалением за свое предвзятое отношение к правительству, к премьер-министру.

– Тогда я отправляюсь в Петроград. Вы меня уполномочиваете изложить Александру Федоровичу все то, о чем мы с вами только что договорились? Он ожидает с нетерпением... Уполномочиваете? Благодарю. Тогда мне следует поторопиться. Мешать – совсем не в наших общих интересах.

Прощаясь, он сильно затянул рукопожатие:

– Лавр Георгиевич, посол Бьюкеннен остается в столице, на своем посту. Он обещает нам поддержку английскими броневиками. Я не специалист, но знающие люди уверяют, что это чудо техники. Совершенно неуязвимы!.. Я виделся с Терещенко, и он просил вас передать, что Бьюкеннен в восторге от личности вашего превосходительства. Вы не пове-

рите, но этот гордый британец стал называть себя корниловцем. Поздравляю вас, ваше превосходительство!

Предложение Керенского добровольно уйти со своего поста и предоставить свободу действий генералам изумило и Лукомского, и Романовского. Поразмыслив, они пришли к выводу, что Керенский сумел переломить себя от безысходного отчаяния, от бессилия. Что ему оставалось делать, если уж приставили нож к горлу? Потому он и защиты запросил...

Всю ночь в правом крыле здания, где находилось управление генерал-квартирмейстера, горел свет. Романовский нагрузил офицеров спешной работой. Он часто заходил к начальнику штаба, вместе они направлялись в кабинет главковерха. Узел связи отсылал в штаб Северного фронта последние распоряжения. Точная дата выступления большевиков в тылу – 28 августа – предполагала и высадку немецкого десанта.

Через Хаджиева Лавр.Георгиевич передал Таисии Владимировне о срочной работе и просил прислать сахару и печенье. Чай Хаджиев кипятил и заваривал сам.

Ночь прошла в напряженной работе. Усталости, однако, никто не ощущал. Расцвел даже суровый Романовский. На самый сильный ход противника заранее готовился продуманный контрудар. Работа доставляла наслаждение. Генералами владело предчувствие большой удачи.

И наступило утро, ясное утро ранней русской осени, и начался день 27 августа.

Затрещал аппарат Бодо, работавший на прямой связи с Петроградом, и поползла лента с шифровкой...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В Петроград Львов приехал вечером следующего дня и с вокзала кинулся в Зимний. Он столкнулся с Керенским в его приемной. Глава правительства спешил на заседание.

– А, это вы? – узнал он Львова. – Уже вернулись? Ну, *как* – говорили? Ах, молчите, молчите, умоляю вас! Ни слова больше. Сядьте здесь и ждите. Я скоро вернусь.

Идти Керенскому было недалеко – вправо по коридору, до двери напротив. В том зале для заседаний Львов бывал не раз.

Ожидая, Львов сгорал от нетерпения. Он вскакивал и высовывался в коридор. Нет, пусто... заседают... Внезапно появился Керенский. Он был красен, возбужден.

– Идемте! – отрывисто пригласил он, устремляясь в кабинет. Он прошел за свой огромный стол и, не присаживаясь, оперся обеими руками.

– Так... Ну, рассказывайте, рассказывайте. Я вас слушаю. Рассказывать Львов принялся неторопливо, обстоятельно, со вкусом. Керенский дергался, как от щекотки. Ему не стоялось.

– Так... – прервал он. – Вот вам бумага. Прошу вас: изложите мне все письменно. Садитесь вот сюда и – с Богом. Я жду. Мне это очень важно.

Усаживаясь на указанное место, Львов осведомился:

– А насчет того, что он вас ждет 29-го числа... писать?

– Об-язательно! Всенепременно!

Несколько раз он заглядывал пишущему через плечо. Львов, припоминая, поднимал лицо и всякий раз встречал глаза нетерпеливо ждущего премьера. Глаза Керенского излучали непонятную ярость, почти неистовство.

– Ну, хватит, хватит, – вдруг проговорил он, подобрал две исписанные страницы и выхватил из-под пера третью. – Этого достаточно!

Сверкая голенищами, он выскочил из кабинета. Львов посмотрел на перо в своей руке и искал, куда бы его положить.

Керенский ворвался в зал заседаний и стал потрясать бумажными листками.

– Господа, заговор Корнилова! Вот доказательства... читайте. Он стягивает войска, он изготовился арестовать правительство. Он всем нам приготовил гнусную ловушку... Читайте же! Борис Викторович, прошу вас... вслух, погромче. Вот вам ваш генерал, вот здесь он весь. О мерзкий интриган! Я смещаю его с поста Верховного как предателя революции и демократии!

Савинков подобрал страницы львовского письма и принялся читать. У министров против воли стали пучиться глаза. Ну, генерал! Выходит, газетчики вовсе ничего не сочиняли, не придумывали. Военные все же не вытерпели и схватились за оружие. Какое возмутительное требование выставил

правительству Корнилов! Настоящий ультиматум... И он им в самом деле приготовил западню! Заманил бы в Могилев – и крышка. Его свирепые азиаты перерезали бы всех министров своими кривыми кинжалами... Ах, ловкач!

Первым перевел дух Некрасов.

– А где этот курьер... ну, Львов? – спросил он.

– У меня в кабинете, – отрывисто бросил Керенский.

– Его надо немедленно арестовать! – потребовал Некрасов.

– Идемте, – распорядился Керенский и впереди всех помчался в свой кабинет.

Львов радостно вскочил, увидев набивающихся в кабинет министров. Он ждал слов благодарности, признания, он ждал заслуженной награды.

– Гражданин Львов, вы арестованы! – провозгласил Керенский, картинно простирая к нему руку.

От изумления Львов попятился и плюхнулся в кресло. У него ошалело развалился рот.

А Керенский деятельно распоряжался:

– Борис Викторович, этого субъекта – под строжайшую охрану. Вы за него нам отвечаете своею головой!

Ночь Львов провел в небольшой комнате рядом с кабинетом Керенского. У двери поставили стул, на нем поместился солдат в шинели и с винтовкой. Он не сводил с арестованного глаз. Маясь, Львов возился на диване. По соседству, в кабинете Керенского, звучали возбужденные голоса. Ино-

гда вдруг наступало затишье. Но хозяин кабинета оставался на своем посту... Отвернувшись от яркого света в глаза и от бдительного солдата, Львов пристроился щекою на диванный валик и задремал. Проснулся он от шума за стеной. Керенский расхаживал по кабинету и громко напевал: «На земле-е... весь род людской! Тру-ру-ру... ру-ру-у...» Ночь его не утомила, и он радостно встречал рассвет очередного дня.

Оставшись в кабинете, Лавр Георгиевич стал у окна. Всклодило солнце. Сквозь листву желтеющих деревьев открывались задне-провские дали. Низко над водой тяжело пролетели две дикие утки. Он положил сегодня же просить Лукомского озаботиться приличным размещением ожидавшихся членов правительства. В «Бристоле» необходимо навести порядок. Самого Керенского он решил поселить в своей квартире. Придется потесниться, перевести Юрика к себе. Где-то в кладовой сохранилась походная кровать последнего государя...

Лавр Георгиевич все еще чувствовал свою вину перед премьер-министром. Как он плохо о нем думал!

В кабинет вошел Лукомский. Он был неузнаваем. Лавр Георгиевич, недоумеая, двинулся от окна к столу.

Начальник штаба молча подал ему расшифрованную телеграмму. Корнилов прочитал и вскинул на Лукомского глаза. Он ничего не мог понять. Телеграмма подписана самим Керенским. Генералу Корнилову приказывалось сдать свой

пост Лукомскому и немедленно выехать в Петроград.

В полном недоумении Лавр Георгиевич глянул на оборот казенного листка, словно надеясь найти там хоть какое-то объяснение.

Стискивая зубы, Лукомский проговорил:

– Подлецы!

Он указал Корнилову на красноречивую деталь: правительственный документ был адресован не Верховному главнокомандующему, как это бывало прежде, а просто «генералу Корнилову».

Лавр Георгиевич совсем завесился бровями. Он был обескуражен. Да что у них там происходит? Что за странные распоряжения? Ведь и вчера, и позавчера... и с Савинковым, и с этим Львовым... Нет, тут какая-то путаница, нелепость!

И он отправился на узел связи.

Аппарат застрекотал. С катушки потянулась узенькая лента. Корнилов в нетерпении хватал ее и растягивал, отводя вбок правую руку. Прочитанная лента падала под ноги.

«У аппарата Керенский, Савинков, Львов. Объясните правительству непонятное передвижение кавалерийских частей к Петрограду».

«Ставка разрешила передислокацию согласно просьбе Савинкова».

«Подтверждаете ли вы ультиматум Львова?» – спросил Керенский.

«Никакого ультиматума не существует. Львова я не посы-

лал. Он прибыл ко мне с поручением из Петрограда. Он изложил мне ваш план и я согласился», – ответил Корнилов.

«Подтвердите правильность того, что он нам передал», – уже попросил Савинков.

«Подтверждаю полностью. Прошу передать Александру Федоровичу, что участие его и ваше в правительстве считаю, безусловно, необходимым. Сообщите, остается ли возможность приезда правительства в Ставку?»

Аппарат замолк надолго. Когда он заработал вновь, разговор вел один Савинков: «Я усматриваю, что Львов сыграл плачевную, если не сказать больше, роль. Я не могу забыть ваших последних слов в Ставке, что вы готовы всемерно поддержать Керенского, если это нужно для блага Отечества. Боюсь, что недоразумение, порожденное Львовым, сыграло роковую роль для нашей Родины, и я с прискорбием вижу, что все мои труды не дали результатов».

Послышалось возмущенное фырканье Лукомского – он читал ленту из-за плеча Корнилова.

– Так... – произнес Лавр Георгиевич и положил руку на плечо телеграфиста: – «Повторяю вам, что мне интересы Родины, сохранение мощи армии дороже всего. Свою любовь к Родине я доказал, рискуя много раз собственной жизнью, и ни вам, ни остальным министрам правительства не приходится напоминать мне о долге перед Родиной. Я глубоко убежден, что совершенно неожиданное для меня решение правительства произошло под давлением Совета рабо-

чих и солдатских депутатов, в составе кото рого много лю-
дей, запятнавших себя изменой и предательством. Уходить
под давлением этих людей со своего поста я считаю равно-
сильным уходу в угоду врагу, уходу с поля битвы. Поэтому в
полном сознании своей ответственности перед страной, пе-
ред историей и перед своей совестью я твердо заявляю, что
в грозный час, переживаемый нашей Родиной, я со своего
поста не уйду!»

В телеграфной повисла напряженная тишина. Аппарат
безмолвствовал. Там, на другом конце, в Петрограде, читали
и осмысливали решительное заявление Верховного главно-
командующего.

Внезапно аппарат застрекотал: «Надеемся, что все недо-
разумения развеются в ближайшие дни при нашей встрече в
Петрограде. Сообщите время выезда».

– Черта с два! – не вытерпел Лукомский. – Никуда вы не
поедете.

– Я их совершенно не боюсь, – спокойно заявил Корни-
лов. Лукомский продолжал Горячиться:

– С какой стати они нас отпевают, почему хоронят? «С
при скорбием вижу...» Что, уже что-то решено и подписано?

Лавр Георгиевич оставался в глубокой задумчивости. Са-
винков... Вроде бы договорились же! Да и этот... Львов. Что
за чертовщина? Какой вдруг ультиматум? Кто его придумал?
Это ж надо: ультиматум армии правительству!

Видимо, Лукомский прав: в Петрограде затевается ка-

кая-то большая грязь.

Спустя полчаса генерал Лукомский снова появился в корниловском кабинете. На нем не было лица. В руке он держал два листка бумаги. Один из них он положил перед Корниловым. Это была правительственная телеграмма на имя Лукомского. Начальнику штаба приказывалось арестовать Корнилова и вступить в командование русской армией.

Так вот оно в чем дело!

Минута ошеломления длилась бесконечно...

Обеими руками Лавр Георгиевич уперся в край стола и отъехал вместе с креслом. Повернулся боком... Этому столу он больше не хозяин. Как и этому креслу... Как и...

Генерал Лукомский стоял перед столом безмолвной статуей – новый главноверх, только что получивший власть над армией, и его, Корнилова, тюремщик.

– Так, – произнес Лавр Георгиевич. – Ну и... как теперь? Ему было неловко за Лукомского, своего старого боевого товарища. Нелепое и страшное распоряжение: арестовать!

Все так же молча начальник штаба положил перед ним другой листок – свой ответ правительству: «Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, определенно вам заявить, что теперь остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно, это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием которого, конечно, не будет закрепления завоеваний революции. Ради спасения России

вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не сменять его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала».

Волна признательности горячо ударила в лицо. Старый товарищ его не предал. Он, не колеблясь, сделал свой выбор и по-солдатски прямо заклеил столичных интриганов, ни капельки не озабоченных несчастьями народа и страны.

Корнилов вскинул голову. Глаза их встретились. Начальник штаба смотрел прямо, честно, преданно. Лавр Георгиевич поднялся и протянул руку:

– Благодарю.

После этого решительно придвинул кресло.

День пошел своим рабочим чередом. Ставка Верховного главнокомандования оставалась на посту. Гигантский русский фронт, от Балтики до Румынии, ждал руководящих указаний... В середине дня генерал Романовский осторожно заметил, что во фронтовых штабах, судя по всему, ничего не знают об истерическом приказе Керенского (арестовать Верховного). На узел связи Ставки поступали обыкновенные, рутинные запросы. Боевые части продолжали жить своей привычной, окопной жизнью.

Керенский, по-прежнему скользкий, как налим, оставался верен своим привычкам: распоряжался в огромной стране, словно в мелочной лавчонке. Когда они там поймут, мерзавцы, что на плечах армии лежит вся тяжесть необычайно изнурительной войны? Не совались бы хоть в военные дела!

Романовский подал мысль, что завтра с утра следует послать Хаджиева на вокзал, к курьерскому поезду: привезут свежие столичные газеты. Уж газетчики не умолчат и выболтают все, что происходит в Петрограде. Это их хлеб.

– Завтра понедельник, – мрачно объявил Лукомский. – Газеты не выходят.

Какая незадача! В самом деле... Что ж, придется ждать до вторника.

Штаб Ставки продолжал работать, втайне сгорая от нетерпеливого любопытства: что же все-таки затевается в далеком Петрограде?

Генерал Лукомский ошибся: в понедельник на этот раз вышли многие столичные газеты. И все они, без исключения, на первых страницах поместили вершковое обращение правительства: «ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!» Это был вопль праведного гнева. Народ и страна оповещались, что Верховный главнокомандующий генерал Корнилов, словно новоявленный Наполеон, прислал из Ставки ультиматум Временному правительству, требуя безоговорочно передать ему всю полноту государственной власти. Революционная Россия оказалась перед угрозой военной диктатуры. Все завоевания народа мятежный генерал готовился потопить в крови.

Временное правительство, вовремя раскрывшее преступный заговор, колотило в набатный колокол и взывало: «Все на защиту Родины и Революции!», «Защитим от военного мятежника Свободу и Демократию!».

Первым ощущением от всего прочитанного было чувство непереносимого оскорбления. Изменник! Военная измена... Словно к самому лицу придвинулась чья-то мерзкая харя и смачно плюнула. Лавр Георгиевич зажмурился, кажется, даже застонал. О прохвосты! Промелькнули шулерские сапожки с серебряными шпорами, затем этот самовлюбленный террорист с надменной челочкой на воспаленном лбу и... этот... добчинско-бобчинский обер-прокурор Синода... Рожи и мурла... И глаза, глаза... льстивые, лживые, подлые... Заговор, мятеж... Заговорщик! Вне закона!

Позднее озарение коснулось бесхитростной генеральской головы. Его, солдата, сделали страшилищем народа и страны. Для этого и наезжали, ради этого и обволакивали льстивой болтовней. Он им был нужен как ужасающее пугало. И они его, озабоченного сверх головы состоянием дел на фронте, превратили в это пугало. Его и группу верных генералов... Генеральский заговор!

Кто их теперь послушает, услышит? В газетную истерику не вставить ни слова оправдания.

Вот уж на самом деле: политика – грязь. Великая грязь! Однако что же теперь будет с армией? Она неминуемо расколется надвое. Правда, генерал Клембовский, командующий Северным фронтом, так же, как и Лукомский, отказался от поста Верховного. Но... кто-нибудь все равно найдется! Отыщется служака, лукавый и старательный, «честный патриот-революционер», и примет поручение арестовать преда-

телей, выдать их на праведный народный суд, на скорую расправу. И армия примется воевать сама с собой, стрелять в самих себя... Кровавейший раздел!

Генерал Романовский заметил, что этого, как видно, и добивается правительство. Армия всегда его страшила, оно боялось армии и теперь ловко убирает ее с арены ожидавшихся событий.

– Но как оно думает управиться с большевиками? – все еще недоумевал Корнилов.

Романовский насмешливо глянул на своего начальника:

– А вы уверены, что Керенский боится Ленина? Окончательно смешавшись, Корнилов пробормотал:

– Иван Павлович, вы говорите страшные вещи!

– А вот увидим, Лавр Георгиевич...

Генерал Лукомский высказался в том смысле, что стране грозит гражданская война. Заявление о мятеже поставило Петроград со всем правительством в объект атаки со стороны мятежных генералов. Таким образом, в России – воюющей, сражающейся на фронтах! – образовалось два центра власти: военной – Могилев и гражданской – Петроград. Садясь в осаду, правительство своим «ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!» призывало население к мобилизации. Армия тем самым как бы отсекалась от народа и превращалась в узурпатора, с которым следовало беспощадно воевать.

Лукомский нервничал:

– На что они рассчитывают, подлецы? Мы же не можем

пойти на Петроград и повернуться спиной к немцам!

На Корнилова было страшно глянуть. Раздавленный клеветой, объявленный правительством вне закона, он из последних сил сохранял необходимое самообладание.

Генерал Лукомский посоветовал:

– Надо срочно найти Крымова. Вот уж кто человек надежный! А вам, Лавр Георгиевич, обратиться бы к войскам...

Корнилов решительно замотал головой.

– Лучшего подарка Керенскому и не надо. Тогда действительно получится мятеж: Корнилов мобилизует армию на резню и бунт. Нет, этого они от меня не дождутся!

– Но не можем же мы сидеть с клеймом изменников! – возмутился Романовский.

Подумав, Корнилов обронил:

– Да, объясниться надо... – и попросил оставить его одного.

ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДУ

Телеграмма министра-председателя за № 4163 является сплошной ложью. Не я послал члена Государственной думы Вл. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Таким образом свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.

Русские люди, великая наша Родина умирает!

Близок час кончины!

Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов,

заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну изнутри.

Тяжелое сознание гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, в храмы, – молитесь Господа Бога о явлении величайшего чуда, чуда спасения Русской земли.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага – германского племени – и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!

Посылать «Обращение» в столичные газеты не годилось: и долго, и ненадежно. Да и согласятся ли напечатать?

В Могилеве имелась небольшая типография, но ее хозяин, молодой еврей, отказался разговаривать. Он заявил, что наборщики ни за какие деньги не согласятся взять в свои ру-

ки такой крамольный текст.

А время уходило... золотое время!

Могилев гудел. В местном Совете не кончался митинг-заседание. Каждый держал в руках газетный лист с правительственным «Всем, всем, всем!». Возле ворот Ставки стали появляться группы солдат в шинелях внакидку. Они вступали в разговоры с Георгиевскими кавалерами. Хаджиев усилил внутренние караулы.

В конце концов в типографию отправился Хаджиев. Хозяйчик перепугался. На суровых, обвешанных оружием текинцев испуганно поглядывали бледные наборщики. В типографии царил тяжелый дух. Хаджиев оставил для пригляда Баба-хана, умевшего объясняться на русском языке. Он приказал ему:

– Если эти «товарищи» будут много разговаривать, ты ведь знаешь, что надо делать! Иди спокойно. Хозяин только зубы скалит, но хвостом виляет.

Всю ночь, до трех часов утра, из типографии не вышел ни один рабочий. К началу дня кипы листовок доставили в штаб. Хаджиев пересчитал увязанные пачки и отпустил джигитов отдыхать.

За утренним чаем Лавр Георгиевич внимательно взгляделся в воспаленные глаза Хаджиева:

– Что, хан, джигиты разобрались, кто такой Керенский? Глаза текинца вспыхнули:

– Буюр-ага, прикажи!

Корнилов спросил, отдыхают ли как следует джигиты. Молодой офицер замялся. В эскадроне уже четвертую ночь не снимают сапог. Затем он рассказал, что ночью приезжали из Текинского полка. Весть о мятеже уже раскатывалась по стране. Командиры эскадронов горячо поддерживают «улы-баяра». Но вот полковник Кюгельген... По настоянию ротмистра Натанзона за командиром полка стали приглядывать в оба глаза.

Лавр Георгиевич подумал о Нежинцеве. Надо будет его Корниловский полк перевести поближе, чтобы на всякий случай был под рукой.

Временное правительство, объявив Корнилова мятежником, немедленно провозгласило «крестовый поход на гнездо измены» – так в газетах стали называть главную Ставку в Могилеве.

В Керенском вдруг пробудилась небывалая активность. Первым делом он объявил Петроград на осадном положении и призвал столичный гарнизон мужественно защищать «твердыню русской революции от узурпатора». Генерал-губернатором Петрограда он назначил Савинкова. Бывшему террористу пришлось возглавить оборону, защищать столицу и правительство. Он обязывался отстоять свободу и демократию от мракобесов в военных мундирах.

Прочитав корниловское «Обращение к народу», Савинков забеспокоился. Ему доносили о настроении военных. Генералов тронула искренняя боль Корнилова за судьбу Рос-

сии. Новоиспеченный генерал-губернатор прикинул свои силы. Если только Корнилов вздумает на самом деле взять столицу с бою, то никакого боя не получится. Гарнизонная разболтанная шваль на серьезное сопротивление просто не способна. Эти митинговые ораторы с полными карманами семечек страшны для обывателя и годились разве что для внезапных ночных обысков по квартирам.

Тем временем на ближние к Петрограду станции стали прибывать эшелоны с кавалерийскими частями. Назывались Дагестанский и Осетинские полки Дикой дивизии, дончаки 1-й казачьей дивизии, затем на кавалеристах замелькали околыши и лампасы желтого цвета – это спешили части славной Уссурийской дивизи-

ии. Керенский обмирал и неистово стучал кулаками. Савинков сдержанно посмеивался. Кавалерийские части никакой угрозы Петрограду не представляли. Они двигались по его распоряжению, отданному им еще до «мятежа». Сказывалась инерция громадного военного механизма. Войска спешили не на штурм Временного правительства, а на его защиту. Так было задумано... Однако паника вокруг Керенского была ему только на руку. Хладнокровием Савинкова восхищались. Мгновенно вспомнилась вся его боевая биография. На него смотрели как на единственного спасителя.

Снова воскресли все его безумные мечтания...

Демонстрируя чудеса хладнокровия и распорядительности, он от имени премьер-министра запретил железнодорож-

никам исполнять любые приказания изменника Корнилова. В критических случаях приказывалось оказывать активное сопротивление. Затем он проявил заботу о личной безопасности премьер-министра. С первых дней «мятежа» охрана Керенского поручалась революционным матросам с крейсера «Аврора».

Он добился своего: Керенский, затравленный, мятущийся, стал смотреть на генерал-губернатора столицы как на свою каменную стенку.

Это тоже входило в честолюбивые замыслы бывшего террориста и модного писателя.

Но имелись ли генералы, на которых правительство в случае чего могло бы опереться? Имелись. Немного, но нашлись: неукротимые честолюбцы Брусилов и Бонч-Бруевич и конечно же верный до гроба Верховский. К первым двум Савинков не испытывал доверия – они безоговорочно прижмут только к победителям! Зато с Верховским, шурином отчаянно трусившего премьер-министра, он мог быть совершенно откровенным. Этот раз и навсегда «поставил» на своего высокого родственника.

Верховский оказался человеком распорядительным. Он объявил, что лично сам возглавит «крестовый поход» на гнездо мятежников, на Могилев. Для этой цели он избрал фронтовые части: 55, 56, 85, 193 и 251-й пехотные полки. Затем он грозно предупредил генерала Каледина, пребывавшего в Новочеркасске, что любая казачья часть на стороне

Корнилова будет считаться мятежной частью со всеми вытекающими отсюда последствиями. И лишь после этого он через газеты обратился к главному «мятежнику», генералу Корнилову: «С ужасом прочитал Ваш призыв не подчиняться законному правительству... Подумайте о гибели, в которую Вы толкаете страну!»

Своего шурина немедленно поддержал сам Керенский. Ему становилось неловко постоянно находиться за спиной Савинкова: это унижало. Он решил высунуться и напомнить о своем существовании. Обратившись к газетчикам, он еще раз объяснил, почему он так возмущен наглым ультиматумом генерала-узурпатора:

«Усматривая в предъявлении этого требования, обращенного в моем лице к Временному правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжелым положением Русского государства для установления в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции, Временное правительство признало необходимым для спасения Родины, Свободы и республиканского строя уполномочить меня принять некоторые скорые меры, дабы в корне пресечь все попытки посягнуть на верховную власть в государстве, на завоеванные революцией права граждан».

Савинкову полюбились ночные бдения правительства. Как правило, заседали до рассвета. Министры уставали и легко поддавались на «железные» требования столичного ге-

нерал-губернатора. Савинков снова, как в былые боевые годы, ощутил сладостную полноту власти. Веки его глаз снова надменно приспустились. Он не церемонился с этими безвольными, ничтожными людишками, возомнившими себя, видите ли, настоящими вершителями судеб его несчастной России... В тот день, когда было решено, что Керенский должен обратиться к представителям дипломатического корпуса, министры разошлись в шестом часу утра. А к 11 часам необходимо было вновь съезжаться. Положение осажденного города требовало жертв. От руководителей страны требовалось начисто забыть о покое. «На войне как на войне, господа!»

В эти дни Савинков вспомнил о генерале Алексееве. Что ни толкуй, а эта фигура была вровень с корниловской. Алексеева призвали и принялись уговаривать на подавление «мятежа». Алексеев, битый, тертый, стал всячески увилить, попросил времени для размышлений. Его отпустили и – на всякий случай! – утвердили в должности заместителя столичного генерал-губернатора. Чутьем старого террориста Савинков чуял, что такой человек, как Алексеев, скоро может пригодиться.

Уверенно распоряжаясь на шахматной доске событий, Савинков чувствовал себя великим игроком, способным рассчитывать варианты на множество ходов вперед, – во всяком случае, гораздо дальше любого из своих соперников. К своему великому сожалению, он совершенно упустил из виду

такую вроде бы невзрачную фигуру, как Чернов (Цукерман). И многолетний лидер эсеров доказал незадачливому игроку, что в настоящих шахматах даже ничтожная пешка может побить ферзя.

Чернов (Цукерман) не только клеймил Корнилова в газетах («Гнусный мятежник...», «Уничтожение демократии...», «Превращение страны в солдатскую казарму...»), он бесстрашно отправился в эшелоны прибывающих частей (вместе с Филоненко) и стал кричать: «Не слушать приказов изменника Корнилова». Он весьма умело обыграл верность текинцев «мятежному» генералу. «Хищные чеченцы собираются утопить русскую революцию в крови!» Однако самый сильный ход он сделал, заявив газетчикам, что ему становится подозрительным сам Керенский, превратившийся, по сути дела, в безвольную игрушку в нечистоплотных руках Савинкова.

Нечистоплотные руки... Ах, негодяй!

Расправу с оскорбителем Савинков отложил на лучшие дни. Сейчас он был занят проведением очередной комбинации. Он решил поддержать решение исполкома Петроградского Совета привлечь и вооружить для отпора мятежникам рабочие отряды Петрограда. (А Церетели обратился даже к большевикам: давайте раздавим гадину вместе!) Армия раскрыла свои арсеналы. Отряды Красной гвардии в те дни получили с гарнизонных складов 7 тысяч винтовок, 150 орудий и 5 бронеавтомобилей.

Создание вооруженной Красной гвардии в тылу и наличие регулярной армии в окопах предоставляли редчайшие возможности для всевозможных комбинаций. Савинков чувствовал прилив необыкновенных сил. Он вел крупную, очень крупную игру. Близился его звездный час.

Генерала Алексеева, сделав его заместителем столичного генерал-губернатора, оставили в покое на четыре дня.

Он узнал, что Керенский ко всем прочим своим должностям взял себе еще и пост Верховного главнокомандующего. Сместив мятежного Корнилова, он поступил так же, как Николай II, – осенью 1915 года государь, прогнав своего дядю, сам возглавил неудачливо воевавшую русскую армию.

30 августа, на четвертый день «корниловского мятежа», Алексеева снова привезли в Зимний дворец. Керенский предложил ему должность начальника штаба при своей особе, и старый генерал, покрыв позором свою седую голову, согласился. В тот же день он выехал в Могилев, получив приказание Керенского первым делом арестовать всех зачинщиков «зловредного мятежа».

Все эти дни, пока газеты изощрялись в обличении коварных заговорщиков, Ставка Верховного главнокомандования функционировала бесперебойно. Там билось сердце русской армии, работал ее мозг. Корнилов, Лукомский, Романовский исполняли свои привычные обязанности. Казалось, они совершенно не заглядывали в столичные газеты. Начальник штаба генерал Лукомский даже сердито настоял, чтобы но-

вый главковерх Керенский оставил в силе все прежние распоряжения Корнилова. Он согласился лишь приостановить движение эшелонов 3-го Конного корпуса. Такое распоряжение он отправил, в душе надеясь, что решительный Крымов найдет причину их не выполнить. Крымов рвался в Петроград еще с весны! Алексеев ехал в Могилев в знакомом вагоне по знакомой дороге. Он возвращался туда, где полтора года бок о бок работал с последним русским императором. Старый генерал понимал, что ему, по сути дела, навязали роль карателя, жандарма. Его руками столичная камарилья намеревалась расправиться с людьми, уставшими от созерцания картин сокрушительного развала великой державы. Самым великим грехом «мятежников» в Могилеве был обыкновенный русский патриотизм.

В душе Алексеева происходила мучительная борьба. Солдатский сын, выслуживший широкие генеральские погоны, он в некую минуту стал масоном. Это было гибельное решение, но если бы ему тогда хоть капельку догадки! Масоны соблазняли только нужных людей и делали это умно, с тактом, неназойливо. Упор делался на личное самоусовершенствование. Масонские ложи подавались избранным кружком, где посвященные предавались возвышенным размышлениям о благе народа и страны. Забитому, неграмотному, бесправному русскому народу необходимо было указать вернейший путь к историческому процветанию. Какой же деятель откажется от этой благородной работы, тем более недавний сол-

датский сын!

Масонство, принадлежность к избранным тешили сознание Алексеева как новые свидетельства его успехов в жизни наравне с красной подкладкой генеральского пальто. Он никогда не мог забыть, что вступил в жизнь из суровых солдатских обносков.

Таковыми же солдатскими сыновьями были генералы Корнилов и Деникин. Вообще среди русского генералитета преобладала черная, мужицкая кость. Родовитая знать с «голубою кровью» от армии шарахалась.

Масонские грехи, связанные с отречением царя, постоянно терзали сознание Алексеева. Как ловко его обманули, как тонко провели! Они, военные, надеялись всего лишь заменить государя, а вышло, что уронили и разбили древний русский трон. Что было главною виною: неискушенность простодушных генералов или же изощренность природных интриганов? То и другое вместе!

Принимая от Керенского свое последнее позорное назначение, генерал Алексеев намеревался поступить по-своему и хоть в какой-то мере искупить свои великие грехи.

Он понимал, что Корнилова поманили и провели совершенно так же, как поступили и с ним самим в конце нынешней зимы. Причиною корниловской беды стала все та же неспособность генералов играть в бесчестные политические игры.

Уроки июля, когда большевистское выступление в сто-

лице поразительно совпало с германским наступлением на фронте, не выходило из сознания правительства и руководства армии. Теперь, после съезда большевистской партии, ситуация грозила повторением. Рига уже пала, на очереди был Ревель и острова... Ставка в Могилеве, собираясь предотвратить мятеж большевиков, не только защищала Временное правительство, но и исполняла свой привычный воинский долг.

Внезапно в самую последнюю минуту, в последнее мгновение снова, как и с отречением государя, вмешался некто и все поставил с ног на голову: Ставка из защитницы правительства была объявлена ненавистницей именно правительства, но только не большевиков!

К счастью, на этот раз Алексеев знал, кто такой был этот самый некто. Керенский...

Премьер-министр грубо передернул карту и заслонил собой большевиков.

Он объявил Корнилова кровавым узурпатором, покушающимся на революционные достижения в демократической России.

Таким образом, добросовестное исполнение воинского долга было кощунственно подано как гнусная измена!

Алексееву было известно о шулерской суете Савинкова и Львова. Они, прохвосты, и задурили бесхитростную корниловскую голову. А ведь в характере Корнилова еще имелась и знаменитая «зарывистость»!.. В частности, дернуло

же его за язык объявить в своем «Обращении к народу» весь состав Временного правительства немецкими пособниками. Ну ведь не все же!.. А эта разудалая хлесткость зарывистого генерала мгновенно связалась в сознании обывателя со страшным обликом текинцев, дикарей в халатах и папахах, скачущих на Петроград с кривыми шашками и ятаганами в руках!

Керенского Алексеев презирал. И все же он принял назначение на свой прежний пост. Если бы он отказался, начальником штаба Ставки стал бы генерал Черемисин. А этот не задумается выполнить любой приказ властей. Он без колебаний расстрелял бы и самого Корнилова, и всех его помощников и с радостью доложил бы о ретивом исполнении.

Принимая унижительное назначение, генерал Алексеев решил перенести еще один позор, но спасти своих старых боевых товарищей от скорой и незаслуженной расстрельной пули.

Утром на станции Витебск в его вагон вошли двое членов местного Совета, комиссары Аронсон и Тарле (будущий академик). Они стали отговаривать генерала от поездки в Ставку. Его возьмут в кинжалы свирепые азиаты, обожающие своего Корнилова. Комиссары сообщили, что в Могилеве скоро восстановится порядок: командующий Московским военным округом Верховский уже грузится с войсками в эшелоны. Арест главарей «мятежа» требовал мощной наступательной операции.

Не затягивая разговора с комиссарами, Алексеев осведомился:

– Прямой провод на Ставку работает?

Постоянно. Но мы бы не советовали... В Могилеве к прямому проводу подошел сам Корнилов. Он был обрадован, что в Петрограде у властей хватило ума послать военного человека – его старого фронтового товарища. Помилуй Бог, какой мятеж?! В чью это голову взбрело?..

Генерал Алексеев, помня о стоявших рядом соглядатаях, выдержал сухой официальный тон: «В тяжкие минуты развала управления армиями нужны predetermined и героические решения. Временное правительство приняло решение вручить Верховное командование министру-председателю с тем, чтобы начальником штаба был назначен генерал Алексеев. Подчиняясь сложившейся обстановке, повинувшись любви к Родине, после тяжелой внутренней борьбы я готов подчиниться этому решению и взять на себя труд начальника штаба. Но такое решение мое требует, чтобы переход к новому правлению совершился преемственно и безболезненно...»

Ничего более определенного он сказать не смел – рядом топтались комиссары. Они, как коршуны на падаль, готовились к расправе с ненавистными генералами. Алексееву казалось, что кожей ощущает их нетерпеливый местечковый жар. Смелость их и боевитость конечно же питались Верховским, выступающим из Москвы с огромной силой. Нашел же

каких-то доброхотов, сумел собрать!

Корнилов, догадавшись о принужденной сдержанности Алексеева, ответил, что нового начальника штаба ждут в Могилеве как полномочного руководителя всей русской армией.

У Алексеева свалилась с души тяжесть. Чего боялись, того не будет: Корнилов при всей своей зарывистости не пошел на обострение. Никакого сражения за Могилев не произойдет. Воинственный Верховский со своими эшелонами может не трогаться из Москвы.

Корнилов еще спросил, где предположительно находится Крымов, можно ли с ним связаться. Алексеев ответил, что генерала Крымова как раз сегодня в это самое время ждали в Зимнем дворце. Его вызвал Керенский. Ничего более определенного узнать не представляется возможным.

Шел уже четвертый час пополудни. Прежде чем покинуть Витебск, Алексеев распорядился вызвать Петроград. К аппарату подошел сам Керенский. Он не стал препираться со своим начальником штаба и ответил: «Действуйте, как считаете нужным!» Алексеев немедленно приказал Верховскому: войска из эшелонов выгрузить и оставаться на месте.

Своею властью он прекратил суету руководителей Витебского и Смоленского Советов. Обрадованные выступлением Верховского из Москвы, они также собирали силы, намереваясь присоединиться к карательным отрядам москвичей. Алексеев уже собрался уходить, когда вдруг ожил аппа-

рат на связи с Петроградом. Начальника штаба Ставки вызывал полковник Барановский: «Демократия взволнована свыше всякой меры. Генерал Корнилов и его соучастники должны быть арестованы немедленно. Необходимо, чтобы завтра утром вся организованная демократия узнала об аресте мятежников».

На простецком солдатском лице Алексеева сохранялось невозмутимое выражение. Он знал и не такие переделки. «Чего им там неймется?» Его уже мутило от одного этого слова «демократия». В устах прохвостов оно звучало как пароль.

В дороге, готовясь к завтрашней встрече с Корниловым, он сел писать письмо Борису Суворину, сыну знаменитого издателя. Он просил маститого журналиста начать «кампанию против убийства лучших русских людей» и выразил свое теперешнее состояние, с горечью признав: «Мы окончательно попали в цепкие лапы Советов!»

Остаток ночи генерал провел без сна. Мысли были невеселыми. Партия развала одолевала партию порядка... В эти тусклые рассветные часы Алексеев возбужденно устремлял свои надежды на юг России, на Дон и Кубань. Там все нынешнее лето находился Каледин, превосходный кавалерийский генерал. Казачество, уверял он, с радостью подхватит Белую идею – движение, родившееся в самой сердцевине лучшей части русского офицерства. Север России уже смердел невиданной изменой и разрухой. Недаром двести лет на-

зад первая жена великого преобразователя России Евдокия Лопухина пророчески изрекла: «Питербургу быть пусту!» Пророчества несчастной царицы сбывались...

Находясь в дороге, Алексеев не знал, что Керенский внезапно сместил своего ближайшего подручного Савинкова со всех его постов.

Перед этим Савинков услужливо одобрил создание «Комитета народной борьбы с контрреволюцией» и выступил застрельщиком того, чтобы предоставить Керенскому чрезвычайные полномочия.

Известие об отставке подействовало на него оглушающе. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Разом рухнули все его планы, все надежды.

Он кинулся к Керенскому, но в Зимний дворец его не пропустили. Власть и значение Савинкова померкли в одночасье.

Он понял, что с ним в очередной раз поступили как с носовым платком.

1 сентября генерал Алексеев приехал в Могилев. Корнилов его нетерпеливо ждал. Он сообщил, что узел связи Ставки работал всю ночь напролет. Комендантом Могилева назначен генерал Бонч-Бруевич. По слухам, его брат в числе самых ярых сторонников Ленина (Ульянова). Первым распоряжением Бонч-Бруевича, еще не прибывшего в Могилев, было указание убрать из охраны Ставки всех текинцев.

Алексеев и Корнилов переглянулись. Не сказав ни слова,

они хорошо поняли один другого.

Последняя телеграмма получена совсем недавно. Из Петрограда в Могилев выехала следственная комиссия. Ее возглавил прокурор морского ведомства Шабловский. Членами комиссии: Украинцев, Колоколов и Раупах. Это все юристы-профессионалы. От общественности к ним пристегнуты некие Крохмаль и Либер.

– Торопятся... – желчно произнес Корнилов. – Не знаешь, куда они спрятали Львова? Это же он все заварил!

– Да разве дело в нем? – вздохнул Алексеев.

Он стал спрашивать о списке нового Кабинета Министров, составленном якобы самим Корниловым. Филоненко там отводился пост министра иностранных дел, Завойко – министра финансов.

Корнилов стиснул пальцы так, что побелели коричневые костяшки.

– И ты поверил, Михаил Васильевич? Филоненко – министр иностранных дел! Хлестаковщина! Это же с ума надо сойти! – Он стукнул кулаком. – Пусть будет суд... открытый суд! Я этого хочу. И я добьюсь! О всех затеях этой сволочи должны узнать все!

Закряхтев, Алексеев удрученно наклонил голову.

– Неужели ты веришь в какую-то справедливость? Последовал быстрый и пытливый взгляд Корнилова.

– Что-то знаешь достоверно?

– Да что... У них там приготовлен целый список. Убрать

всю военную головку! Или ты думаешь, немцы зря прислали Ленина?

– Значит, – подытожил Лавр Георгиевич, – хваленая демократия окончательно свалилась в объятия большевиков!

– Как твои добровольцы? – поинтересовался Алексеев.

Он уже прикинул, что надежных сил вокруг Ставки останется слишком мало. Ну, текинцы... Ну, корниловцы... А кто еще? Даже на Георгиевских кавалеров не остается никакой надежды!

– Добровольцы... – В раскосых корниловских глазах внезапно появилась теплота. – Сам Наполеон считал, что из добровольцев – самые никудышные солдаты. Но мы поправили его и тут. Мои добровольцы – настоящие алмазы. И ведь совсем мальчишески! Юнкера... Гимназисты просятся...

– Студентов нет?

Генерал Алексеев имеет в виду директивное письмо Ленина в ЦК РКП(б). Обрадовавшись мятежу мракобесов в военных мундирах, вождь пролетариата наставляет: «Надо поощрять солдат избивать генералов и офицеров, всех, кто высказывается за Корнилова!» Сестра Ленина, М.И. Ульянова, зачеркнула «избивать» и надписала сверху «арестовывать». Е. Стасова зачеркнула и это слово, заменив его словами «требовать ареста». Но смысл оставался тот же самый. После VI съезда партии в России осуществлялась троцкистская установка на избиение, решительное и беспощадное. Ответил Корнилов не сразу:

– Вот скажи на милость, Михаил Васильич. Вспомни: кто обычно бунтовал? Студенты. А юнкера – ни разу. Но – почему? Ведь возрастом-то одинаковы!

– Воспитание, Лавр Георгиевич, воспитание. Вспомни, как учили нас отцы... Да и присяга – не последнее дело. Как ее переступить? А студенты никаких присяг не принимают. Им – наоборот: чем хуже, тем лучше. Отрава смолоду...

Заканчивая стариковский разговор, оба генерала ни словом не обмолвились об аресте – главном, ради чего приехал Алексеев. Он был настолько деликатен, что даже не потребовал сдать личное оружие. Договорились, что местом содержания трех генералов – Корнилова, Лукомского и Романовского – будет местная гостиница. В охрану арестованных назначались верные текинцы.

На днях в могилевскую гостиницу доставят взятых под стражу генералов из Каменец-Подольска и Бердичева. Железная метла террора мела по всем штабам Юго-Западного фронта.

Арест «уллы-бояра» потряс конвойцев. Люди долга и чести, они приходили в ярость, наблюдая, что происходит на их глазах. Любимого генерала, которого они почитали как прямого потомка великого Пророка (так уверяли старики в Ахале), вдруг поместили под караул, как ничтожного базарного вора. Еще не хватало, чтобы его связали волосьяным арканом и кинули в зловонную земляную яму «зиндана»!

С русскими происходило что-то непонятное. Невольно

вспоминалась горькая участь «ак-паши» Скобелева, арест «ак-падиша-ха» Николая II и вот теперь великое унижение «уллы-баяра». Похоже, русские принялись пожирать себя с головы!

В черный день, 1 сентября, в Могилев приехал полковник Кюгельген. Он вызвал Хаджиева и приказал ему сегодня же вернуться в полк со всем эскадронам.

– Ваша миссия закончена, – объявил он.

– Я не могу, – ответил офицер. – Мы должны остаться.

– Что-о?! – вскипел полковник. – Вы что... под суд захотели?

– Уезжайте! – без лишних слов потребовал Хаджиев.

Лавр Георгиевич, узнав, что молодой офицер прогнал своего полкового командира, взволнованно стиснул его сухую, мускулистую руку.

– Благодарю вас, хан. Я этого и ждал... Неожиданно он произнес усталым, тихим голосом:

– Не оставляйте меня, хан.

Маленький Юрик бросился Хаджиеву на шею и повис, восторженно заболтал ножонками.

– Мама, мама, хан остается с нами, не уходит! Таисия Владимировна сунулась в передник и поспешила убежать на кухню.

К вечернему чаю явились дочь Наталья и адъютант поручик Долинский. Сидели допоздна. Последний вечер. Завтра генерал переселится в гостиничный номер. Лавр Георгиевич

крепился, но выглядел подавленным, грустным. Его невыносимо угнетало позорное клеймо изменника.

Юрик уснул на коленях Хаджиева. Лавр Георгиевич растянул тужурку и, грустно поглядывая на спящего сынишку, стал негромко по-персидски говорить стихи Фирдоуси. Язык персов был плохо знаком молодому офицеру. Он понимал не все. Но главный смысл стихотворения великого поэта уловил: «Смерть – это пряное вино. Чаша для него – вся наша жизнь. Сама судьба наливает вино в чашу. И нет ни одного человека на земле, который не отведал бы из чаши этого великого вина...»

Дочь Наталья сделала Хаджиеву знак выйти. В коридоре она в отчаянии заломила руки.

– Хан, ради Бога, заберите у него револьвер. Он у него в столе, в левом верхнем ящике.

– А вы его позовите, – предложил офицер.

– Папа, – крикнула Наталья, – на минуточку, пожалуйста! Похищенный отцовский пистолет Наталья унесла с собой. Утром, уже в гостиничном номере, Лавр Георгиевич сделал Хаджиеву выговор:

– Хан, неужели вы считаете меня за институтку? Нет уж, этого подарка я им не доставлю! – Неожиданно он произнес своим обычным, бодрым тоном: – Теперь у нас с вами, дорогой мой, столько дел, что заниматься глупостями просто некогда.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Что заставило последнего русского царя Николая II избрать для своей фронтовой Ставки такой городишко, как Могилев? Скорей всего устойчивая неприязнь ко всему, что было связано с великим князем Николаем Николаевичем. Сместив своего дядю с поста Верховного главнокомандующего, государь немедленно перенес Ставку из Барановичей в этот затхлый местечковый городишко.

С утра 2 сентября Хаджиева отыскал командир 2-го эскадрона Текинского полка ротмистр Натанзон. Он приехал помочь молодому офицеру обеспечить безопасное перемещение Корнилова из бывшего губернаторского дома (где помещалась Ставка) в здание гостиницы.

– Хан, передайте Верховному, что я со своим эскадронам готов за него умереть. – И прибавил: – Текинцы не бросят своего «уллы-баяра»!

Опасения ротмистра подтвердились. Еврейское население городишка каким-то образом прознало, что арестованных генералов будут перевозить в гостиницу. Возле старого губернаторского дома собралась толпа. Многие приготовили камни... Снаружи охрану Ставки несли солдаты Георгиевского батальона. С ними обыватели пересмеивались, дружелюбно толкались. Многие из Георгиевских кавалеров прошли в депутаты местного Совета.

Открылись деревянные высокие ворота, и по четыре в ряд выехали всадники в ярких халатах и косматых шапках. Они стали теснить зевак с дороги и выстроились в два ряда от самых ворот до крыльца гостиницы. В этот суровый живописный коридор въехал автомобиль с тремя генералами. На всех троих были низко надвинутые фуражки... Вид текинцев, на горячих, пританцовывающих лошадях, с шашками, кинжалами и карабинами, не сулил ничего хорошего. Крики раздавались, но ни один камень не пролетел вдогонку отчаянно пылившему автомобилю.

К вечеру возле гостиницы собралась толпа солдат: фуражка на затылке, шинель внакидку. Двое самых разбитных пытались дружески разговорить хмурых текинцев.

– Это, значит, тут теперь самый-то главный? Хоть покажи ли бы... – Ишь ты, царем захотел! Теперь сиди, голубчик... Потолкались, попомонили и разошлись. Задирать текинцев не отважился никто.

Хаджиев был доволен, что охрана из Георгиевских кавалеров осталась в Ставке. Их, предателей, полностью заменили текинцы. Для генералов отвели целый этаж (скоро обещали привезти новую группу). Караульная служба упростилась, и все же на ночь Хаджиев обязательно удваивал посты. Текинцы переносили тяготы с завидным мужеством. Людям пустыни не привыкать к длительным переходам без сна. В песках кочующий обыкновенно спит вполглаза. Здесь, в захудалом городишке еврейской оседлости, безводных и бес-

сонных переходов не было, однако природные войны и кочевники воспринимали революционное возбуждение обывателей как признаки самума, страшного ветра пустыни, вздымающего в знойное небо целые сыпучие барханы. Мудрые караванные верблюды обыкновенно ложатся на песок и поворачиваются к ветру спиной. Люди прижимаются к верблюжьим бокам и с головой закутываются в бурки. Спасение от песчаного урагана одно: спрятаться и переждать. Здесь же закутывать головы и даже закрывать глаза было опасно...

В ночной тишине джигиты негромко обсуждали последние события.

– Ах, если бы снова родиться, знал бы как состариться!

Они возмущались предательством полковника Кюгельгена. Насмешник Эсен, хмыкнув, сказал о нем так:

– Если встретят в обнове хорошего человека, его обязательно поздравят. Но если встретят плохого, то обязательно спросят: «Где взял?»

Молоденький Керим презрительно сплюнул:

– Гонит двух коз, а свистит на всю степь!

Соглашаясь с товарищами, суровый Шах-Кулы зловеще произнес:

– Ничего, была бы лепешка, а зубы найдем!

С деликатностью кочевников, неназойливо, но внимательно они приглядывались к состоянию Корнилова. «Улы-бояр» осунулся, пожелтел. Козырек большой генеральской фуражки совсем закрыл глаза. Но держался он ров-

но, по-прежнему никогда не повышал голоса. Текинцам нравилось мужество их кумира. Настоящий мужчина не имеет права поддаваться панике!

Хаджиев однажды слышал, как Шах-Кулы назидательно изрек:

– Кричащий в гневе смешон, молчащий в гневе страшен... Молодой офицер, размышляя над последними событиями, лишь теперь понял всю глубину коварства презренных заговорщиков. Присылая к «уллы-бояру» своих лазутчиков, они заманили его в ловушку и теперь ославили на весь мир как заговорщи-ка, изменника, мятежника. Не было никакого заговора, никакого мятежа! «Уллы-бояр» честно исполнял свои обязательства и ждал из Петрограда приезда важных гостей. Для них уже были приготовлены лучшие номера в гостинице (вот этой самой!).

Обида за любимого генерала вскипала в бесхитростных душах текинцев неукротимой жадой мщения. О презренные шакалы, с вами бесполезно разговаривать, вы понимаете только язык хорошей дубины!

Хаджиев упрекал и самого себя. Он бдительно организовал охрану генерала, оберегая его от покушений, в то время как никаких покушений быть не могло, потому что «уллы-бояр» требовался заговорщикам только живой и невредимый. Не стань Корнилова, им пришлось бы отыскивать кого-либо другого, способного выполнить роль такого же кровавого страшилища. О змеи... гнездовище ядовитых змей!

Теперь же шакаля стая постарается с ним расправиться. На мертвого льва удобно свалить все собственные грехи, вылить всю свою грязь.

Ему вспоминалась весенняя пустыня под древним городом Мервом. После ледяной зимы пески оживали и на целые две недели расцветали всеми красками жизни. Зеленел саксаул, влажный ветер колыхал целые поля тюльпанов. Наступало пробуждение и для песчаных грозных змей. Эти ядовитые твари сползались в бесчисленные стаи и в любовном томлении сплетались в огромные шевелящиеся копны сильных мускулистых тел. В такую пору змеиный яд особенно смертелен. Укус гюрзы способен свалить могучего караванного верблюда... Впрочем, весна в песках вооружает сильным ядом всех обитателей пустыни. Помимо змей смертельно ядовитыми становятся мохнатые пауки каракурты, скорпионы и фаланги.

Что-то похожее происходило с нынешней весны и в России. Но если в песках ликующее возрождение продолжается всего несколько бурных влажных дней, то российская весна затягивалась вот уже почти на целый год. Огромную страну забрызгивало ядом невиданного озлобления, кровавой мести и безжалостных расправ. Здесь все, буквально все грозило смертью. Население большой державы на глазах превращалось в скопление, в жуткое переплетение взаимно ненавидящих людей, в сплошное отвратительное змеевище.

И – еще. Жизнь в пустыне не знает жалости. Безжалост-

на суровая природа, безжалостны и люди. Заболевшего в пути верблюда лишь освобождают от тяжелой клади, развьючивают и оставляют умирать. Животное ложится на песок и тоскливо, обреченно провожает уходящий караван. Верблюд уже слышит нетерпеливое завывание шакальской стаи, но знает, что эти ненасытные твари с жадными зубами не набросятся на него, пока нескроется вдаль последний силуэт, пока не смолкнет тусклый бряк караванного колокольчика. Только тогда они осмелеют и накинутся на обессиленную жертву и примутся рвать ее на части, давясь кусками теплого, еще трепещущего мяса...

Хаджиев, дремавший не раздеваясь, не снимая сапог, поднимался с лежанки и выходил в крошечную темень поздней осенней ночи.

На втором этаже бессонно светило одинокое окошко. Корнилов читал до самого утра. Хаджиев с гневом вспоминал приезд последнего столичного лазутчика – Львова. Кто-то из конвойцев еще тогда бросил по адресу скользкого, льстивого человека: «Глаза – бирюза, душа – сажа...» Интересно, почему он молчал, пока газеты поносили ни в чем не виноватого «улы-баяра»? Куда его спрятали? И лишь во вчерашних газетах, за которыми Хаджиев специально ездил на вокзал, к поезду, появилась телеграмма Львова на имя Керенского: «От души поздравляю Вас... Рад, что спас Вас от руки Корнилова».

В газетах сообщалось о производстве нескольких рядо-

вых казаков в офицеры. Сделал это сам Керенский в порыве благодарности. К нему явилась делегация казачьего полка, столкнувшегося на подступах к Петрограду с рабочими заслонами. Агитаторы постарались отвести неминуемое столкновение. Казакам доказали, что они стали жертвами чудовищного обмана, они исполняют приказы вовсе не начальства, а изменников, предателей... Прямо в Зимнем дворце Керенский поздравил казаков с офицерским чином и приказал беспощадно расправляться с любыми смутьянами, невзирая на имена и высокие чины.

Хаджиев, как и все текинцы, презрительно относился к казакам. Они погубили «ак-падишаха» (белого царя), теперь они собираются погубить «уллы-баяра». На что польстились? Аллах все равно накажет их за подлое предательство. Придет время, и они горько раскаются, но только будет уже поздно, слишком поздно!

«Вступление в единоборство со страшным львом является признаком безрассудства и безумства. Имея в мыслях ветер высокомерия, власти и желания управлять, они упадут на землю презрения. Ступив ногой смелости в долину гибели, они обратят лицо в сторону бегства и станут мишенью рока, а также пищей меча...»

Лавр Георгиевич отправился под арест со спокойной совестью. Предстоящий суд его несколько не страшил. Готовились сказать всю правду и Лукомский с Романовским... Напрасно Нежинцев – он появился в Быхове, когда арестован-

ные лишь обживались в здании гимназии, – напрасно он уговаривал генералов возмутиться и воззвать к здоровым силам армии.

– Лавр Георгиевич, вам стоит только сказать слово – и лучшие наши офицеры отдадут за вас жизнь. Я это знаю! Предложение своего любимца Корнилов отклонил. Он по-прежнему не хотел никакой междоусобицы.

Полк, сформированный Нежинцевым, покидал место своей постоянной дислокации. Куда направлялся? Этого не знал и сам Нежинцев. Пока полк переводился в Киев. На старом месте, в Проскурове, у Нежинцева не заладились отношения с Советом. Узнав, что местные депутаты раздувают слухи о жертвах еврейского погрома (убито будто бы более 60 тысяч человек!), Нежинцев не стерпел и рассмеялся:

– Помилуйте, господа, во всем Проскурове живет каких-то 15 тысяч!

С тех пор за добровольцами установилась репутация антисемитов и погромщиков.

Нежинцев рассказал, что для ударников (так он называл своих бойцов) будет сшита особенная форма: черно-красные погоны и на левом рукаве мундира голубой шеврон с черепом и костями. Отборные части возрождаемой русской армии должны одним своим видом наводить страх на любого противника. Нежинцев сокрушался, что негде добыть стальных касок...

Первый полк добровольцев покидал фронтовой район и

направлялся в тыл. Там, в глубине России, его ждал совершенно новый враг.

Нежинцев попросил:

– Лавр Георгиевич, встаньте у окна. Мы пройдем мимо.

Корниловский ударный полк тронулся под гром оркестра, перепугав быховских обывателей. Арестованные генералы стояли у окон второго этажа – в каждом окне по фигуре. На ударниках знаменной роты Корнилов различил кумачовые погоны и голубые квадратики нарукавных шевронов. Командиры подразделений энергично выворачивали вправо головы и (рука под козырек) упоенно колотили подошвами в мостовую.

Знаменная рота прошла в торжественном безмолвии и четким строем. Следующие роты подходили с песнями:

Смело, корниловцы, в ногу. Духом укрепнем в борьбе...

Минуя здание гимназии, ряды сворачивали в переулок. Тяжелая местечковая пыль оседала на листьях тополей, тронутых осенней желтизной. Внезапно генералы увидели немолодого офицера, ковлявшего с палочкой в руке. Поравнявшись с окнами, он вскинул руку к козырьку. Это был батальонный командир.

Смело мы в бой пойдем За Русь святую И всех жидов побьем, Сволочь такую! Проводив полк, генералы взволнованно посовещались, и Хаджиев поскакал на вокзал, торопясь вручить Нежинцеву послание Корнилова: «Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине, многострадальной России.

Живите и дышите только мечтою об ее величии, счастье, славе. Бог вам в помощь!»

Объявив о генеральском мятеже и арестовав военачальников, Керенский поверг страну в состояние лихорадочной горячки. Российского обывателя охватил ужас. Армия внезапно представилась сборищем убийц и грабителей. Газеты умело обыгрывали азиатский конвой главного заговорщика – Корнилова. Да и сам он, уроженец степного края, выглядел как современный Аттила. Святой Руси угрожало новое нашествие кочевников.

Еще в середине августа генерал Корнилов провозглашался спасителем России. Спустя всего две недели он превратился в кровавое чудовище.

Августовский мятеж царских генералов завершил то, что начиналось пресловутыми мартовскими приказами № 1 и № 2.

Решительно переменилось отношение Временного правительства к большевикам. Из непримиримых врагов они мгновенно стали главными союзниками. А их место – безжалостных ненавистников правительства – заняла армия.

В начале сентября на каждого человека в офицерской форме стали посматривать, как на закоренелого корниловца.

Вышло так, что русский офицер стал страшнее немца.

Героическая Троя, как известно, отбивала натиск неприятелей долго и упорно. Крепость пала от Троянского коня. Для России ее ненавистники приготовили сразу двух

«коней»: немецкий вагон (Ленин) и американский пароход (Троцкий).

Полнейшая деморализация русской армии паразитическим образом совпала с активнейшей деятельностью Советов. И примечательно, что именно в эти дни совершенно замер гигантский фронт. Немцы почему-то не спешили воспользоваться счастливою возможностью. Они чего-то выжидали, как бы позволяя Керенскому без помех расправиться с ненавистным русским генералитетом.

Генерал Алексеев продержался на своем посту недолго – всего несколько дней. Арестовав «царских сатрапов» (так назывались главные мятежники), он был снят. Керенский испытывал подвешенное состояние, когда боевые генералы наотрез отказывались от самых лестных назначений. В конце концов ему пришлось опереться на Брусилова и Бонч-Бруевича. В пристяжку к ним были возвышены ближайшие родственники премьер-министра – Верховский и Барановский.

В августе Керенский требовал присылки верных войск для защиты Петрограда. В сентябре он впадал в истерику, узнавая о движении любого воинского эшелона в сторону столицы. Особенно страшил его 3-й Конный корпус во главе с генералом Крымовым.

А между тем по забитым железным дорогам продолжали ползти длинные эшелоны с солдатами и лошадьми. Армия – слишком громоздкий организм. Приказ главковерха действует на всю ее толщу, подобно урагану на просторе океана.

И даже когда стихает ветер, вся водная масса долго не может успокоиться и колыхается по инерции.

Начальники дивизий получали категорические, но противоречивые приказания. «Остановить части 3-го Конного корпуса...» И – тут же: «Прикажите этого не исполнять!» Царила настоящая сумятица, неразбериха. Железнодорожное начальство все более склонялось к исполнению указаний своего «Викжеля» – так стало называться профессиональное объединение дорожных служащих.

Поздней ночью на станцию Луга (137 км от Петрограда) влетели эшелоны 1-й Донской казачьей дивизии. На выходных светофорах горел красный огонь. К нескольким казакам, соскочившим из теплушек, сонным, распояской, подошли рабочие с винтовками. «Куда торопитесь, служивые?» – «Как – куда? Правительство защищать!» – «А от кого? Мы, видишь, его тоже защищаем...» Паровозы нетерпеливо отдувались, пуская клубы пара по примороженной траве.

На соседний путь прибыл поезд, составленный из теплушек и классных вагонов. С подножки вагона соскочил стройный генерал Дитерихс, начальник штаба 3-го Конного корпуса. На вокзале ему доложили, что от станции Вырица прекратилось всякое движение в сторону Петрограда. Причина? Вооруженные отряды рабочих разбирают железнодорожные пути.

На рассвете на станции Нарва стали скапливаться эшелоны Уссурийской дивизии.

Ближе всех к Петрограду удалось продвинуться двум эшелонам Дикой дивизии. Начальник дивизии князь Багратион слепо исполнял все указания генерала Крымова. Долго находясь в пути, князь ничего не знал об аресте Корнилова. Князь по прямому проводу вызвал Могилев, Ставку. Вместо Лукомского с ним разговаривал генерал Романовский: «Прошу доложить генералу Корнилову, что туземцы исполнят свой долг перед Родиной и по приказу своего Верховного главнокомандующего, верховного героя, любящего больше всего на свете Святую Русь, прольют последнюю кровь, чтобы доказать, что он – единственный, который может достигнуть победы и остановить Отечество от гибели...»

Генерал Романовский понимал эйфорическое состояние грузинского князя, начальника дивизии. Недалекий умом, но исправный службист, он привык исполнять повеления начальства. Сейчас его пуще всего тревожит состояние испорченного железно-дорожного пути, и он просит, он требует немедленной присылки строительного батальона для ремонта полотна и укладки шпал с рельсами. Знал бы он, как изменилось положение! Местные картавые Советы так и жаждут крови русских генералов!.. Генерал Романовский провел весь разговор с начальником дивизии в спокойном тоне. Пусть князь Багратион продолжает исполнять свои обязанности. Главное сейчас не в нем, а в генерале Крымове. Этого не остановят никакие преграды. Он уже давно рвется действовать. Если только военному мятежу все-таки сужде-

но случиться, то это будет не корниловский мятеж, а крымский...

Романовский продиктовал телеграфисту: «Все передам... Но должен вам сказать, что железнодорожный батальон при-слать вам не удастся, так как у нас его нет. Но, по-моему, в нем нет никакой надобности, так как от Вырицы до Царского Села 34 версты. Вы скорее дойдете походным порядком...»

«По высадке в Вырице следуем в походном порядке. Но восстановить путь необходимо для продвижения обозов и продовольств-вования».

«Понимаю... Прошу держать самую тесную связь с генералом Крымовым».

Романовский понимал, что князь Багратион будет продвигаться до тех пор, пока не столкнется с заслонами Красной гвардии и не получит от вездесущих агитаторов газету с ликующим сообщением о «полной победе демократии над гнусным мятежником». И все-таки оставалась надежда на генерала Крымова. Он вел на ненавистный Петроград свой мощный кавалерийский корпус.

Фигура генерала Крымова тревожила и обитателей Зимнего дворца. Это был опаснейший из всех имевшихся на службе военачальников. Его не устрашали ужасы междоусобицы. Он давно понял, что без великой крови в России не обойтись.

Крымова следовало арестовать или обезвредить любым иным доступным способом.

Командира 3-го Конного корпуса одолевала жажда деятельности. Хвастливые заявления Керенского о бескровном подавлении мятежа и «об единении всех сил народа и правительства» лишь распаляли ненависть лихого генерала. Душа его болела за поруганную армию, за опозоренных товарищей по строю. В конце зимы генерал Алексеев понадобился прохвостам всего на один *день* – уговорить командующих фронтами дать свое согласие на отречение царя. Теперь, осенью, генерал Корнилов потребовался им всего на один час – на смерть перепугать российского обывателя.

Генерал Крымов считал Корнилова человеком меча и боевого поля. Дернул же его черт сунуться в политику! Ловушка, в которую он угодил, была причиной того, что Корнилов потерял прямой военный взгляд на происходившие события. Генералы не годятся в профессиональные политики. Пример – судьба блистательного Наполеона. Только на острове Святой Елены этот гениальный полководец уразумел, какой игрушкой он сделался в руках пройдошливых людей, вершивших всеми европейскими делами. У русских генералов имелся опыт Скобелева, которому сование в политику принесло загадочную кончину в самом расцвете сил.

«С шулерами не садись!» – эту истину знает каждый новоиспеченный прапорщик. У этой сволочи крапленые колоды. Разве мыслимо их переиграть? Канделябр поувесистей – вот чем с ними следует «играть»!

Корнилов по праву считался одним из самых боевых ге-

нералов русской армии. Свою отвагу он доказывал неоднократно. Будь мятеж на самом деле, он не стал бы отсиживаться в Могилеве, а, подобно Наполеону на Аркольском мосту, лично возглавил бы свои отборные дивизии.

Ах, как умело использовали его «зарывистую» репутацию, как ловко подставили!

Крымов, в отличие от Корнилова, политику ненавидел и политиков презирал. Пустобрехи и рукосуи... Он был человеком строя и команды. В армии не митингуют, в армии действуют! Он считал, что власть следовало употребить еще ранним летом. Теперь гниль расползлась и задачи отягчались. Но тем решительней необходимо действовать!

Он стискивал зубы, читая «патриотические» завывания премьер-министра Керенского о «святом единении всей страны вокруг демократической власти».

3-й Конный корпус, закаленный в боях, представлял великую силу. Столичный гарнизон Крымов не ставил ни в грош: рвань и шваль. Более серьезной силой были отряды Красной гвардии, вдруг получившие хорошее вооружение. Недавно к ним присоединились две вполне боеспособные части: 2-й пулеметный полк и 180-й стрелковый.

Все равно перевес был на стороне наступающего корпуса.

Если бы не агитаторы! Язвы умелой пропаганды разлагали части с катастрофической быстротой. Из мускулистых, дисциплинированных дивизий в несколько дней получался какой-то непристойный студень.

Вскоре движение на Петроград замедлилось, затем остановилось. Князь Гагарин, командир бригады, донес, что в Чеченском полку в качестве большевистского агитатора действует внук легендарного Шамиля.

Отчаяние Крымову было неизвестно. В этот же день он откомандировал двух надежных офицеров на Дон, к атаману Каледину. Он первым понял, что русским, измотанным длительной войной с Германией, предстоит война еще более жестокая и беспощадная, самая кровавая междоусобица – свои против своих.

Еще весной, наезжая с фронта в Петроград, Крымов несколько раз появлялся в кабинете Корнилова. Разговор шел откровенный. От Временного правительства все ощутимей пахло гнилью. Как водится, рыба тухла с головы. Тогда много надежд связывалось с «Союзом офицеров». Крымов считал, что достаточно будет махнуть плетью и при топнуть сапогом. Шашек незачем и вынимать!.. Уезжая из столицы, Крымов оставил там «прикомандированного офицера связи», полковника Самарина. Это был человек проверенный, надежный. В течение лета Самарин исправно выполнял свои обязанности. В штаб 3-го Конного корпуса поступала регулярная информация. Крымов, двинув свои дивизии на Петроград, был уверен, что встретит в осажденном городе боевое офицерское подполье. Зажав прогнивший город в эти своеобразные клещи, генерал собирался в считанные дни провести необходимую «санацию». Он мыслен-

но пощелкивал себя по голенищу плеткой. Дел будет совсем немного. Вся беда России в нездоровой голове. Тело и душа ее не были затронуты столичной порчей.

Так он считал, покуда не убедился, что гибельная порча поразила и офицерский корпус. Он посылал своих людей в столицу, снабжал их адресами и деньгами... А что же обнаружилось? «Аквариум», «Вилла Родэ», «Медведь» – вот, с позволения сказать, поля сражений, на которых отличились его посланцы-заговорщики. Стыд и срам! Напиваясь в этих кабаках, они выбалтывали много, очень много. Отдел столичной контрразведки во главе с загадочным Мироновым регулярно получал самую секретную информацию о намерениях русских генералов, искавших средств для спасения Отечества.

В тот день, когда генерал Алексеев отправился в Могилев для ареста мятежников, генерал Крымов получил вызов Керенского. Поразмыслив, Крымов ехать отказался. На следующий день в штаб корпуса пожаловал полковник Самарин. Генерал обрадовался верному человеку и накинулся на него с расспросами. Полковник высмеял все опасения Крымова. В Петрограде генералу решительно ничто не угрожает. Его примут с распростертыми объятиями. В самом деле, надо же как-то исправлять создавшееся положение!

Так, значит, все же ехать? И Крымов дал себя уговорить.

План: изъять опаснейшего генерала из самой гущи войск осуществился.

Полковник Самарин приехал на автомобиле. Он усадил Крымова и повез его в Зимний дворец.

Всю дорогу до Петрограда генерал сидел мрачнее тучи. Его точило сожаление, что он поддался уговорам и поехал. О чем советоваться с этим слизняком? Сдать командование? Но, с другой стороны, не стоять же было в самых пригородах столицы до морковкиного заговенья! Ни вперед, ни назад... Корпус разлагался и начинал митинговать.

Ах, как все складывается неудачно!

Самарин довез генерала до Кавалергардского подъезда и остался ждать в автомобиле. Крымов предупредил, что, прежде чем вернуться к корпусу, он намерен заскочить на петербургскую квартиру, к семье.

Настроившись на ожидание, Самарин вытащил портсигар. Внезапно он вытаращил глаза, папиросы посыпались ему на колени. Четверо юнкеров, сгибаясь под тяжестью носилок, вытащили на подъезд грузное тело в генеральском мундире. Полковник узнал Крымова.

Юнкера, проворно управляясь, затолкали носилки с телом в автомобиль. Машина унеслась в Николаевский военный госпиталь.

Самарин опомнился и побежал наверх.

...О том, что произошло в кабинете премьер-министра, рассказывали путано и неохотно. Будто бы Керенский с первых же слов набросился на генерала с гневными упреками, называя его соучастником Корнилова. Не стерпев, генерал

размахнулся и закатил обидчику оглушительную затрепину. Тут же в кабинете грохнул выстрел. Керенский выскочил в приемную с безумными глазами. Он вопил, что Крымов от позора и стыда пустил себе пулю в висок, но остался жив...

О попытке самоубийства генерала его жена Мария Александровна узнала из телефонного звонка. Она кинулась на Захарьев-скую, в госпиталь. Ни сына, ни дочери дома не оказалось.

В госпитале Марию Александровну встретили сурово, к мужу не пустили.

– Что вы, сударыня? Нельзя-с. Как можно!

– Но он жив, живой? Скажите же!

– Сударыня, пожалуйста к начальству. Мы люди маленькие... сами знаете.

Генерал находился в операционной. Состояние его считали безнадежным. Мария Александровна издали высматривала, как носятся люди в развевающихся халатах. «Господи, помоги!» – молилась несчастная женщина.

Ближе к вечеру к ней вышел усталый человек в белом халате с закатанными рукавами. На груди у него висел квадратик марли. Он почему-то избегал смотреть прямо в глаза.

– Странный выстрел, – произнес он. – Да, странный... Понимаєте, края раны совсем не обожжены. Как он мог сам выстрелем в себя с расстояния двух метров? Ума не приложу...

В сознание раненый так и не приходил. К утру он умер.

Загадочность крымовской смерти усилилась от странного распоряжения премьер-министра: хоронить генерала разрешили лишь в 6 часов утра, гроб сопровождали только члены семьи. Непонятно, куда исчезли все документы генерала.

Подвыпивший санитар, увязавшийся на кладбище, по секрету сообщил, что ночью в палату к генералу ворвались три «медицинские еврейки» и сорвали с ран бинты. «Уж очень они к ним были ненавистны!» Но как это теперь проверить?.. Санитар советовал утешиться тем, что генерала закопают «чинно-благородно» на хорошем месте кладбища, тогда как самоубийц велено хоронить за оградой кладбища. «Это закон. Уж я-то знаю», – бормотал он.

В середине сентября полковник Самарин был намного раньше срока произведен в генералы и отправился в Иркутск командовать войсками округа.

Так было вознаграждено еще одно предательство...

С убийством генерала Крымова погасли последние надежды на обуздание хозяйственной и политической разрухи. Снова, как и три века назад, орда захватчиков, утвердившихся в столице, ввергла несчастную Россию в пучину междоусобиц и взаимоистребления на хищную потребу мирового зла.

Кровавая заря всходила над Россией!

А житию моего героя, генерала Лавра Георгиевича Корнилова, оставалось после этого всего семь месяцев.

Рассказывать ли обо всем, что было пережито им за осень,

зиму и один весенний месяц?

Нет, ограничусь лишь тремя страницами в этой короткой яркой жизни: крах всяческих надежд на мощную поддержку южного казачества, гибель в бою любимейшего офицера, подполковника Нежинцева, и собственная смерть в последний мартовский день под самыми стенами Екатеринодара...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

День генералов в Быховской тюрьме начинался поздно – в 8 часов. Вяло завтракали, много курили и лениво обсуждали: прикончат, не прикончат? Уж слишком чесались руки у шустрых деятелей из Советов: Быховского и Могилевского. Успокаивало одно: наши не позволят, не допустят. Нашими считались батальон Георгиевских кавалеров (полковник Тимановский), верные текинцы и польский корпус под командованием недавнего кавалергарда Довбор-Мусницкого. Эти силы, как считал невозмутимый Романовский, являлись «стабилизирующим фактором». Деятели из Советов не смеют с ними не считаться – опасно.

Расчет Алексеева, указавшего для размещения арестованных генералов здание гимназии, оказался верен. В генеральской тюрьме не было никого из посторонних, исчезли гостиничная толчея и любопытствующее многолюдство, здание стало напоминать прежнюю Ставку под надежной охраной. Генералы сели в осаду и принялись выжидать.

К всадникам Хаджиева в эти дни присоединились 2-й и 3-й эскадроны под командованием ротмистров Натанзона и Бек-Узарова. Они увели за собой почти весь полк. Полковник Кюгельген, как рассуждали текинцы, окончательно потерял лицо. Он стал отщепенцем в суровой среде этих верных своему слову воинов.

Текинцы решили победить или умереть вместе со своим генералом. Так велит Аллах поступать каждому настоящему солдату. – Мы оциплем любую птицу, которая осмелится пролететь над головой нашего «уллы-баяра»! – заявил ротмистр Бек-Узаров.

Лавр Георгиевич выбрал себе угловую комнату на втором этаже. Из окна открывался прекрасный вид на реку. Он молча наблюдал, как джигиты приволокли откуда-то диван без ножек. Кто-то насобирал во дворе кирпичей. Могучий Рэджеб, назначенный Хаджиевым в личные телохранители, с сомнением покачал диван и задвинул его в самый угол, прислонив для устойчивости к двум стенам. После этого он ловко покрыл диван кошмой и накинул поверх нее узорчатый текинский ковер. Ложе для генерала было готово. Вечером в коридоре Рэджеб негромко упрекал своих товарищей:

– Кэрэнски па-адлец! Я говорил: его надо было рэзать еще тогда, в Петрограде. Тогда – было совсем легко.

– Ничего, еще придет время...

В генеральской тюрьме среди сборища мужчин оказались две женщины: Таисия Владимировна и медицинская сестра Ольга, многолетняя боевая подруга ротмистра Натанзона.

О судьбе женщин следовало позаботиться. Свою семью Лавр Георгиевич решил отправить на Дон, в Новочеркасск. Под боком у Каледина они найдут защиту. Хаджиев раздобыл фальшивые документы на чужое имя. В последний вечер маленький Юрик никак не мог угомониться. Таисия Вла-

димировна прикрикнула на ребенка:

– Юрик, ну как ты не понимаешь? Сиди, как все! Утром Хаджиев отвез их на вокзал и посадил в поезд. Сестру милосердия Ольгу удалось устроить на квартире в городе.

Избавленный от заботы о семье, Лавр Георгиевич по целым дням не показывался из своей угловой комнаты. Как некогда в германском плену, на него нашло угрюмое оцепенение. Он валялся в расстегнутой тужурке и запоем читал книги. В гимназии неожиданно обнаружилась библиотека с неплохим подбором книг. Корнилов накиннулся на Достоевского. Товарищи генералы часто обедали без него. Корниловское место за общим столом пустовало. Рэджеб достал из своих выюков туркменскую манерку для кипячения воды – тюмчу – и сам заваривал для генерала крепчайший черный чай. В течение дня, а особенно бессонными ночами, Корнилов поглощал огненный чай кружку за кружкой.

В середине месяца в Быхов доставили группу генералов во главе с Деникиным и Марковым. У дородного Деникина на голове белели бинты. Свою фуражку он нес в руке... В Бердичеве с генералами рвалась расправиться толпа под предводительством комиссара Иорданского. Спас арестованных Духонин. По его распоряжению подняли по тревоге Житомирскую школу прапорщиков. Генерал Марков, отчаянно сквернословя, рассказывал, что, когда они шли в каре молодых юнкеров среди осатанелой толпы, оттуда полетели камни. Один из них ударил Деникину в голову. Перевязать

генерала удалось лишь на вокзале.

Генерал Марков уверял:

– Если бы не юнкера, нам устроили бы суд Линча. Я чувство вал себя негром, господа!

Новоприбывших разместили, удлиннили в столовой общий стол.

В октябре к арестованным генералам прибавилась офицерская молодежь и даже штатские: Новосильцов и депутат Думы Аладь-ин. Председатель незадачливого «Союза офицеров» переживал мучительные дни. Он спрятал свою семью в Полотняном Заводе (имении Гончаровых), но беспокоился за отца. Старый артиллерист не мог сидеть без дела и рвался уехать на Дон, к генералу Каледину. Впоследствии Леонид Николаевич встретится с отцом в Новочеркасске, они вместе проделают Ледяной поход и эвакуируются из Новороссийска в Галлиполи.

Среди офицерской молодежи обращал на себя внимание прапорщик Никитин. Недавний студент, он проявил отчаянную храбрость на фронте. Испепеляемый ненавистью к «товарищам», он благоговейно, словно на иконы, смотрел на седых заслуженных генералов и заметно гордился тем, что ему выпало разделить их испытания. На свой арест прапорщик Никитин смотрел, как на неожиданную награду. За общим столом он вел себя скромно, однако из генеральских разговоров не пропускал ни слова.

Вечерние посиделки узников стали затягиваться допозд-

на. Безделье угнетало. Все оживлялись, когда Хаджиев привозил свежие газеты. Он с раннего утра седлал своего серого жеребца и отправлялся в Могилев, стараясь успеть к поезду. 40 верст до Могилева его скакун покрывал за 4 часа. На вокзале к приходу курьерского собиралась толпа. Все спешили раздобыть столичные газеты. Тут же, на перроне, газеты жадно разворачивались...

Генералы, обсуждая общие события, недоумевали: почему вдруг замер фронт? Русская армия обезглавлена, дивизии деморализованы, снабжение из рук вон плохо, а между тем германцы – диво дивное! – никак не хотят воспользоваться такой счастливейшей ситуацией.

– У меня такое впечатление, – высказался Романовский, – что немецкий генеральный штаб уже разместился на Дворцовой площади.

Что и говорить, такая поразительная безынициативность противника никак не поддавалась разумному военному толкованию...

Назавтра Хаджиев привез с вокзала газету «Русь». Молодой офицер прочитал ее в дороге и сиял. Газета пошла по рукам. Внимание привлекла статья Бориса Суворина. Журналист впервые назвал Керенского предателем и предложил ему отправиться в Быхов и на коленях просить у Корнилова прощения.

Генерал Марков восклицал:

– Ка-акой молодчинище, а! Господа, оцените же! Внезап-

но появился слух, что Керенский на самом деле собирается приехать в Могилев.

Утреннее пробуждение было внезапным и тревожным. Лавр Георгиевич разлепил глаза и тут же зажмурился. Ему казалось, что продолжается тяжелый поздний сон. Прямо над ним, близко к глазам, склонилось еврейское лицо, женское, с птичьим носом и отвратительным табачным запахом изо рта. Генерал пришел в себя и встрепенулся:

– Кто вы такая? Что надо?

Странная гостья выпрямилась и обвела комнату взглядом:

– У-у, как живут, сволочи!

Корнилов сел в постели, завернулся в одеяло:

– Сударыня, немедленно выйдите вон! Иначе...

– Я корреспондент! Я специально приехала из Петрограда да...

В эту минуту в комнату ворвался гигант Рэджеб. Он отлучился в поисках заварки: у генерала кончился запас черного чая.

Текинец схватил гостью за рукав и, отчаянно ругаясь, потащил к двери.

– Ты кто такой, а? Ты как попал, а? Иди отсюда! Иди, пожалуйста...

Столичные газеты начинали подготовку к «визиту главы правительства в недавнее гнездо мятежников».

Утреннее посещение журналисткой Быховской тюрьмы отразилось в пространной корреспонденции. В ней картинно

расписывались райские условия, в которых пребывают арестованные генералы. Вместо тюрьмы и суда гнусным заговорщикам устроили самый настоящий санаторий!

На завуалированный упрек журналистки немедленно отозвался сам премьер-министр Керенский. Он поделился в газете своими соображениями об участии ожидающихся суда генералов: «Корнилов должен быть казнен. Да, казнен со всей революционной решительностью и беспощадностью. Но! Я, именно я, ваш испытанный вождь и вдохновитель, я первым из первых приду на его могилу и принесу цветы, и я не только положу цветы на эту светлую могилу, но и преклоню свои колена...»

– Нет, каков мерзавец! – горячился прямодушный Марков. – Ну болтун! Ну трепло! А нам поделом: давно ли слушали его и только разевали рты?

Высокий, юношески стройный генерал Иван Эрдели, из терских казаков, глубокомысленно заметил:

– Сережа, нынешние газеты пострашней немецких «чемода нов». Прямой наводкой кроют по всей России. У каждого глаза, каждый читает... Поговори-ка с Хаджиевым, как ему приходится добывать газеты!

– И все жида, и все жида! – не унимался Марков. – Это какое-то Божье наказание!

Лукомский, молча слушавший горячий разговор друзей, вмешался:

– Ну, особенного обилия жидов я, господа, не вижу. Но з

а– с и л ь е – да, это есть. Это видно.

Марков подхватил:

– Но как это могло случиться? Сколько нас и сколько их! Смешно же... Выходит, всем нам просто грош цена!

Эрдели подхватил его под руку:

– Сережа, идем-ка лучше прогуляемся по саду. Погода чудесная...

Событие – приезд Керенского в Могилев – никак не отразилось в Быхове. Подробности генералы узнали из газет. Вместе с Керенским в бывшую царскую Ставку прибыли и представители союзников генералы Бартер и Эдварде. Дорогих гостей встретили торжественно. Отдельно от руководителей местного Совета на перроне стояла группа ветхозаветных евреев: депутация благодарного населения черты оседлости. Главный раввин держал большое серебряное блюдо. На блюде поблескивало массивное золотое яйцо... Во время торжественного банкета газетчики разнюхали, что английский король, узнав в прошлом месяце о назначении Корнилова Верховным главнокомандующим, наградил его Орденом Бани. Однако события в России развивались столь стремительно, что медлительные англичане поспеть за ними не могли. К тому времени, когда британская военная делегация приехала к союзникам, генерал Корнилов уже сидел под арестом. Ситуация возникла щекотливая: вручать ему орден, не вручать? Генерал Бартер принял соломоново решение: отказавшись от посещения Быховской тюрьмы, он попросил пе-

редать опальному генералу коробку дорогих сигар.

Этим жестом английский генерал все же дал понять, что в Лондоне по-прежнему озабочены тем, сможет ли русская армия удерживать фронт и сражаться.

А кто же ее поведет в бой, если самые выдающиеся военачальники посажены под караул!

Ни ордена, ни сигар Лавр Георгиевич так и не получил.

Хаджиева отыскал Шах-Кулы и мотнул головой по направлению к воротам. Начальника охраны хотел видеть приехавший с Керенским человек из Петрограда.

– Говорит по-татарски, – предупредил Шах-Кулы. Неожиданный гость представился: Токумбетов. Он приехал в

Быхов по поручению самого Керенского и попросил собрать текинцев, он будет с ними говорить.

– Говори, мы слушаем, – сказал Хаджиев.

Шах-Кулы и постовые с неприязнью смотрели на толстое лицо татарина. Такие вот наезжали из Петрограда в дивизию князя Багратиона и в бригаду князя Гагарина и уговаривали горцев не слушаться своих начальников. Агитаторы, пропагандисты, разрушители...

Токумбетов заговорил по-татарски, как свой человек. Хаджиев немедленно его прервал:

– Говори с нами по-русски! А Шах-Кулы щелкнул себя плетью по голенищу и приказал:

– Уезжай, пожалуйста.

Назавтра, приехав за газетами в Могилев, Хаджиев на

вокзале нос к носу встретился с вчерашним гостем. Токумбетов обрадовался встрече и потащил молодого офицера к вагону Керенского. Он уверял, что главный министр будет рад с ним поговорить. Велел подождать.

Шаталось много пьяных матросов. Они приехали с Керенским. Матросы стали с подозрением приглядываться к стройному текинцу в ярком халате и косматой папахе. Хаджиев вдруг расслышал:

– Из корниловских? Ах, гад!

Молодой офицер, не дожидаясь Токумбетова, ушел с перрона, отвязал коня и пустил его крупной рысью.

Пришло письмо от жены. Таисия Владимировна сообщала, что остановились пока в Ростове. Продуктов много и дешевы. О настроении казачества отозвалась неопределенно: видимо, берут пример с украинцев-самостийников и орут об отделении от России... «Поклон хану», – было приписано в конце и приложен пальчик Юрика. Лавр Георгиевич бережно спрятал письмо и пошел в сад. Садилось солнце, и сад, еще недавно такой пышный, сквозил. Опустив голову, Корнилов медленно брел под облетевшими деревьями. Нарочно загребая ногами целые вороха листвы, он наслаждался сухим шорохом пестрого ковра на земле.

Дон и Кубань... Порубежные окраины державы, возмужавшие на боевом коне и за плугом. Самостийность? Но русского-то дела, надо надеяться, не предадут! Не поляки и не чухна... Он решил, что надо потихонечку снаряжать моло-

дых в побег, доставать им гражданскую одежду, документы, деньги. Зимовать в Быхове, если придется, останутся одни генералы. Остальным здесь делать совершенно нечего. Лукомский уже хозяйственно заговаривает о ремонте печей. Будем ждать суда!

Возвращаясь из сада, Лавр Георгиевич застал товарищей по заключению за мальчишеской забавой: играли в чехарду. Генерал Марков в расстегнутой гимнастике, без ремня лихо, как на уроках гимнастики, перескакивал через пригнувшихся парнишек-прапорщиков. Сбоку наблюдали и пересмеивались долговязый Эрдели и степенный Деникин. Бедовое курносое лицо Маркова горело молодым румянцем... Заметив Корнилова, игроки смутились. Прапорщики одернули гимнастики, Марков поднял с земли ремень и лихо захлестнул его на поясе.

Корнилов быстро прошел в дом. «Молодежь... Застоялись!»

По вечерам он перестал запирается в своей комнате-камере и спускался за общий стол. Безделье людей, привыкших к постоянной энергичной деятельности, скрадывалось долгими вечерними разговорами. Чрезвычайно много помогала этому библиотека. В строю не до регулярного чтения, особенно на войне, в окопах. Здесь же вдруг открылась бездна пустого времени. Книги читались допоздна, часто до рассвета. Многое из прочитанного становилось ослепительным открытием и подмывало на обсуждение за вечерним столом.

Молодежный конец стола возглавлялся генералом Марковым. Отменный строевик, в боях удивлявший даже заслуженных храбрецов, он и в чтение ударился со всею беззаветной страстью. Человек цельный, он привык отдаваться любому делу с головой. В книгах ему открылся необыкновенный мир. Порою он спускался к ужину, заложив поразившую его страницу пальцем. Корнилову, как старшему, приходилось остужать его отеческим замечанием:

– Сергей Леонидович, мы все это давно уже проходили! Генерал Эрдели часто не мог оторвать его от чтения:

– Сережа, глаза испортишь. Идем в сад. Погода прелесть...

– Постой, постой... – бормотал он. – Тут самое! Ты иди, иди, Иван, я тебя найду.

Однажды он влетел в столовую, потрясая раскрытой книжкой:

– Нет, вы только послушайте, господа!

Две последних ночи он штудировал Герцена и его поразила в «Былом и думах» глава под названием «Царь иудейский». Его бесхитростный военный ум был обескуражен могуществом Ротшильда. Шутка сказать, перед всеильным евреем склонил шею даже император Николай I!

Однако вывод был им сделан из прочитанного сугубо свой, марковский:

– Господа, я вам так скажу: мы все вместе были дураками. Какого черта мы орал: «Бей жидов, спасай Россию!» Сколь-

ко их и сколько нас? Смешно. Орать надо было одно: «Бей предателей!» Да, да, наших русских предателей. Все дело в них, а не... в каких-то там евреях. Подумаешь! Вон, выйди за калитку. Если у тебя в руке хотя бы плетка – еврей мимо тебя, как мышка. А мы им подставили шею: пилите или садитесь... повезем. Они и сели! И поехали! Так кто же в этом виноват: они или все же мы?!

Выкричавшись, он слегка остыл.

– Лавр Георгиевич, почему вы молчите? Вы не согласны со мной?

Ответил ему генерал Эрдели. Он сидел празднично, вытянув свои длинные совсем не кавалерийские ноги:– Сережа, я твоего Герцена не читал и читать не собираюсь. Такой же точно жид, как и Ротшильд... Но я тебе в пример поставлю лошадь. Да, нашу обыкновенную строевую лошадь. Сам Господь Бог устроил ее так, что она бегаёт на четырех ногах. И – прекрасно бегаёт, ты это знаешь. А теперь представь себе, что отыскался умник и задумал опыт: а что, если и человека с двух ног поставить на четыре?.. Не побежит ли он так же быстро, как и лошадь?..

– Ты это к чему, Иван? – не понял Марков.

Эрдели покачивался на стуле. Он видел недоумение на лицах всех своих товарищей.

– Я это к тому, Сережа милый, что негодьям вздумалось провести над нами, русскими, дурацкий опыт. Жили мы, слава Богу, и прожили бы, и незачем нас ставить на копыта,

на четве реньки. Все равно по-лошадиному не побежим!

– Ну так а я о чем? – вскричал обрадованный Марков.

– И я о том же: о негодях, о предателях. И я с тобой, мой милый, согласен совершеннейше... Слышал: генералишка этот, Бонч-Бруевич... Дорвался, видишь ли, до власти!

– Иван, Иван! – перебил нетерпеливо Марков. – Но согласишься, что Сруль все же опасен.

Генерал Лукомский вставил:

– Да-а уж... Где Сруль, там обязательно появится Смердяков!

– Да плевал я на Сруля, – хладнокровно продолжал Эрдели. – Вот голоса: жида спаивают Россию! Но почему же они сами не спиваются? А? Стоят у бочки и с ковшом в руках – а не спиваются! Мы же... тьфу! Как дети: опасно спички в руки дать...

Новосильцов, мрачно катавший хлебные шарики, неожиданно изрек:

– Читайте, господа, Библию.

– Читали! – заносчиво откликнулся Марков. – Думаете, не читали? В гимназии проходили...

– А вы сейчас прочтите, – советовал Новосильцов. – При чем начните с книги «Эсфирь».

Генерал Марков, не любивший штатских, отвернулся и спросил Эрдели:

– Иван, ты что-то там о Бонч-Бруевиче...

– Прохвост он, вот что я хотел сказать. Ты знаешь, что

он требует убраться от нас текинцев?.. Наша беда – совсем не жиды. Беда наша – брусиловы и бонч-бруевичи.

Прапорщик Никитин, покраснев, поднял руку, словно гимназист:

– Ваше превосходительство, позвольте...

Он рассказал, что здесь в библиотеке отыскал брошюру этого самого Бонч-Бруевича, сочиненную в 1905 году. Тогда, в пору первого антирусского восстания, генерал писал и наставлял карателей, чтобы с презренными мятежниками расправлялись быстро и решительно, не дожидаясь судебного решения. Арестовал – и к стенке! Без церемоний!

– Где эта брошюра? – спросил Эрдели.

– Разрешите... я сейчас принесу.

Тоненькая книжечка в серой обложке пошла по рукам. Перелистывали, покачивали головами... Время и события изменяли людей неузнаваемо!

Кончилось все тем, что генерал Эрдели сделал на брошюре надпись: «Дорогому Могилевскому Совету от преданного автора» и утром попросил Хаджиева отослать ее с почты бандеролью в Могилев.

Так, или примерно так, развлекались узники Быховской тюрьмы: позволяли себе позабавиться, чтобы скрасить время вынужденного безделья и томительного ожидания.

Ожидания... чего?

В этом у арестованных не было единства. Но каждый жил завлекательной надеждой: наступит вдруг счастливый день –

и они узнают, что все пропало, сгинуло, исчезло, как дурное наваждение, жизнь снова вошла в свои нормальные берега и они, генералы самых боевых частей, вновь вернутся к своим тяжелым и важным обязанностям – к службе. Ведь Россия продолжала воевать, и на германском фронте, как они знали, противник сосредоточил не менее 130 дивизий.

Окружавшая действительность однако тревожила все более. Газеты захлебывались от злобы и указывали на Быхов как на рассадник губительной заразы. Участились попытки самовольной расправы над арестованными. Несколько раз на станции из проходивших эшелонов выгружались осатаневшие солдаты и порывались кинуться в городишко, чтобы поднять генералов на штыки. С этой силой текинцам было бы не совладать. К счастью, выручал командир польского корпуса генерал Довбор-Мусницкий, бывший кавалергард. Он всякий раз поднимал по тревоге полк с пулеметами. У карателей сразу пропадала всякая охота, они, поворчав, снова грузились в теплушки и ехали дальше.

Сколько могла продолжаться такая зыбкая безопасность?

Полковник Тимановский, давний сослуживец Лавра Георгиевича по Стальной дивизии, постоянно жаловался на возмутительную обстановку в Георгиевском батальоне. Местные богатые евреи засыпали солдат подарками. Полковник приказал гнать их из расположения батальона. Они ловили солдат в городе. Тимановский видел, как росло противостояние верных текинцев и распропагандированных Георгиев-

ских кавалеров. На все солдатские подходы текинцы неприемлемо отвечали: «Вы – Кэрэнски, мы – Корнилов... Рэзать будем!» Тимановский изнемогал. Он несколько раз жаловался Корнилову, что ждет не дождется дня, когда сможет окончательно расплеваться со своими кавалерами...

Убрать текинцев от Корнилова прямым приказом не удалось. Они исполняли повеления только своего «уллы-бояра». Тогда корниловские ненавистники сделали ловкий ход: внезапно среди текинцев пошел слух, что дома, в далеком Ахале, царит ужасный голод. Семьи джигитов вроде бы зывали к своим сыновьям: хватит вам воевать за русских, вас зовет домашняя беда! Лавр Георгиевич заметался. Он написал Каледину на Дон, прося его помочь Ахалу хлебом. Он предложил товарищам провести сбор денег: кто сколько сможет. Арестованные вывернули свои карманы. Денег оказалось мало. С того дня, как их поместили под стражу, им перестали выплачивать жалованье, хотя председатель следственной комиссии прокурор Шабловский специально указал, что это незаконно: они пока всего лишь подозреваемые, но не осужденные.

В Петрограде генерал Алексеев обратился за помощью к промышленникам, к Путилову и другим. Скоро в Быхов передали 40 тысяч рублей. Половину денег Лавр Георгиевич отправил в Ахал (текинцы сразу повеселели), на остальные стал отправлять из Быхова своих товарищей по заключению. В конце концов в тюрьме осталось всего пятеро арестован-

ных, пять генералов. Бежать они могли легко: имелись деньги, документы, гражданская одежда. Однако они считали, что их побег только усилит позиции Керенского. Этот «победитель мятежа» становился все более жалок и ничтожен. В Петрограде реальная власть перешла в руки Совета (во главе с Троцким). Керенскому ничего не оставалось, как топить свое отчаяние в пьянстве и разврате... Побег генералов из Быхова явился бы для Керенского сущим подарком. Поэтому они постановили ждать суда – открытого и справедливого. Только суд обелит их от гнусных обвинений и принесет полнейшую реабилитацию (но только не амнистию!). Выступить на суде и обличить мерзавца в желтых сапожонках они считали своим воинским долгом.

Такое настроение владело быховскими узниками до последних чисел октября...

Дни заточения и ярлык изменника изнурительным образом действовали на впечатлительную, но чрезвычайно замкнутую натуру Корнилова, а стремление солдат расправиться с арестованными, поднять русских генералов на штыки не давало покоя и воспаляло мысли.

За что? В чем их вина?

Если днями еще можно было находиться среди товарищей по несчастью (так легче), то по ночам, осенним, долгим, становилось неважно.

Прокурор Шабловский показал себя порядочным человеком. Он сразу же отверг обвинение арестованных в государ-

ственной измене, инкриминируя им «покушение на смещение органов верховной власти». По Уголовному уложению это была ст. 100-я, но никак не 108-я, и вместо военно-революционного трибунала виновные подлежали суду гражданского ведомства. Максимальное наказание, грозившее подсудимым, – бессрочная каторга, но не расстрел. Он недаром пристрастился к чтению Достоевского. Особенное впечатление производил роман «Бесы» и «Дневники». Ведь вот же... вот! Ну разве не провидец? А ведь предупреждал давным-давно...

Лавр Георгиевич невольно вспоминал свои давние споры с генералом Мартыновым в германском плену, и с новой яркостью вставали перед глазами неистовые обличители Завойко и Нежинцев.

Но полная ли правота в их страстных обличениях?

Из головы Корнилова никак не выходила недавняя тирада генерала Маркова (по поводу главы «Царь иудейский»), гневно обличившего расхлябанность русских, а вовсе не еврейское коварство.

Один из героев романа «Бесы» рассуждает: «Если бы провалилась Россия, не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве. Я сам себя считаю за немца, а не за русского и горжусь этим!»

Так рассуждает чистопородный русский человек! Чему же надо было случиться, чтобы он так переродился?

Достоевский, немало поездивший по Европе, много по-

видавший собственными глазами, пишет: «Недаром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше – конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их царство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, матерьялизм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами – вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей».

И дальше Достоевский говорит как бы словами Нежинцева: «Жид и банк господин теперь всему: и Европе, и просвещенному социализму. Они с корнем вырвут христианство и всю цивилизацию!»

Но как перекликается писатель с генералом Марковым, никаких «Дневников» Достоевского не читавшим!

«По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – пишет Достоевский, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия их освободит, а Европа согла-

сится признать их освобожденными... Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира... и не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, имея в виду расширение границ и основание великой Все-славянской империи на порабощении славян жадному, хитрому, варварскому великорусскому племени...

...Даже о турках станут говорить с большим уважением, чем о России.

Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации...

Славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма, прежде чем постигнуть хоть что-нибудь в своем особом славянском призвании в среде человечества. Между собой эти племена будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать...

России надолго останется тоска и забота мирить их, вра-

зумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае...»

Да, какое-то непрактическое простодушие русских... Насколько оно, в конце концов, страшнее всякого еврейского коварства!

Прав генерал Марков, простодушный и бесхитростный солдат: нет у русского народа врага большего, чем... сами русские.

В эти бессонные ночи перед глазами Корнилова возникали яростные лица солдат, устремлявшихся в атаку на позиции врага. Жутко становилось противнику от этих знаменитых штыковых ударов русской пехоты. Выдержать их было невозможно...

И вдруг эта ярость обернулась против своих!

Что произошло? Повреждение рассудка? Дьявольское наваждение? Всеобщее безумие?

Но разве не то же самое пережили англичане при Кромвеле, а французы при Робеспьере и Марате?

Выходит, настала очередь России... Какая жуткая очередность, роковая, безжалостная, неотвратимая!

Но из Керенского, балаганного шута, не получится ни Кромвель, ни Марат, ни Робеспьер – совсем не тот материал. Следовательно, самое страшное у России еще впереди... Это открытие ударяло в голову и заставляло расширенными глазами всматриваться в темноту. Сердце не унять. Господи, а мы-то думаем, что испытания кончаются! Нет, они лишь

начинаются. Грядут безжалостные и кровавые диктаторы. В России потрясения куда страшнее, чем в Европе...

И снова природа солдатской ненависти, неукротимое стремление расправиться с узниками Быховской тюрьмы возмущали ум и сердце.

Третьего дня Быхов покинул генерал Марков. Он уезжал с общего одобрения остающихся товарищей. Они его отпустили. Маркову это затворничество с книжками в руках осточертело. Он рвался к привычному делу и уезжал на Дон, к Каледину. В последний вечер, в последнем разговоре за столом, он внезапно бросил реплику, которая теперь, в бессонные часы, приоткрывала для Корнилова возможность самому добраться до ответа на свой же собственный вопрос о солдатской ненависти к ним, своим военачальникам, с которыми они вместе ломали тошную окопную судьбу.

Генералы вспомнили о молодости, о первых годах службы, о захолустных гарнизонах, где квартиры, как правило, сдавались без отопления (были дороги дрова), о жалком жалованье. Экономить приходилось и потом, в годы академической учебы. Русский офицер, по сути дела, всю жизнь недоедал... Вынужденная бережливость накладывала отпечаток на весь облик офицеров, съехавшихся в академию. Они отличались от гвардейцев, «как зебры полосатые» (слова Деникина).

В то время как аристократия, расточительная и невежественная, прожигала жизнь напропалую, армейское офицер-

ство починало прохуdivшиеся сапоги, штопало бельишко, экономило на пустых щах, без говядины. По Невскому вихрем проносились кровные рысаки под щегольскими сетками, утонченные красавицы украшали собою театральные премьеры и вернисажи. Перед концом сезона высший свет решал, куда отправиться на лето: в Ниццу, в Сан-Себастьян, в Бретань. А в аудиториях академии офицеры обмирали от опасности завалить экзамен: тогда прощай навек надежда на избавление от худых сапог и грубого белья, мало чем отличавшегося от солдатского.

Вечерний разговор прервался: продолжать его не имело смысла. Генералы еще посидели, повздохали и стали расходиться. Каждый из участников того товарищеского ужина уносил в душе неясное, не до конца осознанное ощущение своей не то вины, не то неловкости, не то... (Никак не находилось нужное определение!) Громадный дом России за века своей истории сложился из нескольких сословных этажей. Свой этаж в нем занимали и военные. И никого на этажах нисколько не заботило, как там приходится существовать подвальным обитателям. А подвалы были обширные и многолюдные! И вот подвальный люд вылез и яростно задрал головы на этажи. Само собой, первая их злоба направилась на тех, кто всего ближе: на офицеров, генералов... В России прочно установилось безвластие. Поэтому на узников Быховской тюрьмы уже никто не обращал внимания. Поэтому они так легко разъезжались...

Временное правительство, затворившись в Зимнем дворце, распространяло свое «могущество» не далее Обводного канала.

Военная власть в Ставке тоже была парализована и существовала лишь потому, что непостижимым образом бездействовали немцы. Впрочем, пойдя они в наступление, – кто знает? – вдруг в самой солдатской русской толще пробудилось бы что-то сугубо национальное, подвигнув остатки армии принять обнаглевшего противника на штык.

В Петрограде все уверенней хозяйничал Совет рабочих и солдатских депутатов. Возглавлял его, прогнав худосочного Чхеидзе, весь клокотавший от энергии Троцкий. Его нетерпеливое неистовство подкреплялось реальной силой: само правительство, изобретя смертельную опасность от Корнилова, вооружило рабочие отряды (Красная гвардия). Кроме этих отрядов Троцкий имел поддержку всего распухшего сверх всякой меры столичного гарнизона и такую копившуюся в течение всех военных лет силу, как Балтийский флот. Десятки тысяч полнокровных мужиков в бескозырках и бушлатах ретиво рвались в центр Питера вкусить наконец-то своего классового превосходства над презренными буржуями.

А страна разваливалась и нишала, дробилась и получала вкус к анархии. Пылали старинные помещичьи усадьбы, резался дорогой породный скот, самозабвенно вырубались парки и рушился инвентарь. Фабрики закрывались, выки-

дывая рабочий люд на клокочущие улицы (жизненная сила революции). Инфляция ставила рекорды, и деньги, называемые «керенками», шли не на счет, а на вес.

Первыми, кто обеспокоился состоянием российских дел, были послы союзнических стран. 26 сентября полномочные представители Великобритании, Италии и Франции посетили Керенского в Зимнем и потребовали от него (во имя, разумеется, победы) «восстановить воинский дух и дисциплину». В первую очередь следовало «раздавить большевиков» (как явных агентов германцев).

Дипломатический демарш в Петрограде являлся всего лишь декоративной стороной того, что на самом деле происходило за кулисами Большой политики.

На страницах влиятельных европейских газет все чаще стали появляться имена министра иностранных дел Германии Кюльма-на, французского премьера Бриана и английского дипломатического зубра лорда Сесия. Воюющие армии были обескровлены предельно. Наступила страдная пора большого государственного торга – тайных встреч, соглашений, меморандумов, конференций. Понесся самые громадные потери на войне, Россия оказалась самой слабой и беспомощной. Ее и сделали жертвой. В этой стае уважали только силу!

Каждая из высоких договаривающихся сторон лезла из кожи, чтобы не упустить собственной выгоды. Европейское одеяло тянули не только за углы, но и хватались за края, где

только можно ухватиться. (Даже Бельгия хваталась!) И лишь одна страна не допускалась к этому хищническому дележу – Россия, ибо все аппетиты алчных торгашей удовлетворялись за ее счет. На дипломатическом языке это именовалось так: «Допустить уступки на условиях достаточной компенсации на Востоке».

Наступил финал того, почему три года назад сербский парнишка Гаврила Принцип стрелял в Франца Фердинанда.

Все же русский медведь, чью шкуру так увлеченно готовились разодрать, оставался еще жив.

В середине октября военный министр Верховский (его заслуги заключались лишь в резком неприятии Корнилова) наложил запрет на демобилизацию из армии трех возрастов – обнажится фронт. Но в то же время он провозгласил, что «дисциплина в русской армии должна быть добровольной, на основе общей любви к Родине; необходимо, чтобы дисциплина перестала носить в себе неприятный характер принуждения». В неудержимом пустозвонстве он брал пример со своего шурина Керенского.

В ответ большевики образовали Военно-революционный комитет, потребовавший от красногвардейцев железной дисциплины. Во все части Петроградского гарнизона комитет разослал своих комиссаров с самыми властными полномочиями. Приближались решающие дни.

23 октября в Петрограде открылась городская конференция Красной гвардии. Рабочие отряды насчитывали более 12

тысяч штыков. По столичным проспектам похаживали хмурые патрули рабочих с винтовками. Они задерживали подозрительных и благоволили лишь к тем, кто называл пароль.

Керенский, словно очнувшись после продолжительного обморока, вдруг дернулся: потребовал отправить на фронт некоторые части столичного гарнизона (то самое, на чем настаивал Корнилов еще в марте). Совет депутатов бесцеремонно перечеркнул решение премьер-министра. Больше того, уверенный в своих силах Цент-робалт прислал Керенскому матросский ультиматум.

В довершение самодержавный Викжель объявил трехдневную забастовку железнодорожников. Движение в стране остановилось.

Жалкий Верховский вынужден был беспомощно пролепетать: «У нас нет больше армии!»

Немецкое командование спокойно, словно на учениях, произвело высадку десанта на Балтийское побережье, южнее Гапсаля, и без всяких помех захватило острова Моонзундского архипелага. В Петрограде с государственных воинских складов по ордерам большевистского Военно-революционного комитета началась спешная выдача оружия.

Временное правительство, паникуя, лихорадочно засобиралось эвакуировать Петроград и перебираться в старинную русскую столицу Москву.

Однако времени ему не оставалось даже для спасительного бегства.

Полная беспомощность в самом центре имперской власти походила на потерю вожжей разиней-кучером. Кони, раззадорившись, закусали удила и понесли, храпя и задирая головы, рвя постромки и ломая оглобли.

В Туркестане начались волнения, – всходили тайные британские семена, посеянные в Хиве, Коканде и Бухаре.

В Тифлисе местные грузинские власти наложили свою руку на огромное военное имущество Кавказского фронта.

В Гельсингфорсе, старинной крепости русского Военно-Морского Флота, собрался сейм суверенной Финляндии.

О своей автономии заявили Эстония, Крым, Бессарабия, казачьи области, Закавказье, Сибирь.

Украина в эти дни показала особенную резвость. Центральная Рада постановила собрать в Киеве свое собственное Учредительное собрание (гораздо раньше, чем в России). А до тех пор Украина, как суверенная держава, должна иметь на всех международных конференциях своих отдельных представителей. Всем самостоятельным властям на местах приказано не исполнять распоряжений штаба Юго-Западного фронта (русские войска являются оккупационными). Аппетиты «незалежников» росли по мере того, как убывала власть в России. В конце концов Украина объявила об «аннексии» Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерний. Для защиты от российских притязаний стали формироваться пышно разнаряженные полки «вольного казачества».

В канун большевистского переворота в Петрограде в Народном доме пел Шаляпин, и зал был полон. Неясное беспокойство проявляли одни извозчики.

В Москве в кинотеатре «Аре» в середине дня начало работать «Совещание общественных деятелей». Выступали Родзянко, Трубецкой, Кизеветтер. Особенный успех выпал на генералов Брусилова и Рузского. Они не переставали грозить в сторону Быхова и по-прежнему все надежды связывали с Зимним, где в эти часы панически метался Керенский.

Ночью на заседании ЦИК Совета возбужденный Троцкий, сверкая стеклами пенсне, гневно выговаривал ухмылявшимся Го-цу, Либеру и Дану:– Бьет набат истории. Если только вы не дрогнете, наш враг капитулирует мгновенно, сразу! И вы, вы займете место, которое принадлежит вам по праву: место хозяев земли Русской!

В 2 часа ночи поднялся Каменев (Розенфельд) и зачитал список членов нового российского правительства – Совета Народных Комиссаров.

А с утра развернул свою работу II Всероссийский съезд Советов.

Столица, мозг и сердце государства, стала полностью большевистской.

Если в Петрограде переворот произошел бескровно (лишь часть публики «пострадала» оттого, что не стала дожидаться до конца спектакля), то в Москве наутро загремели выстрелы. Молоденькие юнкера Александровского и Алек-

сеевского училищ вошли в Кремль и забаррикадировались. Их обложили, предложили сдаться, затем стали подкатывать орудия... Беспорядочная, неумелая стрельба в первую очередь «покарала» Брусилова. Артиллерийский снаряд попал в его квартиру. Генералу перебило ногу ниже колена. Автомобиль помчал его в клинику на Молчановке. Раненого генерала встретил комиссар Фрадкин. Он с кем-то посоветовался и разрешил принять Брусилова для лечения, но генеральский автомобиль немедленно конфисковал.

В Петрограде для сопротивления большевикам имелись неплохие силы. В Зимнем дворце той ночью находились две спешенные сотни 4-го Донского казачьего полка, юнкера, рота ударниц женского батальона и броневик. Но в руководство обороной правительства каким-то образом проник небезызвестный Рутенберг (палач попа Гапона). После полуночи казаки покинули дворец, уехал броневик, остались лишь ударницы и юнкера. Солдаты Кексгольмского полка, ворвавшись в покои Зимнего, принялись первым делом утолять свою страсть к классовой мести. Они расстреливали статуи, били зеркала, резали ковры и гобелены. Несколькими ударами штыка был изуродован портрет государя кисти Серова. Акт народной мести достиг апогея, когда солдаты добрались до винных погребов дворца. Перепившись изысканными винами, они поволокли захваченных ударниц в казармы Павловского полка.

До узников Быховской тюрьмы доходили кое-какие жут-

кие слухи.

Распоряжением из Петрограда генерал Духонин был смещен и на пост Верховного главнокомандующего назначен прапорщик Крыленко. О способностях новоиспеченного «полководца» было известно, что свою карьеру он начал на столичном митинге, когда, взобравшись на эстраду, сорвал с себя погоны и принялся демонстративно их топтать.

– Держу пари, что жид, – мрачно изрек Эрдели. – Кажется, наполовину, – поправил его Деникин.

По его словам, летом 1915 года прапорщик Крыленко был судим за «уклонение от воинской повинности» (то есть за дезертирство). Однако окружной суд вынес ему оправдательный приговор. Словом, большевик заслуженный!

Новый большевистский главковерх первым делом объявил поход... на Быхов. У него чесались руки сотворить над генералами расправу как над прислужниками ненавистного режима.

А немцы уже, овладев Моонзундом, нависали над Ревелем и Петроградом!

Рижский залив, стратегически важная акватория на Балтике, стал полностью немецким. Скоро немецким окажется и Финский залив. Оттуда вход в Неву и к Зимнему дворцу... А большевики сверх головы озабочены тем, как бы поскорее захватить Могилев и Быхов. Как в Ставке, так и в быховской гимназии сидели ненавистные им царские генералы. Они для них были страшнее всяких немцев.

А война между тем продолжалась, и немцы развивали наступление, но с того дня, как большевики арестовали Временное правительство, они перестали помышлять о переносе столицы в Москву.

Что, поджидали своих хозяев в Петрограде?

Хаджиев перестал ездить в Могилев к поезду. Свежих газет не поступало. Узники тюрьмы томились в неизвестности и пробавлялись лишь доходившими слухами. Следовало решать: что делать? Сидеть и ждать отважного Крыленко с его воинством или бежать? В Могилеве, в Ставке, продолжал находиться дисциплинированный генерал Духонин. Он заверял своих арестованных товарищей, что никакой бессудной расправы над ними не допустит. У нас, слава Богу, не Америка!

Неожиданно в Быхове появился свежий человек – генерал Одинцов из штаба 8-й армии. Он был знаком со всеми арестованными. Вид у приехавшего был ужасный: небритый, драный, в солдатском тряпье. Он пожаловался, что от Орши пришлось ехать на паровозной площадке. Солдаты бесчинствуют и творят расправы. Он уцелел потому, что вовремя скинул мундир и преобразился под дезертира... Прежде, жаловался Одинцов, был хоть и никудышный, но все же порядок, теперь вокруг происходил воистину апокалиптический хаос. Дороги забиты солдатней. Едут с пулеметами, даже с орудиями. Коменданты станций не смеют им перечить ни единым словом.

Деникин скорбно произнес:

– Обрадовались миру. Большевики хоть и подлецы, но с голо вой. Они начали с Декрета о мире. Нам самим не следовало им давать такой серьезный козырь.

Одинцов заволновался:– Виноват, Антон Иванович. Декрет о мире у большевиков отнюдь не первый, а второй.

– Ну как это? Как это? – стал сердиться Деникин. – Именно первый. В этом-то все дело. Тут они, прохвосты, нас и обставили.

– Виноват, виноват... Позвольте вам доложить, господа, что первым декретом большевиков – именно первым, самым первым! – был декрет о, простите великодушно, педерастах. Да, о педерастах... вернее, об отмене всяческих наказаний за содомию. Отныне в России это разрешено повсеместно. Милости просим!

– Поз-зорище!

Узники враз заговорили о позорнейшем клейме на новом режиме. Большевики начинали с того, чем заканчивал режим самодержавия. Вся Россия знала, что знаменитые убийцы Распутина – великий князь Дмитрий Павлович и князь Феликс Юсупов граф Сумароков-Эльстон – славились утонченным сластолюбием и слыли поклонниками однополый любви. В их зверской расправе над «святым старцем» угадывалось нечто мстительное. (Великосветские львицы, как известно, носили этого сибирского конокрада на руках за его поистине феноменальную мужскую силу.) Пьянством и без-

удержным разворотом заканчивал свое недолгое правление и Керенский. Половыми извращенцами выказали себя и предводители большевиков!

Только и скажешь: бедная Россия!

Генералы, узники тюрьмы, потребовали от гостя достоверных сведений о положении в стране. Одинцов мгновенно перешел на деловой тон. Керенский, и это совершенно точно, ареста вместе с министрами избежал и сумел вовремя скрыться («Ах, сукин сын!» – с оттенком восхищения проговорил Эрдели.). По слухам, он пробрался в Гатчину, к генералу Краснову, принявшему в командование 3-й Конный корпус. Туда же, под крылышко Краснова, убежал и Савинков... Окружение Краснова встретило Керенского с ненавистью. Порывались даже расстрелять его без всякого суда прямо возле штабного крылечка. Краснов унял страсти, но предупредил Керенского, что дает ему полчаса времени, после этого он снимает с себя всякую ответственность за его безопасность.

Любопытно, что в эти полчаса к Краснову заявился матрос Дыбенко, могучий красавец, председатель всесильного Центрo-балта. Лихой матрос предложил Краснову взаимовыгодный обмен: «Ваше превосходительство, меняем ухо на ухо? Вы нам – Керенского, мы вам – Ленина... А?» Краснов предложение отверг и дал Керенскому возможность скрыться. Куда тот убежал? Где прячется? Этого никто не знал.

Долгие годы нас уверяли, что Керенский не разделил судь-

бу своих министров лишь по счастливой случайности, успев переодеться в платье медсестры. На самом деле в его спасении не было ничего случайного. Натан Виннер, секретарь Керенского, оставил воспоминания о том, как в Гатчине, у Краснова, хорохорившийся премьер протянул руку казачьему сотнику Карташову, но тот ее не принял:

– Я не могу подать вам руки. Я – корниловец!

Беглецы из Петрограда поняли, что русская армия им уже не защита. Следовало поскорее уносить ноги.

В Гатчине с Керенским и его челядью возился некий В. Вей-гер-Редемейстер, занимавший пост «начальника по гражданской части». Он шепнул Виннеру, что из Гатчинского дворца есть потайной ход. Этим ходом Керенский и воспользовался.

Он не сразу убрался за границу, а около года находился в России. Сначала прятался в имении лесоторговца Абрама Беленького, потом залег в психиатрическую лечебницу Фризена в городе Новгороде. Затем вся операция по вывозу незадачливого главы Временного правительства за границу была поручена Локкарту. Он привез Керенского в Москву и поселил его на тайной квартире в Хлебном переулке. В Мурманск с Ярославского вокзала должен был отправиться эшелон с сербскими военнопленными. Вся трудность была в том, чтобы всунуть Керенского в эшелон... Английский консул Уэрброп проявил трусость: он отказался визировать фальшивый паспорт беглеца (на имя Лебедева). Лок-

карт выругался. Терялось золотое время! С отчаяния Локкарт пошел на риск: поставил в паспорт Керенского свою визу. Авось пронесет!

В сумерках вечера мимо Патриарших прудов прошла группа мужчин, притворяясь, что гуляет. На Садовой их ждал автомобиль. На перроне Ярославского вокзала к ним нетерпеливо кинулся сербский полковник Лондкевич: «Господа, ну где же вы? Скорей, скорей!» Из всей группы приехавших на вокзал в вагон, назначенный сербской миссии, вошел всего один человек.

Поезд тут же тронулся.

Через два дня из Мурманска на английском крейсере «Адмирал Об» Керенский навсегда покинул Россию.

За свои исторические заслуги он был оставлен жить и прожил еще долго, очень долго...

А в это время новый главковерх, прапорщик Крыленко, во главе огромного матросского эшелона продвигался по направлению к Могилеву. В настоящее время он добрался до штаба 5-й армии и, по слухам, вступил в секретные переговоры с немцами. После этого он всеми силами обрушится на Могилев. Матросы ждут не дождутся, когда им позволят дорваться до Быховской тюрьмы.

Последняя новость касалась уже судьбы истомившихся в бездействии узников. 2 ноября в Новочеркасск приехал генерал Алексеев. Он приступил к формированию новой русской армии из добровольцев. Юг империи, казачьи области,

должны стать оплотом национальной русской власти. 19 ноября в Быхов приехал начальник оперативного отдела Ставки полковник Кусонский. Он попросил у Корнилова конфиденциального разговора. Они ушли и заперлись. Полковник сообщил, что послан генералом Духониным. Через четыре часа прапорщик Крыленко с матросским эшелоном будет в Могилеве. Ставка решила не оказывать никакого сопротивления. Духонин предупреждает, что счет времени пошел на минуты. За оставшееся время арестованные генералы должны покинуть Быхов. Необходимые распоряжения он отдал.

– А сам он? – спросил Корнилов.

– Николай Николаевич решил остаться.

– Но это же смерть!

– Николай Николаевич решил исполнить свой долг до конца. Совету Духонина вняли и принялись собираться в дорогу.

Лукомский, переодевшись в штатское, стал походить на немецкого колониста. Дородный Деникин преобразился в польского помещика. Романовский из генерала превратился в прапорщика. Полковник Кусонский направлялся в Киев. Он пригласил с собой Деникина. Тот отказался в пользу товарищей. С полковником уехал Романовский.

Оставшись один, Лавр Георгиевич вышел в зимний сад. Стемнело рано, небо усыпали огромные яркие звезды. Корнилов запрокинул голову, закрыл глаза. Дон, Новочеркасск... Семья... Внезапно он резко обернулся и узнал зна-

комый силуэт Хаджиева. Верный текинец не отходил от своего «уллы-баяра» ни на шаг.

Корнилов указал молодому офицеру на небо:

– Хан, какие звезды! Как у нас в Туркестане... Вы не бывали на Мангышлаке? О, там настоящий звездопад! Такого нет нигде...

Во дворе слышалась деловитая суэта джигитов. Текинцы готовились к отъезду.

Ровно в полночь ворота Быховской тюрьмы растворились. Длинная колонна всадников резвой рысью проехала по притихшим улочкам, по мосту перебралась на другой берег Днепра и скрылась в ночном пространстве.

Несколько часов спустя на станцию Могилев ворвался матросский эшелон. Раздался леденящий душу разбойничий свист и дружный вопль: «Крути, Гаврила!» Здоровенные матросы сыпанули на перрон. Они с изумлением окружили генерала Духонина, приехавшего для встречи нового главковерха. Прапорщик Крыленко появился из вагона и с площадки обрушил на голову генерала поток отвратительных матросских ругательств. Он узнал, что Быховская тюрьма опустела. Генералы ушли от расправы... Матросы угрожающе загудели, надвинулись и вдруг словно сорвались с цепи: тело генерала Духонина, нелепо раскорячившись, было вскинута на штыки... Текинский полк в составе трех эскадронов был весьма заметной целью. Работал телеграф, новые власти приказывали остановить мятежников, разоружить, применить

без всяких колебаний силу... Спасались тем, что двигались по ночам и по глухим дорогам.

За шесть дней удалось пройти около двухсот верст. Последние сутки двигались без дневки и даже не расседывали лошадей. Сильно донимали морозы, и Шах-Кулы ворчал, что Аллах прогневался на них за какие-то грехи.

По ночам на лесных дорогах калечились лошади. А что текинец без коня?

Среди джигитов стало расти отчаяние.

На седьмой день пути остановились в деревне Песчанка. Там им свои услуги предложил проводник. Предстояло пересечь железную дорогу. Лавр Георгиевич намеревался рано утром выйти к станции Унеча. Там беглецов не ждали: вокруг были безлюдные места. Проводник повел полк по лесной дороге. Близился рассвет, передовые дозоры вышли на опушку. И вдруг проводник исчез, словно сквозь землю провалился. Дозорные доложили, что впереди по ходу не Унеча, а большая станция с ожидающимся бронепоездом. Проводник сделал черное дело: навел уставший полк прямо на орудия и пулеметы... Грянули залпы, шрапнель принялась косить текинцев. Под Корниловым упала лошадь. К нему подскакал Хаджиев. Эскадроны в панике уходили обратно в чужой и страшный лес.

К середине дня удалось собрать остатки эскадронов. Положение складывалось безвыходное. Лавр Георгиевич принял решение пробиваться на юг поодиночке. Одному легче

затеряться в происходившем кавардаке. Он роздал текинцам все оставшиеся деньги и попрощался. Джигиты не хотели бросать лошадей. Общая встреча была назначена в Новочеркасске.

В истрепанной солдатской одежонке, заросший дремучим окопным волосом, Корнилов влез в проходивший поезд. В его кармане лежал документ на имя Лариона Иванова, беженца из Румынии.

6 декабря он вышел из вагона на ростовском вокзале.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В революционном Петрограде Соединенные Штаты Америки не имели полномочного посла, как Великобритания и Франция, они были представлены в России лишь посланником. На этом посту находился совершенно бесцветный и непородистый г-н Фрэнсис, нисколько не похожий на своих блистательных коллег, представляющих союзников России.

Появление Фрэнсиса в Петрограде объяснялось близким завершением мировой бойни. Соединенные Штаты хорошо нажились на войне. Их банки ломались от европейского золота. Теперь, судя по всему, события в Европе приобретали совсем иной оборот. Достаточно присмотревшись к истекающим кровью противникам, американцы стали изменять своей испытанной политике изоляционизма. Отсиживаться за океаном становилось опасно – европейцы, замирившись, могли обойтись без США.

В таких долгих и кровопролитных войнах, как правило, выигрывает тот, кто сумеет влезть в нее самым последним. Он вступает с запасом неизрасходованных сил, в то время как остальные драчуны уже исчерпали все свои резервы.

Посланник Фрэнсис ходил на добродетельного пастора. Этот постного вида дипломат никогда не повышал голоса. Казалось, никакие эмоции не имели над ним власти. Он производил впечатление строгого воспитателя, учителя, настав-

ника и вел себя с поразительной выдержкой, как взрослый человек среди безудержно шалившей детворы.

В дни российской революции г-н Фрэнсис никогда не выдвигался на авансцену событий, добровольно уступая место таким зубрам дипломатии, как Бьюкенен и Палеолог. Он пропускал вперед себя посланников Италии, Японии, Голландии. Но выпадали дни, когда, словно фигура Каменного гостя, появлялась его сухопарая персона в черном и достаточно бывало всего нескольких его точных фраз, чтобы появлялся блеск в глазах растерянных дипломатов, возникали спасительные перспективы и дальнейшее развитие событий обретало четкость, твердость, убежденность.

За несколько месяцев нынешнего лета в Петрограде посланник Фрэнсис сделался весьма влиятельной фигурой. Джордж Бьюкенен, проводив своего многолетнего соратника Мориса Палеолога, с интересом наблюдал за усилиями американского посланника. Время помощи голодающей России, годы Хам-мера были еще впереди, однако нынешнее лето, особенно же осень показали, что Соединенные Штаты идут к своей цели мощно и неодолимо, как линкор или авианосец. Сэр Джордж прекрасно помнил, как начинался этот разгон (а начинался он весьма издалека), и теперь завистливо восхищался тем, с каким отточенным искусством молоденькая заокеанская держава готовилась единоличным образом воспользоваться богатейшими плодами завершившейся войны. Особенные дивиденды ожидали ее в странах, потерпевших

поражение. В частности, Россию, обескровленную, ослабевшую больше других, Америка уже сейчас столбила, как самую золотоносную заявку.

Этим летом наступил миг осуществления портсмутских угроз Якоба Шиффа. Еще в начале века американский банкир пригрозил российскому премьер-министру революцией. И вот Россия получила эту революцию...

Теперь для банкира настала пора огромных дивидендов, окупались все грандиозные расходы.

Находясь в Америке, за океаном, Якоб Шифф продолжал изобретательно пускать в корабль тонущей России торпеду за торпедой.

3 апреля в Петроград вернулся Ленин.

5 мая на русский берег высадился внушительный десант под руководством Троцкого.

Две недели спустя в Петрограде начал свою работу VII Всероссийский съезд сионистов. Это многолюдное и шумное собрание в самом центре величественной столицы выглядело съездом победителей. Наконец-то смята и растоптана «черта оседлости» в России, нет и не будет больше никакой «черты»!

Однако планы Шиффа простирались дальше и дальше...

В начале июля предпринимается попытка захвата власти. Эта дерзкая акция удивительным образом совпадает с Тарнопольским прорывом немецких полчищ на Юго-Западном фронте.

В августе – новое поразительное совпадение: мифический заговор Корнилова и вполне реальный съезд большевиков, шестой по счету. Результаты августа: вся верхушка русской армии взята под арест, а настоящие заговорщики берут курс на вооруженное восстание.

На большевистском съезде, чрезвычайно важном, судьбоносном для России, происходит необъяснимое на первый взгляд событие: в партию без всяких проволочек принимается сам Троцкий, а также все, кто с ним приехал из Америки. Это поразительно еще и потому, что всю свою жизнь Троцкий слыл озлобленнейшим антибольшевиком, ненавистником Ленина. И — вот! Из Савла – в Павла... Мало того, большевистский новобранец Троцкий, не пробыв и часа в партии, даже не получив членского билета, избирается в Центральный Комитет.

Примечательно, что ни Ленин, ни Троцкий участия в работе съезда не принимали.

Ленин проживал в Разливе (и чего-то ждал).

Троцкий сидел в «Крестах».

Внезапно – новое совпадение: едва Корнилова арестовали, ворота «Крестов» распахнулись, и Троцкий вышел на свободу.

Выйдя из тюрьмы, Троцкий пуще задрал клоч бороденки, а стеклышки его очков еще злее сверкнули... Перед ним расстилался красивейший город мира. 12 лет назад здесь он поторопился обнародовать так называемый «Финансовый ма-

нифест» – план векового закабаления этой богатейшей страны. Тогда для окончательного торжества ему не хватило всего лишь выстрела «Авроры». Арестованный и отданный под суд, он тем не менее держался дерзко, показывая всячески, что поражение его временное и случайное, что желанная победа совсем не за горами.

Опыт – вещь бесценная, поэтому по-настоящему смеется тот, кто побеждает...

Тюрьма выпустила Троцкого для окончательного достижения победы.

Поскольку время несло вкач и поджимало, он распорядился вызвать к нему человека, который в эти дни мучительно томился в стенах Зимнего дворца. Этим человеком был премьер-министр Керенский, тащивший вместе с этим еще должности военного министра и Верховного главнокомандующего русской армией.

И Керенский, изнемогавший и заждавшийся, обрадовался вызову и примчался со своими звончатыми шпорами и манерами местечкового Наполеона.

Таковы были суровые законы тогдашнего российского революционного «Зазеркалья».

Царский лимузин марки «делано-белвиль» (единственный экземпляр в стране) доставил Керенского в резиденцию американского посланника. В дороге Керенский прикидывал: кого он сейчас встретит?

Как правило, его обыкновенно поджидали знакомые лю-

ди. В противном же случае следовал ритуальный обряд представления: серия условных знаков – и мгновенно каждому из них устанавливалось его иерархическое место, его ступень в организации. А дальше все протекало по накатанному: старший выговаривал и наставлял, младший безропотно выслушивал и подчинялся.

Признаться, подчиненное положение доставляло Керенскому постоянные страдания. Тайные, но постоянные. На этот раз Керенского встретил напыщенный субъект с гривой спутанных волос, с клочковатой бородачкой и неистовым сверканием глаз сквозь стеклышки пенсне. Оба друг дружку знали, только не были знакомы. Керенскому было известно, что Троцкий, арестованный по путаному делу об июльском мятеже, содержится в «Крестах». «Выпустили? Когда?» – мелькнуло в голове. И лишь потом возникла правильная мысль: «А зачем? С какой целью?..» Керенского изумила эта встреча. Троцкого – нисколько.

Задирая голову и выставляя клок бородачки, Троцкий четко и последовательно проделал узнавательный обряд...

И тут Керенский внезапно повел себя так, что Троцкий изумился. Премьер-министр с облегчением свалился в кресло и вытянул ноги, царапая по полу шпорами. Он рухнул с ног, словно избавившись от надоевшей непосильной ноши. Он и в самом деле испытывал громаднейшее облегчение. Наконец-то появился человек, которому предписано заменить его во главе России. Боже милостивый, как же он

устал! Ну наконец-то! Теперь он спрячется за его спину и снимет с себя невыносимый груз ответственности. Пребывание на опаснейшем посту подошло к концу. Явился долгожданный разводящий... нет, заменяющий! С этой минуты он получал освобождение и становился независимым и вольным... вольным, как птица (ничего более подходящего в его голову попросту не пришло: было совсем не до изысканных сравнений).

Взглядом преданного человека он стал смотреть на всю пружинистую, уже немолодую, предрасположенную к полноте фигуру Троцкого. В глазах Керенского с отвисшими мешками светилась благодарность избавленного избавителю.

Троцкий, однако, с самых первых слов решительно пресек все его надежды на иждевенческое положение.

Прежде всего он так бешено уставился на развинченного посетителя, что Керенскому пришлось невольно подобрать разбросанные ноги в сапогах со шпорами и нехотя подняться. Затем он подравнялся, выпрямился, стал стоять ровнее и одернул на себе измятый френч.

Только после этого Троцкий наконец отверз свои надменные и гневные уста:

– Вы что это развинтились? Вы почему так запустили свои обязанности? Как это – какие? Как это... Да хотя бы эти ваши генералы! Где они? Почему ни один из них до сих пор не наказан по законам военного времени?

– Они арестованы... Они сидят под стражей... Они ждут

суда...

Мол-чать! «Под стражей...» Хорошенькая стража! Мне изве стно, под какой они находятся стражей... Молчите, я вам сказал! Как это вам вступило в голову доверить дело генералу Алексееву? Вы что – потеряли всякое соображение? Нашли кому! Так вам и станет Алексейев расстреливать заговорщиков! Так он вам и разлетелся!

– Промашка вышла, – потупился премьер-министр.

– Вы пр-родались! Бер-регитесь, Кер-ренский! Вы ответите перед р-революционной совестью народа!

Троцкий запрокидывал голову так, словно опасался, что упадет пенсне. Он взглядывал на помятого премьер-министра из-под нижнего краешка сверкавших стекол.

– А где этот ваш... ну, сочинитель? Не делайте мне таких дурацких глаз! Я имею в виду вашего Савинкова. Да, да, его! Где он? Куда он вдруг исчез? Куда вы его спрятали?

Сбивчивое объяснение насчет того, что управляющий канцелярией военного министерства скорей всего малодушно сбежал, привело Троцкого в ярость.

– Р-размазня! Мало того что вы прикрыли царских генералов, мало того... Да молчите же, я вам сказал!.. Так вы еще позвали казаков. Зачем вы их впустили в Петроград? С какою целью? Ну, отвечайте, не молчите. Вы что... как царь, рассчитываете на их плетки? Берегитесь, Керенский! Р-революция не щадит отступников. Вы это знаете... должны по крайней мере знать. И вы ответите... вы мне за все ответите!

Упоенный первенствующим положением в России, защищенный высотой главы правительства, Керенский совсем забыл о страшной каре, ожидающей в масонстве любого, который ошибся, пусть даже не нарочно, а всего лишь невзначай. Троцкий его отрезвил, вернул в действительность. И пока этот неистовый владыка, воинственно постукивая каблуками высоких до колен сапог, страшил его, Керенский вдруг представил тусклое утро на пустынном Голодае и собственный труп, обезображенный до неузнаваемости, или же пустынную зимнюю дачу в финских лесах и на крючке оконечившее тело с заломленными за спину локтями... «Этого же самого, видимо, испугался Савинков... Потому и поспешил убраться!»

Как все нервные и чрезмерно экзальтированные люди, Керенский легко поддавался панике. Страх жестокой и неминуемой расправы так сильно на него подействовал, что он стал плохо соображать, и все дальнейшее прошло перед его глазами как бы в банном пару. Нет, Троцкий своей свирепости нисколько не убавил. Он лишь вступал в права хозяина и властью наслаждался, как тот скрипач, когда у него появлялся Арон Симанович. И была минута, когда его, Керенского, будто поставили перед этим усталым грузным человеком с крупными властными морщинами на сильно изношенном лице... Потом вдруг увиделся смычок – и Керенский впал в настоящее обалдение, наповал сраженный серией сегодняшних открытий. Словно Саваоф из горнего облака, из своих

немыслимых высот, скрипач спустился на грешную Русскую землю. Керенскому, сильно согрешившему, но в то же время и с известными заслугами, дана была аудиенция, и Саваоф, уже хозяйничая в покоренном мире, пообещал обмиравшему премьер-министру милостивое избавление от всяческих расправ.

Короче, Керенский был по-библейски взвешен и найден заслуживающим не только спасения, но и награды. Все-таки свой трудный «танец среди мечей» он исполнил удовлетворительно.

И бывший адвокат, сумевший протащить на своих рыхлых плечах невыносимый груз главы правительства, а под конец еще и главного военачальника, был милостиво оставлен жить – долго, безмятежно, обеспеченно...

Скрипач – это и есть один из «братьев» со специфической фамилией Фабрикант Владимир Осипович... Был и другой «брат» – Александр Осипович, исполнявший роль связного между масонскими организациями, которыми, как известно, Петербург (Петроград) был наводнен в последние пятнадцать лет перед крушением самодержавия.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Генерал Каледин, отвечая на запросы своих товарищей из Быхова о настроении казачества, недаром избегал уверенных ответов. Он видел: казаки устали от войны. К тому же близилась бурная южная весна, и руки природных хлеборобов тянулись к плугу, а не к шашке. Тем более что нашлись теоретики, доказавшие как дважды два: у казаков своя судьба и смешиваться им с мужичьем, с иногородними абсолютно не с руки. Отсюда родилась идея о самостоятельности. Казачество надеялось, что взбаламученной России, разоренной и начинавшей голодать, не до жиру, а быть бы только живу. Зачем ей лезть на Дон и Кубань? Своих забот по горло.

Так русские отлагались от русских, больше всего досадуя на то, что разговаривать приходится на одном родном языке. Торжествовал хуторской кулацкий принцип: я вас не трогаю, и вы меня не трогайте! Давайте жить каждый своей отдельной жизнью!

Лавр Георгиевич застал в Новочеркасске Деникина, Лукомско-го, Маркова, Романовского. Генерал Эрдели появился и уехал к себе на Терек. Помимо всего приближались выборы в Учредительное собрание. Большевики надеялись победить и тем самым узаконить свое пребывание у власти.

Свою семью он нашел в добром здравье. Ее приютил войсковой старшина Дудоров. В Новочеркасск пробралась

Наталья с мужем и теперь жила вместе с матерью. В доме сразу стало тесно. На ночь в столовой горнице раскладывали постели. Лавр Георгиевич стал подумывать отправить Таисию Владимировну с Юриком в Москву. Он видел: на Дону спокойной жизни не будет. Большевистская власть все яростней посматривала на «южную Вандею». Там ей виделась главная опасность. На требования Ленина и Троцкого выдать мятежных царских генералов казачья старшина пока спесиво заявляла: «С Дону выдачи нет!»

Надолго ли хватит их надменного казачьего духу? Первая встреча с генералом Алексеевым прошла натужно. Над обоими довлел груз недалекого прошлого. Лавр Георгиевич смирял себя памятью о том, что именно Алексеев спас их всех от скорого и бессудного расстрела. Сейчас спасенные генералы собрались здесь, на Дону, для борьбы с переворотчиками, с захватчиками-ми... Это – помнилось. Но что делать с остальными гранями крепкой стариковской памяти? Много, слишком много никак не забывалось!

Неприязнь в отношении обоих генералов, недавних Верховных главнокомандующих, умело добавляли деятели местной «политической кухни» – такая уже образовалась и работала самозабвенно. Алексеева обидно уязвляли тем, что Корнилов не смирится со второю ролью. Тем более что в Новочеркасск вскоре прибыл эшелон Корниловского полка во главе с Нежинцевым и пробились остатки Текинского полка. К алексеевцам, преданным своему заслуженному генералу,

тоже прибавлялись люди. А с «кухни» не переставали подавать блюда чрезвычайно острые. Корнилов выставлялся диктатором, не признающим никакого соперничества. Однажды ему сообщили, что группа алексеевцев готовит на него покушение. Этого еще не хватало! Лавр Георгиевич собрал офицеров и, морщась словно от боли, сказал:

– Господа, дело не в Корнилове... Я всем верю и прошу продолжать вашу службу!

Запоздалое сожаление не выходило у Корнилова из головы. Не на Дон надо было пробираться, а в Сибирь! Там, на ее просторах, больше возможностей для выбора, для маневра. Казачество, и донское, и кубанское, устойчиво больны сепаратизмом. Москвы, далекой, но самодержавной, властной, они боятся по традиции. «Гуляй, казак, пока Москва не узнала. Узнает – плохо будет!» Казачьи власти, не во всем поддерживая атамана Каледина, надеялись ублажить Москву своим смирением, миролюбием. Нас не трогай, и мы не тронем! Отсюда их ненависть к приехавшим с севера, из России, «кадетам и буржуям». Из-за них и нам достанется!

Лавр Георгиевич надеялся на офицеров-добровольцев. Однако Украина придирчиво фильтровала всех едущих с севера. Пробираться удавалось немногим. В Новочеркасске в иные дни записывалось всего по два человека. Сильным подспорьем явился Корниловский полк Нежинцева и полк Дроздовского, своим ходом добравшийся до Дона с Румынского фронта.

Нежинцев подробно рассказал о мытарствах своих корниловцев. Полк из-под Могилева попал в Киев. Поразив местные власти своей старорежимной дисциплинированностью, он пришелся ко двору. В него влились юнкера трех киевских военных училищ: Константиновского, Алексеевского и Сергеевского. За Нежинцевым принялся ухаживать сам Петлюра. Он предлагал добровольцам никуда не уезжать и, не меняя даже знамени, взять на себя охрану Киева. Нежинцев хитрил и всеми способами добивался пропуска на юг: он уверял, что полк намерен усилить войска Кавказского фронта. Петлюре он не верил. Лукавый хохол вел подозрительную дружбу с Пятаковым, лидером большевиков. Нежинцев догадывался, что «собака зарыта» неглубоко: все дело в немецких деньгах на разгром России. Петлюра и Пятаков служили одному хозяину. Правда, хозяин до поры до времени предпочитал не высовываться...

В трудном пути до Новочеркаска Корниловский полк не потерял ни одного человека и прибыл в полном составе: 500 штыков и 50 офицеров.

В этот вечер, вернувшись домой, Лавр Георгиевич застал в семье настоящий праздник: приехал Хаджиев, оборванный, худой, неузнаваемый. Лишь по-прежнему вспыхивала его ослепительная белоснежная улыбка. Корнилов не удержался и растроганно простер руки:

– Хан, голубчик, а я, признаться, уж и панихиду отслужил... Таисия Владимировна всплакнула. Маленький Юрик

не слезал с коленей гостя.

– Папа, папа, хан не умер. Он снова будет с нами жить! Текинцы пробивались трудно. Полк понес тяжелые потери. В Новочеркасск с Хаджиевым добралось всего 40 всадников.

Сегодня Хаджиев виделся с Нежинцевым, встретились случайно. Тот зазывал его в свой полк.

Корнилов распорядился:

– Хан, вы останетесь со мной!

Молодой офицер весь вечер рассказывал о мытарствах своего погибшего полка. Отважные текинцы сложили головы на морозных полях России. Погибая сама, Россия погубила и своих самых преданных защитников. Хаджиев изумлялся чудовищному равнодушию русских людей к потокам крови. В этом было что-то баранье. Пастух, выбрав овцу, принимается свежевать ее среди отары, а в это время остальные овцы спокойно щиплют травку и безмятежно сыплют «орешки».

– Буюр-ага, волк никогда не сунется в конский косяк. Но еще ни одно баранье стадо не затоптало волка!

Как всегда, Хаджиев больше чувствовал, чем мог выразить словами.

Он сообщил, что несколько текинцев решили уезжать домой, в Ахал. Лавр Георгиевич пообещал приехать попрощаться и, достав бумажник, попросил передать уезжавшим по 25 рублей на человека. Больше, к сожалению, денег не было. Как с горечью сообщил ему генерал Алексеев, всех по-

жертвований на спасение России набралось 400 рублей!

Тихий Дон в мыслях Корнилова являлся последним прибежищем патриотов, их последней надеждой. Сюда стремились уцелевшие остатки русского офицерского корпуса. Область Всевеликого войска Донского представлялась ему оплотом решительного сопротивления развалу России. Триста лет назад Русь спасло нижегородское народное ополчение, очистившее от поляков Московский Кремль. Теперь спасение придет с Дона, и принесет его славное российское казачество.

Надежды и упования оказались тщетными. Лавр Георгиевич понял это из первого же разговора с генералом Алексеевым. Старик жил в Новочеркасске уже больше месяца и находился в подавленном состоянии.

Громадная Россия, страдающая от анархии и безвластия, сказал Алексеев, страшила Дон. Казацкие старшины лелеяли мысль зажить отдельно от России, изолированно, своей небольшой республикой, похожей на Запорожскую Сечь. Будь это возможно, они бы сменили и язык. К их сожалению, казачество никакого другого языка, кроме русского, никогда не знало.

Стремление отгородиться от России сказывалось уже в том, что в формуле воинской присяги, недавно принятой Верховным кругом казачьих войск в Екатеринодаре, было изъято даже само упоминание о России. Казачество все более смотрело на себя как на особенную нацию.

– Но за себя-то они сражаться намерены? – спросил Корнилов.

– Сомневаюсь. Они считают, что кадеты и буржуи стараются поссорить их с Москвой.

Корнилов спросил о настроении Каледина.

– У него положение труднейшее, – ответил Алексеев.

Свое обещание «дать приют русскому офицерству» атаман выполняет. Но на него наседают со всех сторон. Беженцы из России выглядят на Дону как опасные квартиранты. Ссориться из-за них с громадным северным соседом никому не хочется. Каледин уже намекал, что офицерству гораздо безопаснее было бы перебраться в Ставрополь или даже в Камышин.

– Хуторяне... – язвительно проговорил Корнилов. – Моя хата с краю!

– Не отсидаются, – сказал Алексеев. – Иногородние хотят делить не только помещичью землю, но и казачью. А тут еще подваливают эшелоны с солдатами. Кавказский фронт распался. Новороссийск и Тихорецкая забиты фронтовиками. Так что боль шевики не только с севера...

Недавно генерал Лукомский ездил во Владикавказ, а Деникин и Марков – на Кубань. Там положение еще хуже. С падением центральной власти в Петрограде произошел распад державы на небольшие озлобленные куски. В Дагестане все заметнее влияние Турции. В Чечне образовалось примерно 60 партий, в каждой свой отдельный вождь, и все остервене-

ло режутся друг с дружкой. Ингуши вообще грабят всех, кто ни попадись. Недавно они заключили союз с чеченцами: выживают, а то и просто вырезают казачьи станицы. Слабенькая надежда на осетин: они считают своими недругами как ингушей, так и большевиков... Словом, самый настоящий винегрет!

По дороге с вокзала Лавр Георгиевич обратил внимание на строгий вид офицерских патрулей.

– Наши добровольцы, – отозвался Алексеев. – Без патрулей в городе опасно.

Он рассказал, что в окрестностях Ростова бесчинствует отряд сотника Грекова, по кличке Белый Дьявол. А недавно приезжал из Екатеринодара какой-то Давлет-Гирей. Он обещал «поднять весь черкесский народ». Но требовал 750 тысяч рублей деньгами и 9 тысяч винтовок.

– У нас, как сами понимаете, Лавр Георгиевич, ни денег, ни винтовок.

Алексеев вздохнул. В ноябре добровольческие формирования удавалось обеспечивать лишь пайком.

Положение значительно ухудшится к весне. Генерал Алексеев ждал большевистского наступления. Большевиков нетерпеливо ждут рабочие Ростова и Таганрога, ждут иногородние.

– Что тогда начнется – можно лишь гадать. Но уже сейчас в Темерник, на рабочую окраину Ростова, лучше не показываться: убьют.

– Вулкан, – проговорил Корнилов.

– Примерно...

– Что сделалось с казаками? – сердился Корнилов. – Их же просто не узнать. Какие-то, прости меня Господи, совсем нерусские! Им же не отсидеться. Неужели они этого не понимают?

– Понимают, но, к сожалению, не все.

Алексеев рассказал об отрядах есаула Чернецова, полковника Семилетова. Эти постоянно держат шашки наголо! А недавно небольшой отряд капитана Покровского под станцией Эйнем изрядно потрепал большевиков, отважившихся сунуться от Тихорецкой.

– Покровский? – оживился Корнилов. – Знаю. Летчик. Отличный офицер. Побольше бы таких!

Он спросил об артиллерии. Алексеев усмехнулся:

– И смех, и грех, Лавр Георгиевич. Формируем, разумеется, но – как? Где крадем, где покупаем. Честное слово! Два орудия, например, украли из 39-й дивизии. Приехали к эшелону на Торговую, дождались ночи и увели прямо с платформы. Два орудия выпросили для почестей на похоронах. Само собой, не отдавать же назад! Нам-то они нужнее... А два купили. Полковник Тимановский раздобылся самогоном, поехал в батарею и спойл прислугу.

– Артиллеристы есть?

Артиллеристы замечательные! Орудий мало. И совершенно нет снарядов. Это беда. Корнилов спросил насчет добро-

вольцев. Алексеев поморщился. С большим трудом проби-
ваются на Дон офицеры из России. Их сводят в офицер-
ские батальоны. Большой избыток опытных, закаленных ко-
мандиров. Порой командовать взводами приходится ставить
генералов... Замечателен порыв русской молодежи. В бата-
льон генерала Боровского записывается в основном «сплош-
ная детвора»: гимназисты, учащиеся местного коммерческо-
го училища. Им выданы винтовки, немного патронов, сей-
час они несут патрульную службу на городских улицах. Мо-
лоденькие добровольцы горячо возмущаются кутежами ка-
зачьих офицеров в переполненных ресторанах. Россия гиб-
нет, а они салютуют пробками шампанского!

Особенного градуса кабацкий разгул достиг при появле-
нии в Ростове накокаиненных, увешанных оружием матро-
сов. Они занимали рестораны с вечера, швыряли деньги, не
считая, и не позволяли закрыть заведение хотя бы на час.
Бесчинства матросни вызывали в городе разнообразные тол-
ки. Несколько гуляк подобрали на улицах и доставили в
контрразведку. Протрезвевшие матросы, испугавшись, чи-
стосердечно рассказали об источниках своего непостижимо-
го богатства. Команды двух миноносцев освоили древней-
ший пиратский промысел: с Кавказского побережья они ре-
гулярно доставляли в Крым, в Феодосию, армянок и турча-
нок и продавали их там по бешеным ценам. Матросы уверя-
ли, что от покупателей не было отбоя...

Невыносимо было наблюдать эти бесчинства и сознавать,

что великие задачи по спасению России ложатся на плечи наивных гимназистов!

Генерал Алексеев предупредил, что надо быть готовыми выступить. Их, добровольцев, терпят на Дону до той поры, пока с севера не надвинулись большевики. А потом могут даже выдать.

В эти смутные дни бешеную деятельность развил Нежинцев. Человек энергичный, он установил связь с казачьими частями, не разделявшими настроений местного начальства. С есаулом Чернецовым они были однолетки. Казак из Белой Калитвы, Чернецов презрительно отзывался об атаманском окружении. Лежат на печках, снохачи проклятые, и надеются, что Москва их пожалует. Хватятся, да только поздно будет! Есаул собрал вокруг себя боевой отряд: две с половиной сотни на конях и с оружием. Нравы в отряде были вольные. Недавно Чернецов с налету занял станцию Дебальцево.

А большевики вдруг затрубили о новой демократической волне: они решились на проведение всенародных выборов в Учредительное собрание. Сбывались многолетние мечтания сокрушителей ненавистного самодержавия: русский народ явится к избирательным урнам и продемонстрирует свой выбор, свою волю. Выборы большевики проиграли, однако открытия Учредительного собрания откладывать не стали. Избранные депутаты съехались в Петроград сразу же после Нового года. Всеми владело радостное настроение. Россия вступала в новую эпоху. Теперь законодателем становился

сам народ, сбросивший иго царизма.

Первый день работы собрания – 5 января – закончился скандалом. Большевистская фракция покинула зал и отправилась в Смольный. Их проводили улюлюканьем. По рукам ходил номер газеты «Серая шинель» с карикатурой на Ленина. Поздно ночью, после полуночи, к председательствующему Чернову подошел начальник караула матрос Железняков и произнес свои исторические слова об усталости караула.

Покинув Таврический дворец, делегаты собрались у себя в общежитии на Болотной улице (здание бывшего лазарета). В ожидании того, что большевики отключат электричество, многие запаслись свечами. Двери забаррикадировали. Внезапно выяснилось, что лучше всех к осаде приготовились армяне. У них оказалось даже два пулемета... На рассвете принесли целую гору бутербродов и стали готовить чай.

Утром 6 января Таврический дворец оказался заперт. На подъезде дежурили вооруженные матросы. Делегатов не пропустили в зал. Заседание Учредительного собрания было сорвано.

Ближе к полдню в центр потянулись манифестации рабочих. Столичные заводы протестовали против самодержавия большевиков. Организаторы демонстрации надеялись, что отряды пролетариата образуют узурпаторов. Разве не трубили сами большевики, что именно они являются проводниками пролетарской диктатуры!

В центр Петрограда рабочих не пропустили. Раздался гро-

хот пулеметов. Упали первые убитые. Рабочие бросились врассыпную. Раненых на мостовой добивали выстрелами в голову.

13 лет спустя после «кровавого воскресенья» 9 января повторилась картина безжалостной расправы с недовольными.

Тогда пролившуюся кровь народа списали на царя.

Теперь виновником кровопролития оказался пролетариат. Таким образом большевики расстреляли собственную «икону».

В тот пасмурный январский день исчезли последние надежды на мирное завершение русской революции. Россия вступала в эпоху великого взаимоистребления – в гражданскую войну.

В Новочеркасске внезапно объявился Савинков.

Человек опытный, он мгновенно разобрался в разнообразных ароматах местной политической кухни. Единственной реальной силой, как и прежде, являлись собравшиеся генералы. Остальные – так, мелочевка... И бывший террорист приложил все силы, чтобы проникнуть в кабинеты генералов, заставить их хотя бы выслушать себя. От него не скрывали, что быховские узники могут простить ему активного участия в борьбе с выдуманным «корниловским мятежом». Савинков не уставал доказывать, что самолюбивые генералы идут по неверному пути, что «отмежевание от демократии составляет крупную политическую ошибку». Он обещал обеспечить мощный поток добровольцев из России.

Там очень многие только ждут его приказа... В конце концов военные посоветовались и решили не наживать себе еще одного врага.

Время не щадило бывшего боевика, бомбиста и революционера. Опустошенный и отчаявшийся, он все больше скатывался к грубому провинциальному лицедейству.

Перед генералом Алексеевым он стал в позу и напыщенно заявил:

– Если русский генерал не исполняет своего долга, то этот долг за него исполню я, сугубо штатский человек!

А в кабинете Корнилова, едва переступив порог, он вдруг четко опустился на колени и простер руки:

– Генерал, я взываю к вашему великодушию! Лавр Георгиевич выскочил из-за стола:

– Бросьте, бросьте, бросьте же! Фу, как противно! Вставайте... встаньте!

Вечером, узнав от мужа о поведении Савинкова, Таисия Владимировна расстроено проговорила:

– Сначала делают всякие гадости, а после этого становятся на колени!

Нежинцев признался, что ему приходится удерживать своих офицеров: у них чешутся руки учинить расправу над этим бессовестным ловкачом.

– Лавр Георгиевич, он подъехал и ко мне. Его сильно интересует дружба Петлюры и Пятакова. Он даже спросил: «А Петлюра – не скрытый большевик?»

– Никак не остановится на выборе!

– Противный тип. Торгаш. Мелкий грызун. Гнида!

После Нового года Савинков так же внезапно, как и появился, вдруг исчез из Новочеркасска. Ни одного своего обещания он так и не выполнил.

Весть о расстреле рабочей манифестации в Петрограде пришла на Дон одновременно с распоряжением Совета Народных Комиссаров (так стал называться большевистский Кабинет Министров) о назначении Антонова-Овсеенко главкомом южного направления. К тому времени немцы полностью признали суверенитет Украинской республики, ввели туда свои войска и открыли путь на Дон большевикам. В скором времени в окрестностях Таганрога появились отряды Красной Армии под командованием Сиверса. Недавний редактор «Окопной правды» во всеуслышание объявил, что казачество, как вредное сословие, должно быть поголовно уничтожено, стерто с лица Российской земли. В расправе с казаками Сивере видел свое главное призвание.

Незадолго до большевистского наступления генерал Алексеев принял хмурого офицера, пробравшегося из Москвы. Он назвал себя посланцем генерала Брусилова. До смерти уставший офицер просил инструкций для Брусилова. По его словам, генерал Брусилов готов отдать все свои силы Белому движению и просил рассматривать его как представителя Добровольческой армии в Москве... Алексеев сразу же заподозрил неладное. Он знал, что именно Брусилов гро-

зил расстрелом каждому, кто будет уличен в сообщениях с Доном. И – вдруг?! Он заподозрил провокацию и не ошибся. Вскоре Эфраим Склянский, заместитель Троцкого и новый покровитель Брусилова, провозгласил, что атаман Каледин объявил войну России и будто бы собрал для этого 50 тысяч штыков и сабель – целую армию. Прием Склянского испытанный: с больной головы на здоровую. Дескать, нападаем не мы, а на нас. Мы же всего лишь защищаемся! В данном случае – от кровавого царского генерала Каледина с его такими же кровавыми сподвижниками... Генерал Брусилов, прося себе инструкций, надеялся сделать утверждение Склянского, так сказать, документально подтвержденным: вот, пожалуйста, получены свежие указания с Дона!

Старый генерал, член свиты его величества, скатился до уровня полицейского провокатора!

Угроза военных действий отодвинула суетных политиков в сторону. Время болтовни кончилось. На авансцену выходили люди с оружием – отряды, полки, дивизии.

22 января большевистский главковерх Крыленко провел заседание военного совета Республики.

Новая власть существовала уже два месяца. Расстреляв две недели назад питерский пролетариат, она продемонстрировала, что не намерена считаться даже с рабочим классом. Она клялась интересами пролетариата до той поры, пока это было выгодно. Обильная кровь на столичной мостовой подвела жирную черту

Позднее стало известно, что с Брусиловым установил связь Локкарт, носившийся с идеей сделать именитого демократического генерала вождем Белой гвардии. Локкарт уговаривал Брусилова отправиться в Самару и оттуда, «с берегов матушки-Волги», бросить клич уцелевшим офицерам.

Любопытно, что вся деятельность Локкарта проходила под пристальным вниманием ВЧК. Арестованный, английский разведчик был доставлен к Дзержинскому и после обстоятельного разговора освобожден.

Нелишне также знать, что сын генерала Брусилова, недавний гвардейский офицер, поступил на службу к Троцкому и стал командовать полком. В бою под Орлом он попал в плен к мамонтовцам и был расстрелян... Словно в отместку за смерть сына генерал Брусилов подписал большевистское «Воззвание» к офицерам Врангеля, призывая их сложить оружие. Как известно, офицеры, поверив заверениям Брусилова, стали жертвами массовых расстрелов, проводимых Пятаковым, Бела Куном и Землячкой под этим гешефтом. День за днем выяснялось, что отныне все ее надежды не на классы, а на тех, кто ни в каком из классов не состоит, на деклассированных элементов, на опустившихся на самое дно общества, на подонков. Однако их следовало не только вооружить, но и научить трудному искусству воевать. Прежде новобранцев заставляли протыкать штыком соломенные чучела. Теперь же вместо чучел им приготовили живых людей. Для этой цели и был придуман «заговор Каледина». Для это-

го их и повезли на Дон.

Но ведь существовал еще и настоящий враг! На шее молодой республики висела затянувшаяся война с Германией. Она досталась в наследство от прежнего режима... Как тут поступить?

Об этом в основном и рассуждали на совещании военного совета Республики.

Ленин ломился в открытую: следовало заключать мир на любых условиях, и немедленно. Красная Армия еще только формировалась и совершенно не умела воевать... Троцкий, загадочно поблескивая стеклышками пенсне, гнул свое. Он предлагал старую армию распустить, но мира с немцами не подписывать ни в коем разе. Но они же ринутся в наступление... Кто их остановит? А никто! Пускай наступают, пускай завоевывают, пускай делают с нами все, что только захотят, – все равно они окажутся перед судом мирового пролетариата!

Прапорщик Крыленко, смутьян и дезертир, слушал всю эту ахинею и обмирал. Но он уже не смел противоречить. Когда началось голосование, он поднял свою руку не за Ленина, а за Троцкого.

В тот же день, вечером, он сочинил свой приказ № 291: «Какое нам дело, будет или не будет урезана Россия? И какое, наконец, нам дело, будет или не будет существовать сама Россия в том виде, как это доступно пониманию буржуев? Наплевать нам на территорию! Это – плоскость мышления буржуазии, которая раз и навсегда и безвозвратно долж-

на погибнуть... Старую армию расформировать до последнего человека, чтобы от этой крестьянской рухляди не осталось и следов, чтобы сама идея старой армии была растоптана и раздавлена. Новая, социалистическая армия не должна вести войну на внешнем фронте против неприятельской армии... она будет стоять на страже советской власти, как основа ее существования, и вместе с тем главнейшая задача армии будет заключаться еще в том, чтобы раздавить нашу буржуазию».

Немцы немедленно воспользовались этой любезностью советской власти. Начав наступление, они не стали занимать ни Петрограда, ни Москвы, но оккупировали Украину и стали присматриваться к казачьим областям. Вместо огромных и голодных городов они предпочли знаменитые украинские черноземы, уголь и РУДУ, зерно и сало. Но жест благодарности они все же сделали: принялись формировать отряды из военнопленных австрийцев и мадьяр. В окопы, на серьезную войну, этот разнопленный сброд не годился, но в карательных акциях был незаменим. Едва разбирая русскую речь, они с упоением закалывали и расстреливали, грабили и жгли.

По железным дорогам Украины на юг, к Дону, потянулись эшелоны «интернационалистов»: немцев, латышей, мадьяр, китайцев, калмыков, татар. Картавая речь комиссаров воодушевляла их на разжигание пожара мировой революции. Для этого следовало позабыть о человеческом сострадании. На-

стоящий интернационалист обязан иметь стальное сердце.

Лавр Георгиевич каждый вечер, запираясь в своей комнате, клал на столик возле лампы заряженный пистолет. Положение добровольцев ухудшалось. Корнилов физически ощущал всю тяжесть исторической ответственности за судьбы людей, поверивших в его таланты, в его звезду. Они сделали его имя своим знаменем. Для них он стал Вождем, который не только спасет их от гибели, но и переменит всю обстановку в несчастной России.

Свет в его комнате горел до самого рассвета. Он понимал свою обреченность. Большевики подступали от Харькова, от Царицына и от Новороссийска. Грозил полное окружение.

Видимо, в ближайшие дни придется оставить Новочеркасск и отойти в Ростов...

Днем он окончательно рассорился с генералом Лукомским. Во все времена штабы славились своей способностью к саморазмножению. Но в настоящее время каждый офицер был на счету. Лавр Георгиевич не удержался и сделал выговор Лукомскому: он не допустит, чтобы в штабах народу оказалось больше, чем в строю! Своенравный Лукомский обиделся. Пришлось заменить его генералом Романовским.

Поздно вечером дочь Наталья изловила Хаджиева и стала упрашивать:

– Уговорите папу прийти хоть чаю попить. Скажите: я испек ла его любимые пирожки!

Лавр Георгиевич пришел из штаба поздно. Он объявил

семье, что завтра на север уходит последний поезд из Ростова. Всякое сообщение Дона со столицами прекращается. За ночь следует собраться. Хаджиев их проводит на вокзал.

Ужин вышел невеселым, похоронным. Притих даже маленький Юрик. Лавр Георгиевич попробовал его расшевелить:

– А ну-ка, калмык, давай бороться!

Ребенок грустно улыбнулся и принялся трогать пальчиком Георгиевский крест на отцовском мундире. Весь остаток ночи ушел на сборы.

– Что, совсем плохо? – спросила Таисия Владимировна. – Все-таки большевики придут?

– Обязательно.

– Ну, мы уедем... А ты... а вы куда?

– Уйдем, здесь не останемся. Да и не позволят.

– Но куда, куда?

– Сам еще не знаю!

Отправив семью, Корнилов свалил с плеч заботу о близких людях. Теперь ему осталось исполнить свой воинский долг признанного вождя русской Добровольческой армии.

Немецкие войска затопили просторы самостийной Украины. Русские армии оказались в положении нежелательных иностранцев на чужой земле. Никакого сопротивления они оказывать не смели. Немцы захватили штабы четырех армий, пяти корпусов и 17 дивизий. В их руки попало огромное имущество: 800 тысяч винтовок, 10 тысяч пулеметов,

более 4 тысяч орудий, 152 самолета, более 1000 автомобилей, более 2 тысяч паровозов и 30 тысяч вагонов.

Состав Добровольческой армии был невообразимо пестрым. Основу составляли два полка – Корниловский и Георгиевский и три офицерских батальона. Уже здесь, на Дону, были сформированы Ростовский добровольческий полк и юнкерский батальон. Имелись два кавалерийских дивизиона и две артиллерийских батареи. В последние дни прибавились морская и инженерная роты, какой-то «Дивизион смерти» и несколько партизанских отрядов. Всего – не более четырех тысяч человек.

Заменив Лукомского генералом Романовским, Лавр Георгиевич мысленно («на всякий случай») назначил своим преемником Деникина. У них обоих были на редкость сходные судьбы. Отец Деникина – из крепостных, за 22 года службы достиг фельдфебельского чина и с трудом сдал экзамен на прапорщика. Этим он открыл дорогу своему сыну... Они вместе участвовали в Мукденском сражении... Командовал Деникин и 8-й армией на Юго-Западном фронте... За бои в Галиции получил Георгиевское почетное оружие. Его пехотная дивизия вместе с калединской кавалерийской осуществили знаменитый Луцкий прорыв... Деникин, как и Корнилов, пописывал очерки и под псевдонимом «И. Ночин» печатался в журнале «Разведчик».

Деникин в свои 45 лет слыл в армии убежденным холостяком. Но уже здесь, в Новочеркасске, Лавр Георгиевич узнал

о тайной страсти пожилого генерала. (Брякнул ему об этом мимоходом пошляк Савинков, скабрёзно заметив, что у сурового Деникина «завелась» прелестная обже.) Речь шла о дочери старого товарища Деникина, генерала Чижа. Они когда-то вместе начинали службу во 2-й артиллерийской бригаде. Ксении было уже 26 лет. Только год спустя, в декабре будущего года, они станут под венец здесь же, в Новочеркасске, избрав для венчания небольшую скромную церквушку...

Передовые позиции добровольцев были вынесены далеко в степь, под Матвеев Курган. Там в заснеженных окопах сидел со своим офицерским батальоном полковник Кутепов, бывший командир Преображенского полка. Он дважды разбивал отряды Си-верса. «Интернационалисты», плотоядно рассуждавшие о том, «сколько сволочей они повесят», прямого боя избегали и пускались наутек. Офицеры, за плечами которых были годы службы и войны, стояли в полевом бою каждый целого взвода.

Первые поражения озлобили карателей. Победного марша не получалось. Отступив в бою, они вымещали свою «классовую ненависть» на мирных жителях. Комиссары поощряли их кровожадность, разглагольствуя о пламени мирового пожара. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!»

Разбой над «кадетами и буржуями» становился прибыльным промыслом. Отряд шахтеров из Макеевки удачно съез-

дил в Киев. Каратели привезли несколько эшелонов всяческого добра. Наплыв в Красную Армию стал такой, что администрация угольных шахт испугалась: а кто останется работать? Разбитый Сивере хорошо пополнился в рабочей Горловке. Богатства Таганрога, Ростова и Новочеркаска привлекали тысячи охотников.

Добровольцы знали о лютой ненависти карателей. Живым в плен никто не сдавался. Но были раненые, больные. У добровольцев оставались родители, семьи... На глазах полковника Кутепо-ва поседели двое молоденьких офицеров. Их отца, начальника станции Матвеев Курган, каратели изуродовали до неузнаваемости. Старый отец заплатил страшными муками за патриотизм своих сыновей.

В последних числах января Сивере получил подкрепление: из Харькова прибыл свеженький Интернациональный полк. На помощь Кутепову в морозную степь отправили морскую роту. Сырой ветер с Азовского моря делал невыносимым даже слабенький мороз. Добровольцы жгли костры.

Внезапно казаки Гниловской станицы бросили окопы и разошлись по домам. «Пускай себе кадеты сами воюют! С нас хватит...» Сивере немедленно воспользовался счастливой возможностью. Кутеповцы услышали выстрелы с тыла. Пришлось не только отступать, но и пробиваться из неожиданного окружения. В бою погибла вся морская рота. «Лучше умереть!» – решили офицеры. Каждый из них последний патрон в нагане приберег для себя.

Устрашая упорных кутеповцев, Сивере из Батайска пустил по рельсам одинокую теплушку с сорванными дверями. В теплушке валялось восемь изуродованных трупов. Узнали их только поформенным морским кителям. «И с вами будет то же самое!» – грозили неумолимые каратели.

А из Петрограда летели приказы главковерха Крыленко: «Всех офицеров, взятых с оружием в руках, немедленно на месте предавать революционному суду и действовать по отношению к ним без пощады, а в случае сопротивления расстреливать без суда».

В станице Каменской иногородние и казаки-фронтовики образовали Военно-революционный комитет. Его возглавил вахмистр Подтелков. Силу комитета составляли три полнокровных казачьих полка, вернувшиеся недавно с фронта. В быстром бою Подтелков разбил отряд есаула Чернецова. Сам Чернецов, получивший в бою рану, попал в плен. Подтелков зарубил его прямо в поле, не позволив довести до штаба.

Из последних сил держался Таганрог. Обороняли его молоденькие юнкера, отважные, но неопытные. Неожиданно на них ударили с тыла восставшие рабочие. Город пал. Начались кровавые расправы с пленными. 50 юнкеров, связав им руки, бросили в доменную печь. Десятки юношей, раздев догола, расстреливали и рубили в окраинном овраге. Через несколько суток бродячие собаки притащили в город человеческие головы. Обыватели испуганно шептались: «Ну... не зазря же! Видать, за дело».

После гибели Чернецова Новочеркасск пришлось оставить. Штаб Добровольческой армии перебрался в Ростов. Лавр Георгиевич поместился в парамоновском доме. Ростов был ненадежным местом. Здесь, как и в Таганроге, угрожало рабочее восстание... Для отпора надвигающемуся со всех сторон противнику не хватало маневренности, подвижности. У добровольцев совершенно отсутствовала кавалерия. В двух сколоченных дивизионах едва набиралось 50 сабель. И это в казачьем краю!

А ночной Ростов веселился напропалую. Казачье офицерство стреляло пробками в потолок и самозабвенно голосило свои протяжные степные песни. На что они надеялись? На милость победителей? Что остервенелые каратели забудут и простят им казачьи нагайки при разгонах демонстраций? О человеческая слепота!

Семь веков назад хищные монголы также пришли свирепыми завоевателями. Но они заботились не столько о добыче, сколько о постоянной дани с побежденных. Теперь завоевателей заботило совсем другое. Наступая и опустошая, они очищали территорию. Им требовалось пустынное, совершенно обезлюдившее место. Кровь убиенных и растерзанных впитается в землю, а их прах развеет ветер... Библейские пророчества гремели над донской землей. Осуществлялся давний сатанинский план. Один громадный материк – Северо-Американский – уже стал жертвой этих кровавых сатанистов. Наступила очередь другого материка – Европы.

Медленно, но неостановимо осуществлялась дьявольская идея о новом мировом порядке.

24 января пришло тревожное известие: пала Астрахань. От рассказов о кровавом торжестве завоевателей стыла в жилах кровь.

26 января большевики, как некогда монголо-татары, взяли древний Киев. Тогда тумены степняков вел хан Батый. Теперь дивизией захватчиков командовал полковник Муравьев (будущий герой Ярославского мятежа). Новый хозяин Киева немедленно распорядился: «Приказываю беспощадно уничтожать в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции!»

В Киеве образовалось шестнадцать чрезвычайных комиссий. Все они занимались исключительно расстрелами. Первыми жертвами пали члены «Союза русского народа», их расстреливали по спискам, захваченным большевиками.

Офицерский батальон Кутепова с трудом удерживал позиции в одном переходе от Ростова.

Лавр Георгиевич не удержался и гневно высказал Каледину:

– Бог мне судья, Алексей Максимович, но ради ваших пьяниц в кабаках я не намерен жертвовать людьми. Срам смотреть! И это казаки?! Позор.

29 января атаман Каледин передернул затвор генеральского браунинга и выстрелил себе в висок.

В начале февраля Сивере захватил станицу Синявскую.

На этот успех наступающих большевиков откликнулся Ростов – восстал рабочий Темерник.

Добровольцам предстояло сделать выбор: или к расстрельной стенке, а то и на лютые муки в подвал ЧК или же смерть в бою.

Их оставалась горсточка, отчаявшихся, но непокоренных: русское сопротивление торжествующим захватчикам.

Корнилов приказал Хаджиеву:

– Хан, приготовьтесь. Мы выступаем.

«Мы уходим в степи, – писал Корнилов. – Мы можем вернуться, если только будет милость Божья. Но нужно зажечь свечеч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Февральские дни на Дону – преддверие бурной южной весны. Но по ночам еще трещат морозы и сухая поземка плотными сугробами переметает степные дороги.

Нежинцев отыскал в обозе своего полка портного из военопленных чехов и заказал ему теплую бекешу. Генеральские погоны он приказал вшить намертво. Корнилова расстрогал этот неожиданный и дорогой подарок. В Ростове он постоянно мерз в своей поношенной шинели. Нежинцев не оставлял его сыновыми заботами.

Всю ночь 9 февраля Добровольческая армия готовилась к походу. Выступили в 4 часа утра. Небо ярко вызвездило, затем взошла луна. Стоял мороз. Тронулись пешком. Впереди шагали пожилые генералы: два бывших Верховных главнокомандующих, командующий фронтом, командиры корпусов и дивизий. Из 4 тысяч добровольцев больше половины составляли офицеры (одних генералов – 36). Корнилову предложили коня, он отказался и с вещевым мешком за плечами занял свое место в общем строю.

Первый привал предполагалось сделать в Аксае, через 18 верст. Движение колонны сильно сдерживал обоз. Внезапно открылось, что с добровольцами уходят тысячи жителей Ростова. Нескончаемым потоком на дорогу выезжали сани и повозки. Везли скарб, детишек, стариков. Несколько жен-

щин ковыляли на высоких каблуках.

К Корнилову обратился командир кавалерийского дивизиона полковник Гершельман. Он по-гвардейски картавил:

– Ваше пгевосходительство, пгикажите пгегевести моих кава-легистов в голову колонны. Со стогоны Аксая возможна дивегсия. В юнкерском полку генерала Боровского молодые люди бодро распевали:

Прощайте, родные, прощайте, друзья! Прощай, дорогая невеста моя!..

Над батальонами корниловцев гремел заветный полковой марш:

Смело, корниловцы, в ногу! Духом окрепнем в борьбе... На подходе к Аксаю дозорные Гершельмана привезли безрадостную весть: станичное начальство постановило не пускать отступающих в станицу. Боясь расправы большевиков, казаки предложили добровольцам обойти Аксай степью, стороной.

Нежинцев рассвирепел:

– Позвольте, я выкачу парочку орудий и раскатаю всю станицу!

Корнилов сдержанно ему заметил:

– Поберегите снаряды, полковник.

Он послал в Аксай генерала Романовского:

– Иван Павлович, пристыдите их. Даже беглецов с каторги пускают на ночлег и подают кусок хлеба!

Сев в чьи-то сани, Романовский поскакал в станицу.

Казачи долго не поддавались ни на какие уговоры. Генерал Романовский нервничал. Наконец один из офицеров негромко произнес:

– Господа станичники, вы бы решали поскорее. Сейчас сам Корнилов подоспеет. Он, знаете ли, шутить не любит!

Эта угроза решила дело.

И все же, когда корниловская армия оставила Аксай и снова растянулась по степи, вдогонку из станицы затрещали выстрелы. Казачи, боясь расправы, замаливали свой принужденный грех.

В середине дня над колонной показался аэроплан. Он пронесся вперед, развернулся и, сильно снизившись, бросил вниз две бомбы.

Так начался этот беспримерный Ледяной поход.

В станице Ольгинской узнали, что позади пал Ростов. У добровольцев не осталось даже такого тыла. В степь, за уходящей русской армией, большевики снарядили погоню. Для отдыха не оставалось времени. На совещании старших офицеров, прежде чем снова выступить, долго спорили о том, куда же все-таки идти. Высказывались соображения направиться к Астрахани. Иные предлагали – в Ставрополь. Победило настояние генерала Алексеева: пробиваться в Екатеринодар.

В Ольгинской Лавр Георгиевич разболелся, и его уговорили сесть в седло. Замечательного буланого коня ему сыскал все тот же Нежинцев.

Весна в том году выдалась капризная. В солнечные дни вся степь бралась водой. Небо поражало синевой. В раскисшей грязи вязли повозки, люди оставляли обувь. Но задувал северный ветер, и землю сковывало льдом. В походном лазарете скапливались простуженные, обмороженные, валявшиеся в горячке.

Первые сражения добровольцы выигрывали без особого труда и напряжения. Против них выставлялись наспех сколоченные отряды. Нежинцев, выступавший в авангарде, докладывал Корнилову:– Слава Богу, мои молодцы получают постоянную возможность нанизывать «товарищей» на свои штыки!

Но приближалась Владикавказская железная дорога. Там их могут ждать бронепоезда. Особенно опасались Тихорецкой – крупный узел, сильный гарнизон. Сделали ложный маневр, обозначая движение прямо на станцию, как вдруг от Веселой круто повернули на юг. Выиграли несколько часов. Корниловский полк стал прикрывать. Армия, а главное – обозы, двигалась всю ночь в кромешной тьме. На рассвете со стороны Тихорецкой появился бронепоезд, однако остановился далеко за выходными стрелками: железнодорожное полотно предусмотрительно взорвали. Запоздалые шрапнели испятнали чистое весеннее небо. По подстылой земле с грохотом проносились последние подводы с ранеными.

За эти сутки, двигаясь безостановочно, Добровольческая армия сделала переход в 60 верст. Отставших не было даже

среди детво ры так старослуживые ласково называли молодежь из полка

генерала Боровского.

После Старо-Леушковской и Ираклиевской армия подошла к станице Березанской. Здесь добровольцев встретили плотным огнем. Но бой получился коротким. Цепь корниловцев охватила станицу слева. Справа наступали добровольцы, вступившие в армию в станице Незамаевской. С высоты седла Лавр Георгиевич в бинокль наблюдал, как к околице станицы во весь мах скакали пятеро всадников: генерал Марков с ординарцами. Еще минута – и белая папаха Маркова замелькала в окраинных садах.

Станичные старики пришли к Корнилову жаловаться: стреляла молодежь, иногородние, явившиеся с фронта с винтовками. Боя они не приняли и убежали на Выселки.

– Вы уж позвольте, ваше превосходительство, со своими парнями мы сами разберемся. Корнилов разрешил.

Весь вечер от станичного правления доносились истошные крики. Там старики своим судом разбирались в грехах молодых казаков: пороли их нагайками.

А в полку генерала Боровского молодежь лихо, с присвистом, распевала «Вещего Олега» с молодецким чеканным припевом: Так за Корнилова!.. За Родину!.. За Веру! Мы грянем громкое «Ура! Ура! Ура!»

Лавр Георгиевич устало пил чай и просматривал газеты, которые раздобыл в станице Хаджиев. За движением Добро-

вольческой армии большевики следили пристально. Главком южного направления Антонов-Овсеенко приказывал Ласкину, начальнику своей воздушной эскадрильи: «Отправить несколько истребителей для уничтожения колонны корниловцев... Корниловцы идут подводами... Истреблять их без пощады!» А какая-то газетенка не выдержала и обрадовала своих читателей: «Генерал Корнилов схвачен и повешен. Его бандиты, как затравленные волки, мечутся в кубанских степях...»

От горячего крепкого чая умелой заварки светлело в голове. Но озноб еще донимал. Лавр Георгиевич достал карту и придвинул лампу. От Выселок, куда сбежали трусливые защитники из Березанской, до Екатеринодара оставалось 80 верст. Опасный и трудный поход близился к концу.

Выселки, вопреки ожиданию, потребовали напряженного сражения. Похоже, на красных действовали кровожадные приказы из Петрограда. Два дня назад здесь произошло ожесточенное столкновение красноармейских частей с кубанскими добровольцами. Кубанцами командовал молодой генерал Покровский. Добровольцы были разбиты и отступили в сторону станицы Кореновской. Незадачливого командира кубанцев Покровского Лавр Георгиевич знал. На Юго-Западном фронте молоденький капитан слыл одним из самых отчаянных летчиков. После тарнопольского позора он натянул черкеску и уехал на родину. Дома, на Кубани, Покровский сколотил отряд недовольных казаков. За удачный бой

под Эйнемом Кубанская Рада присвоила ему чин полковника. Сейчас он именовался генералом. . . Они, старорежимные генералы, получившие производство рескриптом царя, относились к такому стремительному росту в чинах с насмешкой. Ей-богу, капитан старой русской армии был ничем не хуже скороспелого генерала, получившего свои золотые широкие погоны не из рук государя, а от какой-то Кубанской Рады!

Победа над добровольцами Покровского придала красноармейцам силы. Лавр Георгиевич, взобравшись на высокий стог, не отрывал от глаз бинокля. Рядом с ним стоял Романовский. Над головами генералов изредка посвистывали пули. Внизу, спрятав лошадей за стог, ожидал конвой текинцев. Корнилов узнал правильные, редкие цепи офицеров и нашел знакомую фигуру Не-жинцева. Остро поблескивали штыки. Офицеры наступали во весь рост, не пригибаясь. . . Замысел Нежинцева был прост: захватить хутор Малеваный и угрожать станице слева. . . Корнилов повел биноклем по всей линии и узнал такие же редкие цепи марковцев. Впереди наступающих мелькала белая папаха генерала. Марков, подавая пример, вышагивал молодцевато и помахивал своим неизменным стеклом. Щеголь неисправимый!

Внезапно с фланга по наступающим ударил сильный пулеметный огонь. Откуда вдруг? В окулярах бинокля возникла невзрачная мельница, едва заметная за холмом. Засада!

И корниловцы, и марковцы разом залегли. Лавр Георгиевич нетерпеливо задергал коленкой. Надо же так глупо на-

пороться! Пулеметчик с мельницы заметил суету ординарцев возле одинокого стога. В сухой соломе зашипели горячие пули. Сбоку сдержанно покашливал невозмутимый Романовский.

Видно было, как вдоль залегших цепей бегали Нежинцев и Марков. «Стыдно, стыдно, господа... Вперед!» Поднялись, побежали... Но плотный огонь снова заставил залечь. А на прежнем рубеже осталось множество убитых. Какие досадные, невозвратимые потери!

Наконец ударила наша батарея. Молоденький полковник Миончинский знал и любил свое дело. Он так же, как и Корнилов, окончил Михайловское артиллерийское училище. Воевал в отряде Чернецова... Как артиллерист, Миончинский физически страдал от хронической нехватки снарядов. Поэтому «пустых» выстрелов у него, как правило, не бывало. «Нужда, – говаривал он, – научит метко стрелять!» Вот и теперь снаряд, другой, третий легли точно в цель. Мельница загорелась. И офицерские цепи снова поднялись во весь рост.

Внизу послышались громкие тревожные голоса – кто-то прискакал. Романовский проворно съехал со стога. Корнилов остался наверху один. Романовский едва не сбил Деникина. Весть пришла предельно неприятная: в нашем тылу появилась неприятельская конница. Под угрозой весь обоз... Когда Романовский снова вскарабкался на стог, Лавр Георгиевич раздраженно бросил:

– У них там в обозе два пулемета. Чего еще? Сами знаете: больше дать ничего не могу! Романовский доложил:

– Артиллеристы просят израсходовать неприкосновенный запас.

– Разрешаю. Снаряды ждут нас там... на станции! Уезжая, Деникин посмотрел на одинокую фигурку командую щего, торчавшую на самом верху:

– Иван Павлович, уведите вы его. Это же черт знает что!

– А вы попробуйте сами! – съехидничал Романовский.

У Деникина стали пучиться светлые, с генеральской строгостью глаза:

– Но ведь если... не дай, конечно, Бог... Вы ж понимаете, надеюсь?

Романовский возмутился:

– Антон Иваныч, он же может подумать, что я не столько о нем, сколько о себе забочусь!

И он снова полез на стог.

Выселки все же заняли. Красноармейцы не выдержали ожесточенного штыкового удара. Фронтная выучка офицеров сказывалась. Успех обошелся добровольцам слишком дорого: убитыми и ранеными они потеряли более 400 человек. Хоронить убитых генерал Марков не разрешил. – Мы их похороним в Екатеринодаре... да! Они заслужили самые высокие воинские почести!

Своей властью он мобилизовал подводы. Обоз разбух до невероятных размеров. Одних только раненых и заболевших

везли более тысячи человек. А предстояли еще бои за речные переправы и на подступах к самому Екатеринодару.

Обоз армии, как и все снабжение, находился на плечах старого генерала Эльснера, корниловского сослуживца по Юго-Западному фронту. «Каприз» генерала Маркова он понимал и разделял. Но кто бы вошел в его невыносимое положение! Обоз на марше растягивался на несколько верст. А его требовалось охранять!

– Евгений Феликсович, – утешил его Марков, – я вам пришлю роту своих орлов.

– Сергей Леонидович, – отпарировал Эльснер, – озаботьтесь лучше тем, чтобы ваши раненые не валялись на гнилой соломе.

Он пояснил: в походном лазарете нет ни одеял, ни простыней, ни полотенец. Все имевшееся белье пришлось израсходовать на перевязочный материал.

Соображая, генерал Марков запустил себе за ворот гимнастерки стек и с наслаждением почесывал спину. Заметив взгляд Эльснера, рассмеялся:

– Проклятые враги внутренние! Завелись... Мало мне врагов унешних!

Ночью его «орлы» устроили обыск в брошенных домах и притащили в лазарет вороха одеял, подушек, простыней. Этот беззастенчивый грабеж мало-помалу входил в обычай и назывался – «от благодарного населения». Невыносимая нужда заставляла петь исключительно свои песенки!

Хорошо разжился в Выселках и полковник Миончинский. Ему достался целый склад снарядов.

Самый страшный удар добровольцы получили с той стороны, откуда его никто и никогда не ожидал.

Внезапно пришло известие, что два дня назад кубанцы сдали Екатеринодар большевикам. Новоиспеченный генерал Покровский не дождался подхода корниловцев и отступил. Таким образом Добровольческая армия оказалась в запад-не: не только позади, но и впереди находились большевики, сгоравшие от нетерпения утолить свою ярость в расправе с ненавистными «кадетами».

Беда не ходит в одиночку, и в тот же день поступило сообщение, что в Брест-Литовске делегация большевиков заключила с немцами сепаратный мир. Свершилось то, о чем мечтал еще Распутин (он поплатился за это жизнью). На перемирие с врагом так и не отважился сам государь. На это преступление решились Ленин с Троцким. Они удержали свой режим у власти, спасли его ценой чудовищного ограбления России. По условиям мира Россия уступала Германии (уже дышащей на ладан) громадную территорию с населением 56 миллионов человек – треть населения всей страны. На этой территории находились: треть железных дорог, две трети железной руды и почти весь каменный уголь. Мало того, большевики обещали выплатить Берлинскому банку Мендельсона 6 миллиардов марок золотом. Недавний свой аванс Ленин возвращал расчетливым займодавцам с гигант-

скими процентами!

После Брестского мира Троцкий оставил иностранные дела и становится во главе Красной Армии. В его руках сосредоточивается вся полнота реальной власти. И он приступает к выполнению своей задачи. Если Ленин писал: «Осуществить социальную революцию очень просто – надо уничтожить всего 300 буржуев», то Троцкий сурово поправляет вождя пролетариата: «Враг должен быть уничтожен поголовно!» Еще совсем недавно большевики выступали решительными противниками смертной казни (и всячески поносили за это Корнилова), то отныне они за любое прегрешение карали только смертью. Расстрел становился единственной мерой наказания. В Рыбинске расстреливали за скопление на улице, в Вятке – за выход из дома после 8 часов, в Брянске – за вульгарную выпивку.

Укрепление большевистского режима поставило Добровольческую армию в безвыходное положение. Сдаваться? Но это смерть, медленная, мучительная на радость палачам. Оставалось одно: умереть в бою.

На совете генералов было решено: идти вперед и с бою брать Екатеринодар.

Собственно, с середины марта и началась та героическая эпопея, которую потом назвали Ледяным походом.

Погода неожиданно испортилась. Тепло сменилось лютым холодом, посыпал снег. Даже раненые и больные ночевали под открытым небом. В то же время реки и речонки

вскрылись, полая вода заполнила овраги. Армия закуталась в тряпье, в обноски, обсушиться и согреться не доводилось сутками.

Отчаяние обреченных помогало одолевать врага. Офицеры, ус-тавя штыки, шли прямо на пулеметы.

Армия сбивала заслоны на пути и медленно продвигалась вперед.

На реке Лабе добровольцев вновь подвел новоиспеченный генерал Покровский. Получив задание выдвинуться к переправе, он не тронулся с места: решил, что в такую метель никто не воюет. Валил снег, солдаты стали замерзать. Генерал Марков, отчаянно сквернословя, велел всей имеющейся коннице переправлять пехоту на лошадях. Он мобилизовал для этого даже конвой Корнилова. Ночная переправа застала большевиков врасплох. Станица Елизаветинская была занята почти без боя. До Екатеринодара оставалось всего 18 верст. К утру метель утихла, проглянуло солнце. Лавр Георгиевич, сидя в седле, пропускал мимо себя обоз. Он с трудом узнал генерала Эльснера. Старик в походе оборвался и выглядел настоящим бродягой... Среди раненых в телегах словно проскочила искра: «Корнилов!» Люди приподнимались на подстилках, вскидывали руки. Генерала Эльснера позвали к подводе с умирающим юнкером.

– Ваше превосходительство, говорят Корнилов... Далеко он?

– Рядом. Метров двести...

– Скажите... пусть подойдет.

Не слезая с седла, Лавр Георгиевич склонился над телегой.

– Я здесь, юнкер. Что вам угодно?

Юноша завозился в своем тряпье, выпростал руку:

– Прошу вас... последний раз... Пожмите мне руку. У Корнилова перехватило горло.

– Вот так... – прошептал умирающий. – Спасибо...

В станичном правлении толчея необыкновенная. Степенные казаки каждый раз уважительно поднимаются с лавок, едва завидев генерала. Молодежь теснится у порога, в разговоры старших не встревает. Окна в правлении открыты настежь – южная весна наконец взяла свои права.

Казаки жалуются на террор большевиков. Бьют не только «кадетов и буржуев», но и любого несогласного. Не смотрят ни на возраст, ни на заслуги. Увидят урядничью лычку – бьют, увидят медаль на мундире – бьют. Даже за нашивки за ранения ставят к стенке. А Георгиевский кавалер для них – самый что ни на есть «паразит трудового элемента».

Генерал Романовский слушает внимательно, но в глазах его насмешка:

– Оружие ваше где, господа старики?

– Забрали, ваше превосходительство, мобилизовали подчи стую.

– Шашки – тоже? Старики замялись.

Романовский знал, о чем спрашивал. В стремлении уго-

дить, не задирать чужую власть казаки переусердствовали: снесли вот сюда, в правление, все имевшееся в станице оружие. Даже дедовские шашки сдали! Все это военное добро, кстати, попело на вооружение местного отряда Красной Армии.

Генерал Марков, заскочивший в правление по минутному делу, послушал стариков и презрительно сплюнул:

– Эх вы, тютя. Вояки... трах-тарарах! Вам сопля сосать, а не воевать. Вот теперь и воюйте вилами. А вместо коня – на быка...

Он враскачку прошел к Корнилову.

Главнокомандующий утешал Хаджиева. Сегодня утром выяснилось, что сбежал из обоза возчик и увез все генеральские вещи. Даже полотенца не осталось! Самое же неприятное: исчез весь запас чаю и сахару. Осталась самая малость – то, что Хаджиев возил в своем вьюке.

– Не горюйте, хан. Послезавтра, даст Бог, будем в Екатерино– даре!

Вошел Романовский, неузнаваемо расстроенный. Ходил он с палочкой, – в тот раз, на стогу, пуля все же клюнула его в ногу. Романовский оглядывался на дверь, делал страшные глаза и говорил шепотом. Он сообщил, что там, в прихожей, появился и дожидается Родзянко.

Корнилов изумился:

– Откуда он?

– Говорит, из Екатеринодара.

Марков не выдержал и выпустил залп ругани:

– Я бы ему, борову толстому, хорошую веревку приготовил! Романовский рассудительно заметил:

– Сережа, такой веревки ты в станице не найдешь.

– Пусть войдет, – распорядился Корнилов. («Тоже будет ка яться», – подумал он, вспомнив позорную сцену с коленопреклонным Савинковым.)

Оба генерала вышли, и в двери показалась громадная фигура бывшего председателя Государственной думы. Толстяк имел потасканный вид. Начал он с покаянных слов:

– Генерал, простите меня, старика. Забудем старые обиды. У нас у всех сейчас одна беда...

Лавр Георгиевич вежливо осведомился:

– Не угодно ли чаю?

– О, с удовольствием! – обрадовался толстяк.

Вызвав Хаджиева, главнокомандующий передал неожиданного гостя с рук на руки. Самого генерала подпирали неотложные дела.

Хаджиев увел Родзянко в соседнюю хату и поручил его заботам поручика Долинского. Молодой офицер недавно проснулся и сидел в одном белье, курил, щурился на яркий свет в окошке. Извинившись перед гостем, Долинский быстро привел себя в порядок и принялся готовить чай. Распустив живот, Родзянко пил долго, вспотел, истово утирал багровое лицо грязным носовым платком. Долинский вежливо выслушивал его жалобы на казачье коварство. Родзянко воз-

мушался быстротой, с какой перекрасилось славное кубанское казачество: из 87 станиц кубанского войска 85 объявили себя советскими. Правда, для этого потребовалось всего лишь сменить вывески. Станичный сбор стал называться Советом, станичное правление – исполкомом, а станичный атаман превратился в комиссара.

– Казаки – подлецы, – поддакивал важному гостю вежливый поручик. – Совершенно с вами согласен, господин офицер.

Закряхтев, Родзянко стал наливать очередной стакан. Он задрал чайник доньшком кверху, выцеживая последние капли, и долго выскребывал ложечкой остатки сахара.

Вечером Хаджиев, бледный от гнева, подал «уллы-бояру» стакан крутого кипятка, сказав, что Родзянко прикончил у них весь нечаянный запас чаю и сахару...

26 марта Добровольческая армия пробилась к берегу Кубани.

Битва за Екатеринодар началась удачно. Корниловский полк Нежинцева с налету занял станицу Афипскую. Генерал Эрдели сумел захватить Елизаветинскую переправу и целый паром. Генерал Марков, назначенный в арьергард, был этим уязвлен и привычно сквернословил. Он опасался, что его орлы поспеют в битве за кубанскую столицу к самому шапочному разбору. Без них возьмут!

Добровольцев охватило радостное настроение. Желанная цель была близка – рукой достать. Тысячи глаз разглядывали

красочную панораму Екатеринодара, южной столицы России. Узнавали Черноморский вокзал, артиллерийские казармы, приземистые корпуса кирпичного завода и оживающие от зимы сады, среди которых затерялось городское кладбище. Правее города виднелись хутора и добротный дом фермы, окруженный свечками пирамидальных тополей. Слева, в отдалении от городской окраины, высился одинокий степной курган – отличное место для артиллерийских позиций.

В предчувствии удачи Лавр Георгиевич приказал провести мобилизацию среди казаков (призвав к оружию всех молодых и здоровых) и назначил Деникина генерал-губернатором Екатеринодара.

С утра 27 марта закипела битва.

Корниловский полк повел наступление на Черноморский вокзал. Его встретил сильный огонь. Нежинцев вознамерился овладеть курганом и, по обыкновению, сам появился в цепи. Конница Эрдели, прячась в складках местности, стала обходить город с тыла. Пластуны полковника Улагая стали подбираться к постройкам фермы на берегу.

Удачнее других начал бой батальон генерала Казановича. Смяв заслон большевиков, он погнал противника вдоль полотна железной дороги. К середине дня Казанович занял кирпичный завод. Он слал в штаб донесения, настойчиво требуя не задерживаться, не давать противнику роздыха. Казанович уверял, что при небольшом подкреплении может ворваться в городские кварталы.

Генерал Романовский почувствовал себя в своей стихии. Палочка была отброшена. Он распорядился к наступлению темноты выделить квартирьеров. Падение города ему казалось делом решенным. Романовский уже изучил манеру большевистских командиров: потеряв окраины, они избегали уличных боев и панически удирали. Он не сомневался, что так будет и теперь.

Легкое начало настораживало Корнилова. Такие крупные города не берутся на фу-фу! Он кожей ощущал, как напрягается противник, собирает силы, преодолевает первую растерянность.

Ночь добровольцы провели под открытым небом. Юнкера генерала Боровского спали в роще, завернувшись с головой в шинели.

Ранним утром генерал Эрдели в тылу большевиков оседлал железную дорогу и занял станицу Пашковскую. Корниловский полк продолжал штурмовать курган. Противник оказывал отчаянное сопротивление. Нежинцев сорвал голос. Свою щегольскую папаху он потерял в бою: сбило пулей. Он уже побывал на кургане, но принужден был отступить. Нынче он послал сказать Корнилову, что курган возьмет и не отступит.

Генерал Марков, наблюдая издали за боем, отчаянно ругался:

– Мальчишки! Послали бы меня – давно бы в Екатеринодаре были...

Романовский отвечал:

– Не горюй, Сережа. Боюсь, Екатеринодар от тебя не уйдет.

– Так чего же ждать?

К исходу дня Лавр Георгиевич вышел из штабного помещения и велел подать коня. Низкое солнце клонилось к горизонту. День неузнаваемо удлинился. Корнилов впервые обратил внимание на изнуренный вид текинских скакунов:

– Хан, что же... ваши лошади тоже довольствие деньгами получают?

Верный текинец скорбно промолчал. Фураж в станицах добывался трудно. Как правило, приходилось прибегать к пресловутым «подаркам от благодарного населения». Грабеж входил в обычай.

Застоявшийся конь шел крупной рысью. Щеки приятно холодило. Лавр Георгиевич издали приглядел одинокую скирду. Пока он взбирался наверх, текинцы принялись дергать солому... Сверху глазам Корнилова открылась панорама города и поле битвы. Нежинцев все-таки овладел курганом и теперь пытался взять вокзал. Пластуны Улагая пробились к ферме. Повсюду, где прошли добровольцы, валялись тела убитых. Армия несла устрашающие потери.

Ночью Корнилов перенес свой штаб на ферму. В домике имелось четыре комнаты. Лавр Георгиевич поместился в угловой, с окном на реку. Одну комнату он распорядился отвести под перевязочный пункт. К радости Хаджиева, в сарае

текинцы обнаружили несколько мешков ядреного ячменя.

Генерал Романовский принес весть о ранении Казановича. Перевязав рану, генерал остался в строю. Начальник штаба указал на артиллерийские казармы. Окруженные земляным валом, они оказались неприступным оборонительным пунктом. Взять казармы не удалось за целый день. Романовский распорядился забрать из марковской бригады партизанский полк. Марков, естественно, ругается: так можно раздирать всю бригаду. А толку?..

Немного помолчав, Романовский завел речь о том, что так бросилось в глаза Корнилову недавно со скирды – о потерях. В некоторых частях, не выходявших из боя, в строю оставалась едва ли десятая часть. А город до сих пор не взят. И сопротивление противника возрастает.

Оба генерала посмотрели друг другу в глаза и опустили головы. Люди с большим боевым опытом, они думали об одном и том же: об ускользающей победе.

В сумерках Лавр Георгиевич вдруг расслышал у себя под окнами беспорядочную пальбу из револьвера. Он дождался появления Хаджиева, не дождался и вышел из помещения.

Группа юнкеров окружила плачущую женщину, она колотилась в истерике. На земле валялось трое убитых. На них никто не обращал внимания. Женщина выкрикивала что-то бессвязное. В руке она держала револьвер.

К генералу подскочил Хаджиев и объяснил, что женщина в истерике – сестра милосердия из обозного лазарета. Зави-

дев пленных (их вели в штаб), она не выдержала и расстреляла в них весь револьвер.

Слушая, Корнилов неодобрительно жевал губами. Что и говорить, если уж сестры милосердия... Озверение чудовищное! и

Хаджиев, не теряя времени, доложил, что полк Нежинцева не только удержал захваченную днем высоту, но и взял драгоценнейший трофей – небольшой склад артиллерийских снарядов. По своему обыкновению, добровольцы действовали штыком. Удар их был страшен. Пленных они не брали. В ожесточенном бою едва не погиб сам Нежинцев. Штыком его ударили в грудь, он чудом извернулся и отделался разорванной гимнастеркой и чудовищной царапиной на теле. Боя он не покинул.

Лавр Георгиевич велел подать коня.

Захваченный склад снарядов помещался в овраге, за склоном холма, стоившего добровольцам стольких усилий и жертв. Корнилов с трудом узнал своего любимца. На Нежинцеве не было фуражки, разбил он и свое пенсне. Вблизи на него было жутко взглянуть: черное лицо, растерзанная гимнастерка прихвачена какими-то булавками, вся грудь заматана кровавыми бинтами. Его бойцы стояли строем, но опирались на винтовки, как усталые мужики на вилы. Многие из них еще дышали трудно, запаленно.

Лавр Георгиевич выслушал доклад Нежинцева и не смог совладать со своим чувством: потянулся его обнять. Нежин-

цев резко отстранился. – Виноват, ваше превосходительство... Вы позабыли с ними поздороваться.

Добровольцы, опираясь на сопливые от крови винтовки, смотрели на генерала мутными глазами. В них никак не проходил запал недавнего боя.

Поздороваться... Для этих героев Корнилов был готов вырвать сердце из груди!

Спазма перехватила ему горло. Он сорвал с головы фуражку и низко-низко поклонился.

– Ура нашему генералу! – услышал он хриплый голос Нержинцева.

Рев пересохших мужских глоток напоминал ружейную пальбу. В едином движении добровольцы вскинули над головами свои окровавленные орудия убийства, угрожая не только врагу, но и, казалось, самому небу.

Возвращаясь в штаб, Лавр Георгиевич сидел в седле поникший, замкнутый, отрешенный. Его взволновала встреча с героями-добровольцами. Но как же мало их осталось! А завтра останется еще меньше... В эти минуты он отчетливо понял то, о чем они недавно в разговоре подумали одновременно с генералом Романовским: с этими отважными людьми можно сражаться до последнего штыка, до последнего патрона, однако окончательной победы не добиться: не хватит сил.

А у противника все больше наблюдалось порядка. Корнилов понимал: налаживалась дисциплина, появлялись люди с

талантами военных командиров. Одна и та же деталь поразила их сегодня обоих с Романовским: даже позволив добровольцам зацепиться за окраины Екатеринодара, противник не запаниковал и не ударился в бегство, а лишь ужесточил сопротивление.

Да, день ожидается невыносимо трудный...

Поздно ночью Корнилову пришлось пережить еще одно изумление: внезапно появился Нежинцев. Бинты на груди он сменил, вместо гимнастерки натянул черкеску. Но пенсне было разбито в бою, а без этих двух защитных стеклышек лицо молодого офицера выглядело как бы обезоруженным. Свое появление он объяснил так: день ожидается трудный, необыкновенно жестокий, а ему не с кем перемолвиться словом. А поговорить вдруг захотелось: невыносимо потребовалось облегчить душу.

Проговорили они до самого рассвета. Не спал и Хаджиев, постоянно подавая им горячий крепкий чай.

Отчаяние овладело всем существом молодого офицера. После сегодняшнего небывало жестокого боя Нежинцев пришел к тому же выводу, что и сам Корнилов. Победы им под Екатеринодаром не видать! И причина не в поредевших порядках белых добровольцев, настоящие причины – глубоже, а следовательно, и трагичней. – Вспомните, как мы начинали? Как святые. А как кончаем? Будто разбойники!

Он признался, что смотрел сквозь пальцы на расправы с пленными, на пресловутые «дары от благодарного населе-

ния», на стаскивание сапог с убитых красноармейцев. Что делать? Нужда заставляла. Но во что это вылилось в конце концов? Были белыми, а стали... грязными. «Взвейтесь соколы... ворами!»

Корнилов эту мысль живо подхватил. Порою ему кажется, что для очищения Белой идеи следовало безжалостно расстрелять одну половину нашей армии, чтобы спасти от разложения другую.

Лицо Нежинцева внезапно сморщилось, словно от боли, он отчаянно замотал головой. У него так и стоял перед глазами сегодняшний красноармеец, саданувший в его грудь штыком.

– Мне представился ордынец на Куликовом поле. Там ведь тоже – грудь на грудь... Но тут-то! Роба совершенно русская, мужицкая. Как вилами на току... До смерти не забуду! – Помол чав, Нежинцев продолжал: – У меня, наверное, горячка. По крайней мере – с головой. Я вдруг представил: ну вот возьмем мы Екатеринодар. И – что же? Снова будем поклоняться всей этой мрази: Родзянко, Керенский, Гучков, Савинков? Да стоит ли овчинка выделки! Мужик же... мужик точно знает: дети его будут лучше жить. Намного лучше! Несравнимо... И мы ему в этом мешаем. Поэтому он за своих детей с нас голову снесет! И... уже сносит. Сами видим.

На возрастающее сопротивление большевиков Нежинцев также обратил внимание. Примечательно, что противник

стал тверже отвечать на штыковые удары добровольцев.

– У них, у подлецов, как видно, пропала привычка красноба–ить. У них прорезался вкус к власти, к действию. А если коротко, то вот: у них армия растет, у нас же – гибнет. Мы – последние. И мне понадобился удар штыком, чтобы испытать зависть про фессионального военного к боеспособности противника. Вы знае те, я большевиков не выношу на дух. Моя бы воля... Но в то же время... – Нежинцев стал мяться. – Скажите, Лавр Георгиевич, вам не показалось, что эти чертовы большевики перехватили нашу Белую идею? Для сегодняшнего моего солдата я – барин, и больше ничего. Для него, черта мордатого, эти самые большевики почти родня, если не больше. Мы же – даже самые святые – господа, и больше ничего.

В комнате стало светло. Корнилов встал и задул лампу. В раскрытое окно вползала утренняя свежесть.

Нежинцев стоял и одергивал на себе черкеску. Выговорившись, он вновь обрел обычный вид. Губы его тронула усмешка.

– Но что делать? Не идти же наниматься к Троцкому! Не допустят, не дадут дойти: расстреляет, как собаку, первый же латыш или еврей.

Далеко за Кубанью ударил орудийный выстрел. Оба прислушались.

Нежинцев сказал:

– Нам всем осталось одно: сгореть на своем святом огне.

А смерть... Что смерть? Она ведь никогда не предупреждает и нико му не дает никаких объяснений!

Гибким движением молодого, сильного тела он унырнул в низенькую дверь.

Начинался день, и обоих, главнокомандующего и полкового командира, ожидали свои тяжелые обязанности.

Весь день Корнилов провел в боевых порядках войск.

От ночного разговора с Нежинцевым на душе остался мутный осадок. Тревожило состояние молодого офицера. В словах, в сокровеннейших признаниях Нежинцева так и шибала какая-то затаенная обреченность. Уж не потому ли он с таким молодечеством заявил о смерти, прежде чем уйти?

Добровольческая армия продолжала наступать на Екатерино-дар. Однако сил для штурма было явно недостаточно. Видимо, это почувствовал и противник. Несколько раз в течение дня красноармейцы поднимались в контратаки.

Корнилов приказал бросить в наступление бригаду Маркова. Громадный обоз остался без охраны. Раненые офицеры приготовили револьверы. Они прислушивались к звукам боя и ловили пробегающих сестер милосердия:

– Сестрица, ну как там? Стреляться не пора?

Во второй половине дня в лазарет пришло распоряжение Корнилова: послать в бой всех, кто способен передвигаться. Таких набралось с полсотни человек.

Оставшимся роздали винтовки и патроны.

Внезапно, словно теплый весенний ветерок, с подводы на

подводу запорхало победное известие: части генерала Казановича сражаются на улицах Екатеринодара. Настроение раненых поднялось. Спустя час пришло новое известие: Казанович вошел в осажденный город, но не с боем, а тишком и молчком, поздней ночью. Воспользовавшись кромешной темнотой, генерал со своим отрядом осторожно вступил в город и вроде бы без помех дошел до Сенного базара. На рассвете он отступил, боясь оказаться в западне... Примчался посыльный от Маркова: артиллерийские казармы взяты. Но слишком велики потери. Генерал Марков просил подкреплений.

В этот час прервалась связь с Казановичем. В довершение дрогнул и стал отходить к садам отряд Эрдели. В бинокль хорошо видны окраинные домики Екатеринодара. Спасение так близко! Лавр Георгиевич напряженно всматривался в расположение артиллерийских казарм. На миг ему показалось, что мелькнула знакомая белая папаха...

Мгновенным и невидимым щелчком с головы Корнилова сбило фуражку. Хаджиев поднял ее, подал. Он сдержанно попросил «уллы-бояра» не подвергать себя опасности. Зачем?

– Хан, вспомните, что говорил великий Али: «Какого дня моей смерти избежать? Дня predeterminedенного или непредопределенного? День непредопределенный меня не страшит, а от того, что суждено, нет спасения».

– Я дал слово Таисии Владимировне... Корнилов прищу-

рился, помедлил:

– Ладно, хан. Идемте уж...

Они подъезжали к ферме, когда Корнилову сообщили, что убит Нежинцев. «Ну вот...» Мгновенно вспомнился весь сегодняшний ночной разговор, как наяву предстала молодцеватая фигура молодого офицера. Все-таки предчувствие не обмануло Нежинцева: он чуял смерть! Потому и заявился среди ночи. Он пришел к единственному человеку, кому мог высказать самое тревожное, самое наиболее болезненное. Так взрослый сын, запутавшийся в своих делах, в отчаянии обращается к старому и мудрому отцу...

В первую минуту Лавр Георгиевич зажмурился и чуть слышно застонал. Какие люди гибнут! Россия теряет своих лучших сыновей... Дрожащей рукой он взялся за козырек и надвинул фуражку на самые глаза. Помогая ему слезть с седла, Хаджиев почтительно придержал стремя. Конвойные текинцы застыли в уважительном молчании. Они сознавали невыразимое горе своего уллы-баяра.

Убитого Нежинцева привезли на ферму в сумерках. Он лежал в изорванной черкеске. При свете ярких южных звезд блестел Георгиевский крестик. Лавр Георгиевич опустился на колени и долго смотрел на дорогое мертвое лицо. В зажмуренных глазах убитого застыла ярость боя. Корнилов наклонился и поцеловал Нежинцева в лоб. Тяжело поднялся и побрел в комнату, где его дожидались собравшиеся генералы. Следовало решать, что делать дальше. Ощущение боль-

шой беды витало над остатками Добровольческой армии. Екатеринодар был рядом, но многодневный непрерывный штурм не приносил успеха.

Вместо Нежинцева остатки Корниловского полка принял Ку-тепов. Он сегодня впервые присутствовал на совещании и сидел угрюмый, букой. В полку осталось менее 300 штыков.

Генерал Марков в ожидании начала совещания положил голову на плечо Романовскому и сладко спал. Когда вошел Корнилов, его толкнули. Он смутился:

– Извините... Разморило. В поведении собравшихся генералов сквозило сердечное сочувствие Корнилову. Все знали об его отношении к убитому Нежинцеву. Сейчас следовало принять важнейшее решение: что делать дальше? Лавр Георгиевич решил не затевать большого разговора. Предложенный будет множество. Но правильным из всех является одно. Таким образом, сражение выигрывает тот, кто взвалит на себя всю ответственность за выбор. Корнилов такой выбор сделал до начала совещания.

Главнокомандующий ходил на смертельно больного человека. Узкой коричневой ладонью он защищал глаза от света. Смотрел он в стол перед собой. Ровным и бесцветным голосом Корнилов произнес:

– Нам нет иного выхода, как взять Екатеринодар. Завтра на рассвете назначаю общую атаку. Я иду с Корниловским полком.

Генерал Алексеев, кашляющий, больной, негромко возразил, попросив дать утомленной армии день отдыха. Корнилов не стал спорить:

– Хорошо. День отдыхаем. Атакуем послезавтра.

Пока уходившие толпились у двери, Лавр Георгиевич слышал голос Миончинского:

– Ах, если бы нам хоть малую толику снарядиков! Похоронить Нежинцева командующий не разрешил. Почему?

На этот вопрос он и сам не мог ответить. Может быть, у него было какое-то предчувствие?

В течение ночи он несколько раз выходил к убитому. Видимо, что-то похожее испытывает старый отец, когда теряет единственного сына.

Ночью генерал Романовский доложил Корнилову об ухищрениях так называемого Радяньского полка, из хохлов. Молодые, на отличных конях, радяньцы предпочитали охранять обоз и не соглашались участвовать в бою.

– Завтра разберемся, – сурово молвил Корнилов.

Утро занялось ясное, свежее. В штаб явился старик Гулыга, возглавивший отряд добровольцев из станицы Незамаевской. Вместе с ним воевали два его старших сына. Старый казак предложил забрать из его отряда конных и передать Эр дели, пеших же пластунов слить в остатками Корниловского полка.

Романовский увел старика к себе.

– Хан, – попросил Корнилов, – заварите-ка чаю. Что-то

горло сохнет.

Хаджиев вышел – и в это мгновение в комнате командующего разорвался снаряд. В это теплое весеннее утро со стороны большевиков раздался всего один оружейный выстрел. Одинокий снаряд нашел одинокий домик фермы и угодил как раз в ту комнату, где работал генерал Корнилов...

ПРИКАЗ

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 ч 30 м сего 31 марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову – нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

М. Алексееву генерал от инфантерии.

В ночь Добровольческая армия сняла осаду Екатеринодара и двинулась на север, к станице Старовеличковской.

Днем, достигнув немецкой колонии Гначбау, армия похоронила своих убитых. Генерал Корнилов и полковник Нежинцев легли в одну могилу...

Недолог был покой героев. На следующий день все могилы были разрыты. Солдаты большевистского Темрюкского полка, увидев свежее кладбище, принялись искать зарытые «кадетами» сокровища. Их привлек труп в мундире с погонами самого высокого чина в русской армии. Они догадались, что это Корнилов.

В Екатеринодаре уличная чернь в течение трех дней глумилась над телом погибшего воина. Истерзанные останки генерала оттащили волоком на городскую бойню, обложили ворохом соломы и подожгли.

На Кубани известно место гибели Корнилова, известно место его первого упокоения, но нет ни могилы, ни памятника...

Вечным монументом таким сынам Отечества служит благодарная и неумирающая Народная Память!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

С Дорой Каплан, своей подругой, Надежда Константиновна Крупская обыкновенно разговаривала по-еврейски. Это был негромкий, задушевный разговор двух состарившихся женщин, всю жизнь находившихся среди мужчин с кипучим темпераментом революционеров, – но женщин, так ни разу и не узнавших счастья той неистовой любви, о которой столько читано в переводных романах. Тем более что обе по многу лет прожили в легкомысленной атмосфере заграницы: в Польше, Швейцарии, Париже. Сейчас, в Москве, в Кремле, подруги толковали о сплошном неистовстве вокруг и подавляли в себе зависть. Собственная жизнь пролетела пресно, а утраченного не воротишь. Александра Коллонтай, дочь старорежимного генерала, восприняла вихри революции как прекрасную возможность наплевать наконец на все существовавшие приличия. Уже немолодая, за сорок, она провозгласила: «Свободу крылатому Эросу!» – и облюбовала себе матроса-жеребца Павла Дыбенко, чуть ли не вдвое моложе себя. Лариса Рейснер, та вообще свихнулась и стала настоящей психопаткой: она сумела забраться даже в поезд Троцкого и прокатиться с ним на Восточный фронт. Изпод одеяла «красного главкома» Рейснер нырнула в постель балтийского мичманка Раскольниковова. Революционная матросня, ни дня не воевавшая и лишь отъедавшаяся на своих

линкорах, сейчас в большом спросе у начальственных эротоманок.

– Надюша, – спросила Каплан, – это не та Рейснер, у которой отец... что-то там с охранкой? Да и брат как будто...

О провокаторстве семейства Рейснеров (отец – профессор!) много и писалось, и говорилось в столыпинскую пору. Что-что, а свою замечательную память Каплан не растеряла.

– Я ее не сужу, – тихо ответила Крупская. – Она не ответчица ни за брата, ни за отца.

– Все-таки... – вздохнула Каплан и стала сослепу тыкать чайной ложкой в вазочки на столе. Надежда Константиновна, зная, что подруга не выносит меда, подвинула ей в самую грудь вишневое варенье.

Чай пили по-русски: наливали в блюдечки и ставили на пальцы. Отхлебывали, задумывались и молчали, словно прислушиваясь к вкусовым ощущениям. Это было слабостью обеих: хороший чай. Секрет заварки Надежда Константиновна переняла от покойной матери: надо в чайник добавлять чуточку соды.

В тишине за дверью слышались энергичные ленинские шаги. Подруги разом поворотили головы. Но Ленин не вошел. Он собирался на митинг рабочих Михельсона. Крупская с подругой напросились ехать вместе с ним. Шофер Гиль уже подал автомобиль и ожидал.

Низко наклонившись к вазочке и доскребывая ложкой, Каплан внезапно заговорила:

– Вчерашним днем мне понадобилось зайти к Склянскому. Ты не поверишь, кто у него сидел: Арошка Симанович!

Надежда Константиновна удивилась. Поговаривали, что Симановича, одно время исчезнувшего с глаз, опознали в обезображенном трупe, выловленном в Мойке. Выходит, обознались? Или что?

Совсем другое занимало мысли Доры Каплан. Она угрюмо смотрела в опустевшую вазочку с вареньем:

– Надюша, я беспокоюсь за Володю. Они – и Склянский, и этот противный Арошка – сразу же, конечно, замолчали. Но пусть молчат кому-нибудь! А уж со мной... Короче, они говорили что-то о Володе, и они мне не понравились. Ты же знаешь: эти мои предчувствия... Я ошибаюсь редко!

Обеих женщин связывало материнское отношение к плохо устроенному Ленину. Пошел второй год, как они все вместе вернулись в давно оставленную Россию. Привычная жизнь переменилась разом. От размеренного эмигрантского существования не осталось и помина. События поворачивались так, что на ленинские плечи в стареньком, заштопанном пиджаке свалились колоссальные обязанности. Подругам порою становилось его невыносимо жаль. Политика – такая область, где вчерашние лучшие друзья внезапно делаются непримиримыми врагами. Недавних обитателей мансард, вдруг ставших хозяевами Кремля, раздирали постоянно нараставшие противоречия.

Дору Каплан с Эфраимом Склянским связывало дав-

нее знакомство. Ныне бывший фельдшер стал заместителем Троцкого в руководстве армией Республики. Занятый сверх головы, он раздражался бестолковыми визитами Каплан. Но сказывалась местечковая тяга к похвальбе, и он на несколько минут позволял себе роздых от бешеного напряжения.

Что же не понравилось ей в прошлый раз, когда она застала в кабинете Склянского столь неожиданного посетителя? Распоряжение правительства о массовом терроре? Причем эта кровавей-шая мера подавалась как необходимое возмездие со стороны властей. Декрет начинал действовать менее чем через неделю – с 5 сентября. Выходит, за эти дни должно случиться что-то необыкновенное и слишком страшное. Иначе как объяснить этот массовый террор в качестве ответной меры?

Ленин, энергично проходя по коридору, сильно постучал им в дверь. Подруги встали и засуетились. Они шли, держась за руки. У обеих было худо с глазами. Крупскую донимала давнишняя базедова болезнь, обезобразившая ее рыхлое и доброе лицо, у Каплан катастрофически отслаивалась сетчатка.

Автомобиль уже фырчал с приоткрытой, ожидающей дверцей. Ленин сидел рядом с шофером, весь поглощенный предстоящим митингом. В такие дни он становился невнимательным. Обе женщины, похожие на салопниц, неуклюже влезли, поместились рядышком и притихли.

Ехать пришлось долго, и молчание в машине становилось

угнетающим. Даже шофер Гиль выглядел монументально. Крупская не сводила своих страшных глаз с озабоченного мужа. Каплан, сидевшая рука в руке, чувствовала ее поистине материнскую тревогу. Второй год Крупскую преследовал этот безотчетный страх за мужа. Началось это с прошлогоднего июля, когда вдруг поздно ночью затрезвонил телефон и Ленин, спавший в эти дни вполуха, по-звериному, схватил спросонья трубку, выслушал и лихорадочно засобирался. Он успел выскочить из дому за несколько минут до юнкеров – до верной смерти. До тюрьмы они его конечно же не довели бы... Затем шалаш в Разливе, октябрьские дни и взятие Зимнего... Казалось бы, триумф, победа, а между тем тревога только возрастала. Совсем недавно, в марте, когда Советское правительство несколькими эшелонами поехало в Москву, «ленинский» поезд в чистом поле под Малой Вишерой внезапно был взят в клещи матросской братией. Ох эти р-револю-ционные братишки! И в страшном свете вдруг стали представлять давнишние друзья-соратники: Дзержинский, Урицкий, Свердлов, Троцкий... Да, да, Троцкий – особенно!

С этим человеком, Троцким, у Крупской было связано одно интимное воспоминание, нелепое и стыдное настолько, что она не решалась рассказать о нем даже своей подруге. В эмиграции, в Париже, Троцкий выглядел богатым шалопаем. Отец, хоть и проклял его в синагоге, деньги высылал регулярно. Впрочем, время от времени Троцкий заскакивал к Ленину с Крупской перехватить несколько франков до по-

лучения очередного перевода из России... В тот раз он собрался в театр и попросил одолжить ему на вечер новенькие штиблеты Ленина (подарок тещи). О том, что произошло у Троцкого в театре, Надежда Константиновна не знает толком до сих пор. Троцкий ворвался вечером (Ленин находился в Италии у Горького) и закатил истерику. Вышло, что в театре он повстречался с Савинковым, и тот, бандит, настолько распоясался, что публично ударил его, Троцкого, по лицу. «Женщина», – сразу же догадалась Крупская. Иначе с какой бы стати... Тем парижским вечером она долго и терпеливо утешала потрясенного театрала-кавалера и не заметила, что поздний гость, затихнув головою на ее коленях, внезапно переступил все правила приличия и принялся... принялся... Нет, ей и поныне стыдно, очень стыдно! Бедный Левушка словно обезумел. Этот бессвязный лепет, эти судорожные хватания... К счастью, мама, строгая Людмила Александровна, еще не легла спать и собиралась выпить чаю. Но как же было совестно – и перед мужем, и перед матерью, да и перед ним самим, перед Левушкой. Интересно, неужели это вот и есть та самая страсть, тот самый крылатый Эрос?.. Своей смутившейся душой бедная женщина догадывалась, что ее в тот, навсегда запомнившийся, вечер всего лишь подвели к запретному порогу, позволили заглянуть одним глазком, но дальше не пустили. И уж теперь не пустят никогда! Однако случай тот, потаённо-стыдный для обоих, окрасил все их отношения в дальнейшем, и многим было

очень странно наблюдать ее явную симпатию к тому, кто являлся давним и непримиримым недругом ее великого мужа.

О том, что Троцкий превратился в ленинского недруга, говорило слишком многое. И виной всему – победа в октябре. Внезапно Ленин стал мешать, словно чужая спица в колесе. Прежде он был окружен друзьями и единомышленниками, теперь же... Разве не справедливо возмущается та же Дорочка Каплан? Какая-то странная тяга у Троцкого к аптекарям: Склянский, Якир, Ягода... А эти бесконечные встречи Троцкого с коварными Локкартом и Нулансом... Мирбах, посол Германии, и его совершенно непонятные связи со страшным ведомством Дзержинского... А на Ленина, как на главу правительства, жмут и торопят с золотом, в частности Берлинский банк Мендельсона. Но казначейские чиновники бастуют и не отдают ключей от сейфов... А с юга, Дона и Кубани, готовится выступить целая Добровольческая армия. Похоронив генерала Корнилова, она грозит вступить в Москву под звон колоколов!

Крупская знала, что Ленин сейчас далек от нее в своих мыслях. Он уже там, в заводском цехе, перед толпой рабочих. Власть взяли легко, но как же трудно ее удержать!

Впрочем, здесь начиналась область Большой политики, и Надежда Константиновна в силу своей болезненной рыхлости целиком подпадала под влияние подруги. Дорочка Каплан не переставала взволнованно нашептывать ей о наглых домогательствах Троцкого на власть. Как же нахально он ле-

зет! Сумел примазаться к большевикам всего лишь год назад, на VI съезде партии, а пихается локтями и оттирает всех, как настоящий ветеран. Сначала завладел Наркоматом иностранных дел, а теперь забрал власть в армии. «Надюша, – втолковывала Каплан, – армия – это серьезно, очень серьезно!» Ее подслеповатые глаза ловили смущенный взгляд подруги. Крупская постоянно уходила от разговоров о бесцеремонном нахальстве Троцкого. Каплан порой теряла терпение. Что за странная индифферентность? Разве не долг жены разделять все трудности, свалившиеся на плечи мужа? Ну, роль «ночной кукушки» не задалась, но посоветовать и настоять, раскрыть ему вовремя глаза! Керенский еще прошлым летом спал и нежился в кровати императрицы. Троцкий сразу же облюбывал и захватил Архангельское, подмосковное имение князей Юсуповых. А что вытворяет Гриша Апфельбаум? А что позволяет себе Левушка Розенфельд? Да и Дзержинский, Дзержинский... о, это хитрейшая бестия!

Вчерашним вечером, за чаем, когда Володя, извинившись, ушел соснуть, Каплан вдруг заговорила о второй женитьбе Троцкого. В роли свата выступил жирный бегемот Парвус (Гельфанд). Нынешнему военному диктатору России он подыскал родственницу самого Якоба Шиффа. Это была женитьба стратегическая, ибо с тех пор Троцкого подталкивали в спину все «денежные мешки» Европы и Америки. А где деньги, золото, там жизнь человеческая ничего не стоит. Что говорить о бедном Володе, если бессовестные англича-

не отказались от Николая II и выдали его со всей семьей на усмотрение большевиков!

Необъяснимая тревога за Ленина заставила Каплан попроситься в поездку на завод Михельсона. Не сидеть же дома, высматривая в окошко! Они с Надюшей поедут с ним и вернутся все вместе.

У заводских ворот автомобиль ожидала огромная толпа. Двое мужчин в кожанках вскочили на подножки. Ворота растворились, машина въехала и скоро остановилась. Окруженный людьми, Ленин несколько раз оглянулся на жену. Ему было некогда. Надежда Константиновна пошла за ним, затем вернулась. Дора Каплан осталась сидеть в машине. Она смущенно улыбнулась Крупской. В тюрьме и ссылке Каплан жестоко застудила почки и мочевого пузыря. Унизительная зависимость от ватерклозета заставляла ее держаться особняком.

Вскоре, извинившись, она выбралась из машины и заковыляла к зданию заводоуправления. Надежда Константиновна снова задумалась о муже.

К заботам государственным у Ленина прибавлялись тревоги о младших сестрах. Все попытки Маняши выйти замуж оканчивались крахом. Ей грозила участь вековухи. Владимир Ильич недавно делал намеки Сталину, чудесному грузину. Сталин оскорбился. Впрочем, у Маняши стало что-то намечаться с Демьяном Бедным. Пусть гражданский брак – это по-современному, по Коллонтай. Поговаривают, что Де-

мьян чуть ли не внебрачный сын самого Александра III. Отсюда вроде бы и его настоящая фамилия – Прид воров...

Задумавшись, Надежда Константиновна не заметила, как автомашину окружила и затопила толпа рабочих из цеха. Люди были возбуждены, переталкивались, лезли к Ленину. Она увидела мужа без кепки, жестикулирующего очень оживленно. Он был счастлив. Следовательно, митинг удался.

Внезапно раздалось не очень громко, но отрывисто и сухо: «тах-тах». И Ленин сразу же утих, поник и стал медленно валиться с ног. Ошеломленная толпа взревела. Началась свалка.

В тот вечер, 30 августа, Крупская совсем забыла о подруге. Ревущий автомобиль, помертвевшее лицо мужа, кровь, больничные коридоры, испуганная суета врачей... Утром же она услышала и не поверила своим ушам: Каплан! Правда, не Дора, а какая-то Фанни. Но где же Дора? Странно, но за всю ночь она не дала о себе знать. На нее это так не похоже! Кого только не было с соболезнаваниями, только Дора словно в землю провалилась.

Все ее сомнения разрешил комендант Кремля матрос Мальков. Террористку доставили к нему в подвал. Это оказалась именно Дора. Матрос, не стесняясь, крыл ее последними словами. Крупская возмутилась. Дора чайной ложкой в вазочку не попадает, а тут – наган... стрельба... Что за чушь? Кто это придумал?

Мальков глянул на нее, как на пособницу, и с неприязнью

отошел.

– Разберутся! – грозно молвил он.

Крупская вознегодовала. Ну уж нет! Она добьется справедливости. Ей представилась подруга, беспомощная старуха, простуженная и полуслепая, в руках таких, как этот вот Мальков. Да они с ума все походили!

Она подняла трубку телефона и назвала номер Аванесова. Барышня на коммутаторе пискнула: «Доброе утро, Надежда Константиновна!» Они уже научились различать по голосам. Прежде Крупская здоровалась с телефонистками первой...

Аванесов, едва уразумев, в чем дело, испугался, заюлил и отказался дальше слушать. Он даже попробовал обидеться:

– Почему вы обращаетесь ко мне? Я что – решаю?

– Но она же у вас, в Кремле. Я это знаю от Малькова.

– Какая разница, послушайте? Какая разница?

Сердясь, расстраиваясь, она принялась названивать Дзержинскому. Уж кто-кто, но этот не станет прятаться за чью-то спину! Да и зачем прятаться? Что за нелепые прятки? Не ослепли же они все и прекрасно видят, что за террористка находится в их руках!

В отличие от увертливого Аванесова, председатель ВЧК выслушивал терпеливо, не перебил ни разу. Надежда Константиновна осведомлялась: «Вы меня слушаете?» Наконец она высказала все свои резоны и в ожидании умолкла. Ей казалось, что ее доказательства неотразимы.

Молчание в трубке было длительным, и эта глубокая ти-

шина лишний раз подчеркнула зловещее величие учреждения, куда отважилась обратиться жена подстреленного Ленина. Дзержинский, ничего не уточняя и не возражая, буднично обронил:

– Ну, сами должны понимать! – и положил трубку. Он держался так, словно разговаривал с сообщником. Крупская расстроено разглядывала трубку в своей руке. Про клятый телефон... как он им удобен!

Негодую, закипая справедливым возмущением, она еще не знала, что в эти самые минуты неистово стучал правительственный телеграф и в подвалах столичных и губернских «чрезвычайек» работали карательные маузеры. Только в Петрограде этой ночью было расстреляно более 500 заложников. «Красный террор» начался.

Не обращаясь более к телефону, Крупская своим тяжелым, грузным шагом направилась к Троцкому. Хватит притворяться и хитрить! Она хотела посмотреть ему в глаза. Пусть скажут наконец, пусть объяснят ей: что все это значит? Она имеет право знать!

Секретари Троцкого, Познанский и Сермуks, несказанно удивились, увидев жену Ленина в такой отчаянной решимости. Оба они сделали движение ее остановить или хотя бы задержать. Патрон был занят, он принимал делегацию московского духовенства. Крупская, глядя себе под ноги, целенаправленно прошла к двери и молча распахнула. С порога по ее большим глазам ударила необыкновенная странность

одеяний посетителей: черные клобуки на головах и черные, до самых пят, свободно ниспадавшие рясы. Все стояли и пятились к дверям от неистово вопившего хозяина кабинета. Всклокоченный Троцкий, сверкая своим пенсне, яростно грозил мотающимся пальцем:

– Вы жалуетесь на грабеж? Вы жалуетесь на голод? И вы осмелились прийти ко мне? Вот когда ваши жены станут жрать своих детей, тогда еще – пожалуйста. Тогда я вас выслушаю и, может быть, пойму. А до тех пор... Вон! Вон отсюда!..

Обескураженной толпой духовные прошествовали мимо Крупской. Ей пришлось отступить в сторонку. Она дождалась, пока проворный Сермуks, мимоходом глянув в кабинет, плотно прикрыл дверь.

Крупская знала, как часто любому человеку приходится скрывать свои подлинные чувства, которые порой бывают непродуманными, скороспелыми, случайными. Делается это для того, чтобы потом не изводить себя попреками: дескать, не сдержался... Бедная Дора Каплан уверяла, что сдержанность воспитанного человека измеряется глубиной «душевного сундука» – способностью спрятать и погасить в душе любое случайно созревшее чувство. У Троцкого такой «сундук» отсутствовал. Это его качество особенно лезло в глаза теперь, когда он всецело завладел армией Республики и спесиво объявлял, что р-революция не остановится в России и пронесет свои победные знамена по всей Планете. Поэто-

му еготак раздражала ленивая манера русских революционеров, удовлетворившихся захватом Зимнего с Кремлем и норовивших завалиться на бочок в своих границах на «одной шестой».

Быстро вспыхивая, Троцкий столь же быстро отходил, затихал.

Его недовольство вторжением Крупской проявилось в том, что он назвал ее «Надин» – на французский манер.

– Надин, вы не должны хлопотать за эту женщину. Нашли кого жалеть! Нет, нет, постойте, я сейчас вам все скажу. Что из того: не Фанни, а, скажем, Дора. Фанни, Франя... Дора, Цыля... Какая разница? Во-первых, ваше место возле мужа. Да, я так считаю. И – не я один, заметьте! Другое же, вернее, во-вторых... Вы помните, как мы еще в Париже однажды разговаривали о Наполеоне. Блистательный полководец, что и говорить! Но... дурак. Самый настоящий – вот что я вам скажу. Вы только представьте: сидел в Кремле... в К р е м – л е! И что же? А уж полячишки эти – все эти Сапеги, Мнишеки... п-хе! Забраться в Кремль, захватить – и вдруг сбежать. Но уж теперь – нет, нет... о, нет! И вы это увидите, Надин. Мы превратим эту страну в настоящую пустыню. – Троцкий стиснул сухонький кулачок и вздернул бородавку. – Этим русским, грязным и невежественным, приличней называться неграми, белыми неграми. Мы им дадим такую тиранию, какой они еще не знали. Да что они – такое не снилось даже самым страшным деспотиям на всем Востоке! И

это сделаем мы, мы, мы!

Весь остаток дня, первого дня погожей русской осени, Крупская с убитым видом просидела на скамеечке в глухом углу Александровского сада.

Мысли ее были невыносимо тяжелы. Кажется, она начинала догадываться о природе неукротимого возбуждения Троцкого. После столиц Европы, городов блестящих и счастливо оживленных, Москва выглядела безобразным табором угрюмо-озлобленного мужичья, грязного, вшивого, оголодавшего. Якир в конечном счете прав, решительно сокращая поголовье этого страшного в своей массе трефного народа. Цивилизация уже сейчас содрогается от напора с азиатских пространств православной России...

Неподалеку, за Охотным рядом, треснул выстрел. Крупская вздрогнула и беспомощно замигала, всматриваясь. Нет, снова тихо. Повозившись, она замерла в прежней безысходной позе. Она еще не знала, что бедной Доре оставалось жить меньше суток: завтрашним утром матрос Мальков волоком вытащит ее из кремлевского подвала, заведет мотор грузовика и на глазах дородного Демьяна Бедного, ковыряющего в зубах спичкой, всадит из маузера в комочек жалкой человеческой плоти у своих ног несколько пронизывающих навывлет пуль.

Тайна этого торопливого, бессудного расстрела канет навсегда в провал Истории...